

Terra
Scythica
международный симпозиум

RUSSISCHE AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
SIBIRISCHE ABTEILUNG
INSTITUT FÜR ARCHÄOLOGIE UND ETHNOGRAPHIE
DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
EURASIEN-ABTEILUNG

MINISTERIUM FÜR WISSENSCHAFT UND BILDUNG DER RUSSISCHEN FÖDERATION
STAATLICHE UNIVERSITÄT NOVOSIBIRSK

«TERRA SCYTHICA»

**Materialien des internationalen Symposiums «Terra Scythica»
(17.–23. August 2011, Denisov-Höhle, Altai)**

Verantwortliche Redakteure
Mitgl. Russ. Akad. *V. I. Molodin*
Prof. S. Hansen

Novosibirsk
Verlag des Instituts für Archäologie und Ethnographie der SA RAW
2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЕВРАЗИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

«TERRA SCYTHICA»

**Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»
(17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай)**

Ответственные редакторы
акад. *В.И. Молодин*
проф. *С. Хансен*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2011

УДК 902/904
ББК Т4(0)273
Т 355

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Р е д к о л л е г и я

канд. ист. наук *Е.С. Богданов*
проф. *А. Наглер*
канд. ист. наук *О.И. Новикова*
д-р ист. наук *Н.В. Полосьмак*
канд. ист. наук *И.Ю. Слюсаренко*
д-р ист. наук *М.В. Шуньков*

Международный симпозиум проведен в рамках тематического плана НИР Института археологии и этнографии СО РАН (разделы 1.5.09; 1.31.11) и при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-11-54501 г/м), федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракт № 14.740.11.0766), аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» на 2009–2011 гг. (проект РНП 2.2.1.1/13613) Минобрнауки, договора о сотрудничестве между Институтом археологии и этнографии СО РАН и Евразийским отделением Германского археологического института

Сборник издан при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-12002 ОФИ-М)

Статьи публикуются в авторской редакции

«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск:
Т 355 Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 408 с.

ISBN 978-5-7803-0214-8

Сборник включает статьи участников симпозиума «Terra Scythica», в которых рассматриваются различные аспекты существования и взаимодействия культур скифского времени на территории Евразии. В работах освещаются открытия, сделанные в последние десятилетия исследователями разных стран, опыт применения мультидисциплинарного подхода к анализу источников. На качественно новом уровне изучаются проблемы скифского искусства, происхождения и развития различных культур скифского мира, их периодизации и хронологии, а также контактов и миграций носителей этих культур.

Для археологов, историков и специалистов смежных научных дисциплин.

УДК 902/904
ББК Т4(0)273

ISBN 978-5-7803-0214-8

© Коллектив авторов, 2011
© ИАЭТ СО РАН, 2011

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Настоящее издание является неким творческим итогом прошедшего в августе 2011 года международного симпозиума «Terra Scythica» [Международный симпозиум..., 2011]. Инициаторами мероприятия явились Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск) и Евразийское отделение Германского археологического института (г. Берлин). Существенное содействие в проведении симпозиума оказали Новосибирский государственный университет и Российский гуманитарный научный фонд. Мероприятие прошло на базе стационара Института археологии и этнографии СО РАН «Денисова пещера» на Алтае.

Главной идеей было обсуждение новейших достижений в области скифологии, обмен мнениями по насущным проблемам истории и культуры скифо-сибирского мира, а также знакомство с археологическими памятниками Горного Алтая.

В работе симпозиума принимали участие специалисты из 11 стран Евразии: Болгарии, Венгрии, Германии, Казахстана, Китая, Кореи, Монголии, Польши, России, Украины, Японии, при этом практически все приглашенные участники лично представляли свои доклады и активно участвовали в дискуссиях.

Симпозиум был задуман нами как одно из мероприятий в системе научных контактов между Германским археологическим институтом и Институтом археологии и этнографии СО РАН.

Вообще же следует сказать, что наши научные связи имеют богатую историю, уходящую в те годы, когда археология в мире только формировалась как самостоятельная наука. Уместно напомнить, что руководителями первых академических экспедиций в Сибири, проводимых Российской академией наук, были такие замечательные немецкие исследователи-энциклопедисты, как Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Георги и др., сделавшие великолепные открытия, в том

числе в области археологии и этнографии. Достаточно указать хотя бы на то, что первая «История Сибири» была подготовлена именно академиком Миллером [1999–2005], первый том которой вышел в 1750 г. [Элерт, 2009, с. 364].

Огромный вклад в дело изучения археологии Южной Сибири внес академик В.В. Радлов, открывший в горах Алтая замечательную по своему колориту пазырыкскую культуру и первым соприкоснувшийся с захоронениями в мерзлоте [1989]. В.В. Радлов явился основоположником изучения тюркских языков [Селютина, Шайдуров, 2009, с. 749].

Очевидно, что деятельность немецких ученых, как и других выходцев из европейских стран, по изучению археологии Сибири XVIII–XIX вв. была чрезвычайно плодотворна. Справедливо замечание, что эта деятельность «во многом способствовала развитию археологической науки в России, а временами опережала уровень научных исследований в других российских регионах» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 186].

Важно отметить, что сложившаяся традиция активного участия немецких исследователей в изучении археологии Сибири продолжалась и в веке минувшем, несмотря на войны, революции и иные катаклизмы, прокатившиеся над Россией.

Несомненно выдающуюся роль в изучении культур палеометалла Средней Сибири внес наряду с С.А. Теплоуховым профессор Геро фон Мергарт [Kitova, 1998] – не только как блестящий исследователь-полевик, но и теоретик-интерпретатор, фундаментальные работы которого и сегодня не потеряли своего значения [Mergart, 1924, 1926].

После создания в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук СССР в Новосибирске и впоследствии Института истории, филологии и философии (ИИФиФ) в его составе центр по изучению сибирской археологии постепенно пе-



Участники симпозиума «Terra Skythica». Фото С.И. Зеленского.

Сверху вниз, слева направо: И.Ю. Слосаренко, Е.С. Богданов, К.В. Чугунов, Р. Краузе, Кан Ин Ук, Л.И. Слосаренко, С.А. Комиссаров, О. Накоинц, Я. Хохоровски, С.В. Махортых, Е.Ю. Панкеева, Е.А. Пустолякова, О.В. Ковалева, А.А. Тишкин, Л.Т. Яблонский, Т.А. Чикишева, Л.И. Иванчик, А. Наглер, В.И. Гуляев, П.И. Шульга, В.И. Соёнов, С. Хансен, В.И. Молодин, В.В. Бобров, Э. Иштванович, О.И. Навикова, Н.В. Полосьмак, Д.В. Черемисин, А.С. Суразаков, Д.Г. Савинов, А.П. Бородовский, А.И. Иванчик, Ван Вэй, А. Сэкия, Е.Л. Хейнц, В. Кульчар, О.Г. Клепикова.

ремещается в Академгородок. Основатель Института и его первый директор академик А.П. Окладников чрезвычайно много сделал для установления международных связей, в том числе и с германскими учеными. Следует особо отметить установление творческих контактов с профессором К. Йетмаром – видным исследователем археологии Азии, который в 1978 году по приглашению А.П. Окладникова посетил Институт, познакомился с коллекциями по Алтаю и Западной Сибири, установил деловые контакты с сотрудниками. Уже после смерти А.П. Окладникова Институт и Денисову пещеру, где в то время исследовались голоценовые культурные слои, посетил профессор Г. Мюллер-Карпе.

Все это послужило хорошей основой для установления более тесных научных контактов, кото-

рые стали формироваться в конце прошлого века между правопреемником ИИФиФ СОАН СССР Институтом археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН и Евразийским отделом Германского археологического института (DAI). В 1999 г. между этими учреждениями был заключен договор о сотрудничестве, подписанный директором ИАЭТ СО РАН академиком А.П. Деревянко и Президентом Германского археологического института профессором Г. Парцингером.

В основу соглашения изначально заложено несколько основополагающих принципов, которыми стороны строго руководствовались все эти годы. Главные из них заключаются в совместном полевом исследовании высокоинформативных археологических объектов на территории Северной и Центральной Азии; в подготовке и

осуществлении научных публикаций; в организации стажировки специалистов, включая молодых ученых и аспирантов в Германии и России, участие в полевых исследованиях ученых из России и Германии, в том числе молодых сотрудников, аспирантов и студентов; паритетное финансирование проекта; мультидисциплинарный подход к анализу и синтезу источников.

Первый этап работ (1999–2003 гг.) показал несомненную эффективность сотрудничества. Избранный для раскопок уникальный памятник Чича-1 в Барабинской лесостепи оказался в высшей степени содержательным. Были получены чрезвычайно значимые научные материалы, отличающиеся высокой степенью информативности. Кроме того, удалось подготовить и опубликовать несколько десятков обобщающих работ, в том числе в высокорейтинговых изданиях (см. напр.: [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 104–127; Molodin, Parzinger, Schneeweiß et al., 2002, с. 185–236], где были изданы и в первом чтении оценены полученные участниками проекта результаты. Весьма оперативно были подготовлены и изданы две коллективные монографии [Чича..., 2001, т. 1; 2004, т. 2], в которых аккумулирован основной полевой материал и выполнено определенное аналитическое осмысление.

С завершением пятилетнего срока проекта было очевидно, что коллективом осуществлен лишь первый этап работ и исследования нуждаются в активном продолжении. В связи с этим договор был пролонгирован еще на пятилетие. Краткие итоги этих работ были подведены в специальной статье, написанной руководителями проекта [Молодин, Парцингер, 2008, с. 398–403]. В настоящей работе мы коснемся лишь некоторых аспектов нашей совместной деятельности.

Одной из главных задач, стоящей перед исполнителями, было проведение аналитических исследований корпуса источников, полученных при раскопках Чичи, с привлечением специалистов-естественников как из России, так и из Германии. В результате подготовлен и издан третий том, куда вошли новейшие результаты изучения этого памятника. Специалистами различных научно-исследовательских учреждений и университетов наших стран, а также Франции и Великобритании, произведено радиоуглеродное датирование, что позволило разработать периодизацию памятника. Выполнен качественный

анализ бронзовых предметов, осуществлена реконструкция бронзолитейного, керамического и косторезного производства, определены остеологические и ихтиологические коллекции, выполнены антропологический и палеогенетический анализы, а также иного рода реконструкции [Чича..., 2009, т. 3]. Это издание получило положительную оценку коллег, опубликованную в центральном специализированном журнале России «Российская археология» [Матвеева, 2011].

Второй цикл реализации проекта позволил выйти на новый виток полевых исследований. Здесь прежде всего следует сказать о работах в Монголии. В рамках проекта было заключено трехстороннее соглашение с Институтом археологии Монгольской академии наук, направленное на поиски и исследование погребальных комплексов пазырыкской культуры с мерзлотой. В результате в 2004 г. была успешно проведена целенаправленная разведка, имеющая целью поиск таких памятников в северо-западной части Монголии [Молодин, Цэвээндорж, Мыльников и др., 2004, с. 365–371].

В 2005 г. благодаря сотрудничеству с Институтом нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН под руководством его директора академика М.И. Эпова был проведен геофизический мониторинг открытых в 2004 г. объектов с целью обнаружения мерзлотных аномалий [Эпов, Молодин, Манштейн и др., 2005, с. 503–506]. Наконец, в 2006 г. была организована и успешно проведена совместная Российско-Германско-Монгольская экспедиция, которая дала блестящие результаты. Особенно яркий комплекс был раскопан на памятнике Олон-Курин-Гол-10, содержащий непо потревоженное захоронение пазырыкской культуры с мерзлотой, благодаря чему до нас дошли великолепные высокохудожественные материалы из дерева, тканей, войлока и т.д. [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж и др., 2006, с. 428–433; Молодин, Парцингер, 2007, с. 58–71; Parzinger, Molodin, Ceveendorž, 2008].

Следующим направлением полевых исследований явилось проведение совместных раскопок на могильнике эпохи развитой бронзы Тартас-1, расположенном в лесостепном обь-иртышском междуречье. Памятник представляет собой грунтовый могильник. Его геофизический мониторинг показал, что некрополь занимает весьма значительную площадь и насчитывает не менее

тысячи объектов [Молодин, Чемякина, Дядьков и др., 2004, с. 372–377]. Основной массив захоронений связан с кротовской культурой, ее классическим и поздним этапами. Здесь же отмечены захоронения андроновской (федоровской) культуры, а также погребения, оставленные популяциями, образовавшимися в результате взаимодействия вышеотмеченных культурных образований. Данное обстоятельство представляет чрезвычайный научный интерес с точки зрения как культурных, так и этнических процессов, происходивших в регионе в период развитой бронзы. Кроме того, на памятнике обнаружены захоронения и других хронологических периодов, а также остатки ритуальных комплексов.

В результате за означенный период на памятнике исследовано около 500 погребальных и 1 ритуальный комплекс, состоящий из двух крупных построек и серии культурных ям [Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2004, с. 365–371; 2007, с. 329–333; Молодин, Хансен, Мильникова и др., 2010].

Говоря о совместных исследованиях, следует отметить, что сотрудники ИАЭТ СО РАН принимали участие в работах по другим сибирским проектам Германского археологического института, в частности, в исследованиях на памятнике Аржан-2 в Туве и Барсучий Лог в Хакасии.

Полевые исследования всегда сопровождались аналитической работой, которая сводилась к составлению полевых отчетов, написанию статей, подготовке совместных монографий. Так, в настоящее время завершена работа над коллективным трудом по памятнику Олон-Курин-Гол-10, издание монографии планируется выполнить в Германии, России и Монголии.

Второй этап совместных работ был ознаменован проведением крупной международной выставки в Германии «Под знаком золотого грифона». Участники проекта с обеих сторон внесли весомый вклад в его реализацию. В экспозиции материалам пазырыкской культуры был отведен особый зал, в котором наряду с уникальными экспонатами была выставлена мужская мумия с плато Укок. Сотрудники Института приняли участие в работе одноименного конгресса, приуроченного к открытию выставки, с заказными докладами, опубликованными в специальных изданиях [Molodin, Parzinger, Ceveendorž, 2007, S. 23–24; Polosmak, Molodin, 2007, S. 140–147; Molodin, Parzinger, Ceveendorž, 2007, S. 148–155].

Кроме того, руководители проекта приняли участие в семинаре по организации фонда для финансирования российско-германских проектов по археологии в Германии, на котором выступили с программными докладами.

В рамках проекта проведена существенная работа по подготовке научных кадров. Большое влияние на формирование профессиональных навыков молодых исследователей Института археологии и этнографии СО РАН оказали специальные стажировки в DAI, проводимые на средства германской стороны. Свыше десяти молодых ученых, преимущественно непосредственных участников проекта, имели возможность поработать в прекрасных библиотеках DAI, познакомиться с обширными археологическими и этнографическими коллекциями германских музеев и университетов.

Вместе с тем в полевых исследованиях совместной экспедиции регулярно принимали участие молодые специалисты из Германии, аспиранты и студенты немецких университетов. Это не только обогащало обе стороны в области совершенствования полевой методики, но и способствовало установлению дружеских рабочих контактов, которые так полезны в будущем не только молодежи, но и уже сформировавшимся ученым.

Следует отметить и стажировки германских реставраторов в ИАЭТ СО РАН, где работают первоклассные специалисты по реставрации дерева, тканей и войлока. Таким образом, налицо существенные научные результаты, полученные благодаря реализации второго этапа совместно проекта.

В настоящее время вступил в действие третий этап нашего совместного проекта. Кроме уже означенных выше направлений, может быть, особое место в его пятилетнем цикле занимают совместные научные мероприятия – семинары, симпозиумы, конференции. В этой связи хотелось бы особо отметить российско-германский симпозиум, проведенный в июне 2009 г. в Марбурге на базе Марбургского университета им. Филиппа при участии DAI и Института археологии и этнографии СО РАН. Он был посвящен выдающемуся археологу профессору Г. фон Мергарту [Merhart, 2010] и имел широкий научный и общественный резонанс.

Международный симпозиум «Terra Scythica» относится к числу таких мероприятий, а данный том научных трудов – один из главных итогов, ко-

торый мы как соруководители имеем честь представить перед тобой, дорогой коллега.

В заключение нашей вступительной статьи хотелось бы еще раз подчеркнуть, что лишь совместными усилиями можно не только добиться принципиально значимых научных успехов, но и крепить и преумножать дружбу и сотрудничество между народами.

Список литературы

- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. – 270 с.
- Матвеева Н.П.** [Рецензия] // РА. – 2011. – № 2. – С. 173–177. – Рец. на кн.: Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / отв. ред. В.И. Молодин, Г. Парцингер: в 3 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1; 2004. – Т. 2; 2009. – Т. 3.
- Международный симпозиум «Terra Scythica»:** тез. докл. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 92 с.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. – М.: Наука, 1999–2005. – Т. 1–3.
- Молодин В.И., Парцингер Г.** Ледяной воин Алтая // National Geographic Россия. – 2007. – № 6. – С. 58–71.
- Молодин В.И., Парцингер Г.** Итоги второго цикла работ совместного Российско-германского проекта Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института (2004–2008 годы) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 398–403.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Беккер Г., Фасбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В.** Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 104–127.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пицонка Х., Казакова Е.А.** Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 329–333.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пицонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г.** Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 358–364.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баярсайхан М., Батлеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пицонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г.** Мультидисциплинарные исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 428–433.
- Молодин В.И., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Баярсайхан М., Овчаренко А.П.** В поисках пазырыкских комплексов на северо-западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 365–371.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А.** Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 372–377.
- Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.А., Ковыришина Ю.А., Нестерова М.С.** Тартас-1 – открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 262–266.
- Радлов В.В.** Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- Селютина И.Я., Шайдуров В.Н.** Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. II. – С. 749.
- Чича** – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, Н.С. Ефремова, М.А. Чемякина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Г. Беккер, Й. Фасбиндер, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 1).
- Чича** – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.И. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 4).
- Чича** – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, С.К. Кривоногов и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.
- Элерт А.Х.** Миллер (Müller) Герард Фридрих (Федор Иванович) // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Издат. дом. «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. II. – С. 364–365.
- Эпов А.Х., Молодин В.И., Манштейн А.К., Балков Е.В., Чемякина М.А., Шурина Э.П., Ковбасов К.В.** Геофи-

- зические исследования археологических памятников в Северо-Западной Монголии в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. IX, ч. 1. – С. 503–506.
- Gero von Merhart:** ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1926 // Deutsch-Russisches Symposium, 4–7 Juni 2009, Marburg. – Marburg, 2010. – 150 S. – (Kleine Schriften aus dem Vorgesichtlichen Seminar Marburg; H. 59).
- Kitova L.** Gero von Merhart und die Archäologie Sibiriens in den 20 Jahren // Eurasia Antiqua. – Mainz: Philipp von Zabern, 1998. – Bd. 4. – S. 483–488.
- Merhart G.** Neuere Literatur über die Steinzeit Sibiriens // Wiener Prähistorische Zeitschrift. – 1924. – N 11. – S. 139–148.
- Merhart G.** Die Bronzezeit am Enissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. – Wien: Verlag von Anton Schroll, 1926.
- Molodin V.I., Parzinger H., Ceveendorž D.** Das Kriegergrab Olon-Kurin-Gol // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. – München; Berlin; L.; N.Y.: Prestel, 2007. – S. 148–155.
- Molodin V.I., Parzinger H., Ceveendorž D.** Das Skythenzeitliche Kriegergrab von Olon-Kurin-Gol // Der Skythen-Kongress «Reiternomadische Eliten der eurasischen Steppe». – Berlin, 2007. – S. 23–24.
- Molodin V.I., Parzinger H., Schneeweiß J., Garkuša J.N., Grišin A.E., Novikova O.I., Efremova N.S., Maršenko Z.V., Čemiakina M.A., Mylnikova L.N., Becker H., Fassbinder J.** Čiča – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze – zur Früheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe. Vorbericht der Kampagnen 1999–2001 // Eurasia Antiqua. – Mainz: Philipp von Zabern, 2002. – Bd. 8. – S. 185–236.
- Parzinger H., Molodin V.I., Ceveendorž D.** Der Skythenzeitliche Krieger aus dem Eis: Neue Entdeckungen im Mongolischen Altai // Dertigste Kroon – Voordracht. – Amsterdam: Joh. Enschede Amsterdam BV, 2008. – 66 S.
- Polosmak N.V., Molodin V.I.** Die Denkmäler auf dem Ukok Plateau // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. – München; Berlin; L.; N.Y.: Prestel, 2007. – S. 140–147.

*Соруководители симпозиума
академик В. Молодин,
профессор С. Хансен*

В.В. Бобров

*Институт экологии человека СО РАН
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

ТАГАРСКАЯ КУЛЬТУРА В СЕВЕРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В археологии Евразии тагарская культура занимает исключительное место. Во-первых, с раскопок тагарского кургана начинается история научного исследования сибирских древностей. Во-вторых, именно с тагарской культурой связано такое количество материалов, какого не дала ни одна культура в пределах евразийского пространства. Наконец, эти материалы стали украшением многих музеев Старого и Нового Света. Историография исследования тагарской культуры свидетельствует о достаточно высокой степени ее изученности. Однако ряд проблем остается актуальным до настоящего времени. В частности, одной из них является специфика культуры и культурно-исторических процессов на северной окраине ее ареала.

В пределах данной территории географически выделяют несколько относительно изолированных районов: Мариинская лесостепь, Назаровская и Чулымо-Енисейская котловины, Красноярская лесостепь (рис. 1). Уровень изученности каждого из этих районов различен. Так, в Мариинской лесостепи он наиболее близок минусинскому. Первые раскопки тагарских курганов в данном районе относятся к концу XIX в. и связаны с именами С.К. Кузнецова (Лысая Гора у слияния рек Яя и Золотой Китат) и Г.О. Оссовского (пос. Тисуль). Но более масштабные исследования начались только во второй половине XX в. А.И. Мартынов, начиная с 1957 г., систематически проводил разведки и раскопки памятников в Мариинской лесостепи до 1976 г. В основу составленной

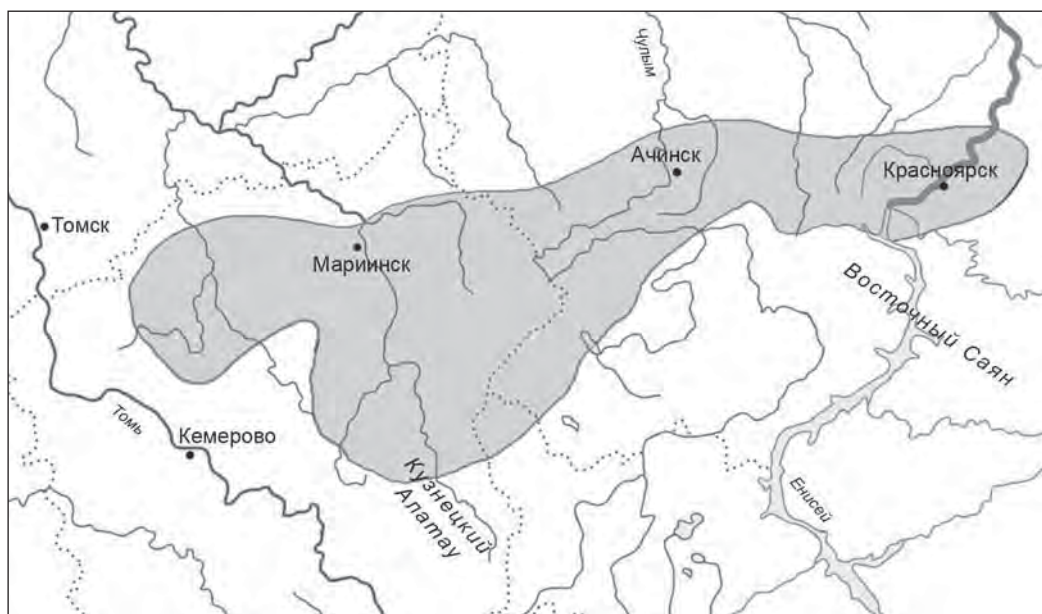


Рис. 1. Ареал лесостепного варианта тагарской культуры.

им карты археологических памятников скифского времени этой территории легли собственные исследования и материалы И.А. Талицкой (1953). А.И. Мартыновым были раскопаны такие крупные тагарские некрополи, как Кондрашка, Серебряково, Ягуня, Некрасово, Утинка, Б-Пичугино, Тисуль (ПМК) в Тисульском районе, Шестаково в Чебулинском районе Кемеровской области. С начала 70-х годов в исследование памятников скифского и гунно-сарматского времени Мариинской лесостепи включились сотрудники созданной А.И. Мартыновым лаборатории, а затем и кафедры археологии В.В. Бобров (1979, 1980), А.М. Кулемзин, Г.С. Мартынова, М.Б. Абсалямов. В эти годы были начаты исследования тагарских поселений на оз. Утинка, у с. Шестаково и пос. Тисуль (Циркин, Абсалямов). После завершения раскопок В.В. Бобровым в 1985 г. поселения на берегу Тамбарского водохранилища, которое наряду с материалами развитой и поздней бронзы содержало комплекс тагарской керамики и бронзовых предметов, исследований памятников скифского времени в Мариинской лесостепи больше не проводилось.

Изучение тагарской культуры в пределах Назаровской котловины также начинается в конце XIX в. Д.А. Клеменц провел разведку и раскопки курганов в бассейне р. Чулым, осуществил сбор тагарских бронзовых предметов, а П.С. Проскуряков исследовал Айдашенскую пещеру и осуществил раскопки двух курганов в ее окрестностях. Спустя многие десятилетия этот район вновь привлек внимание специалистов. В конце 50-х годов прошлого столетия в северных предгорьях Кузнецкого Алатау проводила исследования Н.Л. Членова, которая провела раскопки поселения Обьюл I и кургана могильника Обьюл II, а в 1969–1970 гг. А.И. Мартынов осуществлял разведку с целью выяснения границ распространения земляных курганов. В 1975 г. Д.Г. Савинов практически повторил маршрут Н.Л. Членовой, уточнив расположение тагарского могильника недалеко от оз. Инголь (Обьюл II). Планомерные полевые работы на территории Назаровской котловины начались только с 1977 г. в связи с промышленным освоением бурых углей и созданием Канско-Ачинского теплоэнергетического комплекса. Здесь работали две экспедиции – Ленинградского отделения Института археологии (нач. Г.А. Максименков, затем Э.Б. Вадецкая) и Кемеровского государственного университе-

та (нач. А.И. Мартынов). В зоне первой очереди строительства КАТЭКа были раскопаны тагарские некрополи и одиночные курганы – Березовский, Ашпыл, Ионов Мыс, Балалык I, V, Кадатское поле, Шарыпово, Кадат, Береш. С 1986 г. раскопки были практически прекращены, только А.В. Субботин и С.В. Красниенко в соответствии с программой паспортизации археологических памятников на территории Шарыповского района Красноярского края продолжали работы.

Несколько иная историографическая картина сложилась в изучении памятников раннего железного века на территории Красноярской лесостепи. По данным А.И. Мартынова здесь раскопано всего 19 курганов и в основном их исследования связаны с концом XIX – началом XX вв. [1979, с. 8]. Первые раскопки курганов в окрестностях Торгашино, Солонечной, Карымской и Ладейской провел П.С. Проскуряков. Позже В.Н. Анучин исследовал курганы у с. Сухобузимского, а А.В. Адрианов около с. Частоостровского. В окрестностях г. Красноярска проводил полевые работы Н. Урусов (сведения по А.И. Мартынову). Существенный вклад в изучение скифского времени Красноярской лесостепи внесли исследования В.Г. Кравцовым Ладейского и Ермолаевского городищ, Есаульского и Усть-Собакинского поселений [1929]. Спустя почти 30 лет, в 1956 г., Р.В. Николаев раскопал тагарские курганы у сел. Коркино и Емельяново, а также опубликовал Есаульский клад [1963, с. 93–101; 1961, с. 280–284]. Практически эти работы завершили изучение тагарской культуры в достаточно своеобразном, контактном с таежной зоной районе.

Что же касается Чулымо-Енисейской котловины, то тагарские памятники на этой территории исследованы преимущественно в южных ее районах за пределами Солгонского края. По всем признакам эти погребальные памятники идентичны степным или минусинским.

Краткий историографический очерк позволяет сделать вывод о том, что тагарская культура в северной лесостепи исследована неравномерно. Особенно слабо изучен пояс лесостепи между Енисеем, Чулымом и Назаровской котловиной. Но отсюда происходит большая часть кладов (Косогольский, Торгашенский, Есаульский, Новопятницкий). Значительно выше уровень изученности памятников скифского времени в Мариинской лесостепи и в приграничных с ней районах Назаровской котловины. В це-

лом на рассматриваемой территории, по данным А.И. Мартынова на период до конца 70-х годов, насчитывалось более 1300 курганов, в том числе в составе 202 могильников. Паспортизация археологических памятников Шарыповского района позволила увеличить их количество. Кроме курганов в северной лесостепи известны десятки тагарских поселений и около 3 000 случайных находок, большая часть которых относится к раннему железному веку [Мартынов, 1979, с. 4, 9]. Таким образом, представленная в специальной литературе характеристика «лесостепной тагарской культуры» в большей степени основана на материалах западной периферии ее ареала. С историографической точки зрения небезынтересен тот факт, что в восточных районах лесостепи активные исследования памятников скифского времени не ведутся уже полвека, а в западных четверть века.

В историографии лесостепного тагара выделены 3 этапа развития этой культуры: Большепичугинский (VI–V вв. до н.э.), Тисульский (V–IV вв. до н.э.), Назаровский (III в. до н.э.). Шестаковский этап относят к культуре послетагарского времени (II–I вв. до н.э.) [Мартынов, 1979; Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971]. Э.Б. Вадецкая, сторонник концепции М.П. Грязнова о развитии тагарской культуры, относит памятники Назаровской котловины к четырем этапам (1986, с. 102, 106, 115–116, 124). Не касаясь проблемы культурной принадлежности баиновского этапа и принадлежности к нему двух курганов могильника Ашпыл, априори отметим, что освоение тагарцами западных районов лесостепи началось не ранее VI в. до н.э. Памятников этого времени здесь известно пока не более семи. Что же касается Красноярской лесостепи, то этот процесс на данной территории начался еще позже. В данном случае надо иметь в виду собственно присутствие тагарцев в восточных районах лесостепи, а не последствия их влияния на культуру аборигенного населения.

Лесостепной вариант культуры наиболее отчетливо представлен могильниками (Кондрашка, Тисуль, Серебряково, Ягуня и др.) и поселениями (Утинка, Третьяково, Тисуль). Тагарский некрополь состоял из 5–20 курганов диаметром от 15 до 40 м. В юго-восточных районах Назаровской котловины могильник включает до 80 курганов. Первоначально курган представлял собой сакрализованное пространство, огороженное стенкой

из дерна (Мариинская лесостепь) или каменной оградки без угловых и простеночных камней (Назаровская котловина и Красноярская лесостепь). Внутри по центру сооружали могилу. Если их было 2–3 и более, то их размещали в ряд, реже по окружности. Поселений известно немного, тем не менее можно выделить стационарные поселки и временные стоянки.

Для раннего этапа (конец VI–V вв. до н.э.) характерны небольшие курганы, как сооруженные из дерна (Б-Пичугино, Ягуня), так и с каменной оградой, угловыми и простеночными камнями (Ашпыл), которые содержали одну прямоугольную грунтовую могилу, иногда с внутренним срубом и бревенчатым перекрытием. В ней погребены 1 или 2 человека по обряду ингумации на спине (рис. 2). Преимущественно по количеству погребенных и метрическим данным кургана к этому этапу специалисты относят погребения могильников Б-Пичугино, Изыкчуль [Членова, 1964, с. 119–126], 33 могилы некрополя Ашпыл, 5 курганов могильника Ужур, частично раскопанные могильники Обьюл III, Орак и Орак III [Мартынов, 1979, с. 74; Вадецкая, 1986, с. 102, 106]. Кроме типичных черт могильное сооружение могло иметь покрытие из бревен и каменных плит или только одних плит (Назаровская котловина). Возможно, разновидностью этого строительного приема или самостоятельный вариант представляет каменная кладка по периметру могилы (Ягуня, кург. 4, 10, 14) [Мартынов, 1973, с. 31, 56, 86]. Сопроводительный инвентарь представлен одним или двумя сосудами, которые ставили около головы погребенного, и кусками мяса барана (лопатка и кости ноги), положенными в ногах погребенного. Реже в могиле находились кости коровы и лошади. Особенностью раннетагарского обряда является незначительное количество предметов из бронзы и других материалов.

Для этого этапа характерны крупные баночные сосуды открытой и закрытой формы, без орнамента, так называемые плоски, сделанные из придонной части сосудов. В Мариинской лесостепи нет ни одного сосуда, на котором нет не только сохранения орнаментальной традиции предшествующего времени, но и каннелюр в зоне венчика, типичных для раннетагарской посуды минусинских степей (рис. 3, 1–4). В Назаровской котловине исключение этому факту составляет посуда из ранних погребений мо-

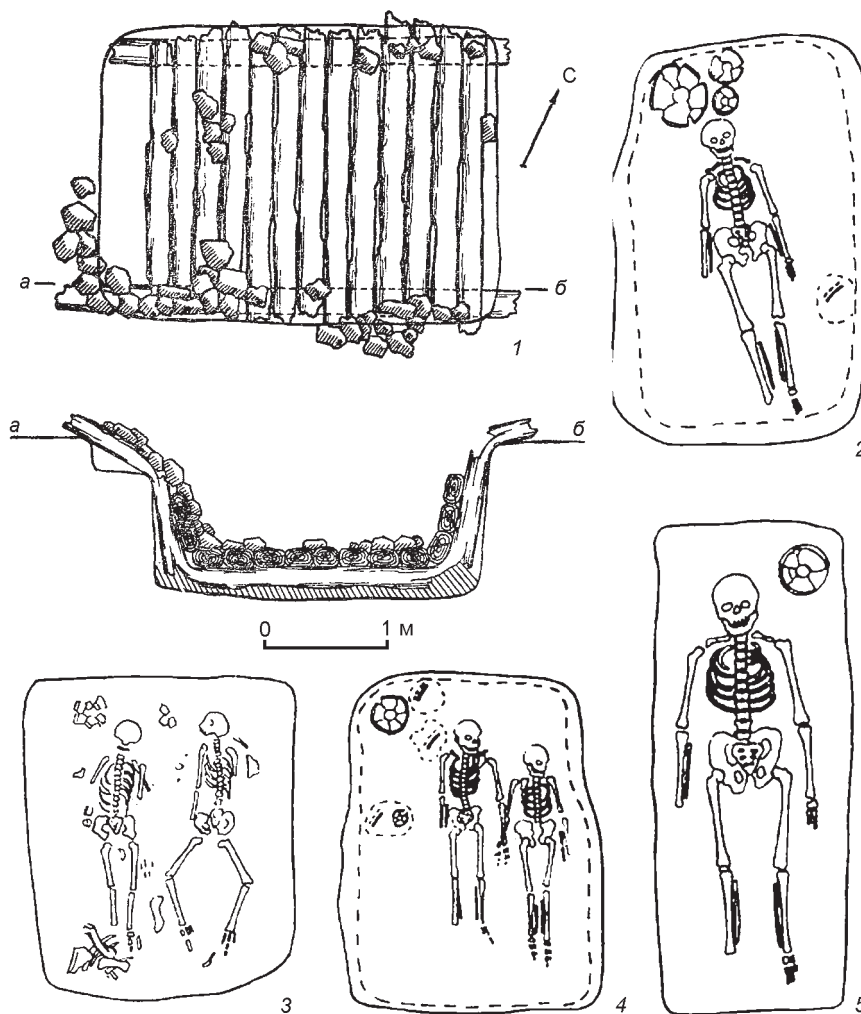


Рис. 2. Планы погребений большепичугинского этапа.

1 – план и профиль перекрытия могильной ямы в курге 14 могильника Ягуня; 2, 4, 5 – Большепичугинский могильник; 3 – Ягуня (по: [Мартынов, 1979]).

гильника Ашпыл [Вадецкая, 1983, с. 51; Гультов, 1983, с. 60]. К редким, но типичным находкам в погребальных памятниках раннего этапа тагарской культуры относятся топоры и кельты [Мартынов, 1973, с. 188; Гультов, 1983, с. 59], бронзовые чеканы с граненым обушком, дугообразнообушковые ножи, двухлопастные втульчатые наконечники, крупные «зеркала», почти полноразмерные кинжалы, бляхи с изображением свернутой в кольцо пантеры. Среди уникальных находок можно назвать вток-секиру из могильника Ашпыл [Гультов, 1983, с. 59].

Таким образом, уже на раннем этапе можно выделить некоторые типологические признаки, отличающие погребальные памятники периферии и метрополии тагарской культуры.

Развитый этап культуры (V–IV вв. до н.э. – по А.И. Мартынову) характеризуют курганы средних размеров (25–30 м и 1–1,5 м) с 2–3 квадратными могилами, как правило, расположенными в ряд по линии СЗ – ЮВ или ЮЗ – СВ. Размеры их от 3 до 4 м, глубина от 1,5 до 2 м. Могилы были перекрыты бревнами в два-три наката, сверху выстланных берестой, и содержали до 10 и более погребенных. Наряду с этим вариантом достаточно широко было распространено внутримогильное сооружение в виде сруба, иногда с частоколом и деревянным полом – Балалык I, III [Пшеницина, Поляков, 1980, с. 228–229], Кадатское поле, Шарыпово [Кириллов Е.Л., 1983, с. 61], Коркино [Николаев, 1963, с. 96], Ягуня [Мартынов, 1973, с. 149]. В могильнике Ягуня, кург. 19,



Рис. 3. Сосуды лесостепного варианта тагарской культуры.
1–4 – большепичугинский этап; 5–13 – тисульский этап; 14–20 – назаровский этап.

мог 1. зафиксированы остатки необычного перекрытия, которое представляло собой пирамиду из наклонно поставленных бревен. В южном углу могилы был сделан вход. А в кург. 4 того же памятника подобная пирамида была сооружена из жердей над бревенчатым перекрытием и по виду скорее всего напоминала стропила [Мартынов, 1973, с. 146, 152]. Довольно часто перекрытия

несут следы разной степени сожжения. Обряд погребения сохранялся тот же. Умерших хоронили в вытянутом положении на спине, укладывая в ряд головой к стенке (рис. 4). Иногда делали второй ряд у противоположной стенки. Зафиксированы случаи, когда разложившиеся остатки погребенных сдвигали в угол могилы, а на их место хоронили других умерших.

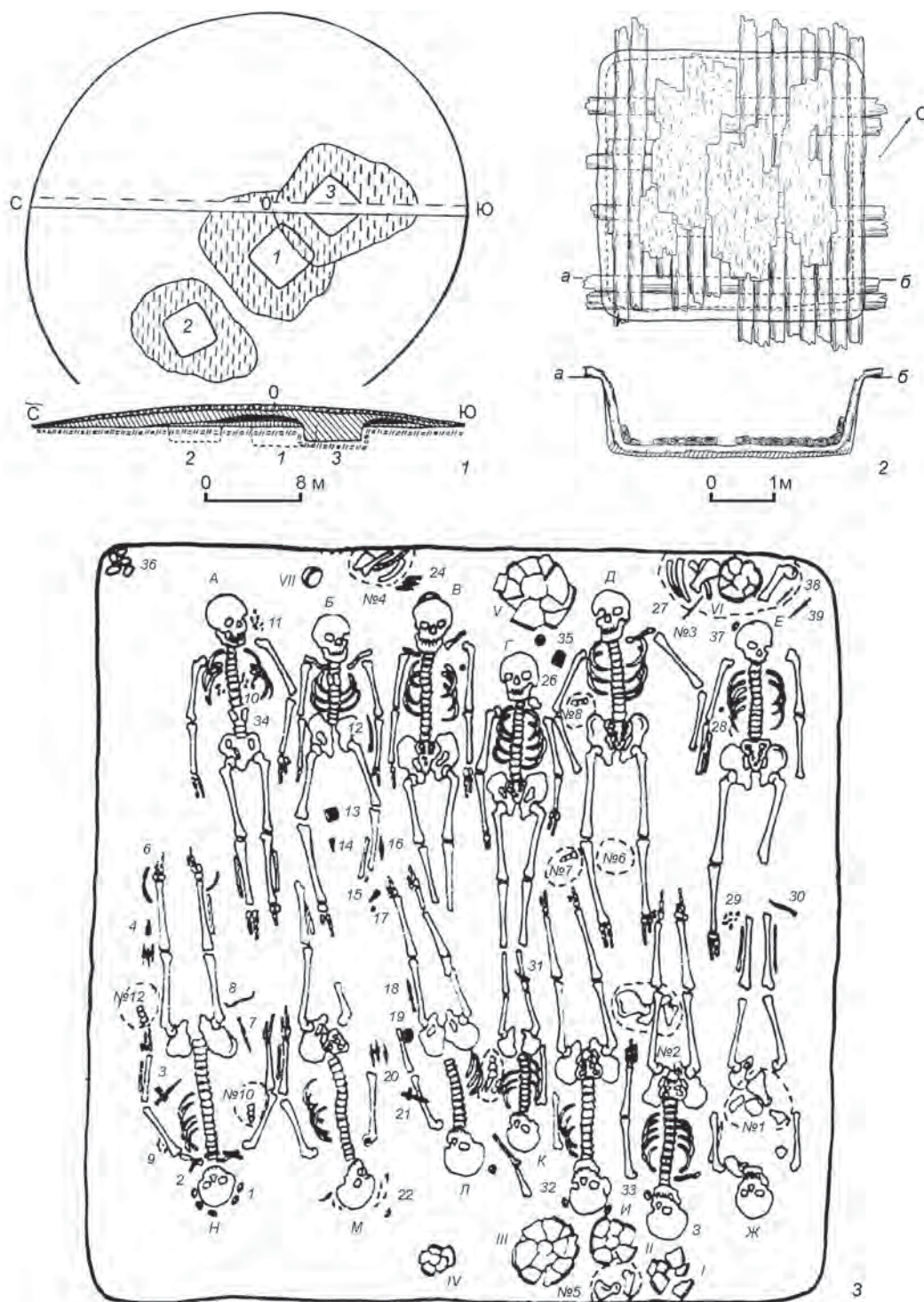


Рис. 4. Планы погребений тисульского этапа. Курганный могильник Ягуня.
 1 – план и профиль кург. 12; 2 – план и профиль перекрытия мог. ямы 1 кург. 12; 3 – мог. 1 кург. 12 (по: [Мартынов, 1973]).

Несмотря на значительное количество захоронений в одной могиле, сопроводительный инвентарь индивидуальный и соответствует половой принадлежности умерших. Как следствие, вещей

очень много – от нескольких десятков до сотен. Обращает на себя внимание то, что преимущественно они представлены оружием уменьшенных форм (костяные и бронзовые наконечники стрел,

чеканы с втоком, редко кинжалы). Одной из особенностей лесостепного тагара является то, что обушок чекана редко декорировали в зверином стиле (рис. 5, 1–6). Украшения вряд ли можно отнести к сопроводительному инвентарю, так как они обычно связаны с отделкой одежды, головных уборов, возможно прически, изделий из органических материалов. Среди украшений особо выделим оленные бляшки (рис. 6, 1–9), зеркала, некоторые экземпляры которых орнаментированные, биконические бронзовые бусы, сферические бляшки, пластинчатые и проволочные диадемы или гривны, имитация раковин каури. Достаточно часто в погребениях встречаются предметы

культы: колоколовидные навершия со скульптурными изображениями животных (рис. 6, 11–16), «штандарты», также иногда декорированные фигурками козлов (рис. 6, 10–12). Возможно, к этой группе относятся так называемые предметы неизвестного назначения. Необходимо отметить, что орудия труда на данном этапе развития культуры в могилу не клали. К производственному назначению можно только отнести типологически разнообразные ножи, проколки и иглы. С этим периодом связано незначительное количество предметов, декорированных в зверином стиле. Все предметы, найденные в погребениях лесостепи, за редким исключением типологичес-



Рис. 5. Оружие и украшения из тагарских курганов.
1–6 – чеканы; 7 – бусы (паста), Балалык I; 8 – бусы (сердолик), Шестаково I.



Рис. 6. Бронзовые предметы из тагарских курганов Мариинской лесостепи.
1–9 – олениные бляшки; 10–12 – штандарты; 13–16 – колоколовидные навершия.

ки идентичны материальной культуре тагарцев, обитавших в центральных районах ареала.

Морфологически разнообразна керамическая посуда данного этапа развития тагарской культуры. Только в погребальных памятниках из зоны КАТЭКа найдено около 1 000 сосудов. Морфологически посуда очень разнообразна. Коллекцию составляют баночные и горшковидные сосуды,

включающие несколько вариантов по пропорциям и степени выпуклости тулова, кружки, сосуды со сливом, плошки. Уникальными являются сосуды цилиндрической формы, приземистые сосуды с валиком в зоне наибольшего диаметра (см. рис. 3, 5–13).

На данном этапе характерные отличительные черты лесостепного варианта в большей степени

связаны с конструктивными особенностями кургана и могильных сооружений. В материальной культуре они менее выразительные. К ним относятся «штан-дарты», разнообразие вариантов предметов неизвестного назначения, сосуды со сливом и кружки.

На заключительном этапе развития тагарской культуры в северной лесостепи (III–II вв. до н.э.) появляются одиночные или обособленно расположенные в составе некрополя курганы. Для погребальной практики населения характерны курганы диаметром 30–40 м и высотой от 1,5 м, которые содержат 1–3 большие по площади могилы до 6 и более метров. Могилы перекрыты бревнами в 3 наката и покрыты берестой. Погребальные камеры обожжены. В таких могилах многоярусные захоронения, иногда в несколько ярусов. В них захоронено до сотни и более умерших, в некоторых случаях по обряду кремации (рис. 7). Такие могилы являлись склепами конкретной структуры тагарского общества.

Сопроводительный инвентарь по назначению и категориям идентичный предшествующему времени, но появляются вотивные формы. Наблюдаются и изменения типологического характера. Так, редки ножи с трапециевидным оформлением рукоятки, но широкое распространение получили прямые ножи с округлой рукояткой. Большая часть миниатюрных кинжалов имела гладкую, овальную в сечении рукоять. Характерными для данного этапа являлись бусы из сердолика и халцедона, инкрустированные белой пастой (см. рис. 5, 8). Появляются чеканы с укороченной втулкой и круглым в сечении обушком, проушные чеканы, змеевидной формы предметы неизвестного назначения, строенные бляшки. С этим хронологическим периодом связаны орнаментированные зеркала. Более массовый характер приобретали сосуды со сливом, но меньших размеров, и кружки. Типичны для этого этапа сосуды с роговидными ручками, котловидные, на поддоне, миски с округлым дном и с таким же дном своеобразные сосуды. У них узкое горло,

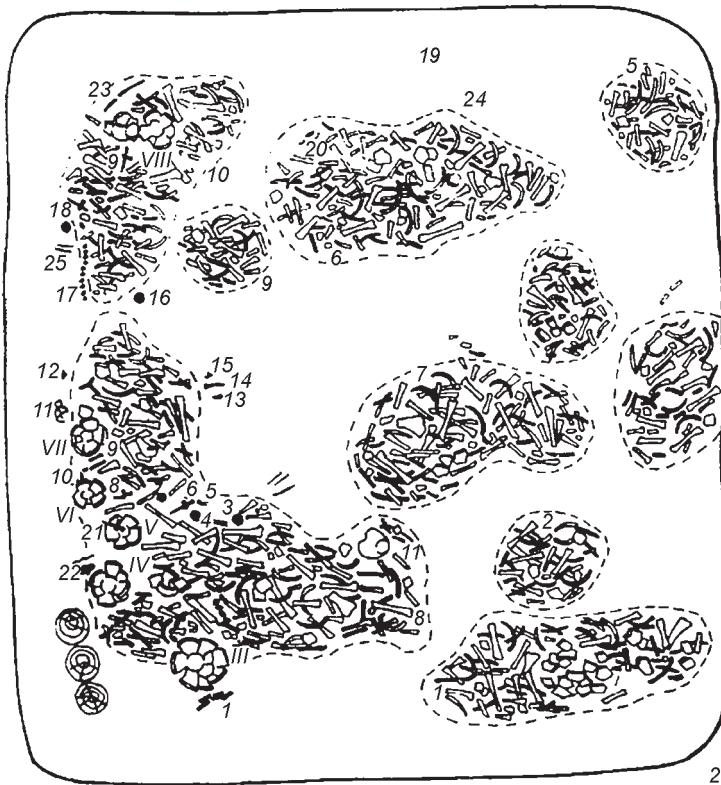
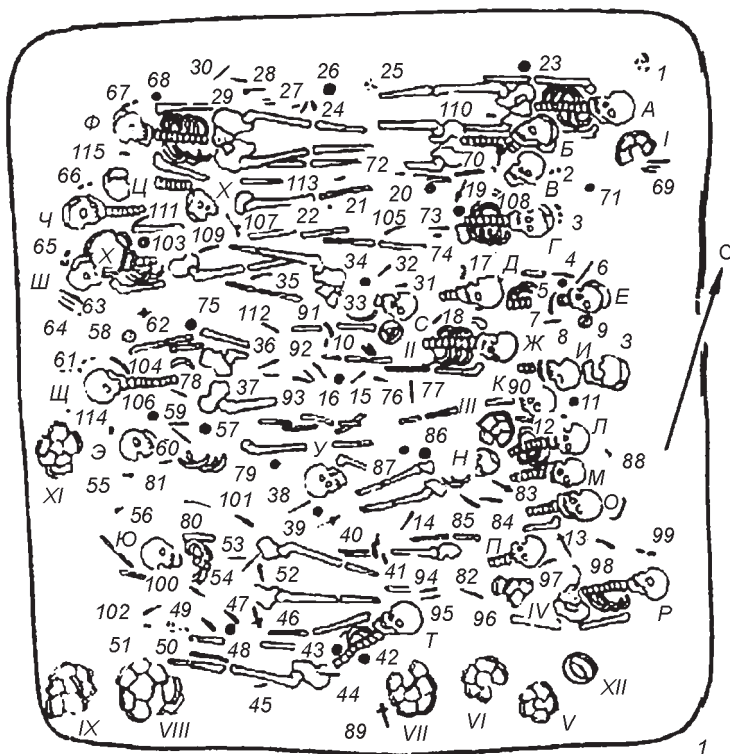


Рис. 7. Планы погребений назаровского этапа. 1 – кург. 14, Тисуль I; 2 – кург. 23, Ягуня (по: [Маргынов, 1973]).

а наибольший диаметр расположен практически у придонной части (см. рис. 3, 14–20). Следует отметить относительное распространение орнамента на посуде, который в большей степени соответствует керамике васюганского этапа кулайской культуры. В западно-сибирской археологии отмечено, что начало продвижения кулайского населения на юг относится к III в. до н.э. [Троицкая, 1979].

Что же касается поселений, то по современным оценкам их значительно больше в лесостепи. По данным 80-х годов А.И. Мартынова и М.Б. Абсалямова было известно 92 поселения и 8 городищ на всей территории ареала культуры. До сих пор нет ни одного поселенческого комплекса, исследованного полностью, а на единичных памятниках вскрыта относительно значительная площадь. Соответственно, дифференцировать поселения в рамках периодизации тагарской культуры не представляется возможным.

Стационарный поселок содержал от 6 до 18 жилищ. О характере жилищ дают представление раскопки Утинского поселения (рис. 8, 1), на котором исследовано 6 сооружений [Циркин, 1976, с. 73–97]. Они представляли собой наземные постройки прямоугольной формы (4,5 x 7 м) с входом в виде коридорообразного тамбура (рис. 8, 2, 3). Основания таких домов были укреплены камнями и глиной. Внутри помещения находились очаг открытого типа или обложенный камнем (рис. 8, 4), хозяйственные ямы. Кроме керамики на поселениях найдено значительное количество зернотерок. Изделия из бронзы и кости единичны.

Представленная тенденция развития тагарской культуры, видимо, свойственна для всей северной лесостепи. Тем не менее в материальной культуре и погребальной практике есть черты, отличающие культуру в пределах локальных районов (Назаровская котловина, Красноярская лесостепь) [Вадецкая, 1983, с. 47–56; Николаев, 1963, с. 93–106; Кравцов, 1929].

Особенность лесостепного варианта тагарской культуры не сводится только к «земляным курганам», иногда с каменными оградками рудиментарного вида. Вообще это понятие достаточно условное, как и его антипод «каменные курганы». Видимо, следует различать курганы, сооруженные из грунта (дерна), курганы под земляным сооружением, содержавшие только каменную оградку, и курганы с оградой, угловыми и промежуточными вертикально установленными камнями. Для западной окраины ареала тагарской культуры (Ма-

риинская лесостепь) характерны курганы первого типа. В Назаровской котловине и Красноярской лесостепи получили распространение курганы второго типа. В восточных районах Назаровской котловины известны курганы с угловыми камнями, но ни один из них не исследован. Скорее всего, они также относятся к тагарской культуре. К числу отличительных признаков лесостепного варианта можно отнести каменные кладки по периметру могилы или внутри нее вдоль стен. Хотя такие случаи немногочисленны. Следует также обратить внимание на большее морфологическое разнообразие керамической посуды в лесостепи относительно остального ареала этой культуры [Мартынов, 1979, с. 63]. В частности, для этого варианта характерны приземистые горшковидные сосуды с боковой ручкой, баночные сосуды закрытого типа со сливом, кубковидные сосуды на поддоне. Также из лесостепных памятников известны единичные сосуды, которые отсутствуют в коллекции из степных районов. В частности так называемые «рогатые» сосуды, которые найдены в погребениях заключительного этапа развития тагарской культуры. Впервые на это обстоятельство обратила внимание М.А. Дэвлет [1964, с. 207]. Лесостепной вариант тагарской культуры также характеризует повышенное количество орнаментированных сосудов, если сопоставлять погребальные комплексы. Что же касается поселенческого керамического комплекса, то он в большей степени декорирован [Циркин, 1974, с. 82; 1976, с. 73–97]. Вероятно, к числу отличительных признаков лесостепного варианта тагарской культуры можно отнести практически полное отсутствие чеканов с обушком, декорированном в зверином стиле, тогда как в минусинских степях их известно около сотни. Причем значительная серия таких чеканов происходит из погребальных памятников. Идентичная ситуация с бронзовыми ножами, которые в лесостепи практически не имеют навершия рукояти в зверином стиле. Но это может быть объяснено малочисленностью или отсутствием ранних памятников на данной территории. То же самое можно сказать о кинжалах, которые не декорированы изображениями животных и птиц. Если количественное преобладание оленных бляшек в лесостепи вряд ли следует рассматривать как локальную особенность, то «штандарты» происходят только из памятников этих районов. Более того, их находки приурочены к Мариинской лесостепи и западной периферии Назаровской котловины. Типологически особен-

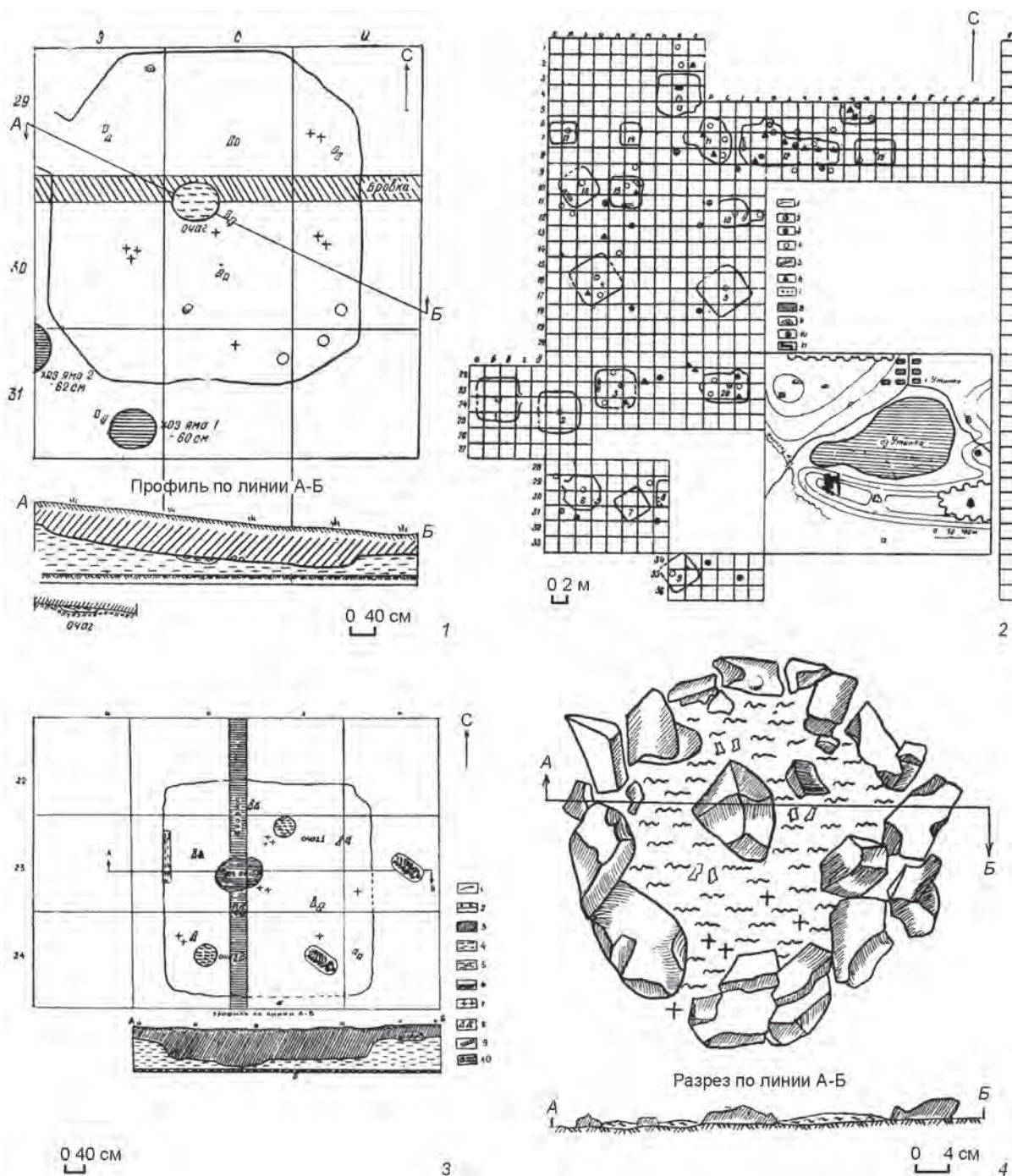


Рис. 8. Поселение Утинка.

1 – план и профиль жилища № 6; 2 – ситуационный план жилища; 3 – план и профиль жилища № 3; 4 – план и профиль очага в жилище № 2 (по: [Циркин, 1976]).

ность лесостепного варианта культуры представляют кинжалы с перехватом вместо выступающей гарды. Один такой кинжал с кольцевым навершием происходит из мог. 2 кург. 12 могильника Ягуня [Мартынов, 1973, табл. 27 – б] и три, найденные в составе Торгашинскогоклада в окрестностях г. Красноярска [Гришин, 1960, с. 176; Максимен-

ков, 1961, с. 301–316; Кулемзин, 1974, с. 27–36]. Отличие можно проследить и в морфологическом разнообразии так называемых предметов неизвестного назначения, происходящих из лесостепных и минусинских памятников.

Выделенные специфические черты лесостепного варианта тагарской культуры несомненно

свидетельствуют о своеобразии исторического развития в эпоху раннего железа на территории к северу от минусинских степей. Вместе с тем необходимо отметить, что в лесостепи, за исключением Мариинской и Красноярской, известны памятники, типичные для ядра тагарской культуры. Хронологически они соответствуют подгорновскому и сарагашенскому этапам ее развития. Если появление подобных памятников раннего этапа к северо-западу от хакасских степей связано с освоением этих районов, то сарагашенских объяснить сложнее. Скорее всего данный археологический факт отражает внутренние перемещения отдельных социальных объединений, основной причиной которых могли быть последствия, вызванные демографическими процессами. На эти процессы неоднократно указывали исследователи (С.В. Киселев, М.П. Грязнов, Н.Л. Членова, Г.А. Максименков и др.). Более того, Н.Л. Членова предполагала, что в середине I тыс. до н.э. на территорию среднего Енисея был приток нового населения, вызванный историческими событиями в Передней и Средней Азии [1967]. Сочетание «вариантного» и «классического» тагара в северной лесостепи служит основанием для различной археологической интерпретации памятников. В частности, Э.Б. Вадецкая ставит под сомнение существование лесостепного варианта [1983, с. 50]. Опыт и теория археологической науки констатируют, что локальные варианты, как правило, формировались и существовали на периферии ареала культур. Но особенностью лесостепного варианта тагарской культуры являлось то, что в более «чистом» виде он сохранялся в Мариинской и Красноярской лесостепи.

Иллюстрации к статье подготовлены по материалам каталогов музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

Список литературы

- Бобров В.В.** Тагарский курган на озере Утинка // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 170–181.
- Бобров В.В.** Курган на оз. Большой Берчикуль // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1980. – С. 86–94.
- Вадецкая Э.Б.** Первые итоги работы на КАТЭКе // Древние культуры Евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 47–56.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.
- Гришин Ю.С.** Производство в тагарскую эпоху // МИА. – 1960. – № 90. – С. 136–206.
- Гультов С.Б.** Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл // Древние культуры Евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 58–61.
- Дэвлет М.А.** Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // СА. – 1964. – № 2. – С. 205–210.
- Кириллов Е.Л.** Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово // Древние культуры Евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 61–64.
- Кравцов В.Г.** Материалы к археологии Красноярского района. – Красноярск: Гос. музей Приенисейск. края, 1929. – 55, [3] с. + 4 л. ил., 1 карта.
- Красниенко С.В., Субботин А.В.** Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). – СПб.: ИИМК РАН, 1999. – 114 с.
- Кулемзин А.М.** Об эволюции тагарских кинжалов // Изв. лаборатории археологических исследований / Кемер. гос. пед. ин-т. – 1974. – Вып. 5. – С. 27–36.
- Максименков Г.А.** Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: мат-лы науч. конф. – Новосибирск, 1961. – С. 301–316.
- Мартынов А.И.** Ягуня: учеб. пособие / под ред. А.П. Окладникова. – Кемерово: Кемер. гос. пед. ин-т, 1973. – 317 с.
- Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.
- Мартынов А.И., Абсаямов М.Б.** Тагарские поселения. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. – 136 с.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М.** Шестаковские курганы. – Кемерово: Кемер. гос. пед. ин-т, 1971. – 250 с.
- Николаев Р.В.** Есаульский клад // СА. – 1961. – № 3. – С. 280–284.
- Николаев Р.В.** Курганы тагарской эпохи у г. Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1963. – С. 93–106.
- Пшеницина М.Н., Поляков А.С.** Работы в зоне строительства Березовского угольного разреза 1 КАТЭКа // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 228–229.
- Талицкая И.А.** Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 243–267.
- Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.
- Циркин А.В.** Белоярское поселение на р. Чулым (предварительное сообщение) // Изв. лаборатории археологических исследований / Кемер. гос. пед. ин-т. – 1974. – Вып. 5. – С. 72–84.
- Циркин А.В.** Утинское поселение по раскопкам 1970–1975 гг. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Кемер. гос. пед. ин-т, 1976. – С. 73–97. – (Изв. лаборатории археол. исследований; вып. 8).
- Членова Н.Л.** Тагарский курган на р. Изыкчуль // КСИА. – 1964. – Вып. 102. – С. 119–126.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 298 с.

Е.С. Богданов

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

ОБРАЗЫ СВЕРНУВШЕГОСЯ И ПРИПАВШЕГО К ЗЕМЛЕ ХИЩНИКА, ОЛЕНЯ «НА ЦЫПОЧКАХ» В КОНТЕКСТЕ ЗАРОЖДЕНИЯ СКИФО-СИБИРСКОГО ИСКУССТВА

Вопросы зарождения скифо-сибирского искусства являются, несмотря на столетнюю историю изучения, самыми сложными и многоплановыми. На первый взгляд кажется, что перед нами разворачивается некая стройная по своей красоте картина эволюционного развития: от простых форм и образов к сложным композициям. А через определенный промежуток времени процесс повторяется в обратном порядке, что подтверждает некую общую модель исторического развития обществ и цивилизаций. И это на всей территории евразийских степей. Однако каждый исследователь знает примеры, когда на определенной территории как будто «ниоткуда» возникает искусство в уже сформировавшемся виде, с очевидной ритуально-мифологической основой, поражающее своим художественным мастерством и технологическими знаниями. Поэтому попытки разобраться в процессах зарождения скифского (скифо-сибирского) искусства, понять механизм и побудительную силу появления образов и художественных композиций на предметах конского снаряжения, украшениях пояса и одежды являются и по сей день самыми дискуссионными.

Ни для кого не секрет, что кочевники всегда, на всем протяжении своей истории, были потребителями. Потребителями всей благ земледельческих цивилизаций. Потребители, но не создатели в идейном плане. И речь идет не о предметах повседневного быта, а о технологиях металлургического производства, о технологиях ткачества и т.д. и т.п. Что-то появлялось и существовало у кочевников просто как предметы импорта, свидетельствующее о ранге и статусе его владельца, а потом уходило с ними в могилу. Эти вещи всегда сто-

ят особняком и видны сразу. Однако некоторые предметы импорта могли стать в определенный момент своеобразными катализаторами развития искусства. На мой взгляд, первые попытки создания образцов в духе скифо-сибирского звериного стиля были сделаны не в кочевой среде, а руками мастеров-ремесленников земледельческих цивилизаций Запада и Востока. (Предметы из кости и рога, которые были украшены образами и орнаментами в стиле скифских художественных традиций и могли быть сделаны руками кочевников, появились только на пике расцвета скифского искусства). В настоящее время известна целая группа предметов пластического искусства, которые можно с полным правом называть самыми ранними образцами скифо-сибирского звериного стиля и датировать их в пределах IX–VIII вв. до н.э.

1. Аржанская бляха в виде свернувшегося зверя [Грязнов, 1980, рис. 15] (рис. 1, 1);

2. Серия бронзовых зеркал с бортиком и петелькой по центру: бухтарминское зеркало из коллекции П.К. Фролова [Грязнов, 1947, рис. 4, II] (рис. 1, 2); зеркало из Северного Китая, из коллекции И.Г. Андерссона (рис. 1, 3), зеркало из Северного Китая из коллекции Х. Биддера [Кочевые народы..., 1997, с. 53, кат. 89] (рис. 1, 4); 2 зеркала из могил 165 и 114 могильника № 4 памятника Чаухугоу, Синьцзян [Лю Лин, 2000, с. 13] (рис. 1, 5).

3. Бронзовые трубочки из Северного Китая из коллекции И.Г. Андерссона [Богданов, 2002] и коллекции К.В. Мейера [Bunker, 1997, cat. 70, 104] (рис. 2, 1–3).

4. Оружие, нашивные бляшки и пластины с изображениями свернувшихся в кольцо



Рис. 1. Образцы раннего скифо-сибирского звериного стиля.

1 – бронзовая бляха, курган Аржан [Грязнов, 1980, рис. 15]; 2 – бронзовое зеркало из Бухтармы, коллекция П.К. Фролова, случайная находка [Грязнов, 1947, рис. 4, 11]; 3 – бронзовое зеркало, Северный Китай, коллекция И.Г. Андерссона, случайная находка; 4 – бронзовое зеркало, Северный Китай, коллекции Х. Биддера, случайная находка [Кочевые народы..., 1997, с. 53, кат. 89]; 5 – бронзовое зеркало из могилы 165 могильника № 4 памятника Чаухугоу, Синьцзян [Лю Лин, 2000, с. 13]; 6 – олений камень 2, ограда 2, Жаргалант-90, Монголия [Волков, 2001, рис. 2]; 7 – олений камень, с. Туран, Тува [Kilunovskaya, Semenov, 1995, рис. 30]; 8 – обломок оленного камня из насыпи кургана Аржан [Грязнов, 1980, рис. 29, 2].

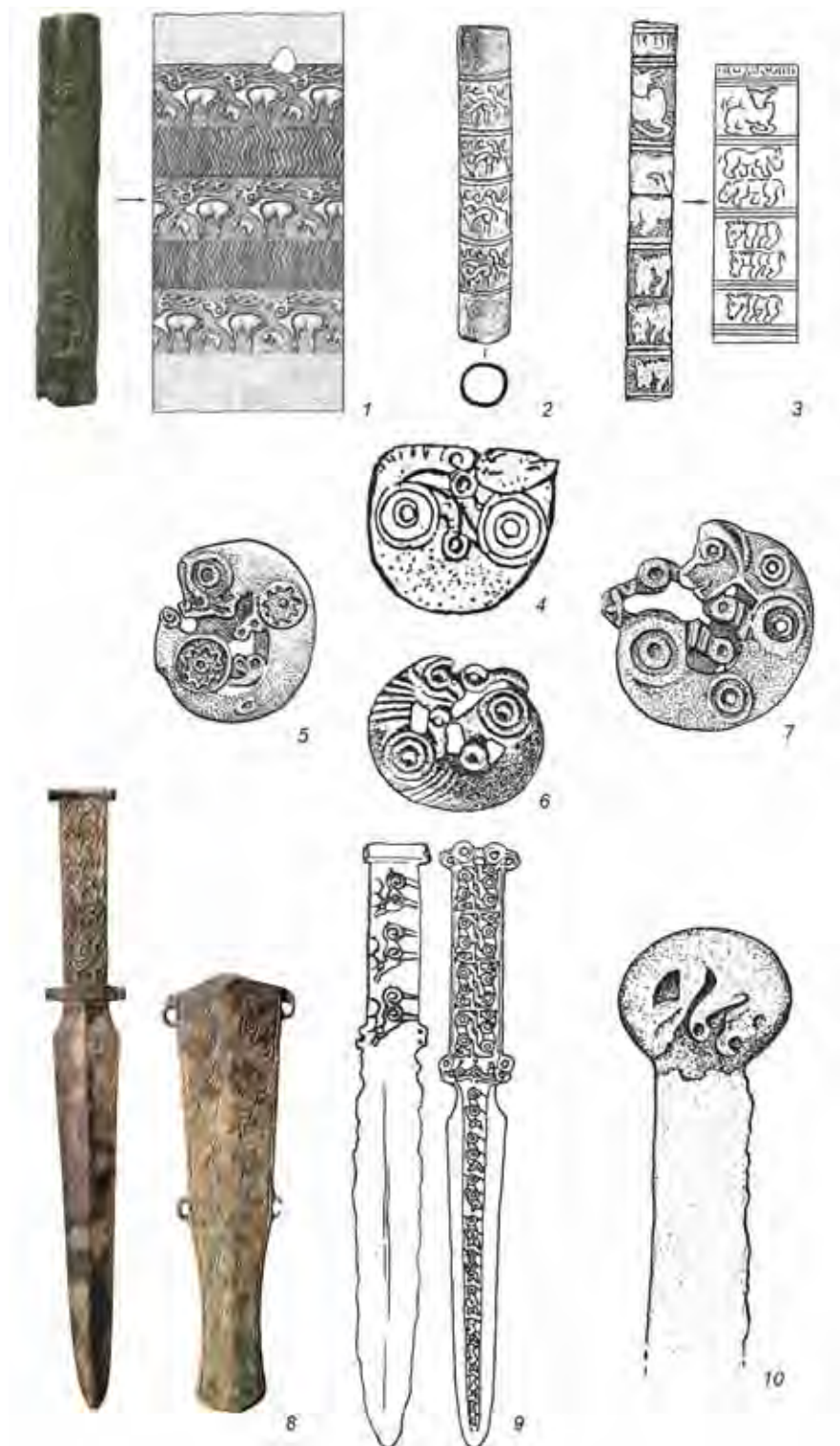


Рис. 2. Образцы раннего скифо-сибирского звериного стиля.

1 – бронзовая трубочка, Северный Китай, коллекция И.Г. Андерссона, случайная находка [Богданов, 2002]; 2, 3 – бронзовые трубочки, Северный Китай, коллекция К.В. Мейера, случайная находка [Bunker, 1997, cat. 70, 104]; 4 – бронзовая бляшка, могила «Сяохэйшигоу 1985 года», Внутренняя Монголия [Лю Бин, 1997, рис. 6, 2]; 5 – бронзовая бляшка, Китай (северный Хэбэй, западный Ляонин), коллекция А.М. Секлера, случайная находка [Bunker, 1997, cat. 128]; 6 – бронзовая бляшка, Северный Китай, коллекция С.Т. Лу, музей искусства и индустрии, г. Вена, случайная находка [Salmony, 1933, pl. XV, 9; Артамонов, 1973, илл. 164]; 7 – бронзовая бляшка, Северный Китай, коллекция А.М. Секлера, случайная находка [Bunker, 1997, cat. 258]; 8 – бронзовый кинжал с ножами, Северо-Западный Китай, коллекция Э. Пловрича, случайная находка [Nomadic art., 2002, cat. 45]; 9 – бронзовые кинжалы, могила Сяохэйшигоу и комплекс «Сяохэйшигоу 1975 года» [Ковалев, 1998, рис. 1, 1, 2]; 10 – бронзовый нож, памятник Наньшаньгэнь, могила 101, Внутренняя Монголия [Ковалев, 1998, рис. 1, 3].

и лежащих пантер, оленей «на цыпочках», кабанов, головок хищной птицы в памятниках типа Наньшаньгэнь и Сяохэйшигоу (Внутренняя Монголия) [Комиссаров, 1988, рис. 74; Ковалёв, 1996, 1998, рис. 1; 2000, рис. 15] (рис. 2, 4; рис. 3, 11–13);

5. Нефритовые подвески в виде животных из гробницы Жуцзячжуан, (пров. Шэньси, Китай) [Лю Юньхуй, 2008, рис. 41–43, 46, 50] и подобные им случайные находки с северной части Центрального Китая [So, Bunker, 1995, p. 110, 111, N 25, a, b] (рис. 3, 1–8);

Большинство из этих предметов хорошо известны исследователям – они очень выразительны и многократно публиковались. Однако чрезвычайно важно, что мы имеем серийные вещи раннескифского времени, которые происходят из закрытых комплексов. Так, находки из погребений типа Наньшаньгэнь благодаря китайским бронзовым сосудам и оружию имеют четкую датировку, что убедительно доказали в своих работах С.А. Комиссаров и А.А. Ковалёв [Там же].

Могилы № 1 и 2 из гробницы Жуцзячжуан датируются 950–900 гг. по надписям на бронзовых сосудах и принадлежат правителю государства Юй и его жене Цзин Цзи [Лю Юньхуй, 2008, с. 55–64]. Данные изделия из нефрита трактуются авторами раскопок как подвески – украшения одежды. Целые серии подобных подвесок только в виде свернувшегося и «скребущего» хищника были найдены в различных закрытых комплексах на территории Северного и Центрального Китая [Богданов, 2006, рис. 4, 5; таб. XXI, LXXX]. Причем стоит обратить внимание на то, что мы имеем дело не с эволюционным развитием образа – от схемы (орнамента) к реалистичности. Предметы, выполненные в совершенно разной стилистической манере, создавались в одно время, по всей видимости, одними и теми же мастерами и могли встречаться в одном погребальном комплексе. Кроме того, схожий в стилистическом плане образ животного мог быть органично вписан и в орнамент сосуда и в ручку оружия (см., например, рис. 2, 8, 9).

Кроме этого, хотелось бы обратить внимание на то, что в отличие от «карасукских» зверей (выполненных в круглой скульптуре) многие животные на нефритовых пластинках изображены в характерной для раннескифского времени позе. Особенно показательны попытки древних китайцев характерными полукругами выделять плечо

и лопатки зверя, а также изображать в совершенно иной стилистической манере ухо животного.

Так, IX–VIII вв. до н.э. датируется гробница Юйцунь (мог. 1) в провинции Ганьсу [Сюй Цзюньчэнь, Лю Дэчжэнь, 1985, с. 349–352], где были найдены три уже не нефритовые, а бронзовые бляхи (украшения пояса) в виде фигур хищника, выполненные в выпуклом рельефе (рис. 3, 9, 10). Несмотря на определенную стилизацию, довольно четко показаны видовые признаки хищного зверя: полуоткрытая пасть, окончания лап в виде полукольца и длинный хвост колечком. На одной из блях характерными полуспиральными выделены лопатки и бедро животного. В дальнейшем данная иконографическая схема изображения хищника получила свое развитие уже на территории Внутренней Монголии и всего центрально-азиатского региона (см.: [Богданов, 2006, рис. 4, 5]).

Очень важным представляется тот факт, что на ранних этапах схема развития основных образов (свернувшегося и припавшего к земле хищника, а также копытных «на цыпочках») прослеживается в рамках одного региона и на базе двух культурных традиций: иньской и карасукской, имеющих, по всей видимости, чрезвычайно много общего.

Таким образом, что мы имеем к VIII в. до н.э.? Изображения копытных «на цыпочках» и хищников в канонических позах на территории Китая и Внутренней Монголии. Такие же изображения мы видим на оленных камнях и бронзах карасукского облика на территории Монголии, Внутренней Монголии и Минусинской котловины. Отнюдь не случайным представляется преобладание в раннескифских материалах одиночного изолированного образа, а также отсутствие сюжетных композиций и сцен, в котором положение животного было бы обусловлено характером действия. Как правильно в свое время отметил Д.С. Раевский, «именно такие одиночные изображения легче поддаются реинтерпретации, поскольку лишены повествовательности. Такие “тексты” близки по структуре безглагольной (именной) речи» [1983, с. 13; Погребова, Раевский, 1997, с. 93].

Интересно, что именно с территории Северного Китая, Внутренней Монголии и Синьцзяна будет в дальнейшем происходить самое большое количество предметов в скифо-сибирском зверином стиле. Разве это не может свидетельствовать о том, что уже существующие ремесленные центры просто наладили «выпуск» новой продукции?



Рис. 3. Образцы раннего скифо-сибирского звериного стиля.

1, 4 – нефритовые подвески, северная часть Центрального Китая, случайная находка [So, Bunker, 1995, p. 110, 111, no. 25, a, b]; 2–8 – нефритовые подвески, могилы № 1 и 2, гробницы Жуцзячжуан, Китай, провинция Шэньси [Лю Юньхуй, 2008, рис. 41–43, 46, 50; So, Bunker, 1995, p. 43, fig. 13a]; 9–10 – бронзовые поясные бляшки, могила 1, гробница Юйцунь, Китай, провинции Ганьсу [Сюй Цзюньчэнь, Лю Дэчжэнь, 1985, рис. 4–6]; 11–12 – бронзовые бляшки, могила «Сяохэйшигоу 1985 года», Внутренняя Монголия [Ковалев, 1998, рис. 1, 7, 8; Кочевые народы..., 1997, кат. 69]; 13 – бронзовая бляшка, Северо-Западный Китай, коллекция А.М. Секлера, случайная находка [Bunker, 1997, cat. 79]; 14 – бронзовая бляшка, Северный Китай, частная коллекция, Музей азиатского искусства, г. Берлин, случайная находка [Wagner, Butz, 2007, cat. 32].

Оленные камни и стелы были недвижимы и поэтому не могли быть предметами заимствования и обмена. (Находка обломка оленного камня в насыпи кургана Аржан 1 не противоречит данному тезису и свидетельствует лишь о более ранней датировке данного предмета по сравнению с погребальным комплексом). Но украшения (подвески) из бронзы и нефрита, попадая в кочевую среду, не могли не найти отклика, поскольку образы были реалистичны и знакомы. Военизация и социальные изменения в кочевых сообществах привели к тому, что возникла потребность как-то украшать особо значимые для воина-кочевника предметы – конское снаряжение, вооружение, одежду, пояс.

Набор образов, их сочетание между собой и с определенными предметами (на которых они изображались) формировался вследствие ритуально-мифологических представлений, носящих во многом первоначально тотемистическую и магическую окраску на основе карасукских традиций. Зооморфная символика издревле существовала у индоиранцев, но до определенного момента не имела своего зрительного выражения. На выбор средств и приемов художественного воплощения повлияли не только социально-психические особенности кочевников, но и существовавшие на определенных территориях изобразительные традиции и «художественные школы», формирующие эстетические пристрастия и понятие «красоты». Все эти причины в своей совокупности и привели к становлению скифо-сибирского искусства и определили ход его дальнейшего развития.

Список литературы

- Артамонов М.И.** Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.
- Богданов Е.С.** Уникальная находка раннескифского времени из Ордоса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 243–248.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- Волков В.В.** Ранние кочевники Северной Монголии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: Старый сад, 2001. – С. 330–354.
- Грязнов М.П.** Памятники майэмурского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – 1947. – Вып. 18. – С. 9–17.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 61 с.
- Ковалёв А.А.** Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: мат-лы конф. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1996. – С. 121–127.
- Ковалёв А.А.** Древние датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 122–131.
- Ковалёв А.А.** О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 75–82.
- Комиссаров С.А.** Комплекс вооружения Древнего Китая: Эпоха поздней бронзы // История и культура востока Азии. – Новосибирск: Наука, 1988. – 120 с.
- Лю Бин.** Изучение орнамента звериного стиля в культуре верхнего слоя Сяцзядянь // Чжунго каогу цзицэн: Дунбэй цзюань: Цинтун шидай (1) (Достижения Китайской археологии: Раздел «Северо-Восток Китая»: Бронзовый век (ч. 1)). – Пекин, 1997. – С. 380–385 (на кит. яз.).
- Лю Лин.** Бронзовые зеркала с северным звериным стилем // Бэйсан вэньу. – 2000. – N 3. – С. 12–15 (на кит. яз.).
- Лю Юньхуй.** Древние нефритовые изделия Шань и Чжоу из Шэньси // Archaeology of art. – 2008. – N 141. – P. 53–68 (на кит. яз.).
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.** Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. – М.: Вост. лит., 1997. – 152 с.
- Раевский Д.С.** Антропоморфные и зооморфные мотивы в репертуаре раннескифского искусства // АСГЭ. – 1983. – Вып. 23. – С. 8–15.
- Сюй Цзюньчэнь, Лю Дэчжэнь.** Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Юйцунь, уезд Нинсянь, провинции Ганьсу // Каогу. – 1985. – № 4. – С. 349–352 (на кит. яз.).
- Юрасна согэн читай ни окэру кибя юбокумин:** (Кочевые народы азиатской степи: Чугоку Хоппокэй сэйдоки: Китайские северные бронзы). Хэнсю (Каталог выставки) / Текст Такахама Сю. – Токио: Национальный музей (Токё кокурицу сэнмонкан), 1997. – 198 с.
- Bunker E.** Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collection. – N. Y.: Arthur M. Sackler Fondation, 1997. – 401 p.
- Kilunovskaya M., Semenov V.** The land in the heart of Asia. The exhibition catalog. – Spb.: EGO Publishers, 1995. – 107 p.
- Nomadic art of the Eastern Eurasian Steppes:** The Eugene V. Thaw and other New York Collection. – New Haven; L.; N. Y.: The Metropolitan Museum of Art; Yale Univ. Press, 2002. – 233 p.
- Salmony A.** Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. – P.: C.T. Loo Pub., 1933. – 162 p.
- So J., Bunker E.** Traders and raiders on china's northern frontiers. – Seattle; L.: Arthur M. Sackler Gallery; Smithsonian Institution in association with Univ. of Washington Press., 1995. – 192 p.
- Wagner M., Butz H.** Nomadenkunst: Ordosbronzen der Ostasiatischen Kunstsammlung Museum für Asiatische Kunst, Staatliche Museen zu Berlin. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2007. – 101 S. – (Archaeologie in Eurasien; Bd. 23).

А.П. Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

ГОРНАЯ ДОЛИНА НИЖНЕЙ КАТУНИ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

В скифское время на Северном Алтае происходит активное перемещение различных групп населения: с севера из лесостепи в горы, с юга из гор в степь и с запада на восток из степи в горы. Такие процессы приводят к сосуществованию на этой территории нескольких археологических культур: быстрианской (VI–II вв. до н.э.), северного локального варианта пазырыкской (VI–II вв. до н.э.), кара-кобинской (V–II вв. до н.э.). В горной долине нижней Катунь значительное количество и разнообразие археологических памятников эпохи раннего железа [Бородовский, Бородовская, 2009а, с. 48–76] связано с поликультурностью населения этой территории.

Памятники быстрианской культуры (рис. 1) горной долины нижней Катунь представлены местонахождением (Майма V), поселениями (Майма I–III, VIII, XII, XV, XVIII), курганными группами (Майма VI, VII, XIX) и материалами сторожевого пункта (Майма XXI). Новые археологические данные (курганы Чултуков Лог-1, поселение Манжерок-5) позволяют существенно сместить границу распространения быстрианской культуры на юг (вплоть до современного с. Манжерок).

К северному локальному варианту пазырыкской археологической культуры (рис. 2, 1–15) на территории горной долины нижней Катунь относятся: верхние слои поселения Муны-1; курганные группы Майма IV, Чултуков Лог-1, 2, Барангол-1, 2, 4, Талда; каменные изваяния, балбалы, ритуально-поминальные конструкции, культовые комплексы, кладки. В горной долине нижней Катунь выявлены погребения северного локального варианта пазырыкской культуры как с восточной ориентировкой (Майма IV, Чултуков Лог-2), так и с юго-восточной (Чултуков Лог-1, Барангол-1, 2, 4).

Локальной особенностью пазырыкской культуры на Северном Алтае можно считать массивные головные биметаллические заколки – триквестры с зооморфным и солярным декором (рис. 3) [Бородовский, Бородовская, 2009б, с. 51–55].

На некрополях Барангол-2, 4, Чултуков Лог-1, 2 обнаружены вторичные погребения (рис. 4), которые являются эталонными погребальными памятниками такого типа для скифского времени на Горном Алтае. Следует подчеркнуть, что в горной долине Нижней Катунь присутствуют достаточно ранние погребальные комплексы (VI–V вв. до н.э.) северного локального варианта пазырыкской культуры, что отражает освоение носителями этой культурной традиции территории всего Горного Алтая достаточно равномерно в различные исторические периоды раннего железного века.

Представительная серия не разграбленных кара-кобинских захоронений (см. рис. 2, 16–21) на Чултуковом Логу-1 (V–III вв. до н.э.) позволяет уточнить северную границу распространения носителей этой культурной традиции. На территории горной долины нижней Катунь для реализации кара-кобинской погребальной обрядности требовались особые усилия. Плитняк – основной естественный материал для изготовления погребальных ящиков, представлен здесь в труднодоступных местах и ограниченном количестве. В таких условиях воспроизведение погребальной традиции достаточно отчетливо выступает в качестве культурного признака, осуществляемого несмотря на особенности местных сырьевых ресурсов.

На погребальных комплексах эпохи раннего железа горной долины нижней Катунь представлена целая система признаков древней сейсмоактивности. До недавнего времени о проявлении сейсмичности Горного Алтая можно было судить

Конец VI – IV в. до н.э.
БЫСТРЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

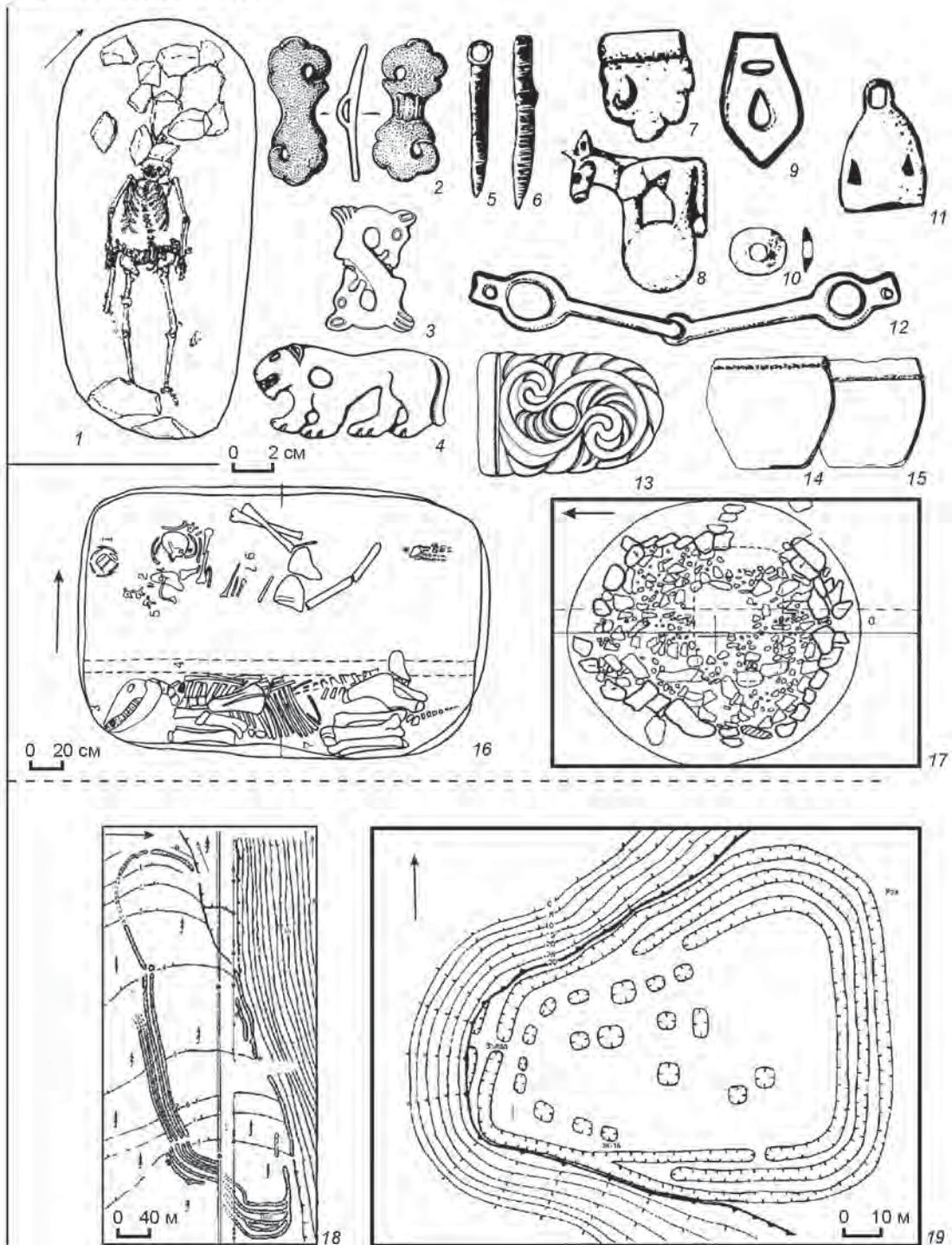


Рис. 1. Быстрианская культура в горной долине нижней Катунь.

1 – план погребения кургана № 13 курганной группы Чултуков Лог-1; 2 – двухлопастная стилизованная поясная бронзовая пряжка из кургана № 4 курганной группы Чултуков Лог-1; 3 – поясная бронзовая бляшка из кургана № 13, Чултуков Лог-1; 4 – бронзовая поясная пряжка из кургана № 13, Чултуков Лог-1; 5 – пластинчатый железный нож с кольчатым окончанием из Маймы XIX; 6 – пластинчатый железный нож из Маймы XIX; 7 – бронзовая уздечная бляха из Маймы XIX; 8 – зооморфная бляха из Маймы XIX; 9 – седельная роговая подвеска из Маймы VII, курган № 27; 10 – роговая пронизь из Маймы VII, курган № 27; 11 – бронзовый колокольчик из Маймы XIX; 12 – железные кольчатые удила из Маймы VII, курган № 27; 13 – бронзовая поясная пряжка с изображением головы грифона из кургана № 13, Чултуков Лог-1; 14, 15 – керамические сосуды с поселений Майма III, I; 16 – погребение с конем, курган № 27, Майма VII; 17 – каменная конструкция кургана с захоронением с лошадью, курган № 27, Майма VII; 18 – план городища Манжерок-3; 19 – план городища Барангол-5.

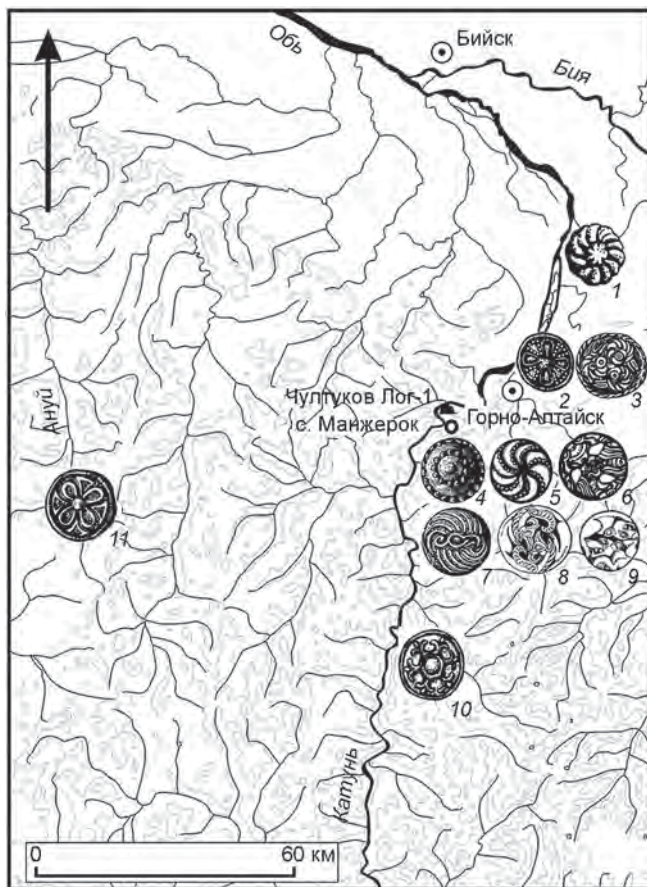


Рис. 3. Трикетстры скифского времени Северного Алтая. Распространение трикетстров Северного Алтая: 1 – Суртайка-1; 2, 3 – Майма XIX; 4–6 – Чултуков Лог-1; 7–9 – Барангол-1, 2; 10 – Верх-Еланда-2; 11 – Черный Ануй-3. Декор трикетстров нижней Катунь: 2 – Майма IV; 3, 4 – Барангол-1; 5 – Чултуков Лог-1.

лишь по данным исторических и инструментальных наблюдений, а также по голоценовым макросейсмодислокациям, представленным главным образом оползнями и обвалами. Катунь, одна из магистральных рек горного Алтая, дренирует молодой раздвиг субмеридиональной ориентировки, с которым связано шесть исторически и инструментально зафиксированных землетрясений 13–16 классов, с магнитудами 4,6–6,0 и, возможно, более 6,0 [Лукина, 1996, с. 71–74].

В пределах тектонических расширений горной долины Катунь в среднем-позднем неоплейстоцене накапливались осадки, формирующие комплексы высоких и средних террас. Цоколь высоких террас представлен средне-неоплейстоценовой ининской толщей, достигающей по мощности 300 м, цоколь средних террас сложен поздне-неоплейстоценовой сальджарской толщей, мощность которой редко превышает 60 м [Ефимцев, 1964, с. 115–131].

В 2010 г. в четырех разрезах горной долины нижней Катунь Е.В. Деевым (Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН) и И.Д. Зольниковым (Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН) выявлены разнотипные деформации неоплейстоценовых осадков, слагающих цоколь средних террас. Среди них резко доминируют сопряженные системы разломов и трещин, амплитуды смещения по которым находятся в диапазоне от первых миллиметров и сантиметров до 1,5 м. К хрупким деформациям также относятся и грабеннообразные просадки, а также структуры дробления и растяжения слоев. О том, что деформации подвергались рыхлые и зачастую влагонасыщенные осадки, свидетельствуют пологие, дисгармоничные и приразломные складки, пloyчатость, многочисленные флексурные изгибы слоев. В результате развития процесса флюидизации возникали текстуры перемешивания осадков, а также частично или полностью уничтожались первичные седиментационные текстуры.

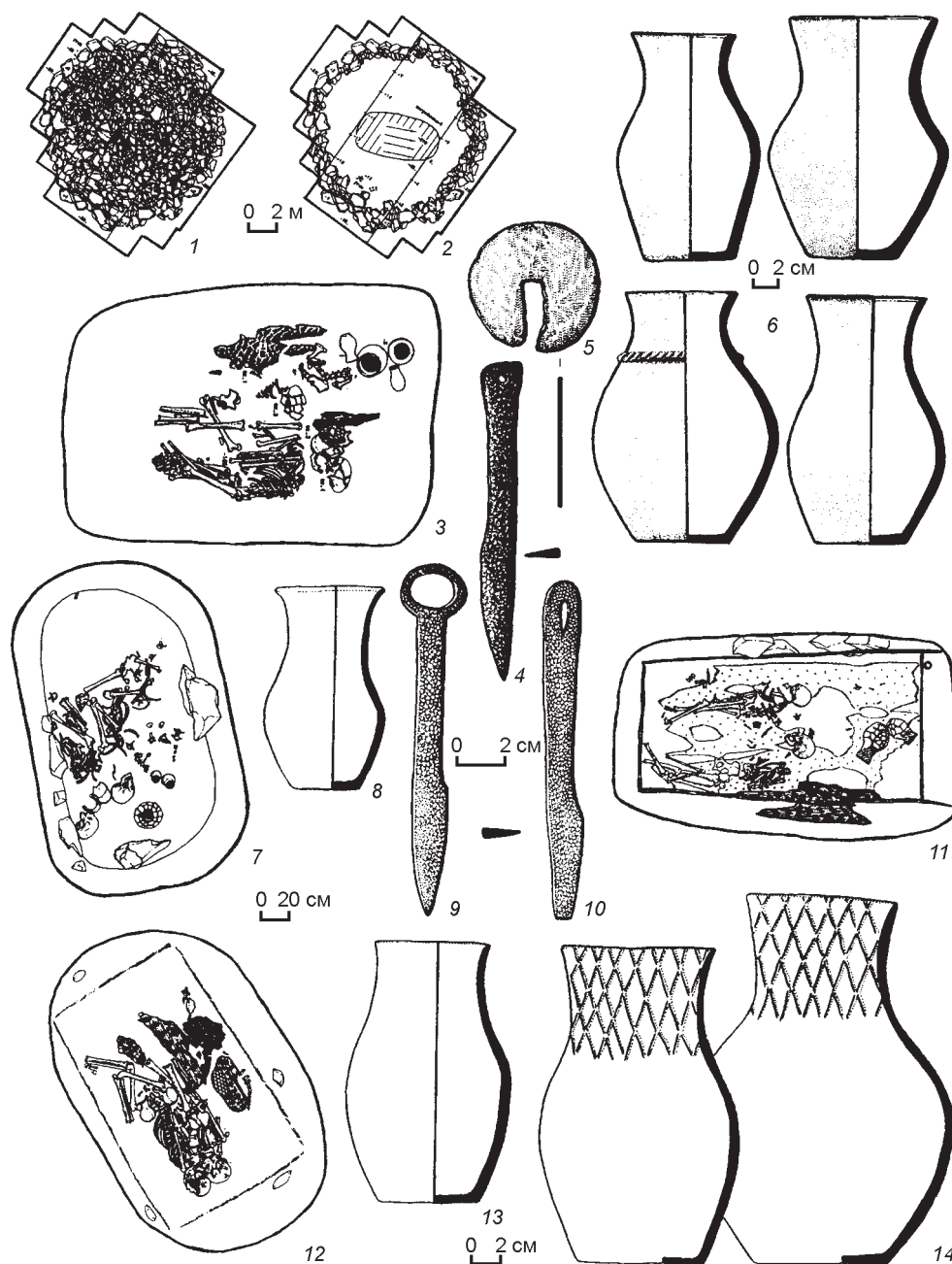


Рис. 4. Вторичные захоронения курганной группы Барангол-2.

1–3 – план погребения кургана № 1; 4 – железный пластинчатый нож; 5 – бронзовый диск с клиновидной прорезью из кургана № 1; 6 – гладкостенные керамические сосуды и сосуд с расчлененным рельефным валиком из кургана № 1; 7 – план погребения кургана № 3; 8 – бронзовое дисковидное зеркало с прорезью; 9 – железный нож с кольчатым окончанием; 10 – железный пластинчатый нож; 11 – план погребения кургана № 2; 12 – план погребения кургана № 6; 13 – гладкостенный керамический сосуд из кургана № 2; 14 – кувшиновидные сосуды с сетчатым орнаментом из кургана № 2.

Комплексный анализ выявленных парагенезисов деформаций, как в отдельных слоях, так и в их последовательностях, позволяет предположить их сейсмогенный генезис и объединить в группу сейсмиков [Деев, Зольников, Гуськов, 2009, с. 703–722]. В пользу такого предположения также говорят: 1) приуроченность изученных раз-

резов к местам сочленения Катунского раздвига и оперяющих его разломов, активность которых подтверждается выраженностью в рельефе, историческими и инструментально зарегистрированными землетрясениями; 2) деформированные слои распространены на широкой площади, а в пределах обнажений они могут быть прослеже-

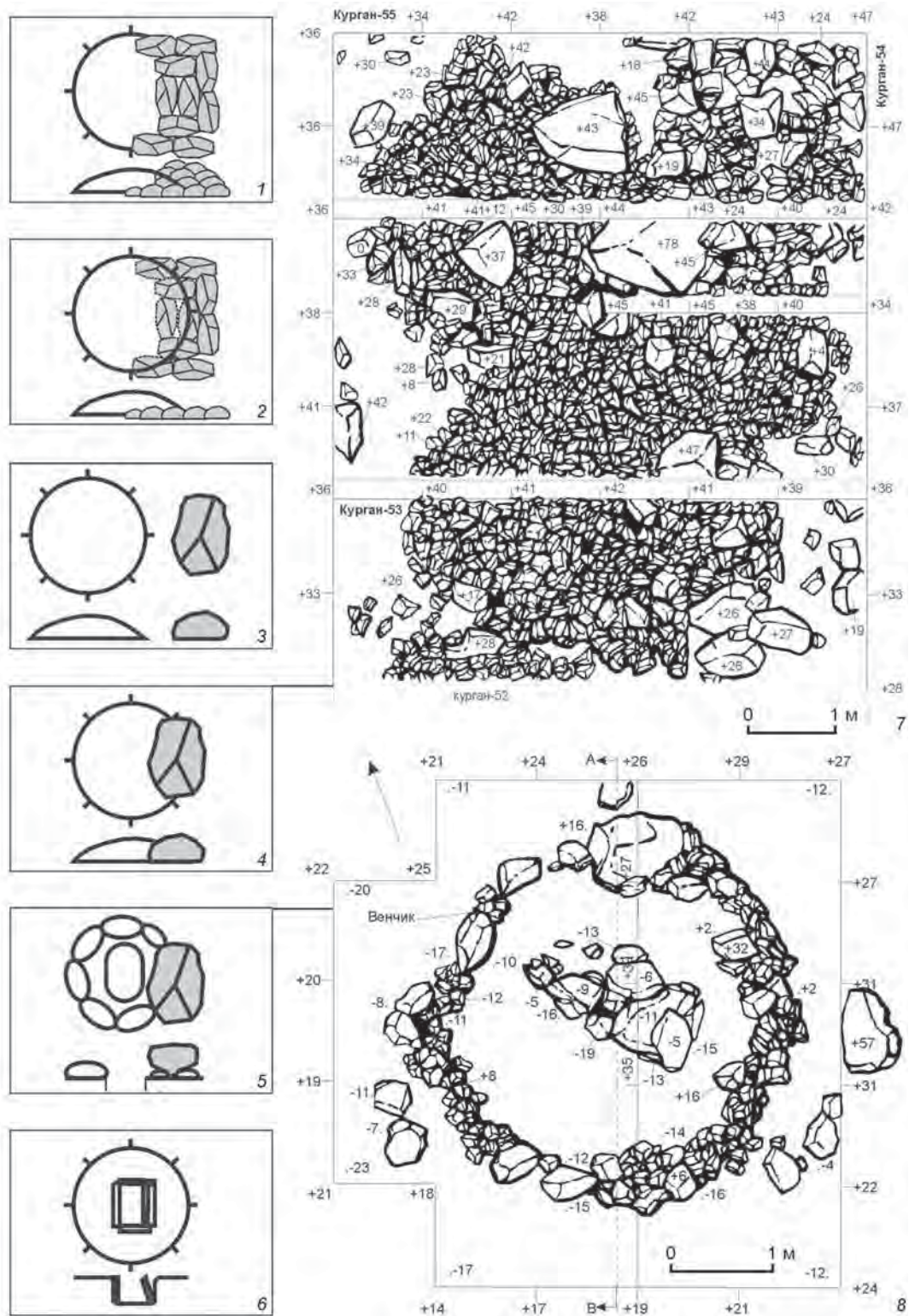


Рис. 5. Следы древней сейсмоактивности на курганной группе эпохи раннего железа Чултуков Лог-1 (горная долина нижней Катуги).

1 – насыпь кургана, перекрытая горной осыпью; 2 – насыпь кургана, перекрывающая горную осыпь; 3 – массивные грубообломочные камни около насыпи кургана со стороны горного склона; 4 – массивные грубообломочные камни, перекрывающие и деформирующие насыпь кургана; 5 – массивные грубообломочные камни, деформирующие кольцевую крепиду кургана; 6 – деформация стенок каменных ящиков курганов со стороны горного склона; 7 – насыпи курганов № 53, 54, 55, перекрытые грубообломочным материалом со склона; 8 – крепиды кургана № 44, деформированная со стороны горного склона крупным грубообломочным блоком.

ны на десятки, сотни метров; 3) спонтанное развитие деформированных интервалов в однотипно построенных разрезах; 4) наличие в одном разрезе нескольких слоев с деформациями, разделенных недеформированными слоями, определенно указывает, с одной стороны, на дискретность, с другой – на повторяемость событий, что и следует ожидать в сейсмоактивных зонах, характеризующихся чередованием периодов затишья и активизации. Для Центральной Азии признаки древних землетрясений эпохи металла прослеживаются на примере разрушения и деформации каменных конструкций курганов [Трифонов, Караханян, 2004, с. 320]. Следы древней сейсмоактивности, выявленные на курганной группе эпохи раннего железа Чултуков Лог-1, отражают специфику расположения археологических памятников в горной долине нижней Катунь. Признаки древней сейсмоактивности (рис. 5, 1–8) для целого ряда курганов эпохи раннего железа Чултукова Лога-1 представлены достаточно разнообразно.

Во-первых, насыпи курганов, расположенные в непосредственной близости от горы, перекрывали участки горной осыпи (рис. 5, 2). Во-вторых, поверхность курганов была засыпана камнями с горного склона (рис. 5, 1). В-третьих, другие, более удаленные от горы курганы были перекрыты камнями значительных размеров (рис. 5, 4), не входящими в состав каменных конструкций курганов. Эти крупные грубообломочные блоки не только деформировали каменные насыпи (рис. 5, 4, 7) но и продавили их кольцевые крепиды (рис. 5, 5, 8). В-четвертых, для захоронений таких курганов было характерно разрушение камней обкладки могильных ям (северного локального варианта пазырыкской культуры) либо сильная деформация стенок каменных ящиков (кара-кобинской культуры). В-пятых, сильно сдвинутыми оказывались плиты стенок погребальных каменных ящиков (рис. 5, 6). В ряде случаев они были значительно отклонены или упали внутрь погребений, нарушив анатомический порядок расположения костей погребенных. Еще одним признаком разрушений является наличие нескольких захоронений, в которых черепа погребенных перекрыты крупными грубообломочными камнями из обкладки или заполнения могилы древней сейсмоактивности. Примечательно, что для расположенных на этом же некрополе более поздних погребальных комплексов начала I тыс. н.э. майминской культуры такие признаки деформации каменных конструкций

не характерны. Все признаки древней сейсмоактивности (рис. 5) позволяют предполагать, что они являются следами сильного землетрясения, произошедшего в Горном Алтае в конце I тыс. до н.э. Последствия этого природного катаклизма не могли не отразиться на судьбе носителей пазырыкской культуры в заключительный период ее существования. Кроме того, комплекс признаков древней сейсмоактивности, выявленный на курганной группе эпохи раннего железа Чултуков Лог-1, открывает новые возможности для более узкого датирования геологических событий по материалам погребальных конструкций рядовых захоронений второй половины I тыс. до н.э.

Вопросы детальной культурной атрибуции археологических комплексов эпохи раннего железа на Горном Алтае до сих пор еще остаются дискуссионными. Это касается не только территориального своеобразия пазырыкских памятников, но и культурного статуса кара-кобинских захоронений в совместных некрополях. Проблема местного или пришлого характера носителей кара-кобинской культурной традиции требует дальнейшего обсуждения и учета новых репрезентативных материалов (Чултуков Лог-1). Исследования в таком направлении позволят уточнить данные о территориальной специфике существования кара-кобинских захоронений для различных районов всего Горного Алтая.

В целом горная долина нижней Катунь представляет собой территорию с ярко выраженной динамикой активного культурного взаимодействия населения скифского времени Горного Алтая.

Список литературы

- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Археологическое наследие горной долины нижней Катунь. – Новосибирск: [б.и.], 2009а. – 122 с.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Триквестры скифского времени Северного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009б. – № 4. – С. 51–55.
- Деев Е.В., Зольников И.Д., Гуськов С.А.** Сейсмичность в четвертичных отложениях Юго-Восточного Алтая // Геология и геофизика. – 2009. – Т. 50, № 6. – С. 703–722.
- Ефимцев Н.А.** О строении и происхождении антропогенных отложений долин рек Чуи и Катунь в Горном Алтае // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1964. – № 29. – С. 115–131.
- Лукина Н.В.** Активные разломы и сейсмичность Алтая // Геология и геофизика. – 1996. – Т. 37, № 11. – С. 115–131.
- Трифонов В.Г., Караханян А.С.** Геодинамика и история цивилизаций. – М.: Наука, 2004. – 667 с.

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ЛЮШУЙ В ОТРОГАХ КУНЬЛУНЯ*

Могильник Люшуй расположен у дер. Люшуйцунь (Хаш-Таш), которая относится к волости Ацянь, уезд Юйтянь, округ Хотан Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Место это находится глубоко в горах Куньлуня, на плато Ак-Булак, недалеко от пересечения р. Люшуй с руслом верхнего течения р. Керия. Его отделяет около 100 км от уездного города Юйтянь, 85 км – от трассы № 315 общегосударственного значения и 40 км – от поселка Ацянь.

При раскопках этого могильника впервые в Синьцзяне обнаружили культуру, основной особенностью которой является керамика с простым прорезным узором. Горы Куньлунь занимают особо важное положение в развитии китайской культуры, поскольку они служили районом осуществления культурного обмена между Востоком и Западом. Археологическое изучение прошлого данного региона вплоть до сего дня имело много лакун. Могильник Люшуй расположен в пределах центральной части северных отрогов Куньлуня, которая и служила ключевым звеном в широтном культурном обмене. Поэтому его раскопки позволяют восполнить указанные лакуны.

I. Расположение и процесс исследования могильника

Северные предгорья Куньлуня входят в жаркую аридную зону, куда не проникают потоки воздуха с океана. Это одно из самых засушливых мест на земле. Могильник расположен на площадке 3-й террасы, которая сформирована из эоловых отложений мощностью от нескольких мет-

ров до нескольких десятков метров, базой служат галечный слой и основная порода. Первоначально этот участок был связан с 4-й террасой, но из-за землетрясений и склоновых процессов отделился, и постепенно сформировалась нынешняя довольно высокая площадка. Через некоторые трещины просачиваются родники.

Площадка возвышается на 16,7 м от уровня русла р. Керия; ее длина (по линии восток – запад) составляет 131 м, наибольшая ширина с севера на юг – 65 м; с южной и восточной стороны – отвесные обрывы (рис. 1). Координаты центра могильника: 36°14'41,9" с. ш. и 81°43'23,0" в. д.; высота над уровнем моря 2 850 м.

Лагерь располагался в районе сортировочной станции нефритового прииска, в 3 км от места раскопок. Малонаселенная высокогорная местность создавала определенные трудности с привлечением рабочей силы, оплата которой довольно высока. Частые осадки в виде дождя и снега воздействовали на ход работ и здоровье рабочих; непривычный вкус пищи создавал проблемы с питанием для работников из внутренних районов Китая.

В июле–августе 2003 г. Синьцзянский отряд Института археологии АОН КНР раскопал восемь могил недалеко от южного обрыва, предварительно исследовав конструкцию могил и ситуацию с погребальным обрядом. Радиоуглеродный анализ по человеческим костям дал дату 2950±50 л.н. На основе этих данных могильник был предварительно отнесен к бронзовому веку.

В июле–августе 2004 г. вскрыто около 600 кв. м в центральной и южной частях могильника, обнаружено 20 захоронений. Тем самым удалось понять структуру могильника, заложить основу для его всестороннего исследования.

*Перевод выполнен С.А. Комиссаровым, Р.Р. Ибрагимовой.



Рис. 1. Общая панорама площадки.



Рис. 2. Расположение захоронений.

В мае–июне 2005 г. Синьцзянский отряд раскопал остальные части площадки, обнаружив 23 захоронения (рис. 2). Таким образом, всего за три года исследований памятник был раскопан полностью, найдено 52 могилы. Площадь вскрытия составила 4 000 кв. м, объем выкопанной земли – 18 000 куб. м.

II. Могильник и могилы

Все могилы выкопаны в песчаной почве, наибольшая глубина достигает 4 м. Площадка сложена из мелкого песка, цвет изменяется от светло-серо-бурого до светло-желтого. Толща между уровнями отверстия и дна могил содержит некоторые следы человеческой деятельности, но не образует культурного слоя.



Рис. 3. Каменная насыпь.



Рис. 4. Многослойная галечная кладка (циста).

Можно выделить два типа могил: с каменной насыпью и с каменной цистой. Гальки укладывались вертикально, обычно не меньше чем в три ряда, образуя овальную или прямоугольную (с округлыми углами) форму, середина в основном засыпалась песчанистой почвой; отдельные гальки в заполнении также могли использоваться при выкладке цисты. Каменные насыпи в основном представляют собой перекрытие (могилы) овальной формы, диаметром 3–5 м (у самой большой могилы М10 он достигает 7,6 м), иногда с выемкой посередине (рис. 3). Высота многослойной кладки цисты обычно составляет несколько десятков сантиметров, сама высокая достигает 0,95 м (рис. 4).

Гальки, из которых сооружались насыпи и цисты, большей частью диаметром 15–40 см.

Иногда на поверхности галек (как в насыпи, так и в кладке) видны следы огня – копоть и прокаленная почва. Иногда в насыпи находят фрагменты керамики, которую можно восстановить до целых сосудов; вероятно, их разбили намеренно. Сверху на некоторых насыпях обнаружены угли, прокаленная почва и обожженные кости (рис. 5). Внутри некоторых цист также найдены фрагменты керамики и кости козлов.

Из 52 могил 13 относятся к типу с насыпями, остальные – с каменными кругами (цистами). Однако некоторые могилы из-за незавершенности или разрушенности кладки трудно отнести к тому или иному типу.

Погребальная камера представляет собой грунтовую яму с вертикальными стенками, овальную или округло-прямоугольную в плане, ориентированную по оси запад–восток. В заполнении много щебня, иногда встречаются крупные гальки. Сравнительно большие плоские гальки часто встречаются у могильного отверстия, а также поверх костяков.

Преобладают вторичные захоронения нескольких человек; костяки хоронились послойно, чаще в один–два, иногда в три слоя. Целые костяки в основном лежали на спине с подогнутыми ногами, размещались

в восточной части камеры, головой на восток; одна или обе руки лежали в области живота или груди (рис. 6). Только отдельные костяки лежали на боку с подогнутыми ногами либо с головой, отделенной от тела (рис. 7). Вторичные захоронения в основном располагались в западной части камеры, кости отдельных скелетов были разбросаны или лежали кучками (рис. 8).

Всего найдено восемь одиночных и шесть парных погребений.

III. Форма погребений

Погребение состоит из двух частей: овальной каменной насыпи/каменного кольца и вертикальной грунтовой ямы. Ориентированы могилы в основном на восток, с небольшими отклонениями в 10–20 градусов. В заполнении много камней.

IV. Способ погребения

Погребения на спине или на боку с подогнутыми ногами, одиночные и групповые (все вторичные). Целые костяки ориентированы головой на восток, небольшие отклонения соответствуют ориентации могилы. В верхнем слое заполнения могильной ямы, как правило, много камней; около костяков находят черепа и четыре конечности домашних животных, обычно козлов, иногда лошадей (в могилах более высокого ранга) (рис. 9).

На камнях насыпей и цист найдена зола, так же как и на небольших каменных кольцах возле могил; возможно, это следы жертвоприношений.

V. Погребальные конструкции

Гробы и саркофаги отсутствуют. В семи могилах (только одиночных) выявлены остатки деревянного ложа для покойника, которое размещалось на дне могилы (рис. 10). Для этого в дно забивалось четыре (по углам) или



Рис. 5. Черепки керамики и прокаленная почва в могильной насыпи.



Рис. 6. Парное захоронение (могила M31).



Рис. 7. Захоронение, где голова отделена от тела.



Рис. 8. Вторичное захоронение.



Рис. 9. Захоронение черепа и костей лошади (с бронзовыми удилами).



Рис. 10. Погребение с остатками деревянного ложа.

шесть вертикальных столбиков (диаметром 4–8 см), которые сверху связывались от двух до четырех длинных продольных жердей и от четырех до шести коротких поперечин. Поскольку земля в заполнении довольно влажная, то невозможно сказать, применялись ли погребальные покрывала; в любом случае они не сохранились.

VI. Погребальный инвентарь

Инвентарь представлен не равномерно. Есть могилы вообще без инвентаря (М33, М36). Наибольшее количество керамических сосудов (в одной могиле) – семь экземпляров (М6), наибольшее количество бронзовых ножей – четыре экземпляра (М46); с ними найдены также и другие вещи. Всего в 52 могилах обнаружено 268 предметов инвентаря. В одиночных (мужских) погребениях отсутствует керамика; в групповых мужских погребениях помимо керамики в основном найдены бронзовые ножи и точильные камни; в групповых женских погребениях вместе с керамикой находят, в первую очередь, украшения (серьги, бусы) и каменные палочки, которые использовались для нанесения макияжа.

1. Керамика

Всего в 35 могилах найдено 80 керамических изделий ручной лепки. По формам сосудов представлены горшки, чаши, бокалы, миски; чаще всего горшки (рис. 11) сочетаются с чашами (рис. 12). Керамика в основном красноцветная, с содержанием песка. Узор покрывает все тулово сосуда или его верхнюю часть (рис. 13). Преобладают узоры в форме треугольников, опоясывающих линий, ромбов, сетки и волн; иногда встречается узор в виде наклонно написанного иероглифа «глаз» (прямоугольник с двумя поперечными линиями) или колосьев. Наносились узоры наконечниками или короткими резными линиями, иногда встречается штамп или налепы.



Рис. 11. Керамический горшок.



Рис. 12. Керамическая чаша.



Рис. 13. Расположение орнамента на керамике.



Рис. 14. Бронзовый нож.

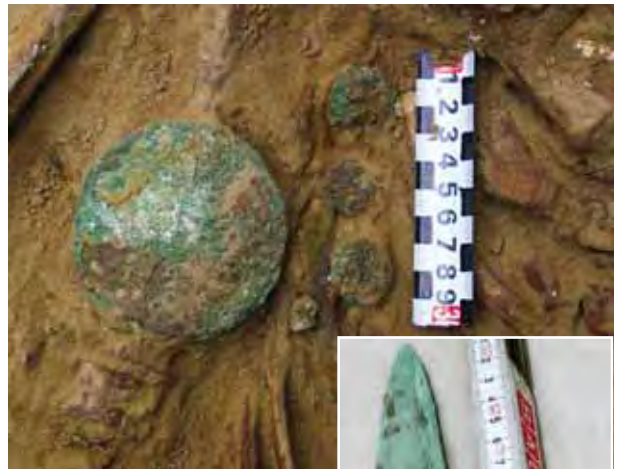


Рис. 15. Бронзовое зеркало.

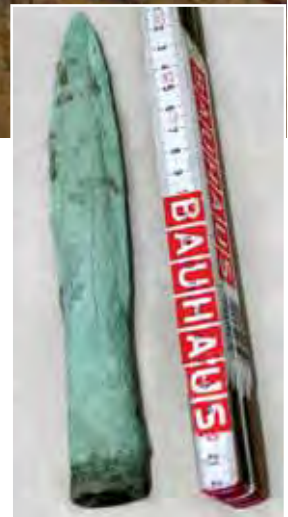


Рис. 16. Бронзовый наконечник копья.

2. Бронзовые изделия

Найдены в 38 могилах, представлены ножами (рис. 14), застёжками, бусинами, наконечниками стрел, деталями сбруи, серьгами, браслетами, зеркалом (рис. 15), наконечником копья (рис. 16) и др.

3. Изделия из камня

Больше всего найдено бусин, в одной могиле обычно находят несколько десятков, но их число может достигать и нескольких сотен.

Также в каждой могиле находят один–два точильных камня, в основном подпрямоугольной формы, с отверстием на одном конце, тогда как другой конец изгибается дугообразно внутрь (рис. 17); встречаются точильные камни треугольной формы. Также часто встречаются каменные палочки и кусочки высококачественного угля для подведения ресниц и бровей (рис. 18).



Рис. 17. Точильный камень.



Рис. 18. Набор для макияжа.



Рис. 19. Золотая серьга.



Рис. 20. Роговые псалии (с бронзовыми удилами).



Рис. 21. Подвески, изготовленные из фаланг человеческих пальцев.

4. Изделия из поделочных камней

В основном это агатовые бусы и нефритовые подвески. Для Синьцзяна это наиболее ранний нефрит, имеющий четкую археологическую датировку.

5. Изделия из золота.

В трех могилах найдены золотые вещи: серьги-подвески (рис. 19), бисер и украшения пояса.

6. Изделия из кости и рога.

Найдены роговые псалии (рис. 20), наконечники стрел, служившие оружием, и украшения для прически. Уникальна находка подвесок из фаланг человеческих пальцев (рис. 21). Выявлены также раковины и бусины.

7. Изделия из железа.

Найдено очень немного фрагментов железных изделий, в одном из них можно разглядеть нож.

VII. Основные результаты

Могильник Люшуй – первый погребальный памятник бронзового века, найденный в северных отрогах Куньлуня и полностью раскопанный. На сегодняшний день он представляет наиболее ранний культурный объект в данном регионе.

По форме и орнаменту керамика значительно отличается от найденной в других районах Синьцзяна, но обнаруживает некоторое сходство с археологическими находками на юго-западе Китая, в Ганьсу и Цинхае. Ранее такое сходство прослеживалось на фрагментах керамики, собранных при обследовании памятников в низовьях старого русла р. Керия и местности к северу от городища Ния, но только материалы из Люшуй являются полностью аутентичными, поскольку происходят из археологических раскопок.

На просторах Центральной и Западной Азии не обнаружено культурных факторов, полностью совпадающих с находками из Люшуй. В то же время можно отметить немало аналогий по отдельным чертам. Судя по устройству могильных конструкций и погребальному обряду, могильник Люшуй сравнительно близок «захоронениям с поврежденными конечностями», представленными в культуре могильника Тимаргарха в области Гандхары (Свата) в Пакистане, к западу от Куньлуня. Керамика по форме и узору близка карасукской культуре Центральной Азии и чустской культуре Ферганской долины в Узбекистане. Кроме того, в формах и узорах керамики можно

проследить сравнительно близкое сходство с горшками с одним ушком, найденными в могильнике Цюйгун в районе Лхасы, Тибет. В составе археологических культур Синьцзяна таких узоров пока не выявлено; по формам сосудов можно видеть их продолжение в находках могильника Цзагуньлук, уезд Цемо (Черчен), которые, однако, гораздо позднее по хронологии.

Бронзовые ножи похожи на аналогичные находки в культуре чауху (IVM176:7, IVM4:14) и на могильнике Яньбулак в районе Хами (M175: 36); серьги-подвески в форме бубенчика (бронзовые и золотые) близки находкам в составе раннескифских культур Сибири; бронзовые псалии, удила, наконечники стрел близки найденным в Аржане.

В целом мы считаем, что возраст археологической культуры, представленной на могильнике Люшуй, примерно соответствует 1000 г. до н.э. Уже полученные радиоуглеродные даты: 2950 ± 50 (по человеческим костям из могилы M4), 2980 ± 50 , 2640 ± 80 , 2890 ± 40 , 2950 ± 40 (по древесному углю, соответственно, из могил M12, M15, M17, M26) также довольно близки предложенной дате.

Следует подчеркнуть, что в культуре, представленной могильником Люшуй, отразился культурный взаимообмен, который осуществлялся в указанный период в пределах горных систем Алтая, Тянь-Шаня и Куньлуня как по линии запад – восток, так и по линии север – юг.

В процессе раскопок мы обратили внимание на то, что насыпь не сооружалась исключительно из галек: сначала внутри каменного кольца делалась земляная насыпь, которая затем сверху кольцами закрывалась галечной крышкой. Этот способ строительства произошел не из-за недостатка галечного материала, который было неудобно доставлять издалека, поскольку на берегах двух рек, примыкающих к площадке могильника, было достаточно гальки. Причина – в концепции строительства конструкций на поверхности земли данного вида могильных сооружений, которая была у населения Люшуй три тысячи лет назад. Количество колец в погребениях с цистами не имеет определенного стандарта; в верхнем слое их средней части у большинства найдены набросанные обломки камней, в то же время определенно существовало расположение колец снизу вверх. На основании этого можно предположить, что кольца цист не располагались на плоской поверхности земли, а должны были

охватывать вокруг расположенную внутри земляную насыпь. Также можно сказать, что насыпь внутри колец возвышается над ними. Благодаря этому выявилась следующая возможность: не были ли изначально могилы с каменными кольцами могилами с каменной насыпью? Камни верхней части насыпи забирались для использования при последующих погребениях, оставались только каменные кольца у основания.

Приблизительно у половины могил как с насыпями, так и с цистами с восточной стороны выявлены небольшие каменные кольца диаметром 40–60 см, некоторые со следами костров внутри. В захоронениях Люшуй преобладает ориентация на восток; возможно, малые круги служили указателями направления, сооруженными рядом с могилами. Следы использования огня, возможно, указывают на то, что эти малые круги служили особыми площадками для жертвоприношений путем сжигания пищи.

В 52 могилах всего найдено 164 скелета, соотношение мужчин и женщин как 87 : 100; средний возраст умерших равен примерно 35 годам. Предварительный антропологический анализ выявил как европеоидные, так и монголоидные черты, что указывает на смешение рас в этом регионе уже 3 000 лет назад. Выделенный в составе монголоидов тибетский антропологический тип указывает на устойчивые контакты с древним населением Тибет-Цинхайского плато.

Местность, где расположен могильник Люшуй, – это прекрасное горное пастбище, благо-

приятное для жизни людей. Как показало обследование, в 15 км вверх по течению р. Люшуй, также на площадке у речного берега расположен еще один могильник. Собранные там бронзовые бусины из разрушенных могил полностью одинаковы с аналогичными бусами из могильника Люшуй. Можно полагать, что древнее население того периода не ограничивалось только берегом р. Люшуй, но и расселялось дальше в верховьях р. Керия и по ее притокам.

По итогам раскопок могильника Люшуй, а также на основе привлечения других смежных данных можно видеть, что довольно ранние древние памятники бассейна р. Керия (датируются периодом 3 000–2 000 лет до н.э., в нижнем течении представлены городищем Юаньша и памятниками к северу от него) в основном распространялись в районах, близких к верховью и низовью реки. В ранний период деятельность людей в Таримской котловине в основном протекала в верховьях и низовьях рек, поскольку бурные изменения русла в среднем течении не благоприятствовали оседлой жизни.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что могильник Люшуй представляет наиболее раннюю по дате древнюю культуру в пределах северного Куньлуня. Полные систематические раскопки этого уникального памятника позволили получить ценные археологические материалы, что способствует выработке последовательности археологических культур Синьцзяна эпохи раннего металла.

В.И. Гуляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия

ДРЕВНОСТИ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ: НОВЫЕ НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ

Скифская эпоха (VII–III вв. до н.э.) – одна из наиболее ярких страниц в истории племен и народов Восточной Европы, обитавших на территории Северного Причерноморья, от Дуная на западе до Дона на востоке. Именно тогда здесь появилось первое военно-политическое объединение государственного типа. Господствовали в нем скифы – кочевые ираноязычные племена, пришедшие в благодатные причерноморские степи не позднее VII в. до н.э. откуда-то «из глубин Азии» (Геродот).

Проблемы скифской археологии и истории всегда находились в центре внимания отечественной науки. Однако с распадом СССР большая часть курганов и городищ, связанных со скифами Северного Причерноморья осталась в пределах суверенной Украины. В России же древности европейских (т.е. живших между Дунаем и Доном) скифов и особенно памятники эпохи расцвета Скифии (V–IV вв. до н.э.) есть только на среднем и нижнем Дону, на территории Воронежской, Белгородской и Ростовской областей.

Донские земли в тот период были восточной окраиной скифских владений, но окраиной не захудалой, а весьма богатой и стратегически важной. Именно здесь проходили основные торговые пути древности, включая знаменитый «Северо-восточный путь» из античной Ольвии на Урал, описанный Геродотом и археологически обоснованный известным скифологом Б.Н. Граковым. Здесь же происходили и крупные этнокультурные процессы I тыс. до н.э. (миграции, торговые, культурные и политические контакты, военные столкновения) самых разных этнических групп: скифов, савроматов, меотов, угрофиннов и др. Ниже речь пойдет лишь о территории Среднего Дона. Географически он включает

в себя современные Воронежскую и Белгородскую области целиком, а Липецкую, Ростовскую области – частично.

По своим природно-климатическим условиям средний Дон относится к лесостепной и частично степной зонам. Эта территория – обширная холмистая равнина, покрытая в ряде мест довольно густыми широколиственными лесами и орошаемая многочисленными реками и ручьями. Характерный признак среднедонской лесостепи – чередование открытых безлесных степных пространств со значительными массивами лесов.

Донская археологическая экспедиция Института археологии РАН (ДАЭ) ведет исследования памятников скифской эпохи на Среднем Дону с 1990 г. За этот период было изучено 4 городища и несколько курганных могильников (около 70 курганов) в Воронежской и Белгородской областях. С самого начала этих работ нам удалось (впервые в практике среднедонской археологии) наладить постоянное и тесное сотрудничество с представителями естественных наук (палеозоологи, палеоботаники, антропологи, палеогеографы и др.).

К началу работ ДАЭ общая картина этнокультурной ситуации на Среднем Дону выглядела следующим образом. Археологические раскопки ведутся здесь уже более 100 лет. За это время профессиональными археологами исследовано около 200 курганных комплексов скифской эпохи и примерно 15 городищ (рис. 1, 2). До 50-х годов прошлого века известные российские ученые А.А. Спицын, Н.Е. Макаренко, М.И. Ростовцев, В.А. Городцов, С.Н. Замятин всю территорию Воронежской обл. с ее богатейшими курганами V–IV вв. до н.э. (Частые Курганы, Мاستюгино) безоговорочно включали в состав Европейской

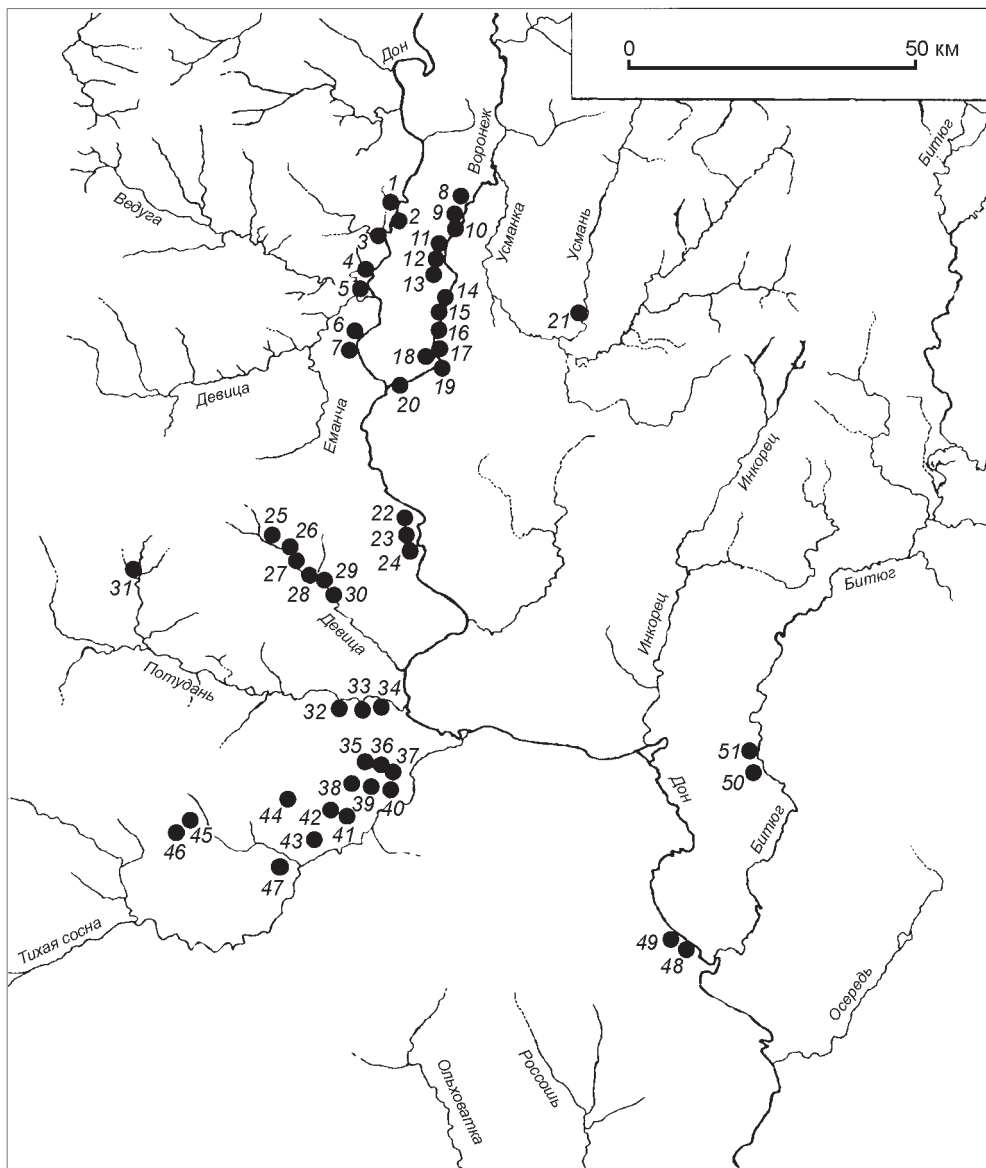


Рис. 1. Городища скифского времени на территории лесостепного Подонья.

1 – Каменка; 2 – Конь-Колодезь; 3 – Отсочное; 4 – Губарёво; 5 – Семилуки; 6 – Устье I; 7 – Устье II; 8 – Сенное; 9 – Ситное; 10 – Пекшево; 11 – Ивницы; 12 – Рамонь II; 13 – Животинное; 14 – Чертовицкое II; 15 – Чертовицкое I; 16 – Белогорское; 17 – Егеревский Кордон; 18 – Михайловский Кордон; 19 – Кузнецовское; 20 – Сады; 21 – Орлово; 22 – Архангельское; 23 – Малое Сторожевое; 24 – Большое Сторожевое; 25 – Россошки I; 26 – Белая Гора I; 27 – Белая Гора II; 28 – Белая Гора III; 29 – Труфановское I; 30 – Труфановское II; 31 – Скупая Потудань; 32 – Солдатское; 33 – Мостище; 34 – Авериное; 35 – Волошино I; 36 – Волошино II; 37 – Волошино III; 38 – Волошино IV; 39 – Волошино V; 40 – Волошино VI; 41 – Шубное; 42 – Русская Тростянка; 43 – Круглое; 44 – Кировское; 45 – Верхняя Покровка I; 46 – Верхняя Покровка II; 47 – Стрелецкое; 48 – Малое Костомаровское; 49 – Большое Костомаровское; 50 – Тромбаки; 51 – Кудеярово.

Скифии, а местные курганные погребения приписывали скифам. Поселения и городища тогда практически не исследовались.

В 1954 г. в этом регионе начала свои работы по изучению древностей РЖВ археологическая экспедиция ИИМК (с 1956 г. – ИА) АН СССР, возглавляемая П.Д. Либеровым. После более чем 15 лет интенсивных раскопок в Воронежской и

Белгородской областях он, основываясь на новых значительных материалах (до 80 курганов и около 10 городищ), высказал мнение о существовании в лесостепном Подонье в VII–III вв. до н.э. особой «скифоидной» среднедонской культуры и приписал ее племенам будинов и гелонов, упоминаемым Геродотом [Либеров, 1973]. Он считал их автохтонным населением, происходящим от

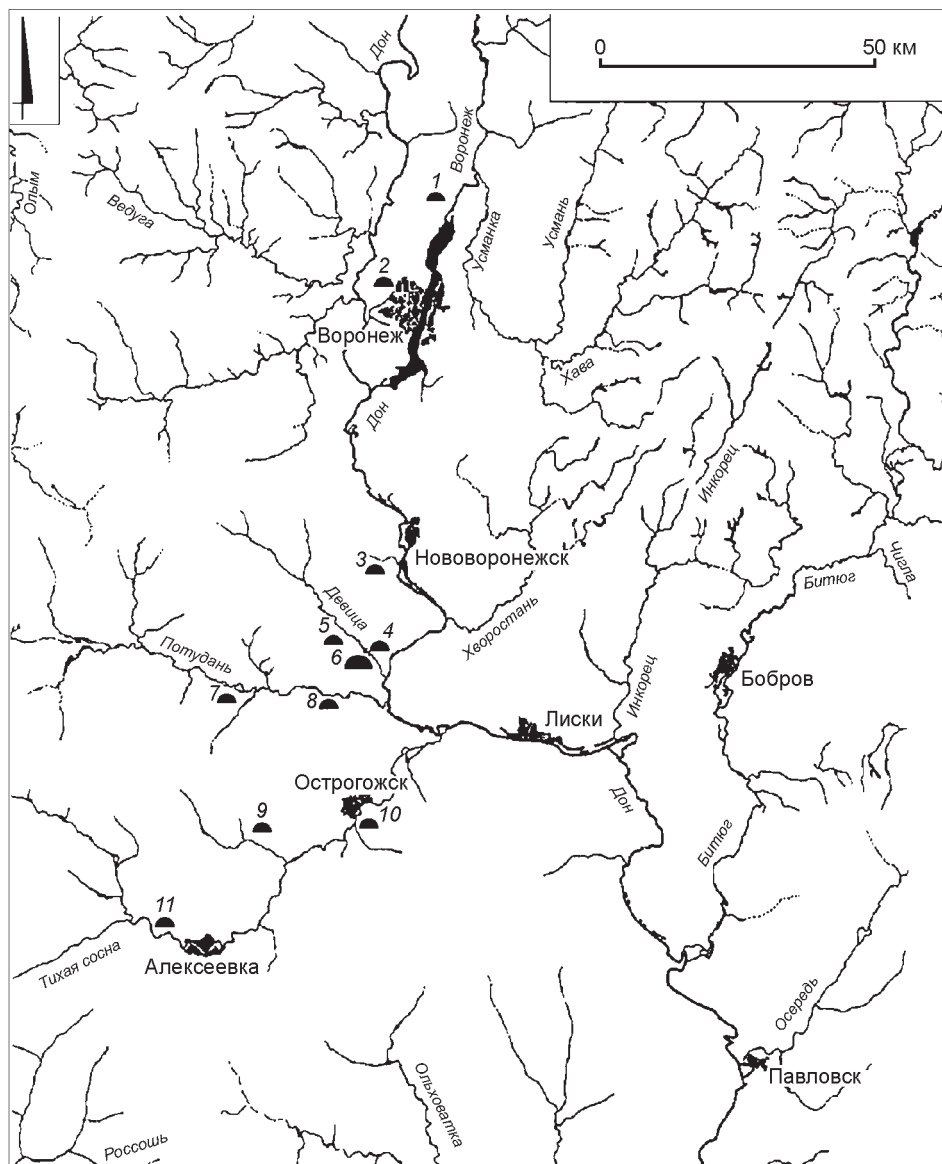


Рис. 2. Могильники скифского времени на среднем Дону.

1 – Староживотинное; 2 – Частые курганы; 3 – Мاستюгино; 4 – Дубовой; 5 – Болдырёвка II; 6 – Девица V; 7 – Горки; 8 – Терновое-Колбино; 9 – Русская Тростянка; 10 – Ближнее Стояново; 11 – Дуровка.

местных племен предшествующих культур эпохи бронзы – срубной и абашевской – и ведущим оседлый земледельческо-скотоводческий образ жизни. Будинов ученый отнес по этносу и языку к предкам угро-финнов. Последующие исследования показали, что между периодом поздней бронзы и началом скифской эпохи на среднем Дону никакой связи нет. Более того, культура скифского времени появляется в данном регионе уже во вполне сложившемся виде не ранее начала V в. до н.э. Это доказывают и курганные, и городищенские материалы. Территорию «ски-

фоидной» среднедонской культуры П.Д. Либеров ограничивал только рамками правобережья среднего Дона – от Воронежа до р. Тихой Сосны. Культуру местных городищ и курганов ученый считал единой.

В 90-е годы эту концепцию поддержал и развил воронежский археолог А.П. Медведев. Он также отдал рассматриваемый регион будинам и гелонам, но будинов объявил **автохтонным оседлым** населением, жившим на городищах и хоронившим своих умерших в не найденных пока грунтовых могильниках, а гелонов – «скифоид-

ными» ираноязычными кочевниками-завоевателями, погребенными в курганах. Правда, учитывая большое сходство культуры РЖВ Среднего Дона с синхронными памятниками лесостепного днепровского левобережья, этот исследователь расширил ареал обитания будинов от Дона до Днепра. Таким образом, в данной концепции речь идет о двух разных этносах и культурах: о будинских городищах и гелонских курганах. Никаких



Рис. 3. Серебряный греческий сосуд. IV в. до н.э. Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская область. Курган № 18, погребение 2 (впускное).

весомых аргументов в пользу своих взглядов А.П. Медведев не приводит [1999]. Между тем как П.Д. Либеров, так и наиболее известный исследователь среднедонских поселений в 50–70-е гг. XX в. А.И. Пузикова всегда считали местную культуру единой и убедительно доказали, что находки из курганных могил и из культурного слоя городищ (конечно, с учетом отличий вещевого комплекса поселенческих и погребальных памятников) абсолютно одинаковы. И там, и здесь есть все элементы скифской «триады» – вооружение, конское снаряжение и предметы «звериного стиля» [Пузикова, 2000].

Исследования ДАЭ позволили установить общескифский, всаднический, древнеиранский характер погребального обряда среднедонских племен в V–IV вв. до н.э. (ближе всего он к курганным комплексам Приднепровской лесостепи и степной Скифии, исключая катакомбы) [Савченко, 2001; Гуляев, 2009]. О большом сходстве находок из среднедонских курганов с инвентарем, находимым в элитных гробницах степной и лесостепной Скифии, также уже говорилось не раз [Гуляев, 2003, 2008, 2010] (рис. 3–13).

О том, что среднедонская культура скифского времени очень близка погребальным обрядам и вещевому комплексу курганов нижнего Дона и особенно междуречья Дона и Северского Донца, писали К.Ф. Смирнов [1983], В.П. Копылов [2000], В.Е. Максименко [1998] и что, следовательно, первая из них не замыкалась в узких рамках лесостепного Подонья, а распространя-



Рис. 4. Золотые серьги-подвески с фигурками пантер. Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская область. Курган № 18, погребение 2 (впускное).



Рис. 5. Золотые бляшки от нагрудного украшения в виде головы кабана. Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская область. Курган № 18, погребение 2 (впускное).



Рис. 6. Серебряное (с примесью меди) зеркало. Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская область. Курган № 18, погребение 2 (впускное).



Рис. 7. Роговой гребень с фигурой гепарда. Могильник у с. Терновое, Воронежская обл. Курган 8, погребение «амазонки».





▲
Рис. 8. Роговые двудырчатые псалии с изображением головы лося. Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская обл. Курган 8.

▲
Рис. 9. Меч с ажурным клинком и обложенной золотой фольгой рукоятью («чертомлыкского типа»). Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская обл. Курган 7.



Рис. 10. Рукоять меча с фигурками реальных и фантастических животных. Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская обл. Курган 7.



Рис. 12. Бронзовые бляхи от ремней конской узды (фигурки медведей и головы лошадей). Могильник у с. Горки, Белгородская обл. Курган 10.



Рис. 11. Золотая бляшка с изображением лошади (?). Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская обл. Курган 7.

лась далее на юг, вдоль донского правобережья (курганы у хуторов Ясырев и Карнауховский, Сладковский, Шолоховский и Кашеевский могильники). Однако решающий вклад в дискуссию об этнокультурной принадлежности сред-

недонского населения и его образе жизни вносят сейчас данные естественных наук.

Промывка культурного слоя исследуемых ДАЭ городищ (Россошки, Мостище, Архангельское) плюс анализ отпечатков зерновых на керамике (как с поселений, так и из курганных могил) показала, что населению среднего Дона в V–IV вв. до н.э. был присущ в земледелии хорошо известный общескифский комплекс возделываемых растений – просо (всегда преобладает), ячмень и пшеница-двузернянка. К тому же на местных городищах (за редким исключением) отмечен очень тонкий слой культурных отложений (20–30 см). «Причиной столь явной бедности культурного слоя некоторых из исследованных нами городищ, – отмечает палеоботаник Е.Ю. Лебедева, – может быть кратковременный период их существования и функциональное назначение. Нельзя исключить, что эти городища не были поселениями в классическом виде, т.е. местом **постоянного** проживания значительных групп людей. Такие укрепленные пункты служили, вероятно, для укрытия населения близлежащих селищ только в период грозящей опасности, а постоянно там проживал (да и то, видимо, не круглый год) лишь небольшой гарнизон» [Лебедева, Антипина, 2009].

Изучение костей животных с поселений скифской эпохи палеозоологами показало, что в качестве мясной пищи у обитателей городищ на первом месте стоит лошадь (от 46 до 57%), далее идут овца-коза и крупный рогатый скот. Доля свиней (если это не дикие особи) – ничтожна и составляет менее 1%. Лошадь играла огромную роль и в погребальном ритуале: 95% напутственной пищи в курганах – части конских туш, и это сближает материалы среднедонских могильников с погребальными памятниками степных районов Северного Причерноморья.

Объясняя причины слабой насыщенности костями животных слоев большинства исследованных на среднем Дону городищ скифской эпохи, палеозоолог Е.Е. Антипина высказала предположение о подвижной скотоводческой модели хозяйства у местных племен. «Сочетание кочевого и, особенно, полукочевого скотоводства с земледелием хорошо известно по многочисленным этнографическим наблюдениям», – отмечает она [2001].

Антрополог М.В. Добровольская, изучив останки более 120 индивидов разного пола и воз-



Рис. 13. Серебряный конский налобник в виде головы грифона. Курганный могильник у с. Колбино, Воронежская обл. Курган 2.

раста из среднедонских курганов РЖВ, пришла к заключению, что полученные результаты позволяют характеризовать «курганное население как **степное**, с демографическими особенностями, типичными для кочевого скотоводческого общества» [2009]. И далее: «Крупные размеры длинных костей посткраниального скелета характерны для населения евразийских степей раннего железного века...».

Какие же выводы можно сделать на основании вышесказанного?

В начале V в. до н.э. какая-то довольно многочисленная группа кочевого или полукочевого скифского населения (место их исхода пока неизвестно, но оно наверняка находилось в пределах Европейской Скифии) утвердилось в лесостепном Подонье, возведя там родовые курганные могильники и устроив укрепленные городища.

В теплое время года (весна, лето, ранняя осень) эти кочевые или полукочевые скотоводы обитали в богатых среднедонских краях, а на зиму уходили со стадами и имуществом на юг, в более благоприятные для зимовки табунов и отар места. Городища-крепости служили убежищами в момент обитания всей орды на среднедонской земле, а в холодное время покидались даже гарнизонами. Для контроля за регионом в это время года особых усилий не требовалось. Но в нескольких ключевых пунктах такие гарнизоны и обслуживающий их персонал, семьи все же, видимо, оставались: например, Большое Сторожевое городище на правом берегу Дона или

Волошинское I городище на р. Тихой Сосне. Там культурный слой имел толщину в 60–80 см и был насыщен находками.

Учитывая крайнюю удаленность лесостепного Подонья от главных центров Скифии и его пограничное положение на стыке двух больших этнокультурных областей (финно-угры на севере, савроматы-сарматы на востоке), политическое положение этой скифской группы было довольно неустойчивым, и ей пришлось почти два столетия вести упорную борьбу за обеспечение безопасности своих владений. Об этом говорит обилие предметов вооружения (включая самый большой в Скифии процент железных панцирей) в могилах (как мужских, так и женских) и следы травм и ранений (в том числе и смертельных) на скелетах некоторых погребенных. На рубеже IV–III вв. до н.э. в силу не выясненных пока до конца причин культура скифского времени на среднем Дону (как, впрочем, и в остальной Скифии) прекращает свое существование: не возводятся большие курганы, затухает жизнь на городищах. Во II в. до н.э. на этих землях прочно утверждаются близкие родственники скифов – ираноязычные племена кочевников-сарматов.

Список литературы

- Антипина Е.Е.** Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Потудан. археол. экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 171–187.
- Гуляев В.И.** Донская археология, общескифские проблемы и научное наследие М.И. Ростовцева // Парфянский выстрел / под ред. Г.М. Бонгарда-Левина, Ю.Н. Литвиненко. – М.: Росспэн, 2003. – С. 165–187.
- Гуляев В.И.** Престижные вещи из среднедонских курганов скифского времени и проблема единой Скифии // Проблемы современной археологии. – М.: Таус, 2008. – С. 155–172.
- Гуляев В.И.** Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам среднедонских курганов скифского времени) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Дон. археол. экспедиции ИА РАН, 2004–2008. – М.: ИА РАН, 2009. – С. 10–25.
- Гуляев В.И.** Золото в погребальном обряде скифов и их восточных соседей // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М.: Таус, 2010. – С. 107–128.
- Добровольская М.В.** Палеодемография среднедонского населения раннего железного века // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Дон. археол. экспедиции ИА РАН, 2004–2008. – М.: ИА РАН, 2009. – С. 174–185.
- Копылов В.П.** Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 157–166.
- Лебедева Е.Ю., Антипина Е.Е.** Городище Россоски – «постоянный адрес или временная прописка?» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Дон. археол. экспедиции ИА РАН, 2004–2008. – М.: ИА РАН, 2009. – С. 198–220.
- Либеров П.Д.** Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 103–114. – (МИА; № 177).
- Максименко В.Е.** Сарматы на Дону. – Азов: Азов. обл. краевед. музей, 1998. – 304 с. – (Донские древности; вып. 6).
- Медведев А.П.** Ранний железный век лесостепного Подонья: Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. – М.: Наука, 1999. – 158, [2] с.: ил.
- Пузикова А.И.** Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 258–267.
- Савченко Е.И.** Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Потудан. археол. экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 53–143.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1983. – 184 с.

Е.Г. Дэвлет, М.А. Дэвлет

Институт археологии РАН, Москва, Россия

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ «СКИФСКИХ ОЛЕНЕЙ» В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ И НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ

Оленные камни – каменные стелы и плиты с определенным образом стилизованными изображениями – встречаются на огромной территории, протянувшейся в широтном направлении вдоль пояса Великих Евразийских степей от верховьев Амура на востоке до Эльбы на западе. В настоящее время, судя по опубликованным данным, известно более 700 оленных камней. Наблюдается наибольшая их концентрация в Монголии, где, по данным Д. Цэвээндоржа, насчитывается около 600 экземпляров оленных камней [Цэвээндорж, 2011, с. 72], и уже с древних времен они стали частью ландшафта.

Стелы бывают плоскими, округлыми, многогранными, но в большинстве случаев они четырехгранные со скошенным верхом, причем узкие грани, как правило, – это лицевая и тыльная (задняя) стороны, а широкие грани – боковые. Местное тюркское население называло их *сыын таи*, что в переводе означает – «оленный камень». Это название стелы получили благодаря характерным фигуркам «летающих» оленей, которые зачастую их опоясывают и, перетекая с грани на грань, как бы рвутся по спирали вверх. Изображения, покрывающие каменные плоскости, бывают трактованы в условно реалистической манере или же в орнаментально-декоративной. Встречаются фигуры и других животных, среди них лошади, кабаны, козлы, собаки, пантеры, изредка птицы.

Украшения, оружие, орудия труда и элементы одежды, представленные на оленных камнях, копировали реальные предметы, известные среди археологических материалов, которые были в употреблении в эпоху создания стел. Для изображений различных атрибутов характерна определенная зональность. Они располагаются так, как их реальные прототипы разместились бы на

фигуре человека – вооруженного воина. В верхней части – шапочка или повязка, ниже серьги, ожерелье. В средней части – пояс, оружие, нож, оселок, зеркало и пр. На спине выше пояса обычно находился решетчатый пятиугольник, обозначающий щит. Есть основания предполагать, что некоторые из этих атрибутов, в первую очередь, кинжалы, изображают «оружие предков», ко времени создания оленных камней уже вышедшее из обихода.

Касаясь семантики этих памятников, внутреннего содержания заложенных в них идей, В.В. Волков высказывал точку зрения, что «оленные камни с большой долей уверенности можно поместить в эквивалентный ряд, выражающий определенное представление о центре мироздания, – мировой горы, мирового дерева, жертвенного столба, образа божественного первопредка “Ригведы”». Во всяком случае совершенно ясно, что в основе семантики оленных камней лежит универсальная идея, хорошо понятная всем и везде – каждому пастуху-кочевнику в любом районе евразийских степей» [2002, с. 18].

Н.Н. Диков пришел к убедительному выводу, что камни являются олицетворением человека, посмертным памятником воину [1958, с. 46]. Большинство современных исследователей признают, что оленные камни являются олицетворением человека и воплощают в себе идеальный образ героизированного предка – вождя и покровителя. Почти всегда антропоморфный образ первопредка «зашифрован», крайне редко встречаются отдельные скульптурно, хотя и весьма условно, выполненные фигуры. Лишь немногим более двух десятков изваяний имеют отчетливые признаки антропоморфности. На том месте, где должно было бы находиться лицо персонажа,

иногда наносились три косо расположенные параллельные линии, значение которых до сих пор остается не до конца разгаданным.

Несколько оленных камней были переоформлены в тюркское время: на них были выбиты человеческие лица, некоторые послужили исходным материалом для изготовления древнетюркских изваяний. Ю.И. Ожередовым в Монгольском Алтае на берегу р. Цалуу была открыта стела, которая, если посмотреть на нее с одной стороны, выглядит как оленный камень, а если взглянуть с другой – как древнетюркское изваяние [2003, рис. 2]. У одной из тюркских каменных баб из Алтан сандал (Архангайский аймаг) на спине изображена фигура оленя – это все, что осталось после переоформления от первоначального обелиска – оленного камня. В одном случае средневековый мастер в качестве контура головы сидящей фигуры, высеченной им на стеле, использовал древнее изображение кольцевидной серьги [Позднеев, 1896, с. 217; Волков, 2002, табл. 35, 1].

Актуальна проблема происхождения оленных камней, однако решение ее все еще остает-



Рис. 1. Азасская стела. Личина на обломке камня.

ся в области догадок. М.П. Грязнов высказывал предположение, что первоначальные прототипы оленных камней – деревянные столбы с нарисованными фигурами. Д.Г. Савинов писал о возможном распространении окуневских традиций с севера, из области существования окуневских изваяний, на юг, в область распространения оленных камней. В качестве изобразительного выражения этих процессов он рассматривал иконографические особенности антропоморфного образа на оленных камнях. По его мнению, отдельные, хотя и немногочисленные, совпадения между деталями оформления окуневских изваяний и оленных камней представляются не случайными, а вполне закономерными, несмотря на то что духовный «мир» окуневских изваяний эпохально отличен от «мира» оленных камней [Савинов, 1994, с. 89, 90].

«Непосредственных предшественников оленных камней неизвестно, – писал исследователь, – но теоретически ту же функцию могли исполнять любые материальные объекты (в первую очередь, вертикально установленные стелы, крупные камни и т.д.), не имеющие никаких знаковых отличий и поэтому неопределимые с точки зрения времени их использования» [Там же, с. 138].

Возможно, о промежуточном варианте изваяния между окуневскими каменными бабами и оленными камнями может идти речь в случае с Азасской стелой из Тоджи (рис. 1, 2). Географическая изолированность и труднодоступность Тоджинского горно-таежного района, который находится на стыке таких значительных культурно-исторических областей как Тува, Минусинская котловина, Прибайкалье и Монголия, обусловили своеобразие его исторического развития. Это своеобразие, нашедшее отражение в особенностях тоджинского диалекта, удастся проследить и на основании археологического материала еще с глубокой древности.

Азасская стела – самобытный и загадочный памятник древности, которому не удастся отыскать прямых аналогов в соседних областях. Она была установлена на вершине невысокой горки на правом берегу протоки, соединяющей крупнейшее в Тоджинской котловине оз. Азас и оз. Хочжир-Холь, из которого вытекает р. Тоора-Хем, правый приток Бий-Хема. Каменная плита подтреугольной формы из серого песчаника была врыта в землю на треть высоты, обращена широкими гранями на север и на юг, узкой торцо-

вой – на восток. С северной стороны стела была укреплена контрфорсами, тем не менее она сильно накренилась к северу и возвышалась над поверхностью земли менее чем на метр.

У подножия горки вдоль края береговой террасы высотой 4–5 м над урезом воды открыты стоянки древнего человека с каменным инвентарем, к исследованию которых Тоджинский отряд ИА АН СССР под руководством М.А. Дэвлет приступил в 1969 г. В первые же годы работы отряда в этой местности стела на вершине горки, вызывающая ассоциации с минусинскими каменными бабами, привлекала внимание. На узкой торцовой грани стелы углубленные слабо различимые линии как будто передают человеческое лицо вытянутых очертаний с пересекающей его горизонтальной полосой. Предполагаемые черты лица – глаза и рот – представлены овальными углублениями, нос – вертикальной и горизонтальной линиями, образующими между собой прямой угол. Ниже подбородка дугообразной линией обозначен «нагрудник». Однако первоначально не было и теперь нет уверенности в том, что здесь, на торцовой поверхности основной части стелы, представлена именно антропоморфная личина, поэтому прорисовка эстампажа так и не была выполнена. К тому же на фотографиях, сделанных в разное время суток, изображения на торцовой части стелы выглядят по-разному.

Широкие углубленные линии на узкой торцовой грани каменной плиты появились явно в результате деятельности человека, а не игры природы. Этот вывод подтверждало следующее обстоятельство. Близ стелы из земли торчал край небольшого скального обломка. После того как этот камень был извлечен из земли, оказалось, что он представляет собою сколотую после установки стелы ее верхнюю часть. Геологи, которые осматривали Азасский камень, склонялись к мнению, что отбить его верхнюю часть удалось, предварительно раскалив его в огне, а затем облив холодной водой. На участке плоскости скального обломка, которая прежде являлась продолжением торцовой грани стелы, довольно глубокими линиями было отчетливо выбито изображение круглой антропоморфной личины с расходящимися в стороны от абриса отростками-лучами. Глаза обозначены округлыми ямками, а нос и рот в виде прямых черточек. Места скола не выглядят свежими. Верхняя часть стелы, надо полагать, была отколота еще в древности и вско-

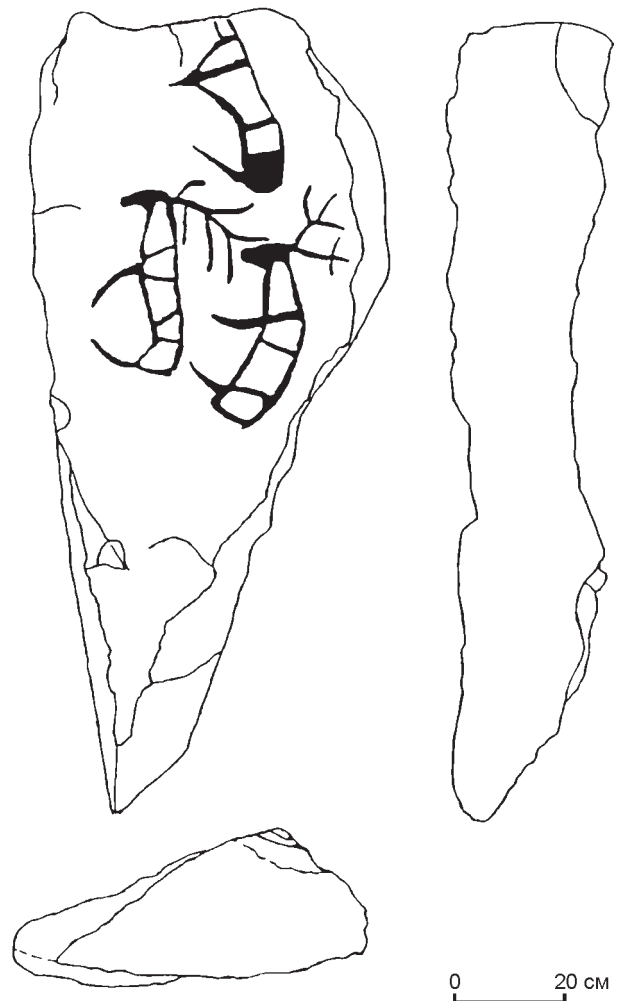


Рис. 2. Азасская стела.

1 – северная сторона с изображениями оленей; 2 – восточная торцовая грань (без прорисовки изображения); 3 – сечение.

ре оказалась погребенной под землей. Изображение на отбитом обломке сохранилось несравненно лучше, чем на основной плите, поскольку в меньшей степени было подвергнуто природному воздействию – выветриванию, резкому перепаду температур и др.

Если отколовшуюся верхнюю часть камня приложить к месту скола, то перед зрителем при определенном освещении предстает двухъярусное изображение антропоморфных личин. Из них верхняя с круглым абрисом, а нижняя продолговатая и лишенная контура. Чтобы подтвердить или опровергнуть предположение об антропоморфном характере изображения на основной стеле, был проведен «следственный эксперимент». Люди – случайные прохожие, которые соглашались помочь в этом начинании,

рисовали то, что они видят на торцевой стороне камня. Большинство участников «эксперимента» изобразили человеческое лицо вытянутых очертаний, остальные — отдельные беспорядочные линии, из которых наиболее четко прослеживается горизонтальная, подобная той, что обычно на центрально-азиатских оленных камнях означает пояс кочевника, а на окуневских стелах линию татуировки или раскраски, пересекающую личину. Стелы с расположенными друг под другом личинами характерны для окуневской культуры. Это обстоятельство при наличии более веских аргументов могло бы свидетельствовать в пользу окуневского происхождения Азасского камня.

В наши дни в большинстве своем минусинские каменные бабы не находятся на первоначальных местах их установки, а перемещены в результате вторичного использования. Древние жители среднего Енисея, сменившие на исторической арене окуневцев, при сооружении надмогильных каменных оград для своих умерших сородичей в качестве строительного материала иногда использовали древние стелы, зачастую вкапывая изваяния в землю «вниз головой». В тех редких случаях, когда стелы не были потревожены и находились на первоначальных местах установки, они, по свидетельству А.Н. Липского, стояли лицом к востоку на холме, господствуя над речной долиной и над простором степей [1970, с. 9]. До сих пор такие каменные изваяния в Хакасии служат у местных жителей ориентиром [Вадецкая, 1967, с. 6]. В данном случае именно на вершине горки, возвышающейся над прибрежным степным участком, с которого открывался великолепный вид на священное озеро Азас, была установлена стела. Грань с изображениями ориентирована четко на восток, что как будто также свидетельствует о том, что стела относится к окуневскому кругу памятников.

В 1973 г. к северу от Азасского камня был заложён раскоп 8×4 м. Пространство около стелы с трех сторон (6×3 м) было ограничено отдельно стоящими небольшими низкими каменными плитками, врытыми на ребро. К сожалению, с юга от стелы раскопки нельзя было производить, поскольку в непосредственной близости от нее проходила проезжая часть дороги, ведущей к избушкам рыбаков на берегу оз. Азас. Видимо, первоначально оградка была квадратной формы, размером 6×6 м. Внутри оградки земля была прокалена, плитки ограждения стали хрупкими

и красноватыми в изломе. По всей вероятности, вокруг стелы горели костры, совершались жертвоприношения. Скорее всего, плохая сохранность изображения на нижней торцевой грани основной стелы явилась результатом воздействия высоких температур. Создается впечатление, что поверхность серого песчаника как бы «оплыла» в результате пребывания в огне костров, разведенных у подножия Азасского камня.

Под дерном находился культурный слой мощностью около 20 см. В нем были обнаружены угли, зола, каменный инвентарь, мелкие обломки керамики, аналогичные найденным на Азасской стоянке в слоях эпохи бронзы, кости животных, речные гальки фаллических очертаний. Особо следует отметить находки у основания стелы речных галек продолговатой формы. Первоначально этому наблюдению, сделанному в процессе раскопок, не придали значения. Его значимость была осознана только после знакомства с монографией В.Д. Кубарева, посвященной оленным камням Алтая. Близ алтайских памятников, так же как и около Азасской стелы, были обнаружены вытянутой формы гальки, что В.Д. Кубарев связывал с фаллическими культурами [Кубарев, 1979, с. 85]. Той же точки зрения придерживался В.В. Волков, писавший, что «культурные действия, связанные с почитанием оленных камней, сопровождались жертвоприношениями лошадей и какими-то обрядами с разжиганием костров... В этом контексте необходимо вспомнить пестобразные предметы, которые иногда удается обнаружить у основания оленных камней» [Волков, 1981, с. 97]. Здесь наблюдается «перекличка» данного памятника с оленными камнями.

После того как в 1973 г. Азасский камень был извлечен из земли, на боковой плоскости, наклонной к поверхности земли, были обнаружены фигуры трех оленей, выбитые в точечной технике. В предшествующие годы их не удалось рассмотреть. Видимо, стела накренилась на бок еще в древности, поскольку ее северная сторона, обращенная к земле, наименее пострадала от воздействия осадков, ветра и др. природных разрушительных факторов. Фигуры оленей контурные, внутреннее пространство туловища расчленено вертикальными линиями, выделяющими бедро и плечо, так же как во многих других случаях, в том числе на плите 1/00 из кургана Аржан-2 [Чугунов, 2008, с. 60–61]. Описывая плиты с изображениями из кургана Аржан-2,

К.В. Чугунов пишет, что на некоторых из них можно наблюдать рисунки, свидетельствующие о зарождении стилистики раннескифского времени на территории Тувы уже в эпоху бронзы [Там же, с. 66.]. Олени представлены в жертвенной позе, со свисающими ногами и выгнутыми спинами, как бы подвешенные. Изображения животных, после того как стела была установлена, были обращены головами вверх. Именно на оленных камнях наблюдаются случаи размещения фигур оленей вертикально по отношению к поверхности земли, головой вверх, как это имеет место на Азасской стеле и не характерно для искусства петроглифов. Стилистически они отличны от всех ранее известных. Фигуры оленей были нанесены еще до того, как была отбита верхняя часть стелы, поскольку скол прошел через голову первого животного.

Если личины действительно, как это можно предполагать, относятся к окуневскому кругу, а рисунки оленей им синхронны, то на Азасской стеле мы имеем весьма ранние изображения оленей среди известных в Туве.

Возможно, плита с изображениями, где сочетаются антропоморфные личины и фигуры оленей — Азасская стела, являлась отдаленным предшественником оленных камней. Маловероятно, но не исключено, что стела представляет собой таежный вариант классических оленных камней, то есть что она синхронна основному их пласту, а архаичность и своеобразие изображений на ней обусловлены особенностью исторического пути Тоджи. За прошедшие с момента открытия Азасской стелы десятилетия она не стала менее загадочной, чем прежде.

Проблема происхождения скифо-сибирского звериного стиля на протяжении многих десятилетий находится в центре внимания ученых, изучающих древнюю историю населения Евразийских степей. В отношении локализации территории, на которой протекали процессы зарождения и формирования скифо-сибирского звериного стиля, в разные годы исследователями высказывались самые противоречивые суждения. Полемика оживилась в связи с раскопами в Туве курганов Аржан I и II. В результате новых открытий переднеазиатская теория происхождения скифов, прежде господствовавшая в науке, была подвергнута критике. Одновременно усилились позиции сторонников центрально-азиатской теории происхождения скифов. Автор раскопок курга-

на Аржан I М.П. Грязнов высказывался в пользу конвергентного развития культур скифского типа. Состояние скифской проблемы на рубеже тысячелетий сформулировал Д.Г. Савинов в монографии «Ранние кочевники Верхнего Енисея». Он писал, что «относительно ранняя, по сравнению с европейской, хронология многих памятников центральноазиатского региона и конкретно-типологические разработки отдельных сюжетов, в первую очередь, произведений скифо-сибирского звериного стиля, со всей очевидностью свидетельствуют о приоритете восточных областей “скифского мира” в сложении если не скифской культуры в целом, то, во всяком случае, ряда наиболее существенных ее компонентов» [2002, с. 1]. Исследователь полагает, что формирование основных слагающих элементов триады и других характерных признаков раннескифской культуры проходило на территории Центральной Азии, в верховьях р. Енисей. Здесь, в географическом центре Азиатского материка, на территории современной Тувы, степень изученности археологических памятников в настоящее время во много десятков раз, если не в сотни, превышает все, что было известно об остальных регионах Центральной Азии, в том числе Монголии. Это обстоятельство придает тувинским материалам важнейшее эталонное значение [Там же, 2002, с. 7]. Крайне важно мнение антропологов. А.Г. Козинцев признает, что археологические данные все убедительнее свидетельствуют о приходе скифов «из глубин Азии». Согласно его компетентному мнению, на роль предковой группы для степных скифов наилучший претендент – это окуневская группа из известного тувинского могильника Аймырлыг [Козинцев, 2008, с. 205]. Непосредственное отношение к проблеме происхождения скифо-сибирского звериного стиля имеет проблема появления и сложения основных элементов центрального образа скифо-сибирского звериного стиля – стилизованного изображения оленя. Образ благородного оленя-марала получил широчайшее распространение в искусстве ранних кочевников, запечатлен в различной технике и материалах – в мелкой пластике, торевтике, татуировках, а также в наскальном искусстве и на каменных стелах – оленных камнях.

Классификация оленных камней была разработана Н.Н. Диковым, выделившим стелы с орнаментально-стилизованными и натуралистическими изображениями оленей [1958, с. 45–46],

и дополнена В.В. Волковым, добавившим тип оленных камней без фигур животных [1981, с. 99–121]. По Д.Г. Савинову, разделяющему точку зрения В.В. Волкова, оленные камни делятся на три основных типа: I тип – монголо-забайкальский с орнаментально-стилизрованными изображениями оленя, II тип – саяно-алтайский с близкими к натуре «реалистичными» фигурами, III тип – евразийский, без изображений животных [1994, с. 70].

По материалам оленных камней соответственно выделяются две стилистические группы изображений. Первая связана с монголо-забайкальским типом оленных камней. Фигуры оленей вычурно-стилизваны, бывают покрыты декоративным орнаментом, туловища непомерно вытянуты, морды клювовидные с раскрытыми пастьми, ноги укорочены и как бы обрублены, животные представлены как бы летящими по наклонной вверх. В конце концов фигуры оленей принимают фантастический облик. Вторая стилистическая группа, связанная с саяно-алтайским типом оленных камней, относительно реалистична, скорее даже натуралистична. Древний художник, часто утрируя характерные черты оленя, подчеркивал стройность его фигуры с длинной шеей, высоко поднятой головой. Олени стоят на кончиках копыт или бывают представлены лежащими с подогнутыми под брюхо ногами или же в позе «летучего галопа». Иногда они изображались попарно. При многократном воспроизведении фигур животных на оленных камнях происходила стилизация, этот процесс приводил к выработке канона, когда изображение воспроизводит изображение, а не натуралистический образ.

Первый тип оленных камней и, соответственно, изображений преобладает в Монголии, преимущественно в восточных районах. Второй встречается в западных районах страны, а также на территории Горного Алтая и Тувы. На территории Монголии обнаружено только около десяти оленных камней с реалистическими изображениями животных [Цэвээндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг, 2008, с. 90]. Показательно, что в 2005–2006 гг. археологическая экспедиция Института изучения Монгольского Алтая провела разведку в Баян-Ульгийском аймаке в западной части Монгольского Алтая. Здесь открыто 83 оленных камня. Из них 15 % относятся к монголо-забайкальскому типу, а 85 % к III типу –

евразийскому. Такое соотношение – характерная особенность оленных камней в западной части Монголии, в центральной части страны преобладают камни монголо-забайкальского типа [Турбат, 2008, с. 232].

Исследователи выдвигали различные теории происхождения типов оленных камней и по-разному определяли их относительную хронологию. Последовательной сторонницей наиболее раннего происхождения изображений оленей в декоративном стиле на территории Монголии была Э.А. Новгородова. В.В. Волков придерживался мнения, что «значительного хронологического разрыва между разными типами оленных камней не было. Различия между саяно-алтайскими и монголо-забайкальскими – не столько хронологического, сколько территориально-локального порядка. Изваяния первого типа – без изображений животных, изготовлялись на протяжении всего периода бытования оленных камней» [2002, с. 22]. Д.Г. Савинов высказал точку зрения, что реалистические и стилизованные изображения на оленных камнях «смешанного типа» синхронны [2007, с. 107]. Эту точку зрения, на наш взгляд, подтверждает рассмотрение изображений оленей на петроглифах Тувы. В.Д. Кубарев писал: «Происхождение образа оленя монголо-забайкальского типа связано, по мнению В.Д. Кубарева и Д. Цэвээндоржа, с горами Монгольского Алтая. Здесь в настоящее время найдены самые крупные (более 1 м в длину) и самые древние (середина или даже начало II тыс. до н.э.) изображения оленей в декоративном стиле (см. рис. 7, 1; Прил. II, рис. 26, 7). Стилизованные рисунки оленей расположены на скальных плоскостях одиночно, в горизонтальной проекции и, как правило, сопровождаются рисунками собак или волков, изредка присутствуют и фигуры лучников-охотников. Возможно, они появились несколько позже. Основанием для такого заключения служит композиция, недавно открытая в долине р. Хар-Салаа, у горы Шивээт-Хайрхан. Главное место в ней занимает огромное изображение оленя, окруженное более мелкими фигурками оленей, собак и хвостатых лучников в грибовидных головных уборах. Уникальность композиции заключается в том, что изображения второго хронологического пласта налегают в нескольких местах на фигуру гигантского и фантастического оленя. Отсюда логично предположить, что олень выбит еще раньше или, по крайней мере, почти одновременно

с рисунками середины II тыс. до н.э. Однако авторы не пришли к согласию относительно последовательности заполнения плоскости рисунками. В.Д. Кубарев и Д. Цэвээндорж считают крупную фигуру оленя более ранней по сравнению с более мелкими фигурками оленей и охотников, а Э. Якобсон «убеждена, что большой олень представляет собой нарочитое и агрессивное вторжение в более раннюю сцену охоты бронзового века» [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 59]. «Возможно, рассмотренный палимпсест, – писал В.Д. Кубарев, – подтверждает предположение А.П. Окладникова и Э.А. Новгородовой о том, что прототипом декоративных изображений оленей на оленных камнях послужил его более древний и уже в меру стилизованный образ, известный по петроглифам Монголии» [Там же, с. 59].

Из приведенного выше отрывка видно, насколько сложен и противоречив вопрос о хронологическом соотношении двух стилистических групп изображений оленей. Можно привести другой пример взаимовстречаемости и взаимоперекрывания петроглифов по материалам из местности Ортаа-Саргол на верхнем Енисее, где на вертикальной скальной плоскости представлены две огромные фигуры разнополых оленей в окружении большого числа более мелких изображений животных (рис. 3). Доминирующая фигура – самец оленя, выполнена в декоративном стиле, самка – в натуралистическом. В то же время данная оленуха в саяно-алтайском стиле перекрывает небольшое изображение оленя в монголо-забайкальском. Замечу кстати, что некоторые исследователи ошибочно называют эту оленуху козлом, принимая рога козла, голову которого она перекрывает, за ее собственные [Дэвлет, 1982, табл. 18, 19].

Реконструкция мифологических воззрений имеет существенное значение не только для анализа семанти-



Рис. 3. Ортаа-Саргол на верхнем Енисее.

ки – внутреннего содержания декоративных и реалистических изображений оленей на оленных камнях, но и для определения периода их бытования. Наскальные изображения позволяют ставить и решать некоторые вопросы, связанные с оленными камнями, которые порой невозможно рассмотреть по материалам самих оленных камней. На скале, в отличие от каменной стелы, имелось, как правило, достаточно места для более свободного размещения фигур и не было необходимости, к примеру, «обрубать» ноги животного, чтобы совместить на заданном пространстве данное изображение с другим, тем не менее создатели петроглифов продолжали следовать традиции, хотя и не столь неукоснительно, как творцы оленных камней. В наскальном искусстве стилистический канон не был столь жестким и выдержанным, не всегда строго соблюдался, допускались варианты, встречались отклонения, в ряде случаев использовались лишь отдельные стилистические приемы.

Стилистические особенности, свойственные изображениям на оленных камнях, отчетливо выражены в замечательных композициях петроглифов Саянского каньона. Совершенные в художе-

ственном отношении и семантически значимые изображения в стиле оленных камней в Саянском каньоне Енисея выбиты на скалах Мозага-Комужап на камне 84 (рис. 4). Вертикальная плоскость скального обнажения, расположенного на склоне горы, обращена к Енисею, перед ней имеется небольшая площадка, на которой могли находиться участники обрядов, создатели петроглифов. Ниже площадки по узкой ложине пролегает крутой спуск к реке. Скальная поверхность ярко окрашена, покрыта блестящей коркой пустынного загара рыжевато-красновато-коричневых оттенков, что, естественно, привлекло к ней внимание древних художников. Трещина и небольшой уступ условно разграничивают скальное полотно на две части. С одной стороны, трещина и уступ частично выполняют роль «рамки» для композиций петроглифов, с другой – они значимы с точки зрения семантики, акцентируя внимание зрителя на противопоставлении подразумеваемых земной и небесной сфер, которые они виртуально разделяют. Соответственно прослеживается оппозиция правое – левое. И хотя группы изображений обособлены, между ними существует несомненная, явная внутренняя связь.



Рис. 4. Мозага-Комужап, камень 84.

На камне 84 Мозага-Комужап одновременно представлены фигуры оленей, стилистически близкие как первому, монголо-забайкальскому, так и второму, саяно-алтайскому, типам. Слева на плоскости располагаются относительно реалистические, более близкие к натуре фигуры, в которых преобладают черты, свойственные изображениям оленей на оленных камнях II типа, справа – более стилизованные фигуры, в которых преобладают стилистические особенности, характерные для I типа оленных камней. В своей совокупности обе группы петроглифов передают определенную информацию о последовательно развивающихся перед зрителем, находящимся на площадке перед скальным панно, событиях.

Слева в центре композиции находится пара взрослых оленей и детеныш. Фигуры самца и самки расположены по вертикали одна под другой, обращены головами вправо. Изображения соразмерны между собой. Самец лежит с подогнутыми, но не сомкнутыми ногами, с раздвоенными копытами, голова на вытянутой шее приподнята, на спине треугольный выступ. Под ним стоит оленуха, между ее ногами детеныш, который тянется к вымени матери. Взрослые олени показаны с раскрытыми пастями, вероятно, это должно означать, что они призывно трубят. Оленей окружила стая собак-волков.

Изображение оленей парами в наскальном искусстве довольно устойчиво, оно, несомненно, имеет отношение к семантике композиций. Наличие в сцене олененка – залог будущей жизни. Сочетание изображений пары оленей и олененка вполне естественно, связано с идеей воспроизводства. Если бы на плоскости скалы были бы только эти три фигуры, то сам собой напрашивался бы вывод, что это мирная сцена из жизни копытных, связанная с идеей плодородия, воспроизводства, обновления. Однако из контекста следует, что оленям грозит смертельная опасность, хотя, по-видимому, предполагается, что они пока еще живы. Это потенциальные жертвы, посвященные высшим силам. Их погибель, надо полагать, неотвратима, гарантом чего выступают собаки-волки. Восемь хищников зловещего вида, с отведенными назад ушами, опущенными книзу хвостами, плотным кольцом окружили оленей и уже разверзли пасти. Может быть, в данном случае, сопоставимом со сценой жертвоприношения лошади на монгольском оленном камне из Уш-

кийн-Увэра, представлены «мифические “собаки” – олицетворение темных хтонических сил, противостоящих космогоническим персонажам верхнего мира, их неотъемлемый спутник и антипод, что не исключает закрепления за ними охранительных функций» [Савинов, 1994, с. 133]. Под задней ногой оленухи изображен кабан с низко опущенной головой – хтонический персонаж, символизирующий связь с Нижним миром. И в довершение фигура охотника, расположенная слева. Таким образом идея «заклания» приносимых в жертву разнополых животных и их детеныша троекратно усилена.

В правой части композиции демонстрируется следующее звено в цепи событий – перенесение души жертвы, доставка ее в потусторонний мир для дальнейшей реинкарнации или нечто подобное. Справа на гладкой, блестящей изобразительной поверхности камня 84 фигуры оленей размещены так, как будто они летят по диагонали вверх, в иные сферы космоса. У животных клювовидные вытянутые морды, как бы раздвоенные, как это было принято на оленных камнях, где непомерно вытянутые губы оленей напоминают раскрытый клюв птицы. Иногда оленей с клювовидными мордами исследователи сопоставляют с призывно «трубящими» самцами или ранеными, ревущими от боли. Их рога стилизованы: серповидные отростки как бы вырастают один из другого, благодаря чему стержень рога разбит по числу отростков на ряд криволинейных участков. Их туловища более грацильные, чем у животных предыдущей группы, морды более вытянутые, пасти раскрыты шире, ноги свисают. В целом эти фигуры более стилизованы, декоративны, соответственно менее реалистичны (натуралистичны), чем те, которые представлены слева. Это уже не реальные животные, а скорее их души, вестники божеств, проводники в потусторонний мир. Один из оленей обернулся, повернув голову в сторону хвоста и дугообразно выгнув шею. Представляется, что данная поза не случайна, она невольно наводит на мысль, что это архетипический вечный сюжет, который в иные времена будет воплощен в иной культуре в притче о Лотовой жене.

В композиции на камне 84 заключен глубокий смысл, который для нас остается загадочным, но который мы по мере сил пытаемся постичь. Здесь реализуется целый комплекс мифологических воззрений, связанных с идеей жертвоприноше-

ния как условия успешной реинкарнации. Идея композиции в целом – осуществление связи между миром живых и миром мертвых, жертвоприношение и «транспортировка», «доставка» жертвы в верхние сферы, где душам усопших через какой-то промежуток времени суждено реинкарнировать.

Стилистика трактовки фигур животных (относительно натуралистические и стилизованные), размещение оленей, «летающих» по диагонали вверх, характерны для изображений на оленных камнях, однако реализованы они иначе, чем на каменных стелах.

На камне 84 наряду с оленями встречаются отдельные фигуры козлов. На данном участке плоскости в верхнем правом углу помещено изображение козла, который как бы возглавляет движение оленьего стада, летящего в иные сферы Вселенной. Не исключено, что это «вестник», идущий впереди основной жертвы. Здесь логично вспомнить интересное свидетельство, приводимое А.П. Бородовским в отношении роли козла в ритуале жертвоприношения. Исследователь пишет: «У индоевропейских народов горный козел теке является воплощением чистоты и был жертвенным животным. Фигуры козлов теке на некоторых бронзовых курьихниках из Семиречья, датируемых второй половиной I тысячелетия до н.э., вполне могут интерпретироваться как “вестники”, идущие впереди основной жертвы» [2004, с. 135].

Залогом благополучной реинкарнации было жертвоприношение. Возможно, реальное жертвоприношение совершалось здесь же на площадке на фоне композиции петроглифов, иллюстрирующих представления о «переходе» в иной мир, а также «связь через мертвых как “посланников” живых с потусторонним миром» [Савинов, 2002, с. 58]. Подобные обряды получили широкое распространение и дошли до наших дней. Так, согласно представлениям долган, обитающих на севере Красноярского края, связь умерших с живыми не прекращалась. Родные через шамана время от времени посылали усопшему в подарок оленя. А.А. Попов, со слов информатора, записал: «Посылают отцу или другому близкому родственнику оленя, говоря: “Пусть он расскажет, как там живет, пусть и нам уделит часть от своих долгих лет”. Этого оленя убивали перед камланием, прокалывая сердце с обеих сторон заостренными колыями. Голову животного наса-

живали на конец жерди *кэптэргэ*, воткнутой в землю. На шкуре, снятой с этого оленя, при камлании сидел шаман. После камлания ее отдавали человеку, варившему мясо оленя, которое съедали все присутствовавшие» (цит. по: [Дьяченко, 2007, с. 127]). Идеи, заложенные творцами петроглифов, были понятны их современникам, находили отражение в ритуальной практике, мы же пытаемся проникнуть в скрытый смысл, отдавая себе отчет в том, что реконструировать его можем лишь предположительно, рассматривая в качестве гипотезы.

Уже отмечалось, что мнения исследователей расходятся по вопросу о последовательности появления оленных камней с реалистическими и стилизованными фигурами оленей или о их возможном сосуществовании. Рассмотрение композиции на камне 84 Мозага-Комужап позволяет взглянуть на эту проблему по-новому.

Важно то, что стилистические особенности фигур оленей здесь вытекают из содержания сцен, обуславливаются семантикой, внутренним смыслом конкретных образов. В этом отношении композиция уникальна. Представляется, что две традиции, еще только нарождающиеся и отраженные на «скальном полотне», подчиненные внутренней логике мифологического повествования, обусловили иконографические особенности изображений скифского оленя и в дальнейшем получили развитие на собственно оленных камнях, чтобы затем вновь вернуться в репертуар наскального искусства. В таком случае скифский олень на скалах, возможно, явился предшественником этого образа на оленных камнях. На оленных камнях и писаницах восточного ареала встречаются фигуры оленей, связанных с Верхним небесным миром, выполненные в «декоративном» стиле, на писаницах запада – обитатели Среднего земного мира, в натуралистическом стиле. И те, и другие получили распространение на верхнем Енисее.

Разумеется, на таком небольшом материале, который мы привлекаем, нельзя делать далеко идущие выводы, но все же, возможно, в этом регионе проходило не смешение, как полагает Д.Г. Савинов [2007, с. 106], а зарождение двух традиций? Возможно, территория географического центра Азии и есть искомая прародина двух вариантов стилистической трактовки «скифского оленя» – одного из наиболее ярких элементов «триады»?

В одном ряду с петроглифами на камне 84 Мозага-Комужап стоит многофигурная композиция, выбитая в Саянском каньоне Енисея на склоне горы Алага близ ее подножия при входе в Чингенское ущелье. Должно быть, подобные петроглифические комплексы имели в виду В.Д. Кубарев и Е.П. Маточкин, когда писали об «оленных алтарях», которые часто встречаются среди петроглифов Центральной Азии. «Почти каждое местонахождение наскальных рисунков имеет “оленный алтарь”, отличающийся от обычных изображений своим расположением на вершине горы или скальной гряды, а также большими размерами парных фигур оленей. Как правило, это изображения самца и самки» [1992, с. 9]. Исследователи приводят примеры парных изображений разнополых оленей на Алтае на реке Барбургазы, в Елангаше, Калбак-Таше и на средней Катуні. На верхнем Енисее подобные парные фигуры оленей известны в Ортаа-Сарголе, на «дороге Чингисхана», на горах Бош-Даг, Алага и в других местах. Они заслуживают специального рассмотрения.

Список литературы

- Бородовский А.П.** Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 135–140.
- Вадецкая Э.Б.** Древние идолы Енисея. – Л.: Наука, 1967. – 79 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Баатар: Изд-во АН МНР, 1981. – 253 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Науч. мир, 2002. – 248 с.
- Диков Н.Н.** Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 108 с.
- Дьяченко В.И.** Представления долган о душе и смерти. От чего умирают «настоящие люди»? // Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. – СПб.: Наука, 2007. – С. 108–133.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 128 с.
- Козинцев А.Г.** О так называемых средиземноморцах Южной Сибири // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. тр. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 205–208.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 120 с.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск; Улан-Батор; Юджин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.
- Липский А.Н.** Енисейские изваяния. – Абакан: Хакас. обл. музей краеведения, 1970. – 20 с.
- Ожередов Ю.И.** Комбинированное изваяние с реки Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 144–152.
- Позднеев А.М.** Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. – СПб.: [Тип. Имп. АН], 1896. – 697 с.
- Савинов Д.Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1994. – 208 с.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 204 с.
- Савинов Д.Г.** Об оленных камнях «смешанного» типа // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 105–108. – (Тр. САИПИ; вып. 3).
- Турбат Ц.** Оленные камни западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – С. 223–233. – (Сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского; вып. 2).
- Цэвэндорж Д.** Развитие звериного стиля в искусстве Центральной Азии // Междунар. симп. «Terra Scythica»: программа; тез. докл. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 72–73.
- Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц.** Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008. – 239 с. – (Studia Achaologica; т. 25, fasc. 1).
- Чугунов К.В.** Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропюю тысячелетий: сб. науч. тр., посвящ. юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 53–69. – (Тр. САИПИ; вып. 4).

А.И. Иванчик

*Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия*

ЕЩЕ РАЗ К ДИСКУССИИ О КИММЕРИЙЦАХ И ХРОНОЛОГИИ РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема датировки возникновения раннескифской культуры или, иначе говоря, перехода в восточно-европейских степях от памятников предскифских культур (черногоровско-новочеркасского горизонта), к памятникам раннескифским остается, пожалуй, одной из самых дискуссионных в современной скифологии. Как известно, до начала 1980-х годов общепринятой была датировка этого перехода второй половиной или даже концом VII в. до н.э. Однако в течение 1980-х гг. Г. Коссак опубликовал ряд работ, в которых обосновывал гораздо более раннюю дату начала раннескифской культуры – вторую половину и даже середину VIII в. до н.э. [Kossack, 1983, 1987]. Эти публикации породили довольно ожесточенную полемику – точку зрения Г. Коссака поддержали и развили И.Н. Медведская [1992], А.Ю. Алексеев [2003], С.В. Полин [1998], М.Н. Дараган [2004, с. 129–152] и некоторые другие исследователи; в 2001 г. мной была опубликована монография, в которой защищалась та же точка зрения [2001]. В то же время в поддержку традиционной хронологии выступила значительная, если не большая часть скифологов, например С.Л. Дударев [1999, 2003], В.Г. Петренко, В.Е. Маслов, А.Р. Канторович [2000], С.А. Скорый [1999], А.Ю. Скаков, В.Р. Эрлих [1994] и др. Взгляды сторонников «новой датировки» подверглись критике, в том числе довольно остро критиковалась и моя монография. Прошло десять лет с момента ее публикации, и мне кажется интересным вновь обратиться к тем аргументам, которые приводились как против моих доводов, так и вообще против ранней датировки раннескифской культуры, и посмотреть, насколько они убедительны. Некоторые из них были мной рассмотрены в другом месте [2006].

Мне уже приходилось напоминать о том, что установление абсолютной хронологии выходит за пределы собственной компетенции археологической науки и что абсолютные археологические даты основываются либо на данных естественных наук (прежде всего радиоуглеродные датировки и дендрохронология), либо на свидетельствах письменных текстов [Там же]. Естественно-научные датировки в последнее время все чаще используются в скифологии (см. особенно: [Евразия..., 2005]). При этом новые радиоуглеродные даты часто несовместимы с традиционными датами раннескифской культуры, однако сторонники последних никак не пытаются объяснить возникающее противоречие, предпочитая просто его игнорировать. Впрочем, в некоторых случаях радиоуглеродные даты ими все же используются, однако делается это с серьезными методическими ошибками, свидетельствующими о непонимании того, как действует этот метод. Уже не раз отмечалась недопустимость использования некалиброванных радиоуглеродных дат в качестве календарных и, в частности, ошибочность полученной таким образом Н.Л. Членовой датировки кургана Аржан-1 VII в. до н.э. [Членова, 1997, с. 37–38]. Несмотря на очевидную некорректность такой датировки, В.Р. Эрлих продолжает ее упоминать в качестве вполне легитимной альтернативной даты этого памятника [2007, с. 183]. В той же работе [Там же, с. 187] на основании сравнения некалиброванных дат курганов Келермеса, Новозаведенного и Уашхиту он делает вывод об их хронологической близости. Мне уже приходилось указывать на методическую недопустимость таких сопоставлений [2006, с. 147]: более ранняя некалиброванная дата не обязательно соответствует более ранней кален-

дарной – более поздняя из двух радиоуглеродных дат может оказаться более ранней в календарном времени. В данном случае могут сравниваться только калиброванные даты, а они дают слишком широкие временные промежутки.

Более традиционным поставщиком абсолютных хронологических реперов в археологии являются письменные тексты: собственно, на них и строятся все традиционные системы абсолютной хронологии. Для периодов и территорий, хорошо освещенных письменными источниками, таких дат оказывается больше, и абсолютная хронология относящихся к ним археологических памятников поэтому устанавливается более надежно и точно. В рассматриваемый нами период, VIII–VII вв. до н.э., достаточным количеством письменных текстов, дающих абсолютные даты, обладают древневосточные цивилизации. Вопреки распространенному заблуждению, античная цивилизация в это время собственных привязок к абсолютной хронологии не имеет – более или менее надежные датировки появляются лишь во второй половине VI в. до н.э., а в более ранний период мы имеем лишь отдельные даты, наиболее достоверные из которых связаны с восточной хронологией. Поэтому все существующие археологические системы хронологии VIII–VII вв. до н.э., использующие абсолютные даты, в конечном итоге опираются на свидетельства передневосточных письменных текстов. Это касается как традиционной системы центрально-европейской хронологии (до того, как в ней стали активно использоваться данные естественных наук), так и греческой, и закавказской, и степной. Основным методом датировки степных памятников традиционно является синхронизация с памятниками, датированными письменными источниками. Именно этим и определяется важность ближневосточных данных для датировки скифской культуры: несмотря на то, что эти данные немногочисленны, они позволяют напрямую связать скифские памятники с ближневосточными, входящими в надежную систему абсолютной хронологии. В других случаях (например, при синхронизации с центрально-европейскими древностями) речь идет в конце концов о привязке к той же ближневосточной хронологии, но не прямой, а опосредованной. Важность древневосточных данных как прямых свидетельств хронологии, к сожалению, не всегда осознается. Так, например, во время дискуссии на конференции «*Terra scythica*», труды которой здесь пуб-

ликуются, С.В. Махортых прямо утверждал, что ключи к абсолютной хронологии предскифских и раннескифских памятников лежат не в Передней Азии, а в восточно-европейских степях, зоне основного распространения этих культур; ранее он и в печати называл внимание к передневосточным находкам «раннескифских» предметов парадоксальным [2000, с. 186]. Такие утверждения свидетельствуют о непонимании того, откуда берутся реперные точки, на которых строится любая система абсолютной хронологии.

Таким образом, находки вещей скифского облика в переднеазиатских памятниках имеют особое значение. Таких находок известно не так уж мало. Они есть как в комплексах кочевнических захоронений, так и в виде отдельных предметов. Часть из них не имеют точной археологической датировки, однако существует немало предметов, относящихся к раннескифской культуре, которые по условиям находки датируются первой половиной VII в. до н.э. (см. [Иванчик, 2001, 2006 и указанные там публикации]).

Сопоставление данных письменных источников с археологическими свидетельствами позволило сделать ряд выводов. Один из важнейших состоит в том, что известные нам по историческим источникам киммерийцы, совершавшие свои набеги на государства Передней и Малой Азии в конце VIII – третьей четверти VII в. до н.э., с археологической точки зрения принадлежали раннескифской культуре.

Определение этнической принадлежности той или иной археологической культуры – проблема, которая так же выходит за пределы компетенции собственно археологической науки, как и установление абсолютной хронологии. Собственными методами археология может установить группы памятников, объединяемые некими общими чертами (археологические культуры или группы, хронологические и культурные горизонты и проч.). Для периодов и территорий, история которых не освещается письменными источниками, дело тем и ограничивается, и археологи оперируют в этом случае терминами, полностью принадлежащими их науке (культура Кукутени, андроновская культура и проч.). Ситуация меняется с появлением письменных источников: вместе с ними появляются и содержащиеся в текстах этнические названия, и у исследователей возникает вполне естественное и закономерное желание соотнести между собой

данные разных категорий источников и привязать к археологическим культурам этнические «ярлыки». Однако, предпринимая такие попытки, следует постоянно помнить о том, что соответствующая информация (включая и сам этноним, который археолог стремится «приклеить» к археологической культуре, как например «киммерийцы», «скифы» или «саки») происходит из письменных источников и именно их сфере и принадлежит в первую очередь. Данные же письменных источников очень разные, имеют различную ценность и достоверность и вообще являются объектом изучения особой науки. Зачастую с пониманием этих этнонимов, как они употребляются в письменных источниках, связаны серьезные проблемы, в которых следует по меньшей мере разобраться, прежде чем использовать то или иное название. К сожалению, слишком часто археологи склонны напрямую заимствовать сообщения письменных текстов, даже не стремясь вникнуть в связанную с ними проблематику, по принципу – «написано, значит так оно и есть»*. Такое наивное доверие к заимствованному из смежных наук материалу встречается, разумеется, не только в археологии – сколько угодно и обратных примеров, когда филологи используют в своих построениях материалы сомнительного свойства, заимствованные в археологии.

Условием убедительности и достоверности объединения разноприродных данных является предварительное проведение квалифицированного анализа каждой категории источников. Поскольку этнонимы происходят из письменных источников, именно с анализа этой категории следует начинать, и уж во всяком случае ей следует уделять не меньше внимания, чем археологическим данным. Термин «киммерийская культура» появился в археологической литературе без такого

*Недавний пример такого подхода к источникам в отношении киммерийцев (см.: [Sauter, 2000, с. 13–56]), что тем более удивительно, что автор претендует на анализ в первую очередь именно письменных текстов. Говоря об археологических памятниках киммерийцев, автор уже заранее «знает», какие из них связаны именно с киммерийцами, а потому считает излишним предварительный анализ письменных текстов для их определения. Археологическая часть книги вообще крайне поверхностна и обнаруживает слабое знание материала. Кроме того, автор исходит из весьма странных методических предпосылок, в частности в вопросе о соотношении этноса и археологической культуры. Так, его приводит в недоумение мысль о том, что две различные этнические группы могут быть неразличимы с археологической точки зрения.

предварительного анализа письменных источников: он был введен в начале XX в. для обозначения предскифских культур Северного Причерноморья [Самоковасов, 1908, с. 6–55; Ebert, 1921, S. 386 etc.; Городцов, 1928]. Использование этого термина базировалось на следующих предпосылках: 1. Нам известна археологическая культура исторических скифов (точнее, скифов Геродота) – это культура, называемая скифской; ее основная территория – степи Северного Причерноморья; 2. Геродот сообщает, что до скифов эту территорию занимали киммерийцы, которые бежали с нее перед тем как скифы пришли в Северное Причерноморье. Это сообщение, безусловно, достоверно; 3. Соответствие между этносом и археологической культурой однозначно: каждому народу соответствует одна археологическая культура, и каждой археологической культуре – один народ. Из этих предпосылок делается вывод: археологическая культура, существовавшая в Северном Причерноморье до скифской, принадлежала историческим киммерийцам. Конкретно эта культура определялась по-разному, но ход рассуждения был тем же. Со времен А.И. Тереножкина [1976] «киммерийской культурой» обычно называют памятники черноморско-новочеркасского горизонта.

Очевидно, что постулаты, на которых основывается это построение, по меньшей мере сомнительны. Принят может быть, пусть и с некоторыми оговорками, первый из них. Что касается второго, то достоверность рассказа Геродота о скифской «предыстории» вызывает большие сомнения, причем именно у специалистов, занимавшихся геродотовским сочинением. Основывать свои выводы на слепой вере в достоверность этого рассказа, не разобравшись в аргументах, приводившихся против него, по меньшей мере непрофессионально. Наконец, третья предпосылка очевидно ошибочна – можно привести немало примеров, когда одному этнониму (особенно если речь идет об иноназвании) соответствует несколько археологических культур, и, напротив, когда два этноса, хорошо различаемые авторами письменных источников, неразличимы с археологической точки зрения. Таким образом, уже поэтому традиционное использование термина «киммерийская культура» вызывает сомнения.

На мой взгляд, для того чтобы привязать к данным археологии этническое название, следует действовать иначе. Начинать нужно с той сферы, к которой принадлежит этноним, т.е. с пись-

менных источников. Прежде всего, надо задаться вопросом, является ли соответствующее название самоназванием народа или иноназванием в тот период, о котором идет речь. Попытка археологической идентификации самоназвания гораздо менее проблематична. Если же речь идет об иноназвании, то его употребление больше говорит о тех, кто его употребляет, чем о тех, кого оно обозначает, и в этом случае поиск археологического соответствия ему часто лишен всякого смысла. Так, хорошо известно, что в византийских текстах термин «скифы» покрывает самые различные народы, бывшие северными соседями Византии – славян, русских, скандинавов, готов, самые различные тюркские народы, алан, различные кавказские народы и т.д. Вряд ли в этом случае можно вести речь об археологическом соответствии этому термину. Если установлено, что этноним является самоназванием, следующим этапом является выяснение того, на какой территории и в какое время жил народ, называвший себя этим названием. Эта задача решается опять же на основе письменных источников.

Если удастся установить с достаточной достоверностью ареал обитания определенного народа в определенное время, следующим этапом является попытка определения, опять же на основе письменных источников, хозяйственно-культурного типа народа, который должен найти отражение в его археологических памятниках. Лишь после выполнения всей этой работы, т.е. когда по письменным памятникам определено, что народ, называвший сам себя определенным названием, в определенное время занимал определенную территорию и являлся носителем определенного типа культуры, можно обращаться к археологическим источникам. Если по археологическим источникам можно выделить группу памятников или археологическую культуру, существующую на этой же территории в это же время и если культурно-хозяйственный тип, реконструируемый по ним, совпадает с тем, что описан в письменных источниках, эту группу памятников можно связывать с упомянутым в письменных текстах этнонимом.

Предложенное мной, вслед за другими исследователями, определение археологической культуры исторических киммерийцев основывалось именно на такой процедуре, а именно на следующей последовательности рассуждений.

1. Письменные источники позволяют заключить, что термин «киммерийцы», как и термин

«скифы» был самоназванием определенного этноса или этнической группы, который лишь позже в некоторых культурных традициях (в частности вавилонской) стал использоваться расширительно, в качестве иноназвания большой группы народов близкого киммерийцам культурно-хозяйственного типа (в частности саков).

2. Письменные источники позволяют заключить, что культурный облик киммерийцев был близок культурному облику причерноморских скифов и среднеазиатских саков: речь идет о конных стрелках из лука, которые вели кочевой образ жизни.

3. Культурная близость, очевидно, должна была отразиться и в оставленных ими археологических памятниках. Из этого следует, что археологическая культура киммерийцев и скифов может оказаться сходной (а может и просто иметь некоторые общие черты). Разумеется, это совершенно не противоречит тому, что восточные источники четко различали эти два народа. Так, например, письменные источники хорошо различают дорийцев и ионийцев, однако вряд ли кто-нибудь возьмется различать их культуру, пользуясь данными археологии.

4. Письменные источники, в первую очередь аккадские, позволяют надежно установить присутствие киммерийцев в течение периода между 714 и 639 гг. до н.э., а отчасти и позже, до конца VII в. до н.э., на территориях Передней и Малой Азии от Ионии на западе до Мидии и Манны на востоке.

5. Сведения античных авторов о пребывании киммерийцев в Северном Причерноморье в доскифскую эпоху, и в особенности детали этих сообщений, вызывают большие сомнения в своей достоверности, хотя сам факт пребывания (сколь долгого?) киммерийцев на части (какой?) территории Северного Причерноморья скорее всего достоверен.

6. Эти выводы позволили приступить к поиску археологических памятников, оставленных историческими киммерийцами. Соответствующие памятники должны удовлетворять по меньшей мере трем условиям: а) они должны отражать культурную принадлежность киммерийцев кномадам, использовавшим конно-стрелковую тактику; б) они должны располагаться на территории, где пребывание киммерийцев надежно засвидетельствовано историческими источниками. При этом, если нашей задачей является разделение археологических

памятников, принадлежащих историческим киммерийцами и скифам, и в то же время ясно, что их культура сходна по типу, то единственной возможностью является обращение к той территории, где киммерийцы присутствовали, а скифы нет: в противном случае памятники киммерийцев будет трудно отделить от памятников других кочевников; в) их хронология (в тех случаях, когда ее можно установить) не должна противоречить свидетельствам письменных источников.

7. Таким образом, Северное Причерноморье не подходит для указанной цели: кроме киммерийцев в близкую эпоху здесь пребывали и скифы; кроме того, пребывание киммерийцев здесь засвидетельствовано недостаточно надежно, а точный ареал занимаемой ими территории неясен. Территории к востоку от Ассирии (Манна и Мидия) также не подходят, поскольку здесь фиксируется примерно одновременное присутствие киммерийцев и скифов. Напротив, Передняя и Малая Азия к западу, северо-западу и северу от Ассирии искомым условиям удовлетворяют: здесь засвидетельствована активность киммерийцев в течение всего VII в. до н.э., в то время как о присутствии скифов ничего не известно: можно предполагать их эпизодическое появление лишь в конце века.

8. На территории Передней и Малой Азии обнаружилось немало отдельных предметов и небольшое количество комплексов, которые могут быть связаны с евразийскими кочевниками и датируются тремя первыми четвертями VII в. до н.э. Поскольку других кочевников на этих территориях в это время не засвидетельствовано, они могут быть отнесены только к киммерийцам. Тем самым получен ответ на вопрос об археологической идентификации киммерийцев.

9. Сопоставление этих памятников, принадлежавших историческим киммерийцам, с другими памятниками близкого культурного облика, происходящими с основных территорий расселения евразийских кочевников, показывает, что они принадлежат археологической культуре, известной как раннескифская. Таким образом, использование термина «киммерийская культура» для обозначения предскифской культуры восточно-европейских степей некорректно: предскифская культура к историческим киммерийцам не имела никакого отношения.

10. Наконец, изучение тех же памятников показывает, что в период киммерийских вторжений в Переднюю Азию раннескифская археологическая

культура находилась уже не на самой ранней стадии своего развития. Обнаруженные в Передней Азии скифские древности принадлежат второму, или келермесскому, этапу раннескифской культуры по периодизации Коссака – Медведской.

Убедительных аргументов против предложенных тезисов, насколько я могу судить, не приводилось. Ни одного предмета, который мог бы быть отнесен к предскифским, в частности новочеркасским древностям, на территории Передней Азии не обнаружено. Более того, нет и предметов, несомненно относящихся к самому раннему периоду раннескифской культуры (РСК I по хронологии Коссака–Медведской). Так, например, хорошо известно, что составной лук т.н. скифского типа, использовавшийся вместе со стрелами, снабженными наконечниками специфического, т.н. «скифского» типа, был довольно быстро заимствован переднеазиатскими народами у вторгавшихся кочевников и получил повсеместное распространение. При этом стрелы самого раннего «скифского» типа, крупные асимметрично-ромбические наконечники типа Енджи в Передней Азии неизвестны. Заимствовались наконечники более поздних типов: двухлопастные листовидные и плавно-ромбические т.н. «келермесского типа» и трехлопастные, которые, очевидно, и использовались кочевниками в период вторжений. Поскольку ясно, что эти наконечники не могли быть заимствованы переднеазиатскими народами раньше, чем они появились в степях, ранние находки таких стрел в Передней Азии дают *terminus ante quem* для датировки их появления, а следовательно, и для датировки келермесского этапа раннескифской культуры. Все это заставляет синхронизировать киммерийские походы в Переднюю Азию, т.е. конец VIII – 40-е годы VII в. до н.э. с эпохой, когда раннескифская культура в восточно-европейских степях достигла уже своей развитой, т.н. келермесской, стадии.

Изложенная интерпретация, разумеется, противоречит как традиционной датировке раннескифской культуры, так и традиционной интерпретации предскифских памятников как киммерийских. В самом деле, традиционная датировка раннескифской культуры подразумевает, что киммерийские походы начались и происходили в период, предшествующий смене памятников черноморско-новочеркасского горизонта раннескифскими. С этой датировкой связано и представление о принадлежности новочеркасских памятников ис-

торическим киммерийцам и о том, что носители соответствующей культуры участвовали в переднеазиатских походах. Такое представление делает необъяснимым отсутствие новочеркасских памятников в Передней Азии, и неудивительно, что сторонники традиционной хронологии, в частности В.Р. Эрлих и С.В. Махортых, предпринимали попытки найти такие вещи среди переднеазиатских материалов. Каждый раз, однако, выяснялось, что речь идет о недоразумении или о неправильной атрибуции (кольцо из Норшунтепе, наконечники стрел, бронзовые желобчатые застёжки из Гордиона (см.: [Иванчик, 2006]).

Парадоксальным образом противоречие между имеющимся материалом и привычной теорией вовсе не заставляет сторонников этой теории усомниться в ней – если факты противоречат теории, тем хуже для фактов. Показателен в этом отношении пассаж из недавней книги С.Б. Вальчака, в которой специальный, хотя и очень краткий, параграф посвящен абсолютной хронологии. Согласно его мнению, если новочеркасских древностей в Передней Азии нет, то это объясняется лишь тем, что их плохо искали, да и вообще это вопрос надуманный. Надо искать, призывает он, и они обязательно найдутся [Вальчак, 2009, с. 94]. Речь идет, таким образом, об акте веры, который трудно обсуждать в рамках обычного научного дискурса. Впрочем, у него же приводится и еще одно соображение, исключаящее первое: «Нет большого смысла в поисках археологических свидетельств пребывания такого рода коллективов на кратковременно завоеванной территории», т.е. отсутствие новочеркасских древностей в Передней Азии объясняется тем, что кратковременные набеги часто не оставляют материальных следов. Возникает, однако, вопрос, почему это правило распространяется только на носителей культуры новочеркасского типа, но не раннескифской культуры – ведь отсутствие новочеркасских предметов в Передней Азии особенно выделяется на фоне довольно широкой распространенности раннескифских предметов. Впрочем, и само соображение Вальчака не имеет отношения к реальной ситуации – присутствие киммерийцев в Передней Азии продолжалось не менее столетия и сводилось не только к военным набегам: по клинописным текстам мы знаем, что в составе ассирийской армии были подразделения, состоявшие из киммерийских наемников, или вооруженные на киммерийский манер. Те же тексты вместе с

археологическими данными свидетельствуют о том, что киммерийцы оказали значительное влияние на военное дело переднеазиатских армий, которые заимствовали от них лук, стрелы, элементы узды и, вероятно, конно-стрелковую тактику. Наконец, никакого объяснения ни Вальчак, ни его единомышленники не дают тому факту, что находки предметов раннескифского облика в Передней Азии (в частности наконечников стрел) на основании местных материалов датируются существенно раньше, чем в соответствии с их представлениями должно датироваться появление таких предметов в евразийских степях: заимствованные предметы оказываются в таком случае более древними, чем их прототипы.

Поскольку в Передней Азии предскифские находки неизвестны, сторонники традиционной хронологии стремились найти следы влияния переднеазиатских цивилизаций среди памятников новочеркасского круга, толкуя их как результат участия «новочеркасцев» в переднеазиатских походах. В наиболее полной форме эти предполагаемые заимствования были представлены в работах В.Р. Эрлиха, в том числе в его монографии [2007, с. 181–187], где по сути в краткой форме воспроизводятся его прежние аргументы, которые, как мне кажется, уже были опровергнуты, в том числе в моей монографии 2001 г. Особое значение он и его единомышленники по-прежнему придают комплексам, в которых новочеркасская узда встречается вместе с коническими шлемами, изготовленными из листовой бронзы, которые толкуются как подражания ассирийским шлемам. Мне уже приходилось писать о том, что эти шлемы в действительности напоминают ассирийские только внешне, а по технологии своего изготовления не имеют ничего общего с переднеазиатскими [Иванчик, 2001, с. 228–247; Ivantchik, Moshinskiĭ, 2001]. Более того, такие шлемы, сходные с предкавказскими как по форме, так и по способу изготовления, известны в Закавказье по меньшей мере с XIII в. до н.э., как показывает находка в погребении 13 Бешташенского некрополя (см.: [Akhvlediani, 2001]). Осмотр шлема из Бешташени в Государственном музее Грузии (Тбилиси) подтвердил его близость к шлемам из Клиньяра, в том числе и по способу изготовления из листовой бронзы. Разумеется, это не значит, что шлемы из Бешташени и Клиньяра синхронны, но означает, что традиция производства шлемов такой формы, изготовленных по этой технологии,

существовала на Кавказе задолго до переднеазиатских походов киммерийцев и скифов.

Другие предполагаемые переднеазиатские элементы в новочеркасских памятниках столь же сомнительны, причем в большинстве случаев речь идет не о предметах, а об идеях, вроде идеи использования колесниц или чешуйчатых панцирей. Каждое из этих предполагаемых заимствований может иметь и другие источники происхождения. В любом случае весьма поучительно уже само сравнение достаточно многочисленных, ярких и несомненных находок предметов переднеазиатского происхождения в составе раннескифских комплексов, с весьма сомнительными якобы переднеазиатскими элементами в составе новочеркасских памятников, (вопреки И.В. Бруяко [2005, с. 91], который не видит между ними принципиального различия). По сути дела, ситуация здесь та же, что и с кочевническими находками в Передней Азии. Кочевнические элементы в переднеазиатских памятниках с одной стороны и переднеазиатские в восточноевропейских с другой представлены яркими, многочисленными и несомненными находками в период существования раннескифской культуры, и, напротив, отсутствуют или представлены единичными крайне сомнительными элементами (часто «идеями», а не вещами) в предскифский период.

Довольно необычную позицию по киммерийской проблеме занял в своей недавней книге И.В. Бруяко [2005]. Он соглашается с датировкой начала раннескифской культуры в пределах VIII в. до н.э. и с тем, что в период вторжений в Переднюю Азию конца VIII – VII в. до н.э. киммерийцы принадлежали раннескифской археологической культуре. Однако одновременно с этим предполагает, что и памятники «черногорско-новочеркасского горизонта», который он датирует концом X – второй половиной VIII в. до н.э., также принадлежали киммерийцам [Там же, с. 88–114]. Более того, вслед за Д.С. Раевским он предполагает некие «допоходные» походы в Переднюю Азию в IX–VIII вв. до н.э., которые совершали киммерийцы, бывшие в это время носителями «черногорско-новочеркасской» культуры. Таким образом, предполагается, что киммерийцы проникли с востока в Северное Причерноморье в конце X в. до н.э., занимали эти территории в течение примерно двух веков, совершая при этом некие рейды в Переднюю Азию. Эти рейды настолько существенно отличались от более поздних по-

ходов, совершавшихся теми же киммерийцами в VII в. до н.э., что остались не замеченными письменными источниками. Затем, во второй половине VIII в. до н.э., в Северное Причерноморье пришли скифы, принеся новую материальную культуру, которую восприняли и киммерийцы, не смешавшись, однако, со скифами. После этого походы киммерийцев в Переднюю Азию продолжились одновременно со скифскими, но отчего-то настолько поменяли свой характер, что их, наконец, заметили авторы клинописных текстов.

Эта попытка спасения традиционного понимания киммерийской культуры не представляется мне убедительной. Во-первых, нет никаких аргументов в пользу присвоения черногорско-новочеркасским памятникам этнического «ярлыка» киммерийцев. Можно лишь догадываться, что автор основывается здесь на том же сообщении Геродота о киммерийцах как доскифском населении Скифии. Однако его датировка появления скифов в Северном Причерноморье второй половиной VIII в. до н.э., т.е. временем, почти на сто лет предшествующим проникновению греков в черноморский регион, делает достоверность сведений Геродота еще более сомнительной: для столь раннего периода античная традиция редко обладала достоверной информацией даже об истории самой Греции. Гипотеза о «допоходных походах», которые не оставили никаких следов ни в письменных источниках, ни в археологических (о якобы переднеазиатских элементах в новочеркасских памятниках уже говорилось) и вовсе умозрительна. Наконец, не объясняется механизм того, каким образом киммерийцы могли полностью заменить свою материальную культуру на скифскую, сохранив при этом свою особую, нескифскую, идентичность. На мой взгляд, для таких предположений нет никаких оснований. Если отвлечься от гипотез, не подтвержденных фактами, то остается лишь еще раз констатировать, что достоверно засвидетельствованные историческими источниками в конце VIII–VII в. до н.э. киммерийцы принадлежали раннескифской культуре. В предшествующий период письменным источникам они неизвестны, и их отождествление с любой группой археологических памятников этого времени является сугубо гипотетическим; отождествление же с группой памятников, генетически не связанных с раннескифской культурой, кажется крайне маловероятным. Предполагать какие-либо вторжения евразийских номадов в Переднюю

Азию до того, как они фиксируются письменными текстами, также нет никаких оснований. Конечно, эти походы могли начаться и несколько раньше 714 г. до н.э., но вряд ли намного: если они играли сколько-нибудь существенную роль в жизни региона, то должны были отразиться в многочисленных клинописных текстах этой эпохи.

Еще одним указанием на раннюю дату раннескифской культуры являются бронзовые шлемы «кубанского» типа, прототипами которых, по теперь, кажется, общепринятому мнению, были китайские шлемы, использовавшиеся до эпохи западного Чжоу и ненадолго переживающие, (если переживающие) ее конец, т.е. 771 г. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 47–50]. А.Ю. Скаков и В.Р. Эрлих [2005, с. 204] отвергают этот хронологический репер, хотя и соглашаются с тем, что «кубанские» шлемы заимствованы из Китая: они продлевают время бытования прототипов этих шлемов в Китае до конца VIII или начала VII в. до н.э. Единственным основанием для этого является ссылка на статью Чжун Сук-Бэ [2000], откуда они заимствуют датировку двух комплексов, содержащих подобные шлемы. Однако точка зрения автора излагается ими неточно. Автор датирует погребение M101 в Няньшаньгене, где содержится один из таких шлемов, вовсе не «всем VIII в.», а второй половиной IX – VIII в. до н.э. Главным основанием для датировки является близость входящих в комплекс бронзовых сосудов с теми, что обнаружены в могильнике государства Го в Шаньцуньлине, а те, в свою очередь, датированы по надписям, нанесенным на предметы из погребений. Одна из надписей упоминает лицо, жившее в период Сюаньвана, т.е. 827–782 гг. до н.э. Таким образом, этот материал указывает скорее на последнюю четверть IX – первые два десятилетия VIII в. до н.э. Продление этой даты далее в VIII в. – лишь предполагаемая автором возможность, а отнюдь не надежная датировка. Что касается второго погребения, то автор считает его синхронным первому. Предположить возможность его несколько более поздней даты автора заставляет лишь то, что форма выреза найденного в нем шлема больше напоминает форму выреза «кубанских» шлемов. Принятая поздняя дата этих шлемов оказывает влияние на датировку китайского комплекса. Чтобы избежать эффекта замкнутого круга, это соображение, разумеется, не должно приниматься в расчет при обсуждении датировок «кубанских» шлемов. Еще существеннее то, что этот комплекс,

собственно, таковым не является – речь идет о наборе предметов, собранных при обработке земли, и их принадлежность к одному комплексу ничем не документирована. Удивительно, что А.Ю. Скаков и В.Р. Эрлих, демонстрирующие в других случаях подлинный ригоризм по отношению к недостаточно хорошо документированным находкам, в данном случае считают возможным своим принципам изменить. Итак, «кубанские» шлемы, если их считать производными от китайских прототипов, остаются сильным аргументом в пользу ранней даты начала раннескифской культуры. Причем он остается таковым, даже если продлевать существование этих шлемов в Китае до конца VIII в. (для чего, впрочем, нет достаточных оснований): чтобы их заимствование из одной культуры в другую стало возможным, эти культуры должны хотя бы краткое время сосуществовать. Если допускается разрыв между ними, тем более столь значительный как полвека или даже век, надо отказываться и от самой идеи заимствования, к чему А.Ю. Скаков и В.Р. Эрлих, кажется, не готовы.

Здесь уместно задаться вопросом о том, на чем основывались «традиционные» датировки предскифской и раннескифской культур в тот момент, когда они предлагались. Главной, если не единственной, привязкой раннескифской культуры к передневожской хронологии были довольно многочисленные «скифские» находки, сделанные в урартской крепости Тейшебаини, которые находят себе аналогии в памятниках келермесского круга [Пиотровский, 1954]. Исходя из имевшихся в начале 50-х годов представлений об истории Урарту, Б.Б. Пиотровский датировал гибель Тейшебаини 80-ми годами VI в. до н.э. К той же эпохе были отнесены найденные в слое разрушения крепости скифские вещи. Соответственно, формирование раннескифской культуры было отнесено к несколько более ранней эпохе – второй половине или концу VII в. до н.э. Однако за прошедшие десятилетия наши представления об истории Урарту сильно изменились. Вряд ли можно сомневаться в том, что крепость Тейшебаини, одна из окраинных урартских крепостей, погибла примерно одновременно с исследованной неподалеку крепостью Бастам, и произошло это в середине VII в. до н.э., в правление Русы II или вскоре после его конца (см.: [Иванчик, 2006, с литературой]). Соответственно должны измениться и датировка найденных в Тейшебаини предметов скифского типа, и датировка самой раннескифской культуры.

Что касается предскифской хронологии, то она, в том виде, в каком сложилась к середине 70-х годов XX в., опиралась главным образом на синхронизацию с центрально-европейскими памятниками, в первую очередь с т.н. фрако-киммерийскими древностями [Тереножкин, 1976, с. 197–208], не имеющими в действительности отношения ни к фракийцам, ни к киммерийцам. При этом А.И. Тереножкин находил аналогии с «фрако-киммерийскими» древностями только в черногоровских памятниках, которые поэтому синхронизировал с памятниками периодов На В2 и 3 по периодизации Г. Мюллера-Карпе и датировал 900–750 гг. Как ни странно, аналогий новочеркасским древностям среди «фрако-киммерийских» памятников он не усматривал, а поскольку был уверен в надежности датировки начала раннескифской культуры серединой VII в. до н.э., то датировал новочеркасские древности 750–650 гг. до н.э. Мне уже приходилось указывать на то, что среди «фрако-киммерийских» древностей есть несомненные аналогии не только черногоровским, но и новочеркасским памятникам [2001, с. 124–125], что, впрочем, видимо, и без того очевидно для всех. Как известно, пласт «фрако-киммерийских» древностей в системе Г. Мюллера-Карпе синхронизировался с На В2 и 3, самое позднее с началом На С и, соответственно, переход от На В к На С давал *terminus ante quem* не только для черногоровских, но и для новочеркасских памятников, а также примерно определял время перехода от предскифской к раннескифской культуре.

Впоследствии хронологическая система Мюллера-Карпе подверглась существенному пересмотру. Прежде всего, специалисты по поздней бронзе Центральной Европы отказались от выделения периода НаВ2, и финальный этап культуры полей погребальных урн теперь объединяется в горизонт НаВ2/3 [Pare, 1996, p. 100–101, 112 с литературой]. При этом благодаря широкому использованию дендрохронологических данных граница между этим периодом и началом гальштаттской эпохи (НаС1а) была сдвинута в начало VIII в. до н.э. (в частности, курган 8 у Верингена, в окрестностях Аугсбурга, относящийся к началу гальштаттской эпохи, датируется 778 ± 5 до н.э.). В хронологии К. Пеа выделяется промежуточный этап, который он именуется «ранним На С» или На С1а и который располагается между На В2/3 и «зрелым» или «старшим» На С (*full Na C, ältere Hallstattzeit, Na C1b*), соответствующим На С1 системы Мюл-

лера-Карпе [Pare, 1991, 1996, p. 103–112; 1998, S. 298–299, ср. критику Torbrügge, 1991, S. 295–321]. Судя по количеству известных погребений в сравнении с периодами На В и С, длился этот период относительно недолго и является не полноценным этапом, а неким переходным периодом. К. Пеа датирует переход от раннего к зрелому На С ок. 720 г. до н.э. (примерно одновременно с границей Вилланова II/III и Эсте II/III) [Pare, 1996, p. 111].

Таким образом, если продолжать синхронизировать переход от НаВ к НаС с переходом от предскифской к раннескифской культуре, то его придется датировать даже не серединой, а началом VIII в. до н.э. (ср.: [Дараган, 2004, с. 87–89]). Однако такой вывод был бы слишком поспешным, как справедливо пишет И.В. Бруяко [2004, с. 41–46, ср.: Бруяко, 2005, с. 85–86]. Впрочем, новая система гальштаттской хронологии вовсе его не подразумевает, поскольку включает не только передатировку границ между горизонтами культур поздней бронзы – раннего железа, но и частичную перегруппировку памятников внутри этих горизонтов. Хронологическая схема культур *Urnenfelder* – Гальштатта всегда строилась в первую очередь на основе погребальных памятников альпийского региона и северной Италии, отсюда же как в новой, так и старой хронологии происходили и привязки к абсолютной хронологии: в старой хронологии это были восточные и греческие импорты, в новой – данные дендрохронологии. В то же время на более восточных территориях, в карпато-дунайском регионе, ведущими памятниками, используемыми для хронологических построений, были не погребения, а клады (ср.: Бруяко, 2004, с. 42–44]). Собственных привязок к абсолютной хронологии они не имеют (за исключением редких вещей, имеющих параллели (не всегда точные) в Передней Азии [Metzner-Nebelsick, 1994, S. 411–412, 417]) и датируются путем синхронизации выделяемых среди них горизонтов с уже выделенными этапами На В – С. Для восточно-европейской хронологии важны именно эти восточные памятники, так как «фрако-киммерийские» древности происходят именно из них, но как раз с этими кладами возникают наибольшие сложности. В системе Г. Мюллера-Карпе клады «фрако-киммерийского» пласта синхронизировались с периодами На В2 и 3. К. Пеа также выделяет среди них два горизонта (DFS V и VI), однако с периодом На В2/3 синхронизирует лишь старший из них, а млад-

ший – со вновь выделенным им периодом Ha C1a («ранний Ha C») [Pare, 1998, S. 354–384, 425–429]. Такое разделение, однако, вызывает ряд проблем, что отмечает сам Пеа, сравнивая свою схему со схемами, предложенными незадолго до него К. Метцнер-Небельсик [Metzner-Nebelsick, 1994] и Т. Кеменцеи [Kemenczei, 1996]. Он указывает, что все три схемы достаточно хорошо соответствуют друг другу в ранней (DFS IV = Ha B1) и поздней (DFS VI = Ha C1a) фазах, однако сильно расходятся в том, что касается DFS V. При этом клады ступени DFS V, согласно Пеа, достаточно редки, известны лишь в части регионов, а их собственные привязки к ступени Ha B3 немногочисленны, и эта синхронизация строится в первую очередь на соображениях относительной хронологии [Pare, 1998, S. 384, 425–427]. С этим проблематичным горизонтом Пеа соотносит клады, включающие элементы конской узды черногоровского типа, в то время как на ступени DFS VI, по его мнению, развивалась местная, карпатская узда, со слабыми следами «новочеркасского» влияния. Такое представление, однако, противоречит, вероятно, уже общепринятому представлению о частичной или полной синхронности черногоровских и новочеркасских памятников, и можно предполагать, что часть кладов, отнесенных по этим основаниям к ступени DFS VI, может в действительности датироваться периодом DFS V.

В самом деле, отнесение некоторых важных для восточноевропейской хронологии памятников к ступени DFS V или VI оказывается спорным. Это касается, например, клада у д. Прюдь. Так, К. Метцнер-Небельсик [Metzner-Nebelsick, 1994, S. 410, 420] относит его к DFS V (используемая ею и К. Пеа относительная хронология кладов совпадают). В. Торбрюгге также относит его к догальштаттскому времени [Torbrügge, 1991, S. 308; 1992, S. 442]. В то же время К. Пеа относит его к DFS VI [Pare, 1998, S. 383]. Т. Кеменцеи причисляет клад к ступени Va (соответствует началу VI ступени Пеа), которую он при этом соотносит со ступенью Ha B3 системы Г. Мюллера-Карпе и считает «несомненно предшествующей началу гальштаттского времени», но в абсолютных датах датирует VIII в. до н.э., не исключая и конца IX в. [Kemenczei, 1996, S. 86–87]. При этом в более поздней работе тот же автор уже отказывается датировать клад из д. Прюдь точнее, чем «Späturtenfelder – Frühhallstattzeit», а ряд кладов, относимых К. Пеа к ступени DFS VI

(т.е. к VIII в. до н.э.), а им самим к ступени Va, например Бихаругра, Дюнакомлод и др. [Pare, 1998, S. 370–373; Kemenczei, 1996, S. 86], датирует IX в. до н.э. [Kemenczei, 2000, S. 239–243]. Здесь же он приводит и другие подобные примеры разнобоя в относительных датировках [Kemenczei, 2000, S. 241–243] и заключает, что для отнесения к IX или VIII вв. до н.э. комплексов, содержащих предметы конской узды «фрако-киммерийского» типа нет никаких объективных оснований. Упоминает он и показательный пример с тем же кладом из д. Прюдь (ср. ниже).

Таким образом, для кладов с восточной периферии культур Urnenfelder – Гальштатта, содержащих предметы конской узды восточноевропейского происхождения, пока не установлена даже относительная хронология, то есть об установлении абсолютной хронологии здесь говорить еще рано. Тем более эти клады не могут служить надежным основанием для установления восточноевропейской хронологии.

Синхронизация кладов DFS V и VI с определенными периодами культур Urnenfelder и Гальштатта альпийского региона затрудняется еще и тем, что переход от одной культуры к другой происходил, по мнению ряда авторов, постепенно и неодновременно в разных регионах [Pare, 1998, S. 427–429; Kemenczei, 2000, S. 236–237]. Соответственно, выводимые из таких датировок абсолютные даты должны рассматриваться не как точные датировки, а как некий ориентир. При этом, разумеется, чем дальше мы удаляемся от источника абсолютных дат (в данном случае, в первую очередь от дендрохронологических данных альпийского региона), тем меньше точность этих датировок, основанных на цепи синхронизаций, а юг Восточной Европы стоит в самом конце этой цепи.

В такой ситуации некоторые исследователи ищут опоры для датировок этих кладов в восточноевропейских древностях. Синхронизация DFS V и VI с периодами Ha B2/3 и Ha C1a («ранний Ha C») в системе К. Пеа в абсолютных датах означает датировку горизонта DFS V и, соответственно, проникновения «черногоровских» элементов в Центральную Европу между примерно 950/920 и 800 г. до н.э., а горизонта DFS VI и проникновения «новочеркасских» элементов – между примерно 800 и 730/720 гг. до н.э. [Pare, 1998, S. 376, 381–384]. Такая хронологическая схема вполне соответствовала бы предположению о смене предскифской культуры раннескифской в середине –

третьей четверти VIII в. до н.э. Однако К. Пеа колеблется в определении времени окончания своего периода DFS VI, предполагая, что он мог продолжаться и несколько позже конца периода На С1а. Причина этой неуверенности состоит в том, что не определена хронологическая граница между «предскифским» и «раннескифским» горизонтами находок, которая и должна, по его мнению, стать опорой для датировки окончания DFS VI [Pare, 1998, S. 383. Anm. 237]. В работах Т. Кеменцеи также предпринимаются попытки пересмотра датировок центрально-европейских памятников на основе якобы установленных дат памятников новочеркасского облика (критику этой процедуры см.: [Бруяко, 2005, с. 84–85]). Таким образом, создается ситуация порочного круга: специалисты по Центральной Европе, очевидно, за недостатком собственных данных, пытаются определить окончание одного из периодов своей хронологической системы, опираясь на датировку перехода от предскифской к раннескифской культуре, тогда как исследователи Восточной Европы для выяснения даты именно этого события обращаются к центрально-европейской хронологии.

Частный случай такого порочного круга – история с датировкой клада из д. Прюдь, который играет существенную роль в хронологических построениях сторонников традиционной хронологии, в частности, В.Р. Эрлиха, поскольку содержит бронзовые кольца с привесками, считающимися маркером новочеркасской узды «классического» типа (см.: [Иванчик, 2001, с. 130–132; Скаков, Эрлих, 2005, с. 204–205; Эрлих, 2007, с. 183–184]). Первоначально рядом ученых, в том числе В.Р. Эрлихом, этот клад датировался IX в. до н.э., причем дата новочеркасских вещей из него определялась по предметам центрально-европейского происхождения. Спустя несколько лет, однако, тем же автором те же новочеркасские вещи стали использоваться уже в качестве опорных для датировки всего клада, включая его центрально-европейские элементы, и на этом основании клад был передатирован концом VIII в. до н.э. Таким образом, вещи с неизвестной датой, время которых должно устанавливаться путем анализа, неожиданно превратились в хронологические реперы именно для тех комплексов, на которые раньше опиралась их датировка.

В.Р. Эрлих продолжает настаивать на поздней дате клада – не раньше последней четверти VIII в. до н.э. При этом он справедливо замечает,

что содержащиеся в кладе бронзовые кельты не могут определять его датировку – но, вопреки его мнению, не потому, что их невозможно относить к IX в. до н.э., а потому, что они имеют слишком широкую дату: Т. Кеменцеи приводит для них аналогии из кладов горизонтов III, IV и V по своей периодизации [Kemenczei, 1996, S. 84–86]. Трудно не согласиться с В.Р. Эрлихом, когда он говорит о необходимости датировать клад по его позднейшим составляющим, однако проблема возникает, когда этот правильный методический принцип применяется на практике. Казалось бы, очевидно, что самым поздним элементом клада должны быть не бронзовые вещи, к тому же, возможно, инокультурные, а глиняный сосуд, в котором они лежали: время его жизни явно короче времени жизни бронзовых предметов, к тому же найденных в кладе. Еще в первой публикации клада сосуд был определен как принадлежащий культуре Гава эпохи бронзы, что повлияло на определение клада как одного из древнейших из числа содержащих «фрако-киммерийские» бронзы и его датировку периодом На В2 [Kemenczei, 1981, S. 29–41. Abb. 1]. В.И. Козенкова также указывала на то, что этот сосуд противоречит поздней дате клада [1996, с. 87], писал об этом и я [2001, с. 130–132]. Этот аргумент, однако, продолжает игнорироваться В.Р. Эрлихом. Вместо его рассмотрения он объявляет самыми поздними элементами клада Прюдь новочеркасские его элементы и предлагает датировать весь клад именно по ним. Откуда ему известно, что эти элементы самые поздние, остается загадкой – он просто *знает*, что они не могут датироваться раньше конца VIII в. до н.э. Удастся даже установить, когда это знание открылось В.Р. Эрлиху: произошло это событие между 1991 г., когда он еще считал необходимым обосновывать датировку новочеркасских древностей [1991, с. 38–39], в том числе и опираясь на дату клада из Прюдь IX в. до н.э., и 1994 г., когда он уже, наоборот, датировал клад Прюдь, опираясь на *известную* дату новочеркасских древностей [1994, с. 63–64]. В первом случае он синхронизировал клад Прюдь с первым этапом своей хронологической схемы (черногоровская и ранненовочеркасская узда), во втором – со вторым («классическая» новочеркасская узда).

В любом случае, как мы видели выше, датировка клада из Прюдь никем из специалистов по центрально-европейской археологии не определяется концом VIII – первой половиной VII в. до н.э., что

было бы необходимо в традиционной схеме предскифской хронологии. Если они отказываются от датировки IX в. до н.э. (что делают далеко не все), то относят его к следующему горизонту кладов, начинающемуся на рубеже IX–VIII вв. до н.э., причем к ранней части этого горизонта, в отличие, скажем, от клада Фюгод. Даже и такая, высокая, датировка (условно говоря, первая половина VIII в. до н.э.), на которую существенно повлияли традиционные датировки степных древностей, не противоречит моим представлениям о хронологии предскифского – раннескифского периода, но несовместима с традиционной хронологией.

На этом примере и на некоторых других можно видеть, как специалисты по центрально-европейской археологии пытаются уточнять собственные датировки центрально-европейских находок на основании восточно-европейских данных, тогда как специалисты по восточно-европейской археологии одновременно строят свои хронологические системы, основываясь именно на этих датировках. В такой ситуации, на мой взгляд, единственным способом для датирования памятников карпато-дунайского региона является их синхронизация только с памятниками основной зоны культур Гальштатта и Urnenfelder: смотреть надо на запад, не оглядываясь на восток. И только после того как на основании западных привязок (если это окажется возможным) эти памятники будут надежно датированы, их можно будет использовать для датировки памятников Восточной Европы.

На нынешнем уровне исследований центрально-европейские данные указывают лишь на существование новочеркасских памятников по меньшей мере с начала VIII в. до н.э. (DFS VI = На С1а). Возможно их существование и в IX в., если хотя бы часть содержащих новочеркасские элементы кладов относится к периоду DFS V, а это представляется весьма вероятным, или если горизонт DFS VI хотя бы частично синхронизируется с периодом На В3, что также нельзя исключить, учитывая способ установления его хронологии (см. выше). В пользу последней возможности говорят параллели между чашами из клада в Михалкове, относящегося по набору фибул к горизонту DFS VI, и из Хазанлу IV, т.е. из контекста, надежно датированного ранее конца IX в. до н.э. [Metzner-Nebelsick, 1994, S. 411–412, 417, ср.: Pare, 1998, S. 372–373]. Для выяснения того, когда вещи новочеркасского облика перестают попадать в центральную Европу, видимо, все же можно ориенти-

роваться, хотя и без большой уверенности, на дату окончания периода На С1а, т.е. 730/720 гг. до н.э.

В целом, подводя итог, следует сказать, что традиционная датировка перехода от предскифской к раннескифской культуре серединой VII в. до н.э. утратила свои основания – те хронологические реперы, на которые она опиралась, сейчас датируются значительно более ранним временем («скифские» вещи из Тейшебаини, «фрако-киммерийские» древности). Новые данные – связанные как с новыми находками в Передней Азии, так и с появлением новых радиоуглеродных и дендродат – указывают на необходимость датировать этот переход в пределах VIII в. до н.э., до начала походов киммерийцев в Переднюю Азию. Приверженность многих скифологов традиционной датировке раннескифской культуры я могу объяснить лишь инерцией. Остается лишь удивляться тому, насколько долго она действует – ведь с появления первых работ Георга Коссака, в которых предлагалась новая датировка раннескифской культуры, прошло почти тридцать лет.

Список литературы

- Алексеев А.Ю.** Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.
- Бруйко И.В.** Обновленная система гальштаттской хронологии Центральной Европы и памятники раннего железного века юга Восточной Европы // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – 2004. – № 11. – С. 41–46.
- Бруйко И.В.** Ранние кочевники в Европе X – V вв. до Р.Х. – Кишинев: Выш. Антропол. шк., 2005. – 358 с.
- Вальчак С.Б.** Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. – М.: Таус, 2009. – 291 с.
- Городцов В.А.** К вопросу о киммерийской культуре // Тр. Секции археологии РАНИОН. – 1928. – № 3. – С. 46–59.
- Дараган М.Н.** Основы хронологии предскифского и раннескифского времени // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – 2004. – № 11. – С. 86–92.
- Дударев С.Л.** Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). – Армавир: Армавир. полиграфпредприятие, 1999. – 401 с.
- Дударев С.Л.** К проблеме археологической идентификации киммерийцев и скифов (к выходу книги А.И. Иванчика «Киммерийцы и скифы» // Проблемы всеобщей истории. – Армавир, 2003. – № 8. – С. 226–234.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология.** – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.

- Иванчик А.И.** Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени – М.: Палеограф, 2001. – 324 с. – (Степные народы Евразии II).
- Иванчик А.И.** Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М.: Наука, 2006. – Т. 1. – С. 146–161.
- Козенкова В.И.** Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – М.: ИА РАН, 1996. – 163 с.
- Медведская И.Н.** Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. – 1992. – № 3. – С. 86–107.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.** Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 238–248.
- Пиотровский Б.Б.** Скифы и древний Восток // СА. – 1954. – № 19. – С. 141–158.
- Полин С.В.** О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской) // РА. – 1998. – № 4. – С. 50–63.
- Самоковасов Д.Я.** Могилы Русской земли. – М.: [Синод. тип.], 1908. – 271 с.
- Скаков А.Ю., Эрлих В.Р.** Еще раз о хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В.С. Ольховского. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 201–227.
- Скорый С.А.** Киммерийцы в украинской лесостепи. – Киев; Полтава: Археология, 1999. – 136 с.
- Тереножкин А.И.** Киммерийцы. – М.: Наук. думка, 1976. – 223 с.
- Чжун Сук-Бэ.** О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: Геос, 2000. – С. 110–137.
- Членова Н.Л.** Центральная Азия и скифы. – М.: ИА РАН, 1997. – Т. 1: Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – 98 с.
- Эрлих В.Р.** Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. – М.: Эвтектика, 1991. – С. 31–47.
- Эрлих В.Р.** У истоков раннескифского комплекса. – М.: Гос. музей Востока, 1994. – 145 с.
- Эрлих В.Р.** Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Протоомеотская группа памятников. – М.: Наука, 2007. – 430 с.
- Akhvlediani N.I.** On the Dating of Burial No. 13 in the Beshtasheni Burial-Ground // ACSS. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia (Leiden, Boston). – 2001. – Vol. 7. – P. 273–285; Corrigenda // ACSS. – 2002. – 8. – P. 179–182.
- Ivanchik A., Moshinskiĭ A.** Two Bronze North-Caucasian Helmets from the State Historical Museum (Moscow) // ACSS, Leiden; Boston, 2001. – Vol. 7. – P. 287–305.
- Ebert M.** Südrufland im Altertum. – Bonn; Leipzig: Schroeder, 1921. – 436 S.
- Kemenczei T.** A prügyi koravaskori kincselet // Communicationes archaeologicae Hungariae. – 1981. – P. 29–41.
- Kemenczei T.** Angaben zur Frage der endbronzezeitlichen Hortfundstufen im Donau-Theißgebiet // Communicationes archaeologicae Hungariae. – 1996. – S. 53–92.
- Kemenczei T.** Zum früheisenzeitlichen Pferdegeschirr in Mitteleuropa // AArchHung. – 2000. – N 51. – S. 235–247.
- Kossack G.** Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // BAVA. – 1983. – N 5. – S. 89–186.
- Kossack G.** Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse. – 1987. – Bd. 98. – S. 24–86.
- Metzner-Nebelsick C.** Die früheisenzeitliche Trensenentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus. – Regensburg: Universitätsverlag Regensburg, 1994. – S. 383–447. – (Regensburger Beiträge zur prähistorische Archäologie; Bd. 1).
- Pare C.F.E.** Swords, Wagon-Graves, and the Beginning of the Early Iron Age in Central Europe. – Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg, 1991. – 30 p. – (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar der Philipps-Universität Marburg; Bd. 37).
- Pare C.F.E.** Chronology in Central Europe at the End of the Bronze Age // Acta Archaeologica. – 1996 – Vol. 67. – P. 99–120.
- Pare C.F.E.** Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa. I. Grundzüge der Chronologie im Östlichen Mitteleuropa (11 – 8 Jahrhundert v.Chr.) // JRGZM. – 1998 (1999). – Bd. 45. – S. 293–433.
- Sauter H.** Studien zum Kimmerierproblem. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2000 – 307 S.
- Torbrügge W.** Die frühe Hallstattzeit (Ha C) in chronologischen Ansichten und notwendige Randbemerkungen. I. Bayern und der “Westliche Hallstattkreis” // JRGZM. – 1991 (1995). – Bd. 38. – S. 223–463.
- Torbrügge W.** Die frühe Hallstattzeit (Ha C) in chronologischen Ansichten und notwendige Randbemerkungen. II. Der sogenannte östliche Hallstattkreis // JRGZM. – 1992 (1995). – Bd. 39. – S. 425–614.

E. Istvánovits¹ and V. Kulcsár²

¹*Jósa András Museum, Nyíregyháza, Hungary*

²*University of Szeged, Szeged Hungary*

ACTUAL PROBLEMS OF SCYTHIAN AGE IN THE GREAT HUNGARIAN PLAIN

Introduction

The Danube River divides the territory of present Hungary situated in the heart of the Carpathian Basin into two parts. This geographical and cultural division of Transdanubia (area west of the Danube) and Alföld (Great Hungarian Plain east of the Danube) started already in the prehistoric times. This was the situation at the beginning of 1st millennium BC, at the rise of the Iron Age.

At the transition period between the Late Bronze Age and Early Iron Age serious changes took place in the territory of the Alföld. While in Hallstatt A-B the area was dominated by the Gáva-Holíhradi and smaller contemporary cultures (Kyjatice in the north and Bosut-Bararabi Culture in the south), somewhere in the 8th century BC significant cultural impacts or arrival of a new ethnic group can be observed in the archaeological material. Cremation in burial rite was replaced by inhumation. While the pottery got mixed character – including Late Bronze Age shapes and new forms coming from the steppe – completely new objects of eastern origin appeared in the graves and hoards: Cimmerian type of two-part bronze bits, other pieces of horse harness sometimes decorated in early animal style, weapons unusual before. The sites of the new culture named Mezőcsát Group after the main excavated cemetery, spread in the northern part of the Plain and, in a small number, in the area of the Tisza-Maros angle. In the literature it is heavily discussed whether it can be connected with a steppe Iranian wave of Cimmerian character, or the eastern objects appeared as an exterior impact and trade.

In the 6th century BC a new wave of eastern origin occupied the Hungarian Plain. This culture has been traditionally connected with Scythians.

The first ones to recognize the origin of this new culture and collect its first finds in Hungary were Hungarian archaeologist József Hampel and the German Paul Reinecke in the last decades of the 19th century (Hampel, 1893; Reinecke, 1897). Findings of golden deers in the 1920s meant a great impulse for the further research of Scythian Age material (Fettich, 1928; 1931; 1934). Excavations of several large cemeteries began between the two World Wars and continued in the 1950s. After a certain amount of find material it became possible to outline the spread of the culture and separate its local groups: Alföld Group, Transylvanian Group and Kushtanovica Group (the latter in the territory of the Carpathian Ukraine) (Bottyán, 1955). The present point of view is more or less the same. A great step forward was the research conducted by Mihály Párducz, who, after the publication of Szentes-Vekerzug site (after which the culture, also called Alföld Group, was named), one of the largest and most characteristic cemeteries, summarized the data collected until then in a series of publications (Párducz, 1952; 1954; 1955; 1965; 1966; 1973). Finds of the culture were summarized by Polish researcher Jan Chochorowski (Chochorowski, 1985). Usually it is considered that Scythians of the Hungarian Plain can be identified with Sigynnoi, and that of Transylvania with the Agathyrsoi of Herodotus (Harmatta, 1966; 1968). Scythian domination at this territory ended with Celtic expansion in the 4th – 3rd century BC. The latest summary on the Scythian culture of the Hungarian Plain was recently published by Tibor Kemenczei (Kemenczei, 2009). Following his

predecessors and him, the mostly accepted opinion in Hungarian archaeology is that Scythian culture of the Carpathian Basin includes the continuous population of the Late Bronze Age taking over a lot cultural features from the arriving eastern population. Judging from pottery analogies the latter could have arrived from the forest steppe zone of the Middle Dniester (Kemenczei, 2009: 111).

Archaeological evidence

The burial rite of the Scythian cemeteries is very diverse. Population practiced cremation (considered to be a local feature) and inhumation (innovation brought by the newcomers). The orientation of the graves is not consequent. Cremation graves sometimes were covered by stones or placed in square wooden boxes. A special feature is burial of one or two horses (sometimes with a wagon, but without any human remains) at the territory of the «regular» cemetery (Kemenczei, 2009: 29–34).

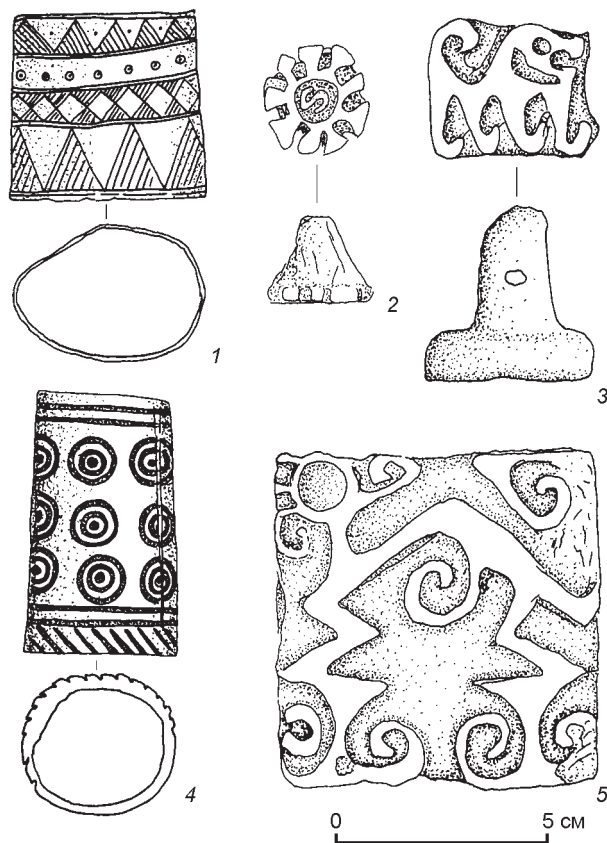


Fig. 1. Bone cylindrical containers (1, 4) and pintaderas (2, 3, 5) (after: Kisfaludi, 1997, Abb. 2, 7, 14).

Find material can be divided into three groups: local elements; types and style of objects brought from the steppe; and artifacts typical only for the local Scythian material culture. Among local elements on the first place we should mention handmade pottery. At the same time, gray wheel-made pottery (bowls, «fruit bowls» on high foot, mugs with vertical handle reaching high above the rim) are considered to be an eastern innovation possibly borrowed from the North Pontic Greek colonies. Weapons (scale male, akinakes with kidney-shaped cross piece, bronze three-winged arrowheads, iron axes), horse harness (two-part bits with cheekpieces, iron knobs etc.), typical Scythian mirrors, rattles, plates decorating quiver and other objects ornamented in animal style (golden deers – possibly decorations of shields) are obviously come from the steppe or imitate pieces of eastern origin. Last but not least, there are objects found only at the Hungarian Plain, without roots either in the Late Bronze Age or the steppe material. These are clay pintaderas with geometric or figural (special kind of animal style) decoration probably used for stamping textile or human skin (Fig. 1, 2, 3, 5). Beside them cylindrical bone containers with geometric decoration are also of local origin (Fig. 1, 1, 4).

As a result of influence or westward expansion Scythian objects also appear among the finds of the Hallstatt population of Western Hungary and Slovakia and even more westward. A small group of Scythians occupied a territory in SW Slovakia, leaving one of the largest known cemeteries in Chotín (Dušek, 1966).

Settlements

Motorway excavations of the last 20–25 years proved that original suggestion about the lack of settlements in the Hungarian Plain of Scythian Age is wrong. We have got more and more data on villages of the period attesting to the fact that eastern immigrants took over the settled peasant way of life from the indigenous population of the region. This is supported by the large number of storage pits and findings of handmills. Relatively large settlements have been researched in the sites of Nyíregyháza-Manda-bokor (Istvánovits, 1997) or Tiszalök-Prison (417 features at 23.235 sq.m) (Scholtz, 2007), Lajosmizse (Kulcsár, 1991), Maglód (35 dwellings at a 9.7 hectares surface) (Rácz, 2007), Vecsés site 4 (28 post-buildings at 22,780 sq.m) (Tari et al., 2006, 51) etc.

In 2007, 70 settlement traces were known (Scholtz, 2007: 53), but since that time this number significantly grew. Unfortunately, the number of publications is very low. That is why it would be difficult to make general assumptions on the structure of the Scythian settlements. In the case of Nyíregyháza-Manda-bokor or Lajosmizse it seemed that the territory occupied by one or two buildings and some pits belonging to them were surrounded by a ditch. These estates could be around 750–800 sq.m each and were situated in a row (Fig. 2). In the junctions of the ditch-systems wells were found. However, this was not the only recorded kind of settlement. There were villages where houses

were scattered at the waterside and no ditches were recorded (Rácz, 2007; Vaday, 2003). At other sites it was observed that houses were built close to each other forming kind of the «nucleus» of the village. Different kinds of settlements may refer to more sophisticated than previously division of labor in the society.

The size and shape of the buildings is diverse. There were semi-subterranean ones with wattle and daub walls. Sometimes they have rectangular ground plan with post-holes referring to roof resting of wooden poles (Fig. 3). In other cases no traces of supporting system were found. Sometimes round dwellings were recorded, possibly of yurt type, sometimes with a



Fig. 2. Nyíregyháza, Manda-bokor, part of the ground plan of the settlement.

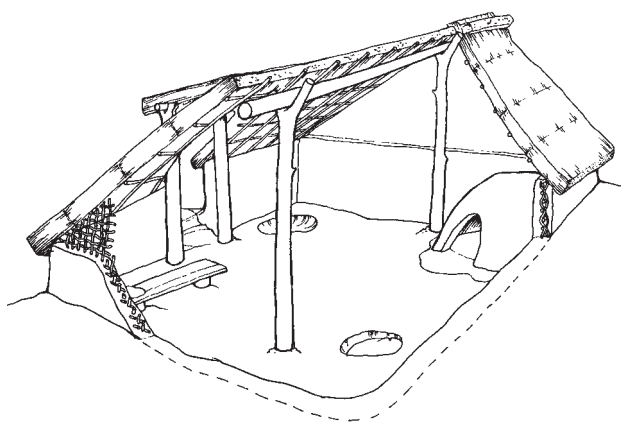


Fig. 3. Nyíregyháza, Manda-bokor, rectangular dwelling and its reconstruction.

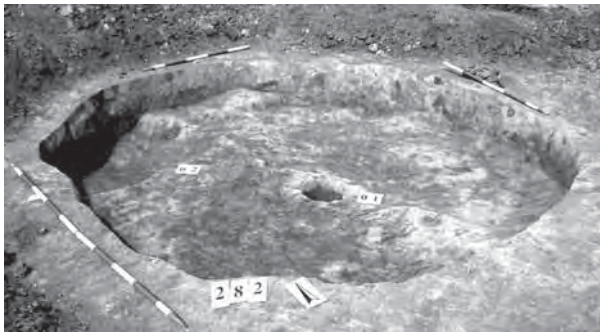


Fig. 4. Tiszalök-Börtön, round dwelling (after: Scholtz, 2007, Fig. 2, I).

central pillar (Fig. 4) (Scholtz, 2007: 54, fig. 3), in some cases with system of posts (Tari et al., 2006: 59). In one case, in Salgótarján nails referring to shingle roof were unearthed (Vaday, 2003).

A 304 x 334 cm large semi-subterranean building was published from Tiszalök (Scholtz, 2007: 54). One of the houses from Salgótarján was 7 x 4 m big (Vaday, 2003), but we know also 8–9 m long buildings (Rácz, 2007: 228). Judging from the floors of the houses



Fig. 5. Nyíregyháza, Manda-bokor, antler haft plates.



Fig. 6. Lajosmizse, site 26, bone haft plate.

renewed several times we have to suggest long-lasting settlements (Vaday, 2003; Rácz, 2007: 228).

In most of the cases nothing refers to firing/heating devices. We meet a similar phenomenon in the case of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain – in their case we suspect portable mobile ovens. There are several similarities in the settlements of these two peoples. For example, in both periods human remains can be frequently found in the pits of the settlements (Scholtz, 2007: 55; Vaday, 2003; Rácz, 2007: 228).

Beside typical settlement features – dwellings, pits and ditches – single ovens are also met (Istvánovits, 1997: 76; Scholtz, 2007: 56; Rácz, 2007: 228; Tari et al., 2006: 16). In one of the garbage pits from Maglód traces of a two-part pottery kiln (pieces of the floor) were found (Rácz, 2007: 228.). Wells were observed in Vecsés (Tari et al., 2006: 59).

Most of the numerous settlement pottery is handmade. A mass material besides ceramics is represented by animal bones (cattle, horse, ram etc.) – mainly kitchen rubbish. Sometimes shells and fish scale is met. Metal objects are rare. From several sites handmill stones are known, which is also a new and more developed implement comparing to the grinding stones of the earlier periods.

Hoard finds are extremely rare from this age. Recently in the site of Bátmonostor-Szurdok in a 3 x 3 m large pit a set of iron weapons was discovered (akinakes, two spearheads, iron sheath end, a hatchet and an axe, further axes and a three-winged bronze arrowhead) (Gulyás, 2010).

The question of the ethnic character and origin of the population of Scythian Age has been long discussed. In this connection it is worthwhile to consider some relatively recent finds, on the first place the antler hafting plates from Nyíregyháza-Manda-bokor found in a settlement feature. One of the plates depicts stylized bird head/s, representing all the typical characteristics of the steppe Scythian animal style finding a great number of analogies in the steppe material. The other plate was started to be carved in an analogous way, but was unfinished (Fig. 5). This

fact shows that these decorations were made at the spot and their master was perfectly familiar with the essentials of the style, keeping the eastern tradition of the original homeland of the community (Istvánovits, 1997: 77–79). Another bone hafting of a knife coming from Lajosmizse, depicting a wolf's head (Fig. 6) has good parallels in the animal style of the Sauromatians (Korolkova, 2006, Fig. 64). This last circumstance points to a much more distant place of origin than the suggested Middle Dniester area. Further research should throw more light on the steppe relations of the Scythians of the Carpathian Basin, but even on the present stage of the research we have to keep in mind that ethnic components of these Scythians could be more diverse than we presently imagine.

References

- Bottyán Á. 1955**
A szkíták a magyar Alföldön. *Régészeti Füzetek*, 1, Budapest, 80 p.
- Chochorowski J. 1985**
Die Vekerzug-Kultur: Charakteristik der Funde. Kraków: Państw. Wydaw. Naukowe, 162 p.
- Dušek M. 1966**
Thrakisches Gräberfeld in der Hallstattzeit in Chotin. Bratislava, 174 p. (*Archeologica Slovaca Fontes*; T. VI).
- Fettich N. 1928**
A zöldhalompusztai szkíta lelet (La trouvaille scythe de Zöldhalompusztá près de Miskolc, Hongrie). Budapest, 46 p. (*Archeologica Hungarica*; No. 3).
- Fettich N. 1931**
Bestand der skythischen Altertümer Ungarns. In *Rostowtzeff M. Skythien und der Bosphorus I.* Berlin, pp. 494–529.
- Fettich N. 1934**
A garcsinovái szkíta lelet (Der skythische Fund von Gartschinowo). Budapest, 59 p. (*Archeologia Hungarica*, No. 15).
- Gulyás G. 2010**
Szkíta kori fegyverkészlet Bátmonostorról. URL: http://sirasok.blog.hu/2010/11/15/szkita_kori_fegyverkeszlet_batmonostorrol
- Hampel J. 1893**
Skythiai emlékek Magyarországon. *Archaeologiai Értesítő*, No. 13: 385–407.
- Harmatta J. 1966**
Kimmerek és szkíták. *Antik Tanulmányok*, No. 13: 107–116.
- Harmatta J. 1968**
Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Griechenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, No. 20: 153–157.
- Istvánovits E. 1997**
Nyíregyháza – Manda-bokor. In *Utak a múltba. Az M3-as autópálya régészeti leletmentései (Paths into the past, Rescue excavations on the M3 motorway)*. Budapest, pp. 75–80.
- Kemenczei T. 2009**
Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 410 p.
- Kisfaludi J. 1997**
Tonstempel und Knochenzylinder aus der mittleren Eisenzeit im Karpatenbecken. *Communicationes archaeologicae Hungariae*, pp. 75–107.
- Korolkova E.F. 2006**
Zverinyi stil Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzhia i Yuzhnogo Priuraliá v skifskuyu epokhu (VII–VI vv. do n.e.). St. Petersburg, 272 p.
- Kulcsár V. 1991**
Lajosmizse, M5 út 26. lh. *Régészeti Füzetek*, Ser. 1, No. 42: 18–19.
- Párducz M. 1952**
Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug 1. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, No. 1: 143–172.
- Párducz M. 1954**
Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug 2. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, No. 4: 29–91.
- Párducz M. 1955**
Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug 3. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, No. 6: 1–22.
- Párducz M. 1965**
Western relations of the Scythian Age culture of the Great Hungarian Plain. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum*, No. 13: 273–301.
- Párducz M. 1966**
Scythian Age cemetery at Tápiószéle. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, No. 18: 35–91.
- Párducz M. 1973**
Probleme der Skythenzeit im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, No. 25: 29–73.
- Rác T. 2007**
Maglód, 1. sz. lelőhely. Budapest, pp. 227–228. (Régészeti Kutatások Magyarországon 2006 (*Archaeological Investigations in Hungary 2006*)).
- Reinecke P. 1897**
Magyarországi szkíta régiségek. *Archaeologiai Értesítő*, No. 17: 1–27.
- Scholtz R. 2007**
Szkíta kori település- és temetőrészlet Tiszalök határában (Tiszalök, Börtön) (Scythian Period settlement and cemetery fragment at Tiszalök (Tiszalök, Prison)). Budapest, pp. 53–65. (Régészeti Kutatások Magyarországon 2006 (*Archaeological Investigations in Hungary 2006*)).
- Tari E. et al. (ed) 2006**
Régészeti kutatások másfél millió négyzetméteren. Autópálya és gyorsforgalmi utak építését megelőző régészeti feltárások Pest megyében 2001–2006. Pest megyei Múzeumi Füzetek új sorozat 7. Szentendre, 111 p.
- Vaday A. 2009**
Salgótarján, Ipari-park II lelőhely (Salgótarján, Industrial Park II site). Budapest, pp. 31–38. (Régészeti Kutatások Magyarországon 2000 (*Archaeological Investigations in Hungary 2000*)).

Кан Ин Ук

*Национальный университет Пугён
Пусан, Корея*

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В I ТЫС. ДО Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ ПРОВИНЦИИ ЛЯОНИН (КНР) И КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СВЯЗИ С КУЛЬТУРОЙ БРОНЗОВЫХ СКРИПКОВИДНЫХ КИНЖАЛОВ

1. Введение

Существование на территории Корейского полуострова на стадии «узких бронзовых кинжалов» так называемой «культуры бронзы ордосского типа» (или «евразийского типа», «степного типа») стало предметом активных дискуссий в корейской археологии уже с 1920-х гг. [Фудзита Рёсаку, Умехара Суэдзи, 1947; Ким Вольён, 1972]. Появление на бронзовых кинжалах Кореи новых видов украшений (парных орнитоморфных, зооморфных и т.д.), отличных от традиционных для этой территории геометрических мотивов, постоянно привлекало внимание исследователей и стимулировало появление теории о степном происхождении корейской культуры бронзы. Однако в трудах предшественников отсутствует глубокий анализ культур бронзы северо-восточного Китая и Сибири. Под ними понимаются только «ордосские бронзы» – бронзовые предметы, собранные в начале – середине XX в. на территории северо-восточного Китая. Поэтому дискуссия по поводу истоков культуры бронзы Кореи и привлечение аналогий с сопредельных территорий получалась очень упрощенной. При этом территория, на которой получили распространение так называемые бронзовые изделия «евразийского», или «степного» типа, довольно обширна: только в Азии она включает пространство от Южной Сибири до плато Ордос и гор Яньшань в районе Пекина (рис. 1). Кроме того, бронзовые изделия «степного типа» находят не только на территории Корейского полуострова, но также и в погребениях, относящихся к ханьскому времени различных районов Китая.

В связи с этим возникает необходимость в определении конкретных территориальных рамок существования данных предметов, свидетельствующих об этнокультурных взаимодействиях в Евразии.

В последние годы нами были всесторонне изучены взаимосвязи между культурами со скрипковидными бронзовыми кинжалами степей Евразии, Маньчжурии и Корейского полуострова. В результате была разработана следующая периодизация: 1) карасукское время, предшествующее культуре скрипковидных кинжалов (XIII–IX вв. до н.э.), для которого не характерно широкое распространение культуры бронзы, единичные бронзовые изделия проникают на Ляодун и Корейский полуостров [Кан Ин Ук, 2009]; 2) период V–IV вв. до н.э., когда культура юйхуанмяо из района гор Яньшань под натиском царства Янь постепенно распространяется на территории Корейского полуострова, о чем свидетельствуют многочисленные находки зооморфных блях на юге Кореи [Кан Ин Ук, 2004а]. Данная статья также относится к этой тематике. В ней мы рассмотрим процесс распространения предметов «евразийского типа» на территории китайской провинции Ляонин и Корейского полуострова в I тыс. до н.э. (скифское время) в связи с появлением на этих территориях культуры бронзовых скрипковидных кинжалов.

2. Предметы звериного стиля в культуре скрипковидных кинжалов

Звериный стиль – один из элементов скифской триады. Среди двух других элементов он

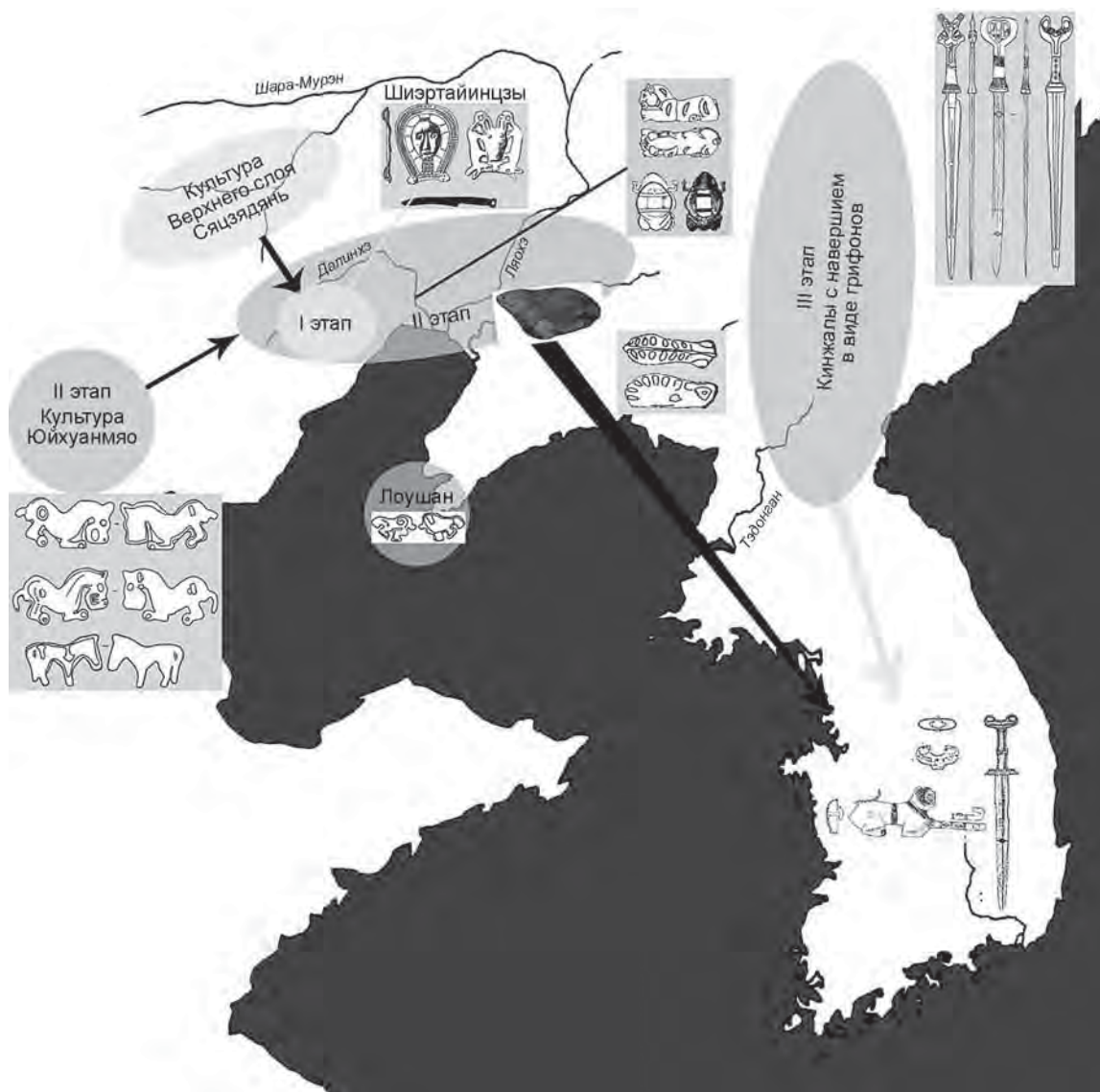


Рис. 1. Распространение звериного стиля на территории Маньжурии и Корейского полуострова.

занимает особое место. Ведь начиная с гунно-сарматского времени (III в. до н.э.) звериный стиль распространился значительно шире, чем два других элемента скифской триады (оружие и конское снаряжение). Он присутствует не только в евразийских степях, но также и на сопредельных территориях умеренного пояса – Великой Китайской равнине, Корейском полуострове в Маньчжурии и т.д.

На сопредельных со степными районами территориях украшения в зверином стиле использовались, преимущественно в качестве деталей костюма привилегированных слоев населения. Таким образом, в большинстве случаев они играли роль символов особого социального статуса

их обладателей [Там же]. Кроме того, звериный стиль был характерен не только для украшений. Он использовался также для оформления псалий, кинжалов и других предметов вооружения, деталей конского снаряжения. Очевидно, что предметы звериного стиля являются прекрасным материалом для изучения взаимодействий оседлых и кочевых культур. В табл. 1 обобщена информация по находкам предметов звериного стиля на территории китайской провинции Ляонин и Корейского полуострова*.

*В данной таблице не представлены находки предметов звериного стиля с территории Южной Кореи, поскольку они уже были рассмотрены ранее [Кан Ин Ук, 2004а].

Таблица 1. Находки предметов звериного стиля на территории китайской провинции Ляонин и Корейского полуострова

Территория	Памятник	Предмет звериного стиля	Крючок / поясная пластинка	Деталь конского снаряжения	Антеннообразное навершие	Период
Ляоси, побережье Бохайского залива	Шизэтайинцзы, погр. № 1	Антропоморфная личина, украшение в виде головы козла				Ранний
Ляоси, побережье Бохайского залива	Шизэтайинцзы, погр. № 2	Украшение в форме лягушки		Нож с навершием в виде пары птичьих голов	Бронзовый кинжал с навершием в виде грифонов	Средний
Ляоси, побережье Бохайского залива	Идай, у. Чаоян	Украшение в форме тигра				Средний
Ляоси, побережье Бохайского залива	Шантайцзы, у. Чаоян	Украшение в форме лягушки, украшение в форме лошади				Средний
Ляоси, побережье Бохайского залива	Тяньцзюгоуцзы, у. Цзиньчжоу	Украшение в форме тигра				Средний
Ляоси, побережье Бохайского залива	Саньгуаньдяньцзы, у. Линъюань	Золотое украшение в форме тигра, бронзовое украшение в форме лягушки, золотое украшение в форме косули				Средний
Ляоси, побережье Бохайского залива	Нандунгоу, у. Кечжу	Украшение в форме ската				Средний
Ляодун, у. Шэньян	Чжэнцзявацзы, у. Шэньян	Каменное украшение в виде лягушки				Средний
Ляодун, центральный р-н	Люйцзышао, у. Бэньси	Украшение в форме лягушки				Поздний
Ляодун, центральный р-н	Побао, у. Бэньси				Узкий бронзовый кинжал с навершием в виде грифонов	Поздний
Ляодун, северный р-н	Эртунгунюань в р-не Лунтоушань, у. Синьбинь				Узкий кинжал с навершием в виде грифонов из железа и бронзы	Поздний
Ляодун, северный р-н	Вафансиньцунь, у. Синьбинь				Узкий бронзовый кинжал с навершием в виде грифонов	Поздний
Ляодун, п-ов Ляодун	Лоушань, погр. № 3, у. Далянь	Миниатюрное украшение в виде лошади				Средний

Ляодун, северный р-н	Сичагоу, у. Сифэн		Прямоугольная поясная пластинка	Узкий бронзовый кинжал с навершием в виде грифонов	Поздний
Северо-Западная Корея	Курган Лолан, г. Пхеньян	Украшение в виде противостоящих фигурок животных			Поздний
Северо-Западная Корея	Хыггёри, обл. Тэдонган-мён в окр. Пхеньяна	Украшение в виде противостоящих фигурок животных			Поздний
Северо-Западная Корея	Согдэвонри, в окр. Пхеньяна		Позолоченная пластинка с изображением дракона		Поздний
Северо-Западная Корея	Чонбэгдон, кург. № 92	Каменное украшение в виде лежащего животного	Квадратная поясная пластинка		Поздний
Северо-Западная Корея	Чонбэгдон, кург. № 93		Квадратная поясная пластинка		Поздний
Северо-Западная Корея	Согамни, кург. № 219		Квадратная поясная пластинка		Поздний
Северо-Западная Корея	Тхосонни, погр. № 486 в окр. Пхеньяна			Навершие в виде грифонов	Поздний
				Серебряный лист абрикосового дерева	

3. Классификация предметов в зверином стиле

Элементы звериного стиля, присутствующие на территории распространения комплексов со скрипковидными кинжалами, можно классифицировать в соответствии с категориями содержащего их инвентаря: украшения, детали поясной гарнитуры (поясная пластина или крючок)*, предметы вооружения, детали конской упряжи.

Украшения подразделяются на детали костюма (плоские бляхи) и объемные предметы. Предметы вооружения и детали конской упряжи с элементами звериного стиля – это псалии, кинжалы, ножи. Ниже будут рассмотрены данные категории предметов в зверином стиле.

1) Украшения

К первой группе относятся украшения в зверином стиле, которыми оформлялся костюм (бляхи). Это антропоморфная личина (рис. 2, 1), бляха с головой козла (рис. 2, 2), бляхи в форме козули и тигра (рис. 3, 4, 5) и бляхи в форме ската (рис. 3, 1, 2), найденные на памятниках района Ляоси Шиэртаинцзы, Саньгуаньдяньцзы и Наньдунгоу. Из находок на территории Ляодуна к данной категории можно отнести бляху в форме лошади (?) из погр. № 3 памятника Лоушан (рис. 3, 12).

Антропоморфная личина, найденная на памятнике Шиэртаинцзы, содержит ряд специфичных для ареала культуры скрипковидных кинжалов черт: она обрамлена изображениями змей, разделенных полоской с геометрическим орнаментом. Кроме того, она аналогична антропоморфной личине с кинжала «инь-ян», найденного в Саяохэйшигоу [Цин Сун, 1984]. Бляха с головой козла представляет собой изделие с изображением головы козла в центре, по обе стороны от которой расположены противо-

*Деталям поясной гарнитуры с элементами звериного стиля посвящена предшествующая работа автора [Кан Ин Ук, 2004а], поэтому данная статья не содержит их подробной характеристики. После выхода в свет этой работы появился также сводный отчет о находках поясных пластин с изображениями лошади на территории Японии [Он же, 2006].

стоящие фигурки козлов. Изображения козлов – распространенный мотив в искусстве звериного стиля с территории плато Ордос [Тянь Гуанцзинь, Го Сюсин, 1986]. Среди находок с территории Ордоса также часто встречаются предметы с изображением головы козла в центре и противостоящими изображениями животных по обе стороны от нее [Вэньу чубаньшэ, 1995, рис. 134].

Тигр на бляхе, найденной в Саньгуаньдяньцзы, выполнен в статичной сидячей позе (рис. 3, 5). Подобные бляхи с изображением тигра характерны для культуры юйхуанмяо, получившей распространение в горах Яньшань и в районе Пекина [Чжэн Шаожун, 1991]. С другой стороны, изображение оглянувшейся назад косули (рис. 3, 4) несколько более динамично и находит анало-

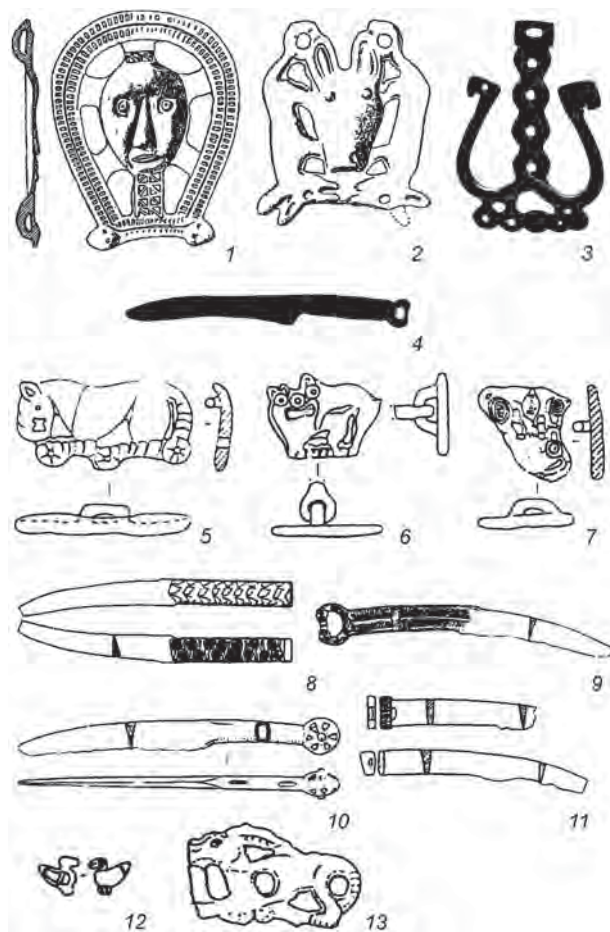


Рис. 2. Этап I. Предметы в зверином стиле культуры Верхнего слоя Сяцзядянь и культуры скрипковидных кинжалов из района Ляоси.

1, 2 – погр. № 1 Шиэртайинцзы; 3 – погр. № 2 Шиэртайинцзы; 4–10 – погр. № 8501 Сяохэйшигоу; 11 – Ланьцзяинцзы; 12, 13 – погр. № 101 Наньшаньгэнь.



Рис. 3. Этапы II, III. Предметы в зверином стиле. 1, 2 – Наньдунгоу; 3–8 – Саньгуаньдяньцзы; 8, 9 – Тяньцзюгоу; 10 – Музей Чаоян, подъемный материал; 11 – погр. № 6512 Чжэнцзявацзы; 12 – Лоушан (4, 5 – из золота, 8 – из глины, 10 – из камня, остальные из бронзы, выше все этап II); 13 – Люцзяшао (этап III).

гии в изображении косули на бляхе из Сяохэйшигоу* и в изображении на бронзовой короне из погр. № 8501 Сяохэйшигоу [Сян Чунсон, Ли И, 1995, рис. 25]. Что касается блях в форме ската, найденных на памятнике Наньдунгоу, то подобные изображения не известны в культурах скифо-сибирского облика. Аналогичная бляха обнаружена на памятнике Удаохэцзы в у. Линььюань (рис. 4, б).

Ко второй группе относятся объемные украшения в зверином стиле. К наиболее популярным мотивам, выполнявшимся в данной технике, относятся, как и в случае с плоскими бляхами, фигурки хищников (см. рис. 3, 6, 8). Однако к дан-

*Находится в экспозиции Музея степных бронз в уезде Нинчэн Внутренней Монголии.

ной группе относятся также и фигурки лягушек (см. рис. 3, 7, 10). Специфической чертой этих лягушек является инкрустация спинки бирюзой. Украшения второй группы присутствуют не только в районе Ляоси, но также и в районе Ляодуна и Корейского полуострова. Фигурка лягушки, найденная на памятнике Чжэнцзявацзы (см. рис. 3, 10), в отличие от аналогичных предметов, сделана из камня, а не из металла. Однако данный предмет не находит аналогий в других комплексах района Ляодун. Можно предположить, что каменная фигурка лягушки была выполнена по металлическим образцам, представленным в районе Ляоси. Украшение, найденное на памятнике Ляоцзышао, выполнено в схематичной манере, но все же видно, что это стоящий на четырех лапах кошачий хищник (тигр?). Следует также отметить, что объемные украшения найдены и на памятниках Корейского полуострова более позднего периода, таких как Хыггёри и Курган Лолан [Гуан Ечжэнь, 1925, рис. 325].

В результате анализа двух разновидностей украшений в зверином стиле можно выделить их характерные особенности: 1) территория распространения украшений первой группы ограничивается только районом Ляоси. Для них характерны черты культуры Ордоса и культуры Верхнего слоя Сяцзядянь; 2) украшения второй группы присутствуют не только в районе Ляоси, но также и в районе Ляодуна и Северо-Западной Кореи; 3) украшения первой группы представляют собой копии украшений в зверином стиле, характерных для степных культур, таких как культура юйхуанмяо и культура Верхнего слоя Сяцзядянь. Что касается украшений второй группы, то для них характерны новые мотивы, которые могут свидетельствовать об их местном производстве.

2) Детали конской упряжи

Находки деталей конской упряжи в культуре скрипковидных кинжалов крайне малочисленны. Эти предметы обнаружены в погр. № 1 и 2 Шиэртайинцзы (рис. 5, 1) и на памятниках Чжэнцзявацзы (рис. 5, 5–8), Саньгуаньдяньцзы (рис. 5, 4), Тяньцзюгоуцзы (см. рис. 4, 3), Нандунгоу (рис. 5, 2). В качестве деталей конской упряжи с изображениями в зверином стиле можно упомянуть псалии с памятников Шиэртайинцзы и Чжэнцзявацзы (рис. 5, 1, 5). На обоих памятниках псалии имеют S-образную форму и 3 от-

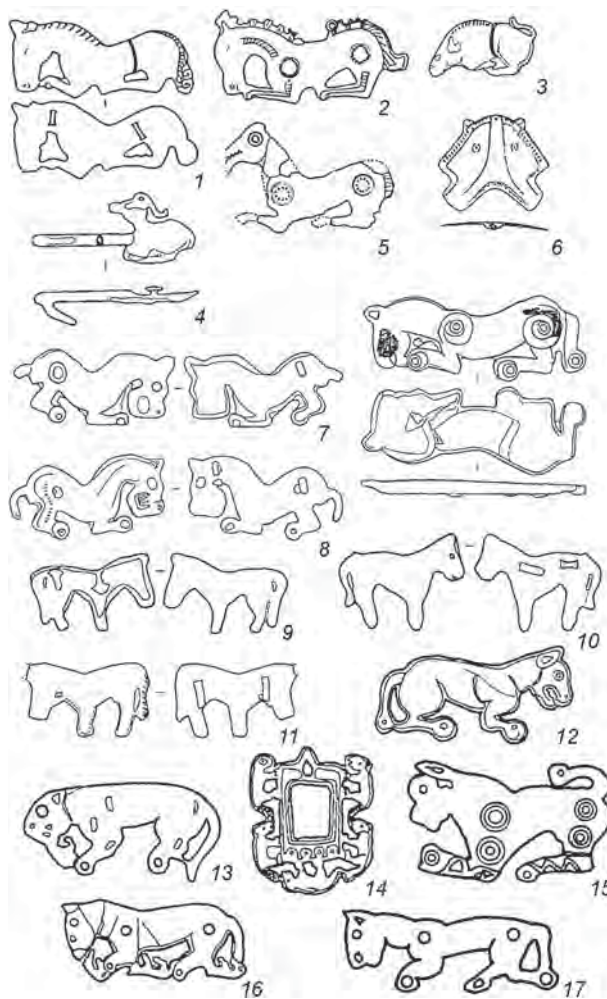


Рис. 4. Предметы в зверином стиле культуры юйхуанмяо. 1–6 – Удаохэцзы; 7–10 – Юйхуанмяо; 12–17 – пров. Хэбэй.

верстия. Отличительной особенностью псалий с памятника Шиэртайинцзы является форма центрального отверстия, которое было просверлено вертикально снизу вверх. S-образная форма псалий, найденных на этих памятниках, придает им внешнее сходство со змеей. Псалии, украшенные в зверином стиле, часто встречаются на памятниках степных культур. На деталях конского снаряжения с памятников культуры Верхнего слоя Сяцзядянь (рис. 5, 11, 12, 16) также присутствуют декоративные элементы звериного стиля. Псалии с памятников пазырыкской культуры также имеют S-образную форму, а их концы украшены головами хищников [Руденко, 1953]. Традиция украшения псалий в зверином стиле ведет свое начало из степных районов. Однако змеевидные псалии, найденные на памятниках Шиэртайинцзы и Чжэнцзявацзы, не находят аналогий в па-

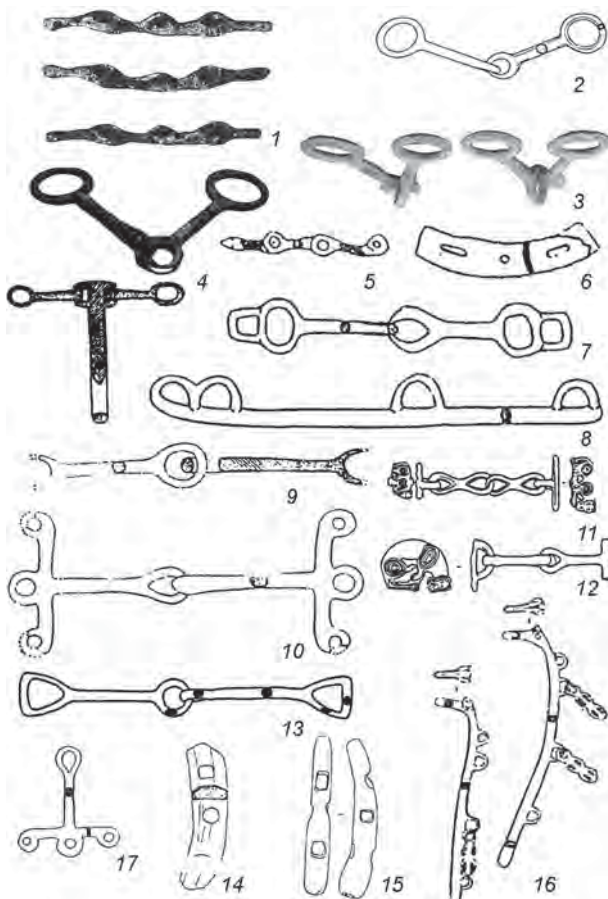


Рис. 5. Псалии и удила культуры скрипковидных кинжалов.

1 – погр. № 1 Шиэртаинцзы; 2 – Нандунгоу; 3 – Тяньцзюгоу; 4 – Саньгуаньдяньцзы; 5–8 – погр. № 6512 Чжэнцзявацзы; 9, 10 – погр. № 102 Наньшаньгэнь; 11, 12 – погр. № 8501 Сяохэйшигоу; 13 – погр. № 7301 Тяньцзюйцзянь; 14, 15 – погр. № 651, Дадаханьгоу; 16 – погр. № 8061 Сяохэйшигоу.

мятников степных культур. Следовательно, такие псалии можно считать местной традицией.

Удила культуры Верхнего слоя Сяцзядянь (рис. 5, 9–16) можно разделить на два типа: удила, изготовленные вместе с псалиями (рис. 5, 10) и удила с отдельно изготовленными псалиями, последние украшены в зверином стиле (рис. 5, 16). Они находят аналогии в культурах позднекарасукского и раннескифского времени [Чжай Дэлэ, 1984]. На памятниках культуры скрипковидных кинжалов детали конской упряжи таких ранних периодов не встречены. Кроме того, удила с памятников района Ляоси Саньгуаньдяньцзы, Нандунгоу и Удаохэцзы относятся к категории кольчатых удил с округлыми кольцами. Подобные изделия не находят аналогий в степных культурах. Они получили широкое распростра-

нение в Китае в период чжаньго («борющихся царств»). Таким образом, можно предположить, что традиция изготовления псалий с украшениями в зверином стиле, подобным находкам на памятниках Шиэртаинцзы и Чжэнцзявацзы, восходит к степным культурам. Это предположение подтверждается находками псалий с двойными кольцами на памятнике Чжэнцзявацзы (рис. 5, 7, 8), поскольку эта черта находит аналогии в предметах конской упряжи раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997].

3) Элементы звериного стиля на предметах вооружения

Элементы звериного стиля на предметах вооружения в культуре скрипковидных кинжалов представлены главным образом навершиями кинжалов в виде грифонов. Такие навершия подразделяются, в свою очередь, на 2 группы: навершия ножей (группа 1) и навершия кинжалов (группа 2).

К группе 1 относится нож с навершием в виде грифонов из погр. № 2 Шиэртаинцзы (см. рис. 2, 4). Графическое представление данного предмета в отчете о раскопках памятника крайне неинформативно, однако нам удалось сфотографировать данный предмет, поскольку он хранится в экспозиции Музея пров. Ляонин. Этот нож имеет несколько не типичную для данных предметов форму, навершие ножа выполнено в виде обращенных друг к другу клювами голов птиц. Навершия в виде грифонов характерны в степных культурах главным образом для кинжалов, а не для ножей. Нож с аналогичным навершием найден в погр. № 8501 на памятнике Сяохэйшигоу (см. рис. 2, 9). Вероятно, традиция украшения ножей данным способом была заимствована отсюда.

К группе 2 относятся кинжалы, навершие которых выполнено в виде обращенных друг к другу голов птиц или животных. Такие кинжалы получили в южно-корейской археологии название «кинжалы с навершием в виде грифонов». Данным предметам в культуре скрипковидных кинжалов посвящено немало работ [Ким Вольлён, 1970; Чжан Сиъин, 1984; Дун Сюэжэн, 1987а, б; Ли Гонму, 1998; Миямото Кацзуо, 2002]. Они обнаружены на памятниках Люйцзышао и Побао в у. Бэньси, Лунтоушань в у. Синьбинь и Сичагоу в у. Сифэн. Кроме того, они получили широкое распространение на территории Корейского полуострова и Японии (рис. 6). Считается, что кинжа-

лы с навершием в виде грифонов группы 2 изначально были широко распространены в пров. Цзилинь, в районе среднего течения р. Сунгари. Оттуда эти предметы постепенно проникли в более южные районы. Их датировка относится к III в. до н.э. – рубежу эр, их также связывают с культурой народов сяньби – ухуань. Их проникновение на территорию Корейского полуострова связывают с продвижением степного народа хунну из района Ляоси к югу. Кроме кинжалов с территории пров. Цзилинь, к категории кинжалов с навершием в виде грифонов относят также и биметаллические кинжалы с лезвием из железа и навершием из золота, форма которых демонстрирует связь со степными культурами, найденные в погр. № 30 Синчжуантоу в у. Яньхэ (рис. 6, 11–14). В последнее время связь находок из погр. № 30 Синчжуантоу с кинжалами Корейского полуострова является дискуссионным вопросом. Если рассматривать только сами кинжалы, то наличие такой связи не подтверждается. На кинжалах из погр. № 30 Синчжуантоу животные изображены в свернувшейся позе или в виде кольца, что может свидетельствовать о существовании преемственности между ними и традицией оформления наверший кинжалов в пров. Хэбэй (культура юйхуанмяо) [Кан Ин Ук, 2004а]. Кроме того, биметаллические кинжалы с лезвием из железа и навершием из золота характерны главным образом для территории Великой Китайской равнины, поэтому нет причин связывать такие кинжалы с кинжалами с навершием в виде грифонов с территории Ляодуна и Корейского полуострова.

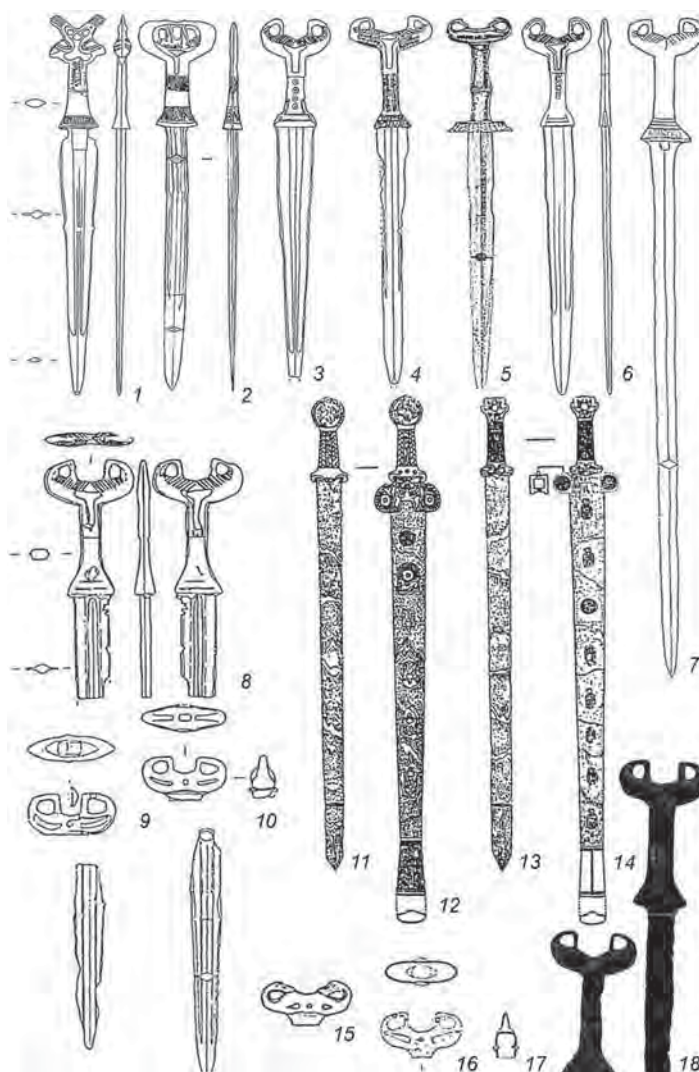


Рис. 6. Кинжалы с навершием в виде грифонов из пров. Ляонин, восточной части пров. Цзилинь и Корейского полуострова и биметаллические кинжалы из Яньсяту.

1 – Янлидибэйган; 2 – Побао; 3 – Далинсян; 4 – погр. № 486 Тхосондон, Корея; 5 – Писандон, Корея; 6 – Вулацзе; 7 – Шие; 8 – Фэйцзилин; 9 – Сакадову, Цусима, Япония; 10 – Такамасинодан, Цусима, Япония; 11–14 – Синчжанду; 15 – Пхеньян, КНДР; 16 – погр. № 132 Имдэ, Корея; 17, 18 – Сичагоу.

4. Пространственно-временная картина распространения звериного стиля

В развитии культуры скрипковидных кинжалов можно выделить несколько этапов:

1) ранний этап (IX–VII вв. до н.э., синхронный культуре Верхнего слоя Сяцзядянь);

2) средний этап (VI–V вв. до н.э., период упадка культуры Верхнего слоя Сяцзядянь, но до расцвета культуры царства Янь);

3) поздний этап (IV–II вв. до н.э., период расцвета культуры царства Янь, сопровождавшийся распространением железных изделий и ранних узких кинжалов).

В соответствии с приведенной выше хронологической схемой процесс распространения звериного стиля также можно разделить на этапы: I этап (ранний этап культуры скрипковидных кинжалов); II этап (средний этап культуры скрипковидных кинжалов) и III этап (поздний этап культуры скрипковидных кинжалов – период узких бронзовых кинжалов).

Таблица 3. Сравнительная характеристика звериного стиля Южной Сибири

Период / характеристика	Раннекарасукское время (XIV–XI вв. до н.э.)	Позднекарасукское время (XI–IX вв. до н.э.)	Раннескифское время (IX–VII вв. до н.э.)	Культура Верхнего слоя Сяцзядянь, тип наньшаньгэнь	Памятник Шиэртайинцзы
Форма кинжала	С изогнутой рукоятью	С прямым клинком, биметаллические	С прямым клинком биметаллические	С прямым клинком биметаллические, скрипковидные, скрипковидные биметаллические	Скрипковидные кинжалы
Форма перекрестья	Прямое	Шиповидное	Шиповидное или V-образное	Шиповидное или прямое	
Форма рукояти	Изогнутая	Прямая с выемками	Прямая	Прямая	
Форма навершия	Кольцевидное или каплевидное	Грибовидное или волнообразное	В форме грифонов	В форме грифонов	
Элементы звериного стиля	Реалистичная голова животного	Голова животного, серия животных	Серия животных	Серия животных, противостоящие животные, животные в свернувшейся позе и др.	Антропоморфная личина, голова животного
Навершия ножей	Кольцевидное или каплевидное	Голова животного	Голова животного	Трансформированное антенновидное (противостоящие головы животных)	Трансформированное антенновидное
Мотив изображений в зверином стиле	Корова, баран	Птица, корова	Хищник, косуля	Хищник, косуля, антропоморфная личина, змеи, птицы	Антропоморфная личина, змеи
Характерные особенности звериного стиля	Изображение головы	Изображение головы	Изображение животных в динамичных позах, изображение хищников во время охоты	К скифо-сибирской манере изображения животных добавляется изображение птиц, использование золотой фольги	Схематизация изображений за счет применения геометрического орнамента
Состав комплекса вооружения	Кинжалы (длинной более 30 см)	Кинжалы и топоры	Кинжалы (длинной менее 30 см), миниатюризация	Кельты, топоры, биметаллические кинжалы, скрипковидные кинжалы	Кельты, скрипковидные кинжалы
Детали конского снаряжения	П-образные бубенчики, детали повозок	Детали повозок	Псалии с тремя отверстиями, удила (с украшениями в зверином стиле)	Псалии с тремя отверстиями, удила (с украшениями в зверином стиле)	Псалии с тремя отверстиями, 8-видные удила

Верхнего слоя Сяцзядянь можно отнести к этапу появления погр. № 8501 Сяохэйшигоу, когда в культуре Верхнего слоя Сяцзядянь появляется большое количество предметов в зверином стиле скифо-сибирского облика*. Кроме того, судя по тому, что взаимодействие этих культур прослеживается только по материалам погребений

*Автор считает, что погр. № 8501 Сяохэйшигоу относится к первой половине VII в. до н.э., т.е. к более раннему времени, чем погр. № 101 Наньшаньгэнь и погребения, изученные в 1958 г. на памятнике Наньшаньгэнь.

знати, контакты двух культур развивались постепенно, по мере расцвета общества культуры скрипковидных кинжалов.

2) II этап (средний этап культуры скрипковидных кинжалов)

А. Продвижение культуры юйхуанмяо на восток и появление звериного стиля в районе Ляоси.

Типичными памятниками с предметами в зверином стиле II этапа в районе Ляоси являются

Саньгуаньдяньцзы и Наньдунгоу. На памятнике Саньгуаньдяньцзы выявлено 2 типа погребений: в каменных ящиках и в грунтовых ямах. Подавляющее большинство бронзовых изделий и предметов в зверином стиле происходит из погребений в каменных ящиках. Основной тип захоронений памятника Наньдунгоу – также погребения в каменных ящиках. Саньгуаньдяньцзы и Наньдунгоу являются самыми крупными памятниками этого времени на территории Ляоси. На памятнике Наньдунгоу найдена бляха в форме скаста – изображение, не характерное для степных культур. Вместе с бляхой обнаружен бронзовый ритуальный сосуд льянь, характерный для культур Великой Китайской равнины. По-видимому, представители высших слоев населения района Ляоси в этот период, так же как и население Великой Китайской равнины, активно перенимали звериный стиль у степных культур. Что касается изображения тигра, то оно демонстрирует высокую степень сходства с аналогичными изображениями культуры скифо-сибирского облика юйхуанмяо, получившей распространение в VII–IV вв. до н.э. в районе гор Яньшань. Это сходство может указывать на происхождение таких предметов в районе Ляоси. Культура юйхуанмяо в узком понимании относится к степным кочевым культурам с бронзовыми изделиями северокайского (ордосского) типа. В широком понимании ареал культуры юйхуанмяо – это восточная граница распространения культур скифо-сибирского типа. В отличие от других культур скифо-сибирского облика, для этой культуры характерны многочисленные центрально-китайские элементы: находки бронзовой ритуальной посуды яньского и центрально-китайского типа, что свидетельствует о контактах с царством Янь*; среди клинкового оружия культуры присутствуют как кинжалы с прямым клинком степного типа, так и кинжалы центрально-китайского типа. Если ограничить наше сопоставление только звериным стилем, то для культуры юйхуанмяо характерны в основном изображения животных в спокойных статичных позах – главным образом, стоящих и лежащих хищников и лошадей.

*На памятниках плато Ордос и р-на Луншань южной части провинции Ганьсу и Нинся-Хуэйского автономного района, которые хотя и расположены в степных районах северного Китая, ритуальные бронзовые сосуды центрально-китайского типа практически отсутствуют.

Что касается уникального для данной территории и временного периода изображения скаста, найденного на памятнике Саньгуаньдяньцзы, то аналогичный предмет обнаружен на памятнике Удаохэцзы (см. рис. 3, б), что свидетельствует о близости этих двух комплексов.

Далее подробно рассмотрим проблему хронологии и периодизации культуры юйхуанмяо. В одной из предыдущих работ нами была предложена следующая периодизация культуры юйхуанмяо. За основу ее взят памятник Сяобайян. К первому этапу культуры относятся погр. № 30 и 44 памятника Сяобайян, которые датируются концом VII – первой половиной VI в. до н.э., ко второму этапу – погр. № 37 и 16 конца VI – середины V в. до н.э., к третьему этапу – погр. № 22 и 31 с украшениями в виде лежащих лошадей, датированные концом V – серединой (концом) IV в. до н.э. [Кан Ин Ук, 2000]. Предложенная периодизация согласуется с точкой зрения Ян Цзяньхуа [2004], который относит верхнюю границу датировки культуры юйхуанмяо к середине периода Чуньцю (конец VII – начало/середина VI вв. до н.э.), а нижнюю границу – к раннему периоду Чжаньго (V в. до н.э.). Поскольку в культуре юйхуанмяо отсутствуют бронзовые изделия раннескифского облика, верхнюю границу ее датировки нельзя отнести ко времени ранее VII в. до н.э.

Все исследователи, рассматривавшие вопрос хронологии культуры юйхуанмяо (Ян Цзяньхуа, Цзинь Фэнъи) солидарны по поводу нижней границы датировки этой культуры, относя ее к V в. до н.э. Вероятность такой датировки нижней границы культуры юйхуанмяо очень высока, так как эта дата согласуется со временем появления в районе гор Цзюньдушань, где получила распространение культура юйхуанмяо, предметов культуры царства Янь. Быстрое исчезновение культуры юйхуанмяо, в свою очередь, связывают с расцветом царства Янь [Бэ Джиньён, 2003].

Другими словами, в V в. до н.э. культура юйхуанмяо в районе Пекина подверглась натиску растущего царства Янь. В результате этого инвентарь культуры юйхуанмяо быстро приобрел центрально-китайские черты, а размеры памятников значительно уменьшились. В ходе этих процессов начался отток населения культуры юйхуанмяо на восток. В качестве наглядного подтверждения этому выступает памятник Удаохэцзы, расположенный в у. Линъюань провинции

Ляонин. Автор уже указывал на то, что бляхи в зверином стиле с этого памятника являются прообразами аналогичных изделий с территории Корейского полуострова [Кан Ин Ук, 2004а].

Время появления предметов в зверином стиле в районе Ляоси относится к среднему этапу культуры скрипковидных кинжалов, т.е. к VI в. до н.э. Средний этап культуры скрипковидных кинжалов подразделяется на 2 стадии: стадию расцвета культуры юйхуанмяо и памятников типа Саньгуаньяньцзы и Наньдунгоу (VI в. до н.э.) и стадию распада культуры юйхуанмяо, продвижение ее населения на восток и формирование там памятников типа Удаохэцзы (V–IV вв. до н.э.).

Б. Продвижение в район Ляодуна.

Находки предметов в зверином стиле на территории Ляодуна немногочисленны. Они присутствуют в погр. № 6512 Чжэнцзявацзы, погр. № 3 Лоушан и на памятнике Люйцзышао. На памятнике Чжэнцзявацзы найдено каменное украшение в виде лягушки. По мнению большинства ученых, памятник среднего этапа культуры скрипковидных кинжалов Чжэнцзявацзы сформировался под влиянием культуры шиэртаинцзы. Эти выводы находят подтверждение в бронзовых изделиях таких памятников района Ляоси, как Саньгуаньяньцзы и Тяньцзюгоуцзы. Украшение в зверином стиле с памятника Лоушан (см. рис. 3, 12) не имеет аналогов среди находок на п-ове Ляодун. Оно сильно деформировано в результате термического воздействия (пожара), поэтому его первоначальную форму определить невозможно, однако оно аналогично изображениям животных в статичных позах, характерных для культуры юйхуанмяо. Змеевидные псалии и удила с двумя отверстиями, найденные на памятнике Чжэнцзявацзы, также указывают на взаимосвязь с районом Ляоси. Тем не менее бронзовые изделия памятников Лоушан и Ганшан сильно оплавлены, поэтому малоинформативны. Что касается плоских блях, то они вообще могли быть утрачены в результате пожара.

3) III этап (упадок культуры скрипковидных кинжалов)

В III–I вв. до н.э. на территории Ляодуна и Корейского полуострова распространяется железо и появляются узкие кинжалы. С этого времени звериный стиль начинает активно распространяться

на Ляодуне и Корейском полуострове. Бляхи в зверином стиле культуры юйхуанмяо из района Ляоси становятся образцами для изготовления блях в форме тигров и лошадей на территории Корейского полуострова. Кроме того, из южных районов провинции Цзилинь на Корейский полуостров проникают и другие элементы звериного стиля, в частности навершия кинжалов в виде грифонов [Дун Сюэжэн, 1987б; Миямото Кацзуо, 2002]. Навершия в виде грифонов (противостоящих голов птиц) в районе Ляоси присутствуют на ножах памятника Шиэртаинцзы. Однако поскольку такие навершия характерны здесь для ножей, а не для кинжалов, и в их оформлении присутствуют локальные особенности, связь между ними и корейскими навершиями в виде противостоящих голов птиц не безусловна. Здесь распространилась иная степная культура, путь ее распространения также был иным. Это связано с особым географическим положением пров. Ляонин. Начиная с IV в. до н.э. вместе с усилением царства Янь начинается быстрый упадок культуры скрипковидных кинжалов. Напротив, на сравнительно удаленном от яньского влияния севере пров. Ляонин длительное время существует культура узких кинжалов, которая унаследовала многие черты культуры скрипковидных кинжалов. В дальнейшем здесь появляются и другие степные культуры. Их распространение было связано с усилением хунну.

5. Выводы

По итогам рассмотрения пространственно-временной картины распространения звериного стиля и ее связи с культурой скрипковидных кинжалов можно сделать ряд выводов.

Культура скрипковидных кинжалов в районе Ляоси испытывала влияние со стороны трех культур: культуры Верхнего слоя Сяцзядянь (I этап), культуры юйхуанмяо (II этап) и культуры сюнну с севера пров. Ляонин (см. рис. 1).

Распространение звериного стиля в различных частях изучаемой территории протекало по-разному. На этапе I звериный стиль был воспринят, по-видимому, только представителями высших слоев общества, о чем свидетельствуют материалы могильника Шиэртаинцзы. На этапе II звериный стиль получает более широкое распространение: его элементы фиксируются не только в районе Ляоси, но и на памятниках

Чжэньцзявацзы и Лоушан на Ляодуне. На этапе III, напротив, сфера применения звериного стиля ограничивается оформлением наверший кинжалов и уже не является отражением социального статуса. Таким образом, распространение звериного стиля на этапах I и II шло параллельно с развитием социальной структуры и укреплением отношений обмена с сопредельными территориями у локальных сообществ. В это время большинство находок предметов в зверином стиле происходит из погребений представителей знати. При этом среди предметов в зверином стиле нет абсолютных аналогов предметам степных культур Евразии. В большинстве случаев такие предметы обладают локальной спецификой.

Бронзовые изделия евразийского типа на Ляодуне и Корейском полуострове носят исключительно декоративную функцию (навершия кинжалов и бляхи), и территория их распространения неширока. По-видимому, причину этого следует искать в том, что на территории Ляодуна в это время существует местная культура, для которой характерны погребения в каменных ящиках и керамика типа мисонни.

Процесс распространения звериного стиля на Корейском полуострове, по-видимому, был опосредован культурой скрипковидных кинжалов. По-видимому, звериный стиль на Корейском полуострове появляется на среднем – позднем этапе культуры узких кинжалов из двух источников: из Ляоси и с юга пров. Цзилинь. В районе Ляоси к тому времени звериный стиль уже приобретает ярко выраженную местную специфику, поэтому к моменту его распространения из этого района на Корейский полуостров его прямая связь с первоисточником, т.е. степями Евразии, не прослеживается. Можно даже сказать, что это два различных варианта звериного стиля. Кроме того, с расширением яньского влияния на Ляодун и последующим образованием ханьского округа Лолан элементы культуры евразийского типа претерпевают очередную трансформацию, которая связана с появлением золотых и позолоченных предметов в зверином стиле евразийского облика, изготовленных на территории Великой Китайской равнины. Эта трансформация связана с образованием ханьского округа Лолан и ростом влияния Китая на Ляонин, а также с усилением хунну на севере от Ляонина. Проблема ханьского влияния на звериный стиль, вызванного образованием ханьского округа Лолан, выходит за рамки проблематики данной ра-

боты, поскольку эти процессы уже не связаны с культурой скрипковидных кинжалов.

Таким образом, происхождение элементов евразийской культуры в культуре бронзы Кореи нельзя напрямую связывать с Сибирью. Данная работа показывает, что существовало как минимум три источника появления данных элементов. Кроме того, можно отметить, что бронзовые изделия евразийского типа на изучаемой территории существуют в основном в форме украшений в зверином стиле, а на предметах вооружения и деталях конской упряжи отсутствуют. Это свидетельствует о том, что внедрение евразийских элементов происходило на фоне самостоятельного динамичного развития общества и контактов с сопредельными территориями культуры скрипковидных кинжалов. Следовательно, распространение евразийских элементов культуры происходило не в результате миграций или диффузии, а в результате развития общества культуры скрипковидных кинжалов, повлекшего за собой потребность в выборочном восприятии и адаптации элементов иных культур к местным условиям.

Заключение

В данной работе была рассмотрена проблема взаимосвязи предметов в зверином стиле с памятниками культуры скрипковидных кинжалов пров. Ляонин I тыс. до н.э. с культурами евразийских степей. На этапе I (раннем этапе культуры скрипковидных кинжалов), как видно по материалам памятника Шиэртаинцзы, идет процесс распространения на юг культуры Верхнего слоя Сяцзядянь, завершившийся формированием комплексов типа Наньшаньгэнь и Сяохэйшигоу. В результате этих процессов культура скрипковидных кинжалов начинает испытывать влияние со стороны культуры Верхнего слоя Сяцзядянь и воспринимает некоторые формы бронзовых изделий и элементы звериного стиля последней. На этапе II (среднем этапе культуры скрипковидных кинжалов) культура Верхнего слоя Сяцзядянь приходит в упадок. В это время в результате обмена с культурой юйхуанмяо горных районов Яньшань в культуре скрипковидных кинжалов района Ляоси появляются предметы в зверином стиле культуры юйхуанмяо, а также ритуальные бронзовые сосуды центрально-китайского типа. Кроме того, в этот период отдельные находки предметов в зверином стиле встречены и

на территории Ляодуна. На этапе III (позднем этапе культуры скрипковидных кинжалов – раннем этапе узких кинжалов) усиливается влияние царства Янь в Ляоси. Этот процесс приводит к упадку культуры скрипковидных кинжалов и исчезновению предметов культуры евразийского типа. В это время предметы в зверином стиле и кинжалы с навершием в виде грифонов появляются в районе уезда Бэньси на территории Ляодуна и Корейского полуострова. В частности, навершия кинжалов, выполненные в форме грифонов, происходят не с территории Ляоси, а, как видно по материалам памятника Сичагоу, связаны с культурой хунну. Таким образом, предметы в зверином стиле евразийского типа, попадавшие на территорию Ляонина и Корейского полуострова, представлены двумя типами: украшениями в зверином стиле, происхождение которых связано с районом Ляоси, и навершиями кинжалов в виде грифонов, попадавших в эти районы с запада пров. Ляонин и центральной части пров. Цилинь. Что касается облика культуры в целом, то влияние степных культур никак не отразилось на комплексе вооружения и погребальном обряде. Оно прослеживается в основном только в элементах звериного стиля. Таким образом, распространение элементов культуры евразийского типа нельзя рассматривать как результат миграции населения или диффузии. Оно происходило в результате эволюционного развития общества культуры скрипковидных кинжалов, требовавшего адаптации элементов культур сопредельных территорий к местным условиям.

Список литературы

- Богданов Е.С.** Проблема происхождения образа хищника, свернувшегося в кольцо в «восточной провинции» скифского мира // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 50–56.
- Вадецкая Э.Б.** Сказы о древних курганах. – Новосибирск: Наука, 1981.
- Ван Чэншэн.** Древняя крепость Инфан, Тайцзитунь, уезд Цзиньси // Цзиньчжоу вэньу тунсинь. – 1985. – № 2. – С. 5–10 (на кит. яз.).
- Грязнов М.П.** Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – С. 3–18.
- Два погребения** бронзового века в Чжэнцзявацзы, г. Шэньян // Кагу сюэбао. – 1975. – № 1 (на кит. яз.).
- Дун Сюэжэн.** Бронзовый кинжал с навершием в виде грифонов из у. Цзяохэ, пров. Цилинь // Дилючэняньхуйлуньвоньцзи (Шестая годовая сессия общества археологии Китая) Вэньу. – 1987. – № 3 (на кит. яз.).
- Дэвлет М.А.** О происхождении минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: 1976. – С. 219–227.
- Дэвлет М.А.** Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – 66 с. + 29 табл. – (САИ; вып. Д4–7).
- Исследование** могильника Уцзиньтан периода Восточного Чжоу в уезде Цзиньси, пров. Ляонин // Каогу. – 1960. – № 5 (на кит. яз.).
- Кавамото Масаюки.** Образование царства Янь и Северо-Восточная Азия // Тобокузиянокококаку-Чончжи (Археология Северо-Восточной Азии). – 1990 (на яп. яз.).
- Кан Ин Ук.** Исследование скрипковидных кинжалов пров. Ляонин // Хангук сангоса хагбо (Древняя история Кореи). – 1996. – № 21. – С. 55–98 (на кор. яз.).
- Кан Ин Ук.** Происхождение блях в зверином стиле, найденных на территории Корейского полуострова: сравнение с материалами сопредельных территорий // Хонам когохакпо (Археология района Хонам). – 2004а – № 18. – С. 97–126 (на кор. яз.).
- Кан Ин Ук.** Культуры бронзы в степях Северного Китая в VIII – III вв. до н.э.: по данным типологии и локальных особенностей бронзовых кинжалов // Че 31-хве хангук сангоса хакхве хаксуль пальпхёхве «Пугбан-ый чхоги кымсокки мунхва» (Материалы 31-го симпозиума Общества древней истории Кореи «Культуры эпохи палеометалла в Северной Евразии»). – Каннын: Хангук сангоса хакхве, 2004б. – С. 9–50 (на кор. яз.).
- Кан Ин Ук.** Формирование культуры верхнего слоя Сяцзядянь и культуры степей Евразии // Соуль кёнги когохак чхунге хаксуль тэхве (Мат-лы осеннего симпозиума по археологии пров. Кёнгидо и Сеула). – Сеул: Кёнги когохакхве, 2005. – С. 110–128 (на кор. яз.).
- Кан Ин Ук.** Северный Китай и шлемы культуры Верхнего слоя Сяцзядянь // Сонва-ва кодэ (Древняя и первобытная история). – Сеул: Хангукгодэхаквэ, 2006. – № 25. – С. 531–676 (на кор. яз.).
- Кан Ин Ук.** Понятие «ордосские бронзы» в Китае в историографическом контексте: от периода собирания древностей до современности // Чунгукса ёнгу (Сборник статей по истории Китая). – № 56. – Тэгу: Чунгукса хакхве, 2007. – № 48. – С. 311–348 (на кор. яз.).
- Кан Ин Ук.** Распространение карасукских бронз на восток в XIII – IX вв. до н.э. и начало бронзового века на территории Корейского полуострова // Хосо кокохагпо (Археология западных районов Центральной Кореи). – 2009. – № 19. – С. 33–81 (на кор. яз.).
- Ким Вольён.** Проблема происхождения узких кинжалов с антенновидным навершием // Пэксан хакпо (Журнал общества «Пэксан»). – 1970. – № 8. – С. 1–28 (на кор. яз.).
- Ким Гу Гун.** Типология и хронология блях с изображением тигра // Кёнбук тэхаккё кого ильлюхакквва 20-чунён кинём нончхон (Сборник статей, посвященный 20-летию факультета археологии и антропологии университета Кёнбук). – Дэгу; Пусан: Кёнбук тэхаккё, 2000. – С. 144–167 (на кор. яз.).
- Кимхэ Куджиро** пунмёгун (Могильник Куджиро в г. Кимхэ). – Пусан: Кёнсон тэхаккё пакмульгван, 2000. – 336 с.
- Кимхэ Тэсондон** кобунгун III (Курганный могильник Тэсондон в г. Кимхэ). – Пусан: Кёнсон тэхаккё пакмульгван, 2003. – Т. 3. – 381 с. (на кор. яз.).

- Кимхэ Яндонни** кобун мунхва (Курганы Яндонни в окрестностях г. Кимхэ). – Тонный тэхаеккё пакмульгван, 2000. – 228 с. (на кор. яз.).
- Ковалев А.А.** Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. – СПб., 1998. – С. 122–131.
- Комиссия по публикации** Ханьских могильников Лоранганбо (Ханьские могильники Лоран). – Киото, 1974. – 86 с. (на яп. яз.).
- Краткий отчет** о раскопках западного участка Цзингоуцзы в уезде Линьси Внутренней Монголии в 2002 г. // Каогу юйвэнь. – 2002. – № 12 (на кит. яз.).
- Ли Гванмён.** Тон-со пукхан чхоги чхольги сидэ юджог-е тэхан когохагджок ёнгу – чхольги юму-рыль чунсим-ыйро (Археологическое исследование памятников раннего железного века Северо-Восточной и Северо-Западной Кореи: по материалам железных изделий). – Пусан: Пугён тэхаеккё, 2010. – 98 с. (на кор. яз.).
- Ли Гунду.** Краткий отчет о раскопках могильников эпохи чжаньго Удаохэцзы, уезд Линюань, пров. Ляонин // Вэнь. – 1989. – № 5. – С. 5–14 (на кит. яз.).
- Ли Дяньфу.** Погребения бронзового века в Гушаньцзы и Юйшулиньцзы, уезд Цзяньпин // Ляохэ вэнь сюэкань. – 1991. – № 2. – С. 1–9 (на кит. яз.).
- Луньшу Лаохэшэнь** (Памятник Лаохэшэнь в уезде Луньшу). – Чанчунь: Цзилинь-шэн вэнь каогу яньцзюсо (Институт археологии пров. Цзинь), 1987. – С. 171 (на кит. яз.).
- Лян Цзылун.** Погребение с бронзовыми кинжалами в Люцзяшао, уезд Бэньси, пров. Ляонин // Каогу. – 1992. – № 4. – С. 315–317 (на кит. яз.).
- Лян Чжилун, Вэй Хайбо.** Могильник с бронзовым кинжалом в Побоа, уезд Бэньси, пров. Ляонин // Каогу. – 2005. – № 10. – С. 88–90 (на кит. яз.).
- Ляонин Линьюань Саньгуаньдяньцзы** цинтун дуаньцзяньму (Могильник с бронзовым кинжалом Саньгуаньдяньцзы, у. Линюань, пров. Ляонин) // Каогу. – 1985. – № 2. – С. 24–29 (на кит. яз.).
- Ляонин Цзиньси-сянь Уцзиньтан** дунчжоу мудяо чацзи (Исследование могильника Уцзиньтан периода Восточного Чжоу в уезде Цзиньси, пров. Ляонин) // Каогу. – 1960. – № 5. – С. 78–82 (на кит. яз.).
- Ляонин-шэн Кечжу Наньдунгоу** шицзоаньму (Плиточная могила Наньдунгоу, у. Кечжу, пров. Ляонин) // Каогу. – 1977. – № 6. – С. 125–130 (на кит. яз.).
- Мияке Такехико.** Культура бронзы в Северной части Китая. – Токио: Университет Кокугакуин, 2000. – С. 279 (на яп. яз.).
- Могильник** с бронзовым кинжалом Саньгуаньдяньцзы, уезд Линюань, пров. Ляонин) // Каогу. – 1985. – № 2 (на кит. яз.).
- Накамура Дайсукэ.** Происхождение и развитие скрипковидных кинжалов // Нихон чугокукоукокаку. – 2007. – № 7. – С. 1–30 (на яп. яз.).
- Наннан** (Лолан). – Сеул: Куннип чунан пакмульгван, 2001. – С. 85 (на кор. яз.).
- Парцингер Г.** Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 66–75.
- Плиточная могила** Наньдунгоу, уезд Кечжу, пров. Ляонин // Каогу. – 1977. – № 6 (на кит. яз.).
- Синь Чжаньшань.** Могильник Хэшангоу в уезде Кечжу // Ляохэ вэнь сюэкань. – 1989. – № 2 (на кит. яз.).
- Скитхай-ый** хвангым (Золото скифов). – Сеул: Куннип чунан пакмульгван, 1991. – С. 307 (на кор. яз.).
- Скифская эпоха** Горного Алтая / Ю.Ф. Киришин, А.А. Тишкин; отв. ред. В.И. Молодин; Алт. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.
- Сунь Шоудао.** Находки из древних могильников культуры сюнну в Сичагоу // Вэнь. – 1960. – № 8/9. – С. 22–27 (на кит. яз.).
- Сюэ Минган.** Исследование погребения эпохи чжаньго в Хоумучэньи, уезд Люшунькоу // Каогу. – 1960. – № 8. – С. 12–17 (на кит. яз.).
- Сян Цуньсун, Ли И.** Краткое сообщение об исследовании могилы с каменной кладкой Сяохэйшигоу, уезд Нинчэн // Вэнь. – 1995. – № 5. – С. 4–22 (на кит. яз.).
- Толмачев В.Я.** Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. – 1929. – № 6. – С. 43–49.
- Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.** Ордос циши цинтунци (Ордосские бронзы). – Пекин, 1986. – С. 355 (на кит. яз.).
- Умехара Суэцзи.** Кодай бокубокэй нокеккю (Артефакты северного типа из Древней Кореи). – Токио: Хосино, 1938. – С. 111–137 (на яп. яз.).
- Фудзита Рёсаку и др.** Памятники ханьского периода в Южной Корее. Отчет об археологических исследованиях в 11-м году Тайсё. – Чосен сотокуху, 1947. – С. 279 (на яп. яз.).
- Фудзита Рёсаку, Умехара Суэцзи.** Чосен гобун касокан лакуруисен (Обзор древней культуры Кореи). – Токио: Едокуси, 1947. – Т. 1. – С. 279 (на яп. яз.).
- Хам Сунсоп, Ким Джэхон.** Чхондандон II (Памятник Чхондандон II). – Сеул: Куннип чунан пакмульгван, 1995. – С. 304 (на кор. яз.).
- Хан Ёнхи, Хам Сунсоп.** Чхондандон (Памятник Чхондандон). – Сеул: Куннип чунан пакмульгван, 1995. – С. 304 (на кор. яз.).
- Цао Лян.** Пластинка в зверином стиле из Северного Китая // Бяньцзян каогу яньцзю (Археология периферийных территорий). – Чанчунь: Цзилинь дасюэ бяньцзян каогу яньцзю чжунсинь, 2002. – Т. 1. – С. 13–23 (на кит. яз.).
- Цзинь Фэньи.** Особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря культуры цзюньдушань // Ляохэ вэнь сюэкань. – 1991. – № 1. – С. 61–73 (на кит. яз.).
- Чжао Жусянь.** Отчет о раскопках могильников в Шаобайяне, уезд Сяньхуа, Хэбэй // Вэнь. – 1987. – № 5. – С. 5–15 (на кит. яз.).
- Чжу Гуй.** Могилы с бронзовыми кинжалами Шиэртайинцзы, уезд Чаоян, пров. Ляонин // Каогу сюэбао. – 1960. – № 1. – С. 63–75 (на кит. яз.).
- Чжэн Шаочжун.** Исследование блях в зверином стиле из района Великой китайской стены // Вэньчунчю. – 1991. – № 4. – С. 1–32 (на кит. яз.).
- Чосон юджок** юмуль тогам (Каталог памятников и находок с территории Северной Кореи). – Сеул: Тонгван чхульпханса, 1989. – С. 295 (на кор. яз.).
- Boyle K., Renfrew C., Levine M.** Ancient interactions: east and west in Eurasia, McDonald Institute Monographs, 2002. – P. 368.
- Takama Shu.** Early Scytho-Siberian Animal Style in East Asia // Bull. of the Ancient Orient Museum. – 1983. – Vol. 5. – P. 45–54.

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, С.С. Матренин

Алтайский государственный университет

Барнаул, Россия

ПАМЯТНИК СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ ТЫТКЕСКЕНЬ VI: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Курганная группа Тыткескень VI располагалась на левом берегу Катуня, напротив южной окраины с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Этот памятник больше всего известен широкому кругу специалистов по результатам изучения погребений скифо-сакского времени. За период охранных работ Катунской экспедицией Алтайского государственного университета в 1988–1994 гг. и 2006 г. на археологическом комплексе было раскопано методом сплошного вскрытия более 80 погребальных и ритуальных объектов аржано-майэмирского и пазырыкского времени. Полученные материалы нашли свое отражение в многочисленных статьях и нескольких монографиях [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004; Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006; Кунгуров, Матренин, 2007; Тишкин, Матренин, 2007; Тишкин, 2007а, б; и др.].

Для территории Алтая полностью исследованный некрополь Тыткескень VI (рис. 2) является самым крупным по числу раскопанных курганов рядового населения скифо-сакского периода. Имеющийся из этого памятника корпус археологических материалов является важным источником для реконструкции древней истории.

Культурно-хронологический комплекс аржано-майэмирского времени (конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) представлен восьмью курганами и тремя выкладками бийкенской культуры, расположенными несколькими планиграфическими группами (рис. 2). Одна из них (курганы № 74, 85 и выкладка № 85а) располагалась на западном краю катунской террасы на небольшой возвышенности, у подножья отдельно стоящей горы, с севера от полотна старого Чуйского трак-

та, шедшего вверх по течению р. Тыткескень. В 96–100 м к востоку от этого скопления, в нижней части долины и к югу от дороги компактно размещались курганы № 26, 55, 56, 96, 97, которые занимали часть территории многослойного поселения (рис. 2). В 115 м к северо-востоку от данной группы находились ритуальные выкладки № 86 и 87. Они обнаружены недалеко от края террасы Катуня с восточной стороны цепочки объектов № 2–4, 48, относящихся к пазырыкской культуре. В 28 м к северу-северо-западу от курганов № 96, 97 обособленно стоял курган № 51.

Характерной чертой большинства перечисленных сооружений бийкенской культуры является локализация их микроцепочками по два–три объекта по линии ЗСЗ–ВЮВ (курганы № 26, 55, 56, 96, 97) или по линии ССЗ – ЮЮВ (курганы № 74, 85, выкладка № 85а). Цепочки в нижней части долины располагались практически параллельно на расстоянии 3,8–4,6 м друг от друга. Дистанция между курганами внутри цепочек колебалась от 2,7 м до 30 м. Зафиксированные особенности являются довольно типичными показателями планиграфии многих погребальных комплексов Алтая «раннескифского» времени [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 56; Суразаков, Тишкин, 2003, с. 194–197].

Большинство исследованных курганов на памятнике Тыткескень VI имели следы повреждений, являвшиеся результатами антропогенного воздействия разного характера. Например, в центре кургана № 26 фиксировалась небольшая западина от проникновения в могилу. Отсутствие многих камней в насыпи данного объекта было следствием того, что их брали на возведение более поздних объектов. У кургана № 74 южный и

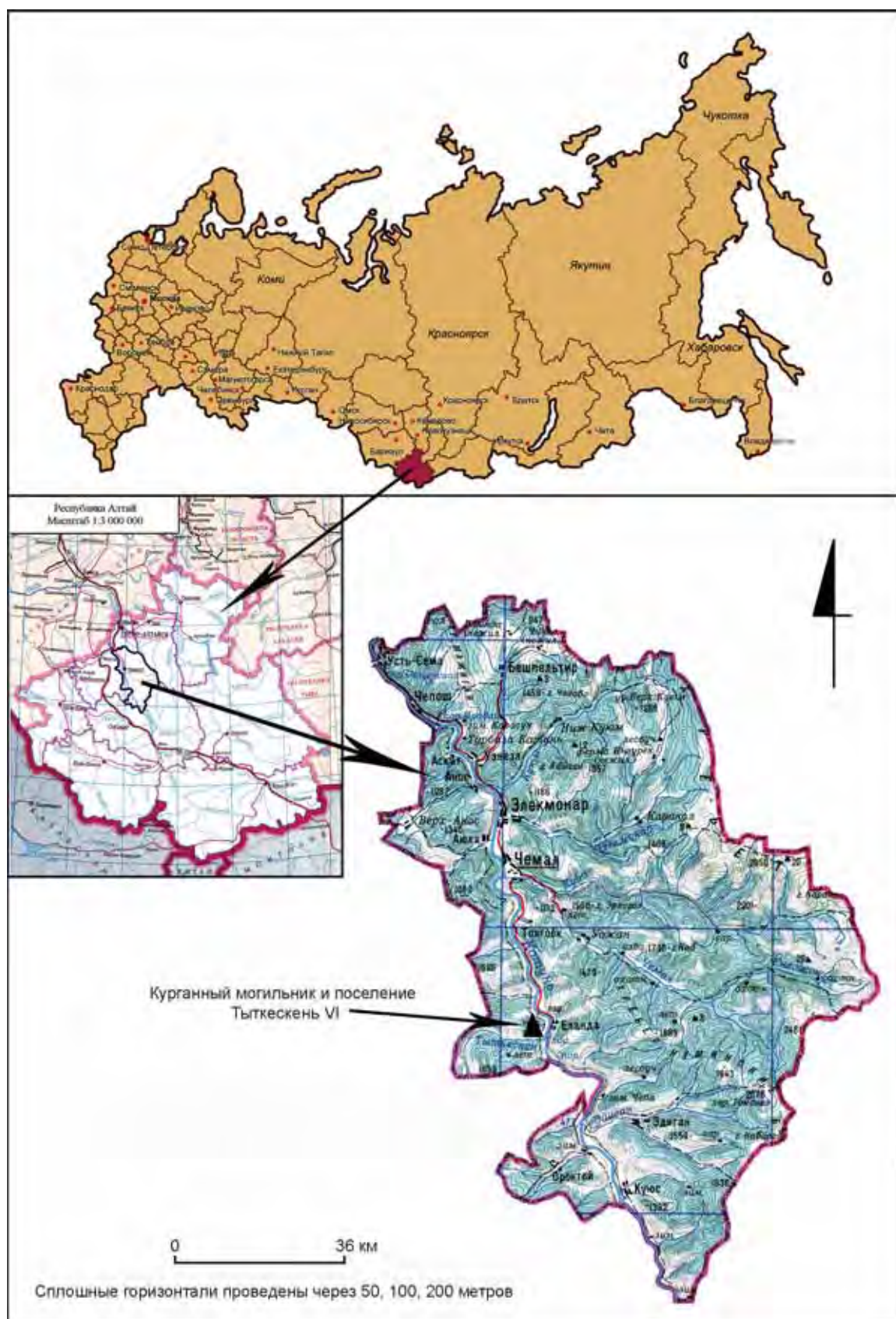


Рис. 1. Карты-схемы месторасположения археологического комплекса Тыткескен VI.

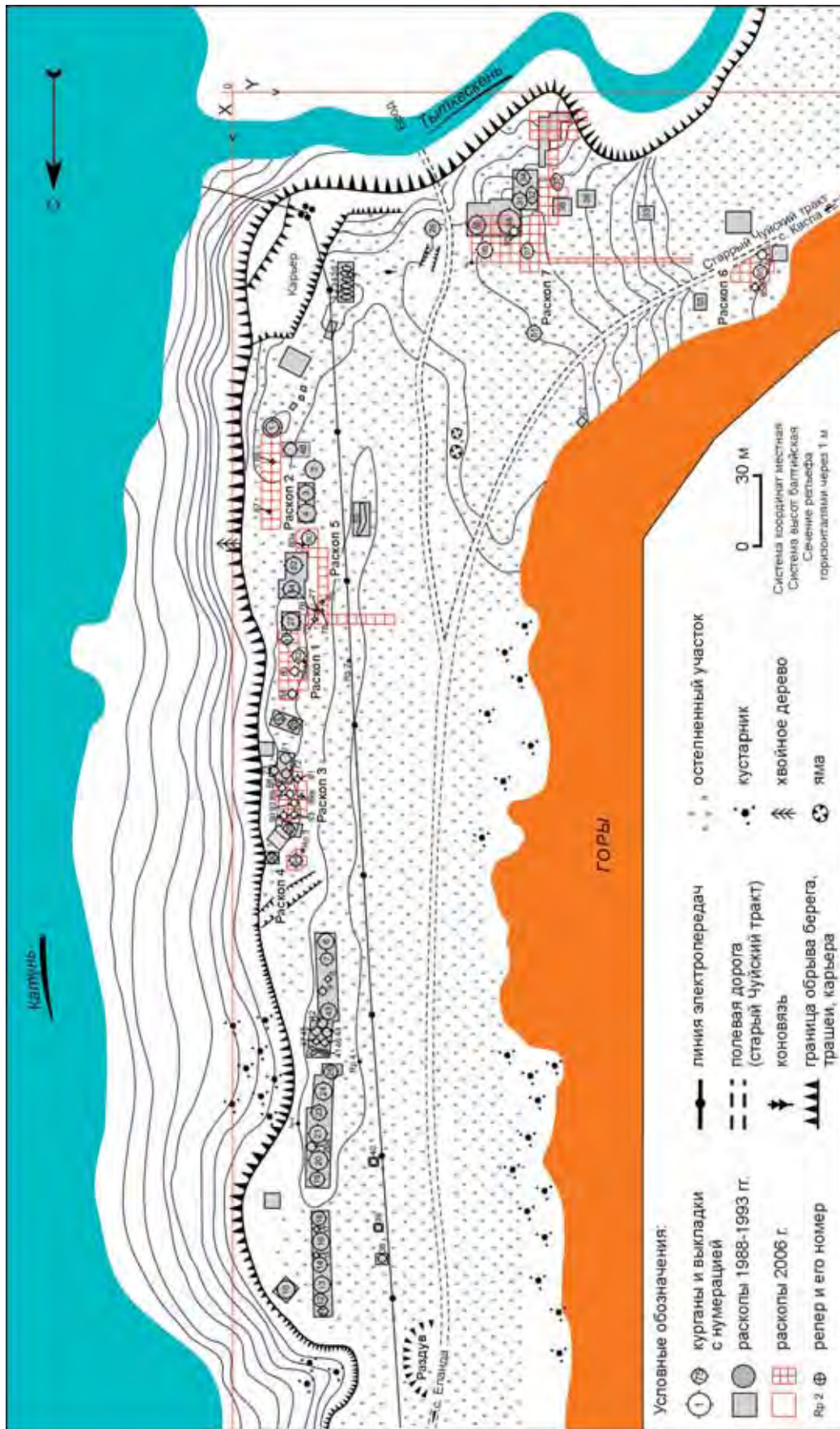


Рис. 2. План памятника Тыткескень VI. Тахеометрическая съемка.

восточный край полностью разрушены полотном старого тракта. Наброска кургана № 85 сильно сползла вниз по конусу аллювиального выноса, а в ее северо-восточном секторе камни частично удалены при устройстве очага. Полы курганов № 96 и 97 были перекрыты отвалами прежних раскопок и частично разобраны при изучении культурных слоев поселения.

Исследованные погребальные памятники бийкенской культуры имели свои конструктивные особенности, способы захоронения и элементы ритуала (рис. 3). Все курганы представляли собой уплотненные многослойные каменные насыпи диаметром от 5,6 до 13 м, высотой до 1 м, выполненные преимущественно из крупных рваных булыжников. В основании наземных конструкций трех курганов (№ 55, 56 и 85) находились кольцевые выкладки в виде крепиды или стенки из более крупных камней, выложенных по периметру насыпи. В центре курганов № 51, 74 и 85 для умершего человека была сооружена погребальная камера в виде массивного каменного ящика подквадратной формы (длиной 1,43–1,96 м, шириной 1,35–1,94 м, высотой 0,36–0,55 м), установленного на уровень древнего горизонта и ориентированного стенками по сторонам света. Сверху они были заложены мелкими рваными камнями. В курганах № 26 и 56 погребения людей производились в могильных ямах (глубиной 0,5–1 м от древней поверхности), перекрытых сверху каменными плитами. В курганах № 55 и 96 одиночные, сильно разрушенные захоронения людей были совершены на уровне древнего горизонта без хорошо оформленной камеры. Первоначально вокруг тела покойника сооружалась небольшая выкладка, остатки которой удалось проследить в процессе раскопок кургана № 96. Объект № 97 не содержал могилы и может рассматриваться в качестве «ритуального» кенотафа. Под его юго-западной полкой имелся прокол (диаметром 0,25 м и глубиной 0,15 м), в котором обнаружена бронзовая поясная обойма.

Обобщая представленные выше характеристики, следует отметить, что курганы № 51, 55, 74, 85 и 96 представляют одну из самых распространенных традиций организации сакрального пространства для умершего человека кочевников Алтая аржано-майэмирского времени, зафиксированную на многих памятниках [Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 45; Суразаков, Тишкин, 2007]. Погребальные объекты, аналогичные по устрой-

ству курганам № 26 и 56, на Алтае встречаются весьма редко: Кызыл-Джар-IX, Айрыдаш-I (курган № 15а), Кур-Кечу (курган № 7), Курту-II (курган № 1) и др. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 45].

В раскопанных курганах зафиксированы останки семи взрослых людей, которые в своей массе были сильно потревожены еще в древности. Среди них как мужской идентифицирован скелет из кургана № 26 [Тур, 1997, с. 136]. Остальной антропологический материал очень фрагментарен, к тому же отличается крайне плохой сохранностью, обусловленной наземным характером захоронения и действиями грабителей. Имеющиеся в распоряжении археологические источники позволяют говорить, что умершие люди были похоронены по обряду одиночной ингумации преимущественно в сильно скорченной позе и на боку. В курганах № 74 и 85 хорошо прослеживалось положение на левом боку, головой на запад и северо-запад, что являлось доминирующей традицией погребального обряда населения бийкенской культуры [Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 48, 51; Тишкин, 2007а, с. 112–115]. Курган № 26 содержал захоронение человека, уложенного на спину с прямыми ногами и головой на северо-северо-запад. Случаи придания покойным в могиле «вытянутого» положения в бийкенской культуре встречаются редко и характерны для позднего этапа ее развития. Сочетание на одном памятнике обеих традиций демонстрирует полиэтничный состав населения долины нижней Катунь во 2-й четверти I тыс. до н.э. Необходимо напомнить, что погребения в вытянутом положении являются одной из особенностей майэмирской культуры Северо-Западного Алтая и Восточного Казахстана [Тишкин, 2005; 2007а, с. 120; и др.]. Завершая рассмотрение ориентации и положения умерших людей в погребениях «раннескифского» времени могильника Тыткескен VI, следует указать на отсутствие у человека из кургана № 74 головы, а в отношении покойного из кургана № 26 – факт преднамеренного разрушения черепа, связанного, скорее всего, с актом осквернения могилы.

Важно обратить внимание на такую составляющую погребально-поминальной практики населения бийкенской культуры, как возведение различного рода околочурганских объектов и отдельно стоящих ритуальных сооружений (рис. 3). Поскольку развернутая характеристика и интерпретация данных сооружений неоднократно приводились [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 57–58;

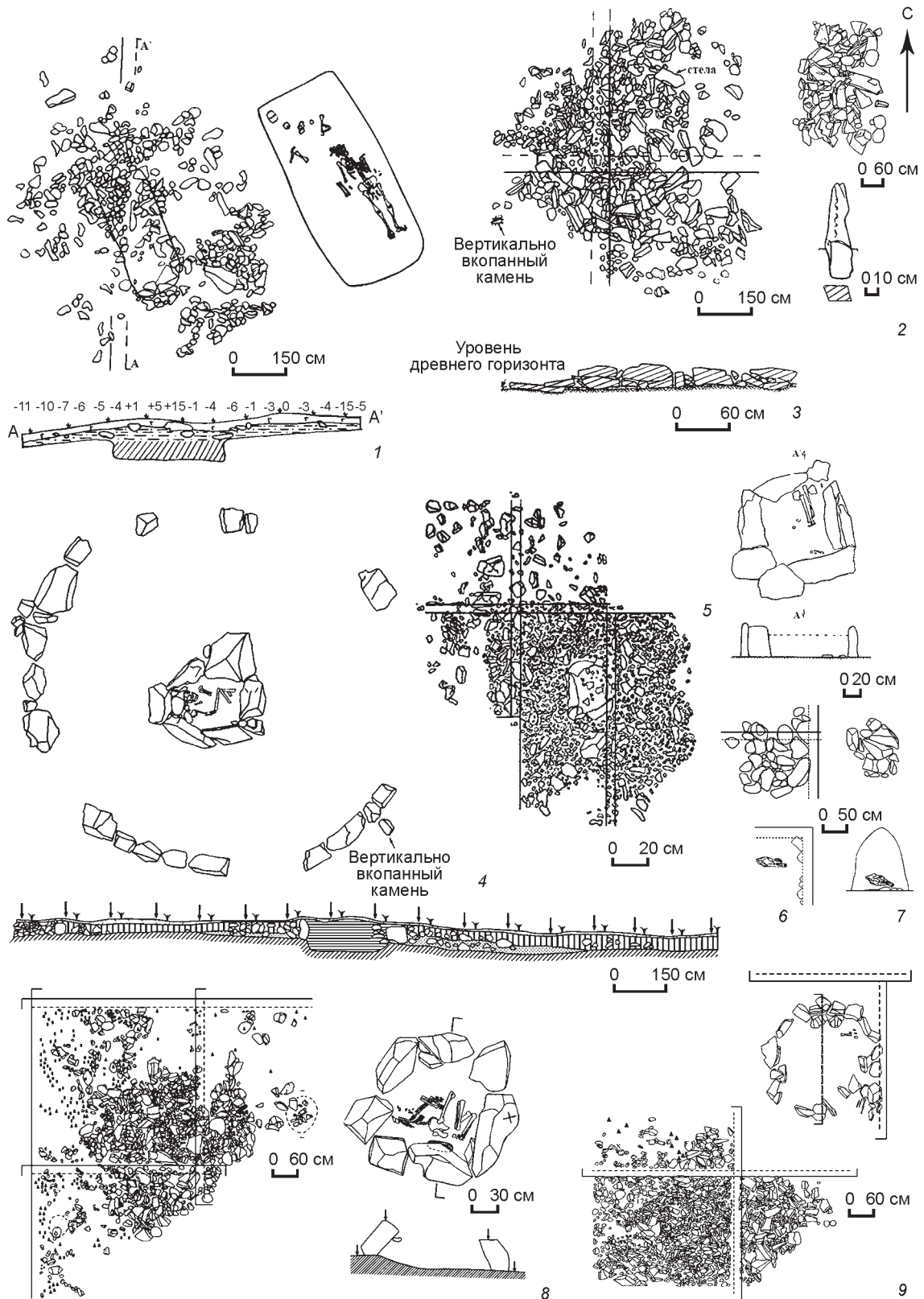


Рис. 3. Погребальные и ритуальные объекты бийкенской культуры.

1 – курган № 26; 2 – курган № 55; 3 – курган № 56; 4 – курган № 85; 5 – курган № 55; 6 – выкладка № 87; 7 – выкладка № 86; 8 – курган № 74; 9 – курган № 96.

Тишкин, Леонова, 2003, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 114; Тишкин, 2007а, с. 109–113], в данной статье ограничимся только перечислением всех зафиксированных случаев нахождения рядом с курганами стел, ям и ритуальных выкладок.

У полы кургана № 55 с запада-юго-запада обнаружен вертикально вкопанный камень, возвышавшийся над уровнем древней поверхности на 0,21 м и являвшийся, по-видимому, основанием стелы. Сваленный обелиск зафиксирован в северо-восточном секторе насыпи. Первоначально он был вкопан в яму глубиной 0,47 м, плотно забутованную землей и обложенную камнями. Обработанный камень имел наибольшую длину 0,8 м, ширину 0,23 м, толщину до 0,13 м, характерную скошенность сверху, обозначенный «поясок» и выделенное основание. Обе указанные стелы образовывали линию ЮЗ–СВ. У кургана № 85 обломок вертикально вкопанной стелы высотой 0,33 м над уровнем древнего горизонта находился с юго-западной стороны крепиды.

Рядом с курганом № 74 зафиксировано несколько ям. Одна из них (№ 1), размерами 0,56×0,44 м и глубиной 0,24 м от уровня древнего горизонта, располагалась у юго-западной полы, другая (№ 2), размерами 0,88×0,76 м и глубиной 0,4 м от уровня погребенной почвы, заложенная сверху камнями, – в 0,6 м к востоку от края насыпи. Никаких находок они не содержали.

С северной стороны кургана № 85 находилась ритуальная выкладка (№ 85а), представлявшая собой наброску диаметром около 3,6 м, высотой 0,45 м, сложенную из рваных камней вперемежку с гумусированным грунтом. В разных местах этого сооружения собрано большое количество колотых и целых костей животных, а также обломки керамической посуды без орнамента (учтено 165 экз.) Под юго-восточным краем выкладки зафиксирован провал диаметром 0,44 м и глубиной 0,15 м. Археологический материал в нем не обнаружен.

Значительный интерес представляют ритуальные выкладки № 86 и 87, располагавшиеся обособленно от рассмотренных погребальных сооружений аржано-майэмирского времени (рис. 3). Одна из них (№ 86) представляла собой полусферическую вымостку округлой формы (размерами 2,0×1,8 м и высотой 0,25 м), сделанную из валунов. Другая (№ 87) оказалась овальной (размерами 1,25×0,95 м, высотой до 0,15 м). Она была сооружена из уложенных в один слой плоских плит и напоминала собой заполнение могильной ямы.

Под камнями указанных двух объектов в ямах, на глубине 0,17–0,20 м от уровня древнего горизонта, находилось по одному черепу лошади (в одном случае еще зафиксирована нижняя челюсть овцы), обращенному лицевой частью на восток или юго-восток. Захороненные головы принадлежали взрослым жеребцам: в возрасте 10–12 лет с неправильным прикусом (выкладка № 86) и старше 20 лет (выкладка № 87) [Шелепова, 2007]. У обоих животных в правой теменной кости выявлено отверстие округлой формы, вероятно, след от удара в результате забоя. Похожие объекты были обнаружены на противоположном берегу Катуня на памятнике Бике-I рядом с курганом афанасьевской культуры [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990]. На Тыткескене-VI они имеют другой контекст и предположительно отнесены к аржано-майэмирскому времени, так как именно для этого периода характерна традиция захоронения голов коней [Киришин, Тишкин, 1997, с. 59–60]. Данное заключение в определенной мере можно проверить с помощью радиоуглеродного датирования.

В курганах бийкенской культуры обнаружен немногочисленный археологический материал, относительно информативный в плане датировки (рис. 4). Наиболее ранними объектами, скорее всего, являются курганы № 74, 85 и выкладка № 85а. Результаты радиоуглеродного анализа образца из костей человека, погребенного в кургане № 85 (GU-14927 – 2595 ± 35 лет; 1 sigma cal BC 803 (797) 788, 2 sigma cal BC 823 (797) 672), дают основания относить эту группу сооружений к семисартскому этапу (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.) бийкенской культуры [Тишкин, 2007а, с. 96; 2007б, с. 149–151, рис. 2, 3, 4]. Сопроводительный инвентарь в кургане № 85 отсутствовал. Однако следует отметить, что в процессе зачистки и разборки насыпи данного кургана была получена серия фрагментированных глиняных сосудов, внешний вид и характерная орнаментация которых («ямки», «жемчужник», «вдавления палочкой», «вдавления трубочкой», «угловые вдавления», «валик с рассечением») обнаруживают сходство с немногочисленной керамикой из других погребальных памятников, ритуальных сооружений, поселений, культовых мест и святилищ Алтая «раннескифского» времени [Тишкин, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 120–124].

Радиоуглеродное исследование костного материала из кургана № 74 было выполнено дважды и в разных лабораториях [Тишкин, 2007а,

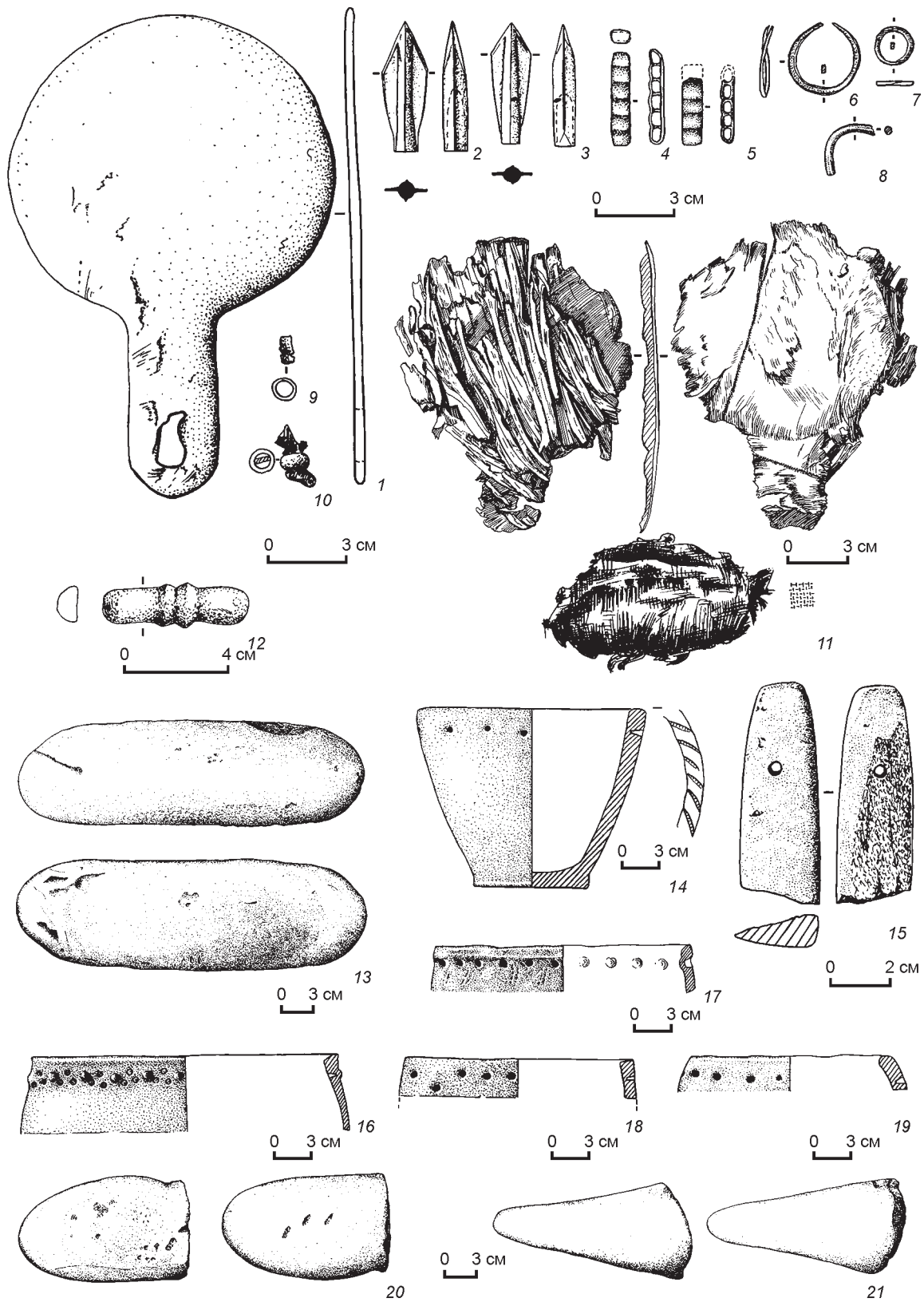


Рис. 4. Предметный комплекс бийкенской культуры.

1, 9–12 – курган № 26; 2–3 – курган № 56; 4–8 – курган № 97; 13, 20, 21 – курган № 74; 15 – курган № 55; 14, 16–19 – курган № 85.
1–9 – бронза; 11 – кожа, шерсть; 12–13, 15, 20, 21 – камень; 14, 16–19 – керамика.

с. 247–248]. Полученный спектр результатов продемонстрировал широкие хронологические рамки – 2-я половина IX – 1-я половина IV в. до н.э. (Le-7649 – 2500 ± 120 лет; 1 sigma cal BC 790–516, 2 sigma cal BC 845–377; GU-14926 – $2320 \pm \pm 35$ лет; 1 sigma cal BC 405–376, 2 sigma cal BC 413–353). Вероятно, на результаты анализа повлияли условия нахождения костей на уровне земной поверхности. Обнаруженный вещевой комплекс в погребальной камере из кургана № 74 включал хронологически нейтральные предметы, среди которых каменный курант (рис. 4, 13) и три небольших фрагмента от разных керамических сосудов. Важным представляется впервые зафиксированный случай нахождения куранта в погребальной камере для человека. Зернотерки прежде находили на Алтае в основном в курганных насыпях [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 58; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 43–69].

Самая выразительная коллекция предметов происходит из курганов, располагавшихся в нижней части долины, к югу от старого тракта, и относящихся к бойтыгемскому этапу (2-я половина VII – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) бийкенской культуры [Тишкин, 2007а, с. 96–97; Тишкин, 2007б, с. 152; рис. 6–7]. Особого внимания заслуживают находки вещей из кургана № 26: бронзовое зеркало с диаметром диска 12,2 см и длинной боковой ручкой, помещенное в тканево-меховой чехол (рис. 4, 1, 11), каменная (арагонитовая) трехжелобчатая застежка (рис. 4, 12), бронзовые колечки с обрывками кожаных ремешков (рис. 4, 9, 10). Бронзовые зеркала данного типа на Алтае встречаются не часто и датируются VII–VI вв. до н.э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 89; Тишкин, Серегин, 2011, с. 93–94]. Кроме всего, в этом кургане был обнаружен фрагмент ткани, являющейся на сегодняшний день одним из древних образцов шерстяной материи, сохранившейся в курганах Алтая эпохи ранних кочевников. Результаты изучения этой редкой археологической находки опубликованы [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 39].

Важными для датировки являются бронзовые поясные обоймы (рис. 4, 4, 5) из кургана № 97, обнаруженные в насыпи и в прокале под наземной конструкцией. Данные элементы поясной гарнитуры обнаруживают значительное сходство с изделиями из кургана № 14 Быстрянского могильника [Завитухина, 1966, рис. 3, 9–11]. Похожие предметы найдены в других погребениях Алтая и Казахстана «раннескифского» времени [Шуль-

га, 2008, рис. 82]. Время бытования таких вещей определяется 2-й половиной VII – 2–3-й четвертью VI в. до н.э. Подобной датировке не противоречат зафиксированные в насыпи кургана № 96 бронзовые серьги, состав металла которых соответствует «рецептуре» аржано-майэмирского времени [Хаврин, 2008].

Найденные в кургане № 56 бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел с асимметрично-ромбическим пером (рис. 4, 2, 3) появляются на Алтае с VIII в. до н.э., но наиболее популярны они в VII–VI вв. до н.э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 82; Тишкин, 2007б, рис. 3, 6]. В кургане № 55 обнаружен каменный оселок (рис. 4, 15), датирующийся в широком хронологическом диапазоне.

Курганы № 51 и 96 инвентаря не содержали, поэтому определить их археологический возраст в рамках выделенных этапов бийкенской культуры не представляется возможным. Хронологическая интерпретация выкладок № 86 и 87 также вызывает трудности в связи с отсутствием в них предметного комплекса.

Кроме вышеизложенного, следует указать, что аналогичные объекты аржано-майэмирского времени исследованы и на ближайшем памятнике Тыткескень-I [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 36–38], который был зафиксирован на правом берегу устья одноименной речки. По всей видимости, все изученные сооружения составляли единый комплекс, оставленный носителями бийкенской культуры.

Культурно-хронологический комплекс пазырыкского времени (2-я половина VI – III в. до н.э.) насчитывает 55 захоронений, 12 ритуальных выкладок и 4 «поминальных» кургана-кенотафа. Последние, за исключением объекта № 41, представлявшего собой сооружение из двух каменных дуг, по планиграфии и конструкции не отличались от полноценных погребальных объектов, но не содержали могил и, как правило, вещей.

Курганы в основном располагались двумя цепочками в северной и центральной части некрополя, вытянутыми в меридианальном направлении вдоль восточного края террасы Катунь. Все они были дистанцированы от погребальных сооружений аржано-майэмирского времени, что дополнительно подчеркивало отсутствие между ними какой-либо генетической связи. Составленный в 2006 г. тахеометрический план памятника позволил уточнить сведения относительно максимальных и минимальных расстояний между ранее изученными и новыми погребальными со-

оружиями, предоставив возможность обоснованно выделять группы компактно локализованных погребальных сооружений внутри северной и центральной цепочки (см. рис. 2). Для северной цепочки подтвердилось наличие трех групп: 1) курганы № 11–18; 2) курганы № 19–25; 3) курганы № 41–45, 47, 6–9 [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 41]. Центральная цепочка также включала три группы: 1) курганы № 94, 30, 29, 90, 93, 92, 89, 88, 91, 71, 73, 72; 2) курганы № 84, 83, 82, 81, 27; 3) курганы № 54, 62, 80, 4, 3, 2, 48. Между первой и второй группами обособленно находился курган № 28, одинаково удаленный от курганов № 72 и 84. Внутри данных скоплений курганы образовывали более или менее четкие линии из двух – четырех объектов, имевших различные отклонения по меридиану. К востоку или к западу от них могли располагаться курганы, не вписывавшиеся в ровный ряд. Среди раскопанных погребальных сооружений не отмечено ни одного случая, чтобы насыпи соприкасались друг с другом полами.

Зафиксирована достаточно стандартная ситуация размещения ритуальных выкладок преимущественно с западной стороны курганов на разном расстоянии. В качестве исключения можно упомянуть выкладку № 80а, находящуюся с северо-восточной стороны соответствующего кургана. В конструктивном отношении ритуальные сооружения представлены двумя разновидностями: 1) плоскими выкладками округлой формы размерами от 1 до 3,5 м, высотой до 0,25 м из плотно уложенных камней (выкладки № 38–40, 46, 75–78); 2) кольцевыми выкладками из рваных камней с незаполненной камнями центральной частью размерами 2,2–2,35×1,4–1,95 м, высотой до 0,3 м (выкладки № 82а, 89а, 79, 80а). Под некоторыми такими сооружениями были небольшие ямы. При разборке нескольких объектов или рядом с ними найдены мелкие фрагменты неорнаментированной керамической посуды, а также колотые кости животных. Аналогичные по устройству объекты исследованы на многих других памятниках пазырыкской культуры Алтая.

Курганы пазырыкского времени имели плоские, реже полусферические, наброски округлой в плане формы, сложенные из рваного камня, гальки и обычно перекрывавшие холмик песчаного грунта высотой до 0,2 м, который оставался после закапывания могилы. Несколько насыпей сделаны только из окатанного камня (курганы № 8, 15, 17, 30, 41/2, 44, 45, 84, 91). По размерам все наброс-

ки относились к категории малых объектов. Они имели диаметры от 2 до 10,5 м и высоту не более 0,5 м. Примерно у трети курганов имелась кольцевая крепида из крупных валунов и рваных камней (рис. 5). Под насыпями размещалась обычно одна могила прямоугольной или овальной формы, ориентированная по линии З–В (с разными отклонениями). Раскопано одно грунтовое погребение (объект № 47). Ямы были с отвесными или слегка расширяющимися ко дну стенками, а иногда (10 случаев) с заплечиками. Длина и ширина ям варьировала в пределах 1,25–3,10 м и 0,7–2,5 м соответственно, а глубина колебалась от 0,35 до 2,40 м (наиболее распространенные показатели глубины попадают в интервал 1,4–1,8 м). Заполнение могил – грунтовое, в виде мешаной супеси и серого материкового песка. Погребальные камеры весьма разнообразны (рис. 5): деревянные рамы (19 случаев), каменные ящики (7) и обкладки (7), срубы (6), ямы (4), ямы с перекрытием из жердей и досок (2), деревянный ящик (1). Каких-либо закономерностей в планиграфии курганов с той или иной разновидностью погребальных камер не прослежено.

Устойчивым этнокультурным маркером погребальной практики являются способы захоронения и элементы ритуала (рис. 5). Погребения пазырыкской культуры были совершены преимущественно по обряду одиночной ингумации. Имеется пять парных и три коллективных захоронения. Стоит отметить парное труположение взрослых людей в кургане № 92, кости которых были уложены кучками, имитирующими тела покойных (отдельно ноги и таз, кости рук, черепа) с нарушением анатомического порядка. Отсутствие явных следов проникновения в могилу, особенности размещения костей, а также отсутствие некоторых частей скелета, преимущественно ребер, указывают на «вторичный» характер погребения. В кургане № 89 содержалось захоронение трех взрослых людей и одного ребенка. Почти со всеми погребенными отмечены свидетельства помещения ритуальной мясной пищи, фиксируемой по костям пояснично-крестцовой части овцы. Только в трех курганах (№ 21, 27, 62) имелось по сопроводительному захоронению верхового коня в северной половине ямы. Редкость такого показателя демонстрирует одну из особенностей погребального обряда, отмеченную в памятниках пазырыкской культуры Северного Алтая. Умершие люди укладывались на правый бок с согнутыми ногами, крайне редко на спину (4 случая) или на левый бок (3 случая)

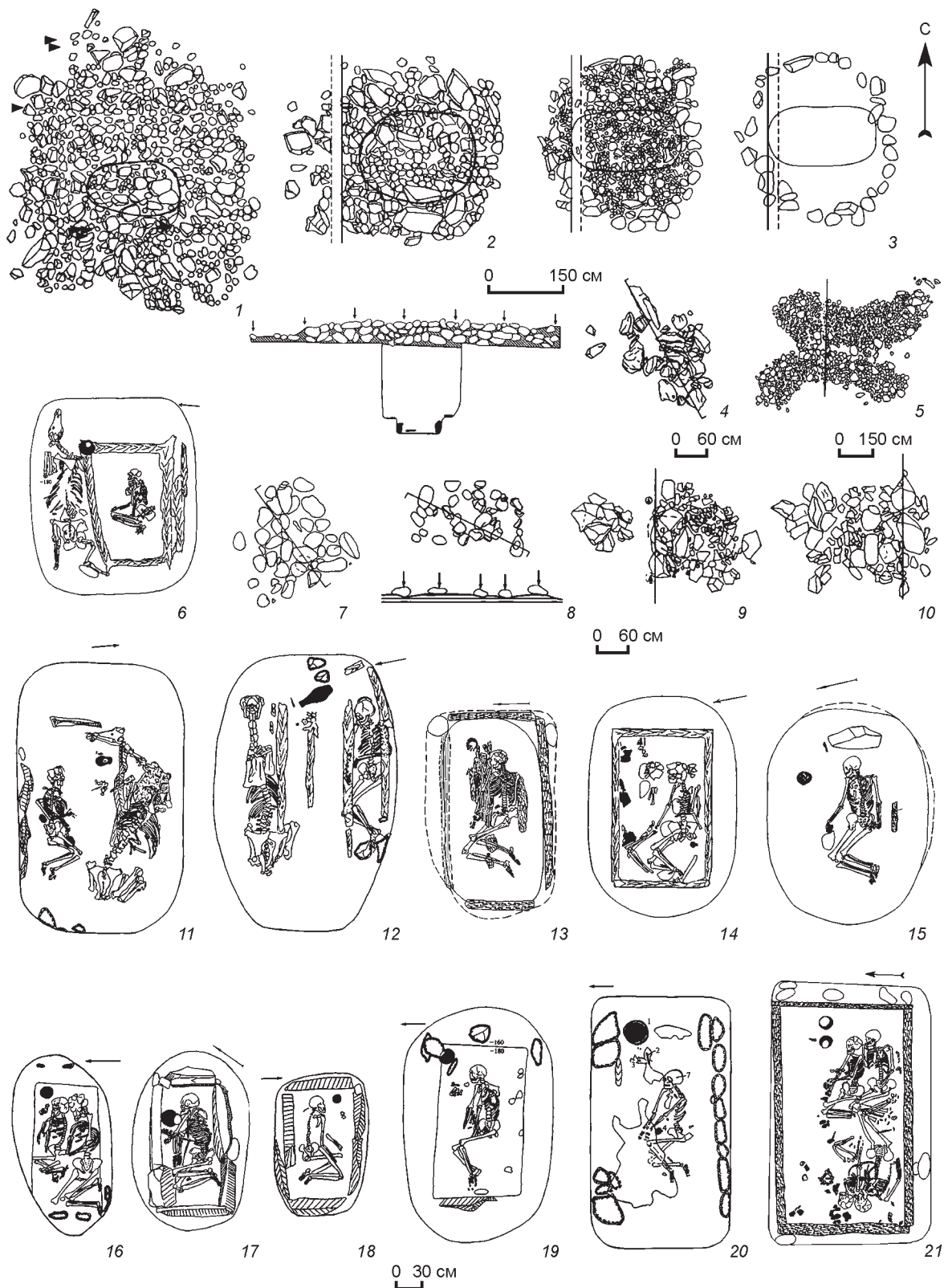


Рис. 5. Погребальные и ритуальные сооружения пазырыкской культуры.

1 – курган № 81; 2 – курган № 83; 3 – курган № 93; 4 – выкладка № 80а; 5 – объект № 41; 6 – курган № 21; 7 – выкладка № 75; 8 – выкладка № 79; 9 – выкладка № 38; 10 – выкладка № 40; 11 – курган № 27; 12 – курган № 62; 13 – курган № 93; 14 – курган № 24; 15 – курган № 82; 16 – курган № 72; 17 – курган № 88; 18 – курган № 34; 19 – курган № 71; 20 – курган № 14; 21 – курган № 89.

с согнутыми нижними конечностями. Они ориентировались головой в восточный (47 случаев), западный (30 случаев) и северный (2 случая) сектора горизонта. В кургане № 94 зафиксировано трупоположение женщины ничком, головой на восток.

Таким образом, большинство пазырыкских курганов, исследованных на могильнике Тыткескень VI, соотносятся с двумя погребальными традициями населения Алтая конца VI – III в. до н.э. Доминирующая представлена ингумацией людей без сопроводительного захоронения верхового коня, с ориентацией головами в восточный или западный секторы и в различных погребальных камерах. Эти зафиксированные показатели свидетельствуют о том, что они оставлены носителями локального варианта пазырыкской культуры [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 1997; 2003, с. 107–114]. Данное население отличалось от кочевников других районов Алтая в антропологическом отношении [Тур, 2003].

Отдельного внимания заслуживает коллективная могила кургана № 89, в которой зафиксирована ориентация умерших людей в противоположных направлениях и при этом в разных позах (рис. 5, 21). Два взрослых индивида, обращенные головами в восточный сектор, лежали на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Взрослый мужчина и ребенок, ориентированные головами на запад-северо-запад, покоились соответственно на спине и на левом боку с согнутыми нижними конечностями. На сегодняшний день это единственное в своем роде коллективное захоронение пазырыкской культуры. Среди ближайших аналогий можно отметить неопубликованный курган, раскопанный на могильнике Айрыдаш-I, в котором находилось захоронение трех человек, ориентированных головами по антитезе. Для погребальной практики кочевников Алтая раннего железного века коллективные захоронения – явление весьма редкое. В пазырыкской культуре такой вариант ингумации фиксируется преимущественно на северо-западной, юго-восточной, северной окраинах распространения названной общности и отражает полиэтничный состав населения этой горной страны во 2-й половине I тыс. до н.э. [Могильников, Суразаков, 1980, с. 180–191; 2003, с. 26–63; Кубарев, Кочеев, 1983, с. 90–108; Кубарев, 1987, с. 26, 27; 1991, с. 37, 38; 1992, с. 25, 27; Суразаков, 1988, с. 114, 149–150, табл. 1; 1997, с. 85–86, рис. II.-1; Степанова, Неверов, 1994; Худяков, 1998, с. 99; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003,

с. 44–45, 67, рис. 19, 22.-I; Тишкин, Матренин, Семибратов, 2009, с. 59–62]. Наличие данных погребальных комплексов в Юго-Восточном Алтае (Кош-Агачский район Республики Алтай) многие специалисты обоснованно связывают с проникновением в среду пазырыкского населения носителей саглынской культуры Тувы и Северо-Западной Монголии. Вопрос о причинах появления коллективных захоронений в других частях Алтая в литературе пока не получил своего решения. Важно, что особенности обряда захоронения в кургане № 89 показывают его иной этнический контекст по сравнению с материалами памятников Юго-Восточного Алтая. Поэтому зафиксированная ситуация присутствия разных способов трупоположения в одном закрытом комплексе в очередной раз демонстрирует тесное взаимодействие носителей разных традиций в рамках пазырыкской общности. При этом следует понимать, что появление такого необычного погребального объекта могло быть вызвано причинами мировоззренческого характера, социально-семейными обстоятельствами, условиями смерти или какими-то другими обстоятельствами. Для получения конкретных выводов в этом плане остается надеяться на результаты комплексного антропологического изучения остеологического материала.

Погребальные комплексы пазырыкского времени памятника Тыткескень VI содержали в основном не потревоженные грабителями захоронения. Благодаря этому была получена представительная (в количественном и качественном отношении) серия вещественных материалов, представленная предметами вооружения и снаряжения, украшениями, орудиями труда, бытовой утварью, экипировкой верхового коня. Среди них имелись как серийные вещи, так и редкие изделия. Группу вещественных источников дополняют фрагменты мумифицированной части тела человека с остатками кожаной и меховой одежды, обнаруженные в кургане № 3, а также сохранившиеся куски ткани и шерсти в кургане № 2 [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 39–49].

Аналогии разным категориям сопроводительного инвентаря, зафиксированным в других закрытых комплексах скифо-сакского времени Алтая и сопредельных территорий, дают основания датировать исследованные на могильнике Тыткескень VI курганы 2-й половиной VI – 3-й четвертью IV в. до н.э., а также выделить среди них две разновременные группы, соответ-

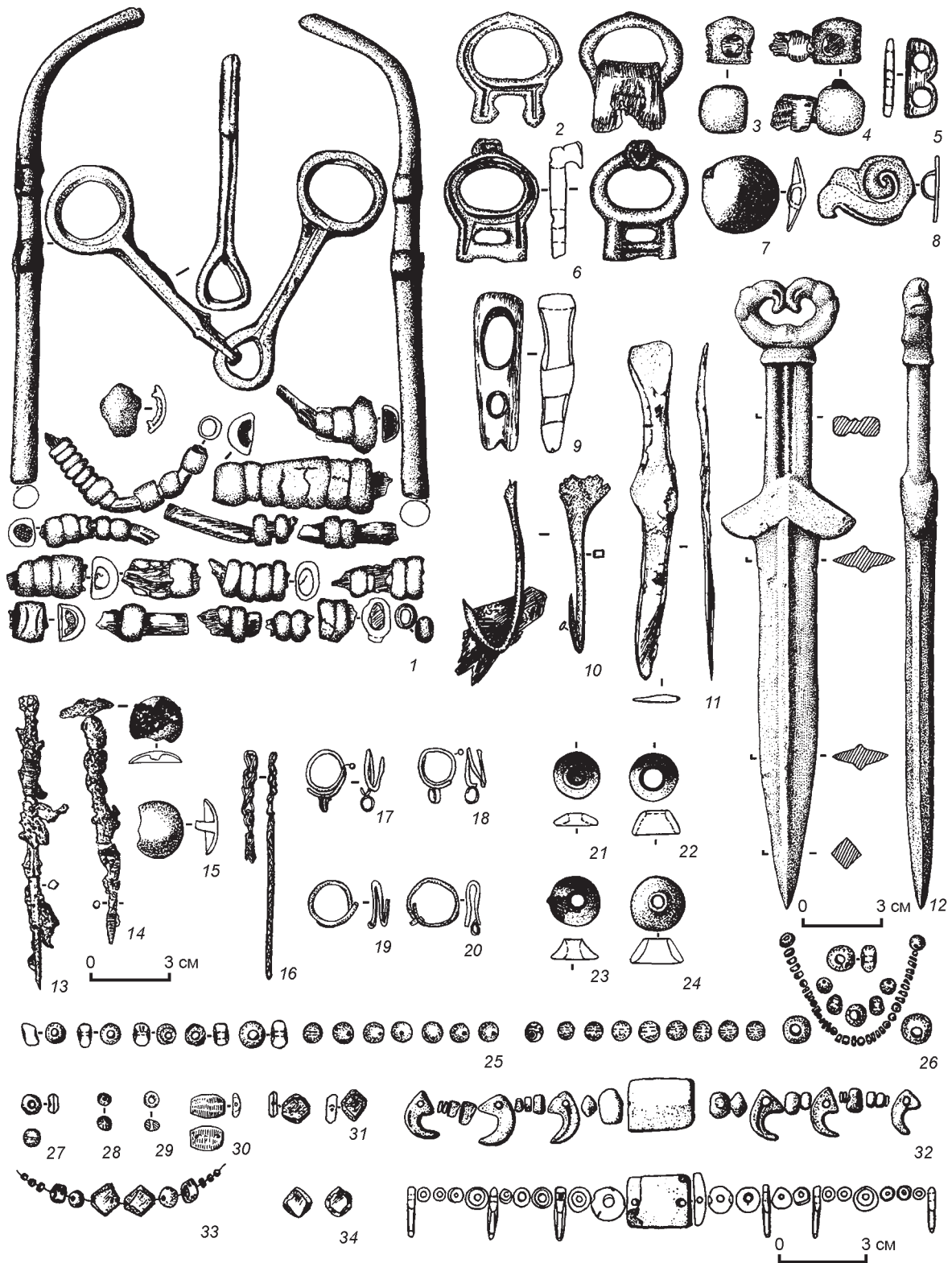


Рис. 6. Снаряжение верхового коня, предметы вооружения и украшения из курганов пазырыкской культуры (2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э.).

1–9, 17, 18, 24, 27 – курган № 27; 10 – курган № 43; 11, 15 – курган № 13; 12, 21, 22, 23 – курган № 4; 13, 33 – курган № 2; 14, 19, 20, 25, 31 – курган № 14; 26, 34 – курган № 18; 28 – курган № 54; 29, 30 – курган № 82; 32 – курган № 33.

1–4, 7, 8, 10, 11, 12, 15, 21–24 – бронза; 5, 9 – кость; 13 – железо; 14 – железо и бронза; 16, 17, 18, 19, 20 – золото; 25–29 – стекло; 30, 31, 32, 34 – камень; 33 – стекло, камень.

ствующие башадарскому (2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э.) и кызыл-джарскому (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.) этапам пазырыкской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160; Тишкин, 2007а, с. 150–151].

Предметный комплекс 2-й половины VI – 1-й половины V в. до н.э. (курганы № 2, 4, 13, 14, 18, 27, 33, 43, 54, 82, 93) характеризуется присут-

ствием следующих изделий (рис. 6, 7). Прежде всего нужно отметить комплект конского снаряжения раннего типа из кургана № 27: бронзовые удила с кольчатыми окончаниями, вертикальные с изогнутыми концами двудырчатые псалии, распределители ремней с округлым корпусом и четырьмя боковыми отверстиями, уздечные пронизи, бляха в виде головы хищной птицы, подпружные

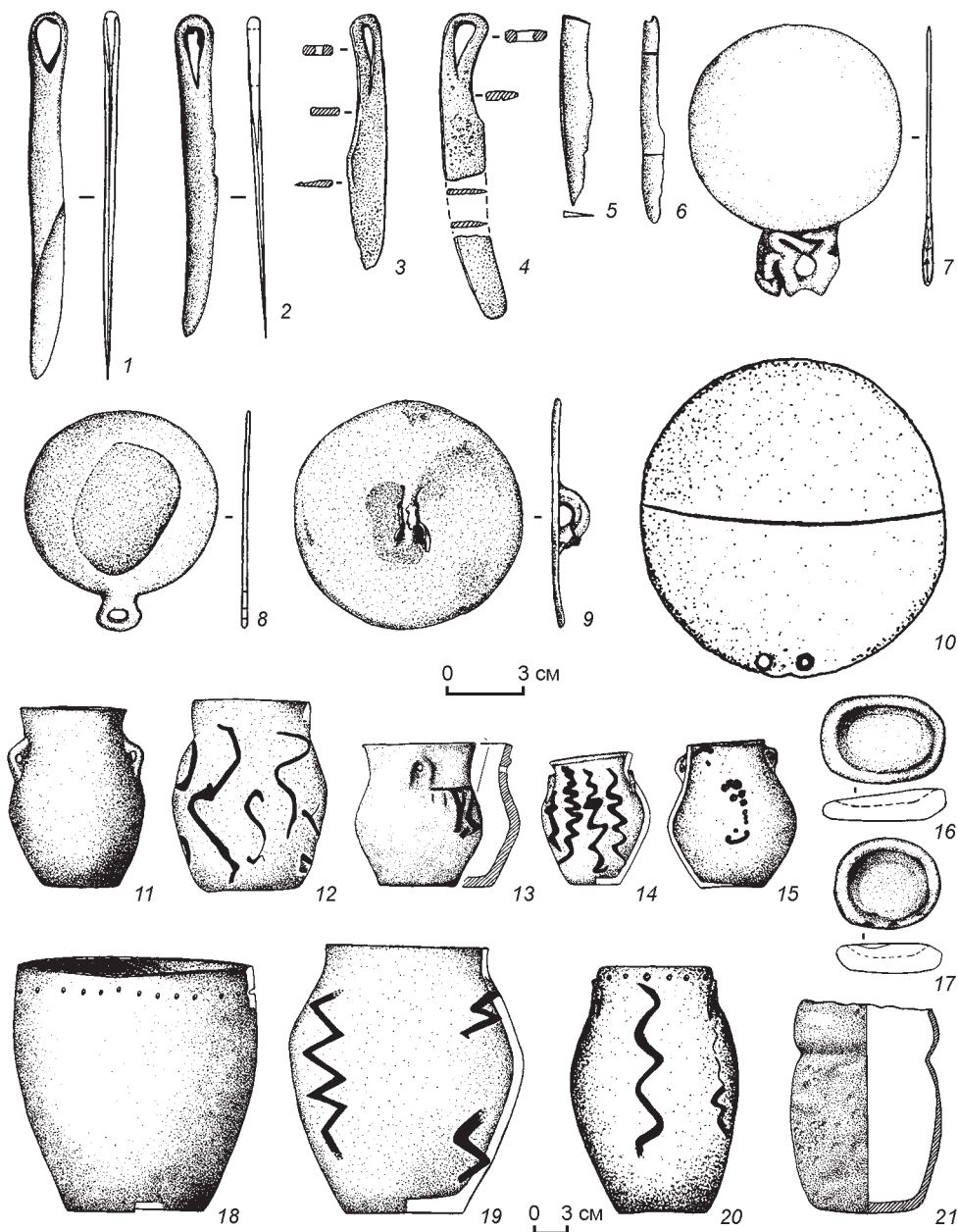


Рис. 7. Орудия труда и предметы быта из курганов пазырыкской культуры (2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э.).
 1, 10, 11, 17 – курган № 27; 2 – курган № 43; 3, 13 – курган № 82; 4, 21 – курган № 93; 5, 14 – курган № 2; 6, 20 – курган № 54;
 7, 15, 16 – курган № 2; 8, 18 – курган № 14; 9, 19 – курган № 18; 12 – курган № 13.
 1–10 – бронза; 11–15, 18–21 – керамика; 16, 17 – камень.

пряжки с Г-образным шпеньком, костяная В-образная пронизь, роговой каплевидный блок и др. (см. рис. 6, 1–9). Хронологически показательными следует считать украшения и предметы костюма, к которым относятся сердоликовые бусы шаровидной и бочонковидной формы с двухсторонним сверлением (курганы № 2, 14, 18, 27, 33, 54), сердоликовые и нефритовые бусы ромбовидной (см. рис. 6, 31, 33) и прямоугольной (см. рис. 6, 30, 32) формы с диагональным сверлением (курганы № 2, 14, 18, 27, 33, 54, 82), плоские дисковидные бусы из магнетита или барита (см. рис. 6, 34) (курган № 18), подвески в виде имитаций костей медведя (см. рис. 6, 32) (курган № 33), стеклянные шаровидные бусы (курганы № 2, 14, 18, 33, 82), золотые восьмерковидные серьги (см. рис. 6, 17–20) с отдельно изготовленным и припаянным нижним кольцом (курганы № 14, 27), железные булавки с шаровидной полостью (курганы № 2, 33) или цельной (курган № 27) головкой (см. рис. 6, 13), обложенной золотым листком, или с полусферической бронзовой шляпкой (см. рис. 6, 14) (курган № 14). Важными в плане датировки являются сравнительно большие по размерам бронзовые зеркала (диаметр диска 7,2–12,5 см) без ручки, с отверстиями на краю диска (рис. 7, 10) (курган № 27), с центральной петлей (рис. 7, 9) (курган № 18), с короткой боковой ручкой в виде лежащего двугорбого верблюда (рис. 7, 7) (курган № 2) и в виде обычной овальной петли (рис. 7, 8) (курган № 14). Следует также назвать показательные бронзовые ножи с прямой спинкой и петлевидным окончанием рукояти (рис. 7, 1–4) длиной 8,8–14,2 см (курганы № 27, 43, 82, 93). Среди предметов вооружения имеется полноразмерный бронзовый кинжал с навершием в виде обращенных друг к другу голов грифонов (см. рис. 6, 12) (курган № 4). Другие изделия (в особенности керамическая посуда) из погребений данной хронологической группы бытуют в широком диапазоне с конца VI по IV в. до н.э. включительно.

Вещевой набор 2-й половины V – 3-й четверти IV в. до н.э. (курганы № 6, 7, 9, 11, 12, 16, 19, 21, 23–25, 28, 29, 31, 42, 44, 47, 48, 71, 72, 80, 84, 88–92, 94) отличается следующими показателями (рис. 8, 9). Прежде всего это присутствие среди предметов вооружения уменьшенных бронзовых кинжалов (см. рис. 8, 8–13) (курганы № 6, 11, 29, 71, 84, 89) и чеканов (см. рис. 8, 1–5) (курганы № 6, 11, 29, 72, 88), костяных удлинненно-тре-

угольных шипастых наконечников стрел небольшой длины (до 5,5 см) с трехгранным и подромбическим пером с черешковым или втульчатым насадом (см. рис. 8, 17–28) (курганы № 3, 9, 28, 88, 89), а также разнообразных по конструкции бронзовых колчанных крюков (см. рис. 8, 7, 14–16) (курганы № 11, 16, 48, 72, 89). Комплекс украшений и деталей костюма включает такие показательные вещи, как бронзовые и серебряные восьмерковидные серьги с цельноизготовленным нижним кольцом (см. рис. 8, 37, 38, 39) (курганы № 25, 91, 94), железную булавку с шаровидной полостью головкой (см. рис. 8, 35) (курган № 31), бронзовую поясную бляху с отверстием (см. рис. 8, 29), бронзовую обойму (см. рис. 8, 30) и подвеску из колокольчика (см. рис. 8, 36) (курган № 89), немногочисленные находки стеклянных бус (см. рис. 8, 42) (курган № 80). Бронзовые зеркала с маленькой боковой ручкой (курганы № 21, 24, 25, 47, 80, 94) представлены уменьшенными экземплярами с диаметром диска от 4,6 до 7,4 см (рис. 9, 16–21). К этому следует добавить наличие в погребениях большого количества коротколезвийных бронзовых и железных ножей с прямой и слегка изогнутой спинкой и цельной рукоятью глухой, реже с небольшим отверстием (рис. 9, 1–13).

Керамическая посуда не обнаруживает существенных отличий от изделий ранней хронологической группы (рис. 9, 22–31; 10).

Представленное выше деление материала пазырыкской культуры не противоречит прежней интерпретации скифо-сакского комплекса могильника Тыткескень VI, основным результатом которой было обоснование трех хронологических групп объектов: конец VI – V в. до н.э.; V в. до н.э.; V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 104–107; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 106–109]. «Смазанные» различия между предметными комплексами V в. до н.э. и V–IV вв. до н.э. при отсутствии надежных хроноиндикаторов делают более логичным их рассмотрение в рамках одного временного пласта. Безусловно, следует сказать, что археологический возраст некоторых курганов (№ 3, 8, 17, 20, 34, 41, 62, 73) не может быть определен уверенно в рамках обозначенных этапов.

В завершение настоящего культурно-хронологического обзора необходимо отметить, что представленные графические иллюстрации дополнены цветными фотографиями (рис. 11–16), на которых демонстрируются отдельные пока-

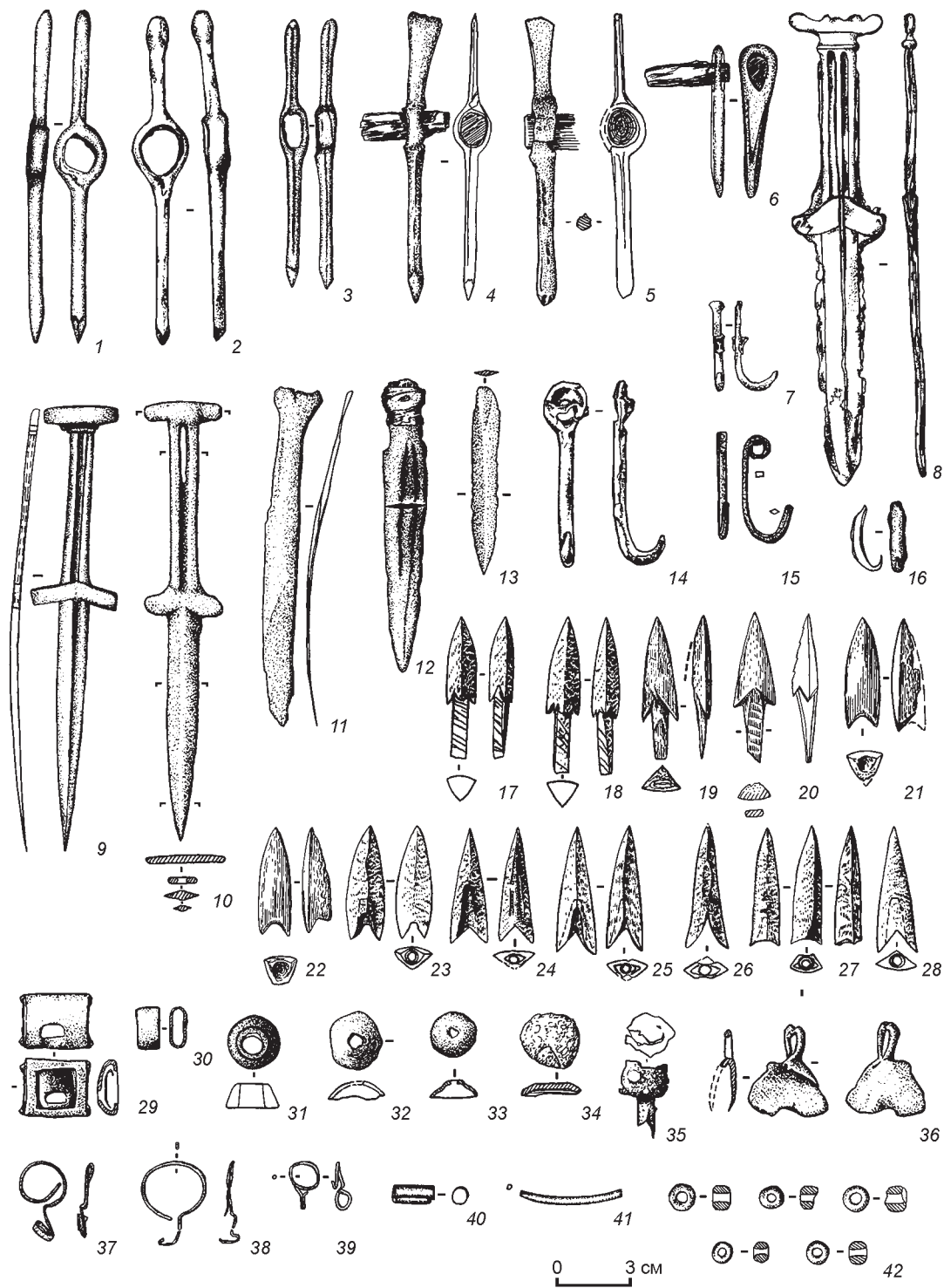


Рис. 8. Оружие, предметы костюма и украшения из курганов пазырыкской культуры (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.).

1, 9, 32, 40 – курган № 6; 2, 8, 14 – курган № 11; 3, 12 – курган № 29; 4, 16, 31 – курган № 72; 5, 19, 21, 22 – курган № 88; 6, 11 – курган № 71; 7 – курган № 16; 10, 20, 29, 30, 33, 36 – курган № 89; 13, 34 – курган № 84; 15 – курган № 48/2; 17, 18 – курган № 28; 23–28 – курган № 47; 35 – курган № 31; 37 – курган № 25; 38 – курган № 94; 39 – курган № 91; 41 – курган № 29; 42 – курган № 80.
1–18, 29–33, 36, 37, 39–41 – бронза; 19–28 – кость; 34, 35 – железо; 38 – серебро; 42 – стекло.

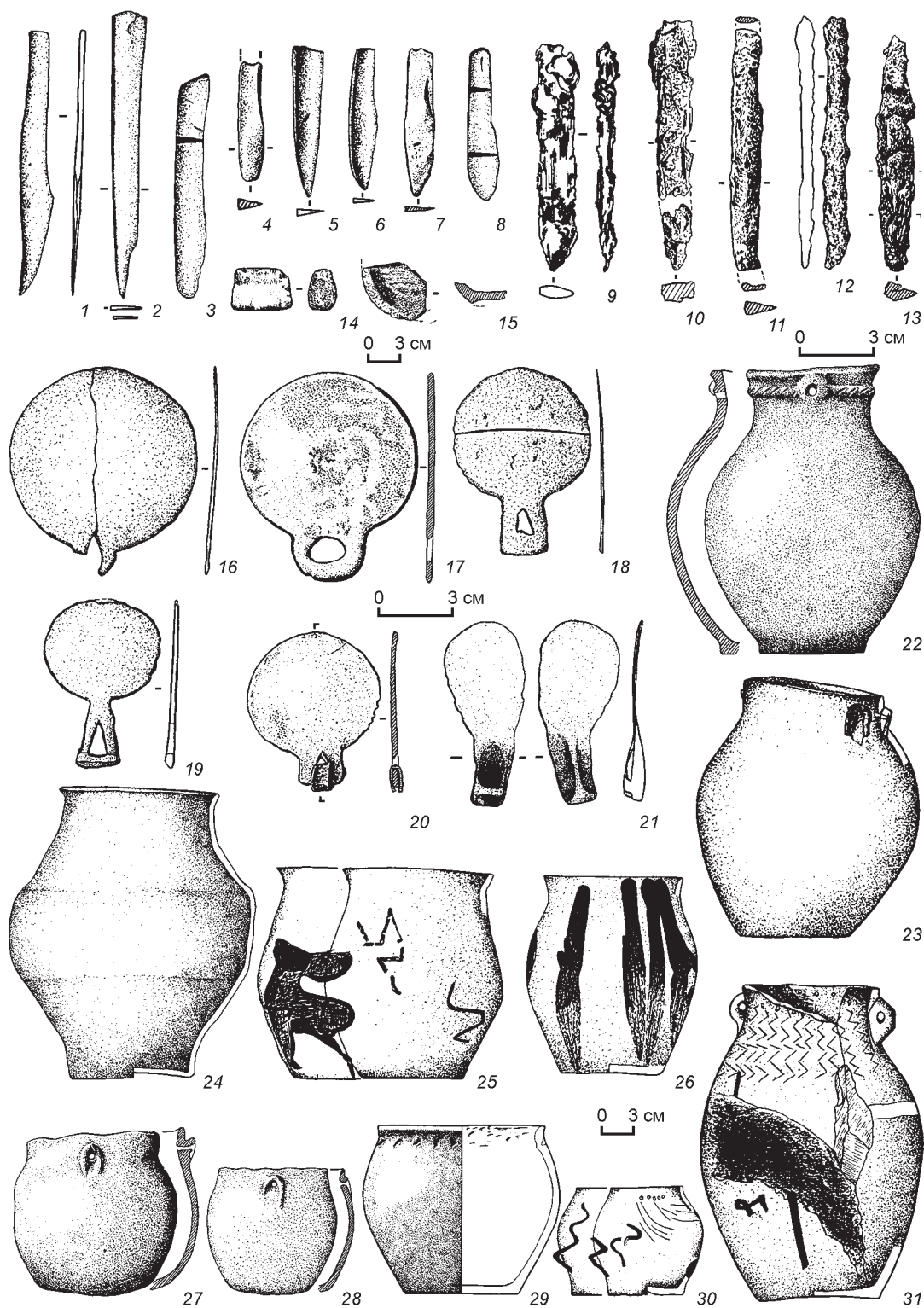


Рис. 9. Орудия труда и предметы быта из курганов пазырыкской культуры (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.).
 1 – курган № 48/2; 2, 16 – курган № 25/1; 3, 26 – курган № 71; 4, 27 – курган № 89; 5, 23 – курган № 7; 6 – курган № 6; 7 – курган № 83;
 8 – курган № 28; 9 – курган № 12; 10, 31 – курган № 47; 11 – курган № 90; 12, 19, 21 – курган № 24; 13 – курган № 94; 14, 15, 17 – курган № 80; 18 – курган № 23; 20, 22, 29 – курган № 94; 24 – курган № 11; 25 – курган № 19; 28 – курган № 84; 30 – курган № 3.
 1–8, 16–21 – бронза; 9–13 – железо; 14, 15 – камень; 22–31 – керамика.

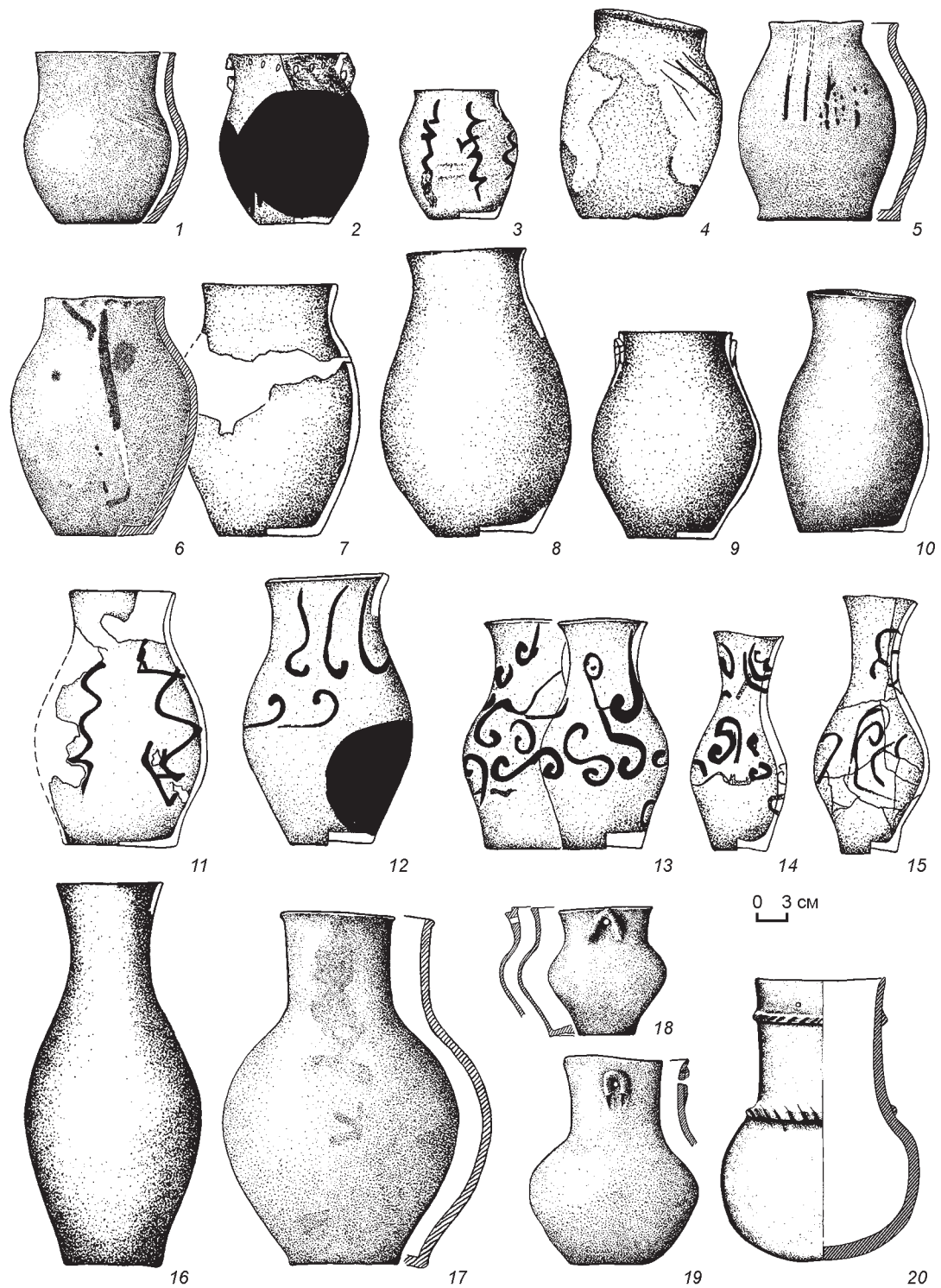


Рис. 10. Керамический комплекс из курганов пазырыкской культуры (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.).
 1 – курган № 81; 2, 12 – курган № 47; 3 – курган № 21; 4 – курган № 72; 5, 19 – курган № 89; 6 – курган № 80; 7 – курган № 6; 8 – курган № 21; 9 – курган № 8; 10 – курган № 42; 11 – курган № 24; 13 – курган № 12; 14, 15 – курган № 73; 16 – курган № 62; 17, 18 – курган № 92; 20 – курган № 88.

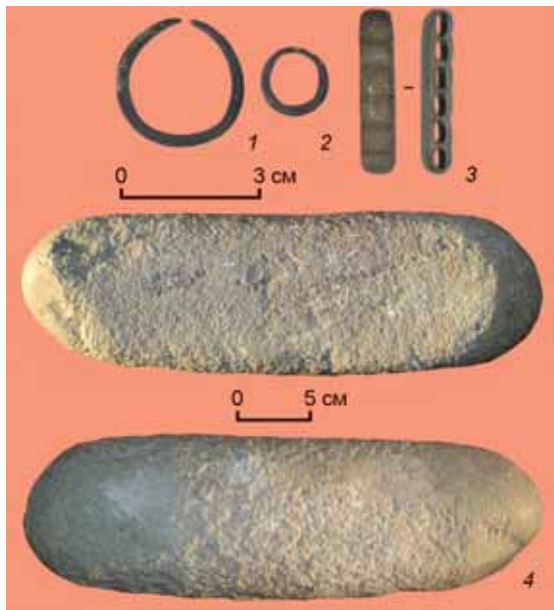


Рис. 11. Бронзовые и каменные изделия бийкенской культуры из курганов № 74 (4) и № 97 (1–3).
1, 2 – серьги; 3 – поясная обойма; 4 – курант.



Рис. 13. Бронзовый и костяной инвентарь из коллективного погребения пазырыкской культуры в кургане № 89.
1 – нож; 2 – поясная бляха; 3 – кинжал; 4 – поясная обойма; 5 – наконечник стрелы; 6 – колчаный крюк; 7 – фрагмент колокольчика-подвески; 8 – ворворка.

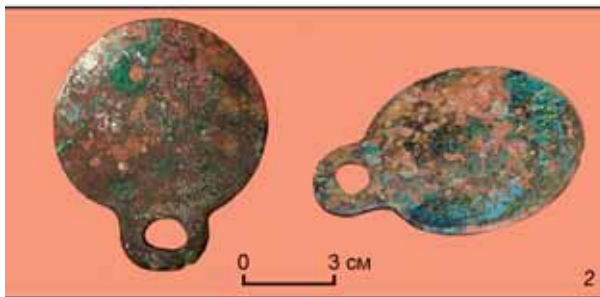
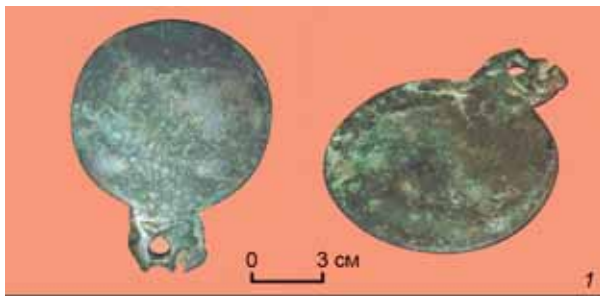


Рис. 12. Металлические зеркала пазырыкской культуры из курганов № 2 (1), № 80 (2), № 94 (3).



Рис. 14. Бронзовые ножи и вотивный кинжал пазырыкской культуры из курганов № 84 (1), № 83 (2), № 93 (3), № 82 (4).



Рис. 15. Инвентарь пазырыкской культуры из кургана № 88. 1 – бронзовый чекан с деревянной рукоятью; 2, 3, 4 – костяные наконечники стрел.

зательные изделия и комплексы обнаруженных предметов. Кроме этого, следует еще раз подчеркнуть, что курганный могильник Тыткескень VI является одним из базовых памятников рядового населения скифо-сакского времени Северного Алтая, который имеет принципиальную важность для относительной датировки погребальных комплексов бийкенской и пазырыкской культур, а также для осуществления различного рода археологических и палеоантропологических реконструкций. Все материалы, полученные в ходе раскопок 2006 г., а также обобщения предыдущих результатов исследований на погребально-поминальном комплексе Тыткескень VI найдут полное отражение в готовящейся монографии.

Список литературы

- Завитухина М.П.** Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 61–76.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С.** Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. I. – С. 353–357.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Ч. 3:



Рис. 16. Керамическая посуда пазырыкской культуры из курганов № 94 (1), № 88 (2), № 92 (3, 6), № 89 (4, 5).

Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. – 292 с.: ил.

- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.** Признаки погребального обряда скифских памятников Средней Катуня // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – С. 102–106.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – 234 с.: ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.: ил.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 219 с.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В.** Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуня. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43–95.

- Кубарев В.Д., Кочеев А.В.** Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982-х гг. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 90–109.
- Кунгуров А.Л., Матренин С.С.** Коллективное погребение пазырыкской культуры из могильника Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – Вып. 16. – С. 117–122.
- Могильников В.А., Суразаков А.С.** Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. – 1980. – № 2. – С. 180–191.
- Могильников В.А., Суразаков А.С.** Раскопки памятников Ябоган III // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. – Вып. 1. – С. 26–63.
- Степанова Н.Ф.** Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 54–69.
- Степанова Н.Ф.** Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2000. – 25 с.
- Степанова Н.Ф., Неверов С.В.** Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 11–24.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1988. – 214 с.
- Суразаков А.С.** Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Изв. лаборатории археологии / Горно-Алтайск. гос. ун-т. – 1997. – № 2. – С. 85–93.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А.** Памятник Кызык-Телань-I в Горном Алтае и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 191–198.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А.** Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. – Барнаул: Азбука, 2007. – 232 с.: ил.
- Тишкин А.А.** Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1996. – 28 с.
- Тишкин А.А.** О соотношении бийкенской и маймирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 164–166.
- Тишкин А.А.** Проблемы выделения керамического материала раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 2005. – Т. 2. – С. 169–178.
- Тишкин А.А.** Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007а. – 356 с.
- Тишкин А.А.** Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007б. – Вып. 3. – С. 146–158.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 200 с. + вкл.
- Тишкин А.А., Леонова И.Ю.** Особенности погребальных конструкций бийкенской культуры и их семантика // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 363–371.
- Тишкин А.А., Леонова И.Ю.** Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Изд-во Дон. нац. ун-та, 2005. – Т. 2. – С. 279–294.
- Тишкин А.А., Матренин С.С.** Курганы бийкенской культуры на памятнике Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 109–116.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Семибратов В.П.** Радиоуглеродная датировка курганов пазырыкской культуры Северного Алтая (по результатам работ Катунской экспедиции АлтГУ в 2007 г.) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. 5. – С. 56–65.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н.** Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.
- Тур С.С.** Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – С. 136–147.
- Тур С.С.** Антропологический состав населения Средней Катуни скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – С. 137–169.
- Хаврин С.В.** Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. 1: Раннескифское время. – С. 173–178.
- Худяков Ю.С.** Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии / Горно-Алтайск гос. ун-т. – 1998. – № 3. – С. 97–112.
- Шелепова Е.В.** Некоторые результаты изучения ритуальных объектов на памятнике Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – Вып. 16. – С. 136–142.
- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. 1: Раннескифское время. – 276 с.

О.В. Ковалева

*Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия*

ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПРЕДМЕТАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Не секрет, что искусство скифского времени многообразно и не ограничивается только предметами мелкой пластики и наскальными рисунками. Благодаря погребениям с мерзлотой мы также знаем, что оно представлено аппликациями и резьбой по дереву. Но есть еще одна грань скифского искусства, на которой хотелось бы заострить внимание. Это гравированные изображения на различных предметах. Среди них широко известны изображения на бронзовых зеркалах. Такие, например, как гравировки на зеркале из кургана № 2 могильника Мажалык-Ховузу [Грач, 1980], зеркале из Аймырлыга [Мандельштам, 1992] и др.

Гораздо менее известны изображения на бронзовых ножах и других предметах. Особенно много их происходит с территории Минусинской котловины. Всем известна коллекция «тагарских бронз» Минусинского музея. На некоторых предметах из этого собрания нанесены гравированные изображения (около 100).

Условно гравировки можно разделить на две основные группы – это орнаменты и изображения в зверином стиле.

Гравированные орнаменты состоят из различных комбинаций треугольников, ромбов, косых крестов и заштрихованных полосок. Они наносились тончайшими резными линиями на рукоятки бронзовых ножей определенных типов. Обычно это пластинчатые

ножи коленчатого типа с расширяющейся сверху или заканчивающейся большим кольцом рукояткой. Ножи с кольцом немного длиннее и уже, чем трапециевидные, но в целом они представляют собой один и тот же тип (рис. 1).

Чаще всего на этих ножах местами сохранился тонкий серебристый слой или налет – это остатки оловянной полуды (рис. 2). На сегодняшний день полуда сохранилась в потускневшем виде, в свое же время луженые бронзовые и медные ножи имели блеск серебра.

Судя по сохранившейся полуде, предмет покрывали почти полностью, иногда оставляя без полуды небольшую полоску на рукояти. Верхнюю часть декорировали орнаментом. В местах, где наносилась гравировка, нарушался тонкий слой олова и проступал золотистый цвет бронзы

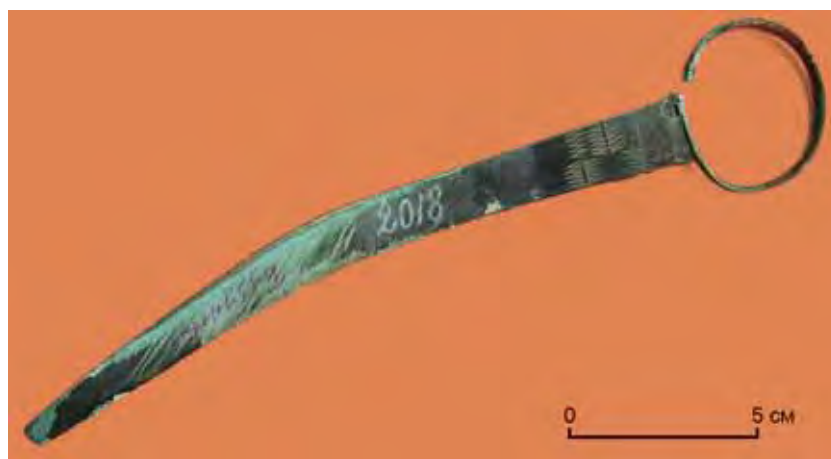


Рис. 1. Бронзовый нож с геометрическими гравировками (Минусинский музей, № 2018).



Рис. 2. Бронзовый нож, покрытый полудой (Минусинский музей, № 3641).

(или меди). Таким способом достигалось эффектное сочетание двух цветов.

Небрежность нанесения некоторых гравировок позволила Н.Л. Членовой высказать мысль о том, что гравировки могли наноситься владельцами ножей и не иметь никакого отношения к первоначальному замыслу мастера [1970, с. 191]. Такой вариант исключается, т.к. большинство подобных предметов покрыты оловом, а это уже специальная технология и общая тенденция определенного хронологического периода тагарской культуры, так как все ножи этого типа уверенно датируются V–IV вв. до н.э. Их находят в составе комплексов сарагашенского типа тагарской культуры.

В то время как основной характеристикой металла из Минусинской котловины является наличие в значительном количестве мышьяка (в ассоциации с сурьмой), что обусловлено его высоким содержанием в местной руде, то в сарагашенский период почти все изделия легированы оловом [Сунчугашев, 1975, с. 52–53; Хаврин, 2007, с. 116]. Еще Б.Н. Пяткин отмечал, что, как и в карасукское время, в сарагашенский период появляются оловянистые бронзы, причем по химическому составу они мало чем отличаются от карасукских. «Основной тип сплава – мышьяковистая бронза, бытующая приблизительно до середины тагарской эпохи, а около V в. до н.э. опять в изделиях появляется олово в концентрации до 15 %» [1977, с. 32]. Любопытно, что в Минусинской котловине, так же как в ближайшем регионе, месторождений олова до сих пор не найдено. Наиболее часто высказывается точка зрения о ее импортном происхождении как в тагарский, так и карасукский период.

Кроме состава металла еще одна особенность сближает тагарские бронзы V в. до н.э. с традициями карасукского периода – это описанный выше характер гравированного орнамента. Комбинации из заштрихованных треугольников, прочерченных линий, ромбов и косых крестов были широко распространены в эпоху поздней бронзы. Эти орнаменты можно встретить на многих предметах этого периода. Причем некоторые из них также нанесены с помощью гравировок. Вспомним хотя бы торгажакские гальки, гребень из карасукского могильника Июсский (к. 7, м. 2), орнамен-

тированный композицией из нескольких рядов треугольных фестонов, заполненных сеткой и горизонтальным зигзагом [Поляков, 2005, с. 107, рис. 1–3]. Этот мотив встречается на сосудах карасукской культуры [Грязнов, 1966, рис. 10, 11]. Отдельные его элементы могут быть прослежены на гальках из поселения Торгажак [Савинов, 1996, табл. XX–XXXIX].

Сама коленчатая форма тагарских ножей говорит о возрождении каких-то древних карасукских традиций, реминисценции которых ярко проявились в V–IV вв. до н.э. Об этом упоминала еще Н.Л. Членова в своей монументальной работе, посвященной тагарской культуре. Вместе с этим она также отмечала, что в V–IV вв. до н.э. наряду с карасукскими традициями в искусстве проследивается влияние со стороны Алтая – в «минусинской» бронзе появляется «алтайский» звериный стиль [1970, с. 191, 192]. В этой связи будет уместно рассказать об одной находке из Минусинской котловины, которая перебросит еще раз небольшой мостик между традициями скифского Алтая и эпохой поздней бронзы Минусинской котловины.

На территории разрушающегося Красноярским водохранилищем карасукского могильника был обнаружен бронзовый каркас ножен (рис. 3). Он представлял собой пластину подтреугольной формы длиной около 19 см с трапециевидным расширением снизу. В средней части пустое пространство образует паз под лезвие ножа. Внешняя сторона декорирована имитациями заклепок с грибовидными шляпками, рядами полосок и равнобедренными треугольниками. Орнамент сохранил следы использования белой пасты, при-

менявшейся при раскрашивании декоративных деталей. Подобные ножны, но без орнамента были найдены при раскопках карасукского могильника Кюргинер-1 (раскопки Грязнова М.П.) [Вадецкая, 1986, с. 68]. Вероятно, изображения таких предметов с трапециевидным расширением книзу можно встретить и на оленных камнях.

Продолжение этой традиции внезапно всплывает в пазырыкской культуре. Там в мерзлотных захоронениях (Верхний Кальджин-2, раскопки В.И. Молодина; могильник Ак-Алаха-1, раскопки Н.В. Полосьмак) найдены деревянные каркасы ножен под скифские кинжалы [Молодин, Полосьмак, Чикишева, 2000, с. 110, рис. 136; Полосьмак, 2001, с. 60, рис. 38]. Алтайские ножны вырезались из цельного куска дерева и окрашивались в красный цвет. Они закрывались куском толстой кожи, выкроенной по форме деревянной части [Соловьев, 2003, с. 58, рис. 13, 15]. Карасукский бронзовый каркас, вероятно, оформлялся подобным способом. И хотя сама форма скифского изделия претерпела значительные изменения, в ней хорошо прослеживается карасукский прототип. Удлиненная, слегка расширяющаяся нижняя часть, а также декоративная отделка лицевой стороны, оформленная гипертрофированно увеличенными имитациями клепок с грибовидными шляпками – все это берет начало в карасукской традиции.

Дополняет карасукские реминисценции еще один элемент декора, имеющий прямое отношение к гравированным изображениям второго типа. Как уже отмечалась, гравировки второго типа представлены рисунками в зверином стиле. В подавляющем большинстве они встречаются на ножах с прямым или слегка изогнутым обушком с сегментовидным овальным или маленьким круглым отверстием на рукояти (в редких случаях гравировки в зверином стиле встречаются и на других предметах).

Как и описываемые выше коленчатые ножи, эта группа предметов встречается также в погребениях сарагашенского этапа (иногда они встречаются вместе), и, следовательно, они также датируются V–IV вв. до н.э. Стоит только отметить, что большинство ножей, найденных в могилах, не декорированы изображениями. Чаще всего это случайные находки.

Обычно декор в зверином стиле наносился глубокими прорезными линиями у основания рукояти. Наиболее распространены изображения грифонов и оленей. Реже встречаются изображения хищников (рис. 4), и совсем единичны рисунки быков. Стиль подобных изображений был интерпретирован Н.Л. Членовой как алтайский звериный стиль, и по ее мнению, сложился под влиянием со стороны племен Алтая [1970, с. 183]. Нередко в таких глубоко вырезанных изображениях сохраняются остатки белой пасты, первоначально заполнявшей все линии рисунка. Этот декоративный прием получил широкое распро-



►
Рис. 3. Бронзовый каркас ножен периода поздней бронзы (Минусинский музей, № 12535).

▼
Рис. 4. Бронзовый нож с резным изображением хищного животного (Минусинский музей, № 9993-1).



странение еще в эпоху поздней бронзы. Паста использовалась для того чтобы выделить элемент орнамента на однородной поверхности. С помощью такого приема достигалась наибольшая выразительность художественных средств. Особенно нарядно смотрелся раскрашенный белой пастой орнамент на поверхности чернolощеной керамики.

Как и в случае с гравировками первого типа, так и с изображениями в зверином стиле, два различных декоративных приема преследовали одну и ту же цель – использование в декоре противопоставления двух цветов. Этот прием не является чем-то принципиально новым. Пожалуй, еще с эпохи неолита можно встретить подобные эксперименты. Но само сочетание элементов – орнамент, белая паста, другие декоративные детали (имитации клепок и шнура) и сама форма предметов заставляют обратить внимание именно на эпоху поздней бронзы.

Примечательно, что традиция эта получила новый импульс именно в V–IV вв. до н.э., спустя несколько столетий. И любопытным является и тот факт, что именно этот период является периодом появления и расцвета пазырыкской культуры Алтая, оказавшей значительное влияние на искусство сарагашенского этапа тагарской культуры Минусинской котловины.

Не претендуя на какие-либо глобальные выводы, здесь отмечаются лишь любопытные совпадения, замеченные при исследовании этой темы. Характер этих совпадений еще предстоит выяснить в будущем.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 168 с.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** О чернolощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы // КСИА. – 1966. – Вып. 108. – С. 31–34.
- Мандельштам А.М.** Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178–196.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. и др.** Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФО-ЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Поляков А.В.** Гребни из комплексов карасукской культуры // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 102–111.
- Пяткин Б.Н.** Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1977. – С. 22–33. – (Изв. Лаборатории археологических исследований; вып. 9).
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии: Торгажак. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 112 с.
- Сунчугашев Я.И.** Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. – М.: Наука, 1975. – 170 с.
- Хаврин С.В.** Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Культ-информ-пресс, 2007. – С. 115–122.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

С.А. Комиссаров

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

КУЛЬТУРА ЧАХУХУ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА ТЕРРИТОРИИ СИНЬЦЗЯНА (КНР)*

Благодаря интенсивному археологическому поиску последних десятилетий на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР выявлены многочисленные памятники, по ряду признаков сходные со скифо-сакскими культурами степных и предгорных районов Евразии. Наиболее ранние из них относятся к культуре чауху, охватывающей обширный район Южного Притяньшанья. На наш взгляд, именно ее памятники не только в территориальном, но и в историко-культурном аспекте занимают центральное место среди других культур раннего железного века в Синьцзяне, большая часть которых связана с ней прямо или опосредованно. Название «чауху» происходит от группы из пяти могильников в урочище Чаухугоукоу, большинство из которых относится к скифской эпохе**.

Раскопки велись во второй половине 1980-х гг. силами как Института археологии АОН КНР [Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ, 1995а, б; Цун Дэсинь, Хэ Дэсю, Чэнь Гэ, 1997], так и Института археологии и материальной культуры СУАР, который подготовил монографическую публикацию [Синьцзян чауху..., 1999]. Собственно «скифских» элементов выявлено не так много, но они представительны и носят системный, а не случайный характер, соответствуя классической «триаде»: биметаллический акинак, бронзовый втульчатый клевец, трехгранные втульчатые наконечники стрел, бронзовые стремячковидные

удила, костяные трехдырчатые псалии, бронзовые зеркала и бляхи с узором в «зверином стиле». К данной культуре неоднократно обращались отечественные специалисты (см.: [Худяков, Комиссаров, 2002]), в том числе на монографическом уровне ее недавно исследовал П.И. Шульга [2010]. Это дает нам возможность не останавливаться подробно на презентации уже известных материалов, а обратиться к ряду дискуссионных вопросов, связанных с датировкой и происхождением чауху.

Хронология культуры чауху определялась в основном по данным радиоуглеродного анализа. Представительная серия дат позволила авторам раскопок предварительно датировать весь комплекс обширным периодом 1000–500 гг. до н. э. В развитии чауху выделяется четыре основных этапа при сохранении значительного единообразия инвентаря на протяжении нескольких веков (рис. 1). Авторы монографии основывались, в первую очередь, на конструкции погребальных камер и надмогильных сооружений; планиграфические и стратиграфические данные подтверждают предложенное деление. В погребальном обряде отмечено большое разнообразие, что, очевидно, связано с многокомпонентностью этой культуры. В качестве особого локального варианта выделяются материалы могильника Цюньбакэ (Чунбак) (рис. 2) в соседнем уезде Луньтай, которые отличаются от чаухуской группы по обряду захоронения (грунтовые ямы, часто с небольшими дромосами, одна или чаще несколько камер под земляными насыпями, камень практически не используется), но очень близки по инвентарю [Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ, 1995б; Цун Дэсинь, Чэнь Гэ, 1997].

*Материалы по оленным камням Синьцзяна, вошедшие в данную статью, выявлены и изучены в рамках проекта РГНФ, грант № 11-01-00489а.

**Кроме могильника Чауху-3, который датирован хуннским временем (см.: [Комиссаров, Поздняков, 2004]).

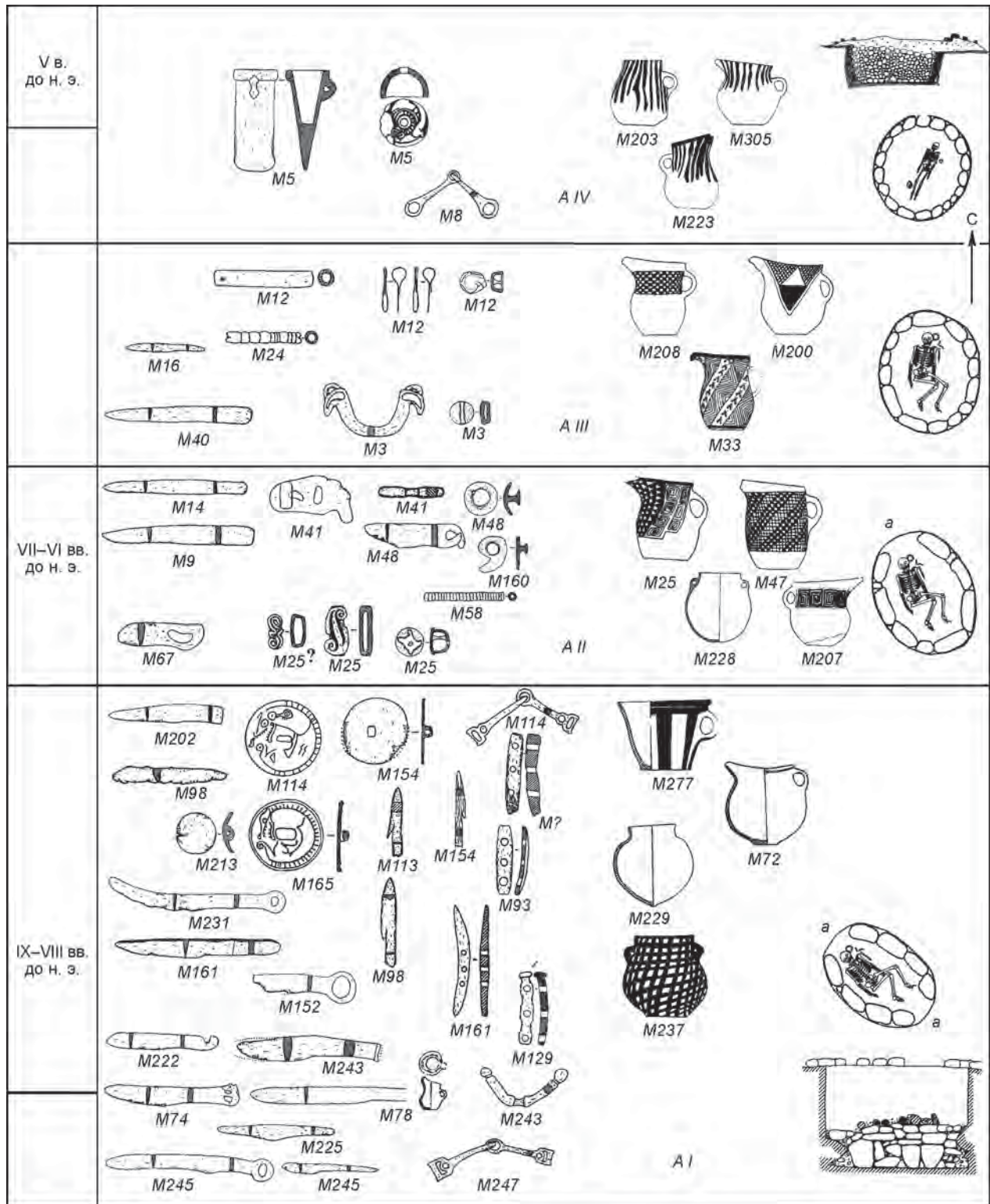


Рис. 1. Схема поэтапного развития культуры чауху. При составлении этой схемы мы опирались на разработку П.И. Шульги [2010, с. 150–151], в которую внесли ряд корректирующих материалов, взятых из монографической публикации памятника [Синьязян Чауху, 1999, passim]. Приносим свою благодарность Д.П. Шульге за помощь в оформлении этой таблицы.

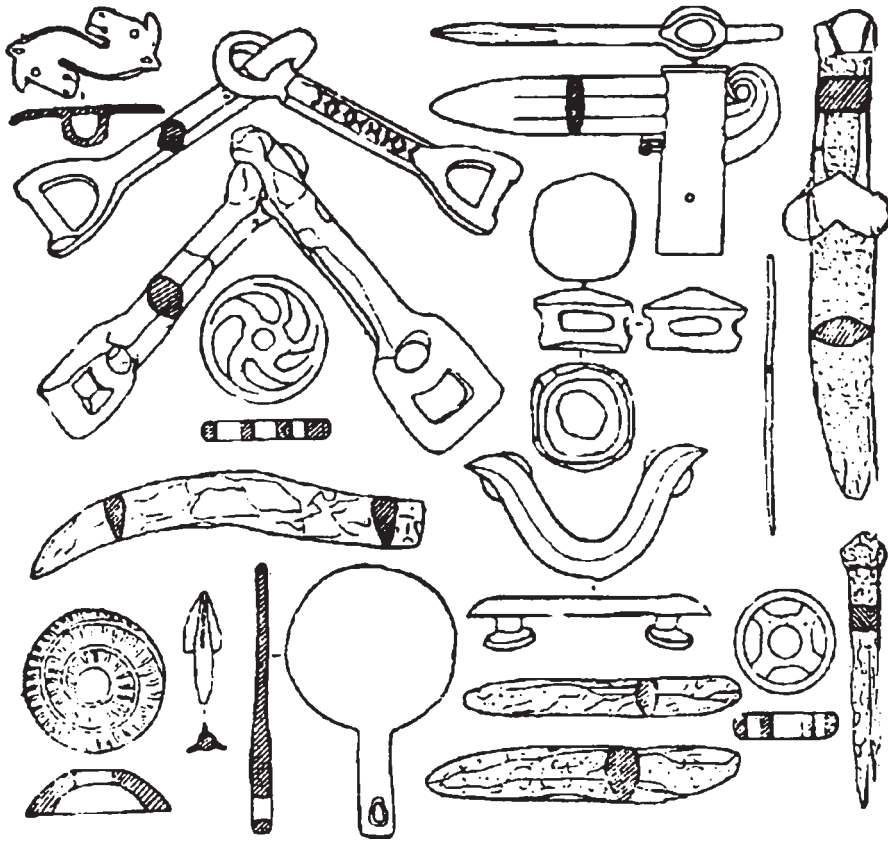


Рис. 2. Бронзовые и железные изделия из могильника Цюньбакэ (Чунбак) (по: [Цун Дэсинь, Чэнь Гэ, 1997, с. 290]).

Для отдельных памятников в районе Кызыльского водохранилища, в целом не отличающихся от чауху, приводятся более ранние даты, уходящие в X и даже XI вв. до н.э. [Чжан Пин, Чжан Тенань, 1999], что соответствует общей тенденции удревнения эпохи раннего железного века во всем регионе Центральной Азии и Южной Сибири, но нуждается в дополнительном тщательном изучении. Возможность привязать датировку могильника к реальной хронологической шкале дает находка бронзовых зеркал на могильнике Чауху-4 (рис. 3). Стилистически они близки зеркалу с изображениями «зубастых» зверей, преследующих оленя, найденному в могиле № 1612 в Шанцуньлине (рис. 4). Аналогии можно распространить и на сюжет, в котором мы видим символическое изображение важнейшего небесного события – солнечного затмения. На зеркалах из Чауху вписанный в круг хищник как бы глотает и снова изрыгает зеркало-солнце



Рис. 3. Бронзовое зеркало из могилы М165 в Чауху-4 (по: [Синьцзян Чауху..., 1999, цв. ил. 9, 4]).

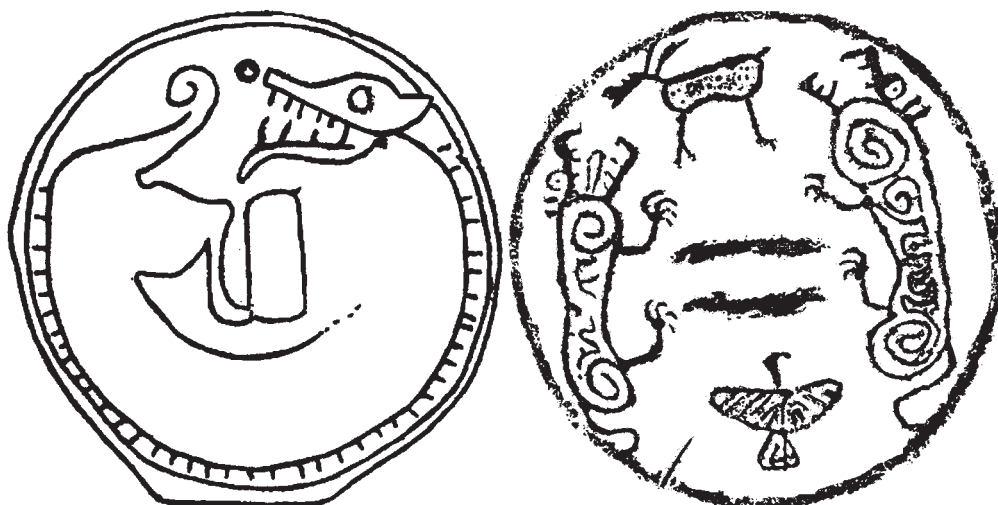


Рис. 4. «Зубастые звери» из Чуху-4 и Шанцуньлина (по: [Синьцзян Чауху., 1999, с. 140, ил. 98, 15; Шанцуньлин..., 1959, с. 27, ил. 31]).

(см.: [Ларичев, Комиссаров, 2002]), тогда как на экземпляре из Шанцуньлина изображена «небесная» охота, когда хищники преследуют и убивают (терзают) солнечного оленя – сюжет, широко распространенный прежде всего в индоевропейской мифологии.

Шанцуньлинский некрополь связан с государством Северное Го, а большинство захоронений на нем совершено в период правления чжоуского Сюань-вана (827–782 гг. до н.э.) (см.: [Комиссаров, 1985]). Таким образом, конец IX в. до н.э. может служить реперной датой для разработки дальнейшей хронологии культуры чауху. В любом случае она представляет одну из наиболее ранних культур скифского мира, и ее характеристики следует учитывать при рассмотрении проблемы генезиса этого культурного феномена. По ряду признаков (состав стада, характер инвентаря и т.д.) именно с чауху можно связать начало кочевого хозяйствования на территории Синьцзяна (очевидно, вертикальный тип кочевания) [Komissarov, 2007], хотя часть чаухусцев продолжала заниматься земледелием.

В связи с предложенным сопоставлением для бронзовых зеркал следует остановиться на еще одной важной проблеме. В свое время А.В. Варенов [1984, с. 47–48] в качестве точной композиционно-стилистической аналогии для рисунка на зеркале из Шанцуньлина указал на оленный камень № 15 из Ушкийн-Увэра (Монголия), на котором изображена сцена терзания коня (?) двумя зубастыми хищниками [Волков, Новгородова,

1975, с. 81–82]*. В Синьцзяне выявлено немало оленных камней, но они в основном сконцентрированы в районе Алтая [Ван Бо, 1995], пока лишь единственная небольшая группа известна в Южном Притяньшанье, и нигде их не находили вместе с памятниками чаухусского типа. Оленные камни представляют собой одну из наиболее заметных, эффектных категорий памятников раннескифского времени; ряд исследователей не без оснований связывают с ней происхождение скифской культуры в целом. Однако это была традиция, отличная от культуры чауху, хотя и имевшая с ней какие-то контакты, характер которых еще предстоит выяснить.

Среди важных факторов, определивших становление скифских культур Синьцзяна, в первую очередь, чауху, в историографии (как российской, так и китайской) принято выделять влияние расписной керамики чустской культуры Ферганы (см.: [Антонова, 1984; Заднепровский, 1992; Хань Цзянь, 2007, с. 113–115; и др.]). Последняя датируется периодом с XV–XIV по IX–VIII вв. до н. э., возможно, до VII в. до н.э. [Заднепровский, 1997, с. 77; Рузанов, 1999, с. 35], то есть могла как выступать предшественницей чауху, так и развиваться параллельно. Мы специально выбрали наиболее представительные расписные со-

*В настоящее время этот оленный камень сильно поврежден; в частности, вместо двух зубастых хищников сохранилось изображение только одного из них (см.: [Takahama, 2008]).

суды раннего этапа чауху (рис. 5, 6), чтобы сопоставить их с опубликованной керамикой чустских поселений (рис. 7, 8). На наш взгляд, речь может идти (во всяком случае, на данном этапе исследования, на основе тех материалов, которыми мы располагаем) лишь об общем культурном контексте, а не о конкретных типологических сопоставлениях; не удастся выделить ни совпадающих форм керамики или орнамента, ни проследить

позатпно их возможную эволюцию от чустских прототипов к чахуским законченным формам. На наш взгляд, констатация такого влияния имеет скорее историографическое, а не типологическое обоснование. В свое время С.В. Киселев [1960, с. 251–253] в работе «Неолит и бронзовый век Китая», оказавшей огромное влияние на последующее восприятие китайских археологических материалов в России, постулировал «прямую связь»



Рис. 5. Керамика раннего этапа (AI) из могильников группы Чауху (по: [Синьцзян Чауху..., 1999, с. 100–101]).



Рис. 6. Керамика раннего этапа (AI) из группы могильников Чауху (по: [Синьцзян Чауху..., 1999, с. 116, 125, 133]).

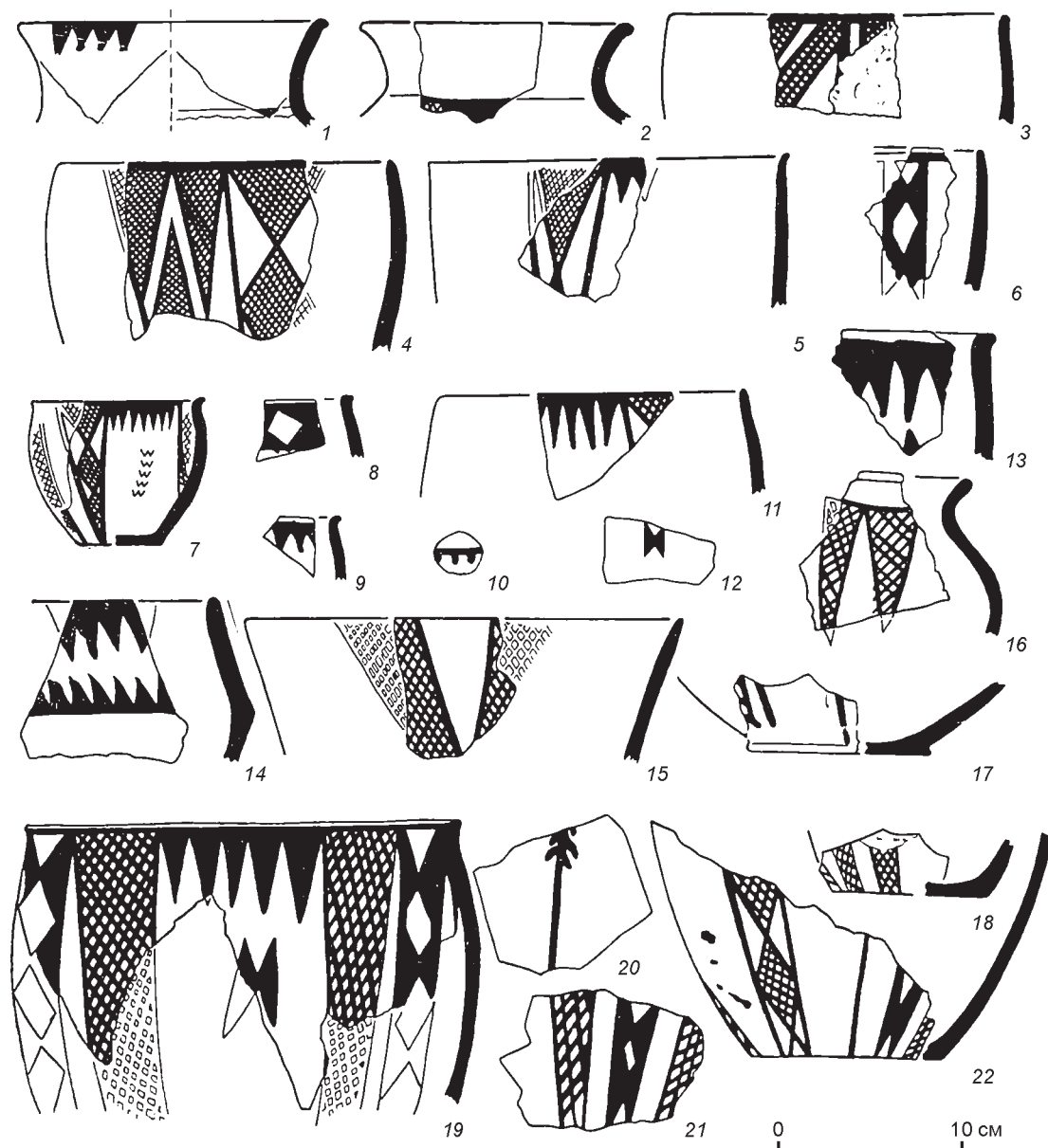


Рис. 7. Расписная керамика с поселения чувской культуры Ашкал-Тепе (по: [Заднепровский, 1962, табл. XXXI]).

находок на поселениях Чуст и Дальверзин с единичными керамическими сосудами из Синьцзяна; эта установка была закреплена первооткрывателем чувской культуры Ю.А. Заднепровским [1962, с. 107], который, правда, осторожно писал лишь о «некоторой близости», и вошла в историографию. Впрочем, на уровне именно некоторой близости такое сопоставление вполне допустимо, но, возможно, контакты носили не прямой, а опосредованный характер. В той же работе Ю.А. Заднепровский справедливо отмечает куда большую близость ферганской керамики эпохи

поздней бронзы к «комплексу расписной керамики периода Машань» (то есть мачан). Перспективным может оказаться и сопоставление с материалами выделенной сравнительно недавно культуры сыба, которая существовала на территории провинции Ганьсу в XIX–XIV вв. до н.э. [Ли Шуйчэн, Шуй Тао, 2000] и оказала заметное влияние на последующие культуры.

Нельзя также полностью исключить возможность того, что создатели культуры чауху в какой-то мере самостоятельно повторили способ освоения новых способов и мотивов орнамента-

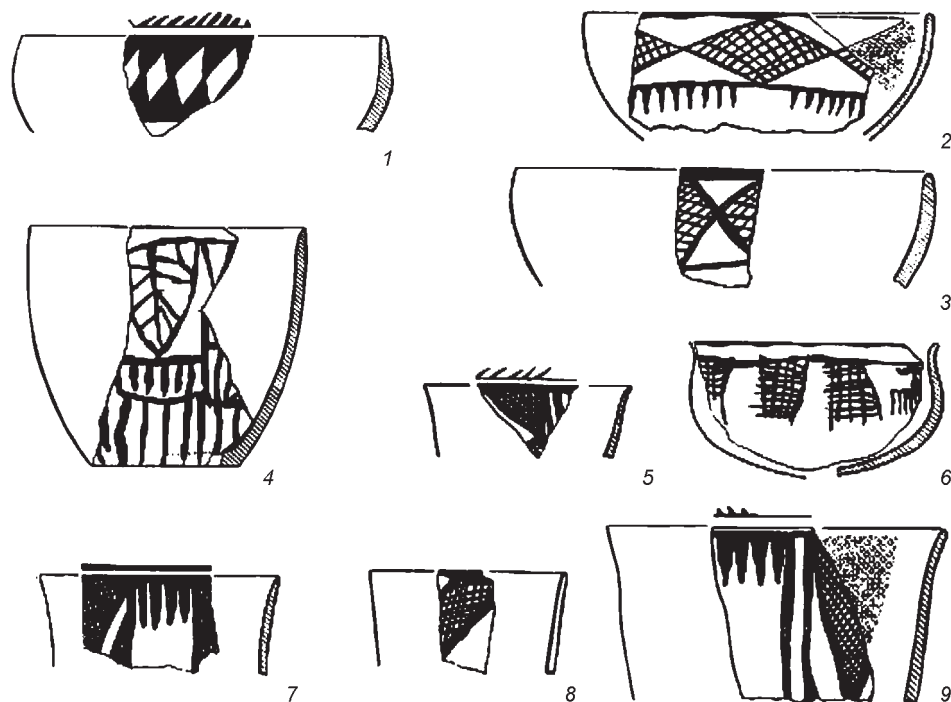


Рис. 8. Керамика с Чустского поселения (по: [Матбабаев, 1984, с. 244, рис. 3]).

ции, который прошло и древнее население Ферганы. Как писал М.П. Грязнов [1968, с. 67], орнаментация части чустской керамики «несомненно, заимствована либо с посуды степных скотоводческих племен культуры карасукского типа, либо с других изделий тех же племен. Во всяком случае характерные для чустской керамики узоры в виде длинных заштрихованных свисающих фестонов, иногда с точками по углам, очень похожи на соответствующую орнаментацию керамики карасукского типа в Казахстане и на Верхней Оби...». Сходная керамика бегазы-дандыбаевского облика проникала и на территорию Синьцзяна [Молодин, 1998]*. В этом отношении привлекают материалы из могильника Байлэцир (Балчир), уезд Хэцзин, отнесенного к раннему этапу культуры чауху. Раскопанное там одно вторичное захоронение в грунтовой яме в качестве погребального инвентаря содержало сосуд сферической формы, бронзовые нож и шило (рис. 9, 2–4), а в

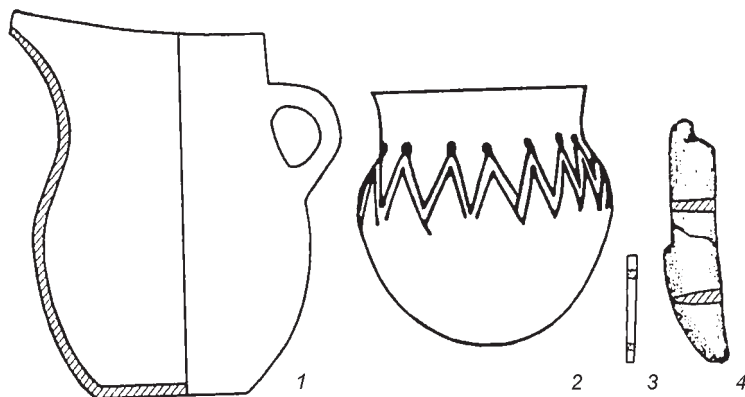


Рис. 9. Находки в насыпи (1) и в могиле (2–4) захоронения М 203 в Балчир (по: [Чжоу Цзинли, Ван Цзунлэй, 1999]).

перекрывавшей могилу насыпи выявлены кости лошади и типичный чаухуский «стакан» со сливом (рис. 9, 1). Узор на сосуде из могилы в виде идущего через плечики двойного прочерченного зигзага с «жемчужинами» в вершинах имеет соответствия в орнаментации бегазы-дандыбаевской керамики, однако нельзя полностью исключить карасукские и ирменские аналогии. Этому периоду в целом соответствует и форма бронзового ножа [Чжоу Цзиньлин, Ван Цзунлэй, 1999, с. 36, 49, 50]. Такое территориально-

*См. также статью Ван Вэя, У Синьхуа в данном сборнике.

хронологическое соприкосновение комплекса эпохи поздней бронзы с самой ранней из известных в настоящее время культур скифского облика может стать одним из существенных аргументов при определении возможных источников генезиса последней.

На финальном этапе носители культуры чауху приняли участие в формировании ряда более поздних, вплоть до рубежа эр, памятников (Цзагуньлук, Кулан-Сарык и др.), а также культуры субэйси (субаш) VI–III вв. до н.э., центр которой локализован в Турфане. В субаш сохраняется расписная керамика, однако ее постепенно вытесняют деревянные и роговые, а также кожаные сосуды, что, возможно, свидетельствует о большей мобильности носителей этой культуры. В литературе уже отмечалось существенное, на уровне этнографически значимых характеристик сходство между субаш и пазырыком, что свидетельствует о их возможной «этнической однородности» [Полосьмак, 1998]. Большинство китайских археологов связывают культуру субаш с народом гуши (цзюйши), о котором упоминается в ханьских летописях [Лю Хунлян, Абулиму, 1995, с. 214; Люй Эньго, Го Цзяньго, 1997, с. 168]. Фонетическое сходство этого названия с известным этнонимом «кушаны»* (гуйшуан как одно из племен в составе «больших юэчжи»**), очевидно, может служить одним из аргументов при обсуждении юэчжуйской атрибуции пазырыкской культуры, которую предлагали многие ученые (см.: [Руденко, 1960, с. 339; Савинов, 1993, с. 132; Самашев, 2011, с. 45]). В предыдущих публикациях автор считал возможным противопоставлять племена юэчжей и гуши (см., напр.: [Молодин, Комиссаров, 2001, с. 287–288]), однако в настоящее время, с учетом близости географического распространения этих исторических народов по

данным китайских летописей, мы считаем более перспективным изучить возможность их взаимодействия и взаимопроникновения.

Отдельную группу составляют сакские памятники долины р. Или, которые тесно связаны со смежными культурами Казахстана и Киргизии (см.: [Сутягина, 2010]). Проблема их контактов с культурой чауху – задача для самостоятельного будущего исследования.

Список литературы

- Антонова Е.В.** Несколько заметок о первобытной археологии Синьцзяна // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. – М., 1984. – С. 55–60.
- Ван Бо.** Обзор оленных камней Синьцзяна // Каогусюэ цзи кань. – 1995. – № 9. – С. 239–260 (на кит. яз.).
- Варенов А.В.** О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. – Новосибирск, 1984. – С. 42–51.
- Волков В.В., Новгородова Э.А.** Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 78–84.
- Грязнов М.П.** Бронзовый век // История Киргизской ССР. – Фрунзе, 1968. – Т. 1. – С. 55–67.
- Заднепровский Ю.А.** Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 328 с. – (МИА; № 118).
- Заднепровский Ю.А.** Новая археологическая культура ранних кочевников Восточного Тяньшаня (могильник Чаухууго, Кунбак и другие) // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб., 1992. – С. 94–96.
- Заднепровский Ю.А.** Ошское поселение: к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. – Бишкек: Мурас, 1997. – 172 с.: ил.
- Киселев С.В.** Неолит и бронзовый век Китая: (По материалам научной командировки в КНР) // СА. – 1960. – № 4. – С. 244–266.
- Комиссаров С.А.** Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия. – М., 1985. – С. 3–12.
- Комиссаров С.А., Поздняков Д.В.** Антропологические и культурные характеристики могильника Чауху-3, Восточный Туркестан (Синьцзян) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: сб. науч. тр. – Барнаул, 2004. – С. 289–293.
- Ларичев В.Е., Комиссаров С.А.** Дракониеский мир, драконическое время (к проблеме семантики свернувшегося кольцом зверя) // История и культура Востока Азии. – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – С. 181–192.
- Ли Шуйчэн, Шуй Тао.** Исследование бронзовых изделий культуры сыба // Вэньу. – 2000. – № 3. – С. 36–44 (на кит. яз.).
- Лю Хунлян, Абулиму.** Краткий отчет о раскопках древнего могильника Субашэ, уезд Шаньшань // Синьцзян вэньу

*На возможность такого сопоставления нам указал д. и. н. П.Б. Коновалов, за что приносим ему свою искреннюю благодарность.

**В современной китайской литературе более принято толкование первого иероглифа как «жоу» (мясо) [Ян Цзяньсинь, 1986]. Превращение данного этноса из романтических «юэчжи» (возможный перевод как «лунное племя») в прозаических «жоучжи» (мясоедов), очевидно, больше соответствует реалиям кочевого быта. Однако и у прежнего написания/чтения есть серьезные историографические основания, поэтому полностью отказываться от него мы считаем преждевременным.

- каогу синь шоухоу (Новые результаты по археологии и памятникам материальной культуры Синьцзяна): 1979–1989. – Урумчи, 1995. – С. 205–215 (на кит. яз.).
- Люй Эньго, Го Цзяньго.** Могильник № 3 в группе могильников Субэйси, уезд Шаньшань // Синьцзян вэньу каогу синь шоухоу (сюй) (Новые результаты по археологии и памятникам материальной культуры Синьцзяна (продолжение)): 1990–1996. – Урумчи, 1997. – С. 150–170 (на кит. яз.).
- Матбабаев Б.Х.** Новые исследования на Чустском поселении (Фергана) // СА. – 1984. – № 4. – С. 241–245.
- Молодин В.И.** Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы VI Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 286–289.
- Молодин В.И., Комиссаров С.А.** Соотношение древних культур Восточного Туркестана и Сибири: (К историографии проблемы) // Восток – Россия – Запад: Исторические и культурологические исследования. – М., 2001. – С. 273–301.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы VI Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 337–343.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с., 128 табл.
- Рузанов В.Д.** Еще раз о хронологии чувствской культуры Ферганы // РА. – 1999. – № 4. – С. 24–37.
- Савинов Д.Г.** К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // Историческая этнография: Памяти Р.Ф. Итса. – СПб., 1993. – С. 128–135.
- Самашев З.С.** Некоторые итоги исследований Берельских курганов // Междунар. симп. «Terra Scythica»: программа, тез. докл. – Новосибирск, 2011. – С. 44–45.
- Синьцзян чауху** – дасин шицзу муди фацзюэ баогао (Чауху в Синьцзяне – отчет о раскопках больших родовых могильников) / Ван Вэйхуа, Ван Минчжэ, Ли Сюэтан, Люй Эньго, Хань Кансинь, Чжан Вэньбинь, Чжан Цзюнь, Чжоу Линсяо, Чжоу Цзиньлин. – Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. – 2, 34, 416 с. + 84 ил. (разд. паг.) (на кит. яз.).
- Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ.** Краткий отчет о раскопках могильника № 1 в Чаухугоукоу, уезд Хэцзин // Синьцзян вэньу каогу синь шоухоу (Новые результаты по археологии и памятникам материальной культуры Синьцзяна): 1979–1989. – Урумчи, 1995а. – С. 221–243 (на кит. яз.).
- Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ.** Краткий отчет о первом сезоне раскопок могильника Цюньбакэ, уезд Луньтай // Синьцзян вэньу каогу синь шоухоу (Новые результаты по археологии и памятникам материальной культуры Синьцзяна): 1979–1989. – Урумчи, 1995б. – С. 356–367 (на кит. яз.).
- Сутягина Н.А.** Новые данные о погребальном обряде населения долины реки Или в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (по материалам могильника Цюнкээ I) // Зап. ИИМК РАН. – 2010. – № 5. – С. 183–199.
- Хань Цзянье.** Синьцзяндэ цинтун шидай хэ цаоци теци шидай вэньхуа (Культуры бронзового и раннего железного веков Синьцзяна). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. – 10, 8, 128 с. + 8 цв. табл. (разд. паг.) (на кит. яз.).
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.** Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – 156 с.
- Цун Дэсинь, Хэ Дэсю, Чэнь Гэ.** Краткий отчет о раскопках могильника № 2 в Чаухугоукоу, уезд Хэцзин // Синьцзян вэньу каогу синь шоухоу (сюй) (Новые результаты по археологии и памятникам материальной культуры Синьцзяна (продолжение)): 1990–1996. – Урумчи, 1997. – С. 224–232 (на кит. яз.).
- Цун Дэсинь, Чэнь Гэ.** Краткий отчет о втором и третьем сезонах раскопок могильника Цюньбакэ, уезд Луньтай // Синьцзян вэньу каогу синь шоухоу (сюй) (Новые результаты по археологии и памятникам материальной культуры Синьцзяна (продолжение)): 1990–1996. – Урумчи, 1997. – С. 281–302.
- Чжан Пин, Чжан Тенань.** Первый сезон раскопок могильника в районе Кызыльского водохранилища, уезд Байчэн // Синьцзян вэньу. – 1999. – № 3/4. – С. 1–18, 107 (на кит. яз.).
- Чжоу Цзиньлин, Ван Цзунлэй.** Краткий отчет о раскопках могил с каменными оградками в Байлэцир, уезд Хэцзин // Синьцзян вэньу. – 1999. – № 3/4. – С. 30–60, 172 (на кит. яз.).
- Шанцуньлин** гого муди (Могильник государства Го в Шанцуньлине) / под ред. Линь Шоуцзиня. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1959. – 2, 12, 89 с. + LXXII табл. (разд. паг.) (на кит. яз.).
- Шульга П.И.** Синьцзян в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2010. – 238 с.
- Ян Цзяньсинь.** Жоучжи // Чжунго дабайкэ цюаньшу: Миньцзу (Большая Китайская энциклопедия: Этносы). – Пекин; Шанхай, 1986. – С. 380 (на кит. яз.).
- Komissarov S.A.** On the beginning of the nomadism in East Turkestan // Programme for the XVth Conference of the European Association of Chinese Studies. – Heidelberg, 2007. – P. 87.
- Takahama Shu.** Preliminary Report on the Archaeological Investigations in Mongolia 2005: The rediscovery of the Stag Stone No. 15 // Newsletter on Steppe Archaeology. – 2008. – N 16. – P.73–74.

R. Krause
*Goethe-Universität
Institut für Archäologische Wissenschaften
Frankfurt am Main, Germany*

**«FÜRSTENSITZE» – PRINCELY SEATS.
EARLY CELTIC HILLFORTS IN CENTRAL EUROPE:
STATUS, HIERARCHY AND DIVERSITY (6/5th CENTURY BC)**

Around the middle of the first millennium BC historic processes were taking place in Central Europe, north of the Alps, processes that were of profound significance for European history. Starting with the late 7th century BC and the emergence of the northwest alpine Late Hallstatt culture, changes began that played a measurable part in the ethnogenesis of the Celts and that ended with the Celt migrations in the 4th century BC. Archaeologically the early Celtic civilisation of the 6th and 5th centuries BC is distinguished by the close contacts it held with the Mediterranean world. On the other hand, this clearly differs from preceding and neighbouring prehistoric cultures through the appearance of settlement centres of complex structure – so-called princely seats – and exceptional graves with luxurious furnishings. Archaeological contexts indicate far-reaching social changes: the concentration of political power and economic wealth in the hands of a privileged social few and the subsequent integration of local or small regional communities into supra-regional entities.

The question as to whether these changes represent the emergence of aristocratic dynasties or early kingdoms is still a point of controversy in research today. A better understanding of these early processes of centralisation, which apparently were associated with initial steps towards urbanisation, can be gained only through the systematic analysis of settlement structure, backed by new sources of information and by new methods of investigation.

In this regard a research programme supported by the *Deutsche Forschungs-gemeinschaft* (the German Research Foundation) was conducted from 2004

to 2010, in which early Celtic princely seats were investigated, the new ones in the area between eastern France and southern Germany (Krause, 2010). The central idea that acted as a catalyst for the research programme was the model of the «concentration of power» developed in the 1970s. The main intention was to analyse the origins, developments and the end of the processes of concentration and centralisation, to assess old theories using new methods, and to develop new interpretational models. These investigations focused upon historical processes that occurred during the Hallstatt and Early La Tène period, that is, between the 7th and 4th centuries BC, which led to the emergence and establishment of Celtic civilisation in Central and Western Europe. Of central importance thereby were diachronic and socio-historical studies on processes that led to the formation of the princely seats.

There are no ancient written sources about this early time; it is a period that is manifested archaeologically by impressive monumental burial mounds that contain exceptionally richly furnished graves, which were often constructed in the vicinity of princely seats. Both phenomena, big tumuli with rich graves and princely seats, begin to appear north of the Alps during the 7th century BC and onwards, but they disappear almost entirely in the 4th century BC.

Corresponding to a model developed in the 1960s by the prehistoric archaeologist Wolfgang Kimmig of the University in Tübingen, these princely seats are designated as «fortified settlements», which are typified by their topographic relationship to contemporary wealthy tombs as well as Mediterranean Greek and Etruscan imports

(Kimmig, 1969; Kimmig, 1983b). Archaeological sites that fulfil these criteria are well known; there is a clear concentration in eastern France, southwestern Germany and Switzerland (Fig. 1). In Southeast Germany, by contrast, we find fortified rectangular enclosures, so-called *Herrenhöfe* or manors, above all along the Danube River (Fig. 2) (Leidorf, 1985; Kas, Schußmann, 1998). It is thereby noticeable that they are absent in the west and that they are mostly

connected with the fortress of princely seats – with the exception of Mainfranken and Nördlinger Ries. Enclosures that are surrounded by palisades and ditches could be designated as «south Bavarian manors». The concept thereby is that these fortified places were the seat of an upper level in society. Here wealthy farmers or rural estate owners come mainly to mind, despite the fact that their position within the community is not known precisely.

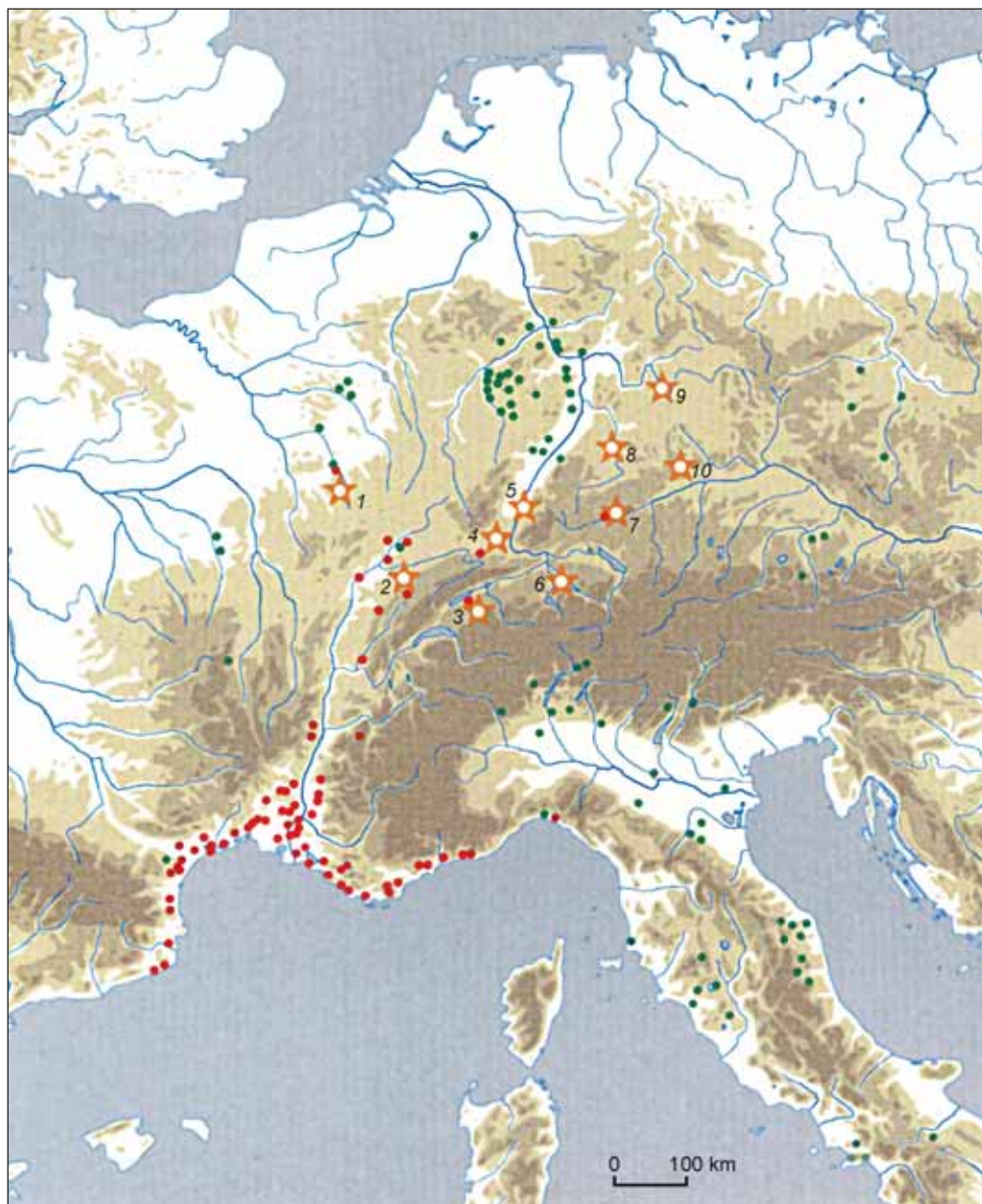


Fig. 1. Map showing the princely seats in Central Europe (stars). Mount Ipf is marked as No. 10. Also marked are the Greek-Etruscan artefact groups: beak-spouted ewers, green; Greek amphorae, red. (After: Freedden, Schnurbein, 2002).

1 – Mont Lassois; 2 – Champ-du-Château; 3 – Châtillon-sur-Glane; 4 – Britzgyberg; 5 – Münsterberg; 6 – Üetliberg; 7 – Heuneburg; 8 – Hohenasperg; 9 – Marienberg; 10 – Ipf.

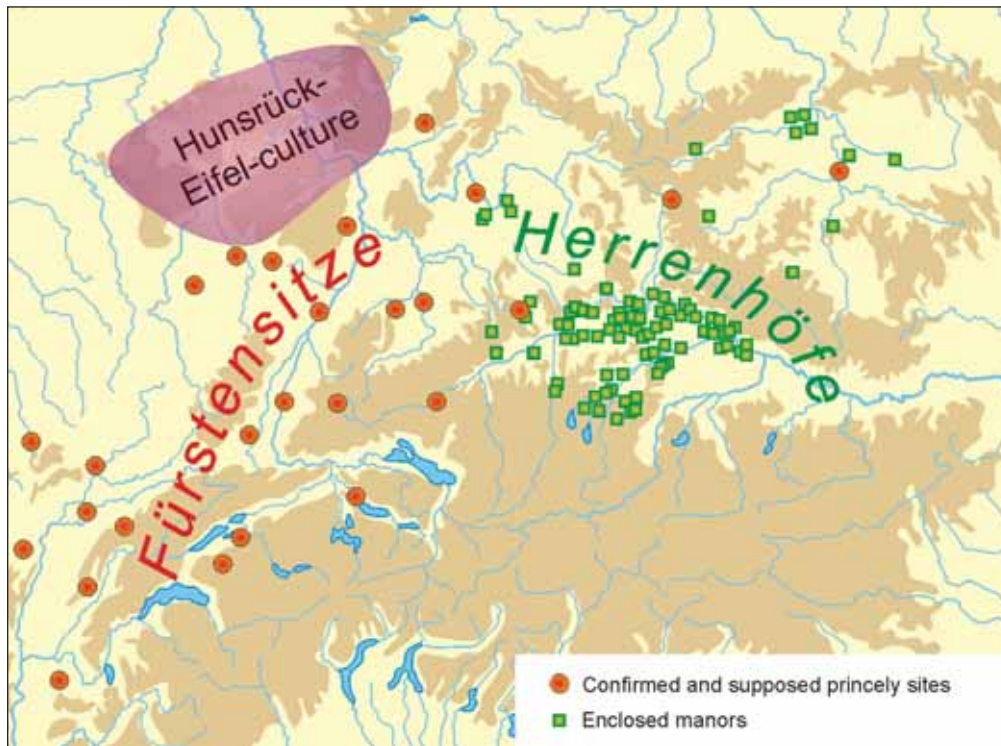


Fig. 2. Map showing the early Celtic (Hallstatt and Early La Tène) princely seats and Herrenhöfe or enclosed manors in Central Europe (after: www.fuerstensitze.de).

There important differences in hierarchies and regional peculiarities can be recognised. In the 1960s a vertical social stratification in three to four layers was reconstructed for the late Hallstatt society. In analogy to medieval feudal society and the aristocracy of the early Archaic period, the richest burials were ascribed to leaders or nobles of society, who supposedly stood at the peak of the social pyramid. The middle of this pyramid was formed by more or less well-to-do free persons.

Current discussions among German-speaking scholars are now dominated by models of development that portray an increasing concentration of power in a process of spatial and social centralisation during the time span from the 7th to 4th century BC (Eggert, 2007). Mediterranean influences like diplomatic gifts, the transfer of ideas and trade goods are seen as an influence upon the direction and speed of social change, but in addition indigenous processes are drawn into these discussions as well.

Research in the English language has been dominated for several decades by social-historical models of interpretation. The terminology and theory employed in their characterisation of prehistoric society are oriented towards works in ethnology and/

or social and cultural anthropology. In the 1960s to 1980s mostly neo-evolutionistic approaches were preferred, for instance, sequence systems of ideal types according to Morton Fried (1967) and Elman Service (1962) (Fig. 3). Later models developed in the 1990s avoid neo-evolutionistic concepts, such as «tribe», «bigman society» and «chiefdom». They make use instead of neutral terms, such as «social elite» or «governing elite». Ultimately this terminology was applied just as the German «Adel»/«nobility» and/or «Aristokratie»/«aristocracy», like Wolfgang Kimmig earlier.

Fortified settlements of the late Hallstatt and early La Tène period are located mostly upon prominent mountain tops and protected by monumental ditches and ramparts. They drew attention in research on ancient history as early as the 19th century. However, important advances in knowledge were made only later through the excavations conducted in 1950 to 1979 at the Heuneburg in southern Germany (Kimmig, 1983a). Yet, since corresponding investigations in comparable settlements are still lacking today, the Heuneburg has attained paradigmatic significance in archaeological research as an ideal type of settlement and centre

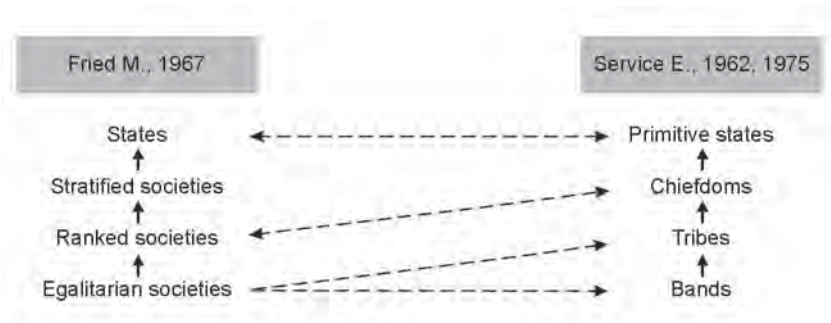


Fig. 3. Comparative model of the developmental sequences of socio-political organization (after: Service E., 1962, 1975 and Fried M., 1967).

of power in a culture that lies on the periphery of the ancient world in the Archaic period. And it was upon this example that Kimmig based the model of the «princely seat» in 1969 and 1983 (Kimmig, 1983b).

In view of the renowned wealthy graves, so-called «princely tombs», in the vicinity of the Heuneburg (Fig. 4), Kimmig came to the conclusion that the settlement functioned as a political and administrative centre, that is, the seat of a dynasty or prince. He assumed a comparable function for a number of fortified complexes, which displayed Mediterranean imports, on one hand, and, on the other, richly furnished graves nearby.

Behind all of these concepts is the model of the concentration of power, emanating from places that were capable of organising power and leadership and asserting and upholding a strong centralised network with central structures, which are pointing out centrality (ac. to Oliver Nakoinz, see this volume and Nakoinz, 2010). All in all this involved various functions in the socio-economic sphere, in religious and cultural manifestations and in military, political as well as administrative organisation. These qualities and functions are fundamental elements of centralised and complex control. When applying them here in our case, the term «princely seat» can be more clearly described as a complex centre, as Eike Gringmuth-Dallmer has suggested in the nineteen ninetieth with reference to medieval conditions in northern Central Europe. This has led to the question about the extent to which «princely seats» can be characterised as centres of complex structure. That was in 1996 when Gringmuth-Dallmer (Gringmuth-Dallmer, 1996) proposed different criteria for a complex, central site, which call for the following capabilities and qualities:

- leadership;
- defensive function;
- control of natural resources;
- handicrafts;
- trade and exchange;
- cult.

These criteria can be applied to princely seats of the earlier Iron Age; they offer a good basis for comparing these different sites.

We have already mentioned the well known and most important princely seat: the Heuneburg located on the upper Danube River in southern Germany (Fischer, 2000). The lengthy history of research and many excavations there have made it one of the best known early Celtic princely seats (Fig. 5). New investigations in the last ten years have changed our picture of the Heuneburg in the late Hallstatt period (6th century BC). New excavations and prospections in large settlement areas around the hillfort have shown, that the hillfort itself was embedded in the microregion. As Sigfried Kurz has pointed out recently, we are now in a position to understand the relationship between the development of the hillfort-settlement in the centre of power, and the different settlement areas (the «Vorburg» and the «Außensiedlung») and the cemeteries around it, an important pre-requisite for a consideration of social structures (Kurz, 2009; Kurz, 2010) (Fig. 6). Kurz is reconstructing new models for the origins und functioning of a centre of power such as the Heuneburg in terms of agricultural communities.

Other princely seats like the Hohenasperg near Ludwigsburg in the Middle Neckar area with famous tumuli with the rich graves like from Hochdorf (Biel, 1985) (Fig. 7) or from Kleinaspergle (Kimmig, 1988) (Fig. 8) have gained fame through their large burial mounds with richly furnished tombs with different

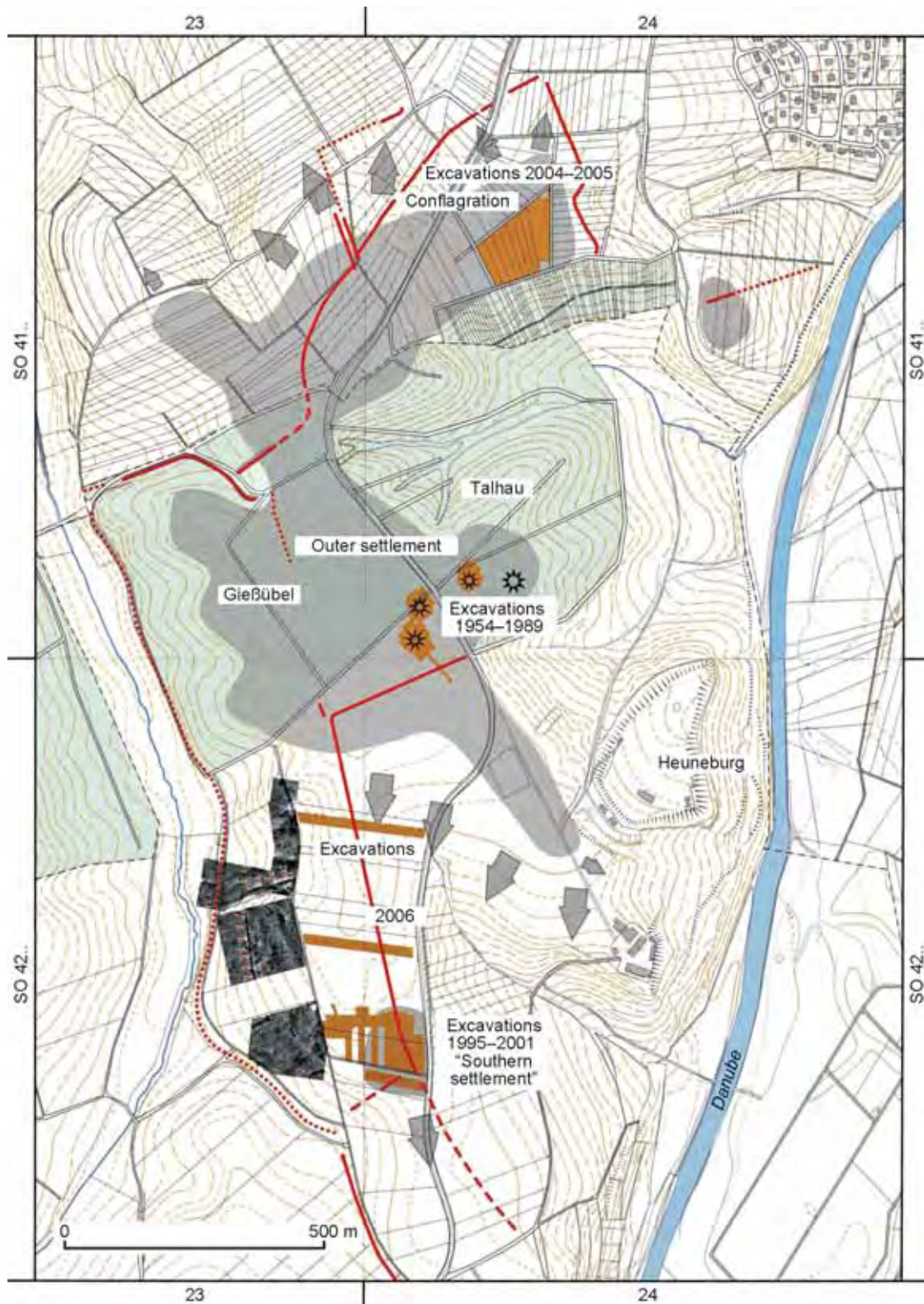


Fig. 4. The Heuneburg on the upper Danube. The figure contains the excavation and survey results up to 2008 with the settlement areas (grey) and the defensive structures (red) around the hillfort.

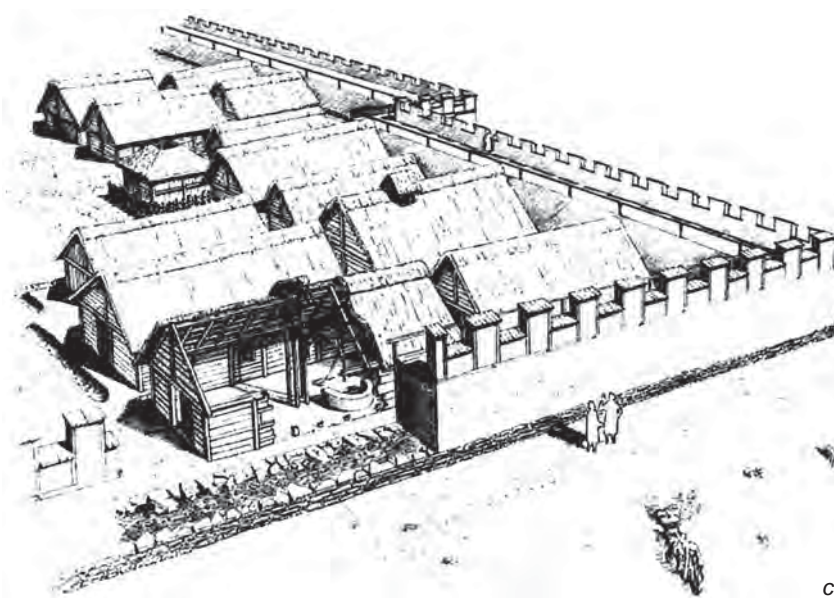


Fig. 5. The Heuneburg on the upper Danube (see Fig. 1, 7). The reconstruction of the Late Hallstatt mud brick wall (a) with the «Danube Gate» (b) from the mid 6th century BC. The bottom drawing (c) shows the reconstruction of the mud brick wall (period IV) with the interior settlement structures (after: Kimmig W., 1983).

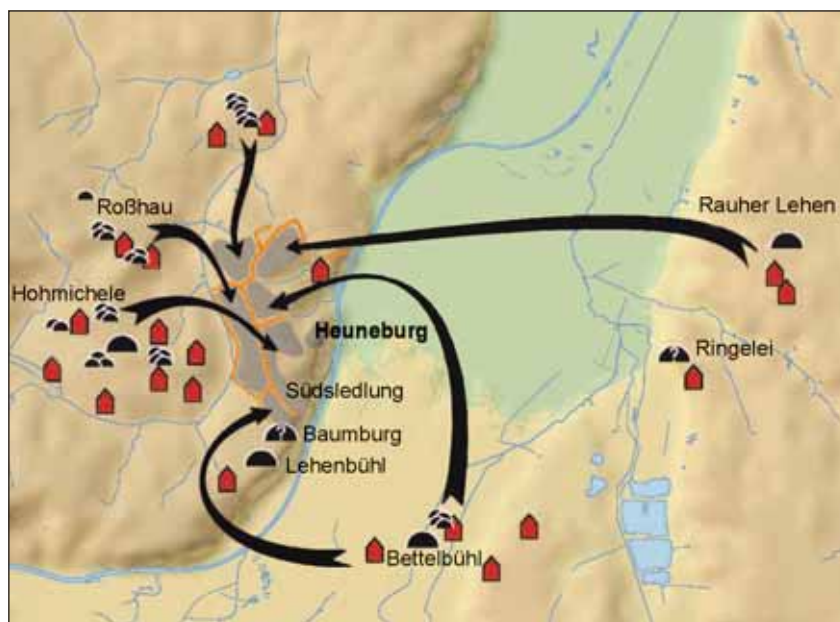
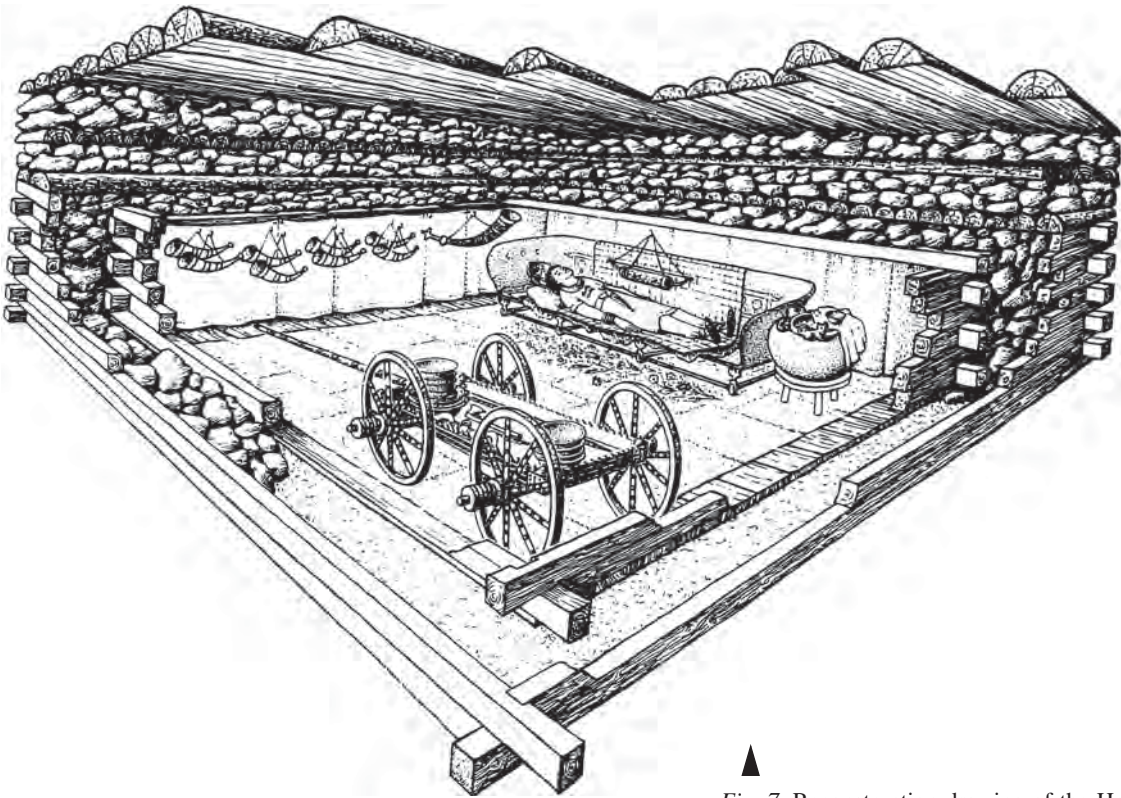


Fig. 6. The area around the Heuneburg on the upper Danube with the exterior settlement (grey), the ditches and ramparts (orange). Contemporary settlements and cemeteries in the environs are also marked. A possible model could see parts of the population from the surrounding sites settle the exterior settlements of the Heuneburg (after: Kurz S., 2009).



▲
 Fig. 7. Reconstruction drawing of the Hochdorf Chieftain's Grave in Neckarland, which belonged to the early Celtic princely seat on the Hohen Asperg (see Fig. 1, 8). The deceased was laid down on a bronze couch with a Greek, mead filled, cauldron at his feet. Near his head was a large drinking horn made from iron and eight smaller drinking horns were hanging on the wall. Other grave goods included a four-wheeled, iron plated wooden wagon as well as bronze dishes and a horse's bridle.



▲
 Fig. 8. The inventory of the Early La Tène secondary burial from the great tumuli Kleinaspergle situated at the foot of the princely seat on the Hohenasperg in Neckarland (see Fig. 1, 8). Particularly the Etruscan bronze vessels, attic red-figure drinking vessels and the gold plating of two drinking horns should be emphasized. Photo: Württembergisches Landesmuseum, Stuttgart.

extraordinary objects and goods from the Mediterranean. In Burgundy in Eastern France, the Mont Lassois is one of the most prominent hillforts (Chaume et al., 2004; Mötsch, Grübel, 2010) of the late Hallstatt period with rich graves in the surrounding and extraordinary architecture on the main plateau with Mediterranean goods, which indicates prestigious buildings.

The hillfort on Mount Ipf

But here I would like to draw attention to a few lesser known fortifications of the Bronze and Iron Age that are located east of princely seats in southern Germany, namely on the boundary between the states of Baden-Württemberg and Bavaria. Since the year 2000 I have conducted comprehensive investigations

on Mount Ipf (Fig. 9, 10) and its surrounding, which have brought forth a new princely seat into the consciousness of archaeological research (Krause, 2002). The temporal framework of our investigations extends from the earlier to younger Hallstatt period, archaeologically phases Hallstatt C and D, reaching until the early La Tène phase A. In absolute chronological terms this spans a time of a



Fig. 9. «Nördlinger Ries». The western edge of the Ries with the Goldberg (Gold Mountain) in the foreground and the Ipf in the background visible from the Ries Plain. Aerial photo by Otto Braasch.



Fig. 10. The Ipf near Bopfingen (see Fig. 1, 10). The frusto-conical shape of the «Zeugenberg» (Zeugen Mountain) has a prominent plateau and a gentle sloping eastern flank. Aerial photo by Otto Braasch.

good 200 years, from the close of the 7th century to the transition from the 5th to 4th centuries BC.

As mentioned above in discussions about the so-called early Celtic princely seats in Central Europe it has long been proposed as one of those central sites whose rulers attained goods from the South and tried to imitate Mediterranean customs. Only the discovery in the 1960s on the Ipf of a black fired Attic sherd from a kylix, dated to ca. 500 BC, provided evidence of southern imports. Thus, the interpretation that the mountain could be presumed the seat of social elite, whose economic potential allowed contact to be carried on with the Mediterranean South.

Mount Ipf with its mighty ramparts presents an impressive as well as important archaeological monument. Like the Heuneburg and Hohenasperg with Hochdorf, it has become a well-known site in southern Germany. In discussions about the so-called early Celtic princely seats in Central Europe, it has long been conjectured as one of those sites, whose leaders acquired goods imported from the South and attempted to imitate Mediterranean customs (Krause, Böhr, Guggisberg, 2005; Krause, 2007).

The Ipf is a fascinating mountain with impressive fortifications on the periphery of the Nördlinger Ries in southern Germany (Krause, 2007). Rising 668 meters above the old Imperial city of Bopfingen, Mount Ipf is a prominent witness of the geological formation of the White Jura (Fig. 10). The Nördlinger Ries forms the dividing line between the Swabian Alb and the Franconian Alb. It was an important settlement area in pre- and early history and is itself a special landscape. In appearance it is a circular depression, today 30 km in diameter, which was the result of a meteorite impact that occurred about 15 million years ago (Pösges, Schieber, 2009). This basin with its fertile soil, moderate precipitation and favourable temperatures has offered promising conditions for productive agriculture throughout time (see Fig. 9). These were always important factors in the changing history of settlement since the Neolithic.

Furthermore, the hilly landscape at the edge of the Nördlinger Ries was also sought out for settlement. Namely, the hills and summits there offered ideal conditions for constructing enclosed fortresses and settlement sites. The western rim of the Ries is dominated by the 668-meter high Mount Ipf, which towers over the countryside as a mighty mark of the White Jura before the ascent to the Swabian Alb (see Fig. 10).

A short distance to the east and farther into the Ries basin is the Goldberg, rising 60 meters above the basin's floor. It is 514 meters high and formed of freshwater limestone (see Fig. 9). In the surroundings of both of these mountains – the Ipf and the Goldberg – are many settlements, cemeteries and groups of tumuli of the Hallstatt and La Tène period as well as rectangular earthwork enclosures (*Viereckschanzen*). All are evidence of a settlement pattern taking place during the earlier and younger Iron Age of the 6th to 2nd centuries BC (Krause, 2007).

This conjecture is supported by varied and general considerations, including the imposing dominance of the mountain with its flat summit and defences over the surroundings, and its geographically strategic location that made it an important crossroads in the long-distance trade network between the Danube and the Main as well as the Neckar rivers.

Thus far, the fortified settlements atop the Ipf and the Goldberg have been rather enigmatic for research in many aspects, especially concerning their interrelationship with each other as well as their meaning for social structures and political hierarchies. As a key example there is the question as to whether or not and to what extent the Ipf can be assigned to the sphere of early Celtic princely seats. Although the fortifications on the Ipf and Goldberg have long aroused the interest of archaeologists, until recently excavations were conducted only by Gerhard Bersu between 1911 and 1929 at Goldberg (Bersu, 1930a, b). Bersu conducted surface excavations, exposing five settlements layers and ground plans that date from the middle Neolithic to early Celtic times. He was able to closely define settlement phases and fortifications of the Hallstatt period. Unfortunately these cannot be clearly differentiated today in detail. Nevertheless, the most important archaeological contexts show the remains of a plateau surrounded by an earthen-and-wooden wall and an area of at least 40 x 50 m in size with a peculiar construction consisting of massive, large posts that differ distinctly from the other structures and ground plans (Parzinger, 1998) (Fig. 11). Ever since Bersu's time, this area has been interpreted as the seat of the person in command of the hillfort. And in its form and significance this site has been compared to complexes that are enclosed with palisades and ditches, that is, the *Herrenhöfe* or enclosed manors of the late Hallstatt period in southern Bavaria.

New discoveries and excavations carried out during recent years in the areas surrounding the Ipf

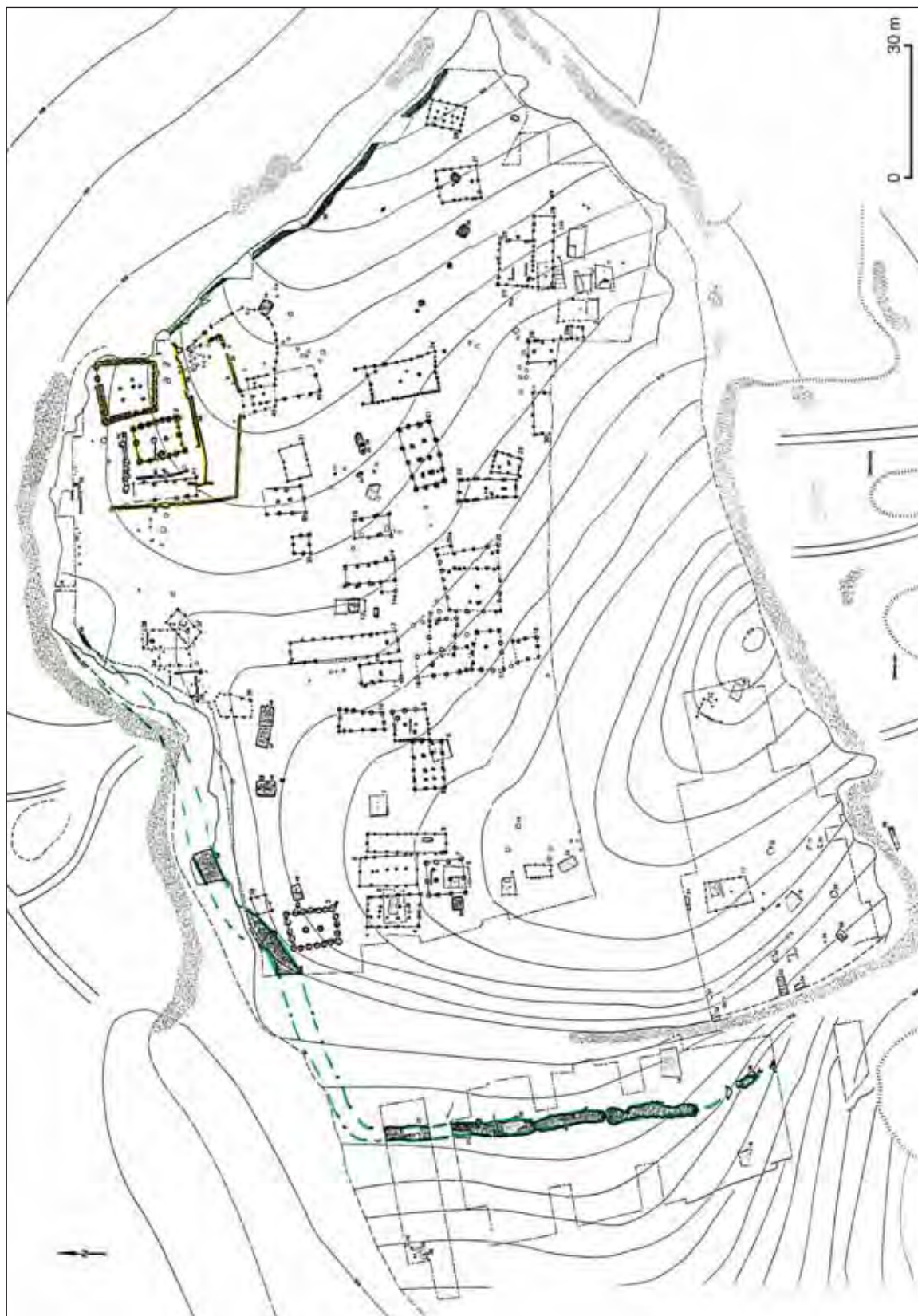


Fig. 11. The Goldberg in the Nördlinger Ries. Plan of the Hallstatt settlement with reconstructed farmsteads. The north-eastern area was interpreted by Gehard Bersu as the seat of the «Chieftain» as it contained larger buildings, and was separated off by small ditches and palisades (after: Parzinger H., 1998).

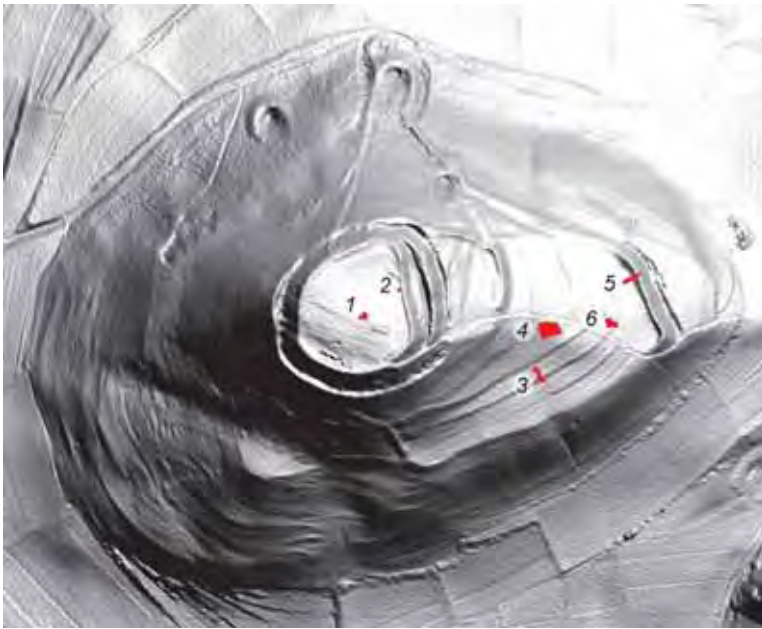


Fig. 12. The Ipf. 3D Landscape model showing the location of trenches 1 to 6 (2004–2008). Figure based on lidarscan-data of the county surveying bureau of Baden-Württemberg, with additions from the «Ipf-Project» of the Goethe-Universität Frankfurt.



Fig. 13. The Ipf. Looking into the wide and flat basin of the Nördlinger Ries from the defensive systems on the plateau.



and Goldberg hillforts have enlarged our understanding of the basis for Iron Age settlement considerably. Through targeted excavations on the Ipf, the principal questions involved in the research programme on processes of centralisation and the development of fortifications can be assessed. Results of new prospection and archaeological excavations have shown that the answers to questions about the position and significance of fortifications on Mount Ipf can be gained in particular through studies on settlements in the surroundings. They also touch upon the foundations of settlement during the Late Bronze Age as well as the spatial and topographical development of fortifications during settling activities on the western rim of the Nördlinger Ries. Both on the flat summit of the Ipf, the so-called upper fortress, as well as in the distinctly separate lower fortress cultural layers and settlement structures of the Late Bronze Age Urnfield culture and the earlier Iron Age were revealed. Thereby, finds of the latter – earlier Iron Age – can be seen in the context of the early Celtic princely seat of the Late Hallstatt as well as early La Tène period.

The Fortifications

The conical mountain lends itself excellently to the erection of fortifications (Fig. 12). The core of the

Fig. 14. The Ipf. Excavation in the outer defensive systems, trench 5 (see Fig. 12 and 17). This defensive system was built creating a pile of stones onto which the «Pfostenschlitzmauer» or post-slot wall was erected in the early La Tène period.

prehistoric defences is constituted by the 2.4-hectare flat summit with a diameter of up to 185 m. It lies 210 m above the lowland of the Sechta River; the steep flanks falling to the north, west and south offer exceptional natural protection (Fig. 13). Only the flatter flank to the east necessitated elaborate defensive measures, preserved in the form of staggered, massive, several meter-high ramparts. Until recently all that was known about the archaeology and history of the mountain was gained through the collecting of sherds and through the excavations conducted by Friedrich Hertlein in 1907 and 1908 (Hertlein, 1911). Accordingly, the remains of up to 5-meter high stone walls with wood structures built in various techniques were found in the fortifications. Hertlein documented the remains of an «Pfofenschlitzmauer» in outer wall no. 5, which according to research should date to the La Tène period.

Recent excavations by the University of Frankfurt/Main within the DFG research programme carried out on the Ipf between 2004 and 2008 have brought forth a myriad of new evidence about the importance of the hillfort and its ramparts during the time of the early Celtic princely seat (Krause, Euler, Fuhrmann, 2008; Krause et al., 2010). Finally, the excavations in 2008 uncovered once again the Celtic «Pfofenschlitzmauer» that had been discovered by Friedrich Hertlein 100 years ago (Fig. 14). With the recovery of this palisade the riddle of construction and age of the mighty external fortification could be clarified. The palisade was built as late as during the expansion of fortifications on the Ipf during

the earlier Iron Age, that is, at the beginning of the La Tène period in the 5th century BC. The actual wall itself stood upon the crest of a massive piled-up stone wall with vertical timber reinforcements (Fig. 15). Prior to this expansion, a settlement of the late Hallstatt period, 6th century BC, already existed. That is to say, the fortifications were erected upon these earlier settlement remains. This means that the originally settled area of the 6th century was much large and that the construction of the new ramparts caused a reduction in the inhabited area! Furthermore, little attention has been given to the fact that the course of the earlier fortification can be reconstructed farther in the east through the eroded edges visible on the surface.

Settlement structures

One important question for recent excavations was the extent to which remains of internal building from the time of the early Celtic princely seat could be identified. In answering this, we had great assistance from geomagnetic measurements, which could identify numerous small ditches and pits as anomalies (Krause, Euler, Fuhrmann, 2008, Abb. 5, 11) (Fig. 16, I). Yet, only through excavations on the summit, the so-called upper fort, and in the areas to the east and south of the lower fort did we gain important information and finds. In some places on the flat summit was a thick cultural layer of the Late Bronze Age Urnfield culture (12th to

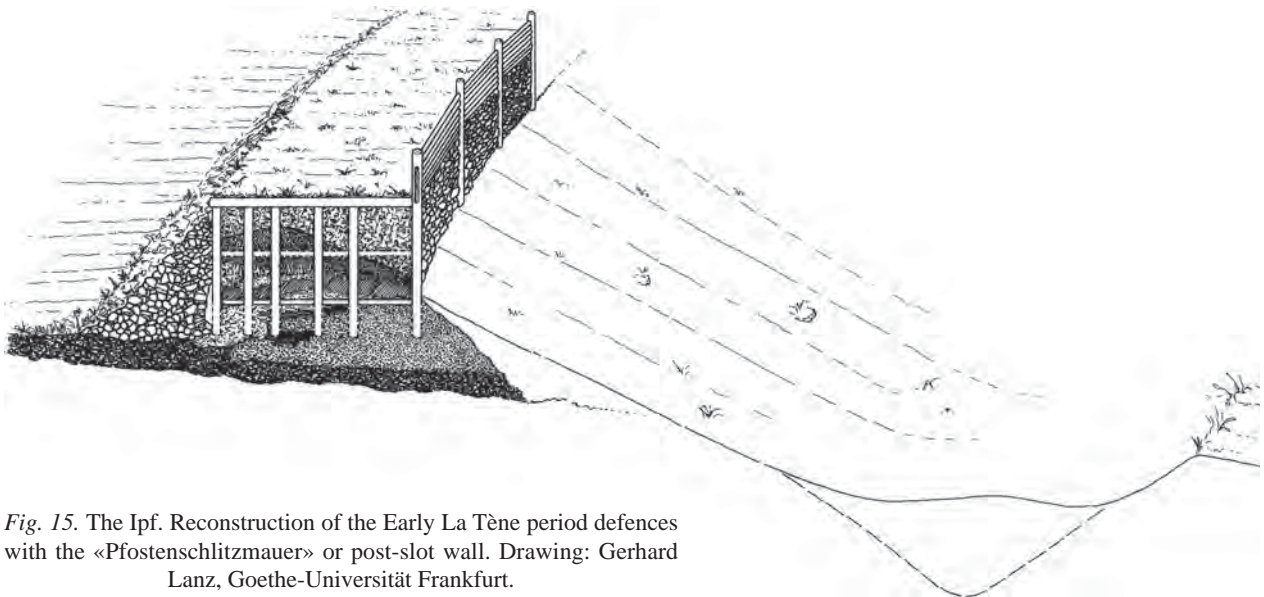


Fig. 15. The Ipf. Reconstruction of the Early La Tène period defences with the «Pfofenschlitzmauer» or post-slot wall. Drawing: Gerhard Lanz, Goethe-Universität Frankfurt.

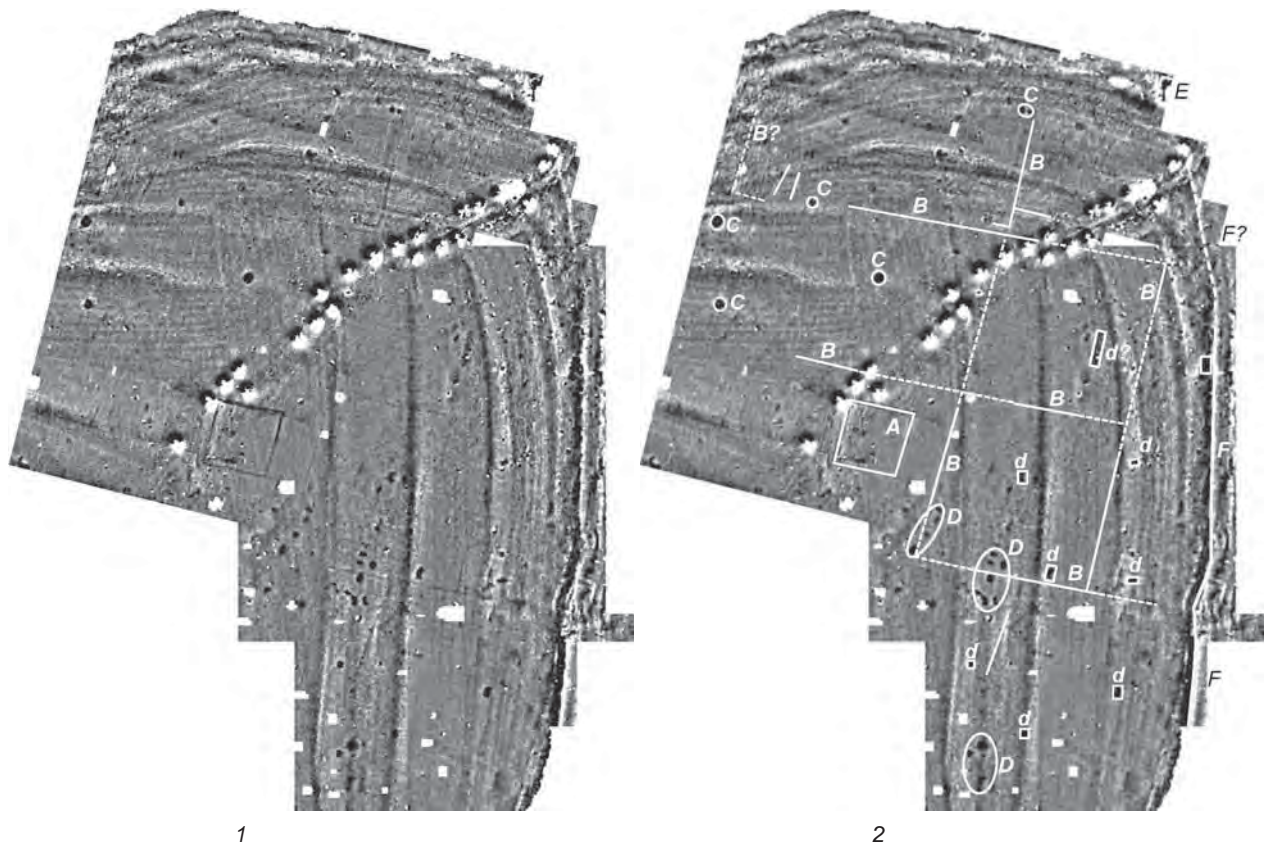


Fig. 16. The Ipf. Results of the magnetic survey in the lower fort. The left diagram (1) shows just the magnetogramm the right one (2) includes thematic additions.

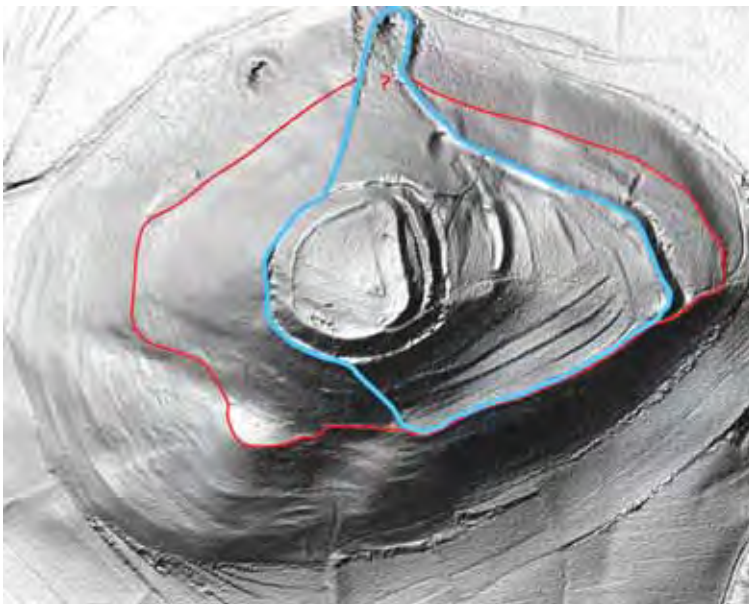


Fig. 17. The Ipf. The course of the Early La Tène defences (blue) and the newly discovered probably Late Hallstatt defences (red). They encompass an area of 30 hectare and are 2.4 km long.

8th centuries BC), upon which lay later cultural layers of the Iron Age. In other places on the summit the native rock lies directly below the grass turf. There numerous small ditches deriving from fence and palisade enclosures or postholes were detected. In the flat area of the lower fort several 60 x 60 m large rectangular or square courtyards were revealed (Fig. 16, 2). Although they stood in strict arrangement, they nevertheless indicate that the building was relatively loose, not dense. Other excavation results are also of importance. The enclosures and small ditches could be dated to the late Hallstatt and early La Tène period (Fig. 17), that is, for a longer time throughout the 6th and 5th centuries BC, in which the early Celtic princely seat existed.

Rectangular or manorial structures at the foothills of Mount Ipf

Numerous settlements and tumuli dating to the earlier Iron Age are located in the surroundings of the Ipf and Goldberg hillforts, but these are clearly separate topographically and spatially: Goldberg in the Eger valley and Ipf at the periphery of the Ries basin. An inhabited landscape can be recognised around the hillforts as well as a distinct topographical hierarchy in the locations of settlements. Further, a special form of settlement is recognisable in the enclosed rectangular enclosures, which are like the type of late Hallstatt enclosures in southern Bavaria. The Ipf lies in the overlapping zone between the distribution area of princely seats and the rectangular enclosures or manors of the Hallstatt period in southern Bavaria.

These enclosures are distinguished from the surrounding open settlements in the Eger valley and the Ries basin not only by their construction form, but also by their topographic location upon mountain ridges between the hill forts of Ipf and Goldberg

(Fig. 18). Between 2000 and the spring of 2006 rectangular enclosures were excavated in the fields of Bugfeld and Zaunacker near the hamlet of Osterholz, as part of extensive excavations. The investigations brought forth many new and unexpected aspects and conclusions about the genesis and settlement dynamic of the earlier Iron Age on the Ipf (Krause, Euler, Fuhrmann, 2008: 264 ff.).

The sites of rectangular enclosures at the Ipf show a history of varying but continuous construction and use over several generations' time in the 6th and 5th centuries BC (Krause et al., 2010). The rectangular compound at Bugfeld (Fig. 19) lasts from the phases Hallstatt D1 to La Tène A. Excavations resulted in abundant finds of glass, amber, metal and pottery, all of which date to the late Hallstatt period. Noteworthy are finds of large body sherds with applied cordons from big vessels, which have parallels in storage vessels (*dolien*) which are at home in the southeast Alpine area. Also to point out here are 1.4 kg of sherds deriving from several Greek transport amphorae, one of which is the large body sherd of an amphora.

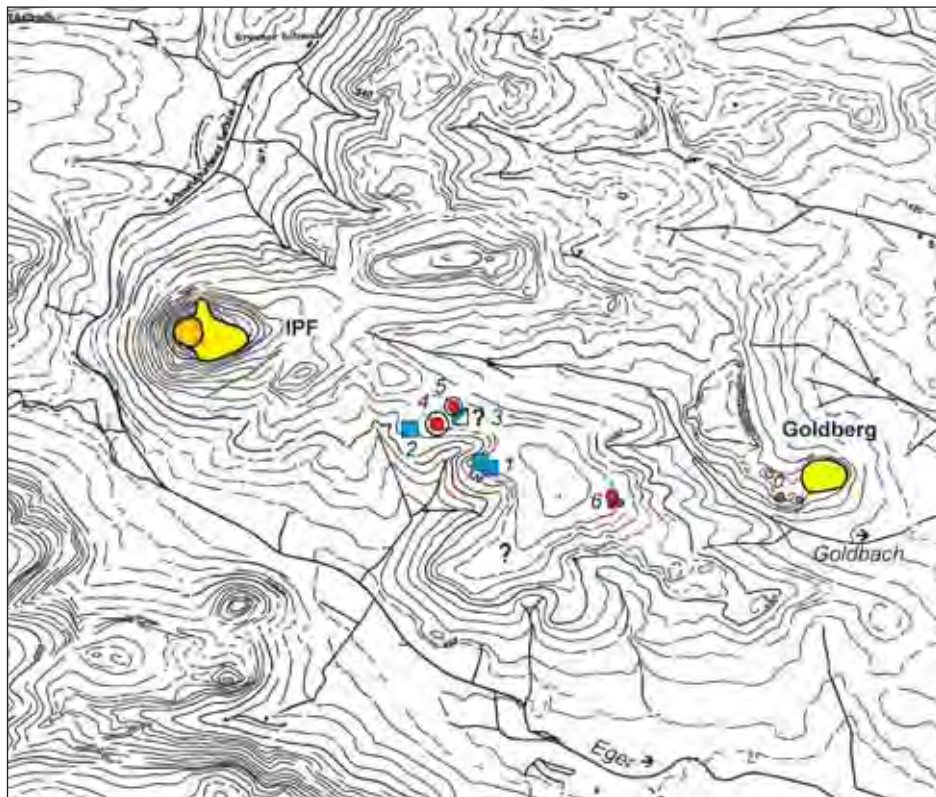


Fig. 18. Topographic map of the western edge of the Nördlinger Ries in between the Ipf and the Goldberg with the «Herrenhöfe» or enclosed manors and the large tumuli near Weiler Osterholz, in the parish of Kirchheim am Ries. Base map from the county surveying bureau of Baden-Württemberg, with additions from the «Ipf-Project» of the Goethe-Universität Frankfurt.

1 – enclosed manors in the Zaunäckern; 2 – enclosed manor in the Bugfeld; 3 – Late Hallstatt settlement remains near to the tumuli; 4 – tumulus 1; 5 – tumulus 2; 6 – small tumuli.

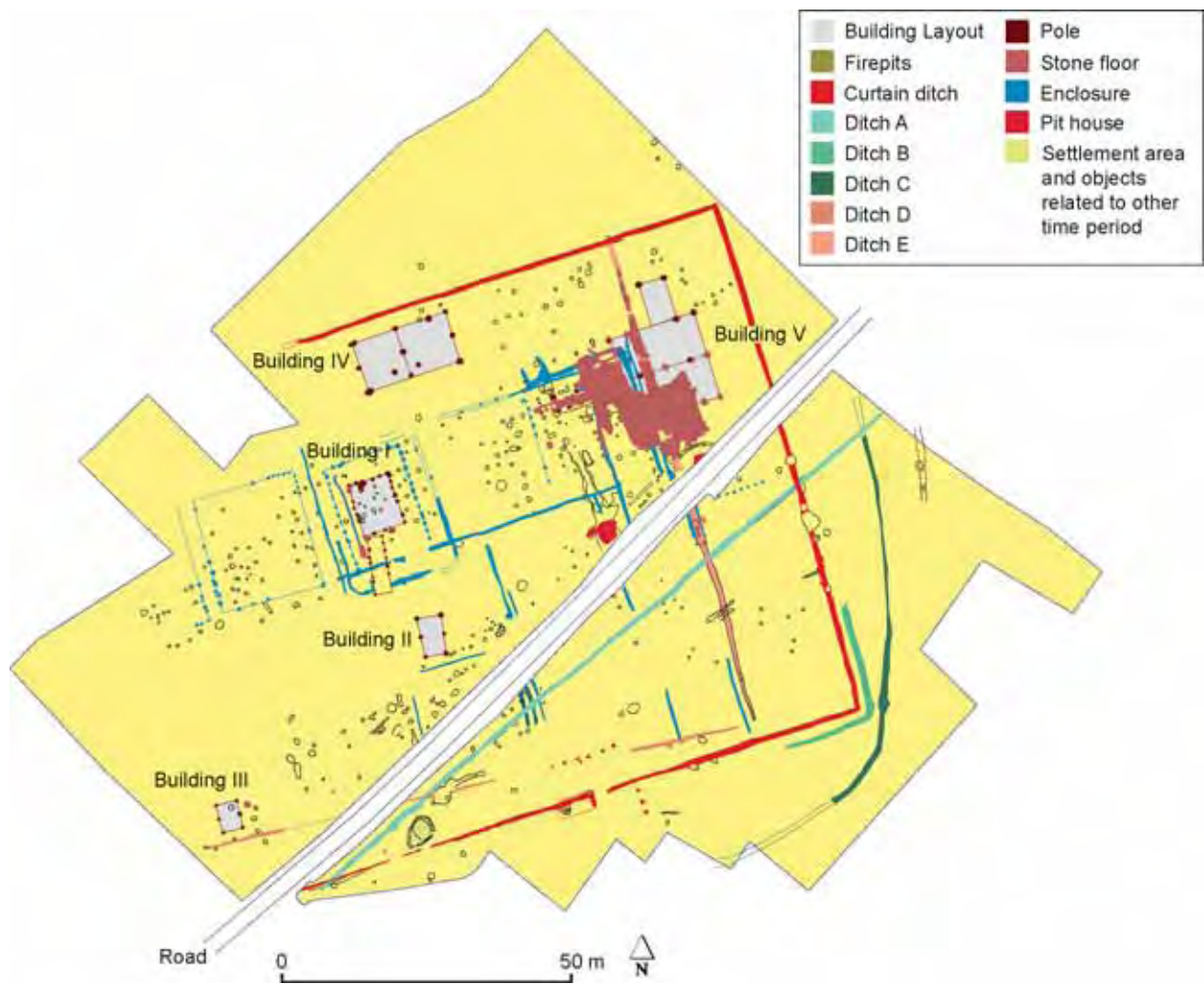


Fig. 19. At the foot of the Ipf: enclosed manor in Bugfeld near Osterholz, in the parish of Kirchheim am Ries. The different colours correspond to different features within the site; note in particular the stone covered area (brown) in the north-eastern corner (Fig. 21). Plan: Katharina Fuhrmann, «Ipf-Project» of the Goethe-Universität Frankfurt.

By contrast, the assemblage of finds dating to the early La Tène period, which were found in the fill of a large cistern in the rectangular compound at Zaunacker, shows that settlement there lasted well into the 5th century BC. After falling into disuse, the six-meter deep shaft of the cistern was filled with burnt debris. From there stem quality wheelmade ware with stamp- and compass-decoration, and in addition a small Greek bronze coin and two dozen red-figure sherds (Fig. 20). According to the classical archaeologist Elke Böhr the sherds derive from Attic red-figure drinking bowls (kylikes) and were produced between 460 and 450 BC in Athens (Böhr, 2005).

The larger than one-hectare large rectangular compound at Bugfeld was enclosed by a palisade. Inside it has a complex construction of rectangular

enclosures and house ground plans. The original buildings can be reconstructed on hand of the varying colours of earth in ditches, pits and postholes. The extensive stone settings or stone pavements found there are unusual (Fig. 21); viewed together with large postholes a larger representative built structure could be recognised. Upon its abandonment, it was covered with a layer of stones. This unusual context together with the large square building built of posts has raised many questions as to the interpretation and former function of the building. Comparable examples of stone packing or stone pavement of this size are not known in the region north of the Alps (Fuhrmann in Krause et al., 2010: 184 ff.).

In order to gain a better understanding of these contexts and to reconstruct the possible motives

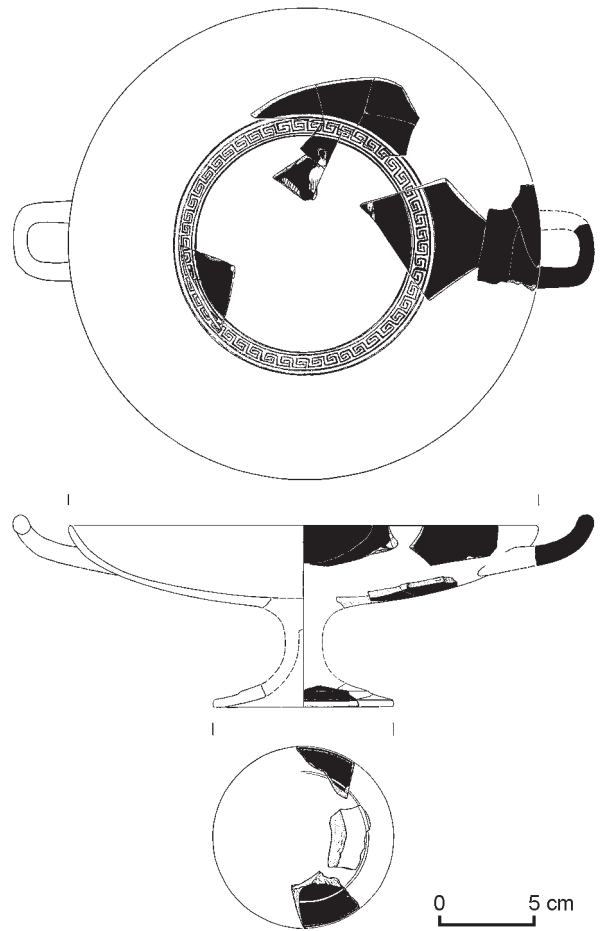


Fig. 20. At the foot of the Ipf: enclosed manor in Bugfeld near Osterholz. Ceramic sherds of two attic red-figure drinking vessels, which were produced in Athens between 460–450 BC according to Elke Böhr. Top: photograph of complete assemblage, photo: Yvonne Mühleis, Landesamt für Denkmalpflege Esslingen; bottom: reconstruction drawing of vessel 1.



Fig. 21. At the foot of the Ipf: enclosed manor in Bugfeld near Osterholz. Stone covering of about 50 tonnes of stones above a large building in the north-eastern corner of the enclosed manor during excavations in 2004 (see Fig. 19). Photo: «Ipf-Project» of the Goethe-Universität Frankfurt.

behind them, a look across the Alps to Italy has proven helpful.

There, above all in southern Italy and on Sicily, in the area of Magna Graecia, corresponding parallels can be found in sanctuaries. Similarly, these complexes were subsequently levelled and covered with stones. This action has been interpreted as the ritual closing or the «burial» of a sanctuary. That is to say, sanctuaries which according to the time of their abandonment were constructed differently and possibly dedicated to different deities, were ritually closed after they fall into disuse: They were sealed with a covering of stone, earth or brick. This manner of covering with different materials probably also depended upon the building material at hand at the respective site. We have interpreted this context at the Ipf as the ritual burial of a building, whose function could only have been in the cultic-religious sphere.

Considering the rectangular enclosures, in general, the large amount of finds – imported wares as well as indigenous wares of quality – provide not only important chronological evidence, but also clues to the social rank of the inhabitants of these enclosures.

The exceptional significance of Mount Ipf as a *centre of power or princely seat* is documented by –

among others by Mediterranean items such as the sherd from a Greek amphora and eight sherds of the finest of Greek drinking vessels: Attic pottery. It is quite noteworthy, thereby, that ten Attic sherds have been found thus far on the upper fort alone, whereas not one piece has turned up in the lower fort. Here we can recognise differences, which might well signify social differences among the groups of people active there. Mediterranean imports are proof of long-distance relations, above all with the area of northern Italy (Fig. 22). Hence, we can deduce that the complexes were the domicile of the uppermost social elite.

Conclusions

All these new discoveries and excavations carried out during recent years in the areas surrounding the Ipf and Goldberg hillforts have enlarged our understanding of the basis for Iron Age settlement considerably. Through targeted excavations on the Ipf, the principal questions involved in the research programme on processes of centralisation and the development of fortifications can be assessed. Results of new prospection and archaeological excavations



Fig. 22. Mediterranean influences at the early Celtic princely seat on the Ipf from the Etruscan-Greco sphere in Northern Italy and the Caput Adriaticum. Figure: «Ipf-Project» of the Goethe-Universität, Frankfurt.

have shown that the answers to questions about the position and significance of fortifications like on Mount Ipf can be gained in particular through studies on settlements in the surroundings. They also touch upon the foundations of settlement during the Late Bronze Age as well as the spatial and topographical development of fortifications during settling activities on the western rim of the Nördlinger Ries. Through these studies, remains of structures that were unknown until recently have been discovered along a mountain ridge near the hamlet of Osterholz, in the county of Kirchheim am Ries. The remains comprise rectangular enclosures as well as large burial mounds of an early Celtic elite. Thus, today we can address the Ipf with substantial arguments as one of the princely seats that were located between southwestern Germany and eastern France.

Mediterranean imports are proof of long-distance relations, above all with the area of northern Italy. Hence, we can deduce that the complexes were the domicile of the uppermost social elite.

An assessment of the results from the Ipf and its environs reveals the nature and the peculiarities of the site as a central place. Defensive aspects and the exhibition of power are reflected in the manner in which the hillfort dominates the landscape and its fortifications, and there are initial indications that crafts and exploitation of raw materials were factors. Both commerce and trade are closely related to the latter, and their particular importance is reflected in exchange with the Mediterranean and the import of Mediterranean goods such as wine and wine-drinking services. Innovation in farming is visible in the almost complete exploitation of the landscape. High-status finds and variations in the supply of foodstuff indicate social differences between individual type of settlement.

The hilltop and its powerful fortifications are an expression of its political and economic dominance (see Fig. 9, 10). All the evidence indicates that this was not a short-lived episode, but lasted for a hundred years or more during the 6th and 5th centuries. The social and power structures behind this are still unclear. We do not know whether there was a segmented system of lineage, or perhaps a client or rank-based society. At any rate they were the social elite and the dominant persons of their time, and on the basis of the criteria presented here are called «Fürsten» (see Fischer, 2000), who had their «Fürstensitz» (princely seat) on the Mount Ipf.

In general, regarding the social and political structures of the Hallstatt period, Wolfram Schier has pointed out, that for social archaeology the concepts of Big Men systems, and simple and complex chiefdoms appear as abstract ideal types, but not as stages in a verifiable series of developments (Schier, 2010). The majority of the indicators employed do indeed indicate stronger social hierarchies such as are characteristic of chiefdoms. Empirical indications suggest the existence of stereotypes specific to individual groups. It is proposed by Schier, that in the Hallstatt period there was an ideology of inheritable power. However there were apparently also social norms and rules of conduct that are better associated with Big Men systems.

*Translated by Dr. Emily Schalk, Berlin,
parts overtaken from Dr. David Wigg-Wolf
(from summaries in Krause, 2010)*

References

- Bersu G. 1930a**
Der Goldberg bei Nördlingen und die moderne Siedlungsarchäologie. In *Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929*. Berlin, S. 313–318.
- Bersu G. 1930b**
Vorgeschichtliche Siedlungen auf dem Goldberg bei Nördlingen. In *Neue Deutsche Ausgrabungen*. Münster. H. 23/24: 130–143.
- Biel J. 1985**
Der Keltenfürst von Hochdorf. Stuttgart.
- Böhr E. 2005**
Griechische Keramik aus einem Rechteckhof bei Osterholz. In *Krause R., Böhr E., Guggisberg M. Neue Forschungen zum frühkeltischen Fürstensitz auf dem Ipf bei Bopfingen, Ostalbkreis*. Baden-Württemberg, S. 209–222. (Prähistorische Zeitschrift; Bd. 80.)
- Chaume B., Grübel T. et al. 2004**
Vix/Le mont Lassois. Recherches récentes sur le complexe aristocratique. In *Bourgogne du Paléolithique au Moyen Age*. Dijon, p. 30–37. (Dossier d'Archéologie; No. 2)
- Eggert M.K.H. 2007**
Wirtschaft und Gesellschaft im früheisenzeitlichen Mitteleuropa: Überlegungen zum «Fürstenphänomen». *Fundberichte aus Baden-Württemberg*, Bd. 29: 255–302.
- Fischer F. 2000**
Zum «Fürstensitz» Heuneburg. In *Importe und mediterrane Einflüsse auf der Heuneburg*, W. Kimmig (Hrsg.). Mainz, S. 215–227. (Heuneburgstudien, 11/ Römisch-Germanische Forschungen; Bd. 59).
- Fried M. 1967**
The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York.

Gringmuth-Dallmer E. 1996

Kulturlandschaftsmuster und Siedlungssysteme. *Siedlungsforschung. Archäologie-Geschichte-Geographie*, Bd. 14: 7–31.

Hertlein F. 1911

Die vorgeschichtlichen Befestigungen auf dem Ipf. *Blätter des Schwäbischen Albvereins*, XXIII, Nr. 2: 48 ff.

Kas S., Schußmann M. 1998

Einige Überlegungen zu den hallstattzeitlichen Herrenhöfen. In *Zeitenblicke. Ehrengabe für Walter Janssen*. Rhaden, S. 93 ff.

Kimmig W. 1969

Zum Problem der späthallstattzeitlichen Adelsitze. In *Siedlung, Burg und Stadt: Studien zu den Anfängen (Festschrift Paul Grimm)*. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion Vor- und Frühgeschichte, Bd. 25: 95–113.

Kimmig W. 1983a

Die Heuneburg an der oberen Donau. Führer zu archäologischen Denkmälern in Baden-Württemberg 1. Stuttgart.

Kimmig W. 1983b

Die griechische Kolonisation im westlichen Mittelmeergebiet und ihre Wirkung auf die Landschaften des westlichen Mitteleuropa. *Jahrbuch Römisch Germanischen Zentralmuseum Mainz*, Bd. 30: 5–78.

Kimmig W. 1988

Das Kleinaspergle. Stuttgart. (Forschungen und Berichte Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 30).

Krause R. 2002

Ein frühkeltischer Fürstensitz auf dem Ipf am Nördlinger Ries. *Antike Welt*, Nr. 5: 493–508.

Krause R. 2007

Der Ipf. Frühkeltischer Fürstensitz und Zentrum keltischer Besiedlung am Nördlinger Ries. Stuttgart. (Archäologische Informationen; 47).

Krause R., Böhr E., Guggisberg M. 2005

Neue Forschungen zum frühkeltischen Fürstensitz auf dem Ipf bei Bopfingen, Ostalbkreis (Baden-Württemberg). *Prähistorische Zeitschrift*, Bd. 80: 190–235.

Krause R., Euler D., Fuhrmann K. 2008

Der frühkeltische Fürstensitz auf dem Ipf bei Bopfingen im Nördlinger Ries (Ostalbkreis, Baden-Württemberg). Neue Forschungen zur Burg und deren Siedlungsumfeld. In *Frühe Zentralisierungs- und Urbanisierungsprozesse. Zur Genese und Entwicklung frühkeltischer Fürstensitze und ihres territorialen Umlandes. Kolloquium des DFG-Schwerpunktprogramms 1171 (Blaubeuren, 9–11 Oktober 2006)*, D. Krause (Hrsg.). Stuttgart, S. 249–279. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 101).

Krause R., Stobbe A., Euler D., Fuhrmann K. 2010

Zur Genese und Entwicklung des frühkeltischen Fürstensitzes auf dem Ipf bei Bopfingen (Ostalbkreis, Baden-Württemberg) und seines territorialen Umlandes im Nördlinger Ries. In *«Fürstensitze» und Zentralorte der frühen Kelten. Abschlusskolloquium des DFG-Schwerpunktprogramms 1171 in Stuttgart, 12–15 Oktober 2009*, D. Krause, D. Beilharz (Hrsg.). Stuttgart, S. 169–207. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 120/1).

Krause D. 2010

Das Schwerpunktprogramm 1171 der Deutschen Forschungsgemeinschaft. In *«Fürstensitze» und Zentralorte der frühen Kelten. Abschlusskolloquium des DFG-Schwerpunktprogramms 1171 in Stuttgart, 12–15 Oktober 2009*, D. Krause, D. Beilharz (Hrsg.). Stuttgart, S. 13–18. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 120/1).

Kurz S. 2009

Neue Herren auf der Burg? Ein Beitrag zur historischen Interpretation der Heuneburg am Ende der Periode IV. In *Landesarchäologie. Festschrift D. Planck*. Stuttgart, S. 143–161. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 100).

Kurz S. 2010

Zur Genese und Entwicklung der Heuneburg in der späten Hallstattzeit. In *«Fürstensitze» und Zentralorte der frühen Kelten. Abschlusskolloquium des DFG-Schwerpunktprogramms 1171 in Stuttgart, 12–15 Oktober 2009*, D. Krause, D. Beilharz (Hrsg.). Stuttgart, S. 239–256. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 120/1).

Leidorf K. 1985

Südbayerische «Herrenhöfe» der Hallstattzeit. In *Archäologische Denkmalpflege in Niederbayern, 10 Jahre Außenstelle des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege in Landshut (1973–1983)*. München, S. 129–142. (Arbeitshefte des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege; Bd. 26).

Mötsch A., Grübel T. 2010

Ausgrabungen des Kieler Instituts für Ur- und Frühgeschichte am Mont Lassois in den Jahren 2002 bis 2006. In *«Fürstensitze» und Zentralorte der frühen Kelten. Abschlusskolloquium des DFG-Schwerpunktprogramms 1171 in Stuttgart, 12–15 Oktober 2009*, D. Krause, D. Beilharz (Hrsg.). Stuttgart, S. 377–402. (Forschungen und Berichte Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 120/1).

Nakoinz O. 2010

Kulturelle Räume der älteren Eisenzeit in Südwestdeutschland. In *«Fürstensitze» und Zentralorte der frühen Kelten. Abschlusskolloquium des DFG-Schwerpunktprogramms 1171 in Stuttgart, 12–15 Oktober 2009*, D. Krause, D. Beilharz (Hrsg.). Stuttgart, S. 317–332. (Forschungen und Berichte Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 120/2)

Parzinger H. 1998

Der Goldberg. Die metallzeitliche Besiedlung. Mainz. (Römisch-Germanische Forschungen; Bd. 37).

Pösges G., Schieber M. 2009

Das Rieskrater-Museum Nördlingen. München.

Schier W. 2010

Soziale und politische Strukturen der Hallstattzeit. Ein Diskussionsbeitrag. In *«Fürstensitze» und Zentralorte der frühen Kelten. Abschlusskolloquium des DFG-Schwerpunktprogramms 1171 in Stuttgart, 12–15 Oktober 2009*, D. Krause, D. Beilharz (Hrsg.). Stuttgart, S. 375–405. (Forschungen und Berichte Vor- und Frühgeschichte Baden-Württemberg; Bd. 120/2).

Service E.R. 1962

Primitive Social Organization. New York.

С. Махортых¹, Р. Ролле²

¹Институт археологии НАН Украины

²Гамбургский университет, Гамбург, Германия

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА НЕКРОПОЛЯХ БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

В ближайшей округе Бельского городища, крупнейшего укрепленного поселения скифского времени в Восточной Европе, локализуется целый ряд курганных могильников VII–IV вв. до н.э. Большинство из них (некрополи в урочище Скоробор, Осняги, Марченки, Перещепино) располагаются к западу и северо-западу от городища у с. Бельск Котелевского р-на Полтавской обл. Еще один могильник, состоящий из двух групп «А» и «Б», размещается непосредственно на территории Большого укрепления Бельского городища [Махортых, 2009, с. 268–277].

К числу характерных особенностей всех этих памятников относится значительное число предметов вооружения в погребальных комплексах. Последние обнаружены в 63 (61 %) из 103 исследованных захоронений, распределяясь там следующим образом: Скоробор – 10 из 19 (53 %), Осняги – 14 из 25 (56 %), Марченки – 5 из 8 (63 %), Бельский могильник «А» и «Б» – 5 из 7 (71 %), Перещепино – 29 из 44 (66 %). Учитывая, что основная часть могил подверглась опустошительному ограблению, приведенные процентные показатели в реальности, скорее всего, были еще более высокими.

Анализ погребального инвентаря позволил выделить несколько групп воинских погребений.

Первая группа включает погребения с одним видом вооружения, который представлен главным образом набором стрел (31 погребение – 49 %). **Вторая группа** захоронений содержит два вида вооружения, преимущественно наконечники стрел вместе с мечом/кинжалом или защитным доспехом (14 погребений – 22 %). **Третья группа** погребений сопровождалась тремя видами оружия, в основном набором стрел, мечом и ко-

пьем (16 погребений – 25 %). **Четвертая группа** включает захоронения с четырьмя видами вооружения: наконечники стрел, меч/кинжал, копье и защитное вооружение (2 погребения – 4 %).

О расположении предметов вооружения в могилах дают представление неограбленные захоронения.

Выявленное в погр. 1 кург. 6. могильника Скоробор парное погребение представлено двумя лежащими рядом вытянуто на спине костяками. На шее женского скелета располагалось большое количество бус и железная булавка, на левой ключице найдена глиняная пуговица. У колена правой ноги выявлены остатки колчана, окрашенного красной краской, а в нем четыре бронзовых наконечника стрел разных типов [Городцов, 1911, с. 142].

В погр. 2 кург. 3. могильника Перещепино исследован скелет молодого человека 20–30 лет [Шрамко, 1994, с. 124]. У его левого бедра находился железный меч со следами дерева от ножен. У головы располагались два копья с железными наконечниками и цилиндрическими втоками. Древка копий были поломаны, поэтому расстояние между основаниями копий и началом втоков составляло всего 1,10 и 1,20 м. К западу от головы лежал колчан с бронзовыми наконечниками стрел. От него сохранились следы в виде коричневого тлена, показывающего, что он имел форму прямоугольника с закругленными с одной (нижней) стороны углами. Длина колчана составляла 40 см, ширина – 25 см.

В западном углу могилы располагались кости от напуганной пищи, со следами посыпки красной охрой. Рядом с пищей находился железный нож и два лекифа.

Два скелета мужчин зрелого возраста («воин» – 30–35 лет и «слуга» – 25–30 лет), лежавшие в вытянутом положении, выявлены еще в одном кургане Перещепинского некрополя (погр. 1 кург. 3/2002) [Кулатова, Супруненко, 2010]. Вокруг черепа основного погребенного находились остатки кожаного шлема или головного убора, представленные фрагментами истлевшей кожи с войлочной подкладкой. Также у головы были положены два копья с железными наконечниками и цилиндрическими втоками. Расстояние между наконечниками и втоками составляло около 2 м. Рядом с наконечниками копий выявлены железные ворворки конической формы с остатками перевитых кожаных шнуров.

На поясе погребенного воина находился железный меч, рядом с которым были остатки тонких железных пластинок аморфной формы, вероятно от ножен. Вдоль правой руки прослежена полоска кожаного тлена, подобная отпечаткам ремня, длиной 40–50 см. Она завершалась остатками деревянно-кожаного колчана размерами 40×50 см. В остатках подсумка для стрел найдены десять бронзовых наконечников. Предметный ряд сопутствующего инвентаря второго костяка, вероятно, зависимой особы ограничивался единственной находкой – фаянсовой бусиной.

Основным и наиболее распространенным оружием обитателей Бельского городища и его окрестности были лук и стрелы. Последние изготавливались главным образом из бронзы и значительно реже из железа и дерева. Колчанные наборы или их остатки выявлены в 50 погребениях VII–IV вв. до н.э., что составляет 79 % от всех исследованных захоронений с оружием. Количество наконечников стрел в погребениях варьирует от 1–2 до 94 экз. Особенное внимание привлекают непо потревоженные захоронения V–IV вв. до н.э. Перещепинского могильника (погр. 2 кург. 3; погр. 1 кург. 3/2002), которые дают наиболее полное представление о количестве стрел в колчанных наборах: 57 и 74 экземпляра соответственно. Еще в двух случаях количество найденных в этом некрополе наконечников измеряется несколькими десятками – погр. 1 кург. 9 (65 экз.) и погр. 2/2000 (51 экз.). Наибольшее же количество наконечников стрел (94 экз.) выявлено в погр. 1 кург. 4 могильника Осняги.

Различные хронологические и типологические группы бронзовых наконечников стрел представлены на рис. 1. Для наиболее многочислен-

ных колчанных наборов V в. до н.э. характерно доминирование трехлопастных наконечников стрел, среди которых выделяется несколько ведущих типов. В начале – первой трети V в. до н.э. преобладали базисные и опорно-втульчатые наконечники с довольно широким основанием, треугольной и сводчатой формой головки (рис. 1, 16–31). Затем они сменяются наконечниками с башневидными головками и меньшей шириной основания, имеющими более вытянутые и легкие пропорции (рис. 1, 32–47). Параллельно с ними бытовали наконечники с острой треугольной головкой, углублениями на лопастях и выступающей втулкой.

Вместе с тем материалы Бельских некрополей не подтверждают сделанный в свое время вывод о «безраздельном господстве» наряду с трехлопастными трехгранными наконечниками стрел в рамках третьей хронологической группы, датирующейся второй половиной – концом V в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 23]. На рассматриваемой территории эти изменения фиксируются только в начале – первой половине IV в. до н.э., когда в колчанных наборах широкое распространение получают разнообразные трехгранные наконечники стрел с короткой или скрытой втулкой, концы граней которых располагаются с ней на одном уровне и зачастую образуют шипы (рис. 1, 59–73).

После лука и стрел наиболее популярным вооружением местного воинства являются железные двулезвийные кинжалы и мечи. Они обнаружены в 26 комплексах (41 %) захоронений с оружием, исследованных в округе Бельского городища. Длина кинжалов, как правило, не превышает 31 см, длина мечей варьирует от 45,2 до 72,2 см. Если кинжалы характерны в основном для эпохи скифской архаики (могильники Скоробор, кург. 1, погр. 1; кург. 5, погр. 1 и др.), то мечи наиболее полно представлены в комплексах середины V – первой половины IV в. до н.э. в могильниках Перещепино (кург. 3, погр. 2; кург. 12, погр. 1; кург. 13, погр. 1; кург. 3/2002, погр. 1) и Осняги (кург. 4, погр. 1). Большинство из них имеют антенновидные навершия, оформленные в виде изогнутых птичьих когтей, в основании которых кружками изображена пара глаз, и перекрестия бабочковидной или ложно-треугольной формы (рис. 2, 1–4). Помимо этого, их рукояти в двух случаях были облицованы золотым листом. Ближайшей аналогией бельским находкам является

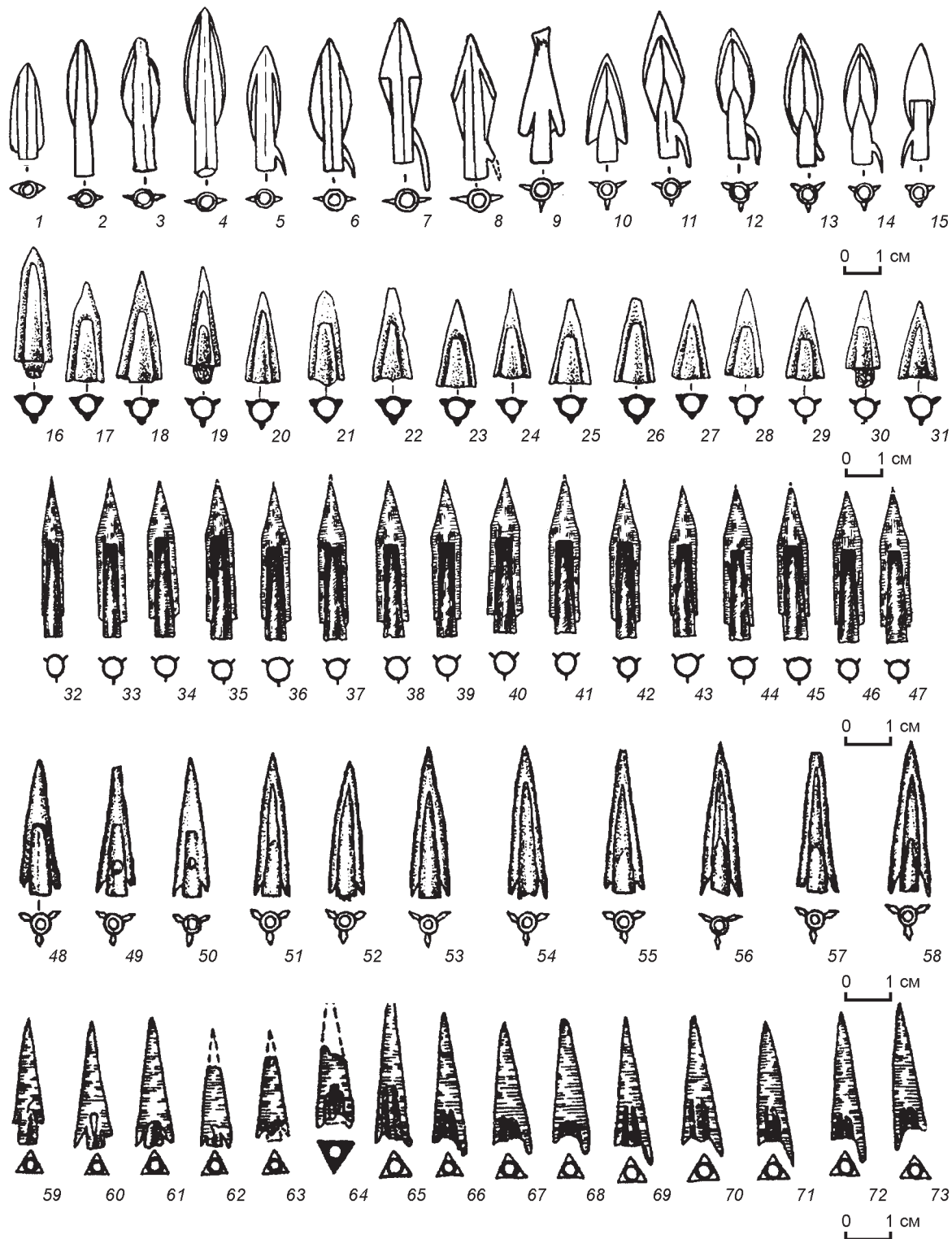


Рис. 1. Различные хронологические и типологические группы бронзовых наконечников стрел из могильников Бельского городища.

1, 4, 5, 10, 14, 15 – Скоробор, кург. 4, погр. 1; 2, 7–9, 11 – Осняги, кург. 1, погр. 1; 3, 12, 13 – Осняги, кург. 21, погр. 1; 6 – Осняги, кург. 22, погр. 1; 16–31 – Перещепино, кург. 9, погр. 1; 32–47 – Перещепино, кург. 3, погр. 1/2002; 48–58 – Перещепино, кург. 7, погр. 1; 59–73 – Перещепино, кург. 1, погр. 1/2001.

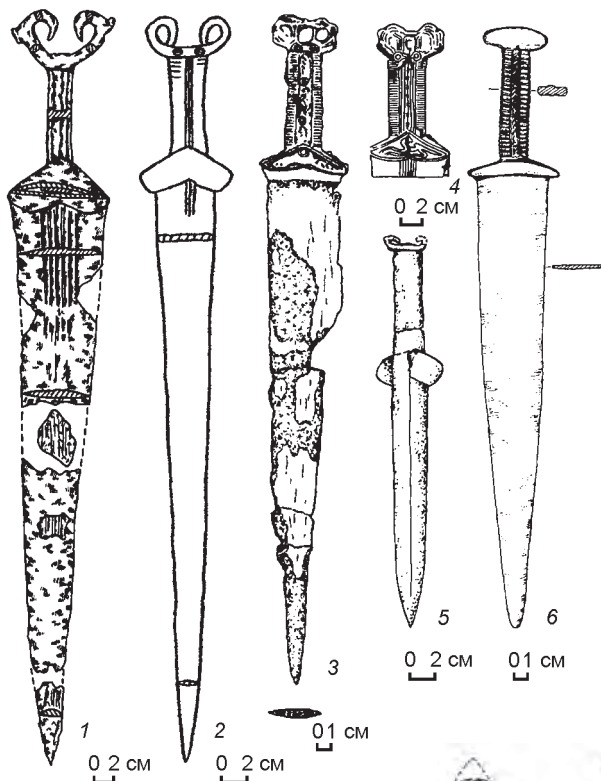
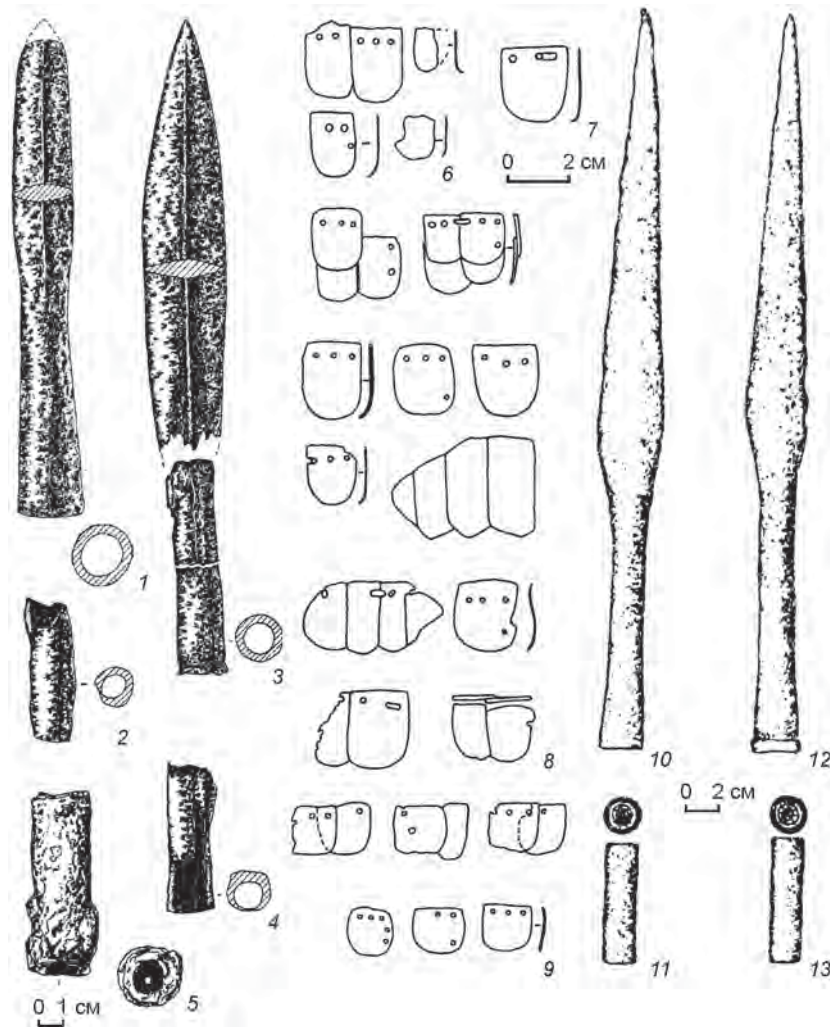


Рис. 2. Железные мечи и кинжалы.
1 – Перещепино, кург. 3, погр. 1/2002;
2 – Перещепино, кург. 13, погр. 1; 3 – Перещепино, кург. 3, погр. 2; 4 – Осняги, кург. 4, погр. 1; 5 – Скоробор, кург. 5, погр. 1, 2; 6 – Перещепино, кург. 12, погр. 1.

Рис. 3. Железные наконечники копий и втоки, а также бронзовые (6) и железные (7–9) панцирные пластинки.

1–4 – Перещепино, кург. 3, погр. 1/2002;
5 – Перещепино, кург. 23, погр. 1;
6–8 – Перещепино, кург. 15, погр. 1;
9 – Перещепино, кург. 11, погр. 1;
10–13 – Перещепино, кург. 3, погр. 2.



рукоятка парадного меча из боковой могилы царского кургана Солоха [Манцевич, 1987, с. 69].

Железные втульчатые наконечники копий и/или втоки найдены в 15 погребальных комплексах (24 %). Основная их часть представлена обломками втулок и перьев наконечников. Наибольший интерес представляют неогрabenные погребения Перещепинского могильника V и IV вв. до н.э. (кург. 3/2 и погр. 1, кург. 3/2002), где в могилах находилось по два наконечника. В первом случае это близкие между собой изделия с остролиственным пером, наибольшее расширение которого приходится на последнюю треть длины. Втулка коническая с муфтой по краю. Общая длина наконечников около 42 см, при этом длина пера почти в два раза превышает размеры втулки (рис. 3, 10, 12).

Наконечники копий из кург. 3/2002 принадлежат к иной разновидности этого вида вооружения и типологически отличаются друг от друга.

Один из них более крупный, длиной 41 см, лавролистной формы, с узким ребром посередине пера, которое не переходит на втулку конической формы, с небольшим перехватом в основании. Длина второго наконечника 29,4 см. Он имеет втулку конической формы, длина которой лишь на 3–3,5 см меньше длины пера. Последнее было линзовидное в сечении, со слабо изогнутыми, параллельно идущими сторонами и узким ребром посередине (рис. 3, 1, 3).

В обоих случаях наконечники сопровождались железными втоками, изготовленными из загнутой в трубочку металлической пластины цилиндрической формы с незамкнутым нижним окончанием. Один вток имеет форму, близкую цилиндрической, но отличается от остальных более профилированными очертаниями и имеет расширения сверху и снизу. Длина втоков составляет 6,8–7,0 см и 9,5–9,6 см (рис. 3, 2, 4, 11, 13).

Такие виды вооружения, как дротики, топоры, боевые ножи и праща, встречаются крайне редко и представлены в захоронениях Бельских могильников единичными находками.

Вместе с тем следует отметить значительное распространение там защитного вооружения. Оно представлено в основном железными пластинчатыми панцирями, реже щитами, боевыми поясами, шлемами и поножами, которые выявлены в 17 погребениях (27 %). Из известных могильников, связанных с Бельским городищем, защитный доспех встречен в четырех (Скоробор и Осняги по три погребения, Бельский «А» – одно и Перещепино – десять). Причем в Перещепинском могильнике образцов защитного вооружения найдено больше, чем во всех остальных, и по количеству экземпляров и по номенклатуре находок (рис. 3, 6–9; 4, 1–9).

Примечательно, что все захоронения из окрестностей Бельского городища, в которых обнаружено защитное вооружение, датируются главным образом V в. до н.э. Помимо защитного доспеха, в этих элитных воинских усыпальницах хорошо представлено и другое оружие – наконечники стрел, мечи, наконечники копий, а также наборы предметов конского снаряжения (рис. 5).

Довольно высокая концентрация защитного вооружения в захоронениях, с одной стороны, может свидетельствовать о том, что Бельское городище было одним из основных центров его производства, а с другой, что в его округе локализовалась одна из наиболее мощных вооружен-

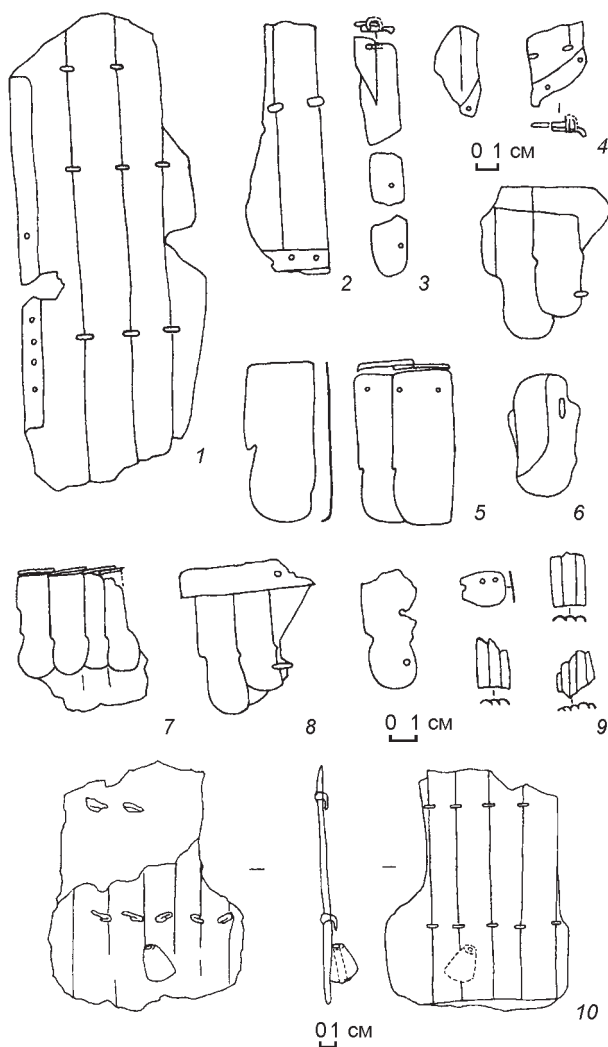


Рис. 4. Железные фрагменты щитов (1–8, 10) и бронзового набора боевого пояса (9) Перещепинского некрополя. 1–2 – кург. 15, погр. 1; 3–4 – кург. 11, погр. 1; 5–10 – кург. 16, погр. 1.

ных всаднических группировок среднескифского времени, оснащенная по последнему слову военной техники.

Рассмотренный нами комплекс вооружения обитателей Бельского городища был довольно разнообразным. Различаясь типолого-хронологическими показателями, его видовой состав на протяжении VII–IV вв. до н.э. оставался стабильным. Это прежде всего наконечники стрел и копий, а также мечи и кинжалы. Вместе с тем следует отметить, что широкое распространение защитного доспеха, и в первую очередь панцирей, характерно именно для V в. до н.э. По сравнению с эпохой скифской архаики в это время фиксируется также более частое использование



Рис. 5. Предметы конского снаряжения из кург. 15 Перещепинского могильника.

в бою мечей, чем кинжалов. Основную ударную силу местного войска в этот период составляли тяжеловооруженные воины-всадники.

Сравнительно высокая частота находок в захоронениях таких довольно редких видов наступательного и оборонительного вооружения, как кинжалы, мечи и панцири является локальной особенностью погребальных памятников Бельского городища. Она предполагает высокий уровень военной активности местного социума, который на протяжении практически всего скифского времени находился в состоянии «повышенной боевой готовности». Ряд погребений с оружием, сопровождавшихся престижными артефактами (предметы импорта, изделия из драгоценных металлов и пр.), свидетельствует о социальной градации рассматриваемых захоронений, некоторые из которых принадлежали воинской знати.

Военная деятельность являлась важной сферой жизни древнего населения, поэтому она отражала своеобразие состояния их общества в каждый конкретный период истории. Дальней-

шее изучение погребальных комплексов Бельского городища позволит получить более полное представление о социальной и военной организации, а также этнокультурной принадлежности обитателей Днепровского лесостепного левобережья в скифское время.

Список литературы

- Городцов В.А.** Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году // Тр. XIV археол. съезда в Чернигове в 1909 г. – 1911. – Т. 3. – С. 93–161.
- Кулатова Г.М., Супруненко О.Б.** Курганы скифского часу западной округи Бельского городища. – Киев: Гротеск, 2010. – 198 с.
- Манцевич А.П.** Курган Солоха. – Л.: Искусство, 1987. – 143 с.
- Мелюкова А.И.** Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 91 с. – (САИ; вып. Д 1–4).
- Махортых С.В.** К истории изучения курганных некрополей Бельского городища // Эпоха раннего железа. – Киев: Полтава: Гротеск, 2009. – С. 268–278.
- Шрамко Б.А.** Розкопки курганів VII–IV ст. до н.е. поблизу Більська // Археологія. – 1994. – № 4. – С. 117–133.

V.I. Molodin

*Institute of Archaeology and Ethnography
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia*

ETHNOGENESIS OF THE PAZYRYK PEOPLE

The Pazyryk culture, whose bearers inhabited the territory of Gorny Altai about 2,500 years ago (Fig. 1), was first discovered in the region in the 19th century by Academician V.V. Radlov (Radlov, 1989) (Fig. 2). It is widely known among scientists for its unique funerary complexes located in permafrost and yielded well-preserved artifacts, which commonly fail to remain intact at archeological sites, and, moreover, imbued with a distinct color of high

artistic merit (see, e.g.: Gryaznov, 1950; Rudenko, 1953; 1960; Kubarev, 1987, 1991; Polosmak, 1994, 2001; Samashev et al., 2000; Polosmak and Molodin, 2003: 14–63; Molodin, Parzinger and Cevendorz, 2007). In addition, there has been a broad array of burial sites attributed to this culture investigated in the region to date. These are scattered practically throughout the whole area of the mountainous country from northern foothills (Borodovskii and



Fig. 1. Pazyrykian man. Reconstruction by E.V. Shumakova and D.V. Pozdnyakov based on the archeological materials from Ak-Alakha-1 burial site (N.V. Polosmak's excavations).



Fig. 2. Academician V.V. Radlov, discoverer of the Pazyryk culture.

Borodovskaya, 2009; Borodovskaya, 2009) to southwest Mongolia (Molodin, 2007: 42–50). Now, particular areas like the Middle Katun River basin are quite thoroughly studied, with study results being reported by researchers in their monographies (Kiryushin and Tishkin, 1997; Kiryushin, Stepanova and Tishkin, 2003).

A total of 477 kurgan tombs attributed to the Pazyryk time have been examined in Gorny Altai, according to an estimate by A.A. Tishkin and P.K. Dashkovskii (2003: 133) made in the beginning of the 21st century. Today, that number has certainly exceeded 500. It is due to selfless labor of several generations of numerous archaeologists, mostly Russians, that this vast body of evidence has been obtained.

An extensive array of data, from publications based on the results of archeological excavations to serious analytical proceedings, have enabled various aspects of the Pazyryk culture (and, generally, all that period of time in Altai) to be studied actively by scientists.

The problem of ethnic origin of the Pazyryk people figures prominently among a large scale of issues somehow related to this outstanding and peculiar culture. This fundamental question

had certainly become of interest for scientists as soon as the first burial sites were discovered. It is worth mentioning Academician Radlov again who suggested actually the first model of the origin of the Pazyryk people emphasizing that «... people who had left behind the kurgans moved to Southern Altai from the south approximately in the Early Iron Age» (Radlov, 1989: 461–463).

A large-scaled multidisciplinary research carried out by experts in various disciplines, including natural science, has certainly provided further impetus for a scientific approach to solve the problem in question. Actually, this is the only efficient approach for analyzing and interpreting evidence sources in order to ensure a thorough scientific understanding of the issue involved (see: Shnirelman, 1996: 89).

The need for an integrated approach to solving the problem of ethnogenetic reconstructions of archaeological cultures is obvious as both archaeological, linguistic and paleoanthropological data, when applied independently, fail to have convincing theories of ethnogenesis constructed, with rare exceptions (Alexeev, 1988: 297–298). Academician V.P. Alexeev emphasized, noting the existence of several branches of ethnogenesis (Alexeev, 1979), that «if population or a group of populations endures isolation for a long period of time, then the intrapopulation marriages result in constituting the generality of gene pool and forming a distinctive anthropological combination, integrating simultaneously the ethnical features to develop dialect of a speech community, traditions, a mental stereotype and ethnic self-consciousness. The historical situation differs from that involving migration, mixing, and slow settling of population. Under such conditions, generally, the boundaries of racial and ethnic groups do not coincide. Distinctly different processes occur in case of ethnic, linguistic and anthropological continuity, when marriage ties overlap each other and only distinction between distant cultural and linguistic phenomena may be recognized as well as variations of anthropological features. The boundaries between similar phenomena are not traceable and, like anthropological variations, tend to merge imperceptibly into one another. In this case, a geographical coincidence of anthropological and ethnical categories can be recorded within the whole territory only where ethnical, linguistic and anthropological continuity prevail» (Alexeev, 1989).

Methodically, it must be particularly emphasized that an interdisciplinary approach requires correct

and quite careful implementation when applied to drawing conclusions on ethnogenesis by various disciplines. First of all, it is advisable that research should be carried out by a group of experts representing different fields of science or, at least, the correct use of data provided by a particular discipline should be discussed by appropriate specialists. Unfortunately, the examples of an unprofessional approach to developing ethnogenetic theories are numerous.

It is difficult to reconstruct the ethnic processes which occurred in Siberia not only due to insufficient sources. One should remember that in the remote past the ethnic pattern of this vast region was considerably heterogeneous rather than it was found by its first explorers. Epidemics and assimilation resulted in extinction of many indigenous people before case studies have focused on them (it is sufficient to compare the ethnic pattern of Siberia in the 17th century (Fig. 3) (Istoriko-etnograficheskii..., 1961) and that of modern day). It is clearly exemplified by the

Arinians successfully recorded in the 18th century by Academician G.F. Miller. *Only one* man among the few remaining representatives of that people knew his mother language (Elert, 1999: 78).

Unfortunately, many theories are based on very scanty evidence. As many criterias, like language, biosocial and psychological nature of ethnic origin of people referred a certain archaeological culture fail to be reconstructed, such a situation should be considered fully objective. One cannot rely on the scientist to ever find out what languages were spoken by peoples of most archeological cultures in Siberia. Therefore, the archaeologists are impelled to resort to ethnic reconstructions using both archaeological sources and the evidence of ethnography, physical anthropology and other disciplines, or special approaches such as a method of identification of archaeological cultures with ethnic names (Arutyunov, 1989: 47), or a retrospective method of reconstruction of ethnogenesis (Sedov, 1979: 39; Molodin, 1983: 275–286).

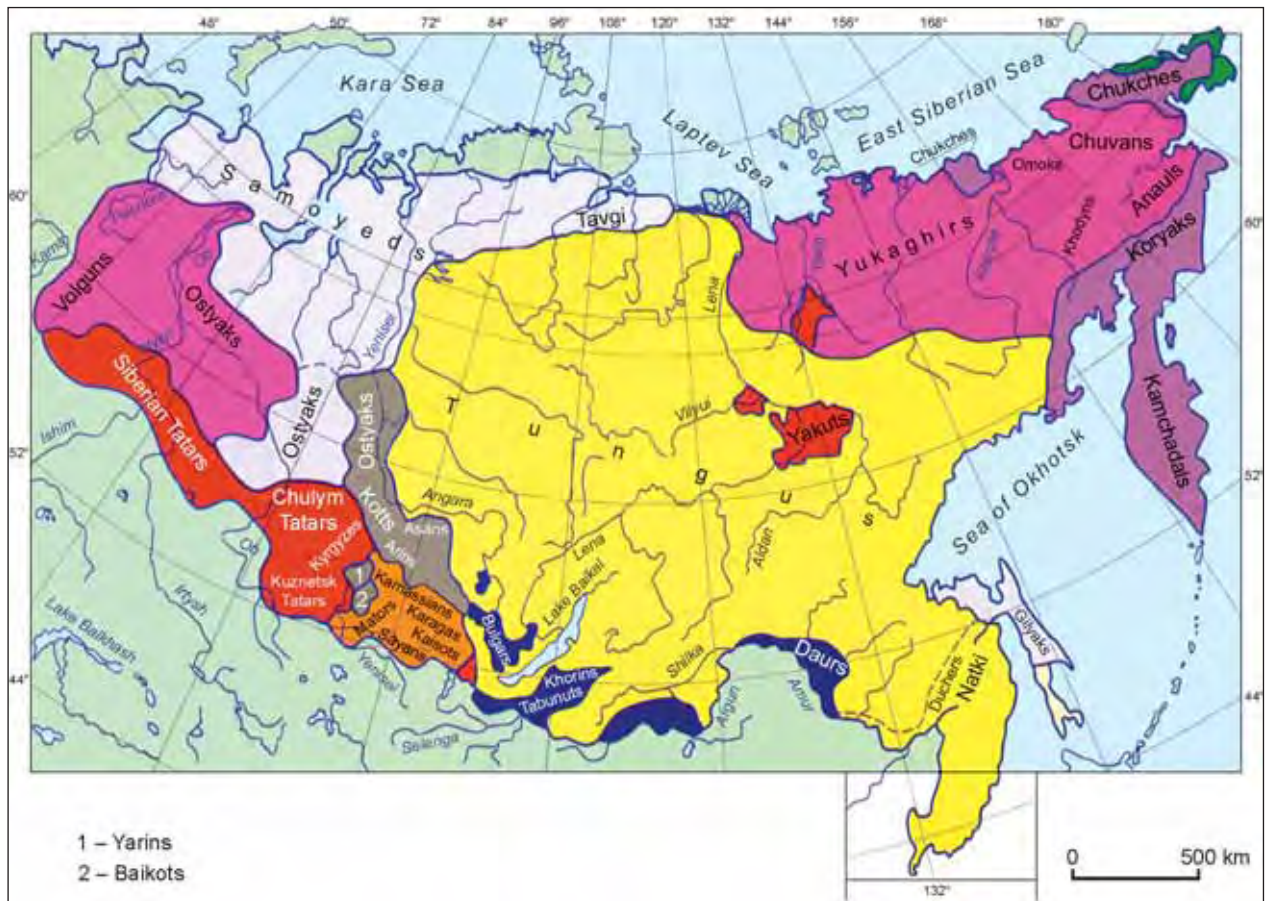


Fig. 3. Ethnic pattern of Siberia in the 17th century.

Paleogenetic data, when applied by researchers to ensure ethnogenetic analysis, has provided the archaeologists with sources which appear to be as evidentiary as language (Handt, Richards, Tramsdorff et al., 1994: 1775–1778) (it is unfortunately not applicable to all other sources used by

researcher – to archeological, ethnographical or even anthropological data (Arutyunov, 1989: 13)).

A longterm multidisciplinary researches, which are carried out by a broad array of experts, enabled to develop a concept of ethnogenesis of the Pazyryk people subjected to updating in the course of accumulation of the new data sources as well as enhancements of research techniques (see: Molodin, 2000; 2003). It was a multidisciplinary approach, with the use of data provided by archaeology, ethnography, anthropology, paleogenetics, linguistics that allowed researchers to understand the processes of ethnogenesis and history of the Pazyryk people on a qualitatively new level.

Ethnic identity of both the Pazyryk culture and related cultures remains a controversial issue to date and resists an unambiguous solution. The present paper outlines my vision of the problem in question supported by data derived from different research sources.

It may now be considered an established fact that in the 6th – 3rd centuries BC there were at least two coeval cultures in Gorny Altai: the Pazyryk culture and the Kara-Koba culture (Surazakov, 1988). In addition, there have been mixed Pazyryk – Kara-Koba cemeteries discovered (Vladimirov and Shulga, 1984: 77–89; Mogilnikov, 1983: 77–89). It follows that two ethnic groups likely existed in this region (Bokovenko, Moshkova and Mogilnikov, 1992: 157). To date, it seems premature to discuss any hierarchy presumably existed among the Pazyryk and Kara-Koba peoples relying only on the fact that the former had high elite burials, as some researchers do (Ibid.). Up until now, it may only be suggested that these groups were coeval, and that it was the Kara-Koba people who may have repeatedly attempted to plunder (or desecrate?) the Pazyryk burial mounds (Polosmak, 1996: 142, 144) (Fig. 4).

An anthropological study carried out by T.A. Chikisheva and D.V. Pozdnyakov (2000: 116–131) has revealed two basic

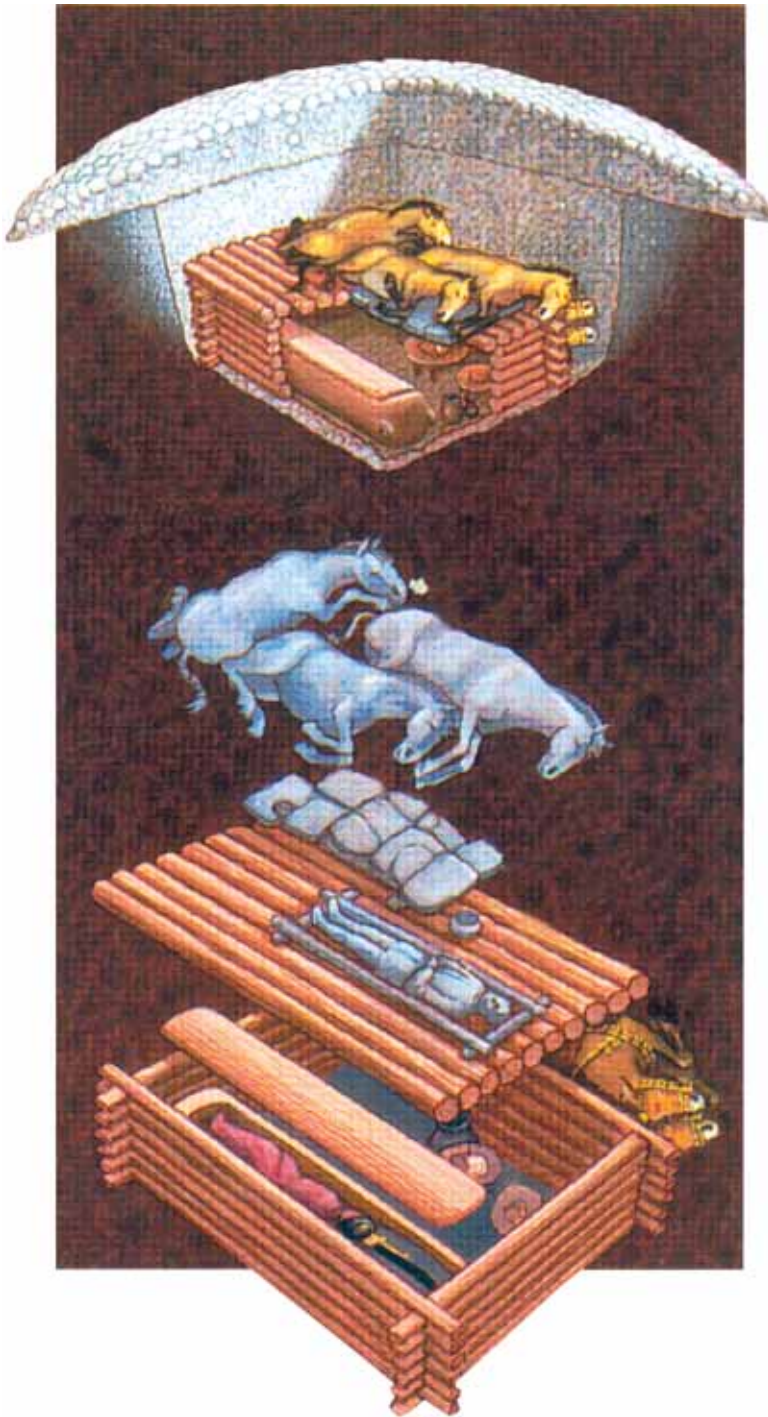


Fig. 4. Ak-Alakha-3 burial ground. Pazyrykian burial chamber containing a burial associated with the Kara-Koba culture (N.V. Polosmak's excavations).

components present in gene pool of the Kara-Koba population: (1) a Caucasoid one demonstrating the affinity to anthropological variants of the proto-Caucasoid race and present in gene set of the Eurasian steppe populations of the Bronze Age, and (2) a Mongoloid one of autochthonous origin which was genetically linked with the bearers of the Karakol culture existed in Gorny Altai within the Bronze Age.

It is important to emphasize that, according to data obtained by T.A. Chikisheva, the Mongoloid component constitutes a genetic basis of the Pazyryk population as well (1996: 249–252; 1997: 314–320; 1998: 631–643). Given circumstance indicates that populations of the cultures in question were genetically related to each other. Thus, the

anthropologists believe that both the Pazyryk and the Kara-Koba cultures originated from a common root which can be traced to the Karakol culture (Chikisheva and Pozdnyakov, 2000) (Fig. 5, 6).

The Karakol people buried the deceased in stone-built boxes decorated with engravings, carvings and even with polychromatic paintings (Molodin, 2009). Recent paleogenetic research of mtDNA of individuals associated with the Karakol culture indicates the haplogroup H as being dominant amongst its population (Chikisheva and Gubina, 2008). It is the haplogroup that should seemingly be considered an autochthonous one to date.

Cultural similarities between the Okunev culture of the Minusinsk basin in the Bronze Age and the

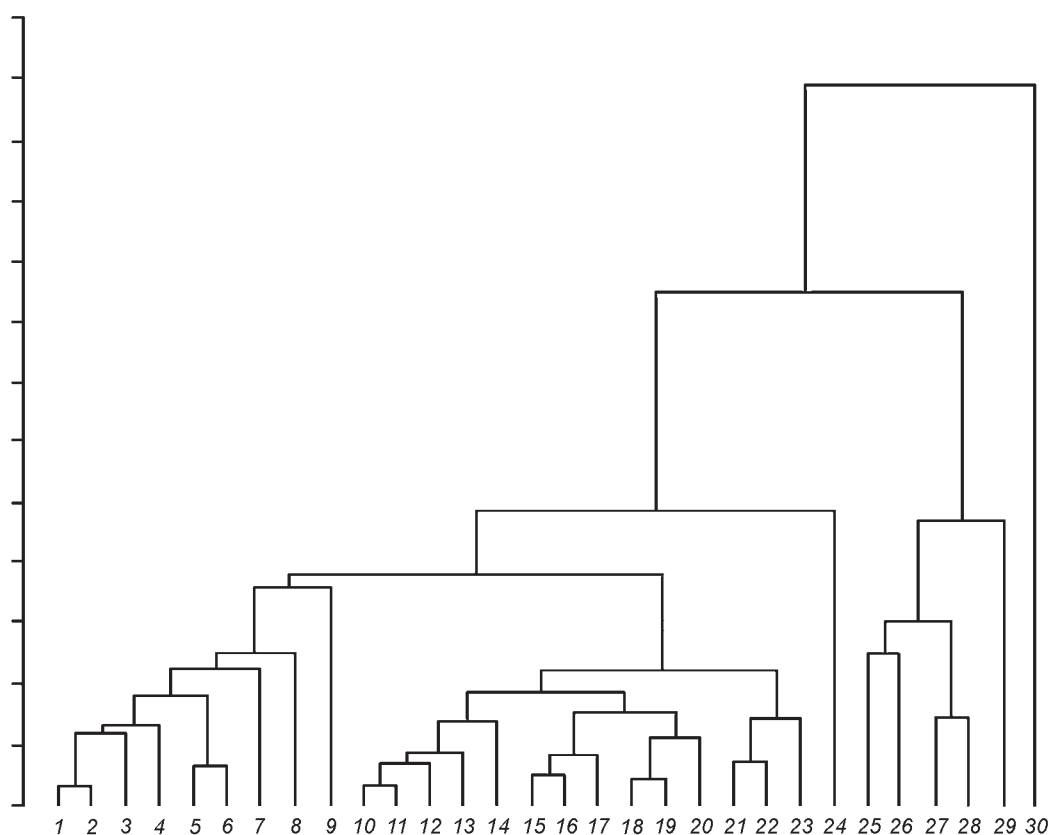


Fig. 5. Dendrogram showing the relationships of pooled male cranial series (based on the first four principal components).

1 – Hun-Sarmatian population of Gorny Altai; 2 – Hun-Sarmatian population of Tyva (Aimyrylg burial ground); 3 – Hun-Sarmatian population of Kirgizia (Kenkol burial ground); 4 – Bearers of the Pazyryk culture; 5 – Wusun population of eastern Kazakhstan; 6 – Wusun population of Semirechie; 7 – Bearers of the Kara-Koba culture; 8 – Wusun population of Xinjiang (Zhao-Su burial ground); 9 – Hun-Sarmatian population of Tyva (Kokel burial ground); 10 – Scythian population of the northern Altai (Maslyakha burial ground); 11 – Scythian population of Tyva; 12 – Saka-Wusun population of Tien Shan; 13 – Bearers of the Artifact-Free-Burial culture of Tyva; 14 – Scythian population of Xinjiang (Alagou burial ground); 15 – Scythian population of the northwestern Altai (Gilevo burial ground); 16 – Bearers of the Tashtyk culture; 17 – Wusun population of Tien Shan; 18 – Scythians of western Mongolia (Ulagom burial ground); 19 – Sarmatian population of the Lower Volga region; 20 – Sarmatian population of the western Uralian region; 21 – Sarmatian population of western Kazakhstan; 22 – Sarmatian population of the Trans-Volga region; 23 – Bearers of the Tagar culture; 24 – Bearers of the Bolsherechenskaya culture; 25 – Hunnu population of Mongolia; 26 – Hunnu population of the Trans-Baikal region; 27 – Bearers of the Slab-Grave culture of Central Mongolia; 28 – Bearers of the Slab-Grave culture of the Trans-Baikal region; 29 – Bearers of the Slab-Grave culture of eastern Mongolia; 30 – Bearers of the Artifact-Free-Burial culture of Mongolia.

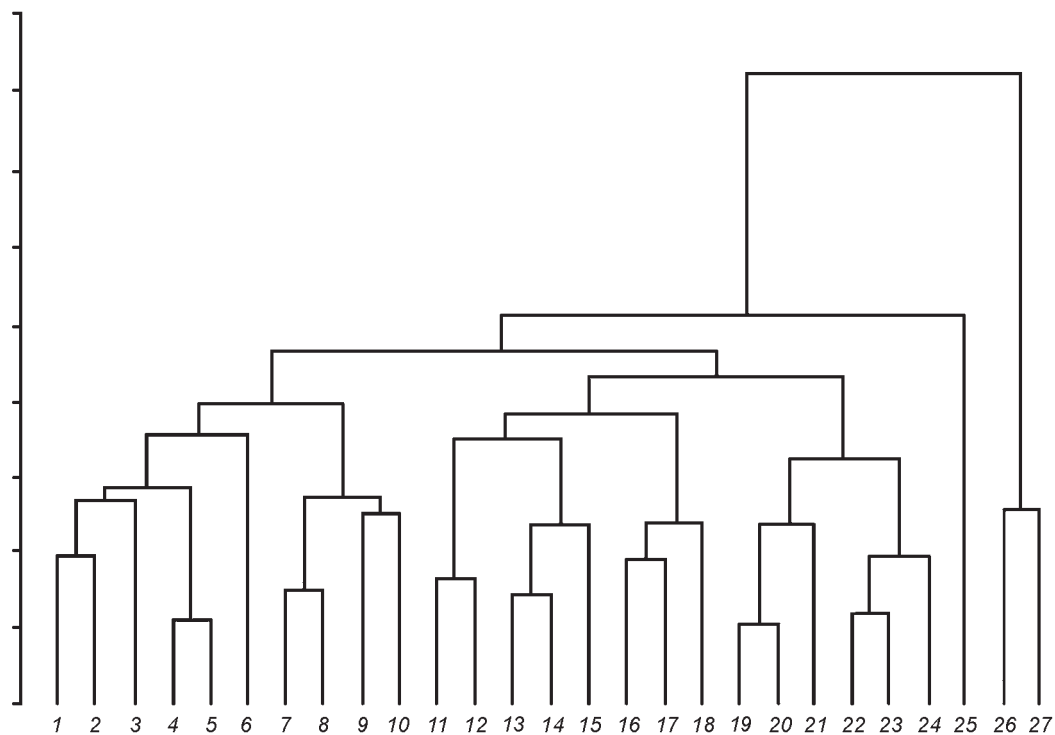


Fig. 6. Dendrogram showing the relationships of pooled female cranial series (based on the first four principal components).

1 – Hun-Sarmatian population of Gorny Altai; 2 – Hun-Sarmatian population of Tyva (Kokel burial ground); 3 – Bearers of the Tashtyk culture; 4 – Bearers of the Pazyryk culture; 5 – Wusun population of Semirechie; 6 – Wusun population of Xinjiang (Zhao-Su burial ground); 7 – Hun-Sarmatian population of Tyva (Aimyrylg burial ground); 8 – Hunnu population of Mongolia; 9 – Scythian population of Tyva; 10 – Wusun population of Tien Shan; 11 – Scythian population of the northern Altai (Maslyakha burial ground); 12 – Bearers of the Artifact-Free-Burial culture of Tyva; 13 – Wusun population of eastern Kazakhstan; 14 – Savromatian population of the Lower Volga and western Uralian regions; 15 – Bearers of the Bolsherechenskaya culture; 16 – Scythians of western Mongolia (Ulagom burial ground); 17 – Saka-Wusun population of Tien Shan; 18 – Scythian population of Xinjiang (Alagou burial ground); 19 – Sarmatian population of the Trans-Volga region; 20 – Sarmatian population of the Lower Volga region; 21 – Bearers of the Tagar culture; 22 – Sarmatian population of western Kazakhstan; 23 – Bearers of the Kara-Koba culture; 24 – Sarmatian population of the western Uralian region; 25 – Hun-Sarmatian population of Kirgizia (Kenkol burial ground); 26 – Hunnu population of the Trans-Baikal region; 27 – Bearers of the Slab-Grave culture of the Trans-Baikal region.

Karakol culture, being repeatedly reported by researchers (Kubarev, 2010), enable scientists to consider both as a single strata of related population emerged in Southern Siberia in the late 3rd millennium BC. In addition, there is an anthropological affinity between the Okunev and Karakol cultures to take place (Chikisheva, 2000: 139–148).

Faunal remains associated with the burials attributed to the Okunev culture and presented by cranium and bones of crane allowed E.B. Vadetskaya to suggest that population of that culture refers to the Samoyedic ethnic groups (Vadetskaya, 1983: 20–23). This hypothesis is supported by ethnonymic evidence suggesting that in South Siberia (including Gorny Altai) existed a large Samoyedic ethnic group with common totemic name Kara which

means «Crane people» (Vasiliev, 1979: 30, 31). V.I. Vasiliev believes that it was people who brought that ethnonym to North Siberia (1979: 30).

The presence of an anthropological group associated with the Karakol culture among the Kara-Koba and the Pazyryk populations (Chikisheva and Pozdnyakov, 2000) thereby enables to trace their common root to the Bronze Age. It is an epoch where the other cultural elements such as stonebuilt burial boxes originate from.

It is suggested that at the late stage of the Karakol culture some of its people interacted with a migrant population who left behind in the southern region of Gorny Altai such burial grounds as Bertek-56 (Molodin, 1993: 17–20) (Fig. 7). The migrants could presumably be referred to the Begazy-Dandybai



Fig. 7. Bertek-56, a Bronze Age kurgan (author's excavations).



Fig. 8. Ceramics of the Begazy-Dandybai culture from Xinjiang.

culture or associated with that being genetically close to it. An apparent similarity is observed in burial complexes of the Mangyshlak Peninsula and distinctly reflected in tomb structures, burial rite, form and ornamentation of pottery and even in presence of flint tools (Balandin and Astafiev, 2000: 149–166).

For some still unknown reasons, these people migrated from Central Kazakhstan to the West-Siberian Plain (Molodin, 1981: 15–17; Udodov, 1994: 16; Molodin and Neskrov, 1992: 244–246) as well as southwards into Xinjiang (Chinese Altai) (Zhungguo..., 1996; Molodin, 1998: 286–289) (Fig. 8), a region adjacent to Gorny Altai, where they formed syncretic cultural communities mixing with the indigenous population. Thereupon, it is worth mentioning a hypothesis of L.R. Kyzlasov about the Begazy-Dandybai culture as being ancestral to a number of early Saka cultures of Central Asia (1977: 71–77). As the Begazy-Dandybai culture had descended from the Andronov (ethnically Iranian) community (Margulan, 1979; Itina, 1992: 31–47; Kuzmina, 1966), it was the

latter that should be considered as a second constituent of the Pazyryk culture.

Thus, at least two groups of burial sites emerged in the 8–7th centuries BC in Gorny Altai resulting from the two lines of ethnocultural development: (1) the Kuyum ethnic group in the northern and central parts of the region characterized by burials in stone-built boxes under cairn barrows (Stepanova, 1986: 79–81), and (2) the Koksa ethnic group in the southern and central parts characterized by burials in ground pits under stone rings or low cairn barrows with circular curbs (Mogilnikov, 1986: 43–44). The former group was ancestral to the Kara-Koba culture, and the latter to the Pazyryk culture (Bokovenko, Moshkova and Mogilnikov, 1992: 157). Their representatives may have belonged to a single population in the past. Due to some historical impacts, during the Bronze to Iron Age transition this people had already split into two groups (Mogilnikov, 1986: 43–44; Stepanova, 1986: 79–81), which coexisted during the Scythian period (Fig. 9). Such a scenario is not ruled out by a number

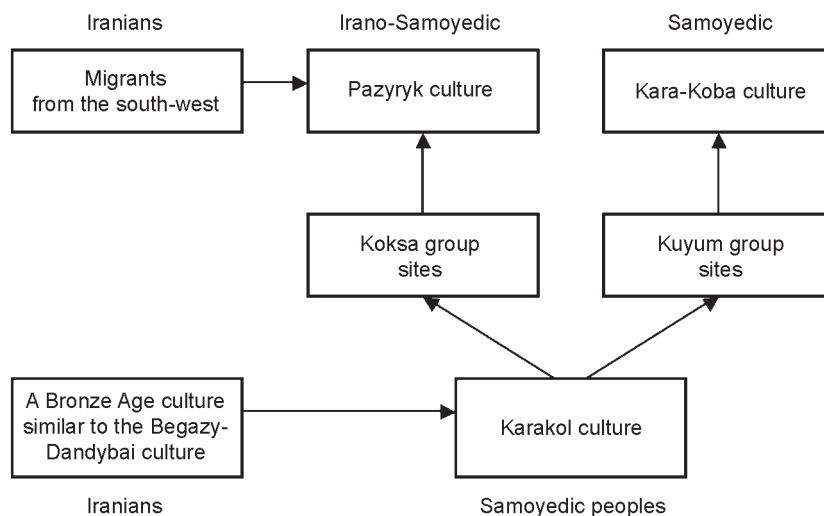


Fig. 9. Pattern of ethnocultural origins of people inhabited Gorny Altai during the Bronze and Early Iron Ages.

of researchers. Specifically, A.S. Surazakov suggests that similar features traced in the burial practices and grave goods of the Pazyryk and the Kara-Koba peoples should be explained by their formation on the basis of common ethnicity consisted «of related ethnic components» (Surazakov, 1988: 128).

Similar models of dividing a single ethnic group into two tribes in the West Siberian region were observed by a number of ethnographers (the Mansis by N.L. Gondatti and V.N. Chernetsov (1886: 37; 1947: 160); the northern Samoyedic peoples by M.A. Castren and V.I. Vasiliev (1860: 179; 1987: 139); the Nenets by G.D. Verbov and B.O. Dolgikh (1939: 47, 54; 1964: 2, 7, 8).

Data provided by paleogenetic research is of great importance for ethnic identification of the Pazyryk people. Academician V.P. Alexeev, when emphasizing the significance of a complex approach to solving the problem of ethnogenesis, has specified the conditions necessary for its implementation as well as an importance of various sources being used in developing such theories. Suggested is a resolution pattern for historical, linguistic, ethnographic and archaeological sources involving determination of their most rational hierarchy (Alexeev, 1989: 153, Fig. 10).

It is appropriate to mention here two circumstances. First, a special informative status of the discovered archaeological complexes found in permafrost (e.g. the Pazyryk culture) or in arid zones with dry climate (e.g. a number of cultures existed in Xinjiang). Actually, these are comparable

to ethnographic complexes and proved to be more significant in developing ethnocultural theories rather than conventional archaeological sites.

Second, the evidence provided by paleogenetic research proved to be more objective and, moreover, verifiable for reconstruction of ethnic processes (Handt, Richards, Tranmsdorff et al., 1994: 1775–1778; Stepanov, 2001: 7).

This method seems undoubtedly promising in spite of very limited and complicated application it had so far.

DNA sequences extracted from bones and soft tissue remains of individuals unearthed on the Ukok Plateau and associated with the Pazyryk culture have been analyzed in the Institute of Cytology and Genetics of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and the results have shown that these are most abundant in the gene pool of modern Samoyedic peoples of West Siberia. Thus, in the gene pool of northern Selkups and Kets these haplogroups are found at relatively high frequency (Voevoda, Romashchenko, Sitnikova et al., 2000: 88–94; Kazakovtseva, 1998) (Fig. 10). It follows that a part of the Samoyedic people can be presumably referred to the bearers of the Pazyryk culture (Voevoda, Romashchenko, Sitnikova et al., 2000: 88–98).

In addition, a structural variety of the nucleotide sequences of the mtDNA control region indicates a relative heterogeneity of their gene pool inherited through the female line. It agrees well with above mentioned suggestions that one of the component parts constituting the Pazyryk population could be

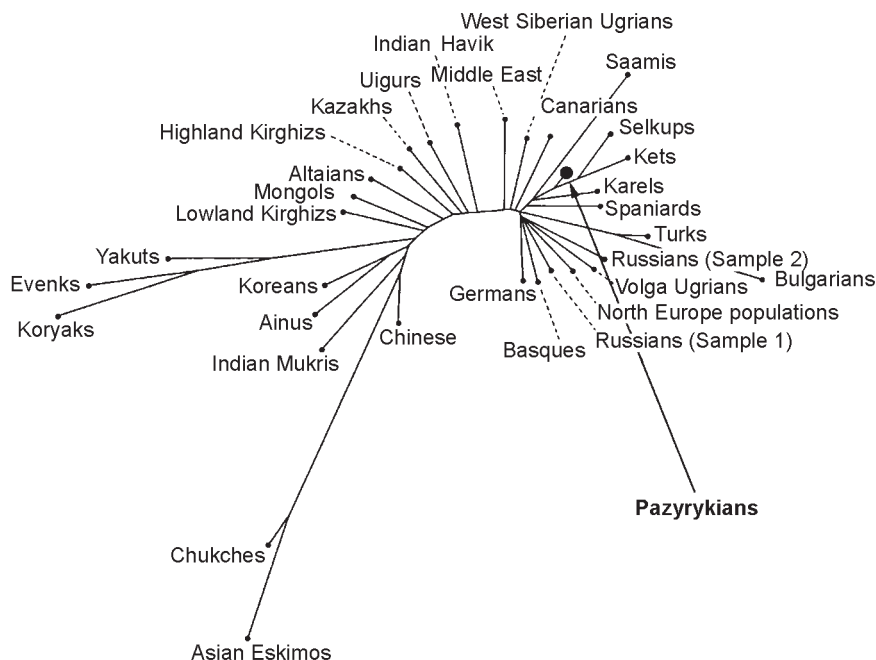


Fig. 10. A tree showing phylogenetic relationships between modern Eurasian populations based on an analysis of mitochondrial DNA.

the people of the Bronze Age who migrated from the Caspian Sea region to Gorny Altai (Molodin, Romashchenko, Voevoda et al., 2000: 59–66), being characterized by significant variability of genetic material (Voevoda, Romashchenko, Sitnikova et al., 2000: 88–94; Wells, Yubdasheva, Ruzibakiev et al., 2001: 10244–10249).

In addition, according to recent data obtained through the analysis of individuals found in North-West Mongolia (Olon-Kurin-Gol-6 site) and associated with the Pazyryk culture, a haplogroup HV2 was identified in two samples demonstrating western oriented relations of the Pazyryk population which is characteristic for the east of Southwestern Asia (Pilipenko, Romashchenko et al., 2010) (Table).

Thus, it can be presently assumed that genetically the Pazyryk people consisted of two components with autochthonous (Samoyedic) and alien (Iranian) constituents to present. At the same time, it should be understood that a ratio of these constituents among the Pazyrykians at different areas of its distribution could vary.

Data from other disciplines also report the presence of Samoyedic peoples at the territory Gorny Altai. Actually, results obtained by paleogeneticists enable the hypothesis about their southern proto-homeland (1774: 84) defined by Academician I.E. Fisher as far back as the 18th century and later on developed by M.A. Castren (Castren, 1853, 1855) to be evaluated on a qualitatively new level.

Table. Mitochondrial DNA of Pazyrykians from the North-West Mongolia

Individual (sample) number	Description of individual	HVR I haplotype (16005–16400)	HVR II haplotype (16517–00160)	MtDNA coding part REPL data	MtDNA haplogroup
1	OKG-10, burial mound 1, mail, adult	16086C, 16189C, 16192T, 16256T, 16270T, 16304C, 16399G	00073G	+12308 Hinf I	U5a1
2	OKG-6, burial mound 2, female, adult	16217C	00072C, 00073G, 0152C	+7025 Hinf, -14766 Msel	HV2
3	OKG-6, burial mound 2, infant	16217C	00072C, 00073G, 0152C	+7025 Hinf, -14766 Msel	HV2

The Fisher theory is supported by data from ethnonymy (Vasiliev, 1967: 16–17; 1979), toponymy (Kyzlasov, 1959: 70–92; Dulzon, 1960: 11; Wainstain, 1961), physical anthropology (Goroshchenko, 1901: 62–73; Rudenko, 1914: 68–76; Shluger, 1941: 42–46), ethnography (Wainstain, 1970: 3–14; Prytkova, 1970: 3–99; Khomich, 1976; Vasiliev, 1974; Lukina, 1985), folklore studies (Prokofiev, 1940: 67–76; Dolgikh, 1961), isoserology (Rychkov, 1965: 18–33) as well as by written history (Vasiliev, 1974)

The idea of the southern proto-homeland of the Samoyedic peoples has also found its followers among archaeologists. There are now quite a few rather controversial theories linking an archaeological culture, in spite of its great antiquity, with particular ethnic group. As it was mentioned before, E.B. Vadetskaya linked the Okunev culture of the Minusinsk basin with the Samoyedic peoples and, on the basis of some identical features, the Karakol culture can be similarly interpreted. Academician A.P. Okladnikov referred the Neolithic sites discovered near Krasnoyarsk to Samoyedic cultures (Okladnikov, 1957: 26–55). M.F. Kosarev believes that certain Uralian cultures of the Late Neolithic period as well as the Yelovka culture of the Bronze Age and the Molchanovo culture of the Late Bronze – Early Iron Age can be attributed to Samoyeds (Kosarev, 1964, 1966, 1972). L.P. Khlobystin believed that the Samus culture was associated with the Samoyedic peoples (1969: 133–135).

(Unfortunately, most of the ethnic theories suggested by archaeologists and regarding not only the Samoyedic group but also other peoples suffer from a common shortcoming, without being supported by data from other disciplines, – an extremely weak evidence).

Thus, on the basis of linguistic, ethnographic and anthropometric records, L.P. Potapov came to conclusion that the Samoyedic peoples played an essential role in ethnogenesis of the Altaians. According to the 17th century materials, the Altaian population referred to as the Sayans lived in the upper Mras-Su basin and near Lake Teletskoye (Potapov, 1957). As reported by V.I. Vasiliev, the fact that tribes of Soki, Soyen, Chapta, Ocha as well as Irkhit and Sayan (of Samoyedic origin) have survived among the Altaians (Altai-Kizhi and Telengits) «certainly demonstrates that Samoyedic peoples participated in the formation of the southern Altaians» (Vasiliev, 1974: 145).

Population genetics studies of the northern Altaians (Chelkants and Kumandints) and their comparison

with indigenous populations of Siberia conducted by T.M. Karafet and L.P. Osipova have reported that these peoples comprise a single cluster of the southern Samoyedic peoples (Karafet, Osipova, 1993: 39).

Sameness of names of Shorians and Altaians (Chor) with northern Samoyeds has been noted by B.O. Dolgikh (1962). A.P. Dulzon (1969: 2–3, map) has marked numerous Samoyedic hydronyms of Gorny Altai. As reported by G.I. Pelikh, even modern day Selkups remember their Altaian origin (Pelikh, 1981: 46).

E.A. Khelimskii, when considering the Samoyedic peoples proto-homeland from a linguistic point of view, believes that their habitat area in West Siberia was large enough and encompassed the regions of middle and southern Siberia, including North Altai and the Sayan Mountains foothills, and in late periods may have embraced even larger areas (Khelimskii, 1989: 10–11). It is remarkably evidenced by a Samoyedic name for a wild goat (Ibid: 5, 18). In this case, when following the method of linguistic paleontology, it can be assumed that the southern border of the Samoyedic population included the mountain-taiga areas of the Sayan-Altai Mountains, a former and current region of habitation of that animal (Sportivnaya okhota..., 1981: 203, map; Irisov, 1971: 195). While on the subject of disintegration of the Samoyedic community, the researcher supposes that “in accordance with a general principle of ethnical and historical interpretation of dialectological data, a ratio between Samoyedic languages and dialects does not imply a gradual divergence associated with an expansion of distribution areas of their common proto-language. More likely such ratio could be explained by a relatively rapid, dramatic disintegration of proto-language community, which was fully integrated until then. Disintegration could result from an invasion of a foreign population, for example, which had partitioned the habitation area of the Samoyedic peoples and cut short ties between its certain parts (the Huns invasion in the 2nd millennium BC) (Khelimskii, 1989: 12). This point of view is also shared by V.V. Napolskikh (1997: 125).

In addition, the latter suggestion is convincingly supported by archaeological data (Rudenko, 1960: 335–336, 341; Molodin and Cheremisina, 1996: 47–49).

At the same time, as it was repeatedly noted by researchers, and particularly by M.P. Gruaznov, the closest relationships were traditionally maintained by the Pazyryk people with populations inhabited

the territories adjacent to West or South-West Altai, like Middle Asia and Achaemenid Iran (1992: 174). These are indisputably evidenced by findings from the Pazyryk burial complexes, such as carpets, textiles, coriander seeds, and embossing, turned wooden objects, specific elements of clothing (Rudenko, 1953: 96; 1968; Jettmar, 1951; Khlopin, 1980: 31–36; Polosmak, 1998: 48; 2001; Polosmak and Barkova, 2005; Polosmak and Shumakova, 2000: 145–198; Shulga, 1998: 109).

A ritual of scalping reported by S.I. Rudenko, when investigating the Pazyryk cemetery (1948: 54), was known among Scythians since the 1st millennium BC (Herodotus, 1972: 202) and, as a number of scientists believe, can be traced to traditions of people populated the western regions adjacent to Gorny Altai (Stratanovskii, 1972: 520).

All these observations served as the basis for a concept about ethnocultural belonging of the Pazyryk people formulated by S.I. Rudenko, according to which the researcher assumed that tribes populated Gorny Altai were close by their origin to those «populated steppe areas at the foothills of Tarbagatai and Tian Shan Mo-untains as well as Middle Asian interfluvium and oases of Bactria populated with settled agricultural tribes» (Rudenko, 1952: 257).

The Dayuan horses found in the Pazyryk burial mound (Witt, 1952: 165–179) enabled S.V. Kiseliiov the penetration of the Central Asian culture which succeeded an ancient Oriental civilization in the East to be deduced (1951: 288–303).

Synchronization of the cultures associated with the Scythian-Sarmatian period in South Siberia and recorded historical dates from old Chinese history as well as classical antiquity, as suggested by D.G. Savinov, illustrates that an appearance of Achaemenid Empire in c. 550 BC entailed considerable changes in material and spiritual cultures, including those of the Pazyryk people, and is regarded as being coeval with campaigns of Alexander the Great in Middle Asia, c. 400 BC (Savinov, 1991: 93–96). Being applied to the problem reported in this paper, the above mentioned political events had significantly influenced the ethnic culture in Eurasia, including South Siberia.

More audacious hypothesis has been advanced by L.S. Marsodolov who upon having the data obtained from tumulus in Gordium (Turkey) and those of the Pazyryk kurgans compared notes similar features in burial practices and associated grave goods. It is assumed by him as evidence of their certain

succession (Marsodolov, 1997: 80) and advent of the Pazyryk people from Southernwest Asia to Altai.

Paleogenetic data obtained from the Pazyryk burial complexes in North-West Mongolia (Pilipenko, Romashchenko et al., 2010) have indisputably demonstrated that these people had relations with populations living in the east of Southwestern Asia. Using abundant anthropological materials of the Pazyryk culture, T.A. Chikisheva has traced the relationships of its people with some ethnocultural groups of the Saka population (1997: 319). It follows that the idea of the Pazyryk people being related to the Saka, as M.K. Kadyrbayev suggested (1966), appears to be justified.

The existence of ethnocultural relationships between the Saka and peoples of coeval cultures of Gorny Altai is evidenced by materials obtained both from Altai and modern day Kazakhstan as well as Eastern Turkmenistan (see: Litvinskii, 1984: 13–14; Litvinskii, Pogrebova and Raevskii, 1985; Pogrebova and Raevskii, 1985; Shulga, 1997, 1998). I would like to remind that most researchers associate the Saka-Massagetae tribes with the Iranian-speaking peoples of Eurasia (Bernstam, 1950: 59–99; Klyashtorny, 1964; Litvinskii, 1968; Zadneprovskii, 1992: 101–107).

Linguistic data evidence the Iranian relations of autochthonous Samoyedic population. According to Y. Janhunen, «there is no doubt about the Iranian origin of some subsequent adoptions» (in Samoyedic language. – V.M.) (1983: 124, 125). The words «bridge, pass, ford (crossing)» adopted by the Samoyedic peoples from an Indo-Iranian language can be referred to the most distinctive and demonstrative ones. A. Joki believed that this comparison proves the existence of close contacts between proto-Samoyedic peoples and the Iranians established during the period of proto-Iranian supremacy in the former half of 2nd millennium BC (Joki, 1966: 304, 313–314). Iranian words «food, flour» are also present in the Samoyedic languages (Janhunen, 1983: 123). It is appropriate to emphasize that a qualitative leap in development of agriculture in Gorny Altai can be undoubtedly linked to the Pazyryk culture. It is evidenced by the findings of grain-storage pits (Derevianko, Molodin and Markin, 1987), millstones and quern-stones found abundantly in the Pazyryk kurgans (Rudenko, 1960: 32, Fig. 14; Molodin and Borodovskii, 1994: 72–79; Kubarev, 1991: 166; Kubarev, Kireev and Cheremisin, 1990: 44, Fig. 3, 4) and even by flat cakes made of grinded grains of wild rye (Kubarev, 1987: 137).

Significance of an agricultural economy is clearly traced through sacralization of agricultural tools by Pazyrykians (Molodin and Borodovskii, 1994).

In addition, the Selpup words «sword», «spear», are comparable to those in Iranian language meaning «sharp, sharpness, edge» (Janhunen, 1983: 122). It is appropriate to emphasize that it was the Early Iron Age when swords seem to have appeared in Eurasia (Melyukova, 1989: 93) and daggers with long, similar to Scythian acinaces, blades made of bronze and iron became a fashion everywhere.

Thus, the conclusions drawn from the analysis carried out are as follows. The ethnic and cultural origin of the Pazyryk culture can be traced back to the Bronze Age when some group of people referred to the late Karakol culture, being ethnically Samoyedic, came into close contacts with a population which migrated from the west and represented the Begazy-Dandybai culture or similar to that and ethnically Iranian culture. As a result, once monolithic ancestral Samoyedic population had separated into two groups. One of these was autochthonous. It was represented by

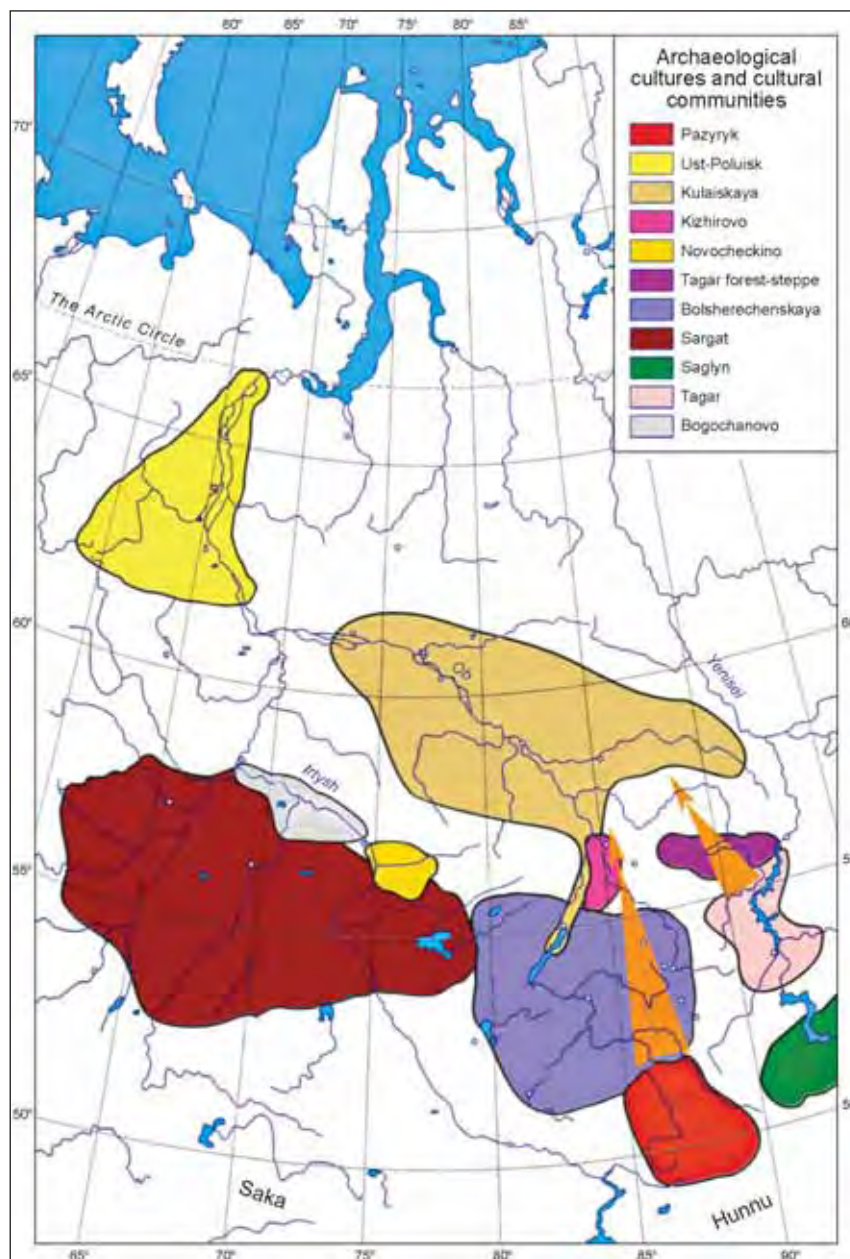


Fig. 11. Culture areas in the 6th – 3rd centuries BC in West Siberia and northbound migration of the Pazyryk and Tagar peoples.

the Kuyum ethnic group existed in the Early Scythian period and then by the Kara-Koba people.

The second group, being ethnically Irano-Samoyedic, represented the Pazyryk culture. Its cultural syncretism, which has been marked by S.I. Rudenko (1960), can be distinctly traced in the Pazyryk burial complexes situated in permafrost and associated both with evidently local and imported grave goods (Barkova and Gokhman, 1994; Polosmak, 2001).

Some peculiarities of cultural development discerned by the archaeologists and recognized in burial practices (Stepanova, 2000) evidence, along with the anthropological (Chikisheva, 1996) and paleogenetic (Voevoda, Sitnikova, Romashchenko et al., 1998: 564–566; Pilipenko, Romashchenko et al., 2010) data, an apparently unequal distribution of both ethnic groups in different areas within the culture.

A long coexistence of these cultures can be explained by their common Samoyedic ethnical descent.

At the same time, it should be remembered that paleogenetic results used for developing a suggested model were obtained from the southern periphery of the Pazyryk world, which was certain to leave specific imprints on the formation of genotype of the population inhabited the area. In accordance with geographical regularities in the distribution of the genes of cultivated plants formulated by Academician N.I. Vavilov, the recessive genotypes individualized in space are separating from the dominant types and this in its turn leads to «a decrease of dominants from the centers towards the periphery of spreading». «That, – emphasized Vavilov, explains a lot, even for humans» (Vavilov, 1966: 141). It was the law that allowed N.I. Vavilov and D.D. Bukinich to explain the existence of population of people with the light pigmentation of their skin in the mountains of Nuristan, geographically remote from the center of racial formation of Afghanistan region, forced out to the highlands and isolated as if being on the periphery of Caucasian race.

A similar situation could seemingly emerge on the Ukok Plateau, where the Pazyryk people who arrived here may have evolved for some time in relative isolation.

In the late 3rd – early 2nd centuries BC, being pressed by attacks of the Huns moving from Central Asia towards the north, some part of the Pazyryk population was forced to abandon its original habitat in Gorny Altai and migrate to the northern regions

through the areas populated by related Samoyedic peoples referred to the Bolsherechenskaya and the Kizhirovo cultures who were more likely to be involved in the process of migration (Fig. 11). They apparently moved along the Ob River and penetrated into the taiga zone of West Siberia (being ecologically rather similar to the mountain-taiga zones of Altai). In this area the Irano-Samoyedic population came into contacts with the Ugrian and probably with other ethnic groups to form the first Samoyedic communities in the region. Peoples who migrated from south have maintained Samoyedic language, specific features in material and spiritual cultures and, certainly, their ancestral genetic roots. In the process of mixing with populations of South Siberia, the Samoyedic peoples of Middle Siberia had their ethnocultural identity finally developed.

The subsequent waves of Samoyedic migrations from their original territories in Sayano-Altai were caused by Turkization of the peoples inhabited South Siberia which resulted in assimilation or expulsion of separate groups of population to the north occurring in several phases (Vasiliev, 1974) by different routes. These processes have resulted in the development of various models of ethnogenesis and specific character between different Samoyedic peoples of Siberia (Vasiliev, 1979).

References

- Alexeev V.P. 1979**
Istoricheskaya antropologiya. Moscow: Vyssh.shk., p. 276.
- Alexeev V.P. 1988**
Demograficheskaya i etnicheskaya situatsiya. In *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha klassoobrazovaniya*. Moscow: Nauka, pp. 297–298.
- Alexeev V.P. 1989**
Istoricheskaya antropologiya i etnogenez. Moscow: Nauka, p. 440.
- Arutyunov S.A. 1989**
Narody i kultury. Razvitie i vzaimodeistvie. Moscow: Nauka, p. 250.
- Balandin G.V., Astafiev A.V. 2000**
Kurgany epokhi pozdnei bronzy s poluostrova Mangyshlak. In *Problemy izucheniya eneolita i bronzovogo veka Yuzhnogo Urala*. Orsk, pp. 149–166.
- Barkova L.L., Gokhman I.I. 1994**
Proiskhozhdenie rannikh kochevnikov Altaya v svete dannykh paleoantropologii i analiza ikh izobrazhenii. In *Elitnyie kurgany stepei Evrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu*. St. Petersburg, pp. 24–34.
- Bernshtam A.N. 1950**
Problemy drevnei istorii i etnogeneza Yuzhnogo Kazakhstana. *Izvestiya AN KazSSR (Ser. «Arkeologiya»)*, iss. 2, No. 67: 59–99.

- Bokovenko N.A., Moshkova V.G., Mogilnikov V.A. 1992**
Osnovnyie problemy v izuchenii pamyatnikov drevnikh skotovodov Zapadnoi, Yuzhnoi Sibiri i Zabaikaliya. In *Stepnaya polosna aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moscow: Nauka, pp. 151–160.
- Borodovskii A.P., Borodovskaya E.L. 2009**
Arkheologicheskoye naslediyе nizhnei Katuni. Novosibirsk, pp. 151–160.
- Borodovskaya E.L. 2009**
Gornaya dolina nizhnei Katuni v epokhu paleometalla. Cand. Sc. (History) dissertation. Novosibirsk, p. 18.
- Castren M.A. 1853**
Reiseerinnerungen aus den Jaren 1838–1844. In *M. Alexander Castren's nordische Reisen und Forschungen*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Keiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1: 308.
- Castren M.A. 1855**
Wortverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Keiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. 8: 404.
- Castren M.A. 1860**
Puteshestvie po Laplandii, Severnoi Rossii i Sibiri (1838–1844, 1845–1849). *Magazin zemlevedeniya i puteshestvii*, vol. 6: 279.
- Chernetsov V.N. 1947**
K istorii rodovogo stroya u obskikh ugrov. *Sovetskaya etnografiya*, iss. 6/7: 160.
- Chikisheva T.A. 1996**
K voprosu o formirovaniі antropologicheskogo sostava naseleniya pazyrykskoi kultury Gornogo Altaya. In *Noveishiyе arkheologicheskkiye i etnograficheskkiye otkrytiya v Sibiri: Materialy IV Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 1996 g.* Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN, pp. 249–252.
- Chikisheva T.A. 1997**
K voprosu ob antropologicheskome skhodstve naseleniya pazyrykskoi kultury i sakskei etnokulturnoi obshchnosti. In *Noveishiyе arkheologicheskkiye i etnograficheskkiye otkrytiya v Sibiri: Materialy V Godovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 1997 g.* Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN, pp. 314–320.
- Chikisheva T.A. 1998**
Osobennosti dinamiki antropologicheskogo sostava naseleniya Gornogo Altaya v drevnosti. In *Sibir v panorame tsysyachetii: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN. Vol. 1: 631–643.
- Chikisheva T.A. 2000**
Noviyе danniyе ob antropologicheskome sostave naseleniya Altaya v epokhi neolita–bronzy. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, No. 1 (1): 139–148.
- Chikisheva T.A., Gubina M.A. 2008**
Nekotoryye rezultaty peleogeneticheskogo i antropologicheskogo izucheniya drevnego naseleniya Gornogo Altaya. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri*. Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN. Vol. 14: 275–281.
- Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. 2000**
Antropologiya naseleniya Gornogo Altaya v gunnosarmatskoye vremya. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, No. 3 (3): 116–131.
- Derevianko A.P., Molodin V.I., Markin S.V. 1987**
Archeologicheskkiye issledovaniya na Altae v 1986 g. (Predvaritelnyie itogi sovetsko-yaponskoi ekspeditsii). Preprint. Novosibirsk, p. 76.
- Dolgikh B.O. 1961**
Bytovyye rasskazy entsev: zapisi, vvedenie i kommentarii B.O. Dolgikh. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*. Moscow: Izd. AN SSSR. Iss. 66: 244.
- Dolgikh B.O. 1962**
Rodovaya ekzogamiya u nganasan i entsev. *Sibirskiy etnograficheskii sbornik. IV*. Nov. ser., vol. 78: 224.
- Dolgikh B.O. 1964**
Rod, frantriya, plemya u narodov Severnoi Sibiri. In *Doklad na VII Mezhdunarodnom kongresse antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk*. Moscow: Nauka, pp. 2, 7–8.
- Dulzon A.P. 1960**
Etnicheskii sostav drevnego naseleniya Zapadnoi Sibiri po dannym toponimiki. In *Doklad na XXV Mezhdunarodnom kongresse vostokovedov*. Moscow: Izd. Vost. lit., p. 11.
- Elert A.Kh. 1999**
Narody Sibiri v trudakh G.F. Millera. Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN, p. 239.
- Fisher I.E. 1774**
Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri i do zavoevaniya sei zemli Rossiiskim oruzhiem. St. Petersburg: Izd. Imperatorskoi akademii nauk, p. 632.
- Gerodot. 1972**
Moscow. Kn. IV, 64: 202.
- Gondatti N.L. 1886**
Sledy yazycheskikh verovaniy u manzov. *Trudy etnograficheskogo otdela Imperatorskogo obshchestva lyubitelі estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete*. Kn. 7: 37.
- Goroshchenko A.I. 1901**
Soyoty. *Russkii antropologicheskii zhurnal*. Kn. 6, No. 2: 62–73.
- Gryaznov M.P. 1950**
Pervyi pazyrykskii kurgan. Leningrad, p. 90.
- Gryaznov M.P. 1992**
Altai i prialtayskaya step. In *Stepnaya polosna Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moscow: Nauka, pp. 161–178.
- Handt O., Richards M., Trommsdorff M., Kilger C., Simanainen J., Georgiev O., Bauer K., Stone A., Hedges R., Schaffner W., Utermann G., Sykes B., Pääbo S. 1994**
Molecular genetic analysis of the Tyrolean Ice man. *Science*, vol. 264: 1775–1778.
- Irisov E.A. 1971**
Zhivotnyi mir. In *Gornyi Altai*. Tomsk, p. 189.
- Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri. 1961**
Moscow–Leningrad: Izd. AN SSSR, p. 497.
- Itina M.A. 1992**
Rannie saki Priaraliya. In *Stepnaya polosna Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moscow: Nauka, pp. 31–47.
- Janhunen J. 1983**
On early Indo-European-Samoyed contacts. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne: Symposium Saeculare Societatis Finno-Ugricae*. Helsinki. Vol. 185: 115–127.
- Jettmar K. 1951**
The Altai before the Turks. *Bulletin of the Museum of Far Antiquities*. Stockholm. No. 23: 186–187.

Joki A.J. 1973

Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den Uralischen und Indogermanischen Sprachen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki. Vol. 151: 418.

Kadyrbaev M.K. 1966

Pamyatniki tasmolinskoi kultury. In *Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevniaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana*. Alma-Ata: Nauka, p. 401.

Kazakovtseva M.A. 1998

Polimorfizm mitokhondrialnoi DNK v populyatsiyakh korenogo naseleniya Zapadnoi Sibiri i vostochnykh slavyan. Cand. Sc. (History) dissertation. Novosibirsk.

Karafet T.M., Osipova L.P. 1993

Populyatsionno-geneticheskoe izuchenie severnykh altaitsev (chelkantsev i kumandintsev) v sravnenii s aborigennymi populyatsiyami Severnoi Sibiri. *Altaica*, No. 3: 39.

Khelimskii E.A. 1989

Samodiiskaya lingvisticheskaya rekonstruktsiya i preistoriya samodiitsev. In *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneishaya istoriya Vostoka*. Moscow. Ch. 2: 10–11.

Khlobystin L.P. 1969

O rasselenii predkov samodiiskikh narodov v epokhu bronzy (II tys. do n.e.). In *Etnogenez narodov Severnoi Azii*. Novosibirsk: Izd. IIFiF SO AN SSSR, pp. 133–135.

Khlopin I.N. 1980

Izgotovleniye vorsovykh kovrov v Srednei Azii v epokhu bronzy. In *KSIA*, iss. 161: 31–36.

Khomich L.V. 1976

Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii nentsev. Leningrad, p. 186.

Kiryushin Y.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. 2003

Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Barnaul; Ch. 2: Pogrebarno-pominalnyie komplekсы pazyrykskoi kultury, p. 234.

Kiryushin Y.F., Tishkin A.A. 1997

Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Barnaul; Ch. 1: Kultura naseleniya v ranneskifskoe vremya, p. 232.

Kiselev S.V. 1951

Drevniaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. Moscow, p. 642.

Klyashtornyi S.G. 1964

Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii. Moscow: Nauka, p. 216.

Kosarev M.F. 1964

Bronzovyi vek Srednego Ob-Irtyshiya. Cand. Sc. (History) dissertation. Moscow, p. 16.

Kosarev M.F. 1966

Nekotoree problemy drevnei istorii Ob-Irtyshiya. *Sovetskaya arkhologiya*, No. 2: 24–32.

Kosarev M.F. 1972

Nekotoree voprosy etnicheskoi istorii Zapadnoi Sibiri v epochu bronzy. *Sovetskaya arkhologiya*, No. 2: 81–95.

Kubarev V.D. 1987

Kurgany Ulandryka. Novosibirsk: Nauka, p. 302.

Kubarev V.D. 1991

Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka, p. 270.

Kubarev V.D. 2010

Pamiyatniki karakolskoi kultury Altaya. Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN, p. 264.

Kubarev V.D., Kireev S.M., Cheremisin D.V. 1990

Kurgany urochishcha Bike. In *Arkhologicheskie issledovaniya na Katuni*. Novosibirsk: Nauka.

Kyzlasov L.P. 1959

K voprosu ob etnogeneze khakasov. In *Uchionie zapiski KhakNIYAL*. Abakan. Iss. 7: 70–92.

Kyzlasov L.P. 1977

Uyukskii kurgan Arzhan i vopros proiskhozhdeniya sakskskoi kultury. *Sovetskaya arkhologiya*, No. 2: 71–77.

Litvinskii B.A. 1968

Kangyuisko-sarmatskii farn (k istoriko-kulturnym svyazyam plemion Yuzhnoi Rossii i Srednei Azii. Dushanbe: Donish, p. 120.

Litvinskii B.A. 1984

Istoricheskie sudby Vostochnogo Turkeстана i Srednei Azii (problemy etnokulturnoi obshchnosti). In *Vostochnyi Turkestan i Sredniaya Aziya. Istoriya. Kultura. Svyazi*. Moscow: Nauka, pp. 4–28.

Litvinskii B.A., Pogrebova M.N., Raevskii D.S. 1985

K rannei istorii sakov Vostochnogo Turkeстана. *Narody Srednei Azii i Afriki*, iss. 5: 65–74.

Lukina N.V. 1985

Formirovaniye materialnoi kultury khantov (vostochnaya gruppa). Tomsk: Izd. Tom. Gos. Univ., p. 365.

Margulan A.Kh. 1979

Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana. Alama-Ata: Nauka KazSSR, p. 336.

Marsadolov L.S. 1997

Ob etnogeneze pazyryktsev Altaya. In *Chetviortye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova*. Omsk, pp. 77–80.

Melyukova A.I. 1989

Skifskiy pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya. In *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkhologiya SSSR*. Moscow: Nauka, pp. 51–67.

Mogilnikov V.A. 1983

Ob etnicheskom sostave kultur Zapadnoi Sibiri v epokhu zheleza. In *Etnokulturnyye protsessy v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izd. Tom. Gos. Univ., pp. 77–89.

Mogilnikov V.A. 1986

Nekotorye aspekty etnokulturnogo razvitiya Gornogo Altaya v rannem zheleznom veke. In *Materialy po arkhologii Gornogo Altaya*. Gorno-Altaysk: Izd. GANIYAL, pp. 43–44.

Molodin V.I. 1981

O svyazyakh irmenskoii kultury s begazy-dandybaevskoi kulturoi Kazakhstana. In *Sibir v proshlom, nastoyashchem i budushchem*. Novosibirsk: Izd. IIFiF SO AN SSSR. Iss. 3: Istoriya i kultura narodov Sibiri, pp. 15–17.

Molodin V.I. 1983

Retrospektivnyi metod i opyt ego primeneniya: (K voprosu o vozmozhnosti etnicheskoi interpretatsii arkhologicheskikh pamyatnikov). In *Metodologicheskie i filosofskie problemy istorii*. Novosibirsk: Nauka, pp. 275–286.

Molodin V.I. 1993

Osnovnyie itogi arkhologicheskikh issledovaniy Zapadno-Sibirskogo otryada Severo-Aziatskoi kompleksnoi ekspeditsii na ploskogoriye Ukok letom 1992 goda. *Altaica*, No. 2: 17–20.

Molodin V.I. 1998

Nakhodki begazy-dandybaevskoi kultury v Sintszyane i ikh znachimost dlya ponimaniya kulturno-istoricheskikh protsessov v zapadnykh raionakh Tsentralnoi Azii. In *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii: Materialy VI Godovoi sessii Instituta*

- arkheologii i etnografii SO RAN 1998 g. Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN, pp. 286–289.
- Molodin V.I. 2000**
Pazyrykskaya kultura: problemy etnogeneza, etnicheskoi istorii i istoricheskikh sudeb. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, No. 4 (4): 131–142.
- Molodin V.I. 2003**
Etnogenez, etnicheskaya istoriya i istoricheskiye sudby nositelei pazyrykskoi kultury Gornogo Altaya. In *Naselenie Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleznoogo veka kak etnokulturnyi fenomen: proiskhozhdeniye, genesis, istoricheskiye sudby (po dannym arkheologii, antropologii, genetiki)*, V.I. Molodin (ed.). Novosibirsk: Izd. SO RAN, pp. 148–178. (Integratsionnyie proekty SO RAN; iss. 1).
- Molodin V.I. 2006**
Karakolskaya kultura. In *Okunevskii sbornik: Kultura i eiyo okruzheniye*. St. Petersburg, pp. 273–282.
- Molodin V.I. 2007**
Issledovaniya Rossiisko-germansko-mongolskoi ekspeditsii na severo-zapade Mongolii letom 2006 g. *Rossiiskaya arkheologiya*, No. 4: 42–50.
- Molodin V.I., Borodovskii A.P. 1994**
Ruchnyie zhernova v drevnei pogrebalnoi obryadnosti Zapadnoi Sibiri. *Altaica*, No. 4: 72–79.
- Molodin V.I., Neskrov A.V. 1992**
O svyazyakh naseleniya Zapadno-sibirskoi lesostepi i Kazakhstana v epokhu pozdnei bronzy. In *Margulanovskie chteniya 1990 goda*. Moscow: Nauka. Ch. 1: 244–246.
- Molodin V.I., Parzinger G., Tseveendorj D. 2007**
Das Krigergrab von Olon-Kurin-Gol. Im *Zeichen des goldenen Greifen. Königsgraber der Skythen*. München; Berlin; London; New York, S. 148–155.
- Molodin V.I., Romashchenko A.G., Voevoda M.I., Chikisheva T.A. 2000**
Multidistsiplinarnyi analiz nositelei pazyrykskoi kultury (arkheologiya, antropologiya, genetika). In *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoecologiya, antropologiya i arkheologiya*. Moscow: IA RAN, pp. 59–66.
- Napolskikh V.V. 1997**
Vvedeniye v istoricheskuyu uralistiku. Izhevsk: Izd. UdmNIIYAL.
- Okladnikov A.P. 1957**
Iz istorii etnicheskikh i kulturnykh svyazei neoliticheskikh plemion Srednego Yeniseya (k voprosu o proiskhozhdenii samodiiskikh plemion). *Sovetskaya arkheologiya*, No. 1: 26–55.
- Pelikh G.I. 1981**
Selkupy XVII v. (Ocherki sotsialno-economiceskoi istorii). Novosibirsk: Nauka, p. 46.
- Pilipenko A.S., Romashchenko A.G., Molodin V.I., Parzinger H., Kobzev V.F. 2010**
Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 2, No. 4: 231–236.
- Pogrebova M.N., Raevskii D.S. 1988**
Rannii zheleznyi vek. In *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekoviyi*. Moscow, pp. 156–189.
- Polosmak N.V. 1994**
«Stereoshchiye zoloto grify» (Ak-Alakhinskiye kurgany). Novosibirsk: Nauka, p. 125.
- Polosmak N.V. 1996**
Pogrebeniye znatnoi pazyrykskoi zhenshchiny. In *Vestnik drevnei istorii*, No. 4: 142–168.
- Polosmak N.V. 1998**
Pazyrykskaya kultura. Rekonstruktsiya mirovozzrencheskikh i mifologicheskikh predstavlenii. Dr. Sc. (History) dissertation. Novosibirsk.
- Polosmak N.V. 2001**
Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: INFOLIO, p. 336.
- Polosmak N.V., Barkova L.L. 2005**
Kostyum i tekstil pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.). Novosibirsk: INFOLIO, p. 232.
- Polosmak N.V., Molodin V.I. 2003**
Arkheologicheskiye komplekсы epokhi rannego zheleza ploskogoriya Ukok kak istochnik integratsionnykh issledovaniy. In *Naselenie Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleznoogo veka kak etnokulturnyi fenomen: proiskhozhdeniye, genesis, istoricheskiye sudby (po dannym arkheologii, antropologii, genetiki)*, V.I. Molodin (ed.). Novosibirsk: Izd. SO RAN, pp. 14–63. (Integratsionnyie proekty SO RAN; iss. 1).
- Polosmak N.V., Shumakova E.V. 2000**
Yugo-Zapadnye svyazi pazyrykskoi kultury (tkani). In *Vzaimodeistviye kultur i tsivilizatsii*. St. Petersburg, pp. 145–148.
- Potapov L.P. 1957**
Proiskhozhdeniye i formirovaniye khakasskoi narodnosti. Anakan: Krasnoyar. kn. izd., Khakas. otd-niye, p. 308.
- Prokofiev G.N. 1940**
Etnogoniya narodnosti Ob-Yeniseyskogo basseina. *Sovetskaya etnografiya*, No. 3: 67–76.
- Prytkova N.F. 1970**
Odezhda narodov samodiiskoi gruppy kak istoricheskii istochnik. In *Odezhda narodov Sibiri*. Leningrad: Nauka, pp. 3–99.
- Radlov V.V. 1989**
Iz Sibiri (stranitsy dnevnika). Moscow: Nauka, p. 718.
- Rudenko S.I. 1914**
Antropologicheskoye issledovaniye inorodtsev Severo-Zapadnoi Sibiri. In *Zapiski Akademii nauk po fiziko-matematicheskomu otdeleniyu*, vol. 33: 68–76.
- Rudenko S.I. 1948**
Vtoroi pazyrykskii kurgan. Leningrad: Iskusstvo, p. 54.
- Rudenko S.I. 1952**
Gorno-Altayskiye nakhodki i skify. Moscow; Leningrad, p. 260.
- Rudenko S.I. 1953**
Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad, p. 402.
- Rudenko S.I. 1960**
Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad, p. 359.
- Rudenko S.I. 1968**
Drevneishiy v mire khudozhestvennyie kovry i tkani iz oledenykh kurganov Gornogo Altaya. Moscow, p. 136.
- Rychkov Y.G. 1965**
Osobennosti serologicheskoi differentsiatsii narodov Sibiri. *Voprosy antropologii*, iss. 21, pp. 18–33.
- Samashev Z., Bazarbaeva G., Zhumabekova G., Sungatai S. 2000**
Berel. Almaty: Obshchestv. fond «Berel», p. 56.

Savinov D.G. 1991

Vozmozhnosti sinkhronizatsii pismennykh i arkhelogicheskikh dat v izuchenii kultury Yuzhnoi Sibiri skifosarmatskogo vremeni. In *Problemy khronologii i periodizatsii arkhelogicheskikh pamyatnikov Yuzhnoi Sibiri*. Barnaul, pp. 93–96.

Sedov V.V. 1979

Proiskhozhdeniye i ranniaya istoriya slavyan. Moscow: Nauka, p. 158.

Shluger S.A. 1941

Antropologicheskiye issledovaniya nentsev. In *Kratkiye soobshcheniya o nauchnykh rabotakh Instituta i Muzeya antropologii*. Moscow: Izd. Mos. Gos. Univ., pp. 42–46.

Shnirelman V.A. 1996

Arkheologiya i lingvistika: problemy korrelyatsii v kontekste etnogeneticheskikh issledovaniy. *Vestnik drevnei istorii*, No. 4. 89–94.

Shulga P.I. 1997

O saksom vliyaniy na Altai v ranneskifskoye vremya. In *Chevtiortye istoricheskiye chteniya pamyati M.P. Gryaznova*. Omsk, pp. 193–196.

Shulga P.I. 1999

O proiskhozhdenii i rannem etape razvitiya pazyrykskoi kultury. In *Sibir v panorame tysyacheletii: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN. Vol. 1: 702–712.

Sportivnaya okhota v SSSR. 1981

Moscow, p. 230.

Stepanov V.A. 2001

Etnogenomika naseleniya Severnoi Yevrazii. Dr. Sc. (History) dissertation. Tomsk, p. 36.

Stepanova N.F. 1986

Kuyumskii tip pamyatnikov VIII–VI vv. do n.e. In *Skifskaya epokha Altaya*. Barnaul: Izd. Alt. Gos. Univ, pp. 79–81.

Stepanova N.F. 2000

Pogrebalniye komplekсы skifskogo vremeni Srednei Katuni. Cand. Sc. (History) dissertation. Barnaul, p. 27.

Stratanovskii G.A. 1972

Primechaniya. In *Gerodot. Istoriya (v 9 kn.)*. Leningrad: Nauka, p. 520.

Surazakov A.S. 1988

Gornyi Altai i ego severnyie predgoriya v epokhu rannego zheleza. *Problemy khronologii i kulturnogo razgranicheniya*. Gorno-Altaysk: Alt. kn. izd., p. 126.

Tishkin A.A., Dashkovskii P.K. 2003

Sotsialnaiya struktura i sistema mirovozzrenii naseleniya Altaya skifskoi epokhi. Barnaul: Izd. Alt. Gos. Univ, p. 430.

Udodov V.S. 1994

Epokha razvitoi i pozdnei bronzy Kulundy. Cand. Sc. (History) dissertation. Barnaul, p. 16.

Vadetskaya E.B. 1983

Poiski «samoditsev» na Yenisee. In *Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii samodiiskikh narodov*. Omsk: Izd. Om. Gos. Univ., pp. 20–23.

Vasiliev V.I. 1967

Yuzhnosamodiiskie komponenty v sostave entsev. In *Et-nicheskaya istoriya i natsionalnoye razvitie narodov mira: Tezisy dokladov konferentsii molodykh nauchnykh sotrudnikov i aspirantov*. Moscow, pp. 16–17.

Vasiliev V.I. 1974

K probleme etnogeneza severosamodiiskikh narodov. In *Sotsialnaya organizatsiya i kultura narodov Severa*. Moscow: Nauka, pp. 133–175.

Vasiliev V.I. 1979

Problemy formirovaniya severosamodiiskikh narodnosti. Moscow: Nauka, p. 243.

Vasiliev V.I. 1987

Problemy formirovaniya frantriialno-rodovoi organizatsii u narodov severa Zapadnoi i Srednei Sibiri v svete ikh etnogeneza. In *Traditsionniye verovaniya i byt narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, p. 139.

Vavilov N.I., Bukinich D.D. 1959

Zemel'delcheskii Afganistan. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR. Vol. 1: 429.

Vavilov N.I. 1966

Pisma k Vernadskommu. *Genetika*, iss. 8: 141–143.

Verbov G.D. 1939

Perezhitki rodovogo stroya u nentsev. In *Sovetskaya etnografiya*, No. 2: 47–54.

Vladimirov V.N., Shulga P.I. 1984

Noviye materialy po skifskoi epokhe Gornogo Altaya. In *Arkheologiya i etnografiya Yuzhnoi Sibiri*. Barnaul: Izd. Alt. Gos. Univ., pp. 97–104.

Voevoda M.I., Romashchenko A.G., Sitnikova V.V.,

Shulgina E.O., Kozhev V.F. 2000

Sravnienie polimorfizma mitokhondrialnoi DNK pazyryktsev i sovremennogo naseleniya Yevrazii. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologia Yevrazii*, No. 4: 88–99.

Voevoda M.I., Sitnikova V.V., Romashchenko A.G.,

Chikisheva T.A., Polosmak N.V., Molodin V.I.,

Derevianko A.P., Shumnyi V.K. 1998

Molekulyarno-geneticheskii analiz mitokhondrialnoi DNK predstavitelei pazyrykskoi kultury Gornogo Altaya (IV–II vv. do n.e.). In *Doklady RAN*, vol. 358, No. 4: 564–566.

Wainshtain S.I. 1961

Tuvintsy-todzhintsy. Moscow: Vost. lit., p. 218.

Wainshtain S.I. 1970

Problema proiskhozhdeniya olenevodstva v Yevrazii (Sayanskii ochag odomashnivaniya oleniya). *Sovetskaya etnografiya*, No. 6: 3–14.

Wells R.S., Yuldasheva N., Ruzibakien R.,

Underhill P.A., Evseeva I., Blue-Smith J.,

Jin L. et al. 2001

The Eurasian Heartland: A continental perspective on Y-chromosome diversity. In *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*, vol. 98, No. 18: 10244–10249.

Witt V.O. 1952

Loshadi Pazyrykskikh kurganov. In *Sovetskaya arkheologiya*, No. 16: 165–179.

Zadneprovskii Y.A. 1992

Rannie kochevniki Yuzhnogo Kazakhstana i Tashkentskogo oazisa. In *Stepnaya polosna Aziatskoi chasti SSSR v skifosarmatskoye vremya*. Moscow: Nauka, pp. 101–107.

Zhongguo. 1996

Aertaishan Caoyuan wenwu. Shenchou: Xinjiang meishu sheying, p. 96.

В.П. Мыльников

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

АРХИТЕКТУРА ДЕРЕВЯННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ (АЛТАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ)

Общеизвестно, что архитектура (лат. *architectura*, от греч. *architéktón* – строитель) – это зодчество, система зданий и сооружений, формирующих пространственную среду для жизни и деятельности людей, а также само искусство создавать эти здания и сооружения в соответствии с законами красоты. Деревянная архитектура – обширная область архитектуры, искусство строить из дерева, обладающее особой спецификой, определяемой характером материала и строительными приемами. Существует две основных конструктивных системы деревянных построек – срубная и каркасная, которые были известны со времен верхнего палеолита [Столяр, 1985, с. 192, рис. 140–142; с. 204], в эпоху бронзы окончательно сложились, на протяжении многих веков совершенствовались и почти без существенных изменений дошли до нашего времени. Древняя архитектура, по выражению специалистов – летопись истории, застывшая музыка. Архитектура парадоксально соединяет в себе результат строительной деятельности и вершину художественного творчества. С одной стороны, технология, организация производства, с другой – искусство, говорящее на языке пространственных форм. Архитектура – пространство, организованное человеком и для человека, приспособленное для вполне определенных целей [Гутнов, 1985, с. 12]. Три составляющие единого архитектурного целого – функция, конструкция, форма. Формула этого триединства – формула Витрувия «прочность – польза – красота» (Там же, с. 14). Извечная проблема архитектуры – как связаны между собой функция и форма. Внешняя форма – объем архитектурного сооружения – содержит используемое чело-

веком, то есть функциональное осмысленное внутреннее пространство (интерьер).

Деревянная архитектура скифского времени – неотъемлемая часть мировой архитектуры. В отличие от классической она имеет свои особенности изучения, обусловленные состоянием источника, аналитическими методами их исследования, способами интерпретации и видами реконструкций. Все источники по деревянной архитектуре можно подразделить на археологические (петроглифы, погребальные сооружения), этнографические и письменные.

1. *Состояние археологического источника:* наличие деревянных конструкций (срубы, клети, усыпальницы), степень их целостности и сохранности; следы существования погребальных сооружений из дерева (остатки сгнившего дерева, древесный тлен, деградированное дерево, остатки сгоревшего дерева, могильные ямы, столбовые ямки, ровики).

2. *Методы исследования:* метод визуального контроля – постоянный контроль в процессе раскопок за появлением и состоянием деревянных артефактов от начала расчистки насыпи кургана до полного окончательного исследования памятника. Графическое и описательное фиксирование в полевом дневнике; метод фото- и видеофиксации – непрерывная фиксация на фото- и видеопленку всех этапов и шагов исследования деревянных артефактов – как отдельных предметов, целой конструкции, так и каждой ее детали и узла; метод постоянной атрибуции артефактов – тщательная ежедневная атрибуция всех деревянных предметов, особенно отдельных элементов конструкций (бревна, венцы) и их деталей (угловое сопряжение, разметка венцов, промазка глиной межвенцо-

вых щелей, плотницкие зарубки, выравнивающая щепка, подтеска и т.п.); метод экспресс-реконструкции – быстрое воссоздание первоначального вида строения у места раскопок; метод камеральной экспертизы – заключительное обследование предмета в лаборатории реставрации для уточнения полученной ранее информации и возможного получения новой. Много ценной информации дает метод так называемого отложенного архитектурного обследования археологических объектов. Известный российский археолог В.Д. Кубарев в 70-е годы прошлого века раскопал больше сотни курганов с мерзлотой пазырыкской культуры в Горном Алтае. Все деревянные конструкции, обнаруженные при раскопках, он оставлял в могильной яме, засыпав заполнением. Вторичные раскопки показали прекрасную сохранность артефактов [Слюсаренко, 2000].

3. *Виды археологических реконструкций деревянной архитектуры*: условная (виртуальная), фрагментарная, ограниченно целостная, эталонная.

Условная (виртуальная). При полном отсутствии следов-признаков деревообработки исследуются форма и параметры котлована, порядок расположения столбовых ям и ровиков по периметру и в центре объекта (конфигурация, глубина, ориентация и угол наклона, расстояние друг от друга и т.п.). Внешний вид объекта, устройство стен, крыши, перекрытий потолка и настила пола воссоздаются предположительно (умозрительно). Для технолога такая реконструкция дает минимум специальной информации по технике и технологии обработки дерева, так как не содержит ни материала, ни следов его обработки. Ее можно назвать условной.

Фрагментарная (частичная, неполная). Устанавливаются и изучаются: порядок расположения отпечатков бревен в стенках ямы и жердей на полу, стратиграфическое залегание слоев древесного тлена, сгнивших или обгоревших остатков конструкции. За исключением отдельных деталей с фрагментарно сохранившимися следами-признаками, все остальное – внешняя форма конструкции, устройство стен, вид крыши, способ перекрытия потолка, типы угловых сопряжений, наличие и технологические особенности дверных и оконных проемов воссоздаются условно.

Ограниченно целостная. Полуистлевшие конструкции в момент раскопок почти всегда имеют частично сохранившиеся следы-призна-

ки. Но все это деградированное дерево, кроме отдельных наиболее сохранившихся частей или образцов для дендрохронологического анализа, ввиду сложности или невозможности консервации и хранения приходится оставлять на месте. Досконально изучаются и многократно фиксируются на фото, видео и в чертежах форма объекта, размеры и особенности каждой детали конструкции, порядок и взаимное расположение венцов бревен, угловых сопряжений и т.д. В результате получается практически полная реконструкция.

Эталонная. Стопроцентно целостные объекты, как правило, всегда подвергаются музеефикации. Они, к сожалению, встречаются крайне редко, преимущественно в курганах с мерзлотными образованиями. Хорошая сохранность таких образцов позволяет проводить технико-технологические исследования на этнографическом уровне. Реконструкция такого уровня становится эталонной.

Важно учитывать, что при любом виде реконструкции должна решаться двуединая задача: 1) реконструкция типа сооружения (архитектура – внешний вид предмета, элементы, детали); 2) реконструкция способа его возведения (технология изготовления деталей и узлов, монтаж конструкции).

Архитектура деревянных погребальных сооружений в скифское время выглядит следующим образом.

Российский Алтай. Практически все *внутримогильные*: однокамерные и двухкамерные классические срубные конструкции (рис. 1). Характерная особенность: продольные перекрытия и настилы. У элитных погребений дополнительные каркасно-столбовые *надсрубные конструкции*: навесы, накаты, настилы.

Детали сруба: стены, настил (пол), перекрытие (потолок).

Формы срубов: прямоугольные (из бревен, полубревен, полубруса): с закругленным верхом (из бревен), в форме пирамиды с усеченным верхом (из бревен, полубревен). *Угловые сопряжения бревен*: замок с двухсторонним остатком («в обло»).

Все погребальные сооружения в **Центральном Казахстане и Казахском Алтае** классифицированы по следующим признакам:

– *расположение относительно уровня дневной поверхности*: наземные, полуподземные, внутримогильные;



1



2



3



4

– сложность архитектуры, обусловленная особенностями погребального обряда: однокамерные, двухкамерные, каркасные (рама, клеть), каркасно-столбовые (усыпальницы), срубные (срубы-каркасы, классические срубы);

– особенности монтажа конструкций: угловые сопряжения (замковые, беззамковые), отёска (круглая, одно-четырёхсторонняя), профиль-сечение заготовок (круглые бревна, полубревна, полубрус), проушины;

– материал: тьянь-шаньская ель, лиственница.

В заключение необходимо отметить, что деревянная архитектура элитных погребальных сооружений Казахстана многообразна по сложности исполнения и в плане решения формы конструкции (рис. 2). Разнообразие строительных традиций и технологии возведения и монтажа деревянных погребальных конструкций обусловлено канонами погребального обряда. Это монументальные бревенчатые «усыпальницы» Бесшатыра с коридорами и предвходовыми постройками; высокие срубы-клетки в форме усеченной пирамиды могильника Чиликты [Toleubaev, 2004, р. 51–55]; сруб-каркас с подвижным угловым сопряжением в торец – Иссык; срубы с прямоугольным пазово-шиповым соединением полубрусьев – Берель, курган 11; классические двухкамерные срубы с жесткой вязкой бревен в углах в замок с двухсторонним остатком – Большой Берель и др. Вместе с тем грандиозные «усыпальницы» Бесшатыра пока не имеют аналогов в древней деревянной архитектуре. Генезис формы срубов-клетей могильника Чиликты, курганы 1, 6, 8 уходит корнями в эпоху бронзы: бревенчатая клеть с перекрытием в форме усеченной пирамиды над погребением в кургане Дандыбай 11 [Грязнов, 1953, с. 129–132], монументаль-

Рис. 1. Российский Алтай. Архитектура погребальных сооружений из дерева.

1 – могильник Пазырык, курган 5, внутренний сруб; 2 – могильник Ак-Алаза-3, курган 1; 3 – могильник Верх-Кальджин-2, курган 1; 4 – могильник Уландрык-2, курган 1.

ные деревянные конструкции (камеры-клетки) памятника СБ – Большой курган в Синташте [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 351–356, рис. 205–207]. В раннем железном веке аналогии технологии изготовления подобных конструкций можно проследить при анализе устройства камер-клетей вокруг центрального погребения в царском кургане Аржан. Однокамерному сруб из полубруса могильника Берель, курган 11 есть аналогии в курганных погребениях скифской элиты Российского Алтая: внутренние срубы в двухкамерных сооружениях могильника Пазырык, курганы 1, 2; однокамерный сруб в том же могильнике, курган 4; однокамерный сруб могильника Башадар, курган 1; внутренний сруб в могильнике Туэкта, курган 1; внутренний сруб в кургане Кутургунтас. Единственное отличие – у всех элитных срубов Российского Алтая угловая вязка полубруса в углах «в замок с двухсторонним остатком». Своеобразие элитных погребальных сооружений из дерева в Казахстане заключается еще и в том, что все они, за исключением некоторых курганов могильника Берель, маркирующего границы распространения пазырыкской культуры на западе, однокамерные. Все рассмотренные элитные погребальные сооружения Казахстана, исключая Исык, не имели деревянного настила пола. В соседнем Российском Алтае, напротив, практически все погребальные конструкции пазырыкской элиты были двухкамерные, и почти у всех присутствовал настил пола из плах, а в Туэкте 1 двойной.

Монгольский Алтай. *Внутримогильные:* классические однокамерные срубы с угловой вязкой «в обло» – замок с двухсторонним остатком из бревен и полубревен. Перекрытия настилы продольные из односторонне отесанных бревен. Формы: прямоугольные и усеченная пирамида (рис. 3).

Тува. *Наземные:* монументальная срубно-каркасная круглая в плане деревянная конструкция диаметром 120 м из бревен. В центре два классических сруба – один в другом. Угловая вязка «в охлуп» – замок с двухсторонним остат-

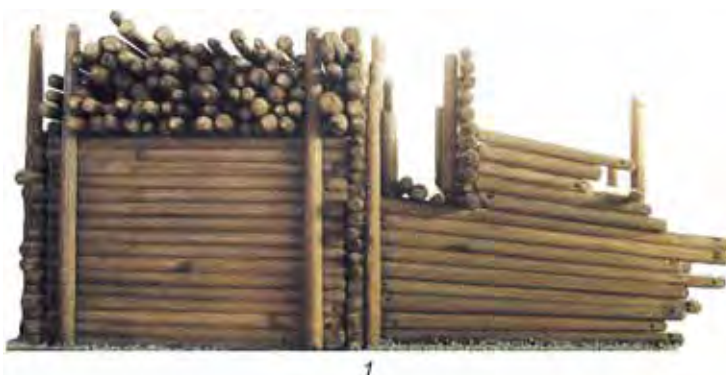


Рис. 2. Казахский Алтай. Архитектура погребальных сооружений из дерева.

1 – могильник Бешагыр, курган 6; 2 – могильник Чиликты; 3 – могильник Берель, курган 11.

ком. Внешний сруб собран из круглых бревен с перекрытием, но без настила пола. Внутренний – с внутренней отеской «в лас», продольным перекрытием из односторонне отесанных бревен и продольным настилом пола из полубревен. К двухкамерному погребальному сооружению последовательно пристроены 5–7 концентрических кругов из 70 клеток: срубы-клетки трапе-



1

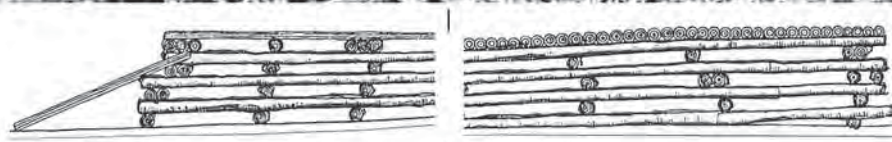


2

Рис. 3. Монгольский Алтай. Архитектура погребальных сооружений из дерева.
1 – могильник Олон-Курин-гол-10, курган 1; 2 – могильник Олон-Курин-гол-6, курган 2.



1



2



Рис. 4. Саяно-Алтай. Архитектура погребальных сооружений из дерева.
1 – могильник Аржан, курган 1; 2 – могильник Аржан, курган 2, погребение 5.

циевидной в плане формы разного размера из массивных бревен (рис. 4, 1).

Внутримогильные: классические двухкамерные и однокамерные срубы с угловой вязкой «в охлуп» и «в обло» – замок с двухсторонним остатком из бревен и полубревен (рис. 4, 2). Перекрытия и настилы продольные и поперечные из односторонне отесанных бревен. Формы: прямоугольные, квадратные и усеченная пирамида. Надсрубные сооружения у элитных отсутствуют. Наиболее наглядным в плане исследования археологической архитектуры являются погребальные конструкции в кургане Аржан-2, погребение 5 [Мыльников, Парцингер, Чугунов, Наглер, 2002; Мыльников, 2006; Mylnikov, 2010].

Список литературы

- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казхстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.
- Грязнов М.П.** Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. – 1953. – № 16. – С. 129–162.
- Гутнов А.Э.** Мир архитектуры: (Яз. архитектуры). – М.: Мол. гвардия, 1985. – 351 с.
- Мыльников В.П., Парцингер Г., Чугунов К.В., Наглер А.** Элитное погребальное сооружение из дерева в Туве // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 396–402.
- Мыльников В.П.** Полевое и камеральное изучение археологических деревянных предметов (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 200 с.
- Слюсаренко И.Ю.** Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.
- Столяр А.Д.** Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 298 с.
- Черников С.С.** Загадка Золотого кургана: Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – 189 с.
- Mylnikov V.** Die Holzbearbeitungstechnik der Balkenkammer aus Grab 5 // Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skuthenzeitliche Fürstentkurgan Aržan 2 in Tuva. – Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, 2010. – S. 232–242. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 26). – (Stepenvölker Eurasiens; Bd 3).
- Toleubaev A.** Snow Leopards, Eagle-Felines, and Golden Deer Treasures from the “Hill of Horse Races” // Of Gold and Grass: Nomads of Kazakhstan: The Exhibition Catalogue is Exclusively Sponsored by: Access Industries. – Washington: Access Industries, 2004. – P. 51–55.

А. Наглер

*Германский археологический институт
Берлин, Германия*

О СТИЛИЗОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ОЛЕНЕЙ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Оригинальные памятники Центральной Азии – оленные камни, каменные стелы с изображениями оружия, поясов, украшений и животных, являются предметом изучения уже длительное время и библиография по ним довольно обширна. В данной статье нет необходимости еще раз обращаться к истории их изучения, достаточно основательно рассмотренной в недавно вышедшей обобщающей монографии по оленным камням Д.Г. Савинова [1994], к которой я и отсылаю читателя.

Попытки решить вопрос о том, какую информацию несут в себе оленные камни, предпринимались неоднократно. Остановлюсь лишь на некоторых из них, наиболее характерных. Так, по В.В. Волкову, оленные камни являются, прежде всего, фигурами воинов, надмогильными изваяниями, но они могут служить и важными элементами культовых сооружений. Изображения оленей и лошадей – животных, посвященных солнечному божеству, являются символами солнца [Волков, 1967, с. 78–79].

М.Л. Подольский отождествляет оленные камни с моделирующим систему мироздания мировым столбом. Разделив изображения на них на три зоны, он считает их трехчастной моделью мира [Подольский, 1987, с. 130–132]. По мнению В.С. Ольховского, оленные камни являются образами мирового столпа, мирового дерева, а также фаллоса [1989, с. 54]. Так же как и М.Л. Подольский, он делит изображения на зоны и дает объяснение их содержания исходя из текстов Ригведы.

С.С. Сорокин считает оленные камни олицетворением священной коновязи [1987, с. 12–14].

По Э.А. Новгородовой, это памятники, связанные с культом предков, олицетворение «олени (позднее коня) – предка, солнца, тотема». Разделив

изображения на три зоны, она видит их в единстве, передающем суть строения вселенной [1984, с. 105–109]. По мнению М.Е. Килуновской, олень на оленных камнях является символом солнечного божества, и объяснение семантики его образа можно найти в Ригведе, Махабхарате, Авесте и эпосе о Гильгамеше [1984, с. 26–28]. В.Д. Кубарев считает оленные камни стилизованными изваяниями особо почитаемых древних воинов, вместилищем душ умерших [1979, 3, с. 84–90].

На мой взгляд, наиболее интересное объяснение оленным камням дано В.Н. Добжанским, справедливо оценившим предметы вооружения на оленных камнях как сакрализованные. По его мнению, оленные камни отражают сложившуюся практику устанавливать после смерти выдающегося воина изваяния, в которых герой узнавался по его воинским атрибутам, и эти изваяния являются отражением начальных этапов формирования героического эпоса [1984, с. 108–111].

В данной статье мне хотелось бы остановиться на одном из изображений на оленных камнях 1-го типа по Д.Г. Савинову [1994, с. 119–126, табл. 1–3].

На них доминирующими и определяющими весь облик камня являются крупные изображения стилизованных оленей, которые, собственно, и дали название всей этой группе памятников. Олени имеют непропорционально удлиненные туловища с характерными плавными изгибами, клювовидные морды и длинные ветвистые рога, составленные из S-образных отростков. Ноги или вообще отсутствуют, или непропорционально малы и показаны достаточно символично, порой просто в виде небольших отростков. В целом нельзя не заметить, что они являются

второстепенным элементом, а основными, выделенными частями данных рисунков являются туловище и рога.

В то же время другие изображения животных (хищники, кони, кабаны, олени, козлы), порой встречающиеся вместе со стилизованными оленями на одной стеле, пропорциональны и исполнены достаточно реалистично, хотя и создают впечатление некоторой стилизации. Но это, скорее всего, не стилизация, а отражение сложившегося определенного изобразительного канона. Совершенно реалистично на стелах изображены предметы вооружения, а также украшения и пояса. На них проработаны иногда даже мелкие детали. Так, например, особо тщательно проработаны очертания больших ножей (скорее всего это воинская принадлежность) и кинжалов, где абсолютно узнаваемы зооморфные навершия, а также характерные трапециевидные расширения оконечностей ножен. То же можно сказать и о изображениях серег, оселков, поясов и других предметов (рис. 1, 2).



Рис. 1. Бронзовые ножны карасукского кинжала с трапециевидным окончанием (а). Изображение кинжала и оселка на оленных камнях (б).

Обращают на себя внимание высокое мастерство и технический уровень исполнения всех изображений. Они имеют четкие очертания и тщательно отшлифованные поверхности. Данное обстоятельство позволяет предположить, что мы имеем здесь дело с древней, достигшей высокого уровня традицией обработки камня. Где лежат ее истоки и происходило развитие, на сегодняшний день неизвестно и, собственно, вопрос этот в науке до сих пор не рассматривался. Остается лишь сожалеть о том, что для оленных камней мы располагаем лишь различного качества рисунками изображений на них, или фотографиями, не дающих цельного представления об этих великолепных памятниках. В этой связи можно лишь отметить, что подобная техника обработки изображений на камне – шлифовка линий, своего рода их «врезание» в камень, а также тщательная шлифовка поверхностей – в Центральной Азии известны пока только в памятниках окуневской культуры [Наглер, 2001, с. 116–117], а преемственность в изобразительной традиции окуневских стел и оленных камней давно отмечена (см., напр. [Кубарев, 1979, с. 91–97; Дэвлет, с. 1976, 29–30]). Уже неоднократно высказывалось предположение о том, что «врезание» изображения в камень имеет свои истоки в дере-



Рис. 2. Карасукские бронзовые ножи.

вянной резьбе. Наличие в погребальных сооружениях Центральной Азии деревянных столбов фиксировалось в том числе и в таких памятниках, как Аржан 1 [Чугунов, 2007, с. 105–109].

Таким образом, оленные камни демонстрируют со всей очевидностью, что все изображенные на них предметы и животные реалистичны, а единственным исключением являются стилизованные олени, у которых, строго говоря, оленьими являются только рога, в то же время туловище чрезмерно удлинено и по своим пропорциям не имеет ничего общего с реальным оленьим туловищем. Его передняя часть всегда в большей или меньшей степени изогнута вверх, сужается к концу и завершается круглым глазом и длинными губами, напоминающими птичий клюв. Голова совершенно не выделена, задняя часть туловища иногда имеет слабый изгиб книзу. Границей передней и задней частей туловища служит треугольный выступ. Если мы уберем с рисунка рога и ноги (которые и для создателей данных изобра-

жений не всегда были обязательны), то выясняется, что оленьего туловища, собственно туловища какого-либо животного на рисунке нет, и в этом случае выступают на передний план и начинают играть решающую роль детали, которые до сих пор ускользнули от внимания исследователей. Эти детали оказываются определяющими, и они сообщают «оленьим туловищам» совершенно иной образ – перед нами достаточно реалистичное изображение карасукского ножа с его характерным изгибом клинка. Причем, как и на других предметах с оленными камнями, здесь встречаются проработанные детали и орнаментация (рис. 3, а–в). Следовательно, то, что мы воспринимаем как стилизованного оленя, на самом деле совершенно очевидно является изображением ножа, конец изогнутого острия которого увенчан оленьими рогами (рис. 4). Интерпретация длинных, напоминающих птичий клюв губ весьма затруднительна. Но представляется весьма заманчивым привлечь в данном случае идею, предложенную

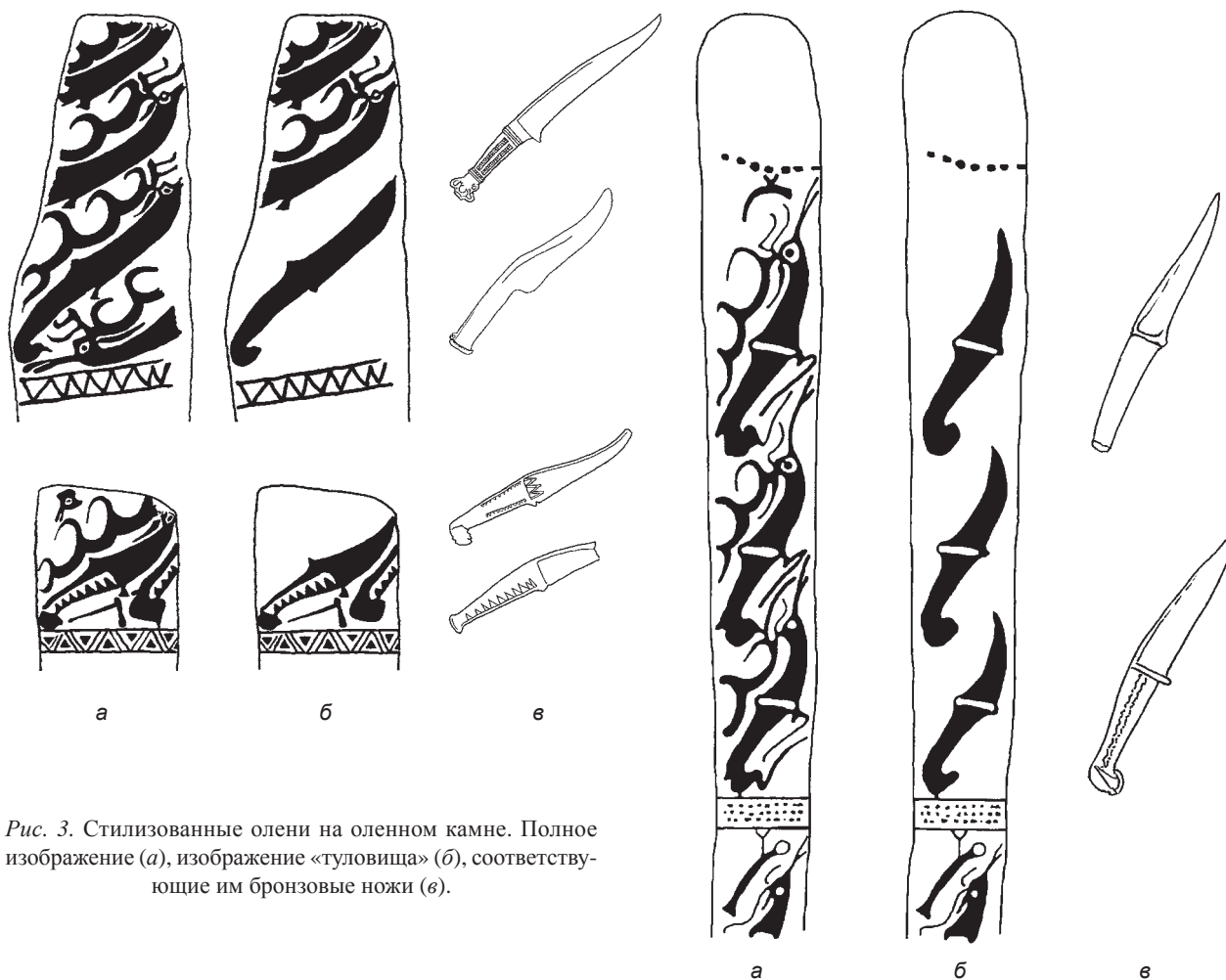


Рис. 3. Стилизованные олени на оленьем камне. Полное изображение (а), изображение «туловища» (б), соответствующие им бронзовые ножи (в).

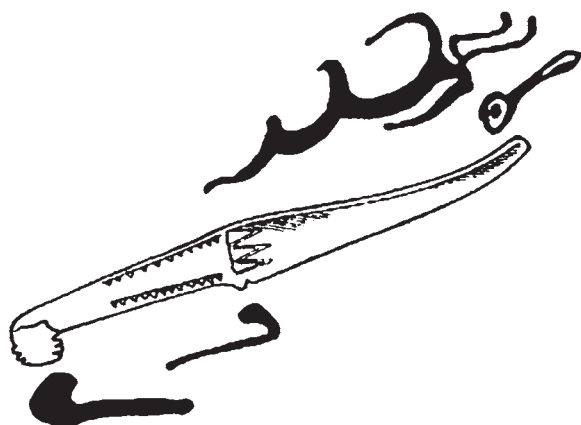


Рис. 4. Бронзовый нож и элементы образа оленя на оленних камнях (голова, рога, ноги).

недавно Д.В. Черемисиным, видеть здесь образ птицы, в частности журавля [Черемисин, 2009, с. 85–94]. Общий птичий облик головных уборов, увенчанных деревянной фигуркой в виде птичьей головки, у пазырыкцев надежно установлен после раскопок курганов с мерзлотой [Полосьмак, 1994, 29, рис. 19; с. 40–43, рис. 34–38; Полосьмак, 1999, с. 150; Полосьмак, 2001, с. 306, табл. XIX; Молодин, 2000, с. 104–105, рис. 125; Молодин, 2007, с. 48–49, рис. 9]. Нельзя исключить того, что данный образ играл важную роль уже в эпоху оленних камней и продолжал жить в скифскую эпоху на Алтае. Тем более что данный случай не единственный. Семантическая связка «нож-олень» представлена на тагарских ножах из Минусинской котловины, ручки которых украшены изображениями увенчанных рогами оленьих голов (в некоторых случаях и оленей целиком), причем они направлены вверх, к острию. На одном из ножей расположение оленя обратное, но он направлен головой в сторону расположенной над ним птицы (рис. 5, 3). Вышивка в виде стилизованных оленьих рогов, направленных к острию, представлена на ножнах, в которых помещены кинжал и нож (рис. 6) (Могильник у Сарагашенского озера, близ с. Батени, раскопки М.П. Грязнова, 1963 г. [Завитухина, 1983, с. 61, 145, рис. 149]).*

*На изображения, представленные на тагарских ножах, посоветовал мне обратить внимание К.В. Чугунов. Он же предоставил мне фотографию ножен, за что выражаю ему мою искреннюю признательность.



Рис. 5. Тагарские бронзовые ножи с изображениями оленьих рогов (оленей) и их прорисовки.

Итак, на оленних камнях 1-го типа изображен не олень, а увенчанный оленьими рогами нож, и это в сочетании с другими предметами вооружения придает памятнику совершенно определенное, а в данном случае и законченное смысловое наполнение. Оно вступает в противоречие с большинством привычных, устоявшихся представлений о семантике этого изображения, а некоторые из них, такие как, например, фаллическое или со-



Рис. 6. Кинжал (а) и подкинжальный нож (б) в ножках с вышитым изображением стилизованных оленьих рогов.

лярное, вообще ставит под сомнение. Представляются также малореальными для скотоводческой среды конца 2-го – начала 1-го тыс. до н.э. и весьма сложные философские концепции о системах мироздания. Многочисленные попытки объяснить смысл рассматриваемых здесь изображений опираясь на такие тексты как Ригведа, Махабхарата, не говоря уже о Авесте и эпосе о Гильгамеше, вряд ли будут и в дальнейшем достаточно продуктивны.

Упомянутая выше оценка В.Н. Добжанским смыслового значения оленьих камней как изваяний, отразивших начальные этапы формирования героического эпоса, которые устанавливались после смерти выдающихся воинов, в которых они узнавались по сакрализованным предметам вооружения, в связи с новым прочтением образа «оленя» выглядит более близкой к реалиям и обоснованной. Это прочтение находит наиболее достоверное объяснение в дошедшем до нас героическом эпосе ранних кочевников Евразии. Семантическое гнездо, включающее

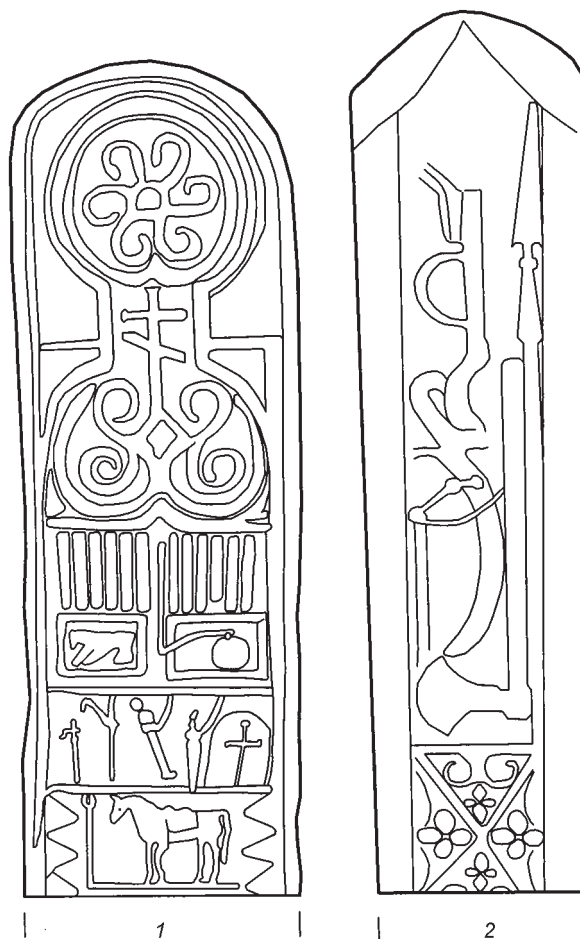


Рис. 7. Осетинский цырт (1) и казахский кулпытас (2).

в себя понятия «выдающийся воин», «герой-олень» находит наиболее реальное объяснение в осетинском языке. Олень – популярнейшее в фольклоре осетин животное. Для мужчины является очень лестным сравнение его с оленем (осет. *Саглаг* – олень-мужчина, добрый молодец) [Абаев, 1979, с. 11–16]. Осетинское устное народное творчество сохранило связку понятий герой-олень-мужчина (осет. *нартон-саг-лаег*). Так, в одной из осетинских легенд повествуется о том, как два разбойника увидели груженную дровами арбу, которую тянули два огромных быка. Один из них предложил убить владельца арбы и завладеть быками, но, увидев владельца этих быков, второй сказал ему: «*Да хуыздаерау фауай, кед дзагъалы цы дзуры! Сугты сар бады нартон саг лаг, уыцы цыдаей цауыныц йа дьууа галы; хъаддзау уыдонма касын, уыдон тарынай андар ницы кусы, – уад та ма уыдон къухы бафтой? Хайраг куы фестай, уаддар сын ницы*

амал арцаудзаен». Перевод с осетинского: «...зря ты такое говоришь! Наверху, на дровах, сидит **нарт-олень-мужчина**, его быки идут ровно, они его помощники и никакой другой работы, кроме как ими управлять, у него нет. Так что удастся ли их нам получить в руки? Даже если ты чертом обернешься, все равно у тебя ничего не получится» [Салагаева, 1990, с. 206–207].

Особенно полное понимание смысла рассматриваемого здесь изображения на оленном камне дает Нартский эпос народов Северного Кавказа и, прежде всего, его ираноязычная осетинская версия, являющаяся по мнению специалистов наиболее архаичной, древнейшие циклы которой сложились в эпоху раннего железа. Согласно новейшим исследованиям, Нартиада не поэтическое произведение, а свод религиозных текстов и норм поведения скифской военной аристократии [Чочиев, 1996, с. 247; Наглер, 2003, с. 221].

В одном из эпизодов осетинского Нартского эпоса повествуется о учреждении богом воинов *Уастерджи* похоронного культа «сиятельных-норожденных» – воинской элиты, элементом которого является установление в память героя поминального столба с оленьими рогами (осет. *Цыртцаваен*). «...Дзерасса 'ма ца Уастырджи уым баныгадтой. Стай йын Дзерасса афта загъы Уастырджийаен: «Аххаст цын цырт сараз, заххы 'мваз куынна уой...Уастырджи дыггаг хатт аркьюырда захх, ама расугд цырт саджы сытима фестади са уала». Перевод с осетинского: Уастерджи ударил по земле и образовалась могила. Дзерасса и Уастерджи их там похоронили (Ахсара и Ахсартага, родоначальников нартской военной элиты). Потом Дзерасса сказала Уастерджи: «В завершение сделай им цырт, чтобы они не были вровень с землей». Уастерджи ударил второй раз по земле и красивый цырт с оленьими рогами появился над ними [Нартский эпос, 1989, с. 183]. В последние годы в Осетии было опубликовано на осетинском языке многотомное полное издание Нартиады*.

Завершая данное сообщение, хотелось бы отметить, что осетины и в наше время устанавливают на родовых кладбищах памятные стелы-цырты в честь мужчин, погибших где-либо на чужбине и не наших усопших в родной

земле. Они устанавливаются родственниками погибшего рядом с могилами близких, и у них производится обряд поминовения такой же, как и у действительных могил. Раньше цырты устанавливались и как придорожные памятники в память о выдающихся личностях. Осетинский цырт представляет собой прямоугольную в сечении стелу, на которой совершенно реалистично и детально изображены предметы быта, вооружения, газыри от черкески, кони. Верх цырты закруглен, и на нем с лицевой стороны часто выбито изображение многолучевой свастики или похожей на нее розеты (рис. 7, 1).

В этой связи представляют значительный интерес западно-казахстанские погребальные каменные стелы – кулпытасы, проанализированные в монографии С.И. Аджигалиева [1994]. По мнению специалистов, культурно-традиционное своеобразие западных казахов связано с основополагающим влиянием массагетского субстрата на этносы Арало-Каспия в течение более тысячелетия. Среди большого количества типов кулпытасов особый интерес для нас представляет «декоративно-эпиграфический» [Там же, с. 23–24, 64, 99], распространенный в южных районах Прикаспия. Это стелы, на которых изображены предметы воинского снаряжения (пояса, переметные сумы) и вооружения (секиры, сабли, копыя, луки, ружья). Как и на осетинских цыртах, изображения отличаются большой достоверностью, проработкой деталей (рис. 7, 2). Истоки генезиса кулпытасов С.И. Аджигалиев видит в оленных камнях, считая их коновязными жертвенными столбами, установленными у могил или поминальных памятников и посвященными высшему солнечному божеству. Кулпытасы завершают длительное развитие этой идеи и вида памятников, существовавшего многие столетия в виде деревянных столбов, до нас не дошедших [Там же, с. 135–138].

Таким образом, стилизованные олени на оленных камнях – это составное изображение, двумя главными частями которого являются реалистично выполненные нож и олени рога. Оно несет в себе следующую информацию: *мужчина (олень) – меч-герой, меч-бог*. В нартском эпосе эти понятия слились в образе рожденного небом Батраза, одного из основных героев нартских сказаний [Дюмезиль, 1977, с. 256–257]. С появлением на арене Батраза нартское общество качественно изменяется. Главенствующую роль в нем начинает играть воинская эли-

*Перевод осетинских текстов на русский язык для данной статьи сделан А.Р. Чочиевым, за что выражаю ему сердечную признательность.

та, главным богом стал бог войны *Уас* [Чочиев, 1985, с. 201–209, 213–216]. Предметы вооружения, такие как лук, боевой топор, оселок, пояс – сакрализуются, а кинжал (меч) к тому же обретает душу. Таким образом, материалы нартского эпоса наилучшим, как мне кажется, образом помогают нам понять не только смысл стилизованного «олена», но и всей информации, которая сосредоточена в оленных камнях. Не менее важным является то очевидное обстоятельство, что они являются археологическим свидетельством эпохальных изменений в обществе, связанных со становлением воинской элиты и ее обожествляемых предводителей; и происходило это не в эпоху раннего железа, а значительно раньше, уже в эпоху поздней бронзы.

Список литературы

- Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л.: Наука, 1979. – Т. 3. – 358 с.
- Аджигалиев С.И.** Генезис традиционной погребально-культурной архитектуры западного Казахстана (на основе исследования малых форм). – Алматы: Гылым, 1994. – 260 с.
- Волков В.В.** Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1967.
- Добжанский В.Н.** Новые аспекты проблемы оленных камней: тез. докл. Второй археол. конф. «Скифо-сибирский мир (искусство и идеология)». – Кемерово, 1984. – С. 108–111.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы Улуг-Хема. – М.: Наука, 1976. – 119 с.
- Дюмезиль Ж.** Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1977. – 276 с.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее. Скифское время. – Л.: Наука, 1983. – 190 с.
- Килуновская М.Е.** Интерпретация оленя в скифо-сибирском искусстве (по материалам петроглифов и оленных камней): тез. докл. Второй археол. конф. «Скифо-сибирский мир (искусство и идеология)». – Кемерово, 1984. – С. 26–28.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая. Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Молодин В.И.** Культурно-историческая характеристика погребального комплекса № 3 могильника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 86–119.
- Молодин В.И.** Исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции на северо-западе Монголии летом 2006 г. // РА. – 2007. – № 4. – С. 42–50.
- Наглер А.** К проблеме формирования скифо-сибирского звериного стиля // Третья Кубанская археологическая конференция: тез. докл. – Краснодар, 2001. – С. 115–121.
- Наглер А.** Курган могильника Байкара – святилище скифского времени // Парцингер Г., Зайберт В., Наглер А., Плешаков А. Большой курган Байкара. Исследование скифского святилища. – Майнц: Филипп фон Зайберт, 2003. – С. 221–229. – (Archäologie in Eurasien; N 19).
- Нартский эпос.** – Владикавказ: Ир, 1989. – Т. 1. – 211 с. (на осет. яз.).
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Ольховский В.С.** Оленные камни (к семантике образа) // СА. – 1989. – № 1. – С. 48–62.
- Подольский М.Л.** Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 127–132.
- Полосьмак Н.В.** «Стерегиущие золото грифы» (Ак-Алахиинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.
- Полосьмак Н.В.** Воинские шлемы пазырыкцев. Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 148–151.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио, 2001. – 335 с.
- Савинов Д.Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 208 с.
- Салагаева З.** Легенда о двух ворах. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ: Ир, 1990. – Т. 2. – 456 с.
- Сорокин С.С.** К семантике некоторых археологических памятников ранних кочевников (К проблеме этнической истории тюркоязычных народов Сибири) // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – С. 12–14.
- Черемисин Д.В.** О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов. Проблемы изучения первобытного искусства // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 85–94.
- Чочиев А.Р.** Очерки истории социальной культуры осетин. – Цхинвали: Ирыстон, 1985. – 286 с.
- Чочиев А.Р.** Нарты-ари. – М.: Акалис, 1996. – 264 с.
- Чугунов К.В.** Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул, 2007. – Вып. 3. – С. 105–109.

TERRITORIEN UND ZENTRALE ORTE DER ÄLTEREN EISENZEIT

Dieser Beitrag beschäftigt sich mit den theoretischen Grundlagen und Methoden der Untersuchung von Territorien und der hierauf aufbauenden Analysen zentraler Orte. Die Grundlage dieses Beitrages sind im Wesentlichen drei Forschungsarbeiten, von denen zwei der älteren Eisenzeit in Südwestdeutschland gewidmet sind. Diese sind Untersuchung der räumlichen Gliederung und Abgrenzung der im Mittelrheingebiet beheimateten Hunsrück-Eifel-Kultur (Nakoinz, 2005) und die Analyse des Umfeldes der ältereisenzeitlichen Fürstensitze in Baden-Württemberg (Nakoinz, 2010). Gegewärtig überarbeitet der Autor die theoretischen und methodischen Grundlagen der Untersuchung zentraler Orte im Rahmen des Exzellenzclusters Topoi und wendet diese auf verschiedene Fallbeispiele an (Nakoinz, in Vorbereitung). Alle drei Arbeiten sind dem Paradigma der quantitativen Archäologie zuzuordnen und bemühen sich, unterschiedliche archäologische Sachverhalte in quantitativen Modellen abzubilden.

Am Anfang der Überlegungen steht die Frage, was Territorien sind. Unter den verschiedenen Antworten hierauf wählen wir eine formale Definition, die wenig am Inhalt des Begriffes orientiert ist. Dies erlaubt uns, unterschiedliche Arten von Territorien aus methodischer Sicht gleichartig zu behandeln, und verlagert manche Fragen der Interpretation in den letzten Schritt der Untersuchung. Territorien wollen wir definieren als scharf abgegrenzte Gebiete, die einer bestimmten Einheit zugeordnet sind (Haggett, 1973). Territorien sind also nicht nur politische Einheiten, sondern können unterschiedlichen Einheiten zugeordnet sein. Wir können anhand formaler Eigenschaften drei Typen von Territorien unterscheiden: Im Fall der exklusiven Territorien wird die verfügbare Fläche auf mehrere Einheiten aufgeteilt. Jedes Flächensegment wird jeweils genau einer Einheit zugeordnet. Politische Territorien

sind ein klassisches Beispiel für diesen Typ. An Dominanzgebieten haben mehrere Einheiten Anteil, sie werden aber der dominanten Einheit zugewiesen. Das Vorkommen verschiedener Fundtypen kann hier als Beispiel aufgeführt werden. Schließlich sind überlappende Nutzungsräume zu nennen. Hierbei sind Mehrfachzuordnungen möglich, wie sie bei einigen Territorien von Tieren vorkommen können. Allen drei Typen ist die scharfe Abgrenzung gemeinsam.

Im Gegensatz zu Territorien besitzen Felder keine scharfen Grenzen, sondern weisen jedem Punkt einen Wert zu. Dieser Wert kann beispielsweise der Grad der Zugehörigkeit zu einer bestimmten Einheit sein, oder, wie im Falle des Geländereiefs, einen absoluten Wert angeben. Im Prinzip sind Territorien binäre Felder mit geclusterten Werten. Territorien kann man als Felder darstellen, umgekehrt geht das nicht.

Warum beschäftigen wir uns in der Archäologie mit der Analyse von Territorien? Territorien beinhalten als historisch wirksame räumliche Einheiten ein hohes Interpretationspotential. Räume, die bestimmten politischen, ökonomischen, kulturellen oder sozialen Einheiten zugeordnet sind, gleich ob exklusives Territorium oder Dominanzgebiet, ermöglichen uns, wesentliche räumliche Zusammenhänge zu beurteilen und weiter zu untersuchen. Größe, Form und Lage der Territorien können verglichen und die bestimmenden Parameter analysiert werden. Die Ergänzungsgebiete zentraler Ort (Christaller, 1933; Nakoinz, 2009) können als eine wichtige Sonderform ökonomischer Territorien angeführt werden und werden am Ende dieses Beitrages wieder aufgegriffen.

Bei der Arbeit mit Territorien sind zwei grundlegende Konzepte zu unterscheiden. Wir können theoretische beziehungsweise ideale Territorien konstruieren, die uns als Modelle dienen, die in Zukunft realisiert werden können. Diese Modelle

zeigen uns, welche territoriale Gliederung unter bestimmten Aspekten die beste ist. Wir können aber auch empirische beziehungsweise reale Territorien rekonstruieren, die als Modell die vergangene oder gegenwärtige Realität abbilden. Während wir uns als Archäologen eigentlich nur für empirische Territorien interessieren, so hilft doch der Vergleich mit idealen Territorien, die realen Territorien zu interpretieren. Bei der Anwendung unterschiedlicher Methoden muss uns immer bewusst sein, ob wir jeweils Territorien rekonstruieren oder konstruieren, da eine Verwechslung zu fatalen Interpretationsfehlern führt. Ideale Territorien sind keine tatsächlich existierenden Territorien. Zu ihrer Konstruktion werden bestimmte Parameter optimiert, also minimiert oder maximiert. Der Optimierungsprozess muss nicht zentral geplant sein, sondern kann sich auch emergent aus Einzelentscheidungen ergeben. Während man sicher die Rationalität prähistorischer Menschen annehmen darf, so ist doch in vielen Fällen unklar, welche Parameter und Zusammenhänge für sie von Bedeutung waren. Wir können nicht einfach ökonomische Theorien der Moderne oder Ähnliches voraussetzen. Der Vergleich theoretischer und empirischer Modelle hilft uns aber, den Einfluss einzelner Aspekte abzuschätzen und uns somit an die komplexen Verhältnisse heranzutasten. Somit haben auch theoretische Modelle eine fundamentale Bedeutung in der Archäologie. Gerade im Fall der Territorien ist der Vergleich relativ einfach, die Konstruktion und Rekonstruktion hingegen erfordern teilweise elaborierte Methoden.

Wenden wir uns nun zunächst den idealen Territorien und den Optimierungsprozessen zu. Bei der Distanzoptimierung, die mit Voronoipolygonen (Voronoi, 1907) berechnet wird, wird die Summe aller Distanzen von allen Punkten im Arbeitsgebiet zu den Zentren minimiert. Die Grenzen liegen demnach genau da, wo die Distanzen zu zwei beziehungsweise im Fall der Ecken zu drei Zentren gleich sind. Hierbei verwenden wir euklidische Distanzen, also die direkte Verbindung zweier Punkte. Parameter, welche die Verkehrsgunst beeinflussen, werden nicht beachtet. Berücksichtigen wir das Relief, können wir die Längen der Wegestrecken vergleichen und die Summe der Wegelängen minimieren.

In der Praxis treffen wir oft auf das Problem, dass die Zentren nicht gleichwertig sind. Einige Orte können bedeutender oder größer gewesen sein und ein größeres Einzugsgebiet besessen haben. Die Annahme eines Zusammenhangs zwischen Territorialgröße und

Größe oder Bedeutung eines Ortes ist naheliegend. Die Methode der Voronoipolygone kann dadurch verbessert werden, dass wir Referenzpunkte mit einer unterschiedlichen Gewichtung zulassen. In der Ökonomie ist dieser Ansatz als Fetter-Modell (Fetter, 1924) und in der Archäologie als X-Tent-Modell (Renfrew u. Level, 1979) bekannt. Durch die Verwendung unterschiedlicher Gewichte und unterschiedlicher Gewichtungen der Distanz können sehr verschiedene Territorialmuster entstehen (Nakoinz, 2009). Die Parameter, welche die Ausprägung der Territorien steuern, sind die Lage der Zentren, additive Gewichte, die der Bedeutung der Orte entsprechen, multiplikative Gewichte, die der Transportrate entsprechen und Exponenten der Distanz, die die Gewichtung der Distanz einstellen. Wir verfügen derzeit über keine Theorie, die das sinnvolle Setzen dieser Parameter erlaubt, so dass hier noch einiger Forschungsbedarf besteht. Hingegen ist es möglich, durch den Vergleich von realen Territorien mit gewichteten Voronoipolygonen die empirischen Parameterwerte zu ermitteln. Methoden zur Modellanpassung und Parameterschätzung liefern uns die Mathematik und Statistik (Venables u. Ripley, 2003). Durch den genannten Vergleich können unter günstigen Bedingungen die Bedeutung der Orte für den prähistorischen Menschen im Sinne der Gewichtung oder die Bedeutung der Distanz empirisch ermittelt werden. Diese, uns ansonsten weitgehend unzugänglichen Informationen bilden eine reichhaltige Interpretationsgrundlage und die Möglichkeit vielfältiger Vergleiche.

Die Distanzoptimierung mit Hilfe der Voronoipolygone kann in unterschiedlichen Räumen durchgeführt werden. Im Allgemeinen gehen wir vom Geographischen Raum aus (Abb. 1a). Im oben genannten Beispiel der Wegelängenminimierung hingegen wurde die Optimierung in einem einfachen ökonomischen Raum durchgeführt, in dem statt der euklidischen Distanzen Wegelängen und damit gewissermaßen lineare Transportkosten verwendet wurden. Statt die Grenze dort zu ziehen, wo die euklidische Distanz zu den Zentren gleich ist, verläuft sie in diesem Beispiel da, wo die Wegelänge unter Berücksichtigung des Reliefs gleich ist. Wenn wir unsere Daten zunächst vom geographischen Raum in den genannten ökonomischen Raum transformieren, können wir die Berechnung hier mit Hilfe der Voronoipolygone durchführen und anschließend eine Rücktransformation in den geographischen Raum vornehmen (Abb. 1b).

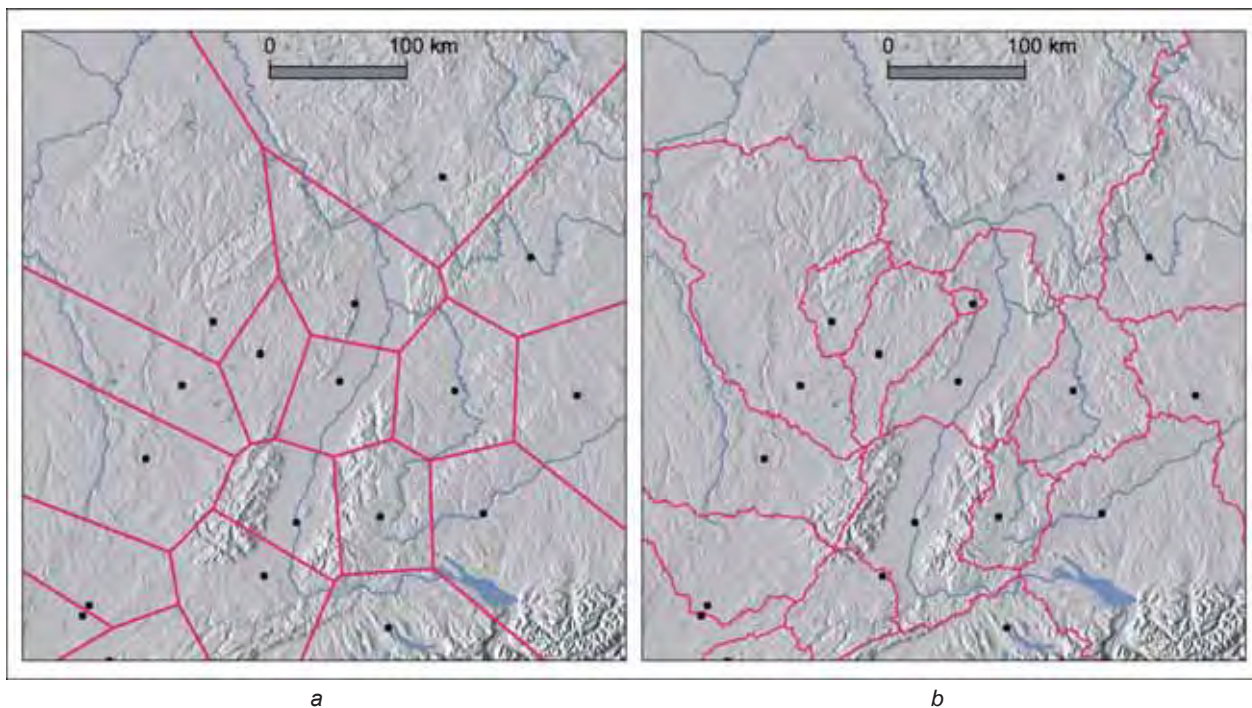


Abb. 1. Voronoi-Polygone der ältereisenzeitlichen Fürstensitze.
 a – Distanzoptimierung im geographischen Raum; b – Wegelängenoptimierung im ökonomischen Raum und Darstellung im geographischen Raum.

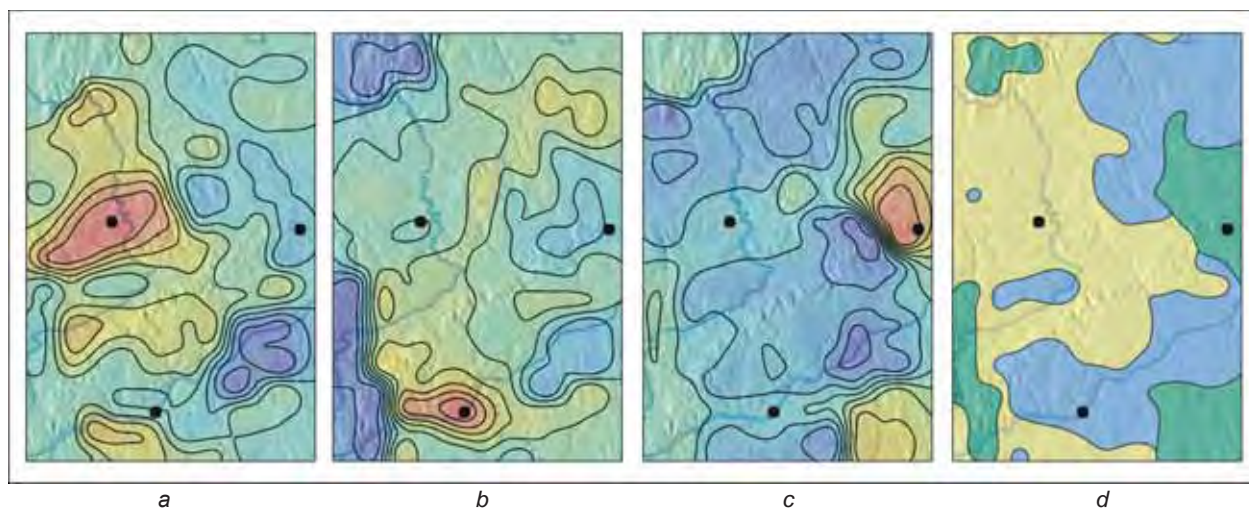


Abb. 2. Territorialdarstellung der kulturell dominanten Fürstensitze (Nakoinz, 2009, Abb. 6).
 a–c – Kulturelle Distanzen zu den ältereisenzeitlichen Fürstensitzen; d – Voronoi-Polygone im kulturellen Raum, dargestellt im geographischen Raum.

Dieses Prinzip können wir auch auf den kulturellen Raum anwenden (Abb. 2). Hier wird die Grenze dort gezogen, wo die kulturellen Unterschiede zu den Zentren gleich sind. Und auch hier liegt eine Berechnung von Voronoi-Polygone, allerdings im kulturellen Raum, vor. Die Rücktransformation in den geographischen Raum führt zu einer Darstellung

kultureller Territorien als Dominanzräume. Aber auch hier müssen wir uns bewusst machen, dass es sich um eine Optimierung handelt und die kulturellen Grenzen im Gegensatz zu den kulturellen Distanzen nicht real sind. Reale Kulturgrenzen können ermittelt werden, indem hohe Gradienten der kulturellen Distanzen kartiert werden oder kulturell ähnliche

Gebiete zusammengefasst werden, ohne Bezug auf ein Zentrum zu nehmen. Später kommen wir hierauf zurück.

Neben den soeben vorgestellten distanzbasierten Ansätzen kann auch der Grenzverlauf selbst optimiert werden. Grenzen können beispielsweise entlang von Flüssen oder von Wasserscheiden gelegt werden. Diese beiden Fälle sind für terrestrischen beziehungsweise limnisch-maritimen Verkehr günstig. Der Grenzverlauf im Bereich von Wasserscheiden konnte für Teile Schwedens durch den Vergleich des theoretischen Modells mit historischen Quellen nachgewiesen werden (Löwenborg, 2007). Zahlreiche weitere Optimierungsprinzipien erschließen sich uns nicht so leicht.

Kommen wir nun zu den realen Territorien. Unter günstigen Bedingungen werden Grenzen durch Monumente wie Befestigungsanlagen und Monumentalgräber angezeigt. Nicht nur Landwehren können Grenzen indizieren, sondern auch die Lage von Burgen kann wichtige Hinweise liefern. Ein anderer Grenzanzeiger sind ethnische Marker, die bewusst zur Abgrenzung ethnischer Einheiten verwendet wurden und vor allem in Gräbern zu finden sind (Sigmund, 2000). Die ethnischen Marker sind im Grenzbereich konzentriert.

Auch die Siedlungsstruktur kann hier wichtige Hinweise liefern. Ausgehend von der Prämisse, dass Territorien von siedlungsleeren Räumen (Ödmarken) umgeben sind, sind Grenzen dort anzunehmen, wo wir eine geringere Besiedlungsdichte oder keine Besiedlung vorfinden. Eine Kartierung der Fundstellendichte ist hier ein nützliches Werkzeug (Fabeck, 1993). Wenngleich mit Quellenfiltern zu

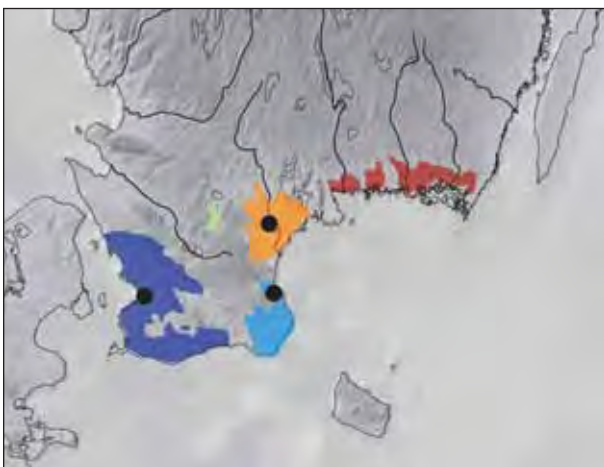


Abb. 3. Kulturgruppen der Wikingerzeit in Schonen und Blekinge (Svanberg, 1998).

rechnen ist, die das Bild verzerren, so kann aus der Fundverteilung doch in vielen Fällen eine Tendenz abgelesen werden. Dort, wo wir eine flächendeckende intensive Besiedlung antreffen, ist dieser Ansatz jedoch nicht anwendbar.

Ein wichtiges Mittel, das auch bei einer weitgehend homogenen Siedlungsverteilung angewendet werden kann, ist die Rekonstruktion kultureller Räume. Zunächst können wir versuchen, kulturelle Territorien anhand kultureller Leitformen abzulesen. Hier können zahlreiche Methoden der Abgrenzung mit unterschiedlichen Vor- und Nachteilen angewendet werden. Zu nennen sind konvexe Hüllen, Puffer um die Fundpunkte, ausgewählte Dichteisolinien und maximale Dichtegradienten. Die besten Ergebnisse liefern vermutlich ausgewählte Isolinien des Dichteverhältnisses der kulturellen Leitformen. Hierbei ergeben sich disjunkte Dominanzbereiche als Territorien. Wenn wir mehrere Leitformen für die einzelnen Gruppen verwenden, wird das Ergebnis stabiler. Am Beispiel kultureller Einheiten der Wikingerzeit in Südschweden ist der Einsatz dieser Methode zu sehen (Abb. 3; Svanberg, 1997). Die kulturellen Einheiten korrespondieren sehr gut mit den Zentralorten, denen sie als Territorien zugewiesen werden können. Die erhöhte Interaktion der politischen oder ökonomischen Territorien schlägt sich hier in kultureller Ähnlichkeit nieder, so dass kulturelle Territorien entstehen.

Grundsätzlich können wir die kulturelle Signifikanz der meisten Fundtypen ohne vollständige Analyse nur vermuten. Wir müssen also das ganze Fundmaterial und die Befunde in die Analyse einbeziehen. Das Fundmaterial kann in sogenannten Typenspektren für bestimmte räumliche Einheiten dargestellt werden. Typenspektren geben den relativen Anteil aller Typen an (Abb. 4). Sie bieten gegenüber kulturellen Leitformen einige Vorteile: Sie erlauben uns die Berechnung kultureller Distanzen, wie wir sie schon verwendet haben. Überlappende oder deckungsgleiche Verbreitungsräume können quantitativ differenziert werden. Der Grad der Zugehörigkeit zu kulturellen Einheiten kann angegeben werden. Es ist möglich, Hierarchien kultureller Räume zu rekonstruieren. Die kulturelle Signifikanz der einzelnen Typen kann ermittelt werden.

Wenn wir die kulturellen Distanzen dazu nutzen, kulturell ähnliche Gebiete zusammenzufassen, erhalten wir kulturelle Territorien. Realisiert wird diese Analyse als hierarchische Clusteranalyse mit Zentroidfusion und euklidischen Distanzen im

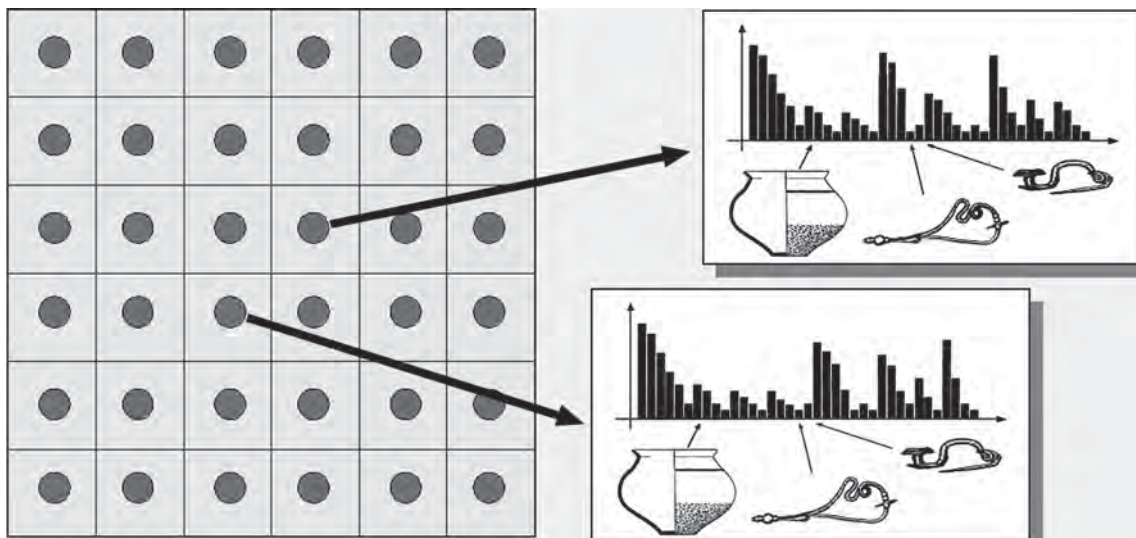


Abb. 4. Schematische Darstellung räumlichen Analyseeinheiten zugeordneter Typenspektren.

Raum archäologischer Merkmale (Nakoinz, 2010). In dieser Untersuchung verwenden wir das gesamte Fundmaterial und die Befunde, untersuchen es aber in mehreren Analysen, die wir vergleichen können. Die einzelnen Zusammenstellungen von Typen unterscheiden sich chronologisch, funktional und hinsichtlich der sozialen Gruppen, welche die Objekte hergestellt, genutzt und niedergelegt beziehungsweise entsorgt haben. Zur Bewertung der Ergebnisse werden zunächst innere Validierungsmethoden der Clusteranalyse verwendet (Handl, Knowles u. Kell, 2005). Wichtiger ist aber eine äußere Validierung. Hierzu wird der Parameter Raum herangezogen. Liegen die kulturell ähnlichen Gebiete räumlich eng zusammen, sind sie also auch räumlich geclustert, so ist anzunehmen, dass auch die kulturellen Cluster nicht arbiträr sind. Aus räumlich verteilten kulturellen Clustern können wir allerdings nicht ableiten, dass sie nicht valide sind, wir besitzen lediglich keinen Validitätsnachweis.

Im Fall der älteren Hunsrück-Eifel-Kultur ergibt sich, dass die äußeren Grenzen in allen Analysen etwa gleich sind (Nakoinz, 2005). Die unterschiedlichen sozialen Gruppen, die tendenziell mit den unterschiedlichen Typenzusammenstellungen korrelieren, besaßen offensichtlich einen gemeinsamen Interaktionsraum mit gemeinsamen Außengrenzen. Die Binnengliederung unterscheidet sich hingegen in den einzelnen Analysen. Die sozialen Gruppen haben demnach innerhalb der Hunsrück-Eifel-Kultur unterschiedliche Interaktionsräume ausgebildet. In Anlehnung an die traditionelle Terminologie

wollen wir räumliche kulturelle Einheiten, die sich in den meisten Typenzusammenstellungen ähnlich abzeichnen, als archäologische Kulturen bezeichnen. Archäologische Kulturen sind eine Sonderform des allgemeinen Kulturbegriffes. Jede soziale Gruppe beziehungsweise jedes Kollektiv, das gemeinsame Standardisierungen besitzt, hat eine gemeinsame Kultur (Hansen, 2003; 2009; Nakoinz, 2010). Dieser allgemeine Kulturbegriff ist nicht auf räumliche Einheiten beschränkt.

Für die ältere Eisenzeit in Baden-Württemberg, im Gebiet der Hallstattkultur, beobachten wir zahlreiche räumliche kulturelle Einheiten, deren Grenzen allerdings nur in sehr geringem Maße korrespondieren (Nakoinz, 2010). Hier bildeten die sozialen Gruppen unterschiedliche Interaktionsräume aus, die sich in ein sehr komplexes Gesamtsystem integrieren. Eine Siedlungshierarchie, in der eine Siedlung einer lokalen Gruppe und diese wieder einer Regionalgruppe zugeordnet ist, finden wir hier nicht. Wir haben es vielmehr mit Mehrfachzuordnungen, also einer Polyhierarchie zu tun. Eine Siedlung kann politisch einer Einheit angehören, ökonomisch einer räumlich anders ausgerichteten Einheit und in kultisch-religiösen Zusammenhängen wieder einer anders orientierten Einheit. Politische, ökonomische und verschiedene kulturelle Aktivitätsräume korrespondieren nicht miteinander.

Die nächste Beobachtung ist, dass die räumlichen kulturellen Einheiten nicht mit den Fürstentum korrespondieren. Diese besaßen offensichtlich keine größeren und dauerhafteren kulturellen Territorien.

Die Territorialgröße dürfte vielmehr so gering gewesen sein, dass sie sich nicht mit der verwendeten Methode erkennen lässt. Die Territorien der Fürstensitze hatten vermutlich einen Durchmesser von weniger als 20 km. Territorialgröße und offensichtlich große Bedeutung der Fürstensitze stehen in einem Missverhältnis. Einen Hinweis zur Lösung dieses Problems erhalten wir, wenn wir die dominanten kulturellen Einheiten als Felder darstellen. Dabei werden zunächst die validen kulturellen Einheiten, deren Lage ähnlich ist, zusammengefasst und anschließend wird für jeden Punkt im Arbeitsgebiet ermittelt, zu welchem Grad er der jeweiligen Einheit angehört. Kartieren wir drei Süd-Nord angeordnete dominante Kultureinheiten zusammen mit den Fürstensitzen, so wird deutlich, dass die Fürstensitze an den Grenzen liegen (Abb. 5). Ihre Aufgabe war es demnach, zwischen vermutlich unterschiedlich organisierten Gebieten zu vermitteln. Die Fürstensitze waren in der Terminologie der Netzwerktheorie Gateways. Dieses Fürstensitzmodell, das nicht auf regionaler Territorialherrschaft, sondern auf einer Gateway-Funktion in einem europäischen Handelsnetz beruht, soll als Gateway-Modell bezeichnet werden (Nakoinz, 2010).

Mit dieser Beobachtung zu den Fürstensitzen haben wir schon den Themenkomplex der Zentralität erreicht. Zentrale Orte im klassischen Sinne stellen

zentrale Funktionen für ein ihnen zugeordnetes Gebiet bereit (Gringmuth-Dallmer, 1996; Nakoinz, 2009). In der klassischen Theorie Christallers (1933) wird davon ausgegangen, dass dieses zugeordnete Gebiet distanzoptimiert sein soll. Die bekannten christallerschen Hexagone sind Voronoi-Polygone im geographischen Raum. Sie stellen die ökonomischen Territorien der Zentralorte dar. Im Sinne Christallers sind die Fürstensitze also keine Zentralorte. Sie sind es hingegen im Sinne einer Netzwerktheorie (Sindbæk, 2007).

Diese klassische Theorie zentraler Orte können wir etwas verbessern (Nakoinz, in Vorbereitung).

Zunächst wollen wir Zentralität als Konzentration von Interaktion definieren und damit die Theorie nicht nur auf ökonomische Probleme, sondern auch auf soziale oder kulturelle Aspekte fokussieren. Hierdurch wird der archäologische Anwendungsbereich erheblich ausgeweitet.

Im Zusammenhang der Territorien, die im Mittelpunkt dieses Beitrages stehen, ist es jedoch wichtiger, dass wir neben der Distanzoptimierung weitere theoretische Modelle zur Optimierung verschiedener Parameter anbieten wollen. Insbesondere soll das christallersche Modell der Distanzoptimierung, das von der Zusammenlegung zentraler Funktionen am Zentrum profitiert, durch ein Netzwerkmodell ergänzt

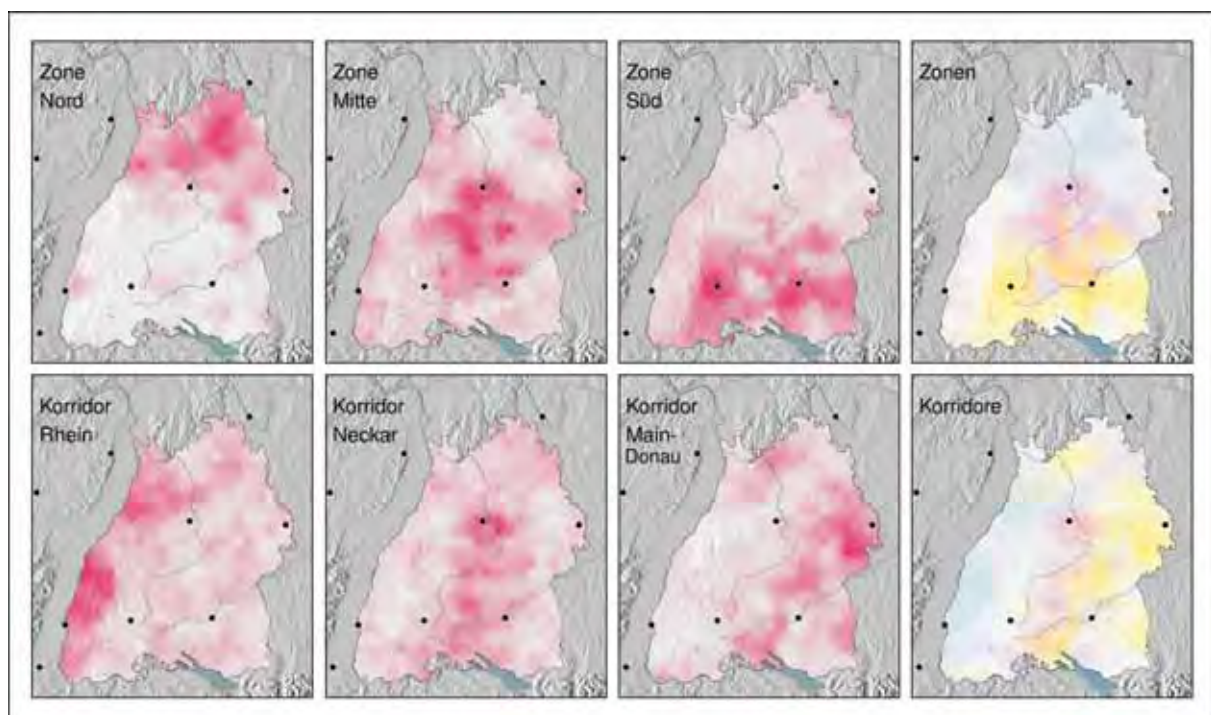


Abb. 5. Dominante kulturelle Einheiten der älteren Eisenzeit in Baden-Württemberg als Felder und die Fürstensitze der älteren Eisenzeit (Nakoinz, 2010, Abb. 6, 7).

werden, das Synergieeffekte durch das Zusammenlegen von Transporten erzielt und dementsprechend zu Verkehrsnetzwerken führt. Beide Konzepte sind komplementär. Der Schwerpunkt kann in Abhängigkeit von unterschiedlichen Anforderungen auf einem der Konzepte liegen und jeweils unterschiedlich realisiert werden. Neben der Frage, wodurch Synergien erzielt werden, differenzieren sich die theoretischen Modelle durch unterschiedliche Grade der Gewichtung der räumlichen Distanzen und unterschiedliche Kopplungsgrade der verschiedenen Strukturen. Es ergeben sich acht unterschiedliche theoretische Modelle, die es durch den Vergleich mit empirischen Modellen erlauben, die Bedeutung der einzelnen Parameter zu ermitteln. Für die Fürstensitze ergibt sich beispielsweise, dass die Bündelung von Transporten wichtiger gewesen sein dürfte als die Zusammenfassung zentraler Funktionen an einem Ort.

Die knapp skizzierten Modifikationen an der Theorie zentraler Orte machen diese zu einem wirkungsvollen Werkzeug der Archäologie zur Untersuchung von Siedlungsstrukturen und räumlichen Zusammenhängen. Territorien spielen hierbei eine besondere Rolle. Anstatt jedoch territoriale oder andere Modelle vorauszusetzen, gilt es zu prüfen, welches theoretische Modell mit den empirischen Modellen am besten korrespondiert und welche Parameterwerte die beste Modellanpassung ergeben. Hiermit ist eine solide Grundlage für unterschiedliche Interpretationen gegeben.

Literatur

- Christaller W. 1933**
Die Zentralen Orte in Süddeutschland. Jena: G. Fischer Verlag, 331 S.
- Fabech C. 1993**
Skåne – et kulturelt og geografisk grænseland i yngre jernalder og i nutiden. T. 25: 201–245.
- Fetter F.A. 1924**
The Economic Law of Market Areas. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 38/3: 520–529.
- Gringmuth-Dallmer E. 1996**
Kulturlandschaftsmuster und Siedlungssysteme. Siedlungsforsch. *Archäologie-Geschichte-Geographie*, Bd. 14: 7–31.
- Haggett P. 1973**
Einführung in die kultur- und sozialgeographische Regionalanalyse. Berlin; New York: de Gruyter & Co, 314 S.
- Handl J., Knowles J., Kell D.B. 2005**
Computational Cluster Validation in Post-genomic Data Analysis. *Bioinformatics*, vol. 21: 3201–3212.
- Hansen K.P. 2003**
Kultur und Kulturwissenschaft. Tübingen; Basel: UTB, 405 S.
- Hansen K.P. 2009**
Kultur und Kollektiv: Eine essayistische Heuristik für Archäologen. In *Kulturraum und Territorialität: Archäologische Theorien, Methoden, Fallbeispiele. Kolloquium des DFG-SPP 1171 Esslingen 17–18 Januar 2007*, D. Krause, O. Nakoinz (Hrsg.). Rahden; Westfalen: VML Verlag, S. 15–23. (Internationale Archäologie – Arbeitsgemeinschaft, Symposium, Tagung, Kongress; Bd. 13).
- Löwenborg D. 2007**
Watersheds as a Method for Reconstructing Regions and Territories in GIS. In *Digital Discovery. Exploring New Frontiers in Human Heritage. CAA 2006. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology*, J.T. Clark, E.M. Hagemester (eds.). Budapest: Archaeolingua, pp. 176–182.
- Nakoinz O. 2005**
Studien zur räumlichen Abgrenzung und Strukturierung der älteren Hunsrück-Eifel-Kultur. Bonn: Habelt, 363 S. (Universitätsforsch. Prähist. Arch.; Bd. 118).
- Nakoinz O. 2009**
Zentralortforschung und zentralörtliche Theorie. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, Bd. 39: 361–380.
- Nakoinz O. 2010**
Siedlungshierarchien und kulturelle Räume der älteren Eisenzeit in Süddeutschland. Habilitationsschrift. Kiel, 371 S.
- Nakoinz O. in Vorbereitung**
Zentralität. Theorien und Methoden der Zentralitätsforschung und der Vergleich zentraler Orte.
- Renfrew C., Level E.V. 1979**
Exploring Dominance: Predicting Politics from Centers. In *Transformations. Mathematical Approaches to Cultural Change*, C. Renfrew, K.L. Cooke (eds.). New York: Academic Press, pp. 145–167.
- Siegmund F. 2000**
Alemannen und Franken. Berlin; New York: de Gruyter, 472 S. (Ergänzungsband Reallexikon Germanische Altertumskunde, Bd. 23).
- Sindbæk S.M. 2007**
Networks and Nodal Points: The Emergence of Towns in Early Viking Age Scandinavia. *Antiquity*, vol. 81: 119–132.
- Svanberg F. 1997**
Cultural Diversity in Present-day Scania and Blekinge ca. AD 800–1000. *Lund Archaeological Review*, vol. 3: 59–72.
- Venables W.N., Ripley B.D. 2003**
Modern Applied Statistics with S. Berlin; Heidelberg; New York: Springer, 512 p.
- Voronoi G. 1907**
Nouvelles applications des paramètres continus à la théorie des formes quadratiques. *Journal für die Reine und Angewandte Mathematik*, Bd. 133: 97–178.

H. Parzinger

*Stiftung Preußischer Kulturbesitz
Berlin, Deutschland*

ARŽAN 2 UND DIE FRÜHE SKYTHENZEIT IN SÜDSIBIRIEN

Die von 2000 bis 2004 durchgeführten deutsch-russischen Ausgrabungen im Kurgan Aržan 2 gehören zu den Höhepunkten in der archäologischen Erforschung Südsibiriens, weil es dort im Jahre 2001 erstmals gelang, in diesem Teil Eurasiens eine ungestörte frühskythenzeitliche Fürstenbestattung (Grab 5) mit rund 5.600 Goldobjekten freizulegen. Dieser Fund ist in vielerlei Hinsicht von großer Bedeutung, und zwar einerseits für Fragen der relativen und absoluten Chronologie sowie andererseits im Hinblick auf eine Neubewertung der frühen Skythenzeit in Südsibirien.

Zur relativen und absoluten Chronologie

Seit den Arbeiten von M.P. Grjaznov in den frühen 1970er Jahren (Grjaznov, 1980; 1984) hatte das Tal von Aržan in der Archäologie der Skythenzeit einen besonders klangvollen Namen. Die von ihm in Aržan 1 unter einer Steinplattform freigelegte und aus unzähligen radial angeordneten Holzkammern bestehende Anlage ist bis heute singulär, und die wenigen noch vorhandenen Fundstücke des schwer beraubten Kurgans datieren ihn in den frühesten bis dahin bekannten skythenzeitlichen Zeithorizont des späten 9. und 8. Jh. v. Chr., der in der Folgezeit nach diesem Platz benannt wurde. Grjaznov gelangen zahlreiche Beobachtungen (Grjaznov, 1980; 1984), die für das Verständnis dieser Anlagen und der sich dort abspielenden kultischen Handlungen von großer Bedeutung waren. Dies ließ es reizvoll erscheinen, nach Jahrzehnten noch einmal eine mit Aržan 1 vergleichbare Steinplattform mit modernsten Methoden zu untersuchen. Die Wahl fiel dabei auf Aržan 2. Aržan 1 und Aržan 2 bilden dabei Anfangs- und Endpunkt einer von West nach Ost sich erstreckenden

Kurgankette östlich des heutigen Ortes Aržan. Bei diesen Anlagen handelte es sich um Steinplattformen, die jeweils von weiteren Grabkurganen sowie zudem kreisförmig von Brandopfer- und anderen Kultplätzen umgeben waren.

In Aržan 2 bildete Fürstengrab 5 mit einer Doppelbestattung die herausragende Entdeckung. Neben den unterschiedlichen Tracht- und Ausrüstungsgegenständen, die Mann wie Frau am Körper trugen, waren die Objekte in der Westecke eindeutig mit der weiblichen Sphäre verbunden (goldenes Pectorale, zwei hölzerne Kämmen, einer davon mit goldener Griffplatte, ein Holzgefäß mit tierfußförmiger Handhabe aus Goldblech, große Bernsteinperlen, Bronze- und Steingefäße, Leder- oder Filzsäcke mit Pflanzenresten usw.), wogegen im Osten Teile der Waffenausstattung des Mannes deponiert waren (Streitpickel, Bogen und Pfeilen im Goryt und Reitpeitsche).

Die vollständige Freilegung des Kurgans Aržan 2 zeigte, dass es sich bei dieser Anlage nicht um einen reinen Bestattungsort, sondern um einen Kultplatz ganz besonderer Art gehandelt hatte. Die Beisetzung des Fürstenpaares aus Grab 5 war offenbar mit Inszenierungen, kultischen Vorgängen und rituellen Handlungen verbunden, deren Einzelheiten wir zwar nicht mehr in allen Einzelheiten werden rekonstruieren können, deren archäologisch noch fassbare Spuren jedoch so manchen Rückschluss gestatten (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010). Für die Bewertung skythenzeitlicher Großkurgane ergeben sich dadurch gänzlich neuartige Aspekte, wobei die Grenzen zwischen Bestattungs- und Kultplatz verschwimmen, beides lässt sich nicht mehr eindeutig voneinander trennen.

Aržan 2 bietet jedoch auch große Chancen zur Lösung chronologischer Fragen (Ibid., S. 160–168). Der Zusammenhang mit Aržan 1 ist dabei offensichtlich.

Es gibt eine topographische Verbindung zwischen diesen Anlagen, bei beiden handelte es sich um vergleichsweise flache Steinplattformen, beide Denkmäler waren kreisförmig von Brandopferplätzen umgeben, und im Zentrum beider Kurgane standen jeweils zwei ineinandergestellte hölzerne Grabkammern. In den Einzelheiten des Grabbaus zeichnen sich dann aber Unterschiede ab, die sich bei der Art der Totenbettung fortsetzen, und die materiellen Hinterlassenschaften lassen ebenfalls deutliche Abweichungen erkennen, auch wenn Aržan 1 wie Aržan 2 durch Merkmale der frühskythenzeitlichen Periode verbunden sind. Es kann kein Zweifel bestehen, dass es sich bei Aržan 1 um den älteren Kurgan handelt, der offenbar den im Westen gelegenen Anfangspunkt einer aus vier Steinplattformen bestehenden Kette bildet, während Aržan 2 am östlichen Ende dieser Kurganreihe jünger datiert. Vergleichen wir die Bilder der in Aržan 2 entdeckten Steinplatten (Ibid., S. 129–140) mit Petroglyphen aus Aržan 1 (Grjaznov, 1984, Abb. 29), so scheinen beide Anlagen einander zeitlich sehr nahe; es ist jedoch zu bedenken, dass etliche der in Aržan 2 aufgefundenen Darstellungen eines sehr frühen Tierstils dort sekundär als Spolien verbaut worden waren, also älter als die Errichtung der Anlage sein müssen.

Aržan 1 und Aržan 2 markieren zwei unterschiedliche Abschnitte der frühskythenzeitlichen Periode. Der dem späten 9. und 8. Jh. v. Chr. zuzuweisende Kurgan Aržan 1 verlieh der älteren Stufe ihren Namen, die außerhalb Tuvas allenfalls noch in angrenzenden Gebieten der nordwestlichen Mongolei und des Altaj-Gebirges zu fassen ist. Dies ist letztlich auch der Grund, warum diese Region als diejenige betrachtet wird, in der sich skythisch geprägte Sachkultur und skytho-sibirischer Tierstil am frühesten herausgebildet hatten.

Der jüngere Kurgan Aržan 2 gehört demgegenüber in die das 7. und 6. Jh. v. Chr. umfassende Aldy Bel'-Stufe Tuvas, die einen jüngeren Abschnitt der frühskythenzeitlichen Periode repräsentiert. Diese Zuweisung beruht auf Übereinstimmungen in der Bauweise von Kurganen (umlaufende Steinkreise aus vertikal gestellten Steinplatten) und Grabkammern (mit nach innen geneigten oberen Balkenkränzen), auf die Totenbettung (rechte Hockerlage), auf die Ausrichtung der Verstorbenen (mit dem Kopf im Westen, Nordwesten oder Norden), auf rituelle Besonderheiten (Deponierungen von Pferdegeschirr in Kurganen) sowie auf nahezu sämtliche Bereiche der materiellen Kultur. Auch das gelegentliche Auftreten

von Eisen, das in einem frühskythenzeitlichen Komplex wie Aržan 2 zunächst überrascht, ist in der Aldy Bel'-Stufe nicht ungewöhnlich, wenngleich ein Großteil der Metallgegenstände weiterhin aus Bronze besteht. Auch die Zeugnisse künstlerischen Schaffens verknüpfen Aržan 2 mit anderen Darstellungen der Aldy Bel'-Zeit. Charakteristisch ist ein kompositorischer Aufbau der Bilder, der mit Wechselbeziehungen zwischen Tieren im Relief und Protomen arbeitet, dabei aber noch keine Mischwesen kennt, sondern ganz dem Kanon der im natürlichen Lebensumfeld vorkommenden Arten verbunden bleibt: Raubkatzen, Wildschweine, Kamele, Hirsche, Pferde, Schafe, Ziegen und Rinder. Hinzu treten Greif- bzw. Raubvogelköpfe sowie deren fast bis zur einfachen Volute stilisierten Derivate.

Spätestens um 500 v. Chr. vollzog sich im gesamten eurasischen Steppengürtel ein tiefgreifender Wandel, der zwar keinen vollständigen Bruch mit den Traditionen der vorangegangenen Jahrhunderte brachte, aber doch das Ende der frühskythenzeitlichen Periode einläutete. Danach begann die sog. klassische oder jüngere Skythenzeit (etwa 5.-3. Jh. v. Chr.). In Tuva wird diese durch die Ujuk-Sagly- oder Sagly-Baži-Kultur repräsentiert. Aržan 2 liegt eindeutig vor dieser Zeit, die etliche grundlegende Veränderungen im Totenritual (veränderte Bauweise der Gräber, Mehrfachbestattungen) und in der Sachkultur mit sich brachte. Woher diese Neuerungen kamen und wie sich der Wandel abgespielt haben könnte, bleibt noch immer offen. Die von Aržan 1 bis Aržan 2 verlaufende Kette bedeutender Grabanlagen aus verschiedenen Abschnitten der frühskythischen Zeit brach jedenfalls ab und fand keine Fortsetzung mehr. Die Großkurgane der Führungsschicht aus der Sagly-Baži-Periode liegen in der Ebene westlich des heutigen Ortes Aržan, wo offenbar eine neue und sehr weitläufige Nekropole entstanden war.

Die Aldy Bel'-Stufe wird dem 7. und 6. Jh. v. Chr. zugewiesen; dieser Rahmen gilt damit auch für Aržan 2. Mit Hilfe der Sachkultur lässt sich die Zeitstellung von Fundkomplexen aus dieser Periode derzeit nicht weiter präzisieren, weder relativ- noch absolutchronologisch. Insofern stützen wir uns auf naturwissenschaftliche Datierungsverfahren. Die Anwendung der Radiokarbonmethode zur Lösung chronologischer Fragen der Skythenzeit wird dadurch erschwert, dass die Kalibrationskurve im Zeitraum von etwa 800 bis 400 v. Chr. – also exakt in jenen für die Skythenzeit besonders wichtigen Jahrhunderten – nahezu horizontal verläuft

(sog. Hallstatt-Plateau). Bei der für jedes ^{14}C -Datum notwendigen Umrechnung des Radiokarbonalters (BP) in Kalenderdaten (calBC) ergeben sich dadurch extrem große Intervalle, die keine substanziellen Beiträge zur absoluten Chronologie liefern können. Dennoch wurden insgesamt 65 Proben aus Aržan 2 einer Radiokarbondatierung unterzogen (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, S. 169–175), sie stammten überwiegend aus Grab 5, aber auch aus anderen Bestattungen (11, 13A, 13B, 16, 20 und 26) und Bereichen (Steinringe im Umfeld). Der Kurgan Aržan 2 dürfte damit zu den vorgeschichtlichen Grabanlagen mit den meisten ^{14}C -Daten der eurasischen Steppe gehören. Die Proben wurden von verschiedenen Laboren (St. Petersburg, Groningen, Glasgow, Uppsala, Arizona und Kiel) untersucht. Ein aus der Gesamtheit aller ^{14}C -Daten errechnetes sog. kombiniertes Datum ergab bei der Kalibration Kalenderintervalle von 770–560 calBC (1σ -Bereich) bzw. 780–550 cal BC (2σ -Bereich). Diese Ergebnisse widersprechen zwar nicht dem bislang für die Aldy Bel'-Stufe vorgeschlagenen Ansatz in das 7. und 6. Jh. v. Chr., tragen aber auch nichts zu einer weiteren Präzisierung der Zeitstellung von Aržan 2 bei.

Um die aus dem ungünstigen Verlauf der Kalibrationskurve sich ergebenden Schwierigkeiten zu umgehen, entschied man sich für das sog. *wiggle matching*-Verfahren. Dabei werden mehrere Jahrringe aus ein und demselben Baumstamm, die in einem messbaren zeitlichen Verhältnis zueinander stehen, ^{14}C -datiert (AMS-Methode). Auf diese Weise untersuchte man drei Balken der inneren Kammer von Grab 5, landete aber bei der Kalibration mit sämtlichen Daten erneut auf dem Hallstatt-Plateau, was zu großen Kalenderintervallen führte. Aus diesem Grund wurde ein wahrscheinlichster statistischer Mittelwert errechnet, dessen Kalibration schließlich eine Datierung von Grab 5 in die zweite Hälfte des 7. Jh. v. Chr. gestatten sollte.

Wesentlich verlässlichere und genauere Resultate lieferte jedoch die Dendrochronologie, die sich auf insgesamt 60 Proben aus Lärchenholz stützen konnte (Ibid., S. 178–182). Die überwiegende Mehrzahl der sehr gut erhaltenen Bäume war zum Zeitpunkt der Fällung ca. 90 Jahre alt, einige wenige hatten noch mehr Jahrringe. Die Kurven des Jahrringwachstums der meisten dieser Hölzer war sehr gut synchronisierbar, doch da für diesen Raum keine Standardchronologie existierte, ergab sich daraus nur eine sog. schwimmende Kurve, die es mit Hilfe der ^{14}C -Methode (*wiggle matching*)

chronologisch genauer zu fixieren gilt. Erneut wurden also insgesamt fünf Ringe aus der Probe mit der längsten Reihe radiokarbondatiert. Vier davon endeten – wie fast zu erwarten – auf dem Hallstatt-Plateau und sind für eine Feindatierung unbrauchbar, ein fünfter Ring, zugleich der innerste des Stamms, lag jedoch außerhalb dieses Bereichs und ließ sich damit bei der Kalibration vergleichsweise genau auf 821–802 calBC fixieren. Da die Waldkante 198 Jahrringe davon entfernt war, müssen diese noch abgezogen werden, was ein zwischen 618 und 604 v. Chr. liegendes Fälldatum für die in Grab 5 verbauten Baumstämme ergibt. Grab 5 von Aržan 2 gehört damit an das Ende des 7. Jh. v. Chr.

Aržan 2 im zentralasiatischen Kontext

Die Fundstücke aus dem Fürstengrab 5 von Aržan 2 sind weitgehend singulär, und selbst innerhalb Tuvas finden sich nur sehr vereinzelt Parallelen (Ibid., S. 160–168). Außerhalb Tuvas bleiben Vergleichsstücke zu den Objekten aus Fürstengrab 5 noch spärlicher. Die Tatsache, dass die im Tierstil verzierten Objekte ausschließlich real existierende Lebewesen in sehr naturalistischer Ausführung darstellen und Misch- und Phantasiewesen vollständig fehlen, unterstreicht die Zugehörigkeit zur frühskythischen Periode. Die vielen Tiere im sog. Zehenspitzengang, auf den Goldobjekten wie als Petroglyphen auf Steinplatten, fügen sich ebenfalls sehr gut in dieses Bild, weil diese Art der Darstellung nach dem Ende der frühskythischen Zeit ab dem 5. Jh. v. Chr. kaum mehr in Erscheinung tritt.

Als das herausragendste Tierstilzeugnis aus Grab 5 gilt der Halsreif des Mannes (Abb. 1, 1). Ein ähnliches Stück liegt in der Sibirischen Sammlung Peters des Großen vor (Abb. 1, 2) (Rudenko, 1962, Taf. 14, 1; Jettmar, 1991, Abb. 18), dessen Herkunft allerdings unbekannt ist, es kann damit nichts zur näheren chronologischen und kulturellen Einordnung unseres Halsreifs aus Grab 5 beitragen. Entsprechendes gilt für den Goldring aus dem nordpakistanischen Pattan in Kohistan am oberen Indus (Abb. 1, 3–8). Beide haben mit dem Stück aus Aržan 2 jedoch gemeinsam, dass jeweils ein Teil des Ringkörpers, offenbar seine nach vorne gerichtete Schauseite, zu einem gebogenen Quader mit fast quadratischem Querschnitt ausgeformt wurde. Seine genauen Fundumstände sind unbekannt; entweder

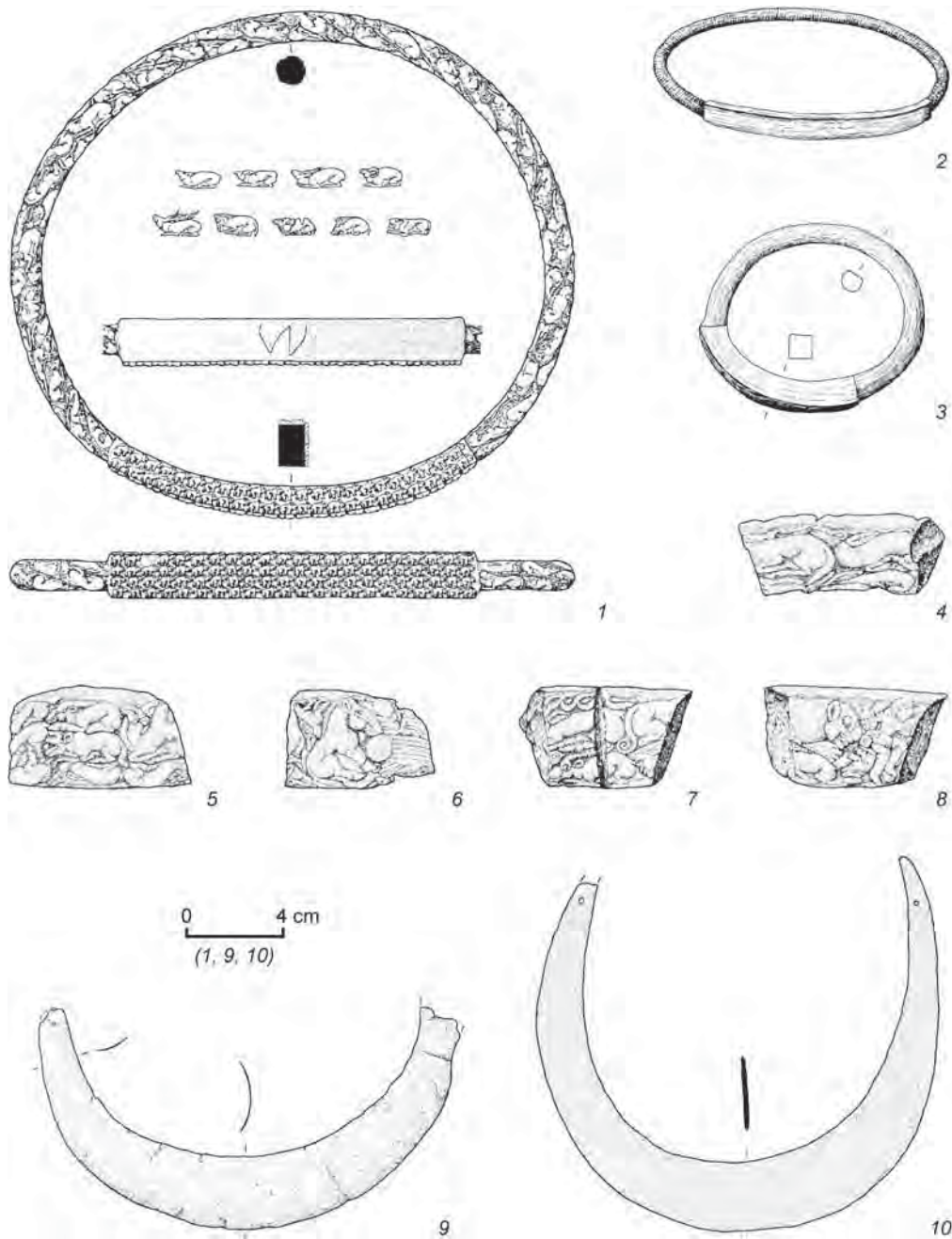


Abb. 1. Fundstücke aus Aržan 2 und ihre zentralasiatischen Vergleiche.

1 – Aržan Grab 5 Skelett; 2 – Sibirische Sammlung Peters des Großen; 3–8 – Pattan am oberen Indus; 9 – Aržan Grab 8; 10 – Bol'shaja Rečka-Kultur im nördlichen Altaj-Vorland.

1–8, 10 – Gold; 9 – Zinn.

stammt er aus einer Raubgrabung, oder es handelt sich um einen Zufallsfund.

Auch der Ring aus Pattan war umlaufend mit ausschließlich sehr naturalistisch gearbeiteten Tierdarstellungen verziert, wobei erneut Misch- und Phantasiewesen nicht vorkommen (Rahman, 1990, S. 5 ff., Taf. 2–4; Jettmar, 1991, S. 10 ff., Abb. 17–

22; Dani, 1995, S. 17 ff. mit Abb.). Hirsche, Pferde, Steinbock, Ziegen, Schafe, Tiger und Kamele begegnen auf dem Ring von Pattan wie auf jenem aus Grab 5 von Aržan 2 (Abb. 1, 1, 3–8). Dabei überraschen bei einigen Tieren der beiden Stücke bis in Details gehende Übereinstimmungen, so etwa bei den Geweihen bzw. Hörnern von Hirschen, Schafen

und Ziegen oder bei anderen Einzelheiten in der Haltung und Darstellung der Körper und Köpfe von Tieren. Raubvögel fehlen auf dem Ring aus Grab 5, begegnen dort aber auf anderen Objekten. Hasen und Menschendarstellungen (Abb. 1, 8), die mehrfach auf dem Ring von Pattan in Erscheinung treten, sind auf Schmuckstücken aus Aržan 2 hingegen nicht belegt. Auch wenn sich das Exemplar aus Pattan in den dargestellten Motiven und etlichen stilistischen Details von dem Halsring aus Aržan 2 unterscheidet, so überraschen – gerade aufgrund der beträchtlichen geographischen Entfernung der beiden Fundorte am oberen Enisej und am oberen Indus – dennoch die vielen auffälligen Übereinstimmungen. Das tatsächliche Alter des Ringes aus Pattan muss mangels Beifunde aber offen bleiben.

Zum Pektorale der Frau aus Grab 8 von Aržan 2 (Abb. 1, 9) finden sich außerhalb Tuvas bislang keine weiteren Vergleiche. Einzige Ausnahme bildet ein Pektorale identischer Gestalt aus Bystrjanskoe im nördlichen Altaj-Vorland, das aus dickem Goldblech geschnitten war und eine ähnlich mondsichelartige Form mit spitz zulaufenden und durchlochenden Enden aufwies, jedoch gänzlich unverziert war (Abb. 1, 10) (Grjaznov, 1992, Taf. 70, 24). Es wird dort der Bijsk-Stufe der Bol'saja Rečka-Kultur zugewiesen; ob daraus jedoch eine etwas jüngere Zeitstellung als Aržan 2 gefolgert werden kann, ist keinesfalls sicher, weil das Fundgut dieser Region bislang noch nicht so überzeugend in Etappen gegliedert werden konnte. Vom selben Fundort stammt auch ein goldener Ohrhänger mit kegelstumpfförmigem Anhänger aus Goldblech, der mit seiner Spitze am Ring angelötet wurde, außen Goldgranulation aufwies und dessen Bodenblech mehrfach durchlocht war (Abb. 2, 2) (Ibid., Taf. 70, 22), höchstwahrscheinlich weil dort aufgefädelte Perlen zu einem Gehänge befestigt waren; ähnliche Ohrgehänge sind aus den Gräbern 5 und 20 von Aržan 2 bekannt (Abb. 2, 1). Aus Bijsk I stammt eine Riemenzunge aus Bronze (Ibid., Taf. 70, 5), deren volutenartig gestaltetes Zierende (Abb. 2, 4) durchaus an vergleichbare Motive der Riemenzungen vom Tragegurt des Köchers erinnert (Abb. 2, 3). Weitere Übereinstimmungen mit den Gräbern aus Aržan 2 (Ösenspiegel mit umgebogenem Rand, dreiflügelige Bronzepfeilspitzen mit Schäftungsstiel usw.) sind eher allgemeinerer Art, weil die entsprechenden Typen im 7./6. Jh. v. Chr. in der östlichen eurasischen Steppe weit verbreitet waren und deshalb eher als chronologisches Leitfossil und weniger als Beleg für konkrete Kulturbeziehungen geeignet sind. Bei dem

Pektorale, dem Ohrgehänge und der Riemenzunge handelt es sich aber um sehr spezifische Typen, die damit eine bemerkenswerte Gemeinsamkeit zwischen dem nordtuvinischen Ujuk-Tal und den Steppen der Voraltaï-Region weiter westlich herstellen. Die Frage, ob diese Verbindungen auch in das Altaj-Gebirge bestanden, lässt sich derzeit nicht näher beurteilen, weil nahezu der gesamte von dort bekannte Fundstoff jünger datiert und der Pazyryk-Kultur (6./5.-3. Jh. v. Chr.) angehört, wogegen Komplexe des 7. und 6. Jh. v. Chr. noch weitgehend fehlen.

Weitere auffallende Parallelen zu den Funden aus Grab 5 von Aržan 2 weisen in ein weiter südwestlich gelegendes Gebiet am oberen Irtyš ganz im Osten Kazachstans; es handelt sich dabei um die Nekropole von Čilikty. Dort hatte S. S. Černikov 1960 die Kurgane 5 und 7 ausgegraben, die beide beraubt waren, aber noch etliche Materialien aus Gold enthielten (Černikov, 1965). So kam im Zentralgrab von Hügel 7 ein aus Goldblech geschnittener Fisch zum Vorschein (Abb. 2, 6) (Ibid., Taf. 23, 5), der bis in Details mit den drei Fischen aus dem symbolischen Pferdegrab 2 von Aržan 2 übereinstimmt (Abb. 2, 5). Aufgrund der Störung des Grabes in Čilikty lässt sich hier leider nichts zur Funktion dieser Stücke sagen, was über den Befund von Grab 2 in Aržan 2 hinausgehen könnte. Ähnliche Fische, allerdings erheblich größer und aus Filz gearbeitet, begegnen gegen Ende der Skythenzeit in Gräbern der Pazyryk-Kultur im Altaj, wo sie als Schmuck seitlich vom Sattel bzw. von der Satteldecke herabgingen (Polos'mak, 2001, S. 40, Abb. 20; Polos'mak, Barkova, 2005, S. 116 ff., Abb. 3, 10, 11). Eine plastisch gestaltete Fischfigur aus Goldblech sowie goldene Anhänger fanden sich in Kurgan 5 von Čilikty (Černikov, 1965, Taf. 16, 2, 4; 18 unten); sie weisen zwar keine unmittelbaren Parallelen in Aržan 2 auf, besitzen aber tropfenförmige und von dünnem Golddraht eingefasste Emailinlagen, wie sie in identischer Form auch auf etlichen Goldobjekten aus Aržan 2 vorkommen. Wildschweinförmige Applikationen aus Goldblech im für den frühskythischen Tierstil so charakteristischen Zehenspitzenangang (Ibid., Taf. 17; 18 oben) entsprechen bis in Einzelheiten den Wildschweindarstellungen auf einer Steinplatte, die in Aržan 2 die Gräber 13A und 13B voneinander trennt.

Während das westlich an Čilikty anschließende sakische Kerngebiet in Semireč'e bislang keine brauchbaren Vergleiche zu den Materialien aus Aržan 2 liefert, was möglicherweise auch mit

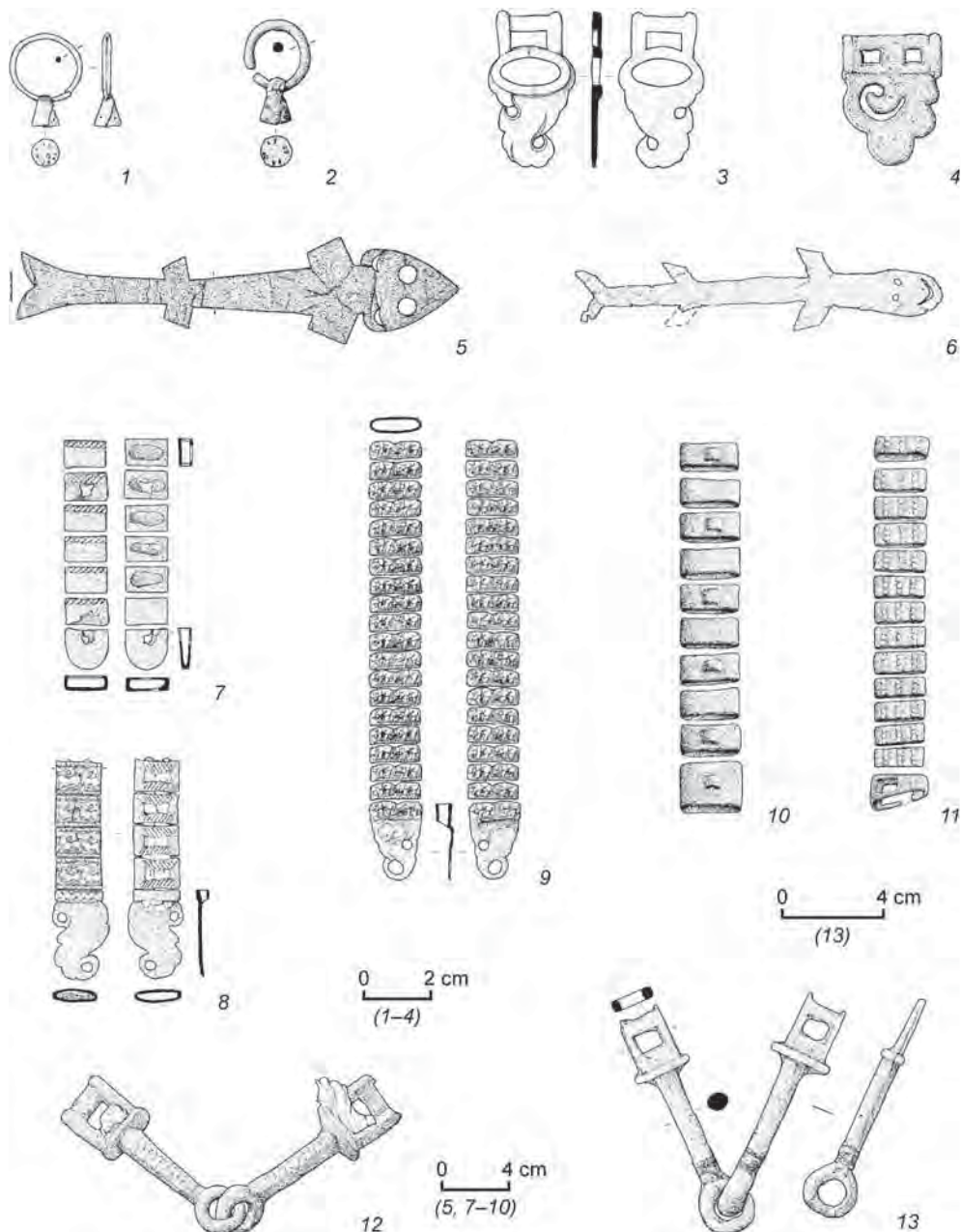


Abb. 2. Fundstücke aus Aržan 2 und ihre zentralasiatischen Vergleiche.

1, 9 – Aržan Grab 20; 2, 4 – Bol’shaja Rečka-Kultur im nördlichen Altaj-Vorland; 3 – Aržan Grab 5 Slekett 1; 5 – Aržan Grab 2; 6 – Čilikty; 7 – Aržan Hort 2B; 8 – Aržan Grab 26; 10–12 – frühe Tasmola-Kultur in Zentralkasachstan; 13 – Aržan Grab 16 Pferd 6.

1–3, 5–6 – Gold, sonst Bronze, teils mit Leder.

dem Fehlen einer größeren Zahl wirklich früher Komplexe aus dem 8.-7. Jh. v. Ch. zusammenhängen könnte, liefert die in den zentralkazachischen Steppengebieten verbreitete Tasmola-Kultur bemerkenswerte Parallelen. Dies gilt insbesondere für ihre Frühstufe, die von der Forschung dem 7. und 6. Jh. v. Chr. zugewiesen wird (Vischnevskaja, 1992; Parzinger, 2006, S. 649 ff., Abb. 212), was

der Zeit von Aržan 2 sowie der Aldy Bel’-Etappe in Tuva entspricht. Die Parallelen aus frühem Tasmola bestätigen aber nicht nur die Zeitstellung von Aržan 2, sondern unterstreichen erneut ein kulturelles Beziehungsgeflecht, das von Nordtuva aus nach Westen und Südwesten reicht.

Bestimmte Teile der Bewaffnung (zweiflügelige Tüllenpfeilspitzen und dreiflügelige Stielpfeilspitzen

aus Bronze) sowie Ösenspiegel mit umgebogenem Rand (Vischnevskaja, 1992, Taf. 52, 41–58; 53, 28) sind charakteristisch für diese Zeit des 7./6. Jh. v. Chr. und weiter verbreitet. Als wesentlich spezifischer gelten dagegen bronzene Riemenschieber rechteckiger Grundform, mitunter mit einer Öse auf der Rückseite, die dicht nebeneinander auf den Gürtel aufgeschoben worden waren (Abb. 2, 10, 11) (Kadyrbajev, 1966, Abb. 39; Vischnevskaja, 1992, Taf. 53, 2, 14, 15). Sie sind geradezu typisch für Tasmola und begegnen dort mehrfach, finden sich aber in auffallend ähnlicher Form und Verwendung auch in Aržan 2, und zwar aus Bronze in den Gräbern 20 und 26, dazu in Hortfund 2, sowie aus Gold in Fürstengrab 5 (Abb. 2, 7–9). Trotz der im Einzelnen abweichenden ornamentalen Gestaltung der Riemenschieber aus der Tasmola-Kultur und jener aus Aržan 2 stellt dieses Trachtbestandteil, das sonst kaum irgendwo nachgewiesen ist, ein wichtiges Bindeglied zwischen Nordtuva und Zentralkasachstan dar. Dem lassen sich noch volutenartige Riemenendstücke zur Seite stellen (Kadyrbajev, 1966, Abb. 62; Vischnevskaja, 1992, Taf. 54, 8), wie sie in Aržan 2 aus Fürstengrab 5 und Bestattung 26 bekannt sind. Hinzu kommt, dass die naheliegendsten Analogien zum Pferdegeschirr aus Aržan 2 ebenfalls in den Tasmola-Bereich weisen. Dort finden sich in einer frühen Etappe entwickelte Steigbügeltrensen (Abb. 2, 12) und gebogene Dreilochknebel (Kadyrbajev, 1966, Abb. 7, 15, 24; Vischnevskaja, 1992, Taf. 52, 62, 63, 75, 76, 82), wie sie sehr ähnlich in Pferdegrab 16 auftreten (Abb. 2, 13). Hortfund 1 aus Aržan 2 enthält Sattelgurtschnallen und flache Phaleren mit Rückenknopf, jeweils aus Bronze, die auch für die frühe Tasmola-Stufe charakteristisch sind (Kadyrbajev, 1966, Abb. 8, 20; 24, 1, 2, 7; Vischnevskaja, 1992, Taf. 52, 61, 64, 65, 84). Am deutlichsten treten die Beziehungen von Aržan 2 zum Bereich der zentralkasachischen Tasmola-Kultur jedoch in den jüngst gemachten Entdeckungen von Taldy 2 hervor (Bejzenov, 2010). Der gestörte Kurgan erbrachte dort noch reichen Goldschmuck, der bis in Einzelheiten mit Stücken aus Aržan 2 übereinstimmt.

Nahezu identische Teile vom Pferdegeschirr oder Sattelzubehör kennzeichnen auch die Gräber von Tagisken-Süd und Ujgarak (Itina, 1992, Taf. 4, 3–12; 5, 7; Itina, Jablonskij, 1997, Abb. 71, 75), die ebenfalls dem 7./6. Jh. v. Chr. zugewiesen werden und damit mit frühem Tasmola in Zentralkasachstan, mit Čilikty in Ostkasachstan und mit Aldy Bel' in Tuva (Aržan 2) ungefähr gleichzeitig sind. Die Nekropolen

von Tagisken-Süd und Ujgarak im Mündungsgebiet des Syr-Dar'ja sind zudem die westlichsten Fundpunkte, die noch gewisse Gemeinsamkeiten mit Aržan 2 aufweisen, die über rein chronologisch begründbare Übereinstimmungen hinausgehen. Außer dem Pferdegeschirr gehören dazu kleine Steinschalen (sog. Räucherschalen) tropfenförmiger Gestalt (Itina, Jablonskij, 1997, Abb. 22, 6; 68), wie sie auch in Fürstengrab 5 aus Aržan 2 zum Vorschein kamen. Die Tropfenform als ornamentales Grundmuster ist in Aržan 2 sehr kennzeichnend und begegnet in unterschiedlichster Anwendung: als Gefäßform, als Schmuckform und als Zierelement, z. B. bei Emailleinlagen. Auch in Tagisken-Süd erscheinen nicht nur die bereits erwähnten tropfenförmigen Räucherschalen aus Stein, sondern ebenso finden sich dort entsprechend gestaltete bronzene Riemenschieber sowie goldene Zierbleche (Ibid., Abb. 17, 1–5; 52, 7). Zwar sind die Inventare aus Ujgarak und Tagisken-Süd nicht so reich ausgestattet wie Fürstengrab 5 aus Aržan 2, doch treten auch dort vereinzelt Raubkatzenfiguren aus Goldblech auf, die auf einer Textilunterlage aufgenäht gewesen sein dürften (Ibid., Abb. 78). In Größe, Herstellung und stilistischer Ausführung stehen sie den Tausenden entsprechender Stücke aus Aržan 2 sehr nahe. Zuletzt sei noch darauf verwiesen, dass die Pfeilspitzen aus Ujgarak und Tagisken-Süd aufgrund der Dominanz von bronzenen, dreiflügeligen Typen mit Schäftungsstiel die Gleichzeitigkeit mit Aržan 2 unterstreichen, wobei in einigen Kurganen möglicherweise noch jüngere Formen hinzutreten, die eine Weiterbelegung der Nekropolen bis in das 6./5. Jh. v. Chr. vermuten lassen. Eine letzte Gemeinsamkeit mit Aržan 2 besteht schließlich darin, dass auch in Tagisken-Süd trotz der frühskythenzeitlichen Datierung der Inventare bereits Waffen aus Eisen vorkommen, insbesondere Prunkwaffen, wie z. B. das eiserne Langschwert aus Kurgan 53, dessen Griff und Scheide mit ornamentiertem Goldblech beschlagen waren (Itina, 1992, Taf. 5, 8, 9; Itina, Jablonskij, 1997, Abb. 44, 5, 6).

Blicken wir uns also nach Vergleichen zu den Funden aus Aržan 2 um, so tritt immer wieder die Einzigartigkeit der dort gemachten Entdeckungen vor Augen, vor allem was die Stücke aus Fürstengrab 5 betrifft. Nur wenige eindeutige Parallelen oder Vorformen aus anderen Gebieten außerhalb Tuvas lassen sich anführen. Dabei ist ein Beziehungsnetz zu beobachten, dass bei einigen Elementen des Zierstils, bei gewissen Schmucksachen, bei der



Abb. 3. Verbreitung von mit Objekten aus Aržan 2 vergleichbaren Stücken.

Verwendung von Eisen für Prunkwaffen, bei Teilen des Pferdegeschirrs, aber auch bei den Pflanzenresten aus Fürstengrab 5 eine Bindung an weiter westlich und südwestlich gelegene Gebiete deutlich werden lässt. Dieses Beziehungsnetz reicht von Tuva über den Altaj und das Altaj-Vorland sowie Ostkazachstan bis in den Bereich der zentralkazachischen Tasmola-Kultur und endet spätestens im Mündungsgebiet des Syr-Dar'ja. Weiter südlich liegt Pattan am oberen Indus; die Gemeinsamkeiten zwischen dem dort entdeckten Goldring und jenem aus Aržan 2 sind nicht zu leugnen. Immer deutlicher wird auch, dass die Karakorum-Region Teil eines eurasisch-zentralasiatischen Interaktionsraums war, und zwar nicht erst im 1. Jt. v. Chr., doch welche Rolle dieses Gebiet tatsächlich spielte, ist beim gegenwärtigen Forschungsstand schwer zu beurteilen.

Damit wird hier in Ansätzen eine zentralasiatische Fundprovinz der entwickelten frühskythischen Periode sichtbar, die in etwa zwischen Tagisken und Ujgarak im Westen, Pattan im Süden und Aržan

im Osten zu lokalisieren ist (Abb. 3). Westlich vom Aralsee, im sauromatischen und skythischen Kulturbereich, waren die Verhältnisse andere. Wie die Beziehungen der einzelnen Regionen innerhalb dieser Fundprovinz zueinander waren, ob es ein Zentrum oder mehrere gab und wo diese lagen, lässt sich im Augenblick noch kaum beurteilen und bedarf weitergehender Forschungen. Klar ist nur, dass der Fürstengurgan von Aržan 2 dabei eine herausragende Stellung einnahm, doch ebenso deutlich dürfte sein, dass er kein Einzelfall gewesen sein kann. Bemerkenswert dabei ist, dass dieses weitreichende zentralasiatische Beziehungsnetz erst durch die Entdeckung von Aržan 2 wirklich sichtbar wurde. Es sind offenbar doch Verbindungen, die in erster Linie die reiternomadischen Eliten dieses Raumes betrafen, weil sie beim übrigen Fundgut aus den Gräbern der mehrheitlich einfacheren Bevölkerung kaum hervortreten und Gemeinsamkeiten bei ihnen in der Regel in erster Linie chronologisch begründet scheinen.

Zu den Fürstengräbern der frühen Skythenzeit

Die Entdeckung des Fürstengrabes von Aržan 2 veränderte unseren Blick auf die Totenbehandlung skythenzeitlicher Eliten im Osten der eurasischen Steppe. Waren goldreiche Bestattungen bis dahin vor allem aus dem skythischen Kerngebiet im Nordschwarzmeerraum und in der Kuban-Region bekannt, zu denen noch vereinzelte Komplexe aus dem sauromatischen Bereich im Südural (Filippovka) und aus dem sakischen Gebiet (Issyk) hinzutraten, so fehlten derartige Gräber bislang in Südsibirien. Die reichen Inventare von Pazyryk, Tuekta und Bašadar vermittelten ein anderes Bild vom Prunk südsibirischer Fürstengräber des 1. Jt. v. Chr., auch wenn sie beraubt waren und für ihre Beurteilung möglicherweise entscheidendes Fundgut nicht mehr in ihnen anzutreffen war. Aržan 2 mit seinem Goldreichtum ist sicher anders zu beurteilen, und schon Aržan 1 wies in diese Richtung, auch wenn dort nur wenige Goldobjekte im ausgeraubten Zentralgrab zurückblieben. Es dürfte außer Zweifel stehen, dass Aržan 2 nur die Spitze des Eisberges ist und die Zahl goldreicher Fürstenbestattungen in monumentalen Kurganen ursprünglich erheblich größer war. Entweder sind sie geplündert oder – wie im Falle von Aržan 2 – noch nicht entdeckt worden, die Zukunft wird es zeigen. Und dennoch bilden die skythenzeitlichen Fürstengräber reiternomadischer Eliten zwischen unterer Donau und Enisej keine Einheit, im Gegenteil: Gerade bei der Bauweise der Grabhügel, bei den vielen dort festgestellten Hinterlassenschaften kultischer und ritueller Handlungen sowie in Bau und Ausgestaltung der Hauptgräber lassen sich – sorgfältige Grabungs- und Dokumentationstechnik vorausgesetzt – erhebliche Abweichungen feststellen. Diese treten zwischen den einzelnen Fundregionen des Steppengürtels sehr deutlich hervor. Die Architektur der Kurgane und die Totenbehandlung der Eliten unterlagen also geographischen wie auch chronologischen Unterschieden, wie sie offensichtlicher kaum sein könnten.

Doch wie verteilen sich frühskythenzeitliche Fürstengräber überhaupt über Raum und Zeit? Aržan 1 stellt insofern eine Besonderheit dar, weil diese Anlage in das ausgehende 9. und 8. Jh. v. Chr. datiert, also in den älteren Abschnitt der frühskythenzeitlichen Periode. Ihm lassen sich bislang keine weiteren gleichzeitigen Großkurgane

mit prunkvoll ausgestatteten Gräbern zur Seite stellen. In der jüngeren Etappe der frühen Skythenzeit (7./6. Jh. v. Chr.) verändert sich das Fundbild, weil nun in verschiedenen Teilen des Steppengürtels Fürstenbestattungen zum Vorschein kamen. Ab dem 5. Jh. v. Chr. steigt ihre Zahl dann in allen Teilen Eurasiens (Nordschwarzmeerraum, Südural und untere Wolga, Kazachstan, Altaj sowie Minusinsker Becken) stark an, die meisten von ihnen gehören sogar erst in das 4. Jh. v. Chr.

Betrachten wir den jüngeren Abschnitt der frühen Skythenzeit (7./6. Jh. v. Chr.), so stellt sich die Situation wie folgt dar: In Tuva liegt mit Aržan 2 zumindest ein Fürstenkurgan vor, der aufgrund seiner Architektur und seiner inneren Struktur noch klare Verbindungen zum älteren Aržan 1 erkennen lässt; weitere Anlagen dieser Kategorie – zweifellos gab es sie – können ihm beim bisherigen Kenntnisstand noch nicht zur Seite gestellt werden. Aus dem nördlich benachbarten Minusinsker Becken sind aus der Zeit von Aržan 1 und Aržan 2 (Bainov- und Podgornovo-Stufe der Tagar-Kultur) bislang keine Fürstengräber bekannt; Salbyk und das erst kürzlich erforschte Barsučij Log datieren in die Saragaš-Etappe der Tagar-Kultur, was Sagly-Baži in Tuva entspricht (5.-3. Jh. v. Chr.).

In das ausgehende 7. Jh. v. Chr. gehören die Kurgane 5 und 7 von Čilikty (Černikov, 1965), von denen oben bereits die Rede war, weil ihr trotz Beraubung noch zurückgebliebenes Fundgut bemerkenswerte Übereinstimmungen mit Aržan 2 aufzeigt. Ihre Bauweise unterscheidet sie deutlich von Aržan 1 und Aržan 2, bei denen es sich um aufgeschichtete Steinplattformen handelte. In Čilikty stieß man stattdessen auf vergleichsweise hohe Hügel aus gestampftem Lehm und mit Steinpanzer, wobei man die mit Steinen ummantelten hölzernen Grabkammern nicht in einer tiefen Grube, sondern ebenerdig oder allenfalls leicht eingetieft errichtet hatte (Ibid., Taf. 6, 22). In der Nähe von Čilikty wurden unlängst von A. Toleubaev bei Bajgetobe weitere Fürstenkurgane mit reichen Ausstattungen aus dem 7. Jh. v. Chr. entdeckt, die in vielen Belangen mit Čilikty vergleichbar sein sollen (Unpubliziert, Hinweis bei Samašev, 2007, S. 163). Die unzähligen sakischen Großkurgane aus Semireč'e lieferten bislang noch keine reichen Komplexe dieser frühen Zeit. Der Fund von Žalauly ganz im Osten dieser Region, der zahlreiche Objekte erbrachte, die man zuvor offenbar aus verschiedenen Kurganen der Umgebung plündernd entnommen hatte, enthält

einige Objekte, die durchaus auch in das 7. Jh. v. Chr. gehören könnten (Samašev, 2007, S. 2–5), ohne dass dies jedoch sicher nachzuweisen wäre.

Das Fundmaterial der frühen Tasmola-Kultur Zentralkasachstans weist zwar Verbindungen nach Aržan 2 auf, doch sind aus den Steppengebieten nordwärts des Balchaš-Sees erst vor kurzem Fürstengurgane mit noch erhaltenen reich ausgestatteten Gräbern freigelegt worden (Taldy 2), die zumindest hinsichtlich ihrer Ausstattung enge Übereinstimmungen mit Aržan 2 aufweisen, wogegen die Konstruktionsweise – soweit die bisherigen Vorberichte eine tragfähige Beurteilung zulassen – wenig mit tuvinischen Befunden gemein zu haben scheinen.

Im Mündungsgebiet des Syr-Dar'ja, in dem es in Tagisken-Süd und Ujgarak zwar Kurgan-Nekropolen dieser Zeit gab, deren Belegung im 7. Jh. v. Chr. begann und bis in das 6./5. Jh. v. Chr. andauerte, sind noch kaum wirkliche Fürstengrabhügel monumentalen Ausmaßes mit prunkvollen Grabausstattungen bekannt geworden. Eine Ausnahme bilden die Kurgane 83 und 23 aus Ujgarak und 53 aus Tagisken-Süd; zwar erreichen sie nicht das Niveau von Aržan 2 oder Čilikty, doch kommt in diesen Inventaren Gold vor, weshalb es sich sicher um eine hervorgehobene Kriegerschicht gehandelt haben dürfte, die dort beigesetzt worden war (Itina, 1992; Itina, Jablonskij, 1997; Demidenko, Firsov, 2007).

Westlich des Aralsees zwischen Ural und unterer Donau datieren alle skythenzeitlichen Fürstengurgane mit goldreichen Ausstattungen und komplexen Grabanlagen unter mächtigen Aufschüttungen in die Zeit des 5. und vor allem 4. Jh. v. Chr. Aus frühskythischer Zeit sind lediglich Komplexe aus der Kuban-Region im nordwestlichen Kaukasus-Vorland bekannt: Kostromskaja und Kelermes (Galanina, 2007). Ohne näher auf die Einzelheiten dieser Friedhöfe eingehen zu wollen, sei hier nur festgehalten, dass die berühmte goldene Hirschfigur des Kurgans von Kostromskaja aus einem Grab stammte, über dem man einen hölzernen Pfostenbau errichtet hatte, um den herum auf allen vier Seiten insgesamt 22 Pferde niedergelegt wurden. Den zeltartigen Pfostenbau über der Bestattung hatte man anschließend offenbar abgebrannt und darüber dann die eigentliche Aufschüttung errichtet, ein Ritual, das auch aus Tagisken-Süd und Ujgarak bekannt ist.

Auf ähnliche, wenn auch nicht identische Befunde stieß man in Kelermes; die ältesten Hügel dort

gehören dem 7. Jh. v. Chr. an, die jüngeren wurden im Verlaufe des 6. Jh. v. Chr. erbaut (Galanina, 1997). Insbesondere die frühesten Komplexe aus Kelermes, die spätestens in die Mitte des 7. Jh. v. Chr. datieren, sind für die zeitliche Fixierung der frühskythischen Zeit im Nordschwarzmeerraum von beträchtlicher Bedeutung, weil sich Teile ihres Fundmaterials gut mit der vorderasiatischen Chronologie verknüpfen lassen (Kossack, 1980; 1983; 1986; 1987a, b). In diesen Horizont gehören z. B. auch der Kurgan von Ul'skij Aul (Kossack, 1987a, S. 81) sowie die Anlage von Krasnoe Znamja im Gebiet Stavropol' (Petrenko, 2006), deren Funde viele Gemeinsamkeiten mit den frühen Kurganen von Kelermes zu erkennen geben, wobei es sich jedoch um einen gänzlich anderen und sehr komplex strukturierten Bau handelt, der bereits in beträchtlichem Ausmaß aus Steinen aufgeschichtetes Trockenmauerwerk integrierte. Zuletzt ließe sich ein reicheres Kriegergrab mit Importkeramik aus Novoaleksandrovka (Kurgan 7, Grab 8) bei Rostov hinzufügen (Kossack, 1987a, S. 75 ff., Abb. 32), das ebenfalls noch in die Zeit der frühen Hügel von Kelermes gehört, ohne allerdings mit diesen wirklich auf eine Qualitätsstufe gesetzt werden zu können.

Während sich also im nordwestlichen Kaukasus-Vorland eine Konzentration frühskythischer Fürstengurgane findet, deren ältere ungefähr in die Zeit von Aržan 2 gehören, bleibt der westlich daran anschließende Steppenstreifen unmittelbar nördlich der Schwarzmeerküste, der dann im 4. Jh. v. Chr. von unzähligen skythischen Königskurganen besetzt wird, frei von derartigen Befunden. Eine tragfähige Erklärung für diesen Sachverhalt steht bis heute aus. Das Fehlen frühskythischer Elitengräber im eigentlichen skythischen Kerngebiet mit den sog. vorderasiatischen Kriegszügen der Skythen und ihrem Abzug nach Urartu, Medien und Assyrien in Zusammenhang bringen zu wollen, wie dies in der Vergangenheit immer wieder versucht wurde, ist dabei wenig überzeugend. Obwohl in den letzten Jahrzehnten in der nordpontischen Steppe Hunderte von Kurganen untersucht wurden, fanden sich in ihnen kaum reiche Gräber des 7./6. Jh. v. Chr. Mächtige Kurgane frühskythischer Zeit öffnete man jedoch in der nördlich anschließende Waldsteppe, so z. B. am Oberlauf des Flusses Sula bis hin in das Gebiet um Charkov (Kossack, 1987a, S. 71 ff.; Meljukova, 1989; Polin, 2007, S. 257 ff.). Zu den bekanntesten zählen Kurgane aus Aksjutincy, Gerasimovka, Žurovka, Kolomak, Dar'evka, die Repjachovataja Mogila bei Matusov u. a. (Kossack, 1987a, S. 71 ff.;

Meljukova, 1989; Polin, 2007, S. 257 ff.). Sie alle enthielten reicher ausgestattete Kriegergräber mit vereinzelt Goldobjekten, Importstücken und frühskythischem Tierstil, doch keiner der Verstorbenen dieser Inventare aus der ukrainischen Waldsteppe dürfte einen Rang erreicht haben, der sich mit den in Kostromskaja, Kelermes oder auch in Aržan 2 Beigesetzten vergleichen ließe.

Auch aus dem östlichen Karpatenbecken, dem westlichsten von reiternomadischen Gruppen mit skythisch geprägter Sachkultur besiedelten Gebiet, sind reiche Bestattungen bekannt. Das Fürstengrab von Ártánd datiert dabei in diese Zeit (zweite Hälfte des 7. Jh. v. Chr.) und führte einen eisernen Schuppenpanzer, eiserne Waffenausstattung, goldenen Blechschmuck, ein Kreuzattaschenbecken sowie eine in Sparta gefertigte archaische Bronzehydria (Párducz, 1965; Kemenczei, 2007, S. 314 ff., Abb. 6–9.). Diese Ausstattung liegt jedoch bereits in der Kontaktzone von steppennomadischer und hallstädtisch geprägter Welt. Bei den äußerst qualitativ gearbeitet goldenen Hirschfiguren aus Tápiószentmárton und Mezőkeresztes-Zöldhalompusztá, die beide möglicherweise als Beschläge eines Prunkschildes verwendet wurden, handelt es sich um Einzelstücke ohne bekannte Fundumstände, doch dürften sie ursprünglich einem sehr reichen Grabinventar aus dem späten 7. oder – wahrscheinlicher – frühen 6. Jh. v. Chr. angehört haben (Kemenczei, 2007, S. 311 ff., Abb. 3, 5.).

In der zweiten Hälfte des 7. Jh. v. Chr. kommt es auch außerhalb der reiternomadisch geprägten Welt in Mitteleuropa zur Entstehung von Fürstengräbern mit Bestattungen der hallstattzeitlichen Oberschicht. Die ältesten der Stufe Ha C2 konzentrieren sich vor allem im Südostalpenraum und in Oberitalien, während sie im westalpinen Hallstattkreis zwischen Nordschweiz und Mittelrhein zu jener frühen Zeit noch kaum in Erscheinung treten, sie datieren dort überwiegend in das 6. und 5. Jh. v. Chr. (Parzinger, 1989, S. 49 ff., 87 ff., 126 ff.; Krause, 2006). Doch auch aus Etrurien und anderen Teilen Mittelitaliens sowie vom Westbalkan liegen Prunkbestattungen der zweiten Hälfte des 7. Jh. v. Chr. vor. Es würde an dieser Stelle zu weit führen, den Blick auf die Verhältnisse in den westlich der Theiß gelegenen Teilen Europas auszuweiten. Und dennoch fällt auf, dass die zweite Hälfte des 7. Jh. v. Chr. eine Zeit der Begegnungen von weiter entwickelten prähistorischen Kulturen mit höher stehenden

Zivilisationen war (Griechen, Urartäer, Assyrer u. a.). Es war eine Art «Achsenzeit» mit ersten Fürstengräbern zwischen Alpenraum und Tuva, die durch die Monumentalität des Grabbaus und die Prunksucht der Beigabenausstattung eine soziale Führungsschicht so deutlich wie nie zuvor in der Geschichte dieser Gebiete sichtbar werden ließ und die in ihnen bestatteten Persönlichkeiten deutlich aus der übrigen Gemeinschaft heraushob.

Während sich die Partner in diesen Begegnungen unterschiedlich entwickelter und anders strukturierter Kulturen, die zur Entstehung von Fürstengräbern führten, in vielen Teilen Europas relativ sicher benennen lassen (Griechen, Etrusker), betreten wir im eurasischen Steppenraum unsichereres Terrain. Für die Prunkinventare der Kuban-Region (Kostromskaja, Kelermes) können noch Kontakte mit den Zivilisationen Vorderasiens (Urartu, Medien, Assyrien) ins Feld geführt werden, doch östlich des Ural, in den Gebieten am oberen Irtyš mit Čilikty oder am oberen Enisej mit Aržan bleiben die historischen Verhältnisse zu jener Zeit noch wenig überschaubar. Auch die Rolle Chinas bei der Entstehung der neuen, reiternomadischen Kulturverhältnisse an den Quellen des Enisej ist wenig klarer geworden. Die Einwirkungen des Achaimenidenreiches in Südostkazachstan und angrenzenden Teilen Südsibiriens (Pazyryk-Kultur im Altaj) wurden erst ab dem späten 6. und 5. Jh. v. Chr. wirksam und konnten deshalb keinen Einfluss auf die Verhältnisse während des 7. Jh. v. Chr. gehabt haben. Andere Akteure lassen sich derzeit jedoch nicht benennen. Auch in dieser Hinsicht bringt Aržan 2 also eine gewisse Isoliertheit zum Ausdruck: Es fehlen die prestigeträchtigen Importgüter und anderen nachhaltigen Außeneinflüsse, die bei den zahllosen anderen Fürstengräbern Eurasiens und Europas ein geradezu kennzeichnendes Merkmal darstellen.

Literatur

Bejsenov A.S. 2010

K isutcheniju osobennostej krupnych kurganov rannego zhelesnogo veka Zentralnogo Kasachstana. In *Kadyrbaevskieje tchtenija*. Aktjube, S. 77–79.

Černikov S.S. 1965

Sagadka solotogo kurgana. Moskva.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. 2010

Der skythenzeitliche Fürstengraban von Aržan 2 in Tuva. Mainz (Archäologie in Eurasien; 26/Steppenvölker Eurasiens; 3).

- Dani A.H. 1995**
Human Records on Karakorum Highway. Lahore.
- Demidenko J., Firsov K. 2007**
Die Denkmäler von Tagisken und Ujgarak. In *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskatalog Berlin*. München; Berlin; London; New York, S. 171–176.
- Galanina L.K. 1997**
Die Kurgane von Kelermes. «Königsgräber» der frühskythischen Zeit. Moskau. (Steppenvölker Eurasiens; 1).
- Galanina L.K. 2007**
Die Fürstengräber von Kostromskaja und Kelermes. In *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskatalog Berlin*. München; Berlin; London; New York, S. 198–203.
- Grjaznov M.P. 1980**
Aržan. Zarskij kurgan ranneskifskogo vremeni. Leningrad.
- Grjaznov M.P. 1984**
Der Großkurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien. München. (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie; Bd. 23).
- Grjaznov M.P. 1992**
Altai i prialtajskaja step'. In *Stepnaja polosa Aziatskoj tchasti SSSR v skifo-sarmatskoje vremja*. Moskau: Nauka, S. 161–178. (Ser. «Archeologija SSSR»).
- Itina M.A. 1992**
Rannije saki Priaralja. In *Stepnaja polosa Aziatskoj tchasti SSSR v skifo-sarmatskoje vremja*. Moskau: Nauka, S. 31–47. (Ser. «Archeologija SSSR»).
- Itina M.A., Jablonskij L.T. 1997**
Saki nizhnej Syrdarji. Moskau.
- Jettmar K. 1991**
The art of the northern nomads in the Upper Indus Valley. *South Asian Studies*, vol. 7: 1–20.
- Kadyrbajev M.K. 1966**
Pamjatniki tasmolinskoj kultury. In *Drevnjaja kultura Zentralnogo Kasachstana*, A.Ch. Margulan, K.A. Akishev, M.K. Kadyrbajev, A.M. Orasbajev. Alma-Ata: Nauka.
- Kemenczei T. 2007**
Denkmäler skythisch geprägter Eliten im Donau-Theiss-Gebiet. In *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskatalog Berlin*. München; Berlin; London; New York, S. 310–317.
- Kossack G. 1980**
«Kimmerische» Bronzen. Festschrift für Stane Gabrovec. *Situla*, No. 20/21: 109–143.
- Kossack G. 1983**
Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus. *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, Bd. 5: 89–182.
- Kossack 1986**
Zaumzeug aus Kelermes. In *Hallstatt-Kolloquium Veszprém 1984. Mitteilungen des Archäologischen Instituts*, Beih. 3. Budapest, S. 125–139.
- Kossack G. 1987a**
Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. In *Skythika: Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils und zu Denkmälern des Bosporanischen Reichs anlässlich einer Ausstellung der Leningrader Ermitage in München 1984*, L. Galanina, N. Grac, H.-J. Kellner, G. Kossack. München, S. 24–86. (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Abh. N. F.; Bd. 98).
- Kossack G. 1987b**
Fremdlinge in Fars. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, Bd. 20: 107–127.
- Krausse G. 2006**
Prunkgräber der nordwestalpinen Späthallstattkultur. Neue Fragestellungen und Untersuchungen zu ihrer sozialhistorischen Deutung. In *Herrschaft – Tod – Bestattung. Zu den vor- und frühgeschichtlichen Prunkgräbern als archäologisch-historische Quelle. Kongress Kiel 2003*, C. v. Carnap-Bornheim, D. Krausse, A. Wesse (Hrsg.). Bonn, S. 61–80. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie; Bd. 139).
- Meljukova A.I. 1989**
Stepi evropejskoj tchasti SSSR v skifo-sarmatskoje vremja. Moskau. (Ser. «Archeologija SSSR»).
- Párducz M. 1965**
Graves from the Scythian Age at Ártánd (County Hajdú-Bihar). *Acta Archaeologica Hungaricae*; No. 17: 137–231.
- Parzinger H. 1989**
Chronologie der Späthallstatt- und Frühlatène-Zeit. Studien zu Fundgruppen zwischen Mosel und Save. Weinheim. (Quellen und Forschungen zur Prähistorischen und Provinzialrömischen Archäologie; Bd. 4).
- Parzinger H. 2006**
Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München.
- Petrenko V.G. 2006**
Krasnoznameniskii Burial-ground. Early Scythian Elite-mound in the Northern Caucasus. Berlin; Bordeaux; Moscow. (Corpus Tumulorum Scythicorum et Sarmaticorum; 1).
- Polin S. 2007**
Fürstengräber in der ukrainischen Steppenzone. In *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskatalog Berlin*. München; Berlin; London; New York, S. 256–267.
- Polos'mak N.V. 2001**
Vsadniki Ukoka. Novosibirsk.
- Polos'mak N.V., Barkova L.L. 2005**
Kostjum i tekstil' pasyryktsev Altaja. Novosibirsk.
- Rahman S. 1990**
Unique find of gold ornaments from Pattan (Kohistan). *Journal of Central Asia*, vol. 13: 1–27.
- Rudenko S.I. 1962**
Sibirskaja kollekcija Petra I. Moskau; Leningrad. (Svod archeologičeskich istotschnikov; Vyp. D3-9).
- Samašev Z. 2007**
Die Fürstengräber des Siebenstromlandes. In *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Ausstellungskatalog Berlin*, München; Berlin; London; New York, S. 162–170.
- Višnevskaja O.A. 1992**
Zentralnyj Kasachstan. In *Stepnaja polosa Aziatskoj tchasti SSSR v skifo-sarmatskoje vremja*. Moskau: Nauka, S. 130–139. (Ser. «Archeologija SSSR»).

Н.В. Полосьмак

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

ПТИЦЫ В ТАТУИРОВКЕ ПАЗЫРЫКЦЕВ

После того как были открыты ранее не видимые рисунки на телах мумий из Больших Пазырыкских курганов [Баркова, Панкова, 2005, 2006] и мумифицированные тела пазырыкцев на Уюке [Молодин, 2000; Molodin, Polosmak, 2005; Полосьмак, 1994, 2000, 2001; Polosmak, 1998], стало понятно, что татуировка была характерна для всех членов пазырыкского общества – рядовых и знатных, мужчин и женщин. Эта татуировка является в настоящее время одним из главных отличительных признаков представителей пазырыкской культуры.

Наряду с уже известными образами реальных и фантастических зверей среди новых рисунков были обнаружены изображения птиц. Так, на большом пальце правой руки мужчины из Второго Пазырыкского кургана [левая рука не сохранилась] был изображен петух (см. *рисунок, 3*). О чем, по мнению канд. биол. наук Н.В. Мартыновича*, свидетельствуют характерный хвост, гребешок, шпора, а, возможно, и задний палец. Сама голова – не птичья. Но это, скорее всего, связано не столько с самим рисунком, сколько с дефектами и складками кожи. То, что это изображение петуха, было впервые отмечено авторами открытия [Баркова, Панкова, 2005, с. 49; 2006, с. 33].

У мужчины из Пятого Пазырыкского кургана птицы были изображены на больших пальцах левой и правой руки. На правой руке был изображен глухарь (см. *рисунок, 4*), а на левой, скорее, тетерев (см. *рисунок, 5*). Предположение о глухаре (или тетереве-косаче) было высказано авторами первой публикации этих татуировок [Там же, 2005, с. 53; 2006, с. 36]. Такого же мнения об этом изображе-

нии Н.В. Мартынович. На большом пальце левой руки женщины из Пятого Пазырыкского кургана изображена птица с пышным хвостом, которая более всего похожа на петуха (характерные гребешок и борода) [Там же, с. 38] (см. *рисунок, 6*).

Нельзя сказать, чтобы образы этих птиц были совершенно чужды пазырыкскому искусству. Так, еще С.И. Руденко отмечал: «Неожиданно много изображений домашнего петуха. Несмотря на то, что они найдены только в двух первых Пазырыкских курганах, они довольно разнообразны по манере выполнения» [1960, с. 261–262, рис. 135]. В двух вариантах известны и изображения тетеревов [Там же, с. 260] (см. *рисунок, 1, 2*). Но эти образы казались второстепенными в пазырыкском бестиарии, где главным среди птиц является орлиноголовый грифон, затем следуют лебеди и гуси. Новые татуировки стали свидетельством того, что петухи [дикие и домашние] занимали свое особое место в мировоззрении пазырыкцев, которые украшали их изображениями не только ремни, сосуды, кожаную флягу, колоду, конские нагивники, но и свое тело.

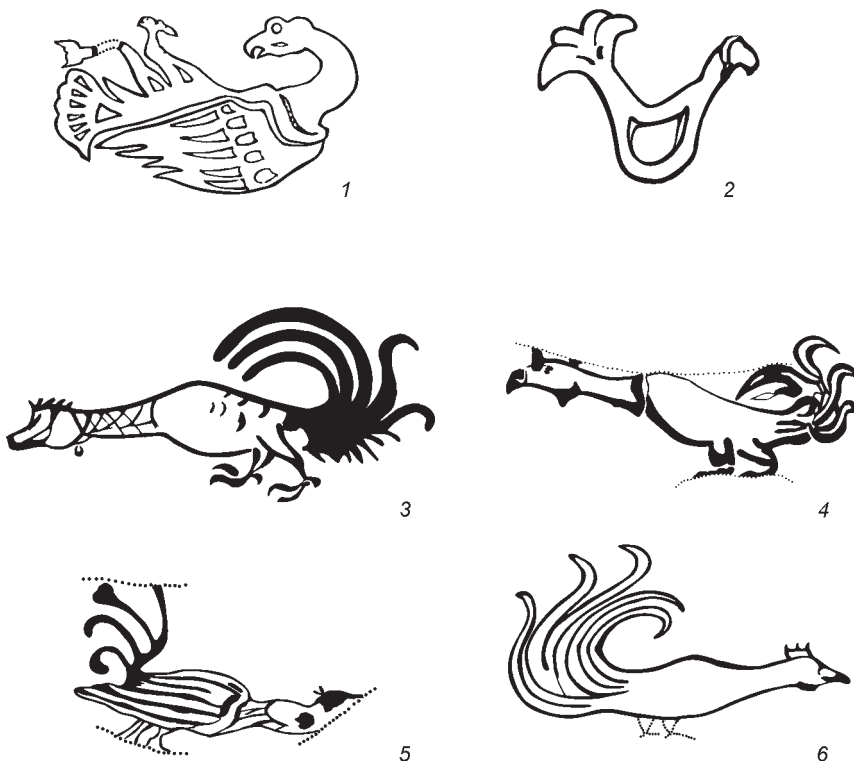
Самые крупные изображения пазырыкских татуировок были нанесены на плечи (часть туловища от шеи до руки). Так, грифо-олени были на плечах мужчин из Второго Пазырыкского кургана и из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2, а также на плече женщины из Второго Пазырыкского кургана. На левом плече мужчины из Пятого Пазырыкского кургана был изображен тигр или барс [Баркова, Панкова, 2006, с. 34]. На плечах женщин из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 и Пятого Пазырыкского кургана татуировки отсутствовали. В соматических представлениях русских «плечи – одна из дистальных точек тела, через них происходит взаимодействие с внешним миром. Так, колдун может испортить человека прикос-

*Приношу искреннюю благодарность к.б.н. Мартыновичу Н.В. за оказанную им помощь в интерпретации рисунков птиц.

новением к его плечу. Кроме того, плечи связаны с представлениями о силе, власти» [Мазалова, 2001, с. 33]. Руки в нашем случае, похоже, продолжают тему силы и власти, и татуировки в зверином стиле – сцены терзания и жертвенные животные, изображенные на руках мужчин и женщин из Второго и Пятого Пазырыкских курганов и женщины из кургана I могильника Ак-Алаха-3, указывают на их высокий статус и власть, которой они обладали.

Спина (задняя часть туловища от шеи до крестца) связана с представлениями о невидимом, неосвоенном пространстве. По древним поверьям, все, что находится сзади, вне Центра, является Хаосом, символом зла и нечистой силы [Маковский, 1996, с. 57]. «Пространство позади человека, за его спиной – потенциально опасное, «чужое». Его актуализация происходит в минуты опасности. Например, во время проведения лечебных обрядов или обрядов перехода, а также во время гаданий, чтения заговоров, направленных на контакт с «иным» миром и т.д.» [Мазалова, 2001, с. 37]. Следует заметить, что на спинах пазырыкцев почти нет изображений. А ведь спина – наиболее удобное поле для рисунков, широко используемое современными татуировщиками. На спинах пазырыкских мужчин присутствуют либо нанесенные контуром задние части тел животных, чьи зачерненные голова и передняя часть украшают плечи, либо единичные неразборчивые знаки, как у мужчины из Пятого Пазырыкского кургана [Баркова, Панкова, 2006, с. 37], либо точки, наколотые вдоль позвоночника, вероятно, с медицинскими целями [Руденко, 1953, с. 138], как у мужчины из Второго Пазырыкского кургана.

Так же мало рисунков на груди (верхняя передняя часть туловища от шеи до живота). Только у мужчины из Второго Пазырыкского кургана на груди есть два неясных изображения кошачьих хищ-



Изображение птиц в пазырыкском искусстве.

1 – прорисовка изображения тетерева с кожаной фляги [Руденко, 1960, с. 286, рис. 145, г]; 2 – прорисовка кожаной аппликации тетерева [Там же, с. 261, рис. 134, к]; 3 – прорисовка татуировки на большом пальце правой руки мужчины из Второго Пазырыкского кургана [Баркова, Панкова, 2006, с. 33]; 4, 5 – прорисовка татуировок на больших пальцах рук мужчины из Пятого Пазырыкского кургана [Там же, с. 35]; 6 – прорисовка татуировки с большого пальца левой руки женщины из Пятого Пазырыкского кургана [Там же, с. 38].

ников. По народным представлениям русских (существующим и у многих других народов), в груди локализуется душа [Мазалова, 2001, с. 36]. Возможно, душа пазырыкцев находилась в другом месте.

У мужчин из «царских» курганов Пазырыка татуировка покрывает голень и часть стопы. «Стопа относится к частям тела, через которые осуществляется контакт с внешним миром» [Там же, с. 42]. Вероятно, поэтому по голеним от стоп вверх по ноге идут стада копытных – архары, косули [Баркова, Панкова, 2006, с. 35], а у мужчины из Второго Пазырыкского кургана – горные бараны. Носители этой татуировки, ступая по земле, будто бы осуществляют обряд привлечения, возрождения, размножения промысловых животных.

Что же такое большой палец в контексте человеческого тела? Если обратиться к данным этнографии, то, например, большой палец правой руки в урало-алтайском мире – это знак человека как представителя рода, своего рода маленький

человек [Сагалаев, 1991, с. 116]. Шаманская традиция алтайцев превратила большой палец в объект, тождественный человеку в целом. Согласно мифологической анатомии, большой палец как бы дублировал весь организм [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1989, с. 62]. В алтайском сказании большие пальцы рук богатыря заключают в себе его жизнь или «душу». Лишь отчленив их, враги добиваются окончательной смерти героя [Там же, с. 61]. Мифологическая анатомия тюркских народов в качестве одного из основных признаков «свой–чужой» использовала прежде всего пальцы рук и среди них главную роль отводила большому пальцу. Кроме того, «тема большого [«главного»] пальца отсылает нас к противопоставлению «люди – не-люди» [Там же, с. 63]. И здесь уместно напомнить, что «человек – единственное млекопитающее, способное большим пальцем руки противопоставлять другим пальцам, это единственное и необходимое условие для захвата, преобразования и применения огня или орудия...» [Фоссье, 2010, с. 15]. «В алтайском сказании «Маадай – Кара» наличие большого пальца становится отличительным признаком человеческого рода. Напротив, отсутствие большого пальца – показатель хтонической природы для персонажей тюркомонгольской мифологии» [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1989, с. 62, 63].

Таким образом, можно предположить, что изображения на больших пальцах рук пазырыкцев [как и вообще на пальцах] имели для них одно из первостепенных значений. «Палец в древности был фаллическим символом: ср. англ. thumb «большой палец на руке» и др.-инд. Dumah «половые органы», а, кроме того – символом силы, в том числе Божественной, сверхъестественной силы» [Маковский, 1996, с. 265–226]. Птица во многих мифологических системах считалась символом божественного предзнаменования. «Поскольку, однако, сакральное уравнивалось с фаллическим [творящее Божество], название птицы во многих языках соотносится со значением «рожать», «детородные органы» [Там же, с. 70]. Рисунок птицы на большом пальце недвусмысленно указывает на такие представления, связанные с продолжением рода.

Во многих культурах петух считается одним из ключевых символов сексуальной потенции [Соколов, 1982, с. 310]. В славянской народной традиции он наделялся брачной символикой [Гура, 1997, с. 552], а тетерка являлась фольклор-

но-обрядовым символом девушки и невесты [Там же, с. 721]. Изображения этих птиц в данной ситуации могут быть связаны с брачной символикой. На это указывает их месторасположение на больших пальцах рук, виды татуированных птиц и то, что они изображены во время токования.

Возможно, рисунки птиц наносились на пальцы рук по достижении брачного возраста или при заключении брачного союза. Интересно, что на большом пальце правой руки женщины из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 было изображено какое-то копытное животное, а не птица [Полосмак, 2001, с. 230, рис. 153], а у мужчины из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 рисунков на пальцах не было вовсе.

Почему среди пазырыкских татуировок появились глухарь и тетерев? В отличие от петуха, этих птиц пазырыкцы могли постоянно наблюдать в природе. Объясняя возникновение культа глухаря у верхнеамурских эвенков, А.И. Мазин указывал на то, что во время перекочевков глухарь был основным источником пополнения запасов свежего мяса. По мнению исследователя, это стало причиной возникновения культа глухаря и различных связанных с ним примет, поверий и обрядов. В то же время он отмечает, что «культовое отношение к глухарю у тунгусов возникло, по всей вероятности, в глубокой древности. Это предположение подтверждают изображения глухарей на неолитических писаницах Сакачи-Аляна, на писаницах раннего железного века по р. Арби, на средневековых писаницах около пос. Средняя Ньюкжа» [1984, с. 49]. Вероятно, в таком случае одним промысловым значением птицы ее роль не исчерпывалась. Культ глухаря занимал видное место и у обских угров. В.Н. Чернецов отмечал, что «третья душа, по представлениям обских угров, имеет вид глухарки». К человеку она прилетает лишь во время сна, поэтому ее именуют «сонная душа», «душа сна», «птица сна» [1959, с. 134]. Может быть, птицы на пальцах пазырыкцев были олицетворением души?

Впечатления от токующих птиц – глухарей и тетеревов – одни из самых ярких и волнующих в среде охотников и натуралистов, оставивших много восторженных и точных описаний своих наблюдений. «Во время песни глухарь чаще всего ходит по горизонтальному суку дерева, вытягивает прямо, как палку, сильно раздувшуюся шею, распускает хвост и крылья, и полузакрыв глаза, «поет» [Сабанеев, 2005, с. 174] (описание очень похоже на изображение птицы на правой

руке мужчины из Пятого Пазырыкского кургана (см. *рисунок, 4*). «Каждый петух кружится с песней на своем участке, распутив веером перпендикулярно поднятый хвост и опустив книзу крылья» [Гаврин, Герман, 1981, с. 68]. «Во время пения петух ходит по ветке дерева, запрокидывая голову, расправляя крылья и хвост, принимая всевозможные причудливые позы и поворачиваясь из стороны в сторону» [Там же, с. 60]. В брачном наряде и поведении, как уже отмечалось, изображены глухарь и тетерев на татуировке на пальцах больших рук у мужчины из Пятого Пазырыкского кургана.

Тетерев почитался как священная птица и предок у хантов и манси с р. Большой и Малый Юган, Северная Сосьва, Казым. В виде тетерева ставились тамги и наносились орнаменты [Соколова, 1983, табл. 5]. Тамга же как символ принадлежности данного лица к определенному роду татуировалась на теле [Чернецов, 1947, с. 167]. «В мифологии обских угров птичий облик имеют многие божества. Как правило, это те персонажи, с которыми связывается происхождение территориальных групп обских угров (что проявляется в самоназваниях типа «народ-филины», «народ крылатого предка», «народ-гуси» и т.д.), т.е. предки» [Сагалаев, 1991, с. 75]. Возможно, следуя этой логической схеме, птицы на больших пальцах рук погребенных в «царских» курганах пазырыкцев могли быть и родовыми тотемами.

В заключение следует отметить, что никаких утверждений по поводу значения тех или иных символов пазырыкской татуировки быть не может, и нами высказаны лишь некоторые предположения. Исходя из данных этнографии и того, что мы узнаем по археологическим источникам, следует согласиться с более общим и в данной ситуации более верным определением татуировки как «прежде всего, телесной записи социального кода (от территориального до магического)» [Подорога, 1994, с. 90].

Список литературы

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировка на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 48–60.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Пазырыкских курганов в инфракрасных лучах // Вестн. истории, литературы, искусства. – М.: Собрание: Наука. – 2006. – Т. 3. – С. 31–42.

Гаврин В.Ф., Герман В.Е. Охота на птиц // Спортивная охота в СССР. – М.: Физкультура и спорт, 1981. – 568 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 909 с.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.

Мазалова Н.Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2001. – 192 с.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенкорооченов. – Новосибирск: Наука, 1984. – 147 с.

Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. – М.: Русские словари, 1996. – 326 с.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 86–119.

Подорога В.С. Эйзенштейн и кинематограф насилия. Лицо и взгляд. Правила раскроя // Искусство кино. – 1994. – № 6. – С. 90–102.

Полосьмак Н.В. К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 1. – С. 29–34.

Полосьмак Н.В. Татуировка пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 95–103.

Полосьмак Н.В. Всадники Уюка. – Новосибирск: ИНФО-ЛИО-пресс, 2001. – 334 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 351 с.

Сабанеев Л.П. Русская охота. – М.: Эксмо, 2005. – 800 с.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 152 с.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. – М.: Наука, 1983. – 324 с.

Соколов М.Н. Петух // Мифы народов мира. – М.: Энциклопедия, 1982. – С. 31.

Фоссье Р. Люди средневековья. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. – 352 с.

Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. – 1947. – Вып. VI–VII. – С. 158–185.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М.: Наука, 1959. – С. 116–156.

Molodin V.I., Polosmak N.V. Die Tätowierung bei der antiken Bevölkerung Sibiriens // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. – 2005. – Bd. CXXXIV/CXXXV. – S. 95–115.

Polosmak N. Tattoos the Pazyryk world // J. of the Korean ancient historical society. – 1998. – N 29. – P. 187–201.

Д.Г. Савинов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Тагарская культура (далее – ТК) – самая северная из всех культур скифского типа, обладающая рядом специфических особенностей в сравнении с другими культурами этого времени Евразийского пояса степей (комплексное хозяйство, иной уровень социальных отношений, доминирование традиционных черт культуры над инновациями и др.). Начиная с раскопок Д.Г. Мессершмидта в 1722 г. на Енисее, положивших начало сибирской археологии, за прошедшие почти 300 лет раскопаны сотни и сотни курганов ТК, точное количество которых никогда не будет подсчитано. По данным Э.Б. Вадецкой, в 1986 году общее количество курганов всех этапов ТК составляло около 1 000 [Вадецкая, 1986], сейчас уже значительно больше; число случайных находок бронзовых изделий – более 6 000 [Членова, 1992, с. 206]. Казалось бы, при такой наполненности источниковой базы основные проблемы генезиса и развития ТК должны были быть решены или, во всяком случае, в концептуальном отношении выражены более или менее определено. Однако это не так. Обилие фактического материала, к тому же далеко не полностью опубликованного, в большей степени создало иллюзию изученности, чем действительного знания о ТК и основных особенностях ее формирования и развития.

Остаются дискуссионными или недостаточно разработанными многие вопросы изучения культуры скифского времени на среднем Енисее, среди которых основополагающие: происхождение и компонентный состав, датировка отдельных памятников и хронология культуры в целом, уровень социальной стратификации и культурно-исторический контекст. Наиболее полно проблемы

изучения ТК отражены в статье А.И. Мартынова [1970] и по степени значимости располагаются следующим образом: состояние источников, происхождение, хронология и периодизация, историческое место ТК и ее территориальные варианты. Основной путь решения этих проблем – «это раскопки новых тагарских курганов с позиций современной методики» [Там же, с. 11]. В настоящее время, после завершения работ крупных новостроечных экспедиций, давших огромный и с методической точки зрения выверенный материал, из перечисленных выше проблем на первое место выдвинулась хронология памятников и связанное с этим определение места ТК среди других культур скифского типа.

Существующая до настоящего времени периодизация ТК [Теплоухов, 1929; Грязнов, 1968] как способ первичного распределения археологического материала полностью сохраняет свое значение, хотя более соотносится с понятием хронологической классификации, чем культуры. Это отметил еще С.А. Теплоухов, впервые выделивший минусинскую курганную (тагарскую) культуру: «Предлагаемая классификация, как и всякая схема вообще, является, конечно, в той или иной степени гипотетичной, но в качестве рабочей гипотезы она является необходимой при том обилии разнообразного палеоэтнологического материала, какое мы имеем в Минусинском крае» [1929, с. 58]. Это сказано о минусинских памятниках древности вообще, но в полной мере применимо к четырем выделяемым этапам минусинской курганной культуры, составляющих их значительную часть. В дальнейшем выделенные С.А. Теплоуховым этапы были наименованы М.П. Грязновым по названиям памятников,

принятых в качестве эталонных – баиновский, подгорновский, сарагашенский и тесинский этапы. В таком виде данная периодизация утвердилась в петербургской (ленинградской) школе археологии.

Практически одновременно С.В. Киселевым было предложено деление культуры скифского времени на Енисее, названной им тагарской, на три стадии [1928]. Нетрудно заметить, что периодизация С.В. Киселева соответствует основному принципу «троичности» общеисторической периодизации, поэтому оказывается наиболее «пластичной» и удобной для последующего заполнения. В этом виде указанные периодизации с соответствующими датировками выделенных этапов (или стадий) остаются определяющими. Поскольку данная статья не носит историографического характера, все последующие уточнения в исследованиях разных авторов сведены в одну таблицу (табл. 1) с некоторыми комментариями, необходимыми в плане дальнейшего рассмотрения темы (в том числе и по некоторым работам, не включенным в таблицу).

Приведенные данные показывают, что, если учитывать «крайние» точки зрения, то общая протяженность ТК охватывает около 1 500 лет, что в условиях этой динамичной эпохи, даже

учитывая ее окраинное положение, практически нереально. Для того чтобы подчеркнуть «полярность» высказанных мнений, особо выделены позиции «классического» сарагашенского этапа развития ТК (или две стадии, по периодизации С.В. Киселева).

Отнесение в первой работе С.В. Киселева 1928 г. начала ТК к X в. до н.э., на которое ссылаются некоторые авторы, было основано на предполагаемой поздней дате сейминско-турбинских бронз, датировка которых в настоящее время значительно углублена, и на датировке памятников предшествующей карасукской культуры, заключительный период которой (каменоложский этап, по М.П. Грязнову, или лугавская культура, по Н.Л. Членовой) тогда еще не был выделен. Впоследствии эта хронология была пересмотрена С.В. Киселевым и первая стадия ТК была датирована им VII–V вв. до н.э. [1951, с. 250–260]. При этом анализ вещественных находок из погребений (в первую очередь, наконечников стрел) показал невозможность их четкой хронологической дифференциации – в одних и тех же комплексах типологически ранние формы наконечников сочетались с более поздними.

По пути датирования отдельных категорий находок ТК, опираясь на западные аналогии, пошла

Табл. 1. Датирование тагарской культуры

Исследователи, даты	Век до н.э.										Век н.э.			
	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I	I	II	III	IV
С.А. Теплоухов; 1929 г.	1-й этап			2-й этап			3-й этап			4-й этап		–		
С.В. Киселев, 1929 г.	1-я стадия						2-я стадия		3-я стадия		–			
С.В. Киселев, 1951 г.	1-я стадия			2-я стадия			3-я стадия		–					
М.П. Грязнов, 1968 г., 1979 г.	Этап													
	Баиновский			Подгорновский		Сарагашенский		Тесинский						
	1*		2*		3*									
Н.Ю. Кузьмин, 1987 г.	Период													
	Раннетагарский				Среднетагарский			Позднетагарский						
Э.Б. Вадецкая, 1999 г.	Стадия													
	Баиновская		Подгорновская			Сарагашенская			Тесинская					
Дата по C ¹⁴	Подгорново		Сарагашенский			Тесинский								

*Переходные этапы: 1 – черновский, 2 – биджинский, 3 – лепешкинский.

Серым цветом отмечены позиции «классического» (сарагашенского) этапа, как они представлены в работах разных авторов.

и Н.Л. Членова, столкнувшаяся с теми же трудностями, но все же выделившая в общих хронологических границах VII–IV вв. до н.э. памятники VII, VI, V, V–IV вв. до н.э. Существенной заслугой Н.Л. Членовой является определение «алтайского» стиля в изобразительной традиции ТК (на уровне конца VI – V в. до н.э.), до сих пор являющегося одним из наиболее значимых критериев разграничения 1 и 2 стадий ТК, по С.В. Киселеву или подгорновского и сарагашенского этапов, по М.П. Грязнову [Членова, 1967, с. 135–144].

В русле идеи поэтапного развития ТК М.П. Грязновым было предложено выделение, помимо четырех основных, еще трех переходных этапов – черновского, биджинского и лепешкинского. Тем самым датировка каждого из этапов сузилась до 100 лет [1979, с. 4]. Такое механистическое решение проблемы периодизации ТК, при котором вообще не рассматриваются какие-либо локальные варианты культурогенеза, не было принято большинством исследователей [Субботин, 1992; Кузьмин, 1987; Мартынов, 1992]. Особенно резкую оценку оно получило в одной из работ Н.Л. Членовой, отметившей, что «если число этапов будет увеличено, то продолжительность каждого этапа можно довести до 50, 25 и менее лет» [1997, с. 25], что ни с методической, ни с фактической стороны сделать практически невозможно.

Между тем выделенные как «переходные», по результатам исследований Г.А. Максименкова и М.П. Завитухиной, черновский и биджинский «этапы» действительно обладают своей спецификой, что вполне может иметь не только хронологическое значение, но и отражать своеобразие каких-то территориальных образований или социальных групп. Что касается лепешкинского этапа, то в свете новых материалов, значительно увеличивших их количество, определение его как позднего этапа сарагашенской традиции (конец 2-й стадии, по С.В. Киселеву) представляется наиболее вероятным.

В работах А.И. Мартынова [1979] и Э.Б. Вадецкой [1986] воспроизводится четырехчленная периодизация М.П. Грязнова без каких-либо существенных дополнений. При этом в абсолютных датах выделенных (или иначе наименованных) этапов лесостепной ТК А.И. Мартынов вполне обоснованно предполагает расхождение в один век, что может свидетельствовать о распространении соответствующих традиций с юга

на север, а не наоборот. Последний, шестаковский, этап, синхронный тесинскому этапу ТК Минусинской котловины, иногда определяется как шестаковская культура, т.е. как бы уже выходящая за пределы тагарского культурогенеза [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1979].

Накопление нового материала, не укладывающегося в излишне дробное поэтапное деление (по М.П. Грязнову), вызвало обращение к прежней трехчленной периодизации С.В. Киселева с несколько иными абсолютными датами, но тем же культурно-историческим содержанием – раннетагарский, среднетагарский и позднетагарский периоды [Кузьмин, 1987; Субботин, 2003]. При этом А.В. Субботиным на основании анализа многочисленного материала из монографически раскопанных могильников преимущественно лесостепной ТК, было показано, что кардинальные, но отнюдь не одновременные изменения в тагарской традиции происходили на двух рубежах – конец VI – V в. до н.э. и конец III – II в. до н.э. В работах Н.Ю. Кузьмина появляется наименование тесинская культура, наподобие шестаковской культуры [1992]. На этом «спокойное» обсуждение проблемы хронологии и периодизации ТК заканчивается.

«Новая хронология» Э.Б. Вадецкой, основанная на анализе импортных бус, затронула и датировку выделенных ранее этапов ТК. В целом период ее существования определяется с VIII–VII вв. до н.э. по IV в. н.э., т.е. охватывая не только скифское, но и сарматское время. Памятники тесинской стадии датируются I–IV вв. н.э. При этом «омоложение датировки третьей (тесинской. – Д.С.) омолаживает и вторую (сарагашенскую) по крайней мере в пределах II в. до н.э. – I в. н.э.», а «омоложение дат второй стадии тагарской культуры потребует рассмотрения хронологии и первой, что давно назрело» [Вадецкая, 1999, с. 132, 153, 154]. Правда, каким образом и в «какую сторону», остается неизвестным.

Появление центрально-азиатской теории скифского культурогенеза (начиная с работ А.И. Тереножкина) освободило исследователей от необходимости учитывать условия европейской хронологии и предоставило широкие возможности для удревления культур восточного ареала, в том числе и ТК. Первым сигналом на этом пути стали находки предметов тагарского облика в кургане Аржан-1, потом последовало предложение об отнесении начального этапа ТК к VIII в. до н.э.

[Курочкин, 1991]. С рубежа 80–90 гг. эта дата фигурирует и в работах других исследователей.

Последующие результаты радиоуглеродного анализа по материалам серии раннетагарских могильников еще больше углубили эту датировку – до X–IX вв. до н.э., а в некоторых случаях и даже ранее. Так, раскопанные в последние годы погребения подгорновского этапа в могильнике Хыстаглар датируются концом XI – X в. до н.э.; Тигир-Тайджен-4 – в пределах X – первой половины IX в. до н.э.; Большая Ерба-1 и Шаман гора – IX в. до н.э.; погребения сарагашенского этапа в Черемшино – концом VIII – началом VII в. до н.э., и т.д. [Евразия..., 2005, с. 109–118]. Сам курган Аржан-1 датируется концом IX – началом VIII в. до н.э.; Аржан-2 – серединой – второй половиной VII в. до н.э. [Там же, с. 67, 68, 84–88]. На этом основании делается вывод о том, что «начало тагарской эпохи находится на рубеже X–IX – IX вв. до н.э. и никак не позже» [Боковенко, 2010, с. 100], что «синхронизация материалов и датировок в центральноазиатском регионе выявила, что наиболее ранние тагарские памятники синхронны Аржану и практически все датируются X–IX вв. до н.э.» [Боковенко, Зайцева и др., 2003, с. 3]. Если учесть, что, по приведенным данным, сам курган Аржан-1 относится к несколько более позднему времени (рубеж IX–VIII вв. до н.э.), то, по сути дела, это ответ на заявленное ранее существование «скрытого» этапа скифского культурогенеза, который оказывается теперь перемещенным на территорию Минусинской котловины.

Соответственно, до VII в. до н.э. (вместо IV–III вв., по М.П. Грязнову) предложено «опустить» датировку следующего, сарагашенского этапа (или второй стадии, по С.В. Киселеву) и синхронизировать его с материалами кургана Аржан-2 [Чугунов, 2005]. «Многие сарагашенские комплексы, образцы которых датированы радиоуглеродным методом, также удревняются. Вероятно, хронология этого этапа тагарской культуры должна быть «растянута» по временной шкале за счет удревнения ранних памятников... Наиболее ранние курганы сарагашенского этапа могут быть отнесены к раннескифскому времени» [Там же, с. 103]. Таким образом, налицо подвижка ранее выделенных этапов по той же эволюционной шкале, но отнесенных теперь к более раннему времени.

Несколько особняком в ряду этих новаций стоит предложение И.П. Лазаретова об отнесе-

нии самого раннего, баиновского этапа ТК еще к эпохе поздней бронзы, в соответствии с которым формирование ТК происходило не ранее VIII в. до н.э. [Лазаретов, 2005, 2007], естественно вызвавшее возражение сторонников удревнения тагара до рубежа II–I тыс. до н.э. [Боковенко, 2010, с. 101–103]. На наш взгляд, предложение И.П. Лазаретова интересно тем, что оно дает возможность по-новому подойти к проблеме формирования ТК, когда «автохтонное происхождение подгорновских (т.е. собственно тагарских. – Д.С.) комплексов выглядит уже не столь очевидным» [Лазаретов, 2005, с. 88].

Конечно, с данными радиоуглеродного анализа трудно спорить. Однако в литературе уже высказывались сомнения в их абсолютной достоверности, главным образом со стороны специалистов в области изучения эпохи поздней бронзы: широкий разброс полученных датировок (в некоторых случаях до 800 лет), возможно связанный с отбором образцов для датирования [Поляков, Святко, 2009, с. 38–39], а также выборочный характер приведенных дат при условии более широкой хронологии всего памятника. При этом «по всей видимости, проблема заключается не в локальности выборки, а в скрытой ошибке самого метода, приводящему к значительному сдвигу некачественных образцов в сторону их удревнения» [Лазаретов, 2008, с. 189].

Наряду с этими замечаниями нельзя не отметить и те противоречия историко-культурного характера, которые возникают в связи с удревнением памятников скифского времени на среднем Енисее. *Во-первых*, принятие столь ранних датировок для раннетагарских памятников придает им роль генерирующего центра по отношению к другим областям «скифского мира», а это со всех остальных позиций очень трудно доказуемо. И по своему географическому положению, и по консервативности сохранения традиций они должны являться не источником, а реципиентом. *Во-вторых*, применительно к другим культурам Саяно-Алтайского нагорья, в первую очередь пазырыкской культуре Горного Алтая, наблюдается обратная тенденция омоложения памятников, при которой трудно объяснить алтайские заимствования в ТК, если пазырыкские памятники оказываются значительно менее древними, чем сарагашенские. *В-третьих*, удревнение памятников ТК с учетом более точно фиксированной (за счет хуннских аналогий) даты последнего, тесин-

ского этапа приводит к неоправданному растяжению во времени «классической» ТК (сарагашенского этапа или второй стадии, по С.В. Киселеву), доживающей, согласно хронологии Э.Б. Вадецкой, до I в. н.э. В то же время, как уже говорилось, «хронология этого (сарагашенского. – Д.С.) этапа должна быть «растянута» за счет удревления ранних памятников» [Чугунов, 2005, с. 103].

Так что же – удревление или омоложение? Если признать обе точки зрения, то протяженность сарагашенского этапа будет охватывать по меньшей мере 700–800 лет, и выделение его в качестве «этапа» вообще теряет смысл. То же самое, по хронологии Э.Б. Вадецкой, можно сказать о предполагаемой длительности подгорновского этапа. Обе точки зрения работают на «разрыв» тагарской культурной традиции, с непонятным пока ее фактическим заполнением посередине. Беззащитная тагарская культура не выдержала таких «экспериментов».

Неопределенность соотношения памятников подгорновского и сарагашенского этапов вызвала идею о возможности существования на месте ТК двух достаточно близких, но самостоятельных культур или культурных традиций – подгорновской и сарагашенской. Ранее Э.Б. Вадецкая писала «о трех генетически близких, но имеющих свое происхождение культурах – подгорновской, сарагашенской и тесинской [1999, с. 132]. По мнению М.Л. Подольского, «в общих рамках тагарской эпохи, при явной поэтапной преемственности традиций, можно выделить три более или менее самостоятельные культуры: раннетагарскую, соответствующую подгорновскому этапу, сарагашенскую и тесинскую (I, II и III стадии, по С.В. Киселеву)» [2007, с. 121]. Исходя из того, что «результаты (радиоуглеродного анализа. – Д.С.), полученные для памятников подгорновского и сарагашенского этапов, во многих случаях оказались синхронными друг другу» [Святко, Поляков, 2009, с. 146], высказывается мнение о том, что «на Енисее на каком-то этапе могли параллельно существовать две культурные традиции – подгорновская и сарагашенская» [Чугунов, 2006, с. 71]. Это очень заманчивое решение вопроса, но как оно соотносится с типологическим развитием погребального обряда, надмогильных сооружений и предметных серий ТК?

Очевидно, что нельзя безболезненно переатрибуировать памятники (этапы развития культуры), не затронув при этом всей хронологической

«цепочки» и вызванных этим изменений. Необходим самый тщательный сравнительно-типологический анализ всех компонентов культуры, вовлеченных в эти изменения, а также культурных трансформаций на соседних территориях. При этом следует исходить не из простой синхронизации материала в русле формационного подхода, а из выявления места исхода той или иной культурной традиции, с учетом фактора времени, необходимого для ее распространения и адаптации. В этом плане с методической точки зрения нет принципиальной разницы между аржано-черногоровской фазой, по М.П. Грязнову, на уровне IX–VIII вв. до н.э. [1983] и подборкой однотипных материалов в пределах всего «скифского мира», по Н.Л. Членовой, на уровне VII–VI вв. до н.э. [1993].

Представление об общей динамике развития ТК самым тесным образом связано с решением многих других вопросов, каждый из которых – самостоятельная и не менее сложная проблема. Это – компонентный состав ТК, выделение ее локальных вариантов, определение уровня социальной организации, общая историко-культурная номинация (от лат. *nominatio* – именование). Обозначенные аспекты изучения ТК нарративным образом могут быть использованы и при рассмотрении вопросов хронологического порядка, а возможно, и как-то разрешить возникшие ныне противоречия.

1. Ясно, что говорить о каком-то едином центре происхождения ТК не приходится: за пределами Минусинской котловины аналогичных памятников нет. Как и любое этносоциальное образование, она должна состоять, как минимум, из двух или более компонентов. В качестве местного компонента с равным основанием называются андроновский [Членова, 1992; Мартынов, 1979] и карасукский [Киселев, 1951; Грязнов, 1968] или лугавский, по Н.Л. Членовой [1967]. Репрезентативное решение данного вопроса скорее всего зависит от того, какие традиции предшествующего времени могло воспринять население ТК (андоновский на севере или карасукский на юге). Что касается пришлого компонента, то чаще всего он усматривается в культурах поздней бронзы и раннескифского времени Средней Азии и Казахстана [Членова, 1967; Боковенко, 2010; и др.], хотя специальных исследований, помимо общих наблюдений об особенностях надмогильных сооружений, по этому поводу не производилось.

Изменение культурной атрибуции памятников наиболее раннего, баиновского этапа (по И.П. Лазаретову) позволило «освободить» VIII в. до н.э. как наиболее вероятное время проникновения на средний Енисей различного рода инноваций, в том числе и центрально-азиатского происхождения, число которых в целом оказывается достаточно представительным. Это кинжалы с перекрестием – «усиками», ножи с многофигурными композициями на рукоятке, зеркала с бортиком, желобчатые застежки, изображения в аржано-майэмирском стиле и др. Все они происходят из памятников подгорновского этапа и, по сути дела, именно они вводят ТК в круг культур скифского типа.

В свое время находки изделий тагарского облика в кургане Аржан-1 вызвали недоумение М.П. Грязнова: «Аналогии Аржану противоречивы... В Минусинской котловине аналогии вещам Аржана находятся только в памятниках VI–V вв. до н.э. (т.е. подгорновского этапа, в соответствии с принятой тогда периодизацией. – Д.С.)» [Грязнов, 1980, с. 54]. Учитывая заведомо более раннюю дату кургана Аржан, это послужило первым импульсом для удревления, по принципу синхронизации, начального этапа ТК. Однако с равным успехом можно говорить не о синхронизации аржанских и раннетагарских материалов, а тем более не о заимствовании изделий аржанского типа из Минусинской котловины, а о распространении их из Центральной Азии в ее более северные провинции. Наилучший пример подобного рода ретрансляции – бронзовые кинжалы с перекрестием – «усиками» (судя по всему, наиболее ранний типологический вариант знаменитого скифского акинака): самые ранние прототипы таких кинжалов находятся в культуре Западного Чжоу [Комиссаров, 1988, рис. 76], в сложившемся виде представлены в кургане Аржан-1 [Грязнов, 1980, рис. 11, 1–3] и затем проникают в Минусинскую котловину – точно такой же кинжал найден в эпонимном могильнике Подгорное озеро-1 [Завитухина, 1983, № 51].

Другой пример – ножи с многофигурными композициями на рукояти, представленные случайными находками по обе стороны Саянского хребта – в Туве и Минусинской котловине [Хлобыстина, 1984]. Обломок точно такого же ножа найден в погребении сарагашенского этапа у с. Означенное [Трифонов, 1974]. Нож обломан с двух концов, изображения затерты; скорее все-

го, предмет долго находился в употреблении и должен относиться к более раннему времени, т.е. к подгорновскому этапу. Изображения стоящих друг над другом кабанов на рукоятке этого ножа, как и на других ножах этого типа, выполнены в характерном аржано-майэмирском стиле. Ближайшие аналогии им мы находим на оленных камнях саяно-алтайского типа из Северной Монголии и Тувы, а также отдельных случайных находках из Ордоса. Изображения хищника с оскаленной пастью с г. Бычихи повторяет такие же фигуры зубастых хищников на зеркале из Шаньцуньлина, эпоха Западного Чжоу.

Влияние аржанской традиции несомненно ощущается в особенностях передачи головки горного козла на обломке бронзового предмета, найденного в одном из курганов могильника Есино II, подгорновский этап. А модель котелка с вытянутыми пропорциями тулова из того же могильника воспроизводит редкую форму одного из бронзовых котлов из кургана Аржан-2.

Если обратиться к наскальным изображениям, то следует, в первую очередь, сказать о замечательных рисунках Сульфатных гор на северо-западе Хакасии, скопированных и опубликованных Е.А. Миклашевич [2008, рис. 1]. Среди многих других петроглифов здесь представлены две крупные фигуры стоящих оленей, выполненных в том же аржано-майэмирском стиле. Обращают на себя внимание некоторые особенности этих изображений, отличающие их, при соблюдении общей иконографии, от саяно-алтайских – выделенная лопатка, переданный поперечными черточками подшейный волос, закинута на спину гребенчатые, а не S-видные, как обычно, рога, сближающие их с оленными бронзовыми бляхами, в большом количестве найденными в погребениях Минусинской котловины. Очевидно, что эти петроглифы были нанесены местным мастером, но делавшим их по известному оригиналу центрально-азиатского происхождения. То же самое можно сказать об изображениях свернувшегося кошачьего хищника («пантеры»), обратившегося на Енисее в образ волка.

Приведенные параллели, а количество их можно было бы увеличить, на местах своего «исхода» относятся к разному времени, но одинаково свидетельствуют о наличии центрально-азиатского компонента, участвовавшего в формировании ТК, наиболее ощутимо проявившегося в памятниках

подгорновского этапа. Время его появления здесь определяется датировкой кургана Аржан-1 – не ранее VIII в. до н.э., а с учетом какого-то периода распространения, возможно, и несколько позже. Обратное заимствование вообще не представляется возможным. Вполне справедливо замечание о том, что «трудно предположить, что в Минусинской котловине скифские памятники появились на несколько сотен лет раньше, чем в Туве» [Поляков, Святко, 2009, с. 36].

2. Попытки районирования памятников степной ТК предпринимались неоднократно, но пока не дали ощутимых результатов. Наиболее успешной из них может считаться недавнее исследование П.В. Германа, взявшего за основу естественное деление бассейна среднего Енисея на несколько котловин, позволившее выделить пять территориальных групп памятников и проследить их развитие на нескольких хронологических уровнях. По характеру погребальных сооружений и инвентаря памятники раннетагарского времени объединяются в два локальных варианта – аскизский (более ранний и компактный) и приенисейский (более поздний и разбросанный) [Герман, 2007].

Не вызывает сомнения выделение двух крупных историко-культурных регионов – лесостепная ТК [Мартынов, 1979] и типологически близкие памятники в районе Красноярска. Различие между ними и степной ТК, вероятно, не только территориальное, но и хронологическое. Процессы культурогенеза здесь, скорее всего, носили отраженный характер; поэтому строгая (поэтапная) синхронизация тех и других требует дополнительного обоснования. Как весьма положительный опыт можно отметить выделение в лесостепной ТК отдельных («родовых») групп памятников, расположенных по течению основных рек [Мартынов, 1979, рис. 39]. Такое топографическое деление могло быть характерно и для других районов распространения ТК. Обращает на себя внимание также преимущественное распространение погребений раннетагарской (подгорновской) культуры на юге, а «классических», сарагашенских – в центральных районах Хакасии. С учетом этих наблюдений, по-видимому, имеется достаточно оснований использовать применительно к памятникам скифского времени на среднем Енисее наименование *тагарская археологическая общность* со всеми вытекающими из этого обстоятельствами (поиски культурно-ге-

нерирующих центров для каждого этапа, «скользящая» хронология, система социально-этнического подчинения и т.д.).

3. На всем протяжении существования (до тесинского этапа) уровень социальных отношений населения ТК, по-видимому, существенно не менялся. По материалам раскопанных могильников выделяются два устойчиво доминирующих социальных слоя: свободные воины – «общинники» (и члены их семей) и привилегированная верхушка (элита), представленная особо выдающимися по масштабам сооружений «богатыми» захоронениями. Такие элитные погребения выделяются как для подгорновского, так и – особенно – для сарагашенского этапа. Погребений, условно называемых «бедными», практически нет. Из поколения в поколение, несмотря на внешние детали оформления сооружений, переходит одна и та же мифологема погребального пространства – квадрат с вертикально установленными камнями по углам (позже – также посередине сторон) – своего рода трехмерная модель места действия обрядов «перехода» – с обозначенным местом захоронения посередине. Такая модель существует на всем протяжении ТК, независимо от социального положения погребенного – от самой маленькой оградки до Салбыка.

В элитных погребениях встречается больше изделий из золота и значительно дольше сохраняются престижные украшения архаического облика [Пшеницына, Поляков, 1989; Курочкин, 1993], которые вряд ли могут считаться датирующими. Все эти качества («высший среди равных») в наибольшей степени соответствуют архаическим обществам, которые определяются как *вождества*, для сарагашенского этапа – *централизованное вождество*, по своему социальному состоянию предшествующие раннегосударственным образованиям.

Исходя из всего сказанного можно предложить следующий вариант позитивного решения проблемы хронологии и периодизации ТК, как оно видится с учетом опыта предшествующих исследований и в историческом контексте. Опорной для периода сложения ТК является многократно проверенная датировка кургана Аржан-1 (самый конец IX – начало VIII в. до н.э.). По отношению к ТК она может иметь несколько опережающий характер. Сохраняет свое значение предложенная нами синхронизация с датой падения династии Западное Чжоу – 770 г. до н.э.

[Савинов, 1991; 2002, с. 33–37]. В этот период (VIII в. до н.э.) в Минусинской котловине одновременно существуют предшествующие (каменнолоожские или лугавские) и раннетагарские (или собственно подгорновские) памятники. Необходимости выделения специального баиновского этапа для этого периода, по-видимому, действительно нет.

На излете тагарского культурогенеза такое же значение имеет одна из дат ранней истории Хунну, а именно известный северный поход Маодуня – 201 г. до н.э. [Савинов, 1991; 2002, с. 150–154]. Так же как и в начале существования ТК, в Минусинской котловине выделяются две группы памятников – отдельные курганы-склепы, продолжающие прежнюю тагарскую традицию (тесинский этап), и т.н. инокультурные или грунтовые могильники, генетически никак не связанные с тагарскими [Савинов, 2009].

Между этими двумя рубежами – VIII–II вв. до н.э. – располагается культурное пространство ТК, которое, исходя из единства и разнообразия археологического материала, разделяется на две основные стадии (пользуясь термином С.В. Киселева) – подгорновскую и сарагашенскую, приблизительно равные по длительности существования (около 300–350 лет каждая). Как уже отмечалось исследователями, единого поступательного развития тагарской культурной традиции, по-видимому, не было. И подгорновская, и сарагашенская стадии проходили свои фазы становления, включая местные и инокультурные компоненты, расцвета (наиболее ярко выраженный период гомогенного развития культуры) и угасания.

Более дробное деление каждой из этих стадий на современном этапе изучения вряд ли возможно. Вместе с тем, поскольку накоплен уже очень большой и статистически представительный материал, на интуитивном уровне можно говорить о раннеподгорновских и позднеподгорновских памятниках; раннесарагашенских и позднесарагашенских. Последние могут быть атрибутированы как памятники лепешкинского этапа (конец IV – III в. до н.э.), предшествующего тесинскому.

Точная хронологическая граница между стадиями пока не определяется, но, скорее всего, она проходит, как и ранее предполагалось, где-то на уровне конца VI – первой половины V в. до н.э. (появление «алтайского» стиля, изменения в обряде погребения и устройстве внутримогильных сооружений, начало миниатюризации сопроводительного инвентаря). При этом в разных районах распространения ТК погребения 1 и 2 стадии не обязательно должны строго следовать друг за другом: в рамках тагарской археологической общности вполне возможно их сосуществование – в одном районе раньше, в другом – позже. Очевидно, что в данном случае определяющее значение имеет абсолютная дата конкретного памятника (варианта культуры?), а не этапа.

Не исключено, что так или иначе дискретность в развитии тагарской культурной традиции в середине I тыс. до н.э. могла быть связана с общими изменениями в античном мире, вызванными появлением в Передней Азии державы Ахеменидов (550 г. до н.э.). События, происходившие далеко на западе через Среднюю Азию и «пазырыкский» Алтай – как волны от брошенного в воду камня – могли достигать и Минусинской

Табл. 2. Ориентировочная схема развития тагарской культурной традиции

Тагарская археологическая общность					
VIII в. до н.э.	Конец VI – середина V в. до н.э.				II в. до н.э.
Баиновский этап (?) Каменнолоожский этап ⇒	1-я стадия (подгорновская)		2-я стадия (сарагашенская)		Тесинский этап Грунтовые могильники ⇒
	△	Раннеподгорновские памятники	Позднеподгорновские памятники	Раннесарагашенские памятники	
	«Аржанский»		«Алтайский»		«Хуннский»
Внешние влияния/компоненты					

котловины. Говоря о внешних влияниях, сыгравших определяющую роль в истории племен ТК, следует выделить три инновационных «клина» – центрально-азиатский (условно – аржанский), алтайский и хуннский. Каждый из них по своему интегрировался в традиционную ТК, стимулируя новый вариант ее развития.

Все это можно представить в виде очень простой и предварительной схемы (табл. 2), в которой обозначены основные позиции автора по рассматриваемой проблеме. Естественно, они не являются ни окончательными, ни решающими.

Территория распространения ТК не входит в сферу компетенции письменных источников, поэтому судить о каких-то конкретных исторических событиях здесь трудно. Вместе с тем имеются основания полагать, что основные контакты, в том числе и военные (?), на этапе сложения культуры были направлены на юг, в сторону Центральной Азии. Трудно предположить, чтобы появление могущественного союза кочевых племен, свидетельством чего является длительное существование аржанской правящей «династии», не оказывало воздействия на его ближайшую северную периферию. В период расцвета (сарагашенский этап) они были направлены на север и северо-запад и, скорее всего, были связаны с освоением новых областей, усилившимся в период хуннской экспансии. Отношения с «пазырыкским» Алтаем носили односторонний характер – влияние ТК на Горный Алтай никак не проявилось. Вместе с тем отдельные вещи тагарского происхождения находятся вплоть до средней Оби, в районе г. Томска, а изделия кулайского облика неоднократно встречены в периферийных районах Южной Сибири, хотя каковы были взаимоотношения между двумя общностями – кулайской и тагарской – окончательно так и не выяснено. Остается совершенно не исследованным вопрос о восточных связях ТК; между тем отдельные предметы тагарского облика встречаются вплоть до Западного Прибайкалья, четырехугольные ограды с более высокими камнями по углам раньше всего появляются в культуре плиточных могил. А вереницы взявших за руки антропоморфных фигур, чаще всего встречающиеся на курганных плитах подгорновского этапа, больше всего напоминают аналогичные композиции в красочных рисунках Забайкалья. Эти и многие другие вопросы еще представляют собой объект будущих исследований.

В целом тагарская культура, во всяком случае до начала хуннской экспансии, предстает как одно из наиболее ярких, независимых и в то же время относительно изолированных образований в «ожерелье» культур скифского типа Великого пояса степей.

Список литературы

- Бокоченко Н.А.** Начало тагарской культуры // Древние культуры Евразии. Материалы Междунардн. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб.: ИИМК РАН, 2010. – С. 99–203.
- Бокоченко Н.А., Зайцева Г.И., Гил Б. ван, Лебедева Л.М., Семенов А.А.** К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. – Кн. 2. – С. 19–21.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 177 с.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. – 440 с.: ил.
- Варёнов А.В.** Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1985. – С. 163–172.
- Герман П.В.** Погребальные памятники раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2007. – 22 с.
- Грязнов М.П.** Тагарская культура // История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1. – С. 187–196.
- Грязнов М.П.** Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 3–5.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган раннескифского времени. – М.: Наука, 1980. – 59 с.
- Грязнов М.П.** Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1983. – С. 3–18. – (Изв. лаборатории археологических исследований; вып. 12).
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология.** – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее: Скифское время. – Л.: Искусство, 1983. – 190 с.
- Киселев С.В.** Тагарская культура // Тр. секции археологии РАНИОН. – 1928. – Т. 4. – С. 257–267.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.
- Комиссаров С.А.** Комплекс вооружения Древнего Китая: Эпоха поздней бронзы // История и культура Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1988. – 119 с.
- Кузьмин Н.Ю.** Вопросы периодизации и хронологии тагарской культуры // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1987. – Ч. 2. – С. 68–71.
- Кузьмин Н.Ю.** Тесинская культура в степях Среднего Енисея (проблема выделения и основные признаки) // Вто-

- рые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1992. – Ч. 2. – С. 72–74.
- Курочкин Г.Н.** Начальный этап тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1991. – С. 103–105.
- Курочкин Г.Н.** Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. – СПб.: ИИМК РАН, 1993. – 44 с.
- Лазаретов И.П.** О месте памятников баиновского типа в периодизации Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сб. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.В. Киселева. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 2005. – С. 86–88.
- Лазаретов И.П.** Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археол. вестн. – 2007. – № 14. – С. 93–105.
- Лазаретов И.П.** Радиоуглеродные даты эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и проблема метода // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 186–189.
- Маннай-оол М.Х.** Тува в скифское время (уюкская культура). – М.: Наука, 1970. – 114 с.
- Мартынов А.И.** Современные проблемы изучения тагарской культуры // Изв. лаборатории археологических исследований. Кем. гос. ун-т. – 1970. – Вып. 2. – С. 3–11.
- Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 207 с.
- Мартынов А.И.** О периодизации тагарской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – С. 141–144.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М.** Конец скифской эпохи в Южной Сибири: Шестаковская культура // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. Всесоюз. археол. конф. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1979. – С. 33–35.
- Маклашевич Е.А.** Документирование памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 190–195.
- Подольский М.Л.** Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб.: ЭлекСис, 2007. – С. 113–128.
- Поляков А.В., Святко С.В.** Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. 5. – С. 20–56.
- Пшеницына М.Н., Поляков А.С.** Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. – 1989. – Вып. 196. – С. 58–66.
- Савинов Д.Г.** Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культур Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тез. докл. Всесоюз. археол. конф. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1991. – С. 93–96.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 200 с.
- Савинов Д.Г.** Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2009. – 226 с.
- Святко С.В., Поляков А.В.** Радиоуглеродные даты памятников эпохи бронзы – начала железного века Среднего Енисея // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях: сб. науч. тр. к 125-летию со дня рождения С.И. Руденко. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2009. – С. 146–149.
- Советова О.С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 137 с.
- Субботин А.В.** Современное состояние и перспективы периодизации тагарской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – С. 144–146.
- Субботин А.В.** Динамика тагарской культуры (по итогам формализованного анализа монографически раскопанных могильников) // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. – Кн. 1. – С. 154–157.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л.: Изд-во Гос. Рус. музея, 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 41–62.
- Трифонов Ю.И.** Тагарские курганы на юге Минусинской котловины // АО 1973 года. – М.: Наука, 1974. – С. 225–226.
- Хлобыстина М.Д.** Многофигурные изображения в зверином стиле из Восточной Сибири // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 55–64. – (Древняя Сибирь; вып. 4).
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 296 с.
- Членова Н.Л.** Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224. – (Археология СССР).
- Членова Н.Л.** О степени сходства материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 7. – С. 49–77.
- Членова Н.Л.** Центральная Азия и скифы. – М.: ИА РАН, 1997. – Ч. 1: Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – 98 с.
- Чугунов К.В.** Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сб. докл. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.В. Киселева. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 2005. – С. 102–104.
- Чугунов К.В.** Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда в г. Новосибирске. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 2. – С. 69–71.

З.С. Самашев

*Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК
Алматы, Казахстан*

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕРЕЛЬСКИХ КУРГАНОВ

Введение. Исследование Берельских курганов начато в 1998 г., продолжается и сейчас. Они расположены на территории Катон-Карагайского р-на Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, в 7 км к юго-западу от одноименного села, на третьей надпойменной террасе р. Бухтар-

мы, в непосредственной близости от высокогорного плато Укок (Россия), Монгольского Алтая и Синьцзянской провинции КНР (рис. 1–4).

Под каменными сооружениями больших Берельских курганов термические условия отложений резко отличаются от естественной обстанов-

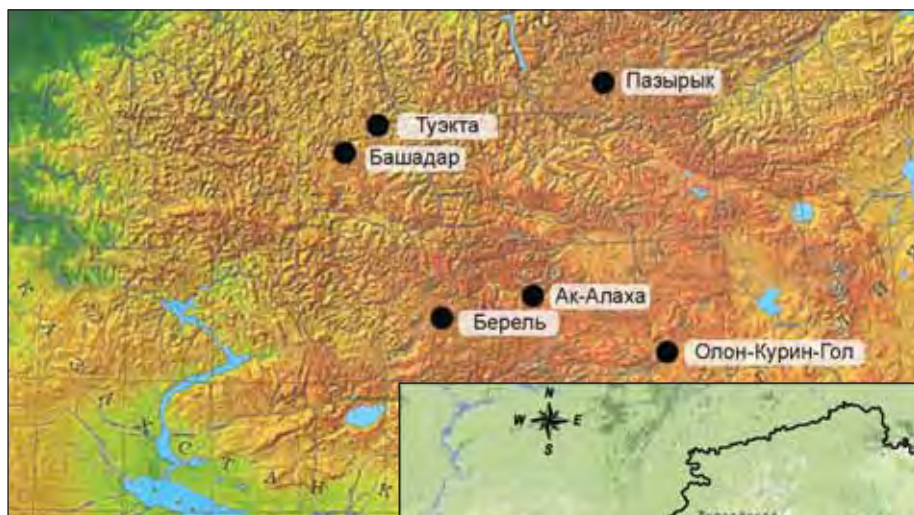


Рис. 1. Берель на карте Алтайской горной системы.



Рис. 2. Берель на карте Казахстана.



Рис. 3. Могильник Берель. Вид с севера.

Рис. 4. План-схема расположения курганных групп на могильнике Берель.



Рис. 6. Наземные сооружения курганов № 36, 16, 75.



Рис. 5. Наземное сооружение кургана № 10.

ки. Здесь возникают, в силу специфики местного ландшафта и климата, условия, способствующие глубокому сезонному промерзанию, формированию перелетков и даже маломощных массивов вечной (многолетней) мерзлоты на высоте 1 120 м над уровнем моря (рис. 5–7).

Для раскопок был выбран самый крупный объект некрополя, который впоследствии вошел в историю науки как Берельский курган № 11 (рис. 8), где в условиях вечной мерзлоты сохранились в неплохом состоянии образцы художественных из-



Рис. 7. Элементы конструкции наземного сооружения кургана № 18.

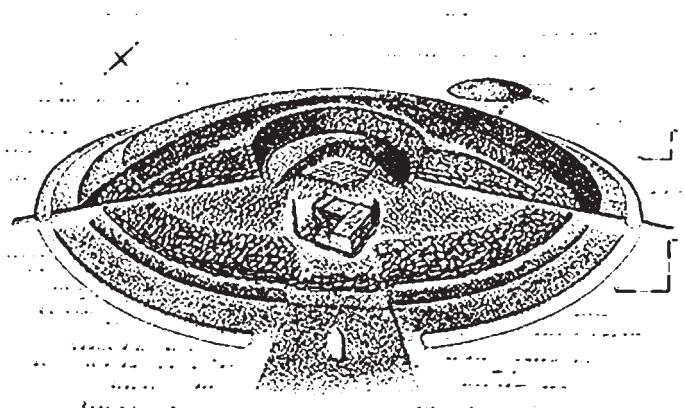


Рис. 8. Вариант графической реконструкции кургана № 11.



Рис. 9. Сруб и конский отсек на дне могильной ямы кургана № 4.

делий и другие артефакты, украшавшие костюм, конское снаряжение и другие предметы, которые оказались особо ценными для реконструкции образа жизни, погребально-поминальной обрядности, мировоззрения и разработки многих аспектов хозяйственной деятельности древних кочевников.

В настоящее время в Береле из более чем 70 объектов раскопано 24 кургана. Они принадлежат представителям кочевой элиты древних кочевников, однако различаются по параметрам и составу сопроводительного инвентаря, что является очевидным свидетельством дифференциации внутри самой знати.

Общим для большинства курганов Береля является то, что умершие были положены на дно глубокой погребальной камеры в саркофаги-колоды (редко – в каменные ящики), заключенные в срубы или деревянные рамы (1–3 венца), на

спину, головами были ориентированы на восток; их сопровождали от 1 до 17 лошадей, заупокойная пища, предметы вооружения и быта. Сруб с колодой внутри располагался вплотную к южной стенке, а так называемый конский отсек – с северной стороны сруба, ближе к северной стенке погребальной камеры (рис. 9–12).

В кургане № 11 зафиксированы погребения особо важной персоны (царя) и женщины в одном саркофаге-колоде, в сопровождении 13 жеребцов светлой масти, в полной парадной амуниции (рис. 13).

Предварительные результаты молекулярно-генетических и антропологических исследований человеческих останков из кургана № 11 показали смешанный антропологический тип мужчины: в нем присутствуют и европеоидный и монголоидный компоненты.

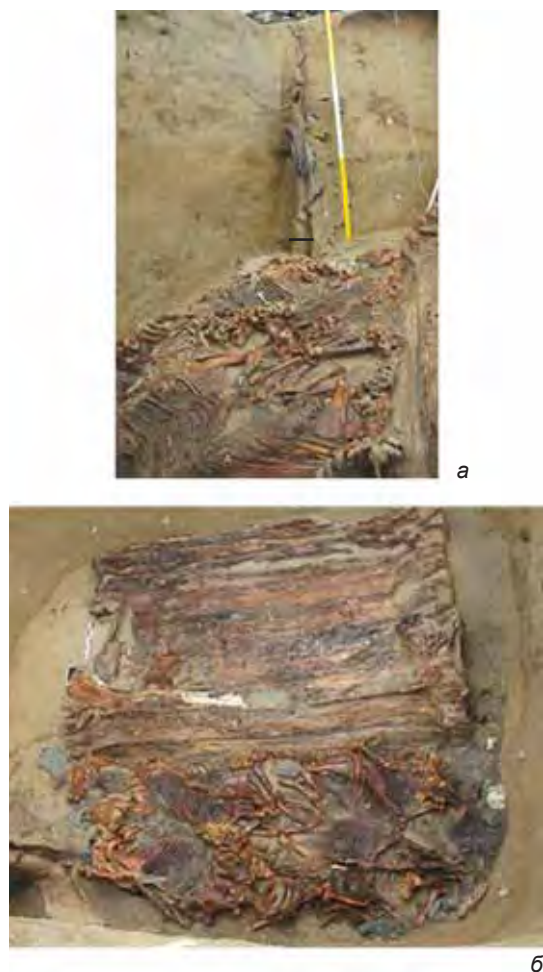


Рис. 10. Погребальные срубы и захоронения коней в курганах могильника Берель.
а – лестница и захоронение коней, курган № 9; б – сруб и погребение пяти коней, курган № 9.

Пролом, зафиксированный в теменной части черепа мужчины, и многочисленные сросшиеся переломы на ребрах и позвонках свидетельствуют о суровой воинской жизни мужчины и о том, вероятно, что он умер не своей смертью. Трепанационное отверстие на черепе мужчины является наиболее очевидным свидетельством посмертных манипуляций с телом.

Интересные предположения генетиков касаются возраста и родственных связей погребенных: женщина была несколько старше

Рис. 12. Остатки сруба и колоды, сопроводительное захоронение коней. Курган № 75.



Рис. 11. Внутримогильные конструкции и сопроводительное захоронение десяти коней. Курган № 10.



Рис. 13. Реконструкция обстановки внутри погребальной камеры кургана № 11.

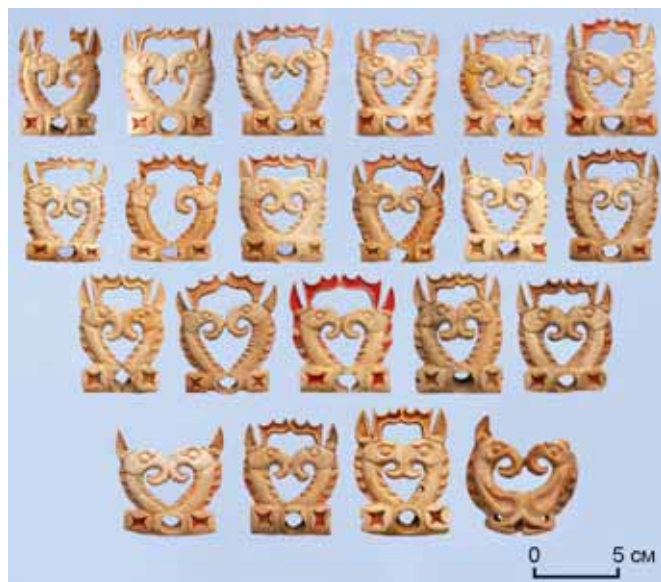


Рис. 14. Подвески в виде ушастого грифа с лосиными рогами – украшения конской упряжи, изготовленные из рога марала. Курган № 36.

мужчины, возраст которого определен в интервале от 30 до 40 лет. Полагают, что мужчина и женщина являлись близкими родственниками: в большей степени вероятности – сыном и матерью, в меньшей – братом и сестрой.

При палинологическом анализе содержимого пищеварительного тракта некоторых лошадей из кургана № 11 были обнаружены остатки хвоянок, фрагменты стеблей злаков, волокна луба. По предварительному заключению палинологов, захоронение было произведено в начале лета.

Особого внимания заслуживает и курган № 36, где захоронение коня совершено оригинальным способом: за северной стенкой каменного ящика для коня специально сооружено ложе, дно которого вымощено плоскими плитами. Конь лежал с подогнутыми под брюхо ногами, а голова и шея покоились на высокой ступеньке с восточной стороны. Конь в роскошном снаряжении полностью был замурован крупными камнями. Поэтому нетронутыми оказались элементы конского убранства, насчитывающие 66 предметов, изготовленных из рога марала (рис. 14–16).



Рис. 15. Предметы конской упряжи, изготовленные из рога марала. Курган № 36.



▲ *Рис. 16.* Вариант реконструкции снаряжения верхового коня. Курган № 36.

▼ *Рис. 17.* Подвеска в виде головы кошачьего хищника. Курган № 11.



В других курганах также были зафиксированы по 10, 8, 7, 4, 3 коня и большое количество предметов конского убранства (рис. 17, 18), предметы быта и др.

Вещевой комплекс Береля: состав и содержание. Найденные в курганах Береля артефакты можно разделить на несколько категорий: культовые изделия, костюм, предметы бытового и хозяйственного назначения, конское снаряжение.

Круг изобразительных мотивов художественных изделий из Берельских курганов определяется образами реальных животных и фантастических существ, а также растительными узорами (иногда это сильно стилизованные зооморфные образы).

Специфика художественных изделий, происходящих из погребальных памятников, состоит в том, что независимо от того, использовались или нет эти вещи в реальной жизни, они предназначены для осуществления определенного ритуала, предписанного существующими в социуме нормами религиоз-

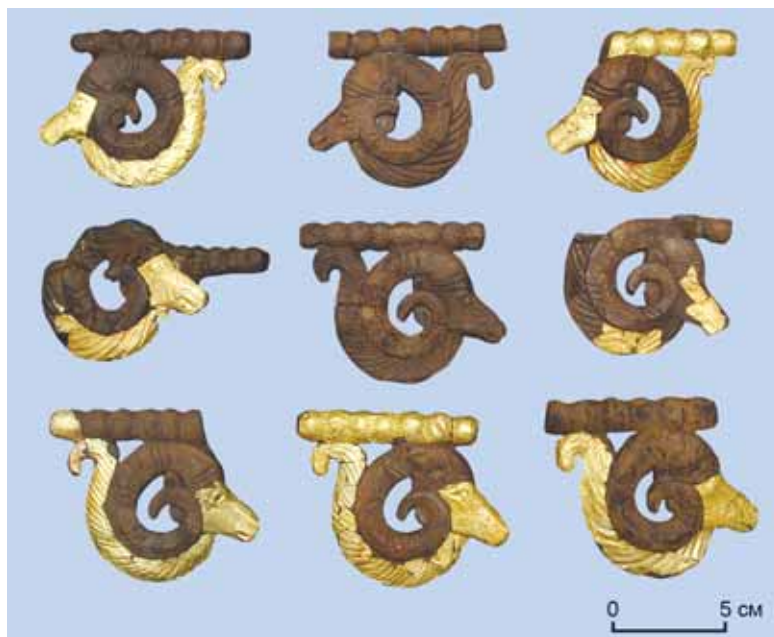


Рис. 18. Подвески-украшения конской сбруи в виде голов архаров. Курган № 11.

но-обрядовых процедур при подготовке умершего к новой жизни и переходе его из мира живых в мир мертвых, что предусматривает перекодировки их прежнего знаково-понятийного содержания как образов-изображений и превращения их в но-

вый текст (мифологический), для расшифровки которого требуется уже иной ключ.

Перекодировка метаязыка образов-изображений происходит и при изготовлении аналогов реально бытовавших в данной среде вещей, предназначенных для проведения обрядов «перехода» и сопровождения умершего в инобытие.

Ясно, что и при искусствоведческом подходе к изучению образов художественно оформленных «курганных» вещей необходим учет контекста погребально-поминальной обрядности и религиозного воззрения создателей конкретной археологической культуры, конкретной исторической эпохи.

Из художественных образов, использовавшихся в декоре берельских изделий, наиболее заметен образ «грифона». Во многих случаях грифонами обычно называются все художественные образы, которые не соответствуют природному прототипу или, в зависимости от преобладания тех или иных признаков (иконических элементов), к этому определению (обозначению) добавляются качественные характеристики, например, орлиноголовый грифон (хотя все грифоны грифо- или орлиноголовые), тигрогрифон, лосегрифон, конегрифон и т.д.

Основной морфологической константой художественного образа грифона как сложного знакового комплекса являются клюв и крылья хищной

птицы – грифа или орла, а изображение туловища того или иного животного может меняться и определяется в зависимости от функционального назначения вещи и мифоритуального контекста. Грифа, природную хищную птицу, нельзя отождествлять с порожденным человеческой фантазией чудовищем – грифоном и его иконическим знаком в произведениях декоративно-прикладного искусства.

Мифологический и художественный образы грифона, видимо, претерпели по мере распространения в другие этнокультурные зоны существенную трансформацию от мирного до агрессивного.

Образ грифона в мифологии и искусстве у центрально-азиатских кочевников формируется, по-видимому, не раньше VII–VI вв. до н.э. (если не путать его с протомами хищных птиц в раннесакских памятниках), а полный расцвет и всплеск, с различными вариациями его трактовки, согласно данным элитных и рядовых пазырыкских курганов Горного Алтая и Береля в Казахском Алтае, относится к IV–III вв. до н.э. Вполне возможно, что классический вариант образа грифона – «собаки Зевса» – с телом льва и головой хищной птицы в мифологии античной Греции сформировался под воздействием мифоритуального комплекса кочевых народов Алтайской горной системы, скорее всего, после VI в. до н.э.

Предметов культового назначения, найденных в Берельских курганах – единицы. Сакрально-магический атрибут, символ верховной власти – штандарт – пока единственный предмет, оформленный в виде скульптурного образа синкретического существа грифона: тело хищника с хвостом, крылья и клюв птицы, т.е. в том виде, каким его восприняли близкие соседи пазырыкцев и отдаленные народы (рис. 19). Сейчас очень сложно выяснить, почему древние берельцы выбрали в качестве главного государственного символа синкретический образ тигрогрифона. Гриф – огромная, неизменно парящая (в поисках падали) над людьми (зверьями и домашним скотом) хищная птица. Постоянное при-

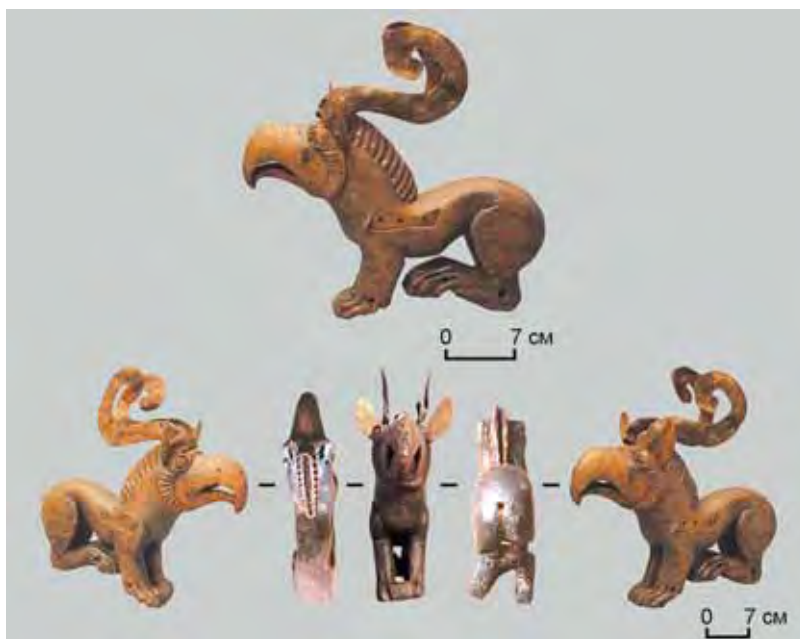


Рис. 19. Штандарт Берельского царя в виде грифона. Курган № 11.

сутствие грифа в зримом пространственно-временном континууме могло породить в мифопоэтическом сознании живущих в горно-долиновых и степных просторах людей (скотоводов, горняков и металлургов) представление о грифе как о всемогущем небесном покровителе земных богатств (в том числе, например, золотодобывающих приисков), о его фантастических инкарнациях – кошачьих хищниках, копытных и др. Другая испостасть грифона – кошачий хищник, тигр, быстрый, ловкий и грозный земной зверь, который также занимал в мифологическом сознании соответствующее место. Когда в вербальной характеристике ассоциированного мифологического образа (грифона) вышеуказанные свойства природных прототипов получают уже целостное оформление как устойчивая система взаимосвязей, то через определенное время происходит его художественное воплощение, в том числе и в виде так называемого «зооморфного превращения». Когда этот образ становится уже всеобъемлющим фактором духовной сферы жизнедеятельности социума, он превращается в эмблему общества.

Миниатюрные деревянные, плакированные тонким золотом фигурки синкретических зооантропоморфных существ с телом хищного зверя и человеческой головой, квалифицируемые как сфинксы, могли украшать церемониально-погребальное облачение, скорее, женщины (рис. 20). Наличие одной центральной фигурки с двумя соединенными вместе звериными туловищами при одной общей голове, посаженной на шею, которая вырастает вверх с места стыка тел, и нескольких отдельных статуэток с право- и левосторонними корпусами позволяет предполагать, что костюм женщины включал компонент, состоявший из набора нескольких таких миниатюрных полиморфных существ.

Образ «сфинкса» присутствует и среди аппликаций седельных покрывшек. Декор деталей амуниции коней состоит из образов, типичных для пазырыкского декоративно-прикладного искусства: изображений реальных представителей фаунистического комплекса Алтая (рогатых копытных – оленей, лосей, архаров и различных



Рис. 20. Украшения костюма из дерева, плакированные золотом: фигуры в виде сфинксов. Курган № 11.

хищников, а также птиц, рыб и др.) и вымышленных персонажей, сочетающих видовые признаки нескольких природных прототипов животных и даже с чертами антропоморфизма. В убранстве животных строго выдерживался определенный принцип, направленный на то, чтобы придать каждому коню свой особенный образ. Концы некоторых псалий и развилки оформлены в виде полных фигур в профиль или частей этих существ в технике низкого рельефа.

Среди изображений синкретических существ особое место принадлежит полиморфным существам с антропо-зоо-орнитоморфными признаками, запечатленным на войлочной покрывшке одного из седел в кургане № 10. Самым примечательным элементом художественного образа существа является строго профильная голова бородатого антропоморфа, увенчанная серповидно изогнутыми рогами горного козла, и маленькое, но выразительное ухо (рис. 21). Двойственная природа существа подчеркнута тем, что задняя половина тела окрашена в красный цвет, а передняя – в синий. Такое цветовое противопоставление, видимо, не случайное. Можно предположить, что передняя часть тела, отмеченная синим небесным цветом и наличием небесного и высокого элементов – крыла и рога, символизирует наиболее значимые сакральные сферы представлений, а задняя половина тела существа с красным оттенком – земные. В то же время покрывшка



Рис. 21. Полихромное изображение «сфинкса» на войлочном покрытии конского седла. Курган № 10.

гуры крылатого коня в маске с рогами (рис. 22). Это фрагмент многофигурной композиции (возможно построенной по принципу симметрии).

Одним из загадочных образов, использованных пазырыкскими мастерами для воплощения своих художественных замыслов, является петух (рис. 23, 24). Вероятно, необычные природные качества петуха – разноцветная окраска тела и гребешка, способность к пению в конкретные суточные циклы и другие особенности предопределили возникновение и популярность его образа в мифологии и изобразительной деятельности различных народов.

Природа мифологического образа петуха изначально амбивалентна: наряду со способностью видеть первым зарю и возвещать своим криком наступление дневного цикла, со связью с солнцем и огненной стихией, плодovitостью, с женским началом, охранительными и другими функциями он символизирует смерть и тьму,

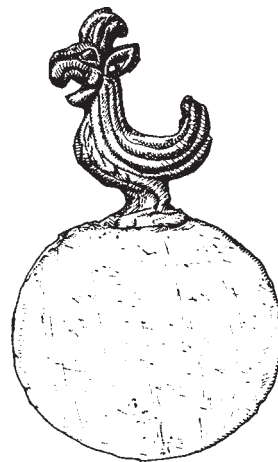


Рис. 23. Бронзовое зеркало с ручкой в виде фигурки петуха. Курган № 8.

Рис. 22. Аппликация седельной покрывки из шерстяной нитки в виде крылатого коня в маске, увенчанного рогами горного козла. Курган № 11.

седла коня, положенного рядом, содержит сходную композицию из вереницы петухов, у которых крылья и задняя часть имеют красную окраску.

Человеческая голова с рогами и ушами горного козла у рассматриваемого существа в свете гипотезы зооморфных превращений может быть трактована не как простая трансформация образа хищника, а как изображение маски: не человек имеет звериное тело, а зверь имеет человеческую маску.

Отметим одно украшение, скорее всего седельной покрывки из кургана № 11, в виде фи-



Рис. 24. Аппликация седельной покрывки с изображением шестивия петухов. Курган № 10.

а также воскресение из мертвых и перевоплощение. Поэтому его образ обычно рассматривают в контексте моделирования всего комплекса «жизнь – смерть – новое рождение». Именно в таком контексте, видимо, представлен образ петуха на аппликациях покрышек двух седел из кургана № 10.

Явно «непрестижный» дляномада ихтиоморфный образ почему-то стабильно присутствует в искусстве и идеологии у многих кочевых народов во всем поясе евразийских степей начиная с раннесакского времени. Естественно, что водная сфера и ее обитатели породили у людей в древности различные ассоциации и мифопредставления, которые отразились в их религии и художественном творчестве.

В кургане № 11 найдена седельная подвеска в виде рыбы из нескольких кусочков тончайшего

войлока, соединенных между собой аккуратными швами (рис. 25). По бокам расположены три пары плавников. Изображение идентифицируется как сильно стилизованный таймень или налим. Если коню придавали образ фантастической птицы, призванной доставить душу умершего в иной мир, то рыба, возможно, могла помочь преодолеть преграды на пути, создаваемые водной стихией. Тем более что река, особенно в горах, в мифологическом сознании являлась связующей дорогой между сферами мироздания.

Изображения сцен терзания относятся к числу доминирующих в изобразительном искусстве кочевников (рис. 26). Полнофигурные сцены терзания вырезаны техникой низкого рельефа на двух разновеликих прямоугольных плакетках из кургана № 11, которые, видимо, являлись украшениями деталей седельных принадлежностей (рис. 27).



Рис. 25. Седельная подвеска из тонкого войлока в виде фигуры рыбы. Кургана № 11.



Рис. 26. Деревянная подвеска в виде фигуры фантастического рогатого существа, кусающего собственный хвост, и серия деревянных подвесок в виде протом рогатых существ, на которых нападают кошачьи хищники. Кургана № 11.



Рис. 27. Деревянные плакетки с изображением сцены терзания тигром оленя. Кургана № 11.



Рис. 28. Подвески конского снаряжения в виде грифонов с расправленными крыльями. Курган № 11.



Рис. 29. Детали убранства конского снаряжения: налобник, развилка и подвески. Курган № 11.

Таким образом, рассмотренные нами великолепные образцы художественных изделий из Берельских курганов, связанные со сложной системой погребально-поминальной обрядности, демонстрируют, с одной стороны, высокий уровень мастерства древних резчиков, художников, а с другой стороны – специфическое отражение в них мифопоэтического образа мышления, религиозного верования и в целом мировоззрения древних кочевников Казахского Алтая (рис. 28–35).

Основным анималистическим образом, представленным на украшениях узды из кургана № 36, является «грифон», в вариации лосегрифон, т.е. синкретичность его усилена содержательными элементами в виде лосиных рогов. Все изделия были частично покрашены в красный цвет, частично покрыты оловом и плакированы золотой фольгой (см. рис. 14). Красный цвет, как известно, превалировал в цветосимволике древних кочевников Евразийских степей, что связано с некоторыми особенностями их мировоззрения.

Эпоха древних кочевников считается периодом максимального расцвета косторезного искусства Евразии [Бородовский, 2005, с. 59]. Структурно-технологический анализ



Рис. 30. Подвеска, состоящая из головы барса и щитка с протомами грифа. Курган № 11.



Рис. 31. Псалий с головами лосей. Курган № 11.



Рис. 32. Подвеска конского снаряжения в виде голов оленя. Курган № 11.

изделий позволил установить, что большинство предметов изготовлено из роговых одинарных пластин различных размеров. Изображения синкретических существ («грифонов») на роговых



Рис. 33. Бронзовая фигура грифа, установленная на крышке колоды. Курган № 11.

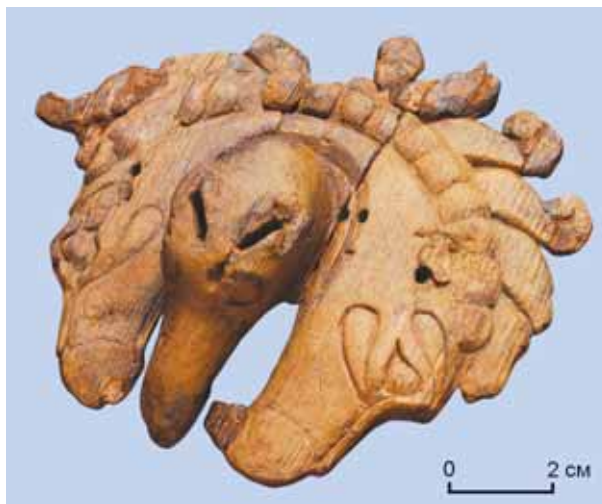


Рис. 34. Деревянная бляшка в виде головы оленя в клюве фантастической хищной птицы. Курган № 11.

украшениях узды и упряжи отличаются оригинальностью и полихромностью, в них сочетаются рог, металл (золото, олово), краска (киноварь). Разнообразие художественных средств (рельефное изображение, раскраска, покрытие металлом) и технических приемов (резьба по рогу, окрашивание, изготовление металлической фольги и покрытие ею) свидетельствует об



Рис. 35. Объемная фигура копытного животного, украшавшая головной убор. Курган № 9.

интеграции косторезного искусства с технологическим потенциалом других производств древних кочевников Евразии [Самашев, Бородавский, 2004, с. 86–87].

На основе составленных А.П. Бородавским признаков [Бородавский, 1999, с. 24] можно выделить и Берельский центр художественной косторезной обработки с необходимой сырьевой базой, наличием квалифицированных мастеров-резчиков и спросом на их продукцию в различных социокультурных образованиях.

Хозяйство населения Казахского Алтая в середине – второй половине I тыс. до н.э.

Природно-климатические условия Казахского Алтая способствовали, в первую очередь, выделению коневодства, основанного на круглогодичном содержании на подножном корме, как ведущей формы скотоводческого хозяйства у берельцев.

В курганах Береля зафиксировано более 80 костных останков лошади. Все сопогребенные с человеком животные из берельских курганов – жеребцы. Эта ритуальная норма.

Короткое и холодное лето, обилие снежного покрова зимой в межгорных впадинах не были идеальными и для разведения овец, тем не менее необходимое количество мелкого рогатого скота для получения животноводческой продукции (мясо, шерсть, кость для обработки), судя по материалам погребальных памятников, у них было.

Таким образом, основным компонентом хозяйства у берельцев было экстенсивное скотоводство, с явным преобладанием удельного веса

коневодческого направления, обусловленного спецификой экосистемы региона. Скотоводство в горных и предгорных условиях Казахского Алтая было связано с вертикальным способом сезонного кочевания с зимних пастбищ в межгорных впадинах на высокогорные летние, с небольшой амплитудой, т.е. жестко привязано к экосистеме региона.

Если посмотреть на ландшафтные условия межгорной Нарымско-Бухтарминской впадины – от начального узла Табын Богда уула до правого берега Иртыша, куда она выходит (примерно 400–450 км, высотное колебание от 2 500 и ниже 1 000 м над уровнем моря; в центре – «геррос» с Берельским царским некрополем), то видим интересную картину ступенчатого расположения на значительном расстоянии и погребальных памятников и, соответственно, летних и зимних пастбищ.

У каждой группы населения, в зависимости от занимаемой им ниши (ступени), были свои родовые территории: зимники и летние высотные пастбища для сезонного выпаса скота. Поэтому те модели кочевничества, которые базировались исключительно на условиях аридной экосистемы, не вполне применимы для изучения хозяйственно-культурного типа высокогорных, горнодолинных и предгорных зон, к числу которых относится район берельских курганов в Казахском Алтае.

Богатые минерально-сырьевые ресурсы (геологическая среда) региона еще в эпоху бронзы способствовали развитию здесь горно-металлур-

гического производства. В предгорных районах Восточного Казахстана располагаются известные рудные пояса, в том числе Калба-Нарымский золоторудный, полиметаллический, протянувшийся с северо-запада на юго-восток региона, железорудный в низовьях реки Бухтармы и др., которые служили мощной сырьевой базой и создавали наиболее благоприятные условия для комплексного развития экономической базы кочевнического общества древних берельцев.

Добыча руды золота, железа, олова и меди, транспортировка и обогащение требовали мобилизации значительных людских ресурсов региона, организации труда, совершенствования технологических циклов и, что не менее важно, обеспечения защиты промысловых объектов от возможной внешней агрессии.

Работа на горных выработках и шахтах открытого или подземного типов предполагает специализацию, поэтому существовал, видимо, определенный слой свободного и невольного (рабского?) труда, постоянно занятого на приисках, и персонала, осуществляющего надзор над производственным процессом.

Металлургическое производство, металлообработка (например, изготовление тончайших листов из золотой проволоки, штамповка и другие операции) также требовали формирования определенного слоя населения, владеющего специальными знаниями и навыками, а также наличия стационарных населенных пунктов-поселений, где должны были размещаться металлургические печи, мастерские и другие необходимые для производства и хранения готовой продукции помещения.

Люди, занятые на добыче и в производстве, составляли, возможно, в отличие от подвижных скотоводов, определенную прослойку в социальном организме пазырыкского общества и относились к категории малоподвижных (оседлых). Конечно, состояние «оседлости» в социально-экономической структуре этого общества носило во многом условный характер, так как переход в иную категорию «непосредственных производителей» происходил легко. Их образ жизни, общественно-поведенческие нормы были адаптированы к условиям труда и проживания. Вполне возможно, что практиковалось отношение временного или сезонного найма на тяжелый труд горнодобытчика из числа малообеспеченных членов (кочевой) общины. Поэтому ранжиро-

ванная структура пазырыкского общества может характеризоваться в плане жизнедеятельности всего сообщества взаимоотношением и интеграцией между богатыми скотовладельцами и малоимущими и частью социальной группы, занятой нескотоводческой деятельностью. К малоподвижной части населения относятся, возможно, некоторые группы ремесленников, ювелиров и текстильщиков.

Трудно сказать об удельном весе горно-металлургической отрасли в хозяйственной системе пазырыкцев, насколько весомым и престижным был и считался труд людей, занятых на этом производстве. Нам представляется, что по уровню организации производства и трудовых затрат эта отрасль была самой сложной и тяжелой, несмотря на то, что по своей хозяйственной значимости в системе жизнедеятельности пазырыкского социума она уступала только главному направлению экономики – скотоводству.

Бронзовые изделия, найденные в берельских курганах – удила, наконечники стрел, зеркала, кольцо, колчаный крюк, скульптуры орлов и другие, – отлиты в специальных формах, а железные удила, ножи – кованые, что свидетельствует о дифференцированном подходе к технологии металлообработки у древних кочевников.

Об особой важности золотодобычи у алтайских племен в эту эпоху косвенно свидетельствует античная легенда о стерегущих золото грифах и борьбе их с аримаспами (конечно, при доказательстве, что легенда относится именно к алтайскому населению).

Мерилом богатства в этих условиях выступает количество скота (табуны породистых лошадей), а престижности – высокохудожественные вещи из золота и других драгоценных материалов. Скот нужно было выращивать и содержать, а металл добывать своими силами.

В курганах Береля сохранилось большое количество изделий из дерева: украшения конского парадно-ритуального снаряжения, декор костюма человека, инструменты и т.д. Как показали исследования, элементы простой резьбы лезвием ножа в той или иной мере присутствуют почти во всех видах деревообработки. Трасологический и сравнительно-типологический анализ показал, что берельские мастера-деревообработчики использовали различные виды инструментов.

Обработка шерсти животных, прядение и ткачество, а также изготовление войлочных изделий

являлись традиционным занятием у кочевых народов. Исследование природы волосяных структур, в частности волос фетра из кургана № 11 показало, что они могут принадлежать овцам и козам. Отсутствие частичек пигмента в составе волос свидетельствует об их белой окраске при жизни животных.

Наряду с импортом развивалась местная традиция изготовления текстильных изделий. Изготовление из шкуры и кожи различных компонентов мужского и женского костюма, адаптированного к сезонным и другим условиям климата региона и с учетом социального положения различных групп населения и рода занятий, составляли важнейшее направление в производственной деятельности.

В свете находок 66 роговых изделий только в одном кургане № 36 и значительного количества других костяных предметов Берельский микрорайон становится одним из крупнейших центров художественной косторезной обработки не только Алтая, но и Евразии в рассматриваемое время.

Охота на промысловые виды мясных животных и пушных зверей имеет, кроме сугубо экономического, военно-стратегического, социокультурный и мифоритуальный аспекты, которые учитывались многими исследователями при различных историко-культурных реконструкциях.

Изготовление керамической посуды у древних берельцев – явление, заметное в хозяйственно-культурной жизни, поэтому она, среди прочих вещей, входила в состав погребального инвентаря для сопровождения умершего члена социума в инобытие (рис. 36).



Рис. 36. Глиняные кувшины. Курганы № 31 и 34.

Итак, мы на основе выявленных в берельских курганах материалов коротко охарактеризовали основные направления хозяйственной деятельности древних кочевников Казахского Алтая.

Специфический тип скотоводческого хозяйства – яйлажно-горно-долинный, адаптированный к соответствующей природно-экологической нише, определял господствующее направление экономики (и образа жизни), но не был единственным способом жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Многоотраслевую экономику древних берельцев можно было бы охарактеризовать как полукочевую, адаптированную к особенностям стыковой зоны горно-долинного ландшафта с открытым степным пространством. Яйлажное (полукочевое) скотоводство К.А. и А.К. Акишевы считают максимально адаптированной формой хозяйства в «полосе гор» Тянь-Шаня, Саур-Тарбагатая и Алтая. С этим нельзя не согласиться. Также следует согласиться с утверждением авторов о том, что полукочевое скотоводство немыслимо без существования оседлости значительное время года и постоянных зимовок. Однако мнение о том, что такая форма скотоводства предполагает наличие земледелия, справедливо только для полосы гор Тянь-Шаня, но пока не подтверждается данными по предгорной полосе Алтая [Акишев К., Акишев А., 1997, с. 30–37].

Кроме скотоводства существенную роль играли горно-металлургическая отрасль, ремесленное производство и другие. Безусловно, у номадов этого региона, так же как и у других родственных им степных кочевников, были достаточно серьезные экономические связи, обмены и контакты как внутри кочевого мира, так и с другими народами сопредельных территорий, а также оседло-земледельческими центрами и более отдаленными этнокультурными областями.

Социальная структура древних берельцев. Материалы из берельских курганов со всей очевидностью свидетельствуют о существовании у древних кочевников изучаемого нами региона (как части пазырыкской историко-культурной общности) реального гетерогенного общества с глубоко зашедшим процессом расслоения и соответствующей имущественной дифференциацией, которые получили отражение в погребальных памятниках.

Социальная структура и институты власти в пазырыкском обществе сложились, по-видимому, не позже (если не раньше), чем у европей-

ских скифов, для которых переход от племенного объединения к раннеклассовому обществу (и государству) произошел, по мнению некоторых исследователей, в V–IV вв. до н.э. [Раевский, 1977, с. 161–163].

Пазырыкское кочевническое общество Алтайской горной системы, более самодостаточное, чем царство северопричерноморских скифов, которое оказалось непосредственно втянутым в орбиту античного культурного комплекса, в изучаемый период, перешагнув стадию «суперсложного вождества», находилось на уровне (ранней) государственности конфедеративного устройства. Во главе такой конфедерации (с конца VI в. до н.э. до конца III в. до н.э.) поочередно могли находиться лидеры («цари») сначала Туэкта-Башадарского альянса, затем собственно Пазырыкского и на последнем этапе существования государственности – Берельского (Бухтарминско-Нарымского) и др. политарных центров, которые, в свою очередь, имели местные структуры, управляемые удельными вождями.

В функции таких вождей входили, возможно, организация охраны внешних рубежей, сбор податей, решение внутрплеменных и межплеменных вопросов, организация производства для получения прибавочных продуктов и их распределение вместе с центральной властью. Такая схема развития пазырыкского «единого потестарно-политического образования» возможна в случае признания формирования пазырыкской культурной общности на базе развития «местного раннекочевнического культурного комплекса», для которого воздействие внешних катализаторов (Китай, Ахеменидская Персия или другие, в том числе и земледельческие центры), по-видимому, не является непереносимым консолидирующим условием. Под «местным раннекочевническим культурным комплексом» нами подразумеваются в основном материалы таких памятников, как Аржан, Майэмир (включая результаты наших новых исследований), Чиликты (Байгетобе) и Талды-2, которые характеризуют не просто один культурно-хронологический горизонт и маркируют единую зону формирования, но и демонстрируют генетическое родство и близость этнокультурного облика. Поэтому начальный этап сложения пазырыкской культуры на Алтае не следует связывать с актом подчинения неким «мигрантам» [Васютин, 2003, с. 20]; таковых, скорее всего, не было.

Племена предгорных зон Алтая были вовлечены в те же этнокультурные процессы, что и население горно-долинных зон. Предположение Л.С. Марсадолова о происхождении пазырыкской культуры в результате проникновения на Алтай переднеазиатских «изгнанников – киммерийцев», которые, вытеснив или покорив местные, в том числе майэмирские племена, распространили здесь свой культурный комплекс, основано на формальном сходстве некоторых элементов погребальной обрядности и категорий вещей, не вытекает из реального состояния изученности проблематики, поэтому пока не может быть всерьез воспринято [Марсадолов, 2000, с. 35–36].

Два кургана некрополя (№ 1 и 11) выделяются среди известных на сегодняшний день памятников Алтая параметрами и расположением в пространстве могильного поля, соответствующим обрядом погребения, набором обязательных и престижных вещей, бронзовыми позолоченными скульптурами грифов – символами принадлежности к правящему «золотому роду», инсигнией власти – штандартом, а также сопроводительными захоронениями самого большого количества коней (17 и 13 соответственно), и могут быть квалифицированы как «царские». Здесь нужно оговориться, что наличие погребений элиты общества рядом с царскими курганами пазырыкцев отражает, в отличие от Герры «царских скифов» Северного Причерноморья, специфику сложившейся структуры власти у древних кочевников Алтая, основанной действительно на династийных традициях, но не является показателем «догосударственного характера их потестарно-политической системы» [Васютин, 2002, с. 63–71].

Б. Дженито, который попытался разобраться в сложной природе социальных связей кочевников: от нуклеарной семьи как базовой единицы через линиджи, кланы до вершины этой пирамиды во главе с царем (и его родом), отмечает, что сложно археологически отслеживать различия между вождеством, сложным вождеством и ранней государственностью (постплеменной, предгосударственной и даже «имперской») при разработке глобальных научных проблем, связанных с социальной организацией кочевников [Дженито, 1994, с. 11–14]. Это действительно так.

Курган № 1, судя по дендрохронологии и радиоуглеродным данным, старше кургана № 11. Следовательно, человека, погребенного под кур-

ганом № 1, при решении некоторых вопросов, связанных с синхронизацией пазырыкских памятников, можно считать царем (супервождем), объединившим алтайские племена в единое государство в IV (возможно, V) в. до н.э. После его смерти (через несколько десятилетий) к власти пришел человек, погребенный под курганом № 11, который представлял либо прежний правящий Дом, либо его другую ветвь, либо иной, но близкородственный кочевой клан. В этой связи отметим интересное мнение Д.Е. Ануфриева (поддержанное С.А. Васютиным, А.А. Тишкиным и П.К. Дашковским и др.) о возможности существования на Алтае в это время нескольких политарных центров древних кочевников, среди которых предлагается выделить Бухтарминскую группу вокруг курганов Береля [Ануфриев, 1997, с. 110]. К таким центрам следует уже добавить Баян-Ульгийскую группу (или весь Монгольский Алтай) и, возможно, группы в Синьцзяне (китайская часть Алтая, Турфан и др.). Количество таких групп может быть большим или меньшим, это неважно. Важно выяснить, что из себя представляли подобные центры (или группы) – конфедеративного типа государственное объединение с единым политико-административным центром или разобщенные, слабо интегрированные между собой, но близкие по облику культуры, мировоззренческому ориентиру, образу жизни и хозяйственному укладу автономные (племенные) образования?

Если все-таки существовал единый политический центр во главе с царем, то вся система административно-территориального деления должна была строиться по универсальному тричному принципу: Правое крыло – Центр – Левое крыло. Если центр находился в Нарымско-Бухтарминской впадине, маркируемый двумя царскими курганами Береля (во всяком случае на последнем этапе существования государственности, в канун агрессии хунну, к чему мы пока склоняемся), то правое крыло составляла, возможно, вся Горно-Алтайская группа, левое – Баян-Ульгийско-Синьцзянская группа, а центр – плато Укок – Иртышско-Калбинская и Зайсанская впадины (возможно, до Балхаша). При этом не обязательно, чтобы эти «крылья» были равнозначны во всех отношениях.

На разных стадиях развития пазырыкская культура имела разные территориальные очертания, поэтому исследователи предполагают су-

ществование нескольких центров пазырыкского объединения, например, Центральный Алтай, где зафиксировано наибольшее количество элитных памятников. Пока неясно, с каким центром можно связывать начальный этап формирования государственности у пазырыкцев: с Бухтарминским, с предгорной полосой или Центральным Алтаем и др.

Социальная структура пазырыкского общества, как свидетельствуют материалы царских, элитных, средних и рядовых курганов, при существовании резкой имущественной дифференциации, разноэтничности и других факторов представляла собой, безусловно, очень сложный организм.

Кроме двух «царских» курганов, содержащих престижные вещи-индикаторы и большое количество сопроводительных захоронений коней, на могильнике имеются и другие элитные объекты, для возведения которых общество мобилизовало определенные людские, материальные и организационные ресурсы (рис. 37).

Если считать Берель местом погребения кочевой элиты, то различия в параметрах курганов, в составе инвентаря и т.д. объясняются глубокой дифференциацией внутри самой кочевой аристократии. Допуская возможность существования государственности у пазырыкцев, а не вожества или сложного (даже суперсложного) вожества как протогосударственного образования, мы должны учитывать мнение А.М. Хазанова о невозможности существования такого государства продолжительное время за счет внутреннего развития кочевых обществ; оно должно или инкорпорировать часть внешнего мира, представленную его оседлым населением, или прямым или косвенным образом подчинить себе оседлое население [Хазанов, 2000, с. 451].

Традиционно специалисты указывают на высокую степень милитаризованности пазырыкского общества. Однако Берельские курганы в этом отношении, как мы уже отмечали, достаточно скромны, что позволило нам предположить слабую милитаризованность берельского социума.

Что касается половозрастной структуры берельского социума, то на этом этапе исследований подводить итоги рано. Можно пока отметить отсутствие детских и малочисленность женских погребений. Статус женщин, погребенных в парных захоронениях элитных курганов (№ 8, 9,



Рис. 37. Реконструкция внутримогильного устройства погребального комплекса. Курган № 10.

11 и др.), судя по обряду и остаткам сопроводительного инвентаря, был очень высоким. Достаточно напомнить женское захоронение из кургана № 11. Одиночные женские захоронения здесь еще не зафиксированы. Только в одной могиле с подбоем на соседнем могильнике Тарасу, оставленном, видимо, рядовым свободным населением общества, погребена женщина 20–25 лет, восстановленный по черепу облик которой (заметная монголоидность и др.) можно считать характерным для женской популяции всего берельского общества.

Таким образом, рассмотренный нами материал из берельских курганов свидетельствует о достаточно сложной социальной стратификации кочевого общества.

Вопросы датировки Берельских курганов.

Целая серия радиоуглеродных дат курганов № 11 и 18 получена по представленным нами образцам в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН в Санкт-Петербурге, Киеве и Берлине. Путем многочисленных и сложных корректировок с учетом результатов дендрохронологического анализа И.Ю. Слюсаренко, авторами коллективной монографии «Евразия в скифскую эпоху» [2005] для кургана № 11 установлена дата – около 322 г. до н.э., которая в принципе совпадает с археологической датой памятника,

предложенной нами. По данным дендрохронологии, он моложе кургана № 1 на 66 лет. Есть и другие даты, но все они вписываются в указанные хронологические рамки.

На данном этапе исследований нет основания для удревнения возраста Берельского памятника; считаем, что IV–III вв. до н.э. наиболее точно совпадают с периодом функционирования некрополя, в материалах которого отражены кульминации исторических событий и этнокультурные процессы в Центральной Азии.

Вопросы культурно-этнической атрибуции материалов Берельских курганов.

Культурная принадлежность исследованных памятников некрополя Берель определяется с большой долей вероятности как «пазырыкская», существовавшая с VI до конца III в. до н.э.

Ареал пазырыкской культуры охватывает, вероятно, всю Алтайскую горную систему с прилегающими территориями: с запада – часть Казахского мелкосопочника, с юга – северо-восточное Жетысу, на востоке, возможно, доходит до пустыни Турфана и Тарима, во всяком случае, они входили в зону диффузии и контактов.

Формирование пазырыкского культурного комплекса на Алтае связывается некоторыми исследователями с инфильтрацией какого-то «нового населения» с запада, ассимилировавшего че-

рез некоторое время местные племена [Тишкин, Дашковский, 2007, с. 291].

Появление захоронений с конем, в колоде, заключенной в сруб, восточной ориентировкой умерших, а также многих элементов материальной культуры и образов изобразительного искусства в среде кочевых народов Алтая, по мнению Л.С. Марсадолова, связано с проникновением сюда киммерийцев [2000, с. 35–36]. Археологически не прослеживается пути передвижения какого-то этнокультурного массива из указанного региона на Алтай в рассматриваемый период. Некоторые исследователи небезосновательно полагают, со ссылкой на источники, что движение степных племен происходило в VII–VI вв. до н.э., наоборот, с востока на запад [Мачинский, 1971, с. 33–34].

Относительно элементов в погребальной практике у коневодческих племен Алтая и полосы гор, упомянутых выше, отметим, что они существовали здесь и раньше, но в других вариациях и иных сочетаниях, поэтому едва ли нужно связывать инновации в обрядово-ритуальной сфере с импульсом из Передней Азии, а следует искать прежде всего в трансформациях в идеологии и мифоритуальном комплексе у местных племен, которые произошли в результате сложных и многообразных процессов на пути к консолидации.

Полагают, что на формирование пазырыкской общности могли оказать влияние события, которые происходили на Востоке после создания в 553 (550) г. до н.э. Ахеменидской державы, положение в древнекитайских царствах, враждовавших между собой до создания в 221 г. до н.э. централизованного государства императором Цин Шихуанди.

Что касается воздействия на центрально-азиатские события похода Александра Македонского, то таковое могло происходить только после его смерти в 323 г. до н.э. уже со стороны Греко-Бактрийского царства и других государств Среднего Востока. До похода Александра различного рода контакты пазырыкцев могли происходить с Бактрией, Согдой и Хорезмом, которые считались при Ахеменидах их номинальными сатрапиями.

При выяснении истоков пазырыкской культуры Алтая, по-видимому, нужно отталкиваться от памятников Курту, Измайловка, Когалы, Майэмир, Курук, Чиликты в Восточном Казахстане и недавно открытого Талды-2, ближе тяготеющего к зоне горной полосы Западного Алтая, а

также Аржана в Туве и других, имея в виду, что они могут быть генетически связаны с Бегазы-Дандыбайским феноменом. Трансформация пазырыкской культуры началась скорее в результате эпизодических набегов хунну, задолго до образования на рубеже III–II вв. до н.э. державы Модэ шаньюя.

Окончательное поражение юечжи (возможных создателей пазырыкской культуры) от хунну, по версии Н.Н. Крадина, относится примерно к 208 г. до н.э., а С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов указывают на 165 г. до н.э. [Крадин, 2002, с. 61; Кляшторный, Савинов, 1998, с. 171]. Имели ли юечжи (или их часть) прямое отношение к созданию пазырыкской культуры Алтайской горной системы, полной уверенности, конечно, нет. Какие племена и народы (пришлые и аборигенные) объединены под этим собирательным этнонимом, точно не известно, но в любом случае одну из этих двух дат мы можем считать началом трансформации пазырыкской археологической культуры под воздействием неблагоприятных внешних факторов.

В материалах двух «царских» курганов Береля мы не видим даже самых отдаленных признаков влияния ни ахеменидской, ни античной, ни китайской культур. Естественно, невозможно исключить контакты (дипломатического, военного, торгово-экономического и культурного характера) у древних кочевников Алтая с «внешним миром», но в их памятниках материальной культуры нет явных свидетельств (за исключением незначительного количества престижных импортных вещей в элитных погребениях), указывающих на насильственные внешние воздействия, которые привели к кардинальным изменениям этнокультурного облика местного населения. Вопрос, связанный с этнической атрибуцией берельских памятников, остается дискуссионным.

Геродот оставил легендарные сведения о племенах, как тесно соприкасавшихся с северо-причерноморскими скифами, так и более отдаленных. Известно, что многие свидетельства были почерпнуты им от путешественников-информаторов. Один из них, Аристей из Проконнеса, после своего путешествия к гиперборейцам оставил якобы услышанные им у исседонов любопытные рассказы об аримаспах и племенах грифов, живущих в стране холода, среди высоких гор, где снежные хлопья похожи на птичьи перья. Они занимались добычей золота, а их соседи – аримас-

пы (по-гречески – «одноглазые»), но в этнониме *arimaspi*, особенно во второй его части, некоторые ученые усматривают значение «конь» или «друзья коней» – *aryamaspa*) постоянно нападали с целью похищения у них этого богатства. Источники сообщают также об аргиппеях и других соседних с грифами племенах.

Исследователи по-разному локализируют эти племена: одни – на Урале, другие – на Алтае и в его предгорных пространствах, и связывают с различными археологическими культурами – пазырыкской, тасмолинской и др. Д.А. Мачинский последовательно отстаивает мнение о локализации «златостерегущих грифов» и одноглазых аримаспов и «златотекущего потока Плутона», где они жили – между западным предгорьем Алтая, верховьем Иртыша и Зайсанской котловиной, с выходом на северо-восточное побережье озера Балхаш.

Ключевым моментом в античных источниках и в их толкованиях у Д.А. Мачинского для нас следует считать размещение аримаспов «выше» исседонов, означающее «восточнее», ближе к «полюсу холода» – в Рипеях, где вечные снега, откуда дует Борей в западных предгорьях Алтая (где, впрочем находится самый богатый в Евразии Калбинский золоторудный пояс), Черный Иртыш и озеро Зайсан [Мачинский, 1997, с. 86].

По Эсхилу, «златотекущий поток Плутона», возле которого живут воинственные скотоводы – аримаспы, тоже может отражать некий производственный процесс, связанный с добычей рассыпного золота в пределах Южного Алтая.

Что касается «одноглазости» аримаспов, то это может быть связано с ношением во время проведения особо важных для социума ритуально-обрядовых мистерий специальной маски или татуировки. Античные легенды отражают события, хоть и искаженно, которые реально происходили на Алтае и прилегающих к нему территориях в середине I тыс. до н.э. в среде близких по хозяйственно-культурному облику и мировоззрению скотоводческих народов. Эти легенды имеют чрезвычайно интересные типологические параллели в китайских письменных источниках, которые также носят мифологический характер.

Палеогенетический материал, полученный в результате раскопок на плато Укок, как полагают ученые, указывает на наличие самодийского компонента у пазырыкской популяции. Относительно происхождения этого компонента сущес-

твует несколько версий [Молодин, 2000, с. 131–142; Молодин, Ромашенко, Воевода, Чикишева, 2000, с. 63–65].

Т.А. Чикишева делает интересный вывод о близкой основе этногенеза пазырыкцев и сакоусуньского населения Жетысу и Центрального Тянь-Шаня [Чикишева, 2000, с. 113]. Однако данный вывод пока слабо подкрепляется полноценным материалом из южных регионов; для сравнительного изучения нужны данные, полученные с использованием новейших антропологических и палеогенетических исследований.

Мы не исключаем, что у пазырыкского государства с ядром на Алтае мог быть иной этнополитический облик, но на определенном этапе своего развития оно находилось, возможно, в данническом отношении с государством юэцжи, упомянутых выше, которые в IV–III вв. до н.э. достигли, как известно, апогея своего развития.

Таким образом, материалы Берельских курганов, исследованные нами в 1998–2011 гг., наглядно отражают те сложные исторические и этносоциокультурные процессы, происходившие в IV–III вв. до н.э. и в последующие исторические периоды внутри конкретного пазырыкского социума, а также важнейшие военно-политические события в масштабах Евразии, которые оказали существенное влияние на ход всей истории.

Уникальные находки из Берельских курганов свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства, а также сложной системе мировоззрения населения Казахского Алтая в рассматриваемую историческую эпоху.

Способы ведения скотоводческого хозяйства, технология обработки продукции животноводства и природных материалов – дерева, металла, камня; оптимальные формы мобильного жилища и средств передвижения; орудия труда и предметы быта; покрой одежды, ювелирное дело; некоторые виды оружия ближнего и дальнего боя, защитных доспехов и военного снаряжения, особенно предметы конского снаряжения, и многие другие компоненты, выработанные в среде древних кочевников I тыс. до н.э., оказали существенное влияние на формирование культурных комплексов у многих народов Центральной Азии эпохи средневековья и последующих периодов, например на сложение традиционной кочевой культуры казахского этноса. Для нас является чрезвычайно важным, что образцы искусства древних номадов служили прообразами

изобразительного, декоративно-прикладного искусства современных тюркских народов, в том числе казахов.

Изучение богатейшего наследия наших далеких предков – очень трудное и ответственное дело, но упорный труд всегда вознаграждается удивительными открытиями.

Список литературы

- Акишев К., Акишев А.** Саки Жетысу: социум и культура // *Новости археологии.* – Туркестан, 1997. – С. 30–37.
- Ануфриев Д.Е.** Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая // *Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири:* мат-лы Всерос. науч. конф. – Барнаул, 1997. – С. 108–111.
- Бородовский А.П.** Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий* – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 23–26.
- Бородовский А.П.** Упряжь и раскрой рога в Западной Сибири (по материалам археологии и этнографии) // *Западная и Южная Сибирь в древности:* сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 58–62.
- Васютин С.А.** Типология потестарных и политических систем кочевников // *Кочевая альтернатива социальной эволюции.* – М.: Ин-т Африки РАН, Центр цивилизацион. и регион. исследований РАН, 2002. – С. 63–71. – («Цивилизационное измерение»; т. 6).
- Васютин С.А.** Моделирование потестарно-политической системы пазырыкского общества // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири:* сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 19–24.
- Дженито Б.** Археология и современные концепции социальной организации кочевников // *Статистическая обработка погребальных памятников азиатской Сарматии.* – М.: ИА РАН, 1994. – Вып. 1: Савроматская эпоха. – С. 11–17.
- Евразия в скифскую эпоху:** радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с., 173 ил.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Пазырыкская узда: К предыстории хунно-юечжийских войн // *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача.* – СПб., 1998. – С. 169–177.
- Крадин Н.Н.** Империя Хунну. – М.: Логос, 2002. – 312 с.
- Марсадолов Л.С.** Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. – СПб., 2000. – 57 с.
- Мачинский Д.А.** О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // *АСГЭ.* – 1971. – Вып. 13. – С. 30–54.
- Мачинский Д.А.** Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV – середине I тыс. до н.э // *Стратум: структуры и катастрофы: сб. символической индоевропейской истории.* – СПб.: Нестор-История, 1997. – С. 73–94.
- Молодин В.И.** Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2000. – № 4. – С. 131–142.
- Молодин В.И., Ромащенко А.Г., Воевода М.И., Чикишева Т.А.** Мультидисциплинарный анализ носителей пазырыкской культуры (археология, антропология, генетика) // *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология: сб. ст.* – М.: ИА РАН, ГИМ, 2000. – С. 59–66.
- Раевский Д.С.** Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М.: Наука, 1977. – 216 с.
- Самашев З., Бородовский А.П.** Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2004. – № 3. – С. 82–87.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский Дол и Яломан-III // *Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях:* мат-лы конф. – СПб., 2007. – С. 291–299.
- Хазанов А.М.** Кочевники и внешний мир. – 3-е изд., доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 604 с.
- Чикишева Т.А.** Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // *Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики).* – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 63–120. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 1).

И.Ю. Слюсаренко

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

ДАТИРОВАНИЕ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЕВРАЗИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

В настоящее время отчетливо обозначилась тенденция использования для датирования древностей скифской эпохи Евразии ряда естественно-научных методов в комплексе с традиционными археологическими подходами. Прежде всего речь идет о применении радиоуглеродного и дендрохронологического методов датирования. Наиболее масштабным примером такой работы последних лет является выход коллективной монографии «Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология», отразившей достигнутый современный уровень решения проблемы. В ней наряду с теоретическими и методическими вопросами применения радиоуглеродного и дендрохронологического методов в археологии обобщены данные по комплексному датированию скифских древностей Евразии, а также приведен наиболее полный на тот момент список из 519 радиоуглеродных дат, полученных в разных лабораториях мира для памятников Евразийской Скифии [Евразия..., 2005, с. 236–271].

Авторы этой монографии попытались синтезировать радиоуглеродный и дендрохронологический подходы, предложив свои аналитические методики сравнения данных и оценки достоверности результатов, основанные на методах математической статистики. При этом использовались данные дендрохронологических измерений, полученные ранее разными исследователями. Сначала при помощи различных математичес-

ких методик сравнивались ряды значений ширины годичных колец образцов древесины, происходящих как из курганов одного могильника, так и из удаленных памятников. Целью сравнения было получить относительные даты памятников с максимальной точностью. Затем относительные даты курганов использовались для верификации абсолютных дат, установленных с помощью радиоуглеродного датирования. Выход этого масштабного исследования, подводящего определенный итог долгого периода абсолютного датирования евразийских древностей скифской эпохи, вызвал довольно критическую реакцию у ряда специалистов, которые отмечали, что «даже в случае достоверности предлагаемых радиоуглеродных дат проблема хронологии сама собой не решается, поскольку все эти даты должны быть увязаны с археологическим материалом» [Кубарев, Шульга, 2007, с. 21–22].

В самом деле, используя методы естественных наук, необходимо помнить, что в конечном итоге процедура датирования направлена на определенные археологические комплексы, характеризующиеся предметным набором, чертами погребального обряда и т.д. Поэтому обязательным условием является сопряжение дат, получаемых при помощи естественно-научных подходов, и археологического контекста, изучаемого посредством традиционных для археологии приемов, в том числе с использованием метода датировок по аналогиям. В отношении последнего перспективным представляется тот путь интеграции вещевых комплексов в хронологические реконструкции, который предлагают отдельные исследователи [Марсаолов, 2004;

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00476а) и РГНФ (проект № 10-01-00193а).

Кубарев, Шульга, 2007]. Это – выделение культурно-хронологических слоев, в основе которых лежат целостные, хорошо различимые, последовательно сменяющие друг друга и генетически связанные между собой вещевые комплексы из конского снаряжения, поясной фурнитуры, оружия, украшений, предметов искусства. Однако зачастую точное распределение памятников во времени невозможно с опорой только на предметный комплекс. Это справедливо, например, в отношении пазырыкской культуры Алтая, где огромное количество рядовых погребений малоинформативно с точки зрения датирующих признаков, в силу однородности и хронологической невыразительности вещевого материала и погребальной обрядности.

В данном случае безальтернативным и наиболее точным средством датирования выступает метод дендрохронологии, основывающийся на анализе изменчивости ширины годичных колец деревьев, из которых сооружались погребальные конструкции в курганах. Наличие таких конструкций является одной из характерных черт погребальных комплексов пазырыкской культуры [Мыльников, 1999]. Поэтому использование для их датирования метода дендрохронологии продиктовано необходимостью и имеет свою достаточно продолжительную историю.

М.П. Грязнов еще в 1930 г., будучи осведомленным о пионерских работах А.Е. Дугласа в США в области древесно-кольцевого анализа археологической древесины, первым среди российских археологов обратил внимание, основываясь на исключительной сохранности древесного материала в 1-м Пазырыкском кургане, на возможность и перспективность использования методов дендрохронологии в археологических исследованиях [1930]. С.И. Руденко, воплощая в своих работах концепцию комплексного междисциплинарного подхода к изучению алтайских курганов, также высоко ценил возможности, которые предоставлял «метод исследования древесных колец» [1960, с. 335]. Неудивительно, что именно большие курганы пазырыкской культуры Алтая стали почвой для самого первого опыта применения метода дендрохронологии в отечественной археологической науке в конце 1950-х гг.

В результате работы, проделанной в течение 1950-х – 1980-х гг. такими исследователями, как И.М. Замоторин [1959, 1963], Е.И. Захариева [1974], Л.С. Марсадолов [1985, 1988], был раз-

работан ряд дендрохронологических шкал и установлена относительная последовательность сооружения нескольких элитных курганов Алтая с точностью до года. Несмотря на некоторые разночтения в полученных древесно-кольцевых хронологиях, итогом этого этапа исследований стала принятая многими специалистами относительная хронология группы больших курганов Алтая, согласно которой наиболее ранним выступал 1-й Туэктинский курган, через 130 лет после которого была возведена в течение 48–50 лет «цепочка» курганов в долине Пазырык, при этом первым сложен 2-й курган, через год–два – 1-й, и последним – 5-й курган [Марсадолов, 1985, 1988]. Впоследствии Л.С. Марсадолов указывал на возможность привязки своей древесно-кольцевой хронологии к так называемой «американской дендрошкале протяженностью около 8 тыс. лет». Результатом такой привязки стало определение им с точностью до года абсолютных дат постройки 1-го, 2-го, 5-го Пазырыкских и 1-го Туэктинского курганов [Марсадолов, 1996, с. 50–51; Марсадолов, Миллер, 2006].

Все вышеупомянутые дендрошкалы на момент их создания были относительными, или «плавающими». Поэтому логическим продолжением исследований стали попытки установления абсолютного возраста больших курганов Алтая наиболее доступным тогда путем, а именно с помощью радиоуглеродного датирования. После первого опыта, полученного в 1959–1961 гг. [Бутомо, 1963] методика датирования продолжала совершенствоваться и для анализа стали привлекаться именно те образцы дерева, по которым строилась древесно-кольцевая хронология. Для датирования брались группы годичных колец – 15–40 колец, по 2–3 таких группы из одного образца. Всего таких радиоуглеродных дат было получено 21 для 6 курганов [Марсадолов, 1988, с. 78–79]. Затем для привязки «плавающей» дендрошкалы к календарному времени начала использоваться калибровочная кривая Стювера и Пирсона. Диапазон календарного времени сооружения больших курганов был определен как 900–400 гг. до н.э. с вероятностью ± 20 –40 лет [Марсадолов, Зайцева, Лебедева, 1994; Марсадолов, Зайцева, Семенцов, Лебедева, 1996].

Позже, с появлением новых серий радиоуглеродных дат, для оценки вероятности полученных результатов стали активно использоваться

методы математической статистики [Зайцева, Васильев, Марсадолов, Плихт ван дер, Семенов; и др., 1997]. Ряд публикаций был посвящен анализу новых радиоуглеродных дат для вновь раскопанных курганов Юго-Восточного и Южного Алтая, а также их сопоставлению с имеющимися на тот момент дендрохронологическими датами и археологическими оценками возраста памятников [Марсадолов, Зайцева, 1999; Марсадолов, 2003].

В уже упоминавшемся коллективном труде «Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология», если **соотношение** между временем сооружения курганов в системе Пазырык-Туэкта осталось практически неизменным, то само **время** сооружения курганов изменилось в сторону омоложения более чем на 100 лет. По этим данным хронология памятников выглядит теперь следующим образом: Туэкта-1 – около 430 г. до н.э., Пазырык-1, -2 – около 300 г. до н.э., Пазырык-5 – около 250 г. до н.э. Причем эти данные, полученные в различных радиоуглеродных лабораториях как в России (Санкт-Петербург), так и за рубежом (Цюрих, Белфаст), хорошо согласуются между собой и подтверждают дендрохронологическую последовательность сооружения курганов [Евразия..., 2005, с. 47–64, 70–92].

Кратко подводя итоги этого цикла исследований, можно заметить, что до определенного момента все они вращались вокруг одной и той же группы памятников – 6–7 больших элитных курганов Алтая. Это, конечно, объясняется тем, что данные курганы являются своего рода эталонными памятниками. Они служат основой для решения важнейших вопросов этнокультурного развития кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху. В то же время ограниченность круга источников только этими памятниками и отсутствие новых материалов, в частности, для использования древесно-кольцевого анализа, в известной степени способствовало тому, что вопросы хронологии больших курганов долго оставались дискуссионными и по-прежнему не считаются решенными окончательно.

Корпус источников по пазырыкской культуре существенно пополнился в 1970-90-х гг., когда специалисты ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) исследовали в Южном и Юго-Восточном Алтае большое количество курганов, среди которых были погребения как рядовых кочевников, так и

родовой знати, а ряд памятников содержал подкурганную мерзлоту [Кубарев, 1987, 1991, 1992; Полосьмак, 1994]. Наиболее известными являются курганы на плато Укок, где были обнаружены мумифицированные тела женщины и мужчины (курган 1 могильника Ак-Алаха-3 и курган 3 могильника Верх-Кальджин-2) [Полосьмак, 1996, 2001; Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004; Феномен алтайских мумий, 2000].

Большое количество прекрасно сохранившихся в условиях высокогорья деревянных конструкций в курганах пазырыкской культуры, исследованных на плато Укок и в Чуйской степи (срубы, колоды, погребальные лежа и т.д.) позволило использовать метод дендрохронологии и получить первые успешные результаты [Polos'mak, Seifert, 1996; Seifert, Sljusarenko, 1996; Слюсаренко, 1997, 2000]. Позже территория исследований, круг памятников и количество образцов древесины существенно расширились, в том числе за счет международных работ в Восточном Казахстане [Самашев и др., 2000; Самашев и др., 2001] и Северо-Западной Монголии [Молодин и др., 2006; Молодин, 2007], что вызвало более надежные и обоснованные выводы по хронологии пазырыкских курганов Алтая.

Необходимо подчеркнуть, что работа по анализу образцов древесины и обобщению полученных данных проходила под знаком тесной кооперации с российскими (Красноярск, Барнаул) и зарубежными (Цюрих, Швейцария; Берлин, Германия; Тусон, США) коллегами, что стало одним из условий успеха. В настоящей статье представлены результаты дендрохронологического исследования большой группы пазырыкских курганов Юго-Восточного и Южного Алтая, а также Восточного Казахстана и Северо-Западной Монголии.

Материалом для исследования послужила коллекция из 300 образцов древесины, происходящих из 40 курганов 16 могильников пазырыкской культуры (рис. 1). Согласно пространственной концентрации памятников выделяются следующие группы:

- 1) Восточный Алтай, долина р. Б. Улаган: могильник Пазырык (курганы 1–5);
- 2) Юго-Восточный Алтай, Чуйская котловина: могильники Уландрык I (курганы 1–7, 9, 11, 12–15), Уландрык IV (курган 1), Ташанта I (курганы 1–2), Юстыд I (курган 7), Барбургазы I (курганы 14, 17, 18, 21, 25) и Себистей (курган 2);

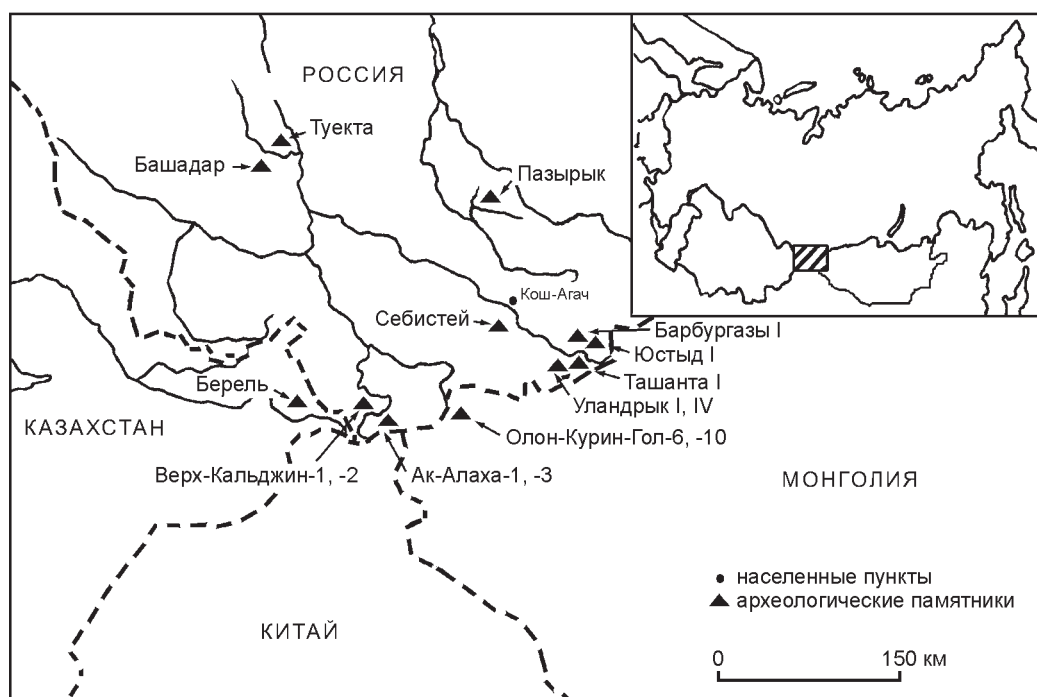


Рис. 1. Схема расположения могильников пазырыкской культуры, из которых происходит исследованная древесина.

3) Южный Алтай, плато Укок: могильники Ак-Алаха-1 (курган 1), Ак-Алаха-3 (курган 1), Верх-Кальджин-1 (курган 1), Верх-Кальджин-2 (курганы 1–3), Кальджин-6 (курган 24), курган Кутургутас;

4) Северо-Западная Монголия, долина р. Олон-Курин-Гол: могильники Олон-Курин-Гол-6 (курган 2), Олон-Курин-Гол-10 (курган 1);

5) Восточный Казахстан, долина р. Бухтармы: могильник Берель (курганы 1 (Большой Берельский курган), 11).

В данную выборку памятников вошли все основные категории курганов пазырыкской культуры: 1) курганы высшей (племенной) элиты; 2) курганы средней (родовой) знати; 3) курганы рядового населения. Для полноты результатов образцы на каждом памятнике по возможности отбирались в максимальном количестве и от разных конструктивных элементов деревянного погребального сооружения.

В силу различных методов отбора материала образцы представляли две основные разновидности: поперечные (или торцовые) спилы и возрастные керны, взятые с помощью специального бура. Лучшими для работы являются поперечные спилы, так как они позволяют выбирать наиболее удобные для измерения радиусы, облегчают

выявление выпадающих колец, имеют большую физическую прочность и т.д. Образцы брались с таким расчетом, чтобы по возможности присутствовала сердцевина дерева или кольца, близкие к ней, что позволяло точно подсчитать возраст образца. Принципиально важным моментом являлось наличие на образцах последнего годичного кольца, которое дает возможность определить время рубки с точностью до года, а также сезон, когда было свалено дерево.

Исследованные образцы принадлежат различным породам хвойных деревьев. С целью получения максимально возможной достоверности в тех случаях, когда визуальные определения были невозможны, порода дерева определялась путем анатомического анализа структуры древесины. Большинство образцов из пазырыкских памятников Алтая, Северо-Западной Монголии, а также Восточного Казахстана относится к лиственнице (*Larix sibirica*), небольшая часть – возможно, к ели (*Picea obovata*), и ряд образцов оказался не определен однозначно, так как не всегда удается по анатомической структуре четко отличить лиственницу от ели [Schweingruber, 1982; Бенькова, Швейнгрубер, 2004, с. 77]. В последнем случае фиксировалась только принадлежность древесины к хвойным.

Измерение ширины годовичных колец производилось с точностью 0,01 мм на полуавтоматическом измерительном комплексе. Сравнение древесно-кольцевых рядов осуществлялось методом перекрестной датировки, посредством сочетания визуального сопоставления кривых изменчивости радиального прироста в программном пакете «TSAP system V3.5» [Rinn, 1996] и кросс-корреляционного анализа в специализированном пакете для дендрохронологических исследований DPL [Holms, 1983]. Время формирования каждого годовичного кольца и выявление выпавших колец определялось графически перекрестной датировкой и проверялось с помощью программы COFESHA. Влияние возраста на радиальный прирост исключалось путем удаления возрастного тренда в индивидуальных древесно-кольцевых сериях с помощью скользящего сплайна в 2/3 длины каждой серии в программе ARSTAN.

Качество полученных хронологий оценивалось на основе традиционных дендрохронологических статистических показателей, таких как стандартное отклонение и коэффициент чувствительности. Стандартное отклонение характеризует амплитуду погодичной изменчивости прироста. Коэффициент чувствительности отражает относительную величину погодичной изменчивости и дает некоторую оценку силы воздействия внешних факторов на рост деревьев: чем выше коэффициент чувствительности, тем сильнее деревья реагируют на внешние условия. Для всех индивидуальных хронологий рассчитывался межсерийный коэффициент Пирсона, который выражает силу связи между ними. Чем выше средний межсерийный коэффициент, тем сильнее выражен общий сигнал индивидуальных хронологий. Для оценки степени сходства также использовался такой показатель, как коэффициент синхронности (*Gleichläufigkeit*), часто применяемый при перекрестном датировании археологической древесины [Колчин, Черных, 1977, с. 22–23; Черных, 1996, с. 45–46].

Индивидуальные серии значений ширины годовичных колец, полученные по отдельным образцам, сначала перекрестно датировались в рамках одного кургана, а затем обобщенные данные по курганам сводились в древесно-кольцевую хронологию могильника. Последние, в свою очередь, сравнивались внутри территориальных групп и между различными группами в рамках «плавающей» или относительной дендрохро-

нологической шкалы. Таким образом, работа, проведенная по перекрестному датированию индивидуальных древесно-кольцевых рядов, полученных по образцам древесины из курганов пазырыкской культуры на территории Алтая, Северо-Западной Монголии, Восточного Казахстана, позволила сопоставить между собой курганы внутри соответствующих могильников и построить «плавающие» (относительные) обобщенные хронологии для каждого кургана и могильника.

Следующим шагом в исследовании явилось сравнение между собой всех построенных древесно-кольцевых хронологий курганов юга и юго-востока Российского Алтая, Северо-Западной Монголии и Восточного Казахстана. Культурное единство и сравнительная территориальная близость памятников, сходные конструктивные особенности сооружений, многочисленные параллели в предметном комплексе, доходящие иногда до полного тождества погребального инвентаря – все это наталкивало на предположение также и об их хронологической близости. Наилучшую возможность проверки данной гипотезы предоставил дендрохронологический метод.

Перекрестное датирование всей совокупности древесно-кольцевых хронологий выявило большое дендрохронологическое сходство могильников Чуйской степи, плато Укок, долин Олон-Курин-Гола (Северо-Западная Монголия) и Бухтармы (Восточный Казахстан), которое выражается как высокими статистическими показателями, так и визуально общим ходом кривых с совпадением всех основных периодов минимумов и максимумов прироста. Высокие значения коэффициента чувствительности (среднее значение 0,35), стандартного отклонения (средняя величина 0,35) и межсерийного коэффициента корреляции (средние значения 0,65–0,70) свидетельствуют о присутствии в изменениях ширины годовичных колец сильного климатического сигнала и указывают на высокую степень согласованности прироста индивидуальных серий.

В результате перекрестного датирования удалось надежно связать между собой все шкалы могильников, за исключением Пазырыка, и установить для памятников *относительные даты* в рамках 446-летней обобщенной «плавающей» дендрохронологической шкалы (рис. 2). Оказалось, что все проанализированные по древесине пазырыкские курганы Южного и Юго-Восточ-

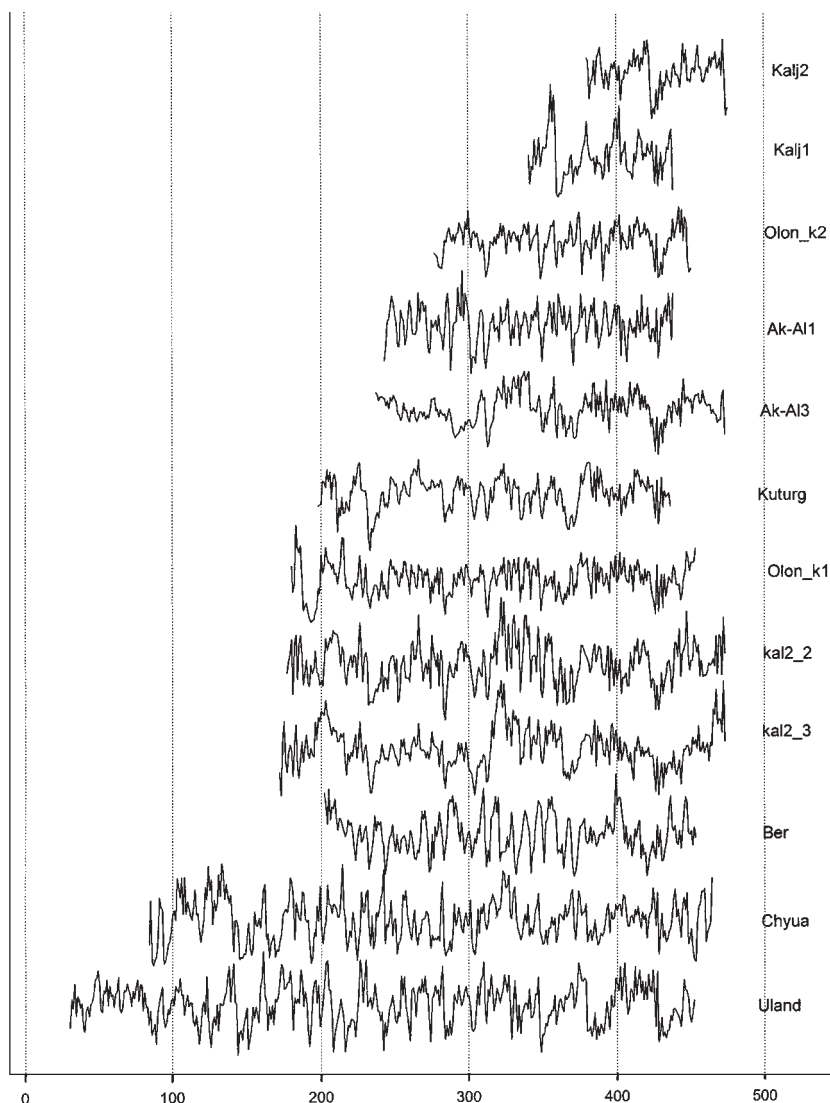


Рис. 2. Относительное перекрестное датирование «плавающих» обобщенных дендрохронологических шкал пазырыкских курганов.

Uland – Уландрык I; Chyua – курганы Чуйской степи; Ber – Берель, к. 11; Kal2_3 – Верх-Кальджин-2, курган 3; Kal2_2 – Верх-Кальджин-2, курган 2; Olon_k1 – Олон-Курин-Гол-10, курган 1; Kuturg – Кутургунтас; Ak-AI3 – Ак-Алаха-3, курган 1; Ak-AI1 – Ак-Алаха-1, курган 1; Olon_k2 – Олон-Курин-Гол-6, курган 2; Kalj1 – Верх-Кальджин-1, курган 1; Kalj2 – Верх-Кальджин-2, курган 1.

ного Алтая, Восточного Казахстана и Северо-Западной Монголии, будучи близкими друг другу в культурном и территориальном отношениях, хронологически также попадают в один и тот же узкий интервал времени протяженностью около полувека. Могильники долины Олон-Курин-Гола, наряду с курганом 11 могильника Берель в Восточном Казахстане, заняли промежуточное место между группой наиболее ранних памятников на плато Укок, таких как курган 24 могильника Кальджин-6, Кутургунтас, Ак-Алаха-1

и Верх-Кальджин-1, и группой более поздних курганов, включающих курган 1 могильника Ак-Алаха-3 и курганы 1–3 могильника Верх-Кальджин-2. Сами курганы Монголии разделяет всего 3 года, при этом курган 1 Олон-Курин-Гола-10 является более поздним. Почти на такой же 50-летний период приходится функционирование могильников Чуйской котловины, таких как Уландрык I и IV, Ташанта I, Барбургазы I, Юстыд I и Себистей. Здесь наиболее ранними памятниками достоверно выступает курган 2 из Себистея и, возможно, курганы 14 и 5 могильника Уландрык I, на образцах из которых, правда, отсутствуют последние кольца, что означает неизбежное их омоложение. В позднюю группу курганов Чуйской котловины попадают курганы 17 и 18 из Барбургазы I, курган 1 могильника Ташанта I.

Говоря об относительном датировании пазырыкских курганов Российского, Казахского и Монгольского Алтая, подразумевается, что в первую очередь речь идет об объектах, для которых достоверно зафиксированы годы валки деревьев или, другими словами, порубочные даты. В то же время в ходе настоящего исследования встретились случаи, когда внутри отдельных курганов, при ус-

ловии достаточно многочисленной выборки образцов, достоверно установленные даты валки деревьев занимают интервал времени 10–20 и более лет: курган Кутургунтас – 15 лет; курган 2 могильника Олон-Курин-Гол-6 – 16 лет, курган 11 могильника Берель – 21 год (рис. 3), курган 1 могильника Олон-Курин-Гол-10 – 28 лет.

По нашему мнению, варибельность дат рубки деревьев в курганах объясняется тем, что, по видимому, у пазырыкского населения существовала регулярная заготовка леса, который затем

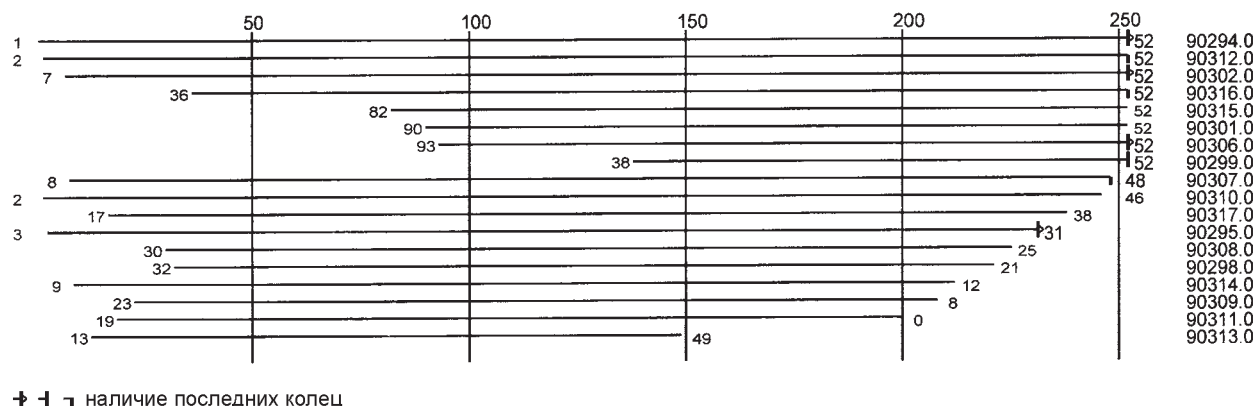


Рис. 3. Могильник Берель, курган 11. Диаграмма перекрестного датирования индивидуальных древесно-кольцевых рядов в рамках относительной хронологии.
90294 – 90317 – лабораторные номера образцов древесины.

по мере необходимости пускался на те или иные нужды – как хозяйственно-бытовые, так и погребально-церемониальные. В ряде случаев достоверно установлены факты вторичного использования древесины в погребениях. При раскопках кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 впервые были найдены детали стен многоугольного жилища, сложенные над потолком внешней камеры двойного сруба [Полосьмак, 1994, с. 22]. Другой яркий пример – выявленное В.П. Мыльниковым использование в Первом Пазырыкском кургане сруба постоянного жилища с дверным проемом в качестве погребального сооружения [Мыльников, 1999, с. 29]. Предположительно в пользу подобной практики может свидетельствовать тот факт, что в кургане 2 могильника Олон-Курин-Гол-6 доски настила погребального ложа и лаги от него были заготовлены в большинстве своем в один год, за 12(!) лет до сооружения кургана, а значит, могли с самого начала использоваться в том же самом качестве, то есть как детали спальной конструкции. Разброс дат валки деревьев также может объясняться использованием сухостойных деревьев, косвенным подтверждением чему могут быть следы короедов на ряде поверхности образцов.

При такой системе лесозаготовок, когда в погребение могли попадать стволы, срубленные в разные годы, наиболее поздняя встреченная нами порубочная дата, условно принимаемая за дату сооружения кургана, в реальности вовсе не обязательно окажется таковой. Каков же возможный промежуток между годом валки дерева и годом использования его при со-

оружении кургана? Отчасти пролить свет на проблему может анализ всей совокупности порубочных дат или, другими словами, внешних колец, сформировавшихся в последний год жизни деревьев. Например, в кургане 1 могильника Олон-Курин-Гол-10 из 11 элементов конструкции с последними годовыми кольцами 3 были срублены в самый поздний год – 273 по относительной шкале. Причем это – наиболее массивные и объемные детали погребальной камеры, а именно 3 бревна первого венца сруба. В данном случае можно предположить, что деревья были срублены специально с целью изготовления наиболее крупных элементов могильной конструкции и, соответственно, по году их валки предположительно определяется год сооружения кургана – 273 (по относительной шкале). Когда же картина распределения порубочных дат в кургане не вызывает убеждения, что зафиксированный как наиболее поздний год является годом сооружения памятника, в любом случае такая дата может рассматриваться, как минимум, как «terminus post quem», т.е. год, не ранее которого был сооружен памятник.

Другим аргументом в пользу более уверенного определения даты постройки кургана является случай, когда наиболее поздний год дает последнее кольцо дерева, из которого изготовлена погребальная колода в элитном захоронении. Как правило, для таких колод подбиралось дерево крупнее тех, что попадали под стандартные повседневные запросы, поэтому можно предположить, что для элитного погребения, требовавшего колоду по статусу, таковая подбиралась уже

после смерти и, соответственно, год рубки ствола и даст достоверно точный год сооружения кургана. В тех случаях, когда на колоде сохранилось последнее кольцо, это правило работает – последние кольца в колодах из Ак-Алахи-1 и Ак-Алахи-3, а также в детской колоде в Себистее являются и самыми поздними для этих погребений на фоне остальных дат.

Однако относительные даты, как бы ни были они однозначны, не дают ответа на главный вопрос – о календарной дате археологического памятника.

Первоначально, по завершении работ на плоскогорье Укок, эта проблема решалась нами при помощи высокоточного радиоуглеродного датирования, т.к. на тот момент непрерывная дендрошкала для Алтая, которая бы доходила от современности вглубь до скифской эпохи, еще не существовала. Не подлежит сомнению, что дендрохронология и радиоуглерод хорошо дополняют друг друга, прежде всего там, где полностью отсутствуют возможности сопоставления результатов дендроанализа с современной абсолютно датированной древесно-кольцевой шкалой или же с письменными свидетельствами [Черных, 1996, с. 55].

Таким образом, до определенного времени наиболее реальным путем установления абсолютного возраста оставался метод радиоуглеродной привязки дендрохронологических шкал, когда при помощи ^{14}C датируются именно те образцы дерева, по которым создавались древесно-кольцевые хронологии. Для анализа отбирается серия проб из одного спила дерева; каждая из таких проб включает 10–20 годичных колец. Большое количество радиоуглеродных дат от одного дендрообразца, благодаря чему их последовательность жестко задана изначально, позволяет более точно и с высокой степенью достоверности осуществлять привязку всей серии к стандартной калибровочной кривой в ходе так называемой процедуры «wiggle-matching» или «подгонки по зубцам» [Taylor, 1997, p. 71].

Для получения максимально достоверного результата с возможностью его независимой проверки было проведено своего рода тестовое датирование одного и того же образца дерева (из кургана 1 могильника Уландрык IV) одновременно в трех радиоуглеродных лабораториях:

– Институт геологии СО РАН (г. Новосибирск, Россия) – 17 проб по 20 колец, бензолно-сцин-

тилляционная установка, точность датирования $\pm 20\text{--}30$ лет [Slusarenko et al., 2001];

– Университет Аризоны (NSF-Arizona AMS Facility, г. Тусон, США) – 35 проб по 10 колец, ускорительный масс-спектрометр, точность датирования $\pm 18\text{--}58$ лет [Slusarenko et al., 2004];

– Цюрихский технологический институт (ETH/PSI AMS facility, г. Цюрих, Швейцария) – 18 проб по 10 колец, ускорительный масс-спектрометр, точность датирования $\pm 25\text{--}50$ лет [Hajdas et al., 2004].

Результаты привязки полученных серий радиоуглеродных дат к калибровочной кривой методом wiggle-matching позволили с наибольшей вероятностью датировать дендрошкалу пазырыкских курганов Южного и Юго-Восточного Алтая интервалом: последняя треть IV – первая четверть III в. до н.э. К этому же короткому временному интервалу принадлежат и календарные даты для кургана 11 могильника Берель, установленные по методу «wiggle-matching» в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК (г. Санкт-Петербург) [Евразия..., 2005, с. 73–74, 84]. Поскольку курганы Берели и Уландрыка IV надежно связаны между собой в рамках «плавающей» древесно-кольцевой хронологии, эти результаты радиоуглеродного датирования косвенно подтвердили корректность наших определений.

Однако учитывая, что погрешность радиоуглеродного датирования иногда может составлять до нескольких десятков лет, для календарной привязки «плавающих» дендрохронологических шкал гораздо более предпочтительным является датирование по длительным древесно-кольцевым хронологиям, связанным с современностью.

В самые последние годы путем целенаправленных и энергичных усилий специалистов из Сибирского федерального университета и Института леса им. Сукачева СО РАН для проведения исследований климата и абсолютного датирования археологической древесины по Юго-Восточной провинции Алтае-Саянской горной страны была построена 2367-летняя древесно-кольцевая шкала по лиственнице (по району сборов названа «Монгун-Тайга»), имеющая абсолютную привязку к современному времени: дата начала – 359 г. до н.э., дата конца – 2007 г. [Мыглан и др., 2008]. Сравнение дендрошкалы «Монгун-Тайга» с длительной древесно-кольцевой хронологией (ДКХ) для Горного Алтая на период 759–1999 гг. показало их высокую синхронность и согласованность

в изменениях прироста, что говорит о том, что в обеих хронологиях зафиксирован сигнал на общий лимитирующий фактор. Это позволяет использовать ДКХ «Монгун-Тайга» для датировки древесины из археологических памятников Горного Алтая [Там же, с. 28]. Перекрестное датирование данной длительной шкалы со шкалами пазырыкских курганов принесло успешные результаты в виде календарных дат археологических памятников, которые отражены в табл. 1.

Большой научный и методический интерес представлял вопрос о соотношении полученных по дендрошкале календарных дат с датами, определенными ранее с помощью высокоточного радиоуглеродного датирования. Результаты сравнения тех и других превзошли все ожидания, потому что дендрохронологические и радиоуглеродные даты совпали с поразительной точностью – они различались всего только на один (!) год.

Что касается группы больших Пазырыкских курганов, то на данный момент вопрос об их дендрохронологическом датировании с вышеперечисленными курганами остается по-прежнему открытым. Несмотря на то, что проведенное нами сравнение между собой больших курганов Пазырык 1–5 в целом подтвердило результаты, полученные ранее И.М. Замоториным и

Л.С. Марсадоловым [Слюсаренко, Гаркуша, 1999], следует признать, что пока нам не удалось получить надежный вариант прямой синхронизации Пазырыкской шкалы с какими-либо древесно-кольцевыми хронологиями других археологических памятников. Возможной причиной могут являться различия условий произрастания деревьев в районе Восточного Алтая и на достаточно удаленных от него территориях Юго-Восточного и Южного Алтая, не говоря уже о Монголии и Казахстане.

Использование для датирования курганов Пазырыка дендрошкал из Белых гор (Калифорния, США) [Марсадолов, Миллер, 2006], на наш взгляд, весьма сомнительно, так как факторов, отличающих эти хронологии, гораздо больше, чем сближающих их: разные породы древесины (лиственница и сосна остистая); разные условия произрастания (на Алтае на высоте 1600 м над уровнем моря, в Белых горах – 3000 м), при которых разными являются лимитирующие факторы – осадки или температура, имеющие разную динамику изменчивости; радиус территории, где действуют однородные климатические факторы, обеспечивающие синхронность в изменении погодичного прироста, измеряется сотнями, но не тысячами километров. Тем более

Табл. 1. Результаты перекрестного датирования обобщенных древесно-кольцевых хронологий (ДКХ) пазырыкских курганов Алтая по длительной 2367-летней абсолютной хронологии «Монгун-Тайга» (в календарных датах)

№ п/п	Памятник	Начало ряда, гг. до н.э.	Конец ряда, гг. до н.э.	Длина ряда, лет	Межсерийный коэффициент корреляции	Стандартное отклонение
1	Кутургунтас	552	313	240	0,75	0,283
2	Ак-Алаха-1, курган 1	507	312	196	0,565	0,316
3	Верх-Кальджин-1, курган 1	409	312	98	0,661	0,376
4	Олон-Курин-Гол-6, курган 2	473	300	174	0,61	0,267
5	Олон-Курин-Гол-10, курган 1	570	297	274	0,719	0,282
6	Берель, курган 11	548	297	252	0,652	0,555
7	Курганы Чуйской степи	720	297	424	0,53	0,372
8	Ак-Алаха-3, курган 1	513	277	237	0,655	0,275
9	Верх-Кальджин-2, курган 3	578	277	302	0,746	0,358
10	Верх-Кальджин-2, курган 2	573	277	297	0,74	0,376
11	Верх-Кальджин-2, курган 1	370	275	96	0,623	0,298
12	ДКХ «Монгун-Тайга»	359	2007	2367	0,609	0,472

сами авторы признают, что «в некоторых случаях сложно однозначно отдать предпочтение той или иной точке синхронизации». На эти же мысли наводят таблицы и графики синхронизации дендрошкал пазырыкских курганов и мастершквал из района Белых гор (США), на которых представлены равнозначные варианты датирования, установленные как на даты, отстаиваемые авторами статьи, так и на даты, которые они оспаривают [Марсадалов, Миллер, с. 65, табл. 1–3, с. 67–68, рис. 9–10].

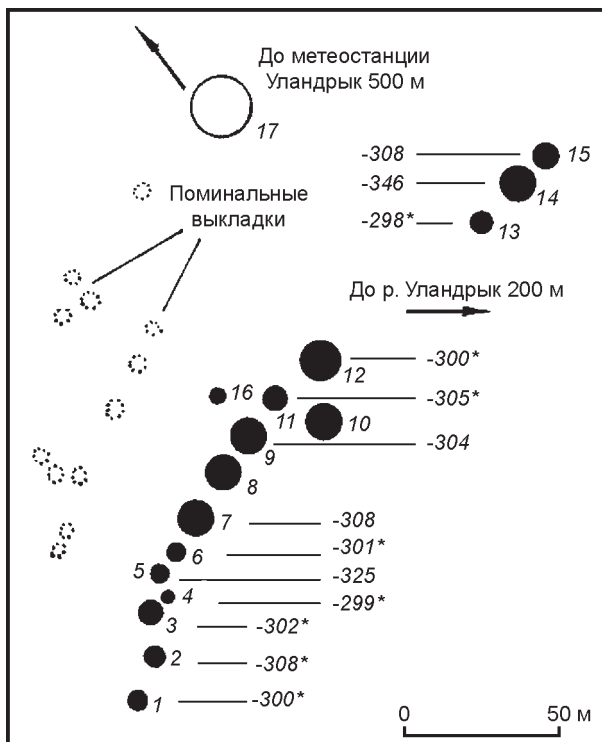
В то же время последние данные радиоуглеродного датирования древесных колец из кургана Пазырык-2 с использованием метода «wiggle-matching», полученные в нескольких лабораториях России, Швейцарии, Ирландии, практически совпали и с разницей в несколько лет дали возраст кургана Пазырык-2 около 300 г. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 77]. С учетом установленной методом дендрохронологии длительности всего могильника в 50 лет, период сооружения курганов в долине Пазырык приходится на первую половину III в. до н.э., т.е. примерно на тот же отрезок времени, к которому принадлежит

значительная часть из исследованных нами на предмет датирования курганов.

Установление методом дендрохронологии календарного времени сооружения памятников пазырыкской культуры на изученной территории позволяет поставить ряд вопросов. Первое, что обращает на себя внимание при анализе полученных дат – это кратковременность функционирования как отдельно взятых могильников, так и всей совокупности курганов в целом (табл. 2). Подчеркнем, что весь период сооружения 35 курганов из 15 пазырыкских могильников на обширной территории, охватывающей Юго-Восточный и Южный Алтай, Северо-Западную Монголию и Восточный Казахстан, насчитывает всего 88 лет (363–275 гг. до н.э.). Если же принять во внимание только те образцы, на которых достоверно зафиксированы последние кольца, более точно передающие даты сооружения памятников, то время бытования наиболее надежно датированных объектов еще более сужается и достигает 50 лет (326–275 гг. до н.э.).

Дендрохронологический анализ позволяет также решать вопросы, связанные с установлением внутренней хронологии отдельных могильников, последовательности сооружения в них курганов, длительности функционирования могильников и т.д. До сих пор с помощью древесно-кольцевого метода не был исследован ни один полностью раскопанный рядовой могильник пазырыкской культуры. Первым таким примером стал анализ древесины могильника Уландрык I в Чуйской котловине. Пригодные для исследования образцы дерева были взяты из 13 курганов, и только курган 8 выпал из выборки из-за плохой сохранности. Говоря о последовательности сооружения курганов (рис. 4), можно предположить с большой долей вероятности, что основная часть могильника, его южная цепочка, начала формироваться из центра к обоим краям, а параллельно складывалась микроцепочка к северо-востоку, начавшись также от центрального здесь кургана 14. Замечательным фактом, на наш взгляд, является то, что те курганы, для которых даты сооружения фиксируются достаточно надежно (№ 1–4, 6, 11–13), были сооружены всего лишь в течение 10 (!) лет.

Результаты датирования курганов могильника Барбургазы I интересны тем, что все проанализированные образцы древесины из 5 курганов (14, 17, 18, 21, 25) происходят от дощатых настилов



* наличие последних колец

Рис. 4. План могильника Уландрык I (по: [Кубарев, 1979, с. 203, табл. II]) (добавлены даты курганов, гг. до н.э.).

Таблица 2. Календарные даты исследованных пазырыкских курганов

№ п/п	Памятник	Дата, г. до н.э.	Наличие (+)/отсутствие (-) последнего кольца	№ п/п	Памятник	Дата, г. до н.э.	Наличие (+)/отсутствие (-) последнего кольца
Чуйская котловина				20	Ташанта I, курган 1	287	+
1	Уландрык I, курган 1	300	+	21	Ташанта I, курган 2	302	+
2	Уландрык I, курган 2	308	+	22	Юстыд I, курган 7	314	-
3	Уландрык I, курган 3	302	+	23	Себистей, курган 2	326	+
4	Уландрык I, курган 4	299	+	Плоскогорье Уюк			
5	Уландрык I, курган 5	325	-	24	Кальджин 6, курган 24	320	-
6	Уландрык I, курган 6	301	+	25	Кутургунтас	313	+
7	Уландрык I, курган 7	308	-	26	Ак-Алаха-1, курган 1	312	+
8	Уландрык I, курган 9	304	-	27	Верх-Кальджин-1, курган 1	311	+
9	Уландрык I, курган 11	305	+	28	Ак-Алаха-3, курган 1	277	+
10	Уландрык I, курган 12	300	+	29	Верх-Кальджин-2, курган 1	275	+
11	Уландрык I, курган 13	298	+	30	Верх-Кальджин-2, курган 2	277	+
12	Уландрык I, курган 14	346	-	31	Верх-Кальджин-2, курган 3	277	+
13	Уландрык I, курган 15	308	-	Северо-Западная Монголия			
14	Уландрык IV, курган 1	302	+	32	Олон-Курин-Гол-6, курган 2	300	+
15	Барбургазы I, курган 14	304	-	33	Олон-Курин-Гол-10, курган 1	297	+
16	Барбургазы I, курган 17	292	+	Восточный Казахстан			
17	Барбургазы I, курган 18	286	+	34	Берель, курган 1	363	-
18	Барбургазы I, курган 21	294	+(?)	35	Берель, курган 11	297	+
19	Барбургазы I, курган 25	307	+				

в каменных ящиках, относящихся к так называемым кара-кобинским погребениям. Здесь они соседствовали с курганами, в которых погребенные находились в срубках [Кубарев, 1992]. Как показывают даты (табл. 2), погребения в ящиках приходятся на тот же самый интервал, что и курганы в остальных могильниках верховьев Чуи, а конкретно на 307–286 гг. до н.э. Даты и планиграфия курганов определенно говорят об одновременном появлении этих разнотипных погребений.

Дендрохронологическое датирование курганов в данном регионе в целом подтверждает достаточно поздний период проживания здесь пазырыкского населения. Учитывая сравнительно короткое время функционирования как отдельных могильников, так и всей группы курганов в целом, а также принимая во внимание, что из целого ряда сопредельных могильников полу-

ченные по принципу случайного выбора образцы из разрозненных курганов дают один и тот же достаточно поздний интервал времени, можно высказать предположение, что в этом районе Алтая сосредоточены преимущественно памятники финальной стадии пазырыкской культуры, которая на данной территории ограничена узким временным отрезком последней трети IV – первой четверти III в. до н.э. Кроме того, исследованные курганы обозначили также южную территориальную границу распространения достоверно зафиксированных памятников пазырыкской культуры.

Оперирование датами нового качества ставит перед исследователями вопрос о пересмотре ряда хронологических воззрений и оценок места определенных памятников в общем контексте пазырыкской культуры.

Список литературы

- Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х.** Анатомия древесины растений России. – Берн: Хаупт, 2004. – 456 с.
- Бутомо С.В.** Радиоуглеродный метод в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 9–26.
- Грязнов М.П.** Значение древесины в определении относительного возраста древних сооружений // Природа. – 1930. – С. 224–227.
- Евразия** в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб: ТЕЗА, 2005. – 290 с.
- Зайферт М., Слюсаренко И.Ю.** Дендрохронологический анализ пазырыкских памятников // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 258–264.
- Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., Плихт Й. ван дер., Семенов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М.** Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 36–44.
- Замоторин И.М.** Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. – 1959. – № 1. – С. 21–30.
- Замоторин И.М.** О возможности установления относительных датировок территориально удаленных сооружений методом анализа древесных стволов в условиях Горного Алтая // СА. – 1963. – № 2. – С. 131–138.
- Захариева Е.И.** Археологическое дерево как исторический источник (Дендрохронология Саяно-Алтайских курганов VIII–III вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1974. – 21 с.
- Колчин Б.А., Черных Н.Б.** Дендрохронология Восточной Европы. – М.: Наука, 1977. – 128 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.** Пазырыкская культура (курганы Чуи и Усула). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 282 с.
- Марсадолов Л.С.** Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.
- Марсадолов Л.С.** Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // АСГЭ. – 1988. – Вып. 29. – С. 65–81.
- Марсадолов Л.С.** История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). – СПб.: [б.и.], 1996. – 100 с.
- Марсадолов Л.С.** Еще раз о последовательности сооружения пазырыкских и бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 93–103.
- Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И.** Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок для малых и средних курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 108–115.
- Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М.** Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб., 1994. – С. 141–156.
- Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенов А.А., Лебедева Л.М.** Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. – СПб., 1996. – Вып. 1. – С. 24–32.
- Марсадолов Л.С., Миллер Н.О.** К вопросу об абсолютном дендрохронологическом датировании археологических памятников Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 59–74.
- Мыглан В.С., Ойдунаа О.Ч., Кирдянов А.В., Ваганов Е.А.** 1929-летняя древесно-кольцевая хронология для Алтае-Саянского региона (Западная Тува) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 25–31.
- Молодин В.И.** Исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции на северо-западе Монголии летом 2006 года // РА. – 2007. – № 4. – С. 45–50.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Байарсайхан М., Байтилеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиезонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г.** Мультидисциплинарные исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 428–433.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В.** Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 256 с.
- Мыльников В.П.** Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.
- Полосьмак Н.В.** Стережущие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.
- Полосьмак Н.В.** Погребение знатной пазырыкской женщины // ВДИ. – 1996. – № 4. – С. 142–167.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФО-ЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С.** BEREL–БЕРЕЛ. – Алматы: Обществ. фонд поддержки историко-археологических памятников и культурного наследия «Берел», 2000. – 56 с.
- Самашев З., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.** Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы: Издат. группа ОФ «Берел», 2001. – 180 с.
- Слюсаренко И.Ю.** Начало дендрохронологических исследований в Институте археологии и этнографии СО РАН // Проблемы археологии, этнографии и антропологии

- гии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы V Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1997. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 276–280.
- Слюсаренко И.Ю.** Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.
- Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н.** К вопросу об относительной хронологии Пазырыкских курганов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 497–501.
- Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Кристен Дж.А., Орлова Л.А., Бурр Дж.С.** Анализ результатов радиоуглеродной «привязки» древесно-кольцевой хронологии курганов пазырыкской культуры Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 436–440.
- Феномен алтайских мумий.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Черных Н.Б.** Дендрохронология и археология. – М.: Нох, 1996. – 216 с.
- Hajdas I., Bonani G., Slusarenko I., Seifert M.** Chronology of Pazyryk 2 and Ulandryk 4 kurgans based on high resolution radiocarbon dating and dendrochronology – a step towards more precise dating of Scythian burials // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. – P. 107–116.
- Holms R.L.** Dendrochronological Program Library. Laboratory of Tree-Ring Research. – Tucson: The University of Arizona, 1984. – 51 p.
- Polos'mak N., Seifert M.** Menschen aus dem Eis Sibiriens // Antike Welt. – Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1996. – N 2. – S. 87–108.
- Rinn F.** TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 269 p.
- Schweingruber F. H.** Mikroskopische Holzanatomie. – Teufen: F. Flueck-Wirth, Internationale Buchhandlung für Botanik und Naturwissenschaften, 1982. – 226 S.
- Seifert M., Sljusarenko I.** Dendrochronologische Daten von Gräbern der Pazyrik-Kultur (5./4. Jh. v. Chr.) im Altai // Dendrochronologia. – 1996. – Vol. 14. – S. 153–164.
- Slusarenko I.Y., Christen J.A., Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Burr G.S.** ¹⁴C Wiggle Matching of the «Floating» Tree-Ring Chronology from the Altai Mountains, Southern Siberia: the Ulandryk 4 Case Study // Radiocarbon. – 2001. – Vol. 43, N 2A. – P. 425–431.
- Slusarenko I.Y., Kuzmin Y.V., Christen J.A., Burr G.S., Jull A.J.T., Orlova L.A.** ¹⁴C wiggle-matching of the Ulandryk-4 (Early Iron Age, Pazyryk cultural complex) floating tree-ring chronology, Altai Mountains, Siberia // Radiocarbon and archaeology: Proceedings of the 4th Symposium, Oxford, 2002 / ed. T. Higham, Ch. Bronk Ramsey and C. Owen. – Oxford: Oxford University School of Archaeology, 2004. – P. 177–183.
- Taylor R.E.** Radiocarbon Dating // Chronometric Dating in Archaeology. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1997. – P. 65–96.

В.И. Соёнов, Н.А. Константинов, Д.В. Соёнов

Горно-Алтайский государственный университет

Горно-Алтайск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ТОПОГРАФИИ И ХРОНОЛОГИЯ ГОРОДИЩ АЛТАЯ И СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ*

В современный геологический период Алтай является одной из самых высоких горных областей орогенного пояса Южной Сибири. Он представляет собой гигантский свод, сложный и разнообразный в орографическом отношении. Характерными для Алтая являются труднопроходимые, а порой и непроходимые высокогорные, среднегорные, низкогорные рельефы, расчлененные эрозионными долинами рек и межгорными котловинами [Маринин, Самойлова, 1987, с. 12–16]. При такой мощности природных фортификационных потенциалов местному населению не было нужды строить укрепленные поселения. Естественные фортификационные возможности рельефа хорошо закрывали доступ к местностям, где традиционно располагались населенные пункты, размещались средства материального производства и т.д. [Соёнов, 2010б, с. 233].

Но если для обитателей Алтая не было необходимости в возведении укрепленных населенных пунктов, то кем и когда построены укрепленные поселения, остатки которых в настоящий момент известны в виде городищ? Всего здесь выявлено шесть городищ: Яломанское, Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4, Манжерокское (Манжерок-3), Барангольское (Барангол-5), Черемшанское [Киреев, 1991, с. 84–88; Бородовский, 2002, с. 45–46; Тишкин, 2002, с. 61–67; Киреев, Акимова, Бородовский, Бородовская, 2008, с. 9, 64–65; Шульга, Тишкин, Соёнов, 2010, с. 249–253]. Из них только одно городище – Яломанское находится в центральной

части Алтая. Остальные пять объектов локализованы в северной части региона, на участке долины Катуня протяженностью менее 40 км (рис. 1, А).

В северных предгорьях Алтая выявлено гораздо больше остатков укрепленных поселений, несмотря на меньшую площадь территории. Это вполне объяснимо с точки зрения слабых фортификационных потенциалов рельефа, определивших количество и специфику географического расположения выявленных древних укрепленных поселений. По нижней Катунь и Бии, а также в долинах их притоков на сегодня известен целый ряд городищ: Усть-Иша-2, Усть-Иша-3, Березовка-4 (Королев Лог), Солонцы-3 [Абдулганеев, 1997а, с. 54–55], Пикет (Сросткинское) [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 109; Абдулганеев, 1997а, с. 54], Малая Березовка, Соусканиха [Абдулганеев, 2007, с. 265], Усть-Карагуж-1 [Абдулганеев, 2007, с. 247], Березовка-2 [Абдулганеев, 2000, с. 172], Сайлап, Курлап [Скопинцева, 1993, с. 62–71], Курлап-2 [Абдулганеев, 1997б, с. 73–74], Егона-1 [Абдулганеев, 2007, с. 269], Усть-Иша-3а [Абдулганеев, Степанова, Служак, Чекрыжова, 2001, с. 93, 96], Енисейское-5 [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 107], Бийские городища 1–7 [Казаков, Кунгуров, 1993, с. 219–231], Бехтемир [Казаков, Исупов, 1990, с. 109–112] и др. (рис. 1, А).

По топографическому размещению укрепленные поселения Алтая и его северных предгорий можно с определенной степенью условности разделить на две группы: мысовые и террасные. К группе мысовых городищ относятся памятники, размещенные на мысах, а к группе террасных – на краю широких террас. Одно городище (Усть-Иша-2) расположено на останце. Оно отнесено нами к мысовым, так как его укрепления, как и

*Работа выполнена в рамках реализации проекта №2.1.3/11293 «Древняя и средневековая фортификация Алтая» АВЦП Минобрнауки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы».

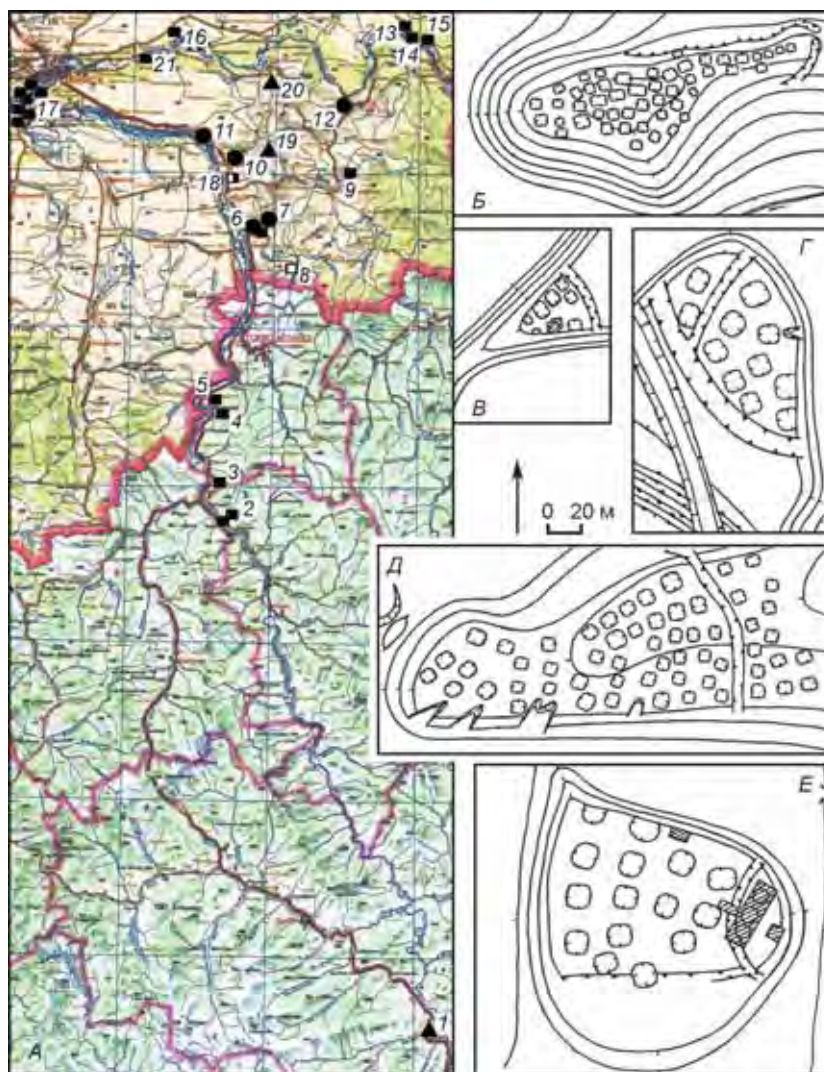


Рис. 1. Местонахождение городищ и планы объектов VII–VI вв. до н.э.

А – расположение городищ Горного Алтая и его предгорий на карте: 1 – Яломанское; 2 – Нижний Чепош-3 и -4; 3 – Барангольское; 4 – Манжерокское; 5 – Черемшанское; 6 – Усть-Иша-3 и 3а; 7 – Усть-Иша-2; 8 – Усть-Карагуж-1; 9 – Егона-1; 10 – Березовка-4 (Королев Лог); 11 – Пикет; 12 – Солонцы-3; 13 – Курлап-2; 14 – Курлап; 15 – Сайлап; 16 – Бехтемир; 17 – Бийские городища; 18 – Березовка-2; 19 – Малая Березовка; 20 – Соусканиха; 21 – Енисейское-5; Б–Е – планы городищ VII–VI вв. до н.э.: Б – Березовка-4 (Королев Лог); В – Солонцы-3; Г – Усть-Иша-3; Д – Пикет (Сросткинское); Е – Усть-Иша-2 (Б–Е – по: [Абдулганеев, 1997а]).

у мысовых, подчинены рельефу. В дальнейшем с выявлением новых памятников, возможно, будет выделена еще одна группа городищ – останцевых. Городища Малая Березовка и Соусканиха [Абдулганеев, 2007, с. 265] нами здесь не учитываются из-за отсутствия их описания.

Первая группа укрепленных поселений в основном распространена в северных предгорьях Алтая: Усть-Иша-2, Усть-Иша-3, Усть-Карагуж-1, Березовка-2, Березовка-4 (Королев Лог), Пикет (Сросткинское), Солонцы-3, Курлап, Егона-1. Они расположены на мысах (Усть-Иша-2 – на останце) и чаще всего защищены одним рвом с напольной стороны. Егона-1, в отличие от других мысовых городищ, имеет круговую фортификацию, что сближает ее с террасными городищами. На некоторых объектах наблюдаются эскарпы. К этой же группе относится Яломанское городи-

ще, расположенное в Центральном Алтае. Формы городищ в плане повторяют очертания мыса (рис. 1, Б–Е; 2, 3).

На части мысовых городищ проводились раскопочные работы: С.М. Сергеевым на Березовке-2 раскопано 40 или 60 кв.м [Абдулганеев, 2000, с. 172; 2007, с. 263]; Д.Г. Савиновым на Егоне-1 вскрыто около 60 кв.м [Абдулганеев, 2007, с. 269]; С.М. Сергеевым, Б.Х. Кадиковым, А.С. Суразаковым на Усть-Ише-2 в разные годы закладывались разведочные раскопы [Абдулганеев, 2007, с. 257]; М.Т. Абдулганеевым на Солонцах-3 вскрыто 52 кв.м [Абдулганеев, 1997а, с. 54]; Г.В. Скопинцевой на Курлапе исследована значительная площадь [Скопинцева, 1993, с. 62–71]; А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым на Яломанском городище производилась зачистка остатков стен [Тишкин А.А., 2002, с. 66].

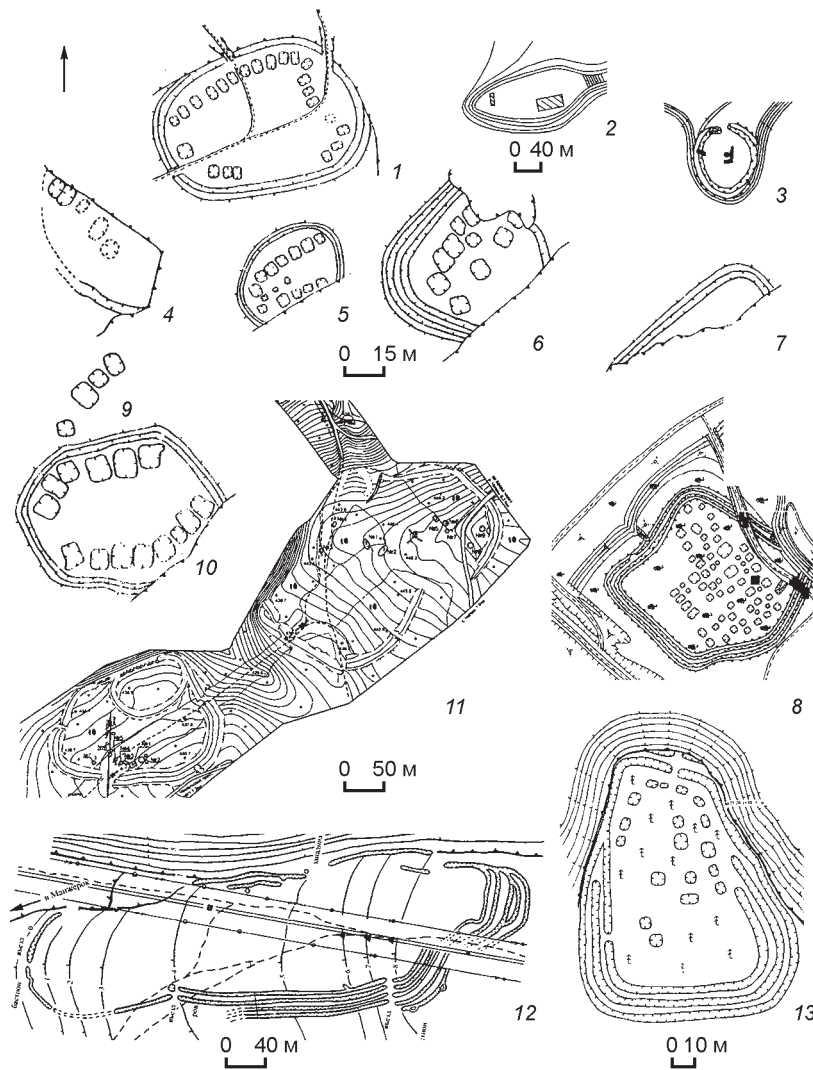


Рис. 2. Планы городищ первой половины I тыс. н.э.

1 – Бийское городище-3 (по: [Казаков, Кунгуров, 1993]); 2 – Курлап (по: [Скопинцева, 1993]); 3 – Егона-1 (по: [Абдулганеев, 2007]); 4 – Бийское городище-2; 5 – Бийское городище-5; 6 – Бийское городище-4; 7 – Бийское городище-6 (по: [Казаков, Кунгуров, 1993]); 8 – Усть-Иша-3а (по: [Абдулганеев, 2007]); 9 – Бийское городище-7 (по: [Казаков, Кунгуров, 1993]); 10 – Нижний Чепош-3; 11 – Нижний Чепош-4 (по: [Шульга, Тишкин, Соёнов, 2010]); 12 – Манжерокское городище (Манжерок-3) (по: [Бородовский, 2002]); 13 – Барангольское городище (Барангол-5) (по: [Бородовский, 2007]).

Группы террасных городищ встречаются как на Северном Алтае, так и в его предгорьях – в междуречье и на слиянии рек Катунь и Бии, а также по правому берегу Бии: Сайлап, Курлап-2, Енисейское-5, Бехтемир, комплекс городищ около Бийска, Усть-Иша-3а, Черемшанское, Манжерокское (Манжерок-3), Барангольское (Барангол-5), Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4 (см. рис. 1, А). Эти памятники располагаются на краю террас и по сравнению с мысовыми имеют меньшую зависимость от рельефа местности (рис. 2, 1, 4–13). Их укрепления часто представлены несколькими рядами валов и рвов. Фортификационная линия городищ обычно проходит по нескольким сторонам, а наиболее мощные крепостные сооружения нередко прослеживаются в месте выхода городища на террасу. По краю террас прослеживаются эскарпы. Памятники чаще

всего имеют неправильную форму в плане. Например, Бийское городище-3 (рис. 2, 1), Нижний Чепош-3 (рис. 2, 10), Нижний Чепош-4 (рис. 2, 11), Манжерок-3 (рис. 2, 12) имеют форму неправильного овала; Усть-Иша-3а (рис. 2, 8), Бийское городище-7 (рис. 2, 9), Барангол-5 (рис. 2, 13) – форму неправильного многоугольника.

На четырех террасных городищах были произведены раскопки. С.Ю. Исуповым на Бехтемире вскрыто 16 кв.м [Казаков, Исупов, 1990, с. 109]. М.Т. Абдулганеевым на Усть-Ише-3а в ходе аварийных раскопок вскрыто 310 кв.м, где изучено жилище полуназемного типа и выявлены фортификационные сооружения, состоящие из двух рвов и трех валов [Абдулганеев, Степанова, Служак, Чекрыжова, 2001, с. 93]. В разные годы П.И. Шульгой, А.А. Тишкиным, В.И. Соёновым на городищах Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 осуществля-

лись раскопочные работы [Шульга, Тишкин, Соёнов, 2010, с. 249–253]. В 2009 году В.И. Соёновым на обоих памятниках были заложены траншеи, пересекающие линии укреплений. На городище Нижний Чепош-3 отмечены части фортификационных сооружений в виде трех рвов и уплотненного глинистого земляного вала, представляющего остатки стены. Возможно, крепостная стена была в виде двухрядной каркасно-столбовой или срубной конструкции, пространство между которыми заполнялось глинистым раствором. Под валом зафиксированы заполненные плотным «глинобетонном» две глубокие ямы, которые, возможно, представляли собой котлованы фундамента башни, располагавшейся в конце крепостной стены у края террасы. На городище Нижний Чепош-4 зафиксированы два рва и два вала из глины. Под внешним валом также зафиксирована глубокая яма, заполненная пережженной глиной. Яма, возможно, представляла собой один из котлованов фундамента башни, располагавшейся в конце крепостной стены, или столбовую яму каркасно-столбового защитного сооружения на гребне вала.

Для определения хронологии городищ исследователями использовались в основном керамические комплексы, поскольку остальной инвентарь (костяные наконечники и их фрагменты, пряслица, точильные бруски, бусины и т.д.) зачастую не имеет конкретной хронологической привязки. По особенностям керамики все городища Горного Алтая и его северных предгорий можно разделить на две хронологические группы: VII–II вв. до н.э. (скифского времени) и I в. до н.э. – V в. н.э. (гунно-сарматского времени).

К VII–II вв. до н.э. принадлежат мысовые городища северных предгорий Алтая, относимые исследователями к большеереченской и быстрянской археологическим культурам.

Керамический комплекс городищ большеереченской культуры (Усть-Иша-2, Усть-Иша-3, Березовка-4 (Королев Лог), Пикет (Сросткинское), Солонцы-3) [Абдулганеев, 1992, с. 60; 1997а, с. 53–56] представлен в основном плоскодонными орнаментированными горшками [Абдулганеев, 1997а, рис. 1–3; 2000, рис. 2] (рис. 3, 11–20). Сосуды обычно орнаментированы двумя, реже

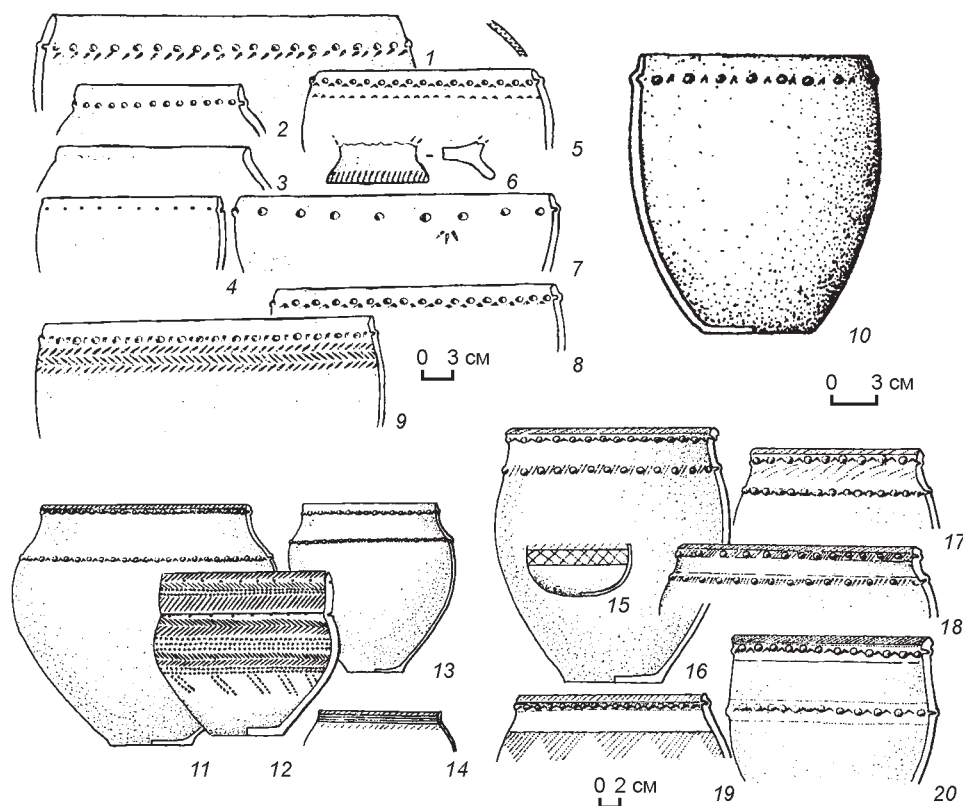


Рис. 3. Керамический комплекс городищ I тыс. до н.э.
1–9 – Березовка-2 (по: [Абдулганеев, 2000]); 10 – Усть-Карагуж-1 (по: [Абдулганеев, 2007]); 11–13 – Солонцы-3;
14–19 – Усть-Иша-2; 20 – Пикет (Сросткинское) (по: [Абдулганеев, 1997]).

одним рядом жемчужин, разделенных оттисками гребенки, уголка палочки, насечками. Встречается орнаментация оттисками гребенки выше и ниже ряда жемчужин. На керамике городища Королев Лог присутствует орнаментация треугольными фестонами, отжимным валиком. Довольно часто встречаются срезы венчика, орнаментированные насечками или гребенкой.

К городищам быстрянской культуры отнесены Березовка-2 и Усть-Карагуж-1 [Абдулганеев, 2000, с. 172; 2007, с. 292]. Керамический комплекс Березовки-2 представлен фрагментами чаш и горшков, орнаментированных жемчужником, оттисками угла или гребенки, насечками, наколами. Имеется фрагмент небольшого сосуда с орнаментированным поддоном [Абдулганеев, 2000, с. 172, рис. 2] (рис. 3, 1–9). Опубликованный сосуд с городища Усть-Карагуж-1 украшен рядом жемчужин, разделенных уголко [Абдулганеев, 2007, с. 247, рис. 16] (рис. 3, 10).

У мысовых городищ VII–II вв. до н.э. укрепления в виде рва зафиксированы лишь с одной или двух сторон. Только на Березовке-2 были отмечены несколько рвов и валов, но, к сожалению, на сегодняшний день его укрепления полностью разрушены [Абдулганеев, 2000, с. 172]. На наш взгляд, памятник Березовка-2 является многослойным поселением. Его ранние материалы относятся к начальной стадии быстрянской культуры, т.е. VI–IV вв. до н.э. [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 58], а укрепления возникли там, вероятно, на завершающей стадии быстрянской культуры или же городище относится к майминской культуре. О позднем позиционировании части материалов Березовки-2 свидетельствует обнаруженный сосуд с поддоном [Абдулганеев, 2000, рис. 2, 5] (рис. 3, 6). Керамические сосуды на поддоне встречаются на Алтае в гунно-сарматское время [Худяков, 1998, рис. 1, 1; 2, 5] и были довольно распространены в этот же период в Туве и Минусинской котловине [Кызласов, 1960, 1979; Дьяконова, 1970а, б; Вайнштейн, 1970; Вадецкая, 1999; и др.]. Сосуды с поддоном и «намечающимся поддоном» известны и на предгорных поселениях гунно-сарматского времени [Кунгуров, Горбунов, 1993, рис. 2, 6–8; Скопинцева, 1993, с. 63]. К тому же на Березовке-2 найдена керамика, орнаментированная поясом округлых вдавлений (рис. 3, 4) или уголков лопаточки, а также их сочетанием [Абдулганеев, Владимиров, 1997, рис. 3, 4; 12, 3, 6; 59, 6; Аб-

дулганеев, 2000, рис. 2, 6]. Такая орнаментация характерна для майминской культуры.

Мысовое Яломанское городище стоит особняком среди других памятников данной группы. Во-первых, оно территориально значительно отдалено от мысовых предгорных городищ, находясь в 200 км от них по прямой, в центральной части Алтая. А аналогий этому памятнику на Алтае нет, поскольку, как отмечалось выше, здесь мысовых городищ пока не открыто. Во-вторых, выделяется городище и по фортификации: хотя оно имеет, как и все объекты данной группы, вал и ров с напольной стороны, но у Яломанского городища по северо-западному краю фиксируются еще камни развала стены. В-третьих, оно имело совершенно иную архитектуру: на территории городища имеются специальные насыпи-основы для наземных построек. Таким образом, можно предположить, что Яломанское городище относится к другому времени или населению с совершенно иной культурной традицией, нежели городища Северного Алтая и предгорий.

К I в. до н.э. – V в. н.э. принадлежат террасные городища Алтая и мысовые городища северных предгорий Сайлап, Курлап, Курлап-2, Енисейское-5, Бехтемир, комплекс городищ около Бийска, Егона-1, Усть-Иша-3а, Черемшанское городище, Манжерок-3 (Манжерокское городище), Барангол-5 (Барангольское городище), Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4.

Керамические сосуды с данных городищ представлены в основном плоскодонными горшками и невысокими чашами (рис. 4, 15–17, 43–48, и др.). Встречается посуда на поддоне и с «намечающимся поддоном» [Скопинцева, 1993, с. 63; Соёнов, Константинов, 2011, рис. 3, 11, 12] (рис. 4, 45, 46). Распространена орнаментация в виде поясков округлых вдавлений под венчиком (рис. 4, 2, 10, 12, 16, 33, 34, 42, 44, 48), рядов оттисков гладкого и гребенчатого штампа (рис. 4, 7, 23, 28, 47), встречаются оттиски уголка лопаточки. Кроме того, имеется орнаментация из поясков вдавлений в сочетании с оттисками гладкого и гребенчатого штампа (рис. 4, 1, 3, 4, 17, 24, 31, 36). Такие орнаменты характерны для керамической посуды именно майминской археологической культуры [Абдулганеев, 1998, с. 167]. На городищах, расположенных на северных участках исследуемой территории, в орнаментации керамической посуды и пряслиц прослеживается влияние кулайской культуры. В орнаменте

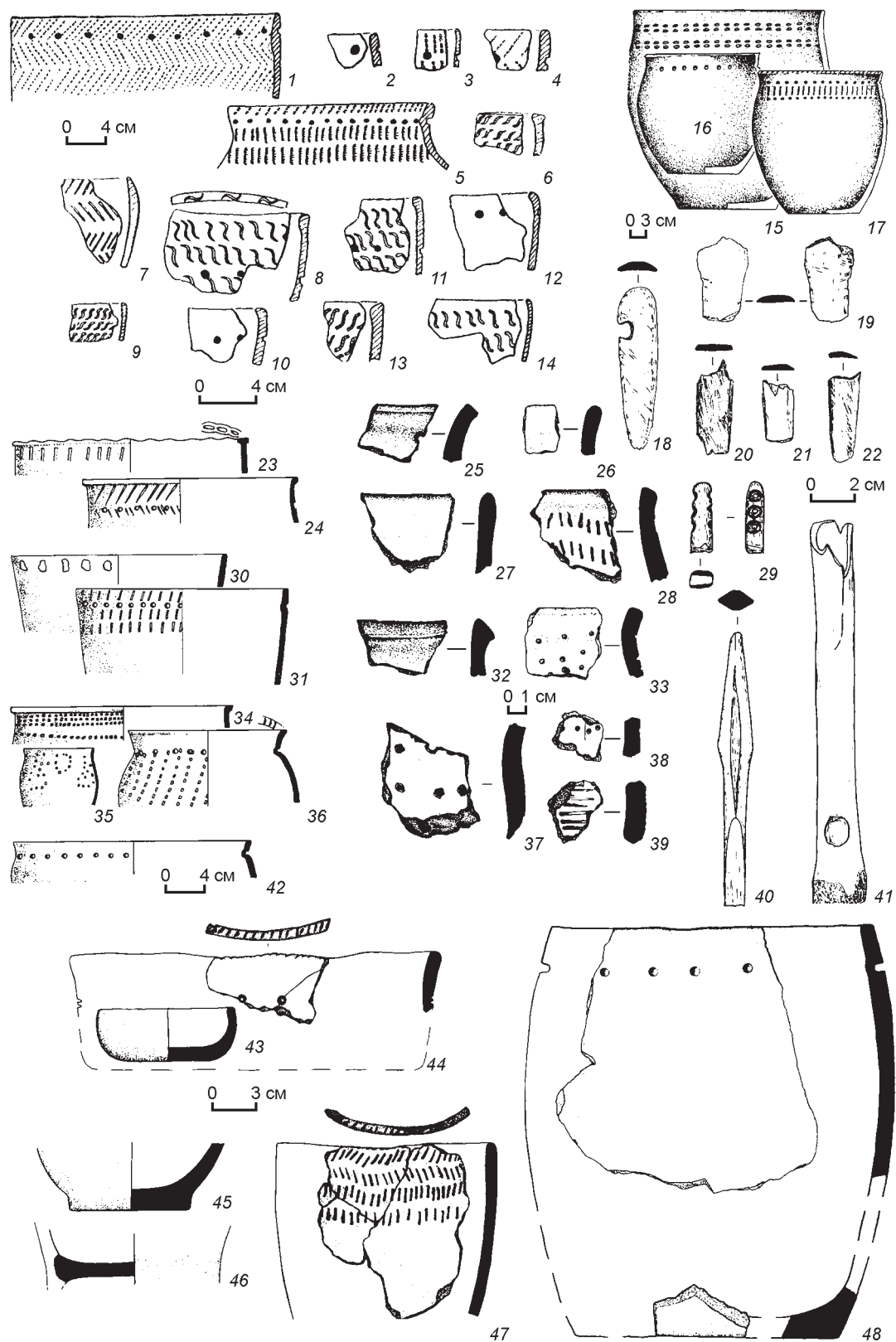


Рис. 4. Материалы с городищ первой половины I тыс. н.э.

1, 5 – Бийское городище-4; 2-4, 6-14 – Бийское городище-6 (по: [Казаков, Кунгуров, 1993]); 15-17 – Усть-Иша-3а (по: [Абдулганеев, Степанова, Служак, Чекрыжова, 2001]); 23-24, 30, 35, 42 – Курлап; 31, 34, 36 – Сайлап (по: [Скопинцева, 1993]); 18-22, 25-29, 32-33, 37-41 – Нижний Чепощ-3; 43-48 – Манжерокское (Манжерок-3) (по: [Соёнов, Трифанова, 2010; Соёнов, Константинов, 2011]).

присутствуют уточка (рис. 4, 6, 8, 9, 11, 13, 14) и фигурный штамп (рис. 4, 5) [Казаков, Кунгуров, 1992, с. 222; Скопинцева, 1993, с. 71]. Главное отличие керамических комплексов городищ гунно-сарматского времени от керамики предыдущего периода – отсутствие налепных валиков и жемчужин в орнаментации.

Датировку этой группы укрепленных поселений в рамках гунно-сарматского времени, кроме особенностей керамического комплекса, подтверждают находки, полученные нами в ходе работ на памятниках Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4. К числу датирующих вещей относятся детали лука гуннского типа, представленные целой концевой частью составной накладки с арочным вырезом для тетивы (рис. 4, 18), а также обломками концевой составной накладки, концевой накладкой с остатками арочного выреза для тетивы и срединной боковой накладкой, конца с расширением срединной фронтальной накладкой (рис. 4, 19), срединной (?) фронтальной составной накладкой (рис. 4, 20), составной концевой или срединной фронтальной накладкой (рис. 4, 21), концевой накладкой (рис. 4, 22); обломком косметической щеточки (рис. 4, 29), мочеотводной трубкой от детской колыбели (рис. 4, 41). Косвенно об этом свидетельствует и серия радиоуглеродных дат (СОАН – 7852–7861), полученных Л.А. Орловой. Четыре даты по анализу почвы относятся к широкому временному диапазону (от 900 г. до н.э. до 1146 г. н.э.). Остальные пять показателей (три даты по древесному углю и две по почве из столбовой ямы и со дна рва) при ка-

либровке укладываются в рамки 160 г. до н.э. – 400 г. н.э. [Соёнов, Трифанова, 2010, с. 287–289].

Атрибуция культурной принадлежности городищ Алтая и его северных предгорий гунно-сарматского времени является сложным вопросом и на данном этапе требует особых исследований. Объекты Сайлап, Курлап, Курлап-2, Усть-Иша-За, Черемшанское городище отнесены к памятникам майминской культуры практически с момента ее выделения [Абдулганеев, 1992, с. 62; 1997б, с. 73–74; 166–167; Киреев, 1995, с. 138]. Городища Манжерокское (Манжерок-3), Барангольское (Барангол-5), Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4, судя по керамическим материалам [Соёнов, 2010а, рис. 1, 1–3; Николаев И.А., 2010, с. 254; Соёнов, Трифанова, 2010, рис. 1, 2; Соёнов, Константинов, 2011, рис. 2–4], также являются памятниками этой культуры. К данному кругу памятников, скорее всего, принадлежат Енисейское-5 и Егона-1.

В связи с переосмыслением содержания и датировки верхнеобской культуры, не вдаваясь в подробности современных расхождений по культурно-хронологическому определению памятников Барнаульско-Бийского Приобья конца I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. [Троицкая, 1979; Казаков, 1996; Григоров, 1999; Ширин, 2003; Троицкая, Новиков, 2004; и др.] отметим, что Бийские городища и Бехтимир также можно предположительно отнести к населению северной окраины майминской культуры, испытавшему влияние кулайской и одинцовской керамических традиций.



Рис. 5. Схема классификации городищ Алтая и северных предгорий.

Изучение особенностей размещения городищ Алтая и его северных предгорий на местности позволило нам выделить две группы объектов: мысовые и террасные (рис. 5). Сегодня можно отметить, что специфика их топографии довольно отчетливо коррелирует с хронологической принадлежностью городищ, дата которых установлена по инвентарю и с помощью радиоуглеродного анализа. Мысовые городища характерны в основном для большереченской и быстрянской культур скифского времени, датируемых в пределах VII–II вв. до н.э., террасные – для майминской культуры гунно-сарматского времени, датируемой I в. до н.э. – V в. н.э. В группе мысовых городищ исключение составляют три объекта, датируемые гунно-сарматским временем (Курлап, Березовка-2, Егона-I) и один объект, который обособлен территориально и имеет иную архитектуру (Яломанское городище).

На протяжении всего рассматриваемого периода укрепленные поселения Алтая и его предгорий, за исключением Яломанского городища, сохраняют южно-сибирскую традицию строительства зданий и фортификаций, которая имела значительные отличия от центрально-азиатской [Могильников, 1992, с. 258; Худяков, 1995, с. 62, 63; Кызласов, 2008, с. 50; и др.]. Влияние иной фортификационной традиции прослеживается в гунно-сарматское время в изменениях топографического размещения поселений и технике строительства. В I в. до н.э. – V в. н.э. увеличивается число фортификационных сооружений городищ, но основные черты южно-сибирской строительной традиции продолжают сохраняться в формах планиграфии укреплений, деревянной или деревоземляной архитектуре фортификаций и т.д.

Ни одно фортификационное сооружение не может соперничать с защитными свойствами местности, включающей в себя горы или высокие холмы, поэтому на Алтае не было обычая создания укрепленных поселений. Традиция строительства городищ пришла сюда в гунно-сарматское время с населением равнинной части нижней Катунь, Бии и Верхнего Приобья, а в предгорьях укрепленные поселения существовали еще с раннескифского времени. Судя по нашим наблюдениям, фортификационные сооружения на поселениях Северного Алтая появились и функционировали небольшой промежуток времени в гунно-сарматский период, явно в условиях какой-то сложной военно-политической ситуации.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.** К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э. // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 59–63.
- Абдулганеев М.Т.** «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1996. – Вып. 7. – С. 128–134.
- Абдулганеев М.Т.** Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997а. – № 2. – С. 53–61.
- Абдулганеев М.Т.** Разведочные работы в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1997б. – Вып. 8. – С. 73–77.
- Абдулганеев М.Т.** Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1998. – С. 165–171.
- Абдулганеев М.Т.** Археологические памятники у села Березовка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2000. – Вып. 11. – С. 172–175.
- Абдулганеев М.Т.** Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2007. – Вып. 16. – С. 237–304.
- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н.** Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1997. – 148 с.
- Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.В.** Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Азбука, 2001. – Вып. 12. – С. 93–97.
- Бородовский А.П.** Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2002. – № 9. – С. 42–52.
- Бородовский А.П.** Продолжение археологического обследования правобережья горной долины Нижней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2007. – Вып. 16. – С. 183–189.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. – 440 с.
- Вайнштейн С.И.** Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сын-чорекской культур) // Тр. Тувин. комплекс. археол.-этногр. экспедиции. – Л.: Наука, 1970. – Т. 3. – С. 7–79.
- Григорьев Е.В.** Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. н.э. (по данным погребений): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1999. – 21 с.
- Дьяконова В.П.** Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Тр. Тувин. комплекс. археол.-этногр. экспедиции. – Л.: Наука, 1970а. – Т. 3. – С. 210–238.
- Дьяконова В.П.** Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Тр. Тувин. комплекс. археол.-этногр. экспедиции. – Л.: Наука, 1970б. – Т. 3. – С. 80–209.

- Казаков А.А.** Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1996. – 19 с.
- Казаков А.А., Исупов С.Ю.** Керамический комплекс городища Бехтемир // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1990. – С. 109–112.
- Казаков А.А., Кунгуров А.Л.** Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1993. – С. 219–231.
- Киреев С.М.** Поселение Черемшанка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тез. докл. к конф.). – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 84–88.
- Киреев С.М.** Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюрко-монгольский мир. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ин-т гуманитар. исследований, 1995. – С. 135–139.
- Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – 144 с.
- Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А.** Город Бийск: Памятники археологии // Бийск. Бийский район: Памятники истории и культуры. – Бийск: Алт. гос. ун-т, 1992. – С. 7–47.
- Кунгуров А.Л., Горбунов В.В.** Средневековое поселение Ушлеп-5 // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1993. – С. 99–107.
- Кызласов И.Л.** К уяснению самобытности гуннского общества: исторические и археологические особенности // Азиатско-тихоокеанский регион: Археология, этнография, история. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 39–71.
- Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1960. – 198 с.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 207 с.
- Маринин А.М., Самойлова Г.С.** Физическая география Горного Алтая. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т, 1987. – 110 с.
- Могильников В.А.** Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 254–273.
- Николаев И.А.** Керамика гунно-сарматского времени с городищ Нижний Чепош-3 и 4 в Горном Алтае // Евразийское культурное пространство: Археология, этнология, антропология: мат-лы V (L) Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 254.
- Скопинцева Г.В.** Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая (по материалам Сайлапского и Курлапского городищ) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1993. – С. 62–71.
- Соёнов В.И.** Полевые археологические исследования Горно-Алтайского госуниверситета в 2009 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2009 г.: (Археология, этнография, устная история). – Барнаул: Алт. гос. пед. академия, 2009. – Вып. 6. – С. 51–55.
- Соёнов В.И.** Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2010а. – № 3. – С. 3–6.
- Соёнов В.И.** Полевые каменные фортификационные сооружения Горного Алтая // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История, политология. – 2010б. – № 4/1. – С. 233–235.
- Соёнов В.И., Константинов Н.А.** Хронологическая и культурная принадлежность Манжерокского городища (Северный Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6 (в печати).
- Соёнов В.И., Трифанова С.В.** О хронологической принадлежности городищ Нижний Чепош-3 и 4 (Горный Алтай) // Туухийн Товчоон. – Улаанбаатар: [б.и.], 2010. – Т. 5. – Т. 285–294.
- Тишкин А.А.** Крепостные сооружения в Горном Алтае // Мир Центральной Азии: Археология. Этнология: мат-лы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. – С. 61–67.
- Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979 – 124 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Археология Западно-Сибирской равнины: учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2004. – 136 с.
- Ширин Ю.В.** Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.
- Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И.** Городища Нижний Чепош-3 и 4 // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История и политология. – 2010. – № 4/2. – С. 249–253.
- Худяков Ю.С.** Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: [б.и.], 1995. – С. 62–73.
- Худяков Ю.С.** Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1998. – С. 206–211.

А.С. Суразаков

*Институт алтаистики им. С.С. Суразакова
Горно-Алтайск, Россия*

О ПРОБЛЕМАХ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА ПЛЕМЕН ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обширная практика изучения мировоззренческой темы относительно эпохи древности, которая базируется на основе анализа археологических материалов, накопила немалый опыт, простирающийся не только в сферу конкретных мировоззренческих реконструкций, но также и в область теоретического осмысления этого направления исследований [Акишев, 1984; Раевский, 1985; и др.]. Иными словами, упомянутая практика охватывает собой обширный круг проблем, касающихся и общетеоретического, в частности методологического, и методического, и конкретно-интерпретационного уровней, которые, как мы все понимаем, проявляют в себе еще и общеуниверсальное, а также регионально-особенное.

Если обратиться к общетеоретическому уровню, то опыт исследований здесь показывает, что мировоззрение вообще есть система представлений человека о мире. Другое дело, он же свидетельствует и о том, что не все в этом деле бывает систематизировано однозначно и у любого древнего социума всегда имелась определенная сумма на первый взгляд независимых друг от друга мировоззренческих систем, в основании которых лежали отличные друг от друга системообразующие идеи. В своей профессионально-понятийной лексике мы их обычно называем культурами, допустим, культ солнца, культ плодородия, культ того или иного животного, того или иного героя и т.д.

В то же время все эти, казалось бы, самостоятельные или самодостаточные культовые идеи при общем взгляде на мировоззрение того или иного социума вдруг обнаруживают некую взаи-

мосвязанность между собой. Последняя достигалась древними разными способами, в том числе путем наложения их на специфично оформленную пространственную организацию. Иными словами, исследования показывают, что в формировании древнего мировоззрения участвовали две категории системообразующих идей. Вокруг первых складывалась система представлений о частном или конкретном мировоззренческом феномене, вторые обозначали собой идею пространственной организации мира, выступая в роли целостной мировой модели или некоего мировоззренческого каркаса, связывавшего между собой на макроуровне все частные культуры.

Наиболее распространенными формами восприятия пространственной организации мира в древности, как мы все знаем, выступали одухотворенные земля и небо, возникшие самостоятельно или же сотворенные чьей-то целенаправленной волей в мировом океане, мировая гора, мировое древо, мировое животное, мировой человек, согласно чему мы говорим об антропоморфной, животной, древесной и т.д. моделях вселенной. Причем в рамках одного и того же мировоззрения модели эти зачастую дополняли друг друга.

Теперь несколько слов о втором, т.е. методическом уровне, где разрабатываются критерии отбора археологических фактов и интерпретирующих их источников, а также способов соединения их между собой. Здесь можно констатировать следующее. Всевозможных техник мировоззренческих реконструкций на сегодня разработано достаточно много, однако главную роль в дан-

ном случае продолжает играть исследовательская интуиция, степень достоверности которой определяется обширностью практики и разнообразием опыта изучения мировоззренческой темы, накопленными берущимися за это дело исследователями. Впрочем, последняя, т.е. интуиция, надо полагать, в древние времена как раз и была основной в деле разработки нашими пращурами своих мировоззренческих систем, отсюда понять их из современности нельзя без использования тех же самых интуитивных начал.

И еще об одном. Как уже давно подмечено в исследовательской среде, трудные для понимания на уровне отдельных мотивов и образов мировоззренческие идеи древности порой неплохо «читаются» на уровне сложных сюжетных композиций. Одним из наиболее перспективных в нашем случае является анализ декора конской сбруи, обнаруженной в курганах пазырыкских вождей. Автором на это обстоятельство обращалось внимание еще в прошлом веке, в частности, в 80-е гг. прошедшего столетия [Суразаков, 1988а, с. 3–31]. Другой вопрос, что материал этот был опубликован в сборнике местного значения, отчего широкому кругу археологов неизвестен. Вот и давайте сейчас восполним этот пробел, тем более что за прошедшее время в этом деле наметились определенные уточнения и дополнения.

Итак, поговорим о зооморфной модели вселенной у пазырыкцев, в основу которой был положен образ коня. Вначале порассуждаем вот о каком немаловажном предмете – пазырыкцы в буквальном смысле воспринимали космос в образе коня или же образ этот служил для них некой базовой информационно-символической призмой, через которую они описывали окружающий мир? Практика исследований показывает, что образ коня для них служил базовой информационной моделью описания мира. Последнее подтверждается двумя обстоятельствами. С одной стороны, для них, как, собственно, и для всех их современников вообще, был характерен образно-символический, в частности анималистический язык описания мирового устройства. Отсюда в пазырыкском искусстве и доминировала звериная тематика, где фигурировали зооморфные образы духов, божеств, сцены противостояния животных, посредством которых они информационно обозначали космические явления. С другой стороны, у них имелись и другие базовые символы описания мира, допустим, гора,

древо, человек, которые применялись наряду с упомянутым анималистическим символом.

В общем образ коня для пазырыкцев представлял собой базовый информационно-моделирующий символ, через который они воспринимали окружающий мир, причем более частные явления, объекты и субъекты последнего они описывали через систему других зооморфных символов, заключавших в себе более частные понятийные значения. Говорить о том, почему именно образ коня был положен пазырыкцами в основу восприятия мира, видимо, излишне, поскольку все мы хорошо представляем себе его значение в жизни древних горноалтайцев. Впрочем, как и в жизни обширного круга племен и народов великого пояса евразийских степей, оказавших существенное влияние на их мировоззрение и различные материалы из сферы духовной культуры которых традиционно привлекаются для реконструкции пазырыкской картины мира.

Так вот, среди упомянутых материалов есть те, что соотносят различные части коня с разными сферами мироздания. Голова в них воспринималась как космический верх, туловище – как космический низ, перед – восток, задняя часть – запад [Суразаков, 1988а, с. 7–8]. Наиболее ярко это отражено в представлениях, связанных с обрядами жертвоприношений, бытовавших в индоиранской среде. Более того, если обратиться к мифологии южных регионов Евразии, в частности Индии, то в зафиксированных там верованиях ведийского времени, лежавших, допустим, в основе ритуала жертвоприношения Ашвамедха, вообще говорится о сотворении мира из частей коня [Ашвамедха, 1987, с. 143], что является отголоском еще более архаичной поры.

Однако вернемся к пазырыкской культуре. Выполняя функцию мировоззренческого каркаса, образ коня не только моделировал космическое макространство, но и нес на себе представления о таком важнейшем его явлении, как солнечный круговорот. Причем подмечено, что круговорот этот трижды повторяется в декоре одной и той же сбруи, описываясь разными анималистическими образами. Отдельно он воспроизведен в декоре нагивника и конского головного убора, затем узды и, наконец, седла с нагрудным и подхвостным ремнями, которые выступали как бы самостоятельными информационными блоками.

Начнем анализ их содержания сверху, т.е. от нагивника с головным убором. Вспомним, что кон-

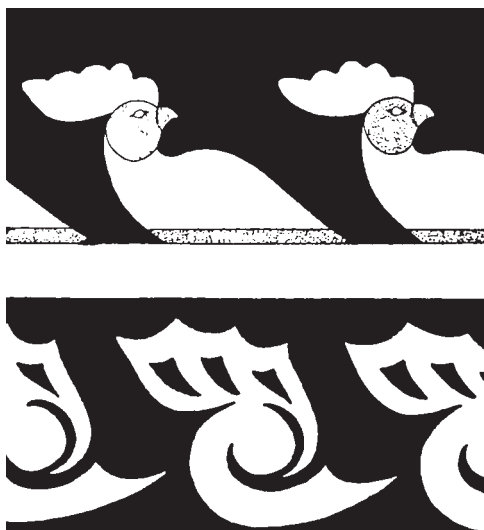


Рис. 1. Изображения петухов на конских нагивниках из первого Пазырыкского кургана.

ская голова ассоциировалась с космическим верхом, в частности, с вершиной мировой горы или мирового хребта, чего мы коснемся чуть позже. Ясно, что с этой или небесной сферой были сопряжены определенные представления, в том числе основные моменты солярного мифа, переданные образным анималистическим языком. Так вот, на двух достаточно хорошо сохранившихся нагивниках, обнаруженных в первом Пазырыкском кургане, изображены ряды фигурок петухов (рис. 1), а на одном из конских головных уборов оттуда же мы имеем вырезанные из кожи олени рога, в основание которых вцепился кошачий хищник (рис. 2). Иными словами, здесь показана сцена терзания хищником травоядного. Кроме того, фигурка петуха входит в состав конского головного убора из второго, а голова оленя – пятого Пазырыкских курганов [Руденко, 1953, табл. LXXII, 3–5].

Представления о солярной природе образа петуха, возвещающего рассвет, уже достаточно хорошо раскрыты в литературе, что можно сказать и об образе оленя, служившего в мировоззренческих системах племен и народов скифского времени одним из воплощений солнца. Немало сказано коллегами и по поводу солярной природы многих мотивов терзания хищниками травоядных, в которых отразились идеи противостояния света и тьмы. В общем, все склоняется к тому, чтобы расшифровать означенные сюжеты как солнечный круговорот, когда солнце в воплощении петуха поднимается к своему зениту, а на закате в образе оленя терзается хищником.

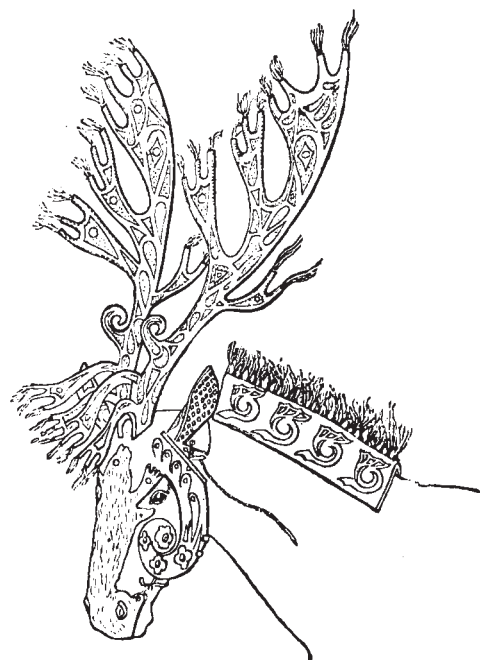


Рис. 2. Оленьи рога на конском головном уборе из первого Пазырыкского кургана.



Рис. 3. Изображения петухов на женском головном уборе из второго Пазырыкского кургана.

Кстати, вырезанные из кожи фигурки петухов, как бы шествующих по кругу, закреплены поверх женского головного убора из второго Пазырыкского кургана (рис. 3). Представления древних в целом о человеческой голове и венчающем ее головном уборе как о космическом верхе теперь сомнений не вызывают, особенно после интерпретации формы и украшений головных уборов знатного погребенного в Исыкском кургане

[Акишев, 1984]. Имеются сведения об этом и среди этнографических материалов. Допустим, женские головные уборы западных бурят отмечены знаками солнца с расходящимися лучами [Николаева, 2002, с. 123].

Помимо этого, кожаные фигурки петухов были наклеены на глиняный кувшин из того же памятника (рис. 4). Кожаная аппликация в виде фигурок этих птиц обнаружена также Н.В. Полосьмак на кувшине из кургана № 1 мог. Ак-Алаха-3 [Феномен..., 2000, с. 69]. По этнографическим данным пища в погребения ставилась для того, чтобы усопшие прибыли в общину предков не с пустыми руками. Часть ее предназначалась божествам [Там же]. Автору во время раскопок рядового кургана пазырыкской культуры в мог. Сары-Кобы попался кувшин с нарисованным на нем змеиным царством, возглавляемым трехглавым змеем, у которого показаны три шеи, причем одну из них венчает большая голова с глазом (рис. 5). Видимо, напиток предназначался ему [Суразаков, 1986б, с. 16–17]. Здесь надо заметить, что кувшинов со змеиным орнаментом обнаружено в рядовых пазырыкских захоронениях немало. Все это, скорее всего, свидетельствует о том, что общины предков у основного населения того времени мыслились как расположенные в подземном мире, и попасть туда можно было

лишь преодолев препятствия, одним из которых было змеиное царство.

Другое дело вождь племени, в частности, из второго Пазырыкского кургана. Напиток в его кувшине, видимо, предназначался духу солнца, воплощением которого он и служил на земле. Мнение о соляриной природе вождей и царей довольно часто высказывается в литературе. Надо полагать, элита пазырыкского социума уходила на небеса, откуда она, собственно, и приходила перед этим на землю. Представления эти, зародившись в центрально-азиатском регионе в эпоху древности, проявлялись затем и в раннем средневековье. Вспомним хотя бы тюркских каганов, ниспосланных небом.

Что касается пазырыкцев, то здесь следует отметить еще один любопытный нюанс. Саркофаг вождя из первого Пазырыкского кургана был опять же обклеен изображениями петухов. Да, конечно, на саркофагах из других больших горно-алтайских курганов имеются и иные зооморфные образы, допустим, олени и тигры. Другой вопрос, что соляриная их природа также не оспаривается в исследовательской среде. Впрочем, мы можем получить подтверждение этому допущению, анализируя декор конских головных уборов из туэктинских и башадарских курганов, которые выполнены в виде вырезанных из дере-

ва рогов горных козлов с подчеркнута большими валиками-кольцами. Рога из второго Башадарского кургана обклеены с наружной стороны золотым, а с внутренней серебряным листами [Руденко, 1960, табл. XXXVIII], тогда как поверх валиков рогов из первого Туэктинского кургана прикреплены в одном случае фигурки как бы шествующих друг за другом тигров (рис. 6), в другом – вырезанные из кожи олени рога (рис. 7).

Исходя из концептуальных конструкций того времени, автором в свое время была высказана гипотеза о том, что козлиные рога с преувеличенными валиками символизировали собой в конских головных уборах мировой хребет, по вершинам которого солнце в облике в первом случае оленя, во втором – тигра совершает свой днев-



Рис. 4. Изображения петухов на кувшине из второго Пазырыкского кургана.



Рис. 5. Змеиный орнамент на кувшине из кург. № 24, мог. Сары-Кобы.



Рис. 6. Фигурки тигров поверх деревянных имитаций рогов козла от конского головного убора из первого Туэктинского кургана.



Рис. 7. Кожаные олени рога поверх деревянных имитаций рогов козла от конского головного убора из первого Туэктинского кургана.

ной путь [Суразаков, 1988а, с. 10–11]. Последнее подтверждается представлениями индоиранцев, зафиксированными, в частности, в митраизме, где говорится о том, что одним из воплощений солярного Митры выступал кошачий хищник, а дневной путь его пролегал через золотые горы, т.е. мировой хребет [Акишев, 1984, с. 49–50].

Саркофаг вождя из этого кургана был обклеен берестяными фигурками тигров, шествующих друг за другом. Цепочка шествующих друг за другом тигров изображена также на саркофаге из второго Башадарского кургана. Другое дело, что композиция там усложнена попираемыми ими животными. Все это было интерпретировано некогда автором как череда батальных сцен, связанных с погребенным здесь вождем [Суразаков, 1986а, с. 23–26], судя по всему имевшим солярную природу. На бордюре, обрамлявшем полосу войлока, использованного для драпировки стен погребальной камеры в первом Пазырыкском кургана, изображены два ряда треугольников, между которыми показан ряд из повторяющихся голов кошачьего хищника (рис. 8). Головы эти поочередно окрашены в красный и синий цвета, т.е. в цвета дня и ночи, тогда как треугольники-горы группами по три фигуры окрашены в белый, желтый, синий цвета, т.е. цвета утрен-

ний, закатный, ночной. Но это все произведения местной работы. В пятом Пазырыкском кургана обнаружена полоса шерстяной переднеазиатской ткани, пошедшей на покрытие конского нагрудного ремня. Здесь тоже имеются две полосы треугольников, имитировавших мировой хребет, по вершинам которого шествует кошачий хищник – воплощение солярного Митры (рис. 9).



Рис. 8. Бордюр войлочного ковра с изображением головы кошачьего хищника из первого Пазырыкского кургана.



Рис. 9. Полоска переднеазиатской шерстяной ткани с изображением шествующего тигра из пятого Пазырыкского кургана.

Тем самым мы можем определить регион, откуда этот мотив пришел на Алтай.

И, наконец, обклейка рогов золотыми и серебряными листками из второго Башадарского кургана. Если предположить, что золотой цвет ассоциировался с солнцем, а серебряный с лунной, то получится вербальная формула «солнечно-лунные» горы. В пазырыкском искусстве часто встречается образный солнечно-лунный знак [Суразаков, 1986б, с. 5–7]. Любопытно, но этому явлению имеется параллель в алтайском фольклоре, в котором Алтайские горы всегда именуется солнечно-лунным Алтаем. Кстати, вырезанные из дерева и обложенные золотом рога козла, входившие в состав конского головного убора, обнаружены З.С. Самашевым в Берели [Самашев, Базарбаева, Жумабекова, Сунгатай, 2000, с. 30].

Завершая разговор о реконструкции представлений, отразившихся в декоре конских головных уборов, видимо, следует сказать, что кроме оленей, тигров и рогов горных козлов на их навешивались и другие персонажи, однако мы вправе предположить, что они также были связаны с бытовавшим в пазырыкской среде солярным мифом.

Теперь о декоре конских узд. В основе его, как и в случае с головными уборами, лежала идея

солнечного, реже лунного круговорота, что отмечалось во многих случаях солярной или же луновидной формой налобных блях. Впрочем, иногда солнечно-лунная символика в уздечной орнаментации совмещалась. Одна из узд, обнаруженных в пятом Пазырыкском кургане, вообще украшена солярными дисками (рис. 10). То, что это изображения солнца у пазырыкцев, наиболее очевидно тогда, когда его диск сочетается в едином символическом значении с серповидным образом луны, т.е. там, где они соединены, как уже сказано, в единый солнечно-лунный знак (рис. 11). Кроме того, в коллекции Фролова имелся подобный диск с вписанным в него образом головы кошачьего хищника с расходящимися от нее лучами (рис. 12), видимо, служивший некогда украшением конской сбруи и опубликованный в свое время С.И. Руденко. Кстати, подобные композиции, только без лучей, имеются и среди добытых им самим материалов из горно-алтайских курганов [Руденко, 1953, табл. LXIII, 2–3]. На дисковидном деревянном налобнике из первого Туэктинского кургана изображены грифы, несущие солнце (рис. 13).

Образы грифов этого типа часто входят в состав декора конской узды. Здесь же, как правило, фигурируют образы оленей, баранов, кошачьих хищников, а также растительных пальметок,



Рис. 10. Конская узда с солярным декором из пятого Пазырыкского кургана.



Рис. 11. Декор седельной луки и покрытия из второго Башадарского кургана.



Рис. 12. Медальон из коллекции Фролова.



Рис. 13. Деревянная налобная уздечная бляха из первого Туэктинского кургана.

иногда дополненных солярными символами. Все означенное по своему смыслу связано с солярной тематикой, являясь символами самого светила, его воплощений и воплощений его «коней», а также солнечной животворящей силы. Весь этот образный поток как бы циркулирует по ремням узды, прерываясь лишь у пасти лошади. В этом месте на деревянных развилках нащечных ремней часто воспроизводилась сцена проглатывания солнца на ночь хтоническим существом [Суразаков, 1988б, с. 49–52], нередко сочетающимся с орнаментом в виде бегущих волн (рис. 14 а, б).

Видимо, сходный миф существовал у пазырыкцев и относительно ночного светила. Наибо-

лее отчетливо это проявилось в декоре одной из узд, найденных в пятом Пазырыкском кургане (рис. 15). Налобная бляха здесь оформлена в виде лунного серпа, а уздечные ремни и псалии украшены головками сайги. Последние изображены также в сочетании с образом пазырыкского древа жизни, воспроизведенного на детском нагруднике из небольшого кургана № 7, пристроенного к пятому Пазырыкскому кургану [Руденко, 1953, табл. ХСVIII, 3], где они, скорее всего, означали собой женское и лунное.

Ну и несколько слов о декоре седел вкуче с подвесками, а также нагрудными и подхвостными ремнями. На самих седлах (см. рис. 11), обозначавших в этой орнаментальной компози-



Рис. 14. Деревянная развилка нащечного ремня конской узды с псалием (а) и без псаля (б) из пятого Пазырыкского кургана.

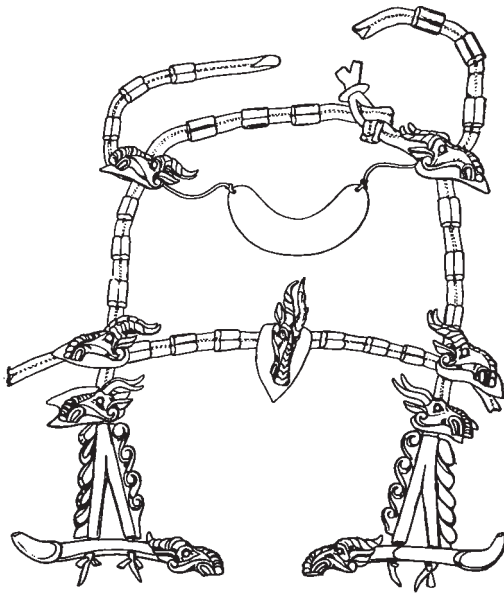


Рис. 15. Узда с лунным декором из пятого Пазырыкского кургана.



Рис. 16. Седельная подвеска в виде головы рыбы, заглатывающей голову барана, из первого Пазырыкского кургана.

ции космический верх, воспроизводились, с одной стороны, анималистические образы солнца (орел, баран, лось, тигр) или же его символы (крестообразные или четырехлучевые фигуры, солнечно-лунные знаки, запятые), с другой – сцены терзания его гением тьмы. На седель-

ных подвесках, обозначавших космический низ, воспроизводились образы рыб, иногда заглатывающих голову барана (рис. 16), а также иные существа, соответствовавшие этой сфере мироздания.

Нагрудный и подхвостный ремни орнаментировались солярными и растительными мотивами, олицетворявшими животворящую силу солнца. Причем в центре нагрудного ремня, обозначавшего в общей схеме восток, иногда имеется изображение птицы, а у основания подхвостного ремня, обозначавшего запад, иногда воспроизведен образ гения тьмы, нападающего на светило [Суразаков, 1988а, с. 19].

Список литературы

- Акишев А.К.** Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 173 с.
- Ашвамедха** // Мифы народов мира: энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – 671 с.
- Николаева Д.А.** Космогонические мотивы традиционных женских украшений западных бурят // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. академия культуры и искусств, 2002. – С. 121–125.
- Раевский Д.С.** Модель мира скифской культуры. – М.: Наука, 1985. – 255 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., СХХ табл. с ил.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с., СХХVIII табл. с ил.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С.** Berel – Берел. – Алматы: Берел, 2000. – 56 с.
- Суразаков А.С.** К семантике изображений на башадарском саркофаге // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1986а. – С. 23–26.
- Суразаков А.С.** К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986б. – С. 3–34.
- Суразаков А.С.** Небесные кони пазырыкских вождей // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988а. – С. 3–31.
- Суразаков А.С.** Об одном мифологическом персонаже пазырыкского искусства // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1988б. – № 3: Сер. филол. и филос. наук, вып. 2. – С. 49–52.
- Феномен алтайских мумий** / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

А. Сэкия

Археологическое общество Японии
Токио, Япония

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА И ИХ ПРОДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОК*

Можно предположить, что изначально зеркала изготавливали как утварь для жрецов-шаманов, и в течение длительного периода они использовались многими народами с одинаковыми целями (рис. 1–8). В Японии и в настоящее время мы находим немало следов того, что зеркала скорее использовались шаманами в качестве амулетов или приношений богам.

Самые древние японские зеркала были вогнутыми, искажавшими изображение. Вероятно, японцы, как и представители этнических групп Северной Азии, использовали их в качестве средства связи с богами [Обияси, 1978].

Зеркала в больших количествах попадали в Японию в то время, когда в 108 г. до н.э. император Ву из династии Хань завоевал Корейский полуостров, и укрепились связи с Японией. В 239 г. н.э. императрица Химики из государства Яматайкоку, заплатив дань Китаю, получила 100 бронзовых зеркал (История династии Вэй), и во многих районах Японии мы находим треугольные предметы с ободком, украшенные золотом, – *санкаку бучи синдзюкё*, или то, что называем зеркала той эпохи. Считается, что императрица Химики раздала их вождям-союзникам или вассалам. Эти зеркала не были туалетными принадлежностями, а использовались как политические символы. Примеры находок из большого кургана Дайкофун показывают, что в каменном саркофаге обнаружены многочисленные зеркала, обращенные отражающей поверхностью к погребенному. Отражая его, они предположительно использовались как амулеты для защиты от злых духов.

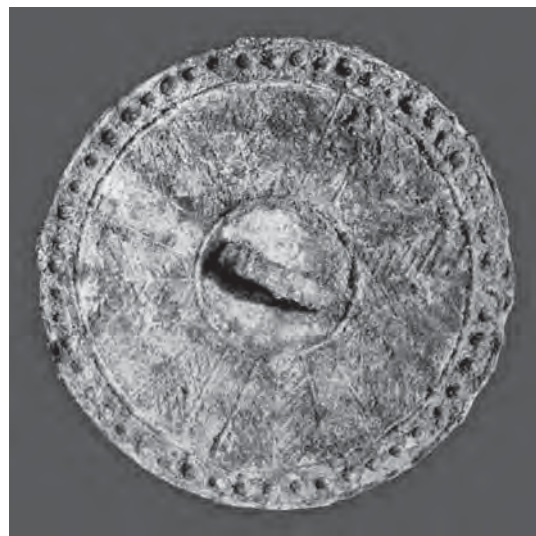


Рис. 1. Бронзовое зеркало, XIII в. до н.э. (Китай, Инкё фукобо, № 5) [Иньсюй..., 1984].



Рис. 2. Бронзовое зеркало, VII в. до н.э. (Китай, Шанцуньлин, погр. № 612) [Шанцуньлинь..., 1959].

*Перевод с японского Е.Л. Хейнц.



Рис. 3. Бронзовое зеркало с изображением тигров, VIII в. до н.э. (Китай) [Дайсогэн-но..., 1997].



Рис. 4. Бронзовое зеркало с кенгуру, период воюющих царств Чжаньго, VII–III вв. до н.э. (Китай).



Рис. 5. Бронзовое зеркало эпохи Хань.



Рис. 6. Бронзовое зеркало эпохи Хань.

Когда мы говорим о продвижении зеркал на Восток, следует отметить, что здесь есть еще много неясных моментов, однако необходимо указать на сходство бронзового зеркала, относящегося к карасукской культуре из Минусинской котловины, и зеркал из района Ордос во Внутренней Монголии. Помимо общности в изобра-

женных тонкими линиями животных (скифские сюжеты) следует отметить, что они незначительно отличаются и по времени изготовления. Помимо этих предметов есть имеющие сходство зеркала, обнаруженные в Китае, на Волге, на востоке России и в Сибири. Пока есть неясные моменты в вопросе о прямых связях между зеркалами со



Рис. 7. Бронзовое зеркало с узором *кайдзю будо* династии Тан, VII–IX вв. н.э. (Китай).

Среднего Востока, Сибири и Китая. В Китае в период, последовавший за эпохой Чжаньго, зеркала развивались на фоне мировоззрения китайцев не так, как это происходило на Западе. В Японии китайские зеркала использовались без изменений или же создавались их копии. Целевое использование зеркал в Японии также было сложным. Можно предположить, что поврежденные зеркала использовались для гаданий.

Список литературы

Дайсогэн-но кибя миндзоку. Чугоку хокубу-но сэйдоксин. (Степные коневодческие племена. Бронзовые изделия северных районов Китая). – Токио: Токийский гос. музей, 1997. – 168 с. (на яп. яз.).

Иньсюй фухаому (Могила Фу Хао на Иньском городище). – Пекин: Вэнь чубаньшэ, 1984. – 130 с. (на кит. яз.).

Нихон-но коко ибуцу. Тачюсаймонкё (Археологические находки Японии. Зеркала с геометрическим рисунком на оборотной стороне). – Токио: Токийский гос. музей, 1978. – 95 с. (на яп. яз.).

Обаяси Тарё. Зеркала и религии восточной и северной Азии // Нихон кодай бунка-но танкю. Кагами (Очерки по древней культуре Японии. Зеркала). – Токио: Сякай сисося, 1978. – С. 1–101 (на яп. яз.).



Рис. 8. Бронзовое зеркало *Вакё*, XII в. н.э., конец эпохи Хэйан (Япония).

Танака Мигаку. Кокё (Древние зеркала). – Токио: Коданся, 1979 (на яп. яз.).

Шанцуньлин гого муди (Кладбище государства Го в Шанцуньлин) / под ред. Линь Шоуцзиня. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1959. – С. 2, 10, 89 + 72 табл. (на кит. яз.), (разд. паг.).

А.А. Тишкин

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

БИЙКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЯ АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОГО ВРЕМЕНИ: СОДЕРЖАНИЕ И ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ*

В 1999 г. на конференции «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий», проходившей в г. Барнауле, Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин [1999, с. 74] в своем совместном докладе выступили с инициативой выделения на Алтае бийкенской археологической культуры. Основой данного предложения, вынесенного на обсуждение, стало осуществленное монографическое обобщение [Кирюшин, Тишкин, 1997], в котором в развернутом виде были представлены практически все известные к тому времени материалы по культуре населения «раннескифского» периода. Следует отметить, что проблема необходимости разграничения памятников горных и предгорных районов Алтая наметилась немного раньше [Марсадолов, 1985, с. 11–12; 1987, с. 102–103; Степанова, 1986, с. 80; Полосьмак, 1994, с. 138; Тишкин, 1994; и др.], но лишь после масштабных раскопок в зоне предполагавшейся Катунской ГЭС появилась возможность конкретизировать сформулированные идеи [Тишкин, 1996а, б; Кирюшин, Тишкин, 1997].

После окончания работы указанной конференции, по предложению Л.С. Марсадолова, был организован открытый «круглый стол», где подробно рассматривалась высказанная точка зрения, а также произошел обмен мнениями по другим вопросам, касавшимся изучения аржано-

майэмирского периода и пазырыкского времени на территории Южной Сибири и сопредельных регионов. Ход данного мероприятия фиксировался Н.Ф. Степановой на диктофон. Однако для длительной дискуссии запаса пленки не хватило. Имевшаяся аудиозапись большей части заседания переведена в печатный формат, и с этим текстом можно при желании познакомиться на сайте кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, который называется Информационно-аналитический портал «Археология Алтая» (www.archeology.asu.ru) и содержит значительный объем тематической информации.

В заседании «круглого стола» тогда приняли участие заинтересованные специалисты, занимавшиеся исследованием памятников Алтая: В.Б. Бородаев, В.В. Горбунов, О.В. Ларин, Ю.Ф. Кирюшин, Л.С. Марсадолов, Ю.Т. Мамадаков, Н.Ф. Степанова, А.Н. Телегин, А.А. Ткачев, А.А. Тишкин, П.И. Шульга и др. Несмотря на серьезный накал дискуссии и на наличие целого ряда противоречий, предложение о выделении «бийкенской культуры» было поддержано группой исследователей и расценено как объективное отражение процесса изучения накопленных сведений. При этом понятие «майэмирская культура» в ходе тех же обсуждений логически приведено в реальное соответствие и продемонстрировалось материалами памятников западных и северо-западных предгорий Алтая, которые серьезным образом отличались от бийкенских. Эти памятники, собственно, там впервые зафиксированы и исследовались [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 10–11 и др.; Шульга, 2000, 2008]. Данные заключения,

*Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

обозначенные только в качестве обмена мнениями (а не в виде официальных решений конференции), обеспечили возможности для дальнейшего продуктивного развития археологии Алтая.

Изложенная ситуация, а также основные пути и результаты изучения бийкенской и майэмирской культур неоднократно докладывались на конференциях, а также отражены уже в значительном объеме публикаций, в том числе монографических, вышедших после 1999 г. [Шульга, 2000, 2003, 2008 и др.; Марсадалов, 2000, 2001 и др.; Тишкин, 2003, 2005а–в, 2007а–в и др.; Тишкин, Дашковский, 2003, 2004, 2005; Тишкин, Леонова, 2003, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005; Суразаков, Тишкин, 2007; Таиров, 2003, 2007; и др.].

Однако процесс исследований продолжается, и обозначенная тема потребовала не только дальнейшего обсуждения, но и целостного изложения. Основная задача статьи – кратко представить содержание бийкенской культуры и продемонстрировать уже частично апробированный опыт ее периодизации. При этом автору не удалось избежать повторений уже неоднократно опубликованных идей, заключений и графических демонстраций. Тем не менее такая трансляция и дополнительные материалы будут способствовать привлечению внимания исследователей к адекватному пониманию этнокультурных процессов, происходивших на Алтае и сопредельных территориях в аржано-майэмирское время, а также до и после него.

Кратко представленные результаты заседания «круглого стола» стали одним из важных итогов конференции «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий». В ходе дискуссий был преодолен ряд противоречий и непониманий. Дело в том, что существовавшие к концу XX в. разработки и идеи, принятые порой в качестве догм, тормозили эффективность осмысления значительного объема полученных новых данных. На одном таком предположении необходимо остановиться еще раз, чтобы продемонстрировать его несостоятельность.

При изучении культуры Алтая «раннескифского» времени исследователям не раз приходилось сталкиваться с проблемой ее происхождения. В этом плане уже сформулирован целый ряд соображений. Они в развернутом виде опубликованы [Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Дашковский, 2003; Тишкин, 2007б]. Отсутствие до сих пор более определенной позиции связано

со многими причинами, что может стать темой нескольких публикаций. На мой взгляд, чтобы существенно продвинуться в адекватном понимании этнокультурной ситуации в начале I тыс. до н.э., нужно проводить раскопки в Монголии, Китае и Казахстане, а также заниматься реализацией междисциплинарного изучения уже полученных материалов. Кроме этого, нужно отсеять те идеи, которые серьезным образом мешают продуктивным исследованиям. Именно для этого шага следует рассмотреть одно предположение, до недавнего времени наиболее «популярное», но менее всего обеспеченное реальными фактами. Это касается участия носителей хорошо известной афанасьевской культуры энеолита – ранней бронзы в формировании общности кочевых племен Алтая скифо-сакского времени.

В свое время М.П. Грязнов [1955, с. 28] высказал такую гипотезу в связи с тем, что в горных районах не были получены какие-либо материалы развитой и поздней бронзы. Эта идея до сих пор поддерживается археологами. Ее можно обнаружить в работах многих исследователей, правда, с немного отличающимися интерпретациями [Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 54, 74; Плотников, 1992; Абдулганеев, Ларина, 1992; Полосьмак, 1994, с. 138 (см. прим. 80 на стр. 210); Миронов, 2000, с. 15–16; Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, с. 4; Шульга, 2008, с. 12; и др.]. Для того чтобы прояснить сложившуюся ситуацию, необходимо рассмотреть процесс трансляции указанного тезиса, начиная с момента его оформления, чтобы зафиксировать, где, когда и как произошла неадекватная трансляция.

В докладе, прочитанном М.П. Грязновым 6 июля 1954 г. на заседании сектора Сибири Института этнографии АН СССР в Ленинграде, были затронуты вопросы истории сложения и развития кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. Этот материал лег в основу статьи, опубликованной в следующем году [1955]. В ней Михаил Петрович написал следующее: «... в то время как в степях сложилась и развивалась андроновская культура, а затем культуры карасукского типа, в горах Алтая по-прежнему жили афанасьевские племена с их охотничье-скотоводческой культурой, не изменившие существенно своего этнографического облика...» [Там же, с. 28]. Этот фрагмент, принятый позже некоторыми археологами в качестве аксиомы, и стал опорой для тиражирования гипотетически сформулированной идеи,

которая не имела в своей основе фактических доказательств. М.П. Грязнов в той же статье и на той же странице довольно четко наметил способ проверки своего домысла, воспользовавшись которым исследователи избежали бы в дальнейшем необоснованных заключений. Стоит процитировать отмеченный момент: «...предположение о длительной застойности развития хозяйства и культуры афанасьевских племен в Горном Алтае, основанное только на отсутствии там памятников андроновского и карасукского типа и на географической особенности страны, остается пока гипотезой и станет установленным фактом только после того, как в одной из афанасьевских могил на Алтае найдется какой-нибудь характерный предмет карасукской культуры» [Там же]. Но, к сожалению, данная «инструкция» не была учтена. В указанных выше публикациях демонстрируется в основном констатация первого тезиса, а также его «развитие» в рамках поиска аналогий в памятниках скифо-сакского времени. Сложившуюся ситуацию можно связать не только с незнанием работы М.П. Грязнова 1955 г. (хотя и это порой является очевидным фактом), но и с попытками поиска объяснений появившегося «белого пятна» в априорно считавшемся непрерывном культурно-историческом процессе на территории Южной Сибири [Тишкин, 2005в; 2007б, с. 98–99].

В 1982 г. вышла большая сводная статья о материалах эпохи бронзы из Горного Алтая [Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982], в которой авторы указали на никем прямо не оспоренное мнение М.П. Грязнова «о консервации раннеметаллической афанасьевской культуры», правда, сославшись совсем на другую публикацию [Грязнов, 1957], где этот тезис вообще не упоминается. Приведенные сведения о случайных находках и ссылки на некоторые работы по археологии, где так или иначе опровергалось указанное предположение, все же позволили сделать вывод о том, что «...афанасьевское население могло долго оставаться основным, хотя не единственным населением Горного Алтая не только на протяжении III–II тыс. до н.э., но, возможно, вплоть до VII–VI вв. до н.э., до прихода ранних кочевников» [Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 52, 54, 74].

В 1992 г. состоялся возврат к рассматриваемой идее. Дело в том, что в ходе активных археологических раскопок на Алтае, особенно в зоне предполагаемой Катунской ГЭС, были получены

значительные материалы, которые существенным образом скорректировали представления о многих исторических этапах. Однако в отношении периодов развитой и поздней бронзы прояснения не наблюдались. Тогда опять стал привлекаться тезис о доживании «афанасьевцев» до времени появления «ранних кочевников». Причем в публикациях, которые приводятся в данной статье в качестве всего лишь отдельных примеров, указана неверная ссылка на работу М.П. Грязнова 1957 г., но в ней об этом вообще ничего подобного не излагалось. Так, Ю.А. Плотников [1992] отметил, что наряду с другими имеющимися свидетельствами сохраняется «...возможность существования пережиточного афанасьева» в скифское время, но не в пазырыкской, а в кара-кобинской культуре. Однако приведенные исследователем показатели «корреляции погребального обряда», наоборот, продемонстрировали отсутствие какой-либо связи, не говоря уже о преемственности. Данное обстоятельство посеяло сомнение, но не смутило Ю.А. Плотникова [1992, с. 18] сделать такой вывод: «...если факт существования пережиточного афанасьева будет когда-либо доказан, на роль потенциального наследника с наибольшими правами может претендовать кара-коба» (?! – Авт.). М.Т. Абдулганеев и О.В. Ларин [1992, с. 33] попытались показать возможность «...участия афанасьевцев в сложении культур раннего железного века, т.е. для Горного Алтая – майэмирцев» на основе главным образом некоторых наблюдений над планиграфией и надмогильными конструкциями. В результате оказалось, что «...идея, заложенная во внешнем оформлении погребений обеих культур, является для них близкой, т.е. наблюдается определенное сходство космогонических представлений». Немного дополнив изложенные в статье показатели частного характера, исследователи посчитали, что «...афанасьевцы непосредственно участвовали в этногенезе майэмирского населения, по крайней мере, одной из выделенных групп, в частности куртуско-катонской...»*. Их не смутил крупнейший временной разрыв между датировками памятников афанасьевской культуры и объектами аржано-майэмирской общности. Кроме того, М.Т. Абдулганеев и О.В. Ларин [1992,

*В литературе есть и другая точка зрения: «куюмцы» обозначаются последователями носителей афанасьевской культуры.

с. 36] предложили в качестве гипотезы «усть-куюмскую группу майэмирцев... выводить из памятников каракольской культуры». Негативная оценка этой точки зрения нашла отражение при рассмотрении достаточного количества сведений о культуре населения «раннескифского» времени [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 27].

Отсутствие какой-либо преемственности наблюдалось не только по археологическим данным, но и на основе изучения немногочисленных краниологических материалов, которые оказались морфологически и генетически неоднородны. В результате «участие потомков местных “афанасьевцев”... сколько-нибудь отчетливо...» не выявлено [Тур, 1997, с. 141]. К этому стоит добавить, что ни в одной могиле афанасьевской культуры так и не был найден ни один предмет, который можно было бы определить периодом поздней бронзы.

Следует совсем кратко остановиться на теме о каракольской культуре. В настоящее время на Алтае их выделено две (одна – верхнепалеолитическая [Деревянко, 2011, с. 37–40], а другая – соотносимая с эпохой бронзы [Кубарев, 2009]). На мой взгляд, замечательные памятники, обнаруженные в с. Каракол Онгудайского района нынешней Республики Алтай и изученные в свое время В.Д. Кубаревым [1988, 2009], а потом исследованные и в других местах, в определенной мере синхронизируются с объектами уже хорошо известных культур, которые зафиксированы на сопредельных с Алтаем территориях (окуневская, елунинская, чемурчекская). Все они датируются периодом ранней бронзы и имеют свои особенности. Поэтому считать «каракольцев» непосредственной основой для формирования культур Алтая аржано-майэмирского времени, основываясь только на одном формальном признаке (использование теми и другими разных каменных ящиков в погребальной практике), нет смысла.

При изучении памятников в горных районах Алтая до сих пор не обнаружены объекты, соотносимые с андроновской культурой. Своеобразная попытка В.И. Соёнова и А.В. Исова [2000] обратить внимание на эту проблему не нашла какого-либо отклика. За годы проведенных работ отмечены различные материалы, которые можно датировать в рамках II тыс. до н.э. Они скорее всего свидетельствуют о спорадическом проникновении в горы разных групп населения. Но андроновских объектов там нет, хотя в пред-

горно-равнинной зоне Алтая и в Верхнем Приобье они зафиксированы в значительном количестве. Данная ситуация может быть объяснена тем, что на середину и 2-ю половину II тыс. до н.э. приходится несколько периодов похолоданий и отмечается общее ухудшение климатических условий [Михайлов, Редькин, 2000, с. 27]. Возможно, поэтому и не обнаружены памятники этого времени на довольно хорошо изученном высокогорном плато Укок [Молодин и др., 2004], а также и в других местах Алтая. М.П. Грязнов [1955, с. 27–28; 1957] в свое время объяснял причину того, что «андроновцы» не проникли в горы, отсутствием возможности реализовать их «оседлое пастушеско-земледельческое хозяйство». Но скорее всего существовал комплекс причин фиксируемой ситуации.

Следует указать, что рассмотренная в нашей публикации проблема касается не только одного аспекта в объяснении происхождения культур Алтая «раннескифского» времени. На самом деле она еще затрагивает вопрос об уровне состоятельности подходов, используемых исследователями.

Исходя из всего вышепредставленного, следует окончательно признать, что афанасьевская культура, имеющая свою специфику происхождения и развития, не может считаться непосредственной предтечей как бийкенской, так и майэмирской культур. Между ними существовала огромная временная пропасть, и нет реальных подтверждений каких-либо связей.

После М.П. Грязнова и С.В. Киселева с более или менее целостной концепцией этнокультурного развития кочевников Алтая выступил В.А. Могильников [1986]. Он предложил рассматривать в рамках «раннескифского» времени особую майэмирскую культуру, которая прошла в своем развитии два этапа: куртуский (VIII–VII вв. до н.э.) и майэмирский (VII–VI вв. до н.э.). При этом В.А. Могильников обозначил территорию распространения памятников этой культуры в рамках двух локальных вариантов: южный (куртуско-катонский) и северный (усть-куюмский). Особо было подчеркнуто, что имевшиеся в то время материалы позволили только предварительно наметить различия между памятниками куртуского и майэмирского периодов. По мнению В.А. Могильникова, для куртуского этапа Южного, Западного и Центрального Алтая характерны погребения людей под кольцевидными выкладками

ми из крупных камней или валунов в неглубоких могилах, скорченно на левом боку, головой на северо-запад, в сопровождении лошади или без нее. Захоронение животного совершалось в отдельной яме, смежной с погребением человека. Памятники этого же этапа в северной и в отдельных районах центральной части Алтая имели практически аналогичные характеристики, но, по замечанию В.А. Могильникова [1986, с. 48–49], они отличались от предыдущих по ряду показателей: умерших хоронили в каменных ящиках, установленных в неглубоких ямах или на уровне древнего горизонта; погребенные, как и в предшествующем случае, укладывались скорченно на левый бок, головой на северо-запад; при этом присутствовало сопроводительное захоронение лошади (или головы и конечностей животного) в отдельной яме или в смежном каменном ящике. Инвентаря в исследованных захоронениях куртуского этапа обнаружено немного. Что касается целостной характеристики собственно майэмирского этапа, то она в указанной работе В.А. Могильникова не приведена. Некоторые показатели отмечены лишь при рассмотрении отдельных памятников (большая глубина могил, наличие подбоя, захоронение лошади в одной могиле с человеком, инвентарь и др.). Разнообразие деталей погребального обряда объяснено неоднородностью населения Западного Алтая в VII–VI вв. до н.э., а также предположением о миграции в горы племен из степных районов, находившихся к юго-западу от них [Могильников, 1986, с. 47–52]. Следует указать, что для формулировки положений обозначенной концепции В.А. Могильников использовал в качестве фактического материала совсем небольшую источниковую базу, основанную на результатах собственных раскопок всего **пяти погребений** (выделено автором), часть которых была ограблена или оказалась без инвентаря. Кроме этого, привлекались материалы из 15 других разнообразных памятников. Такой подход не отражал объективной ситуации, поэтому, по мнению В.Д. Кубарева [1998, с. 77] и других исследователей, выделение майэмирских погребений в отдельную культуру в тот период было бы вряд ли целесообразно.

Однако, развивая свои идеи, В.А. Могильников [1986, с. 53; 1988 и др.] отмечал, что на основе усть-куюмского локального варианта майэмирской общности сформировалась кара-кобинская культура V–III вв. до н.э., а пазырыкская с конца

VI в. до н.э. представляла собой результат взаимодействия местного населения куртуского этапа южных, юго-западных и частично центральных районов Алтая и племен, пришедших из степей Казахстана. Исследователь указал, что пазырыкские памятники преобладают в Южном и Юго-Восточном Алтае: в верховьях Берели, Катуня до устья Чуи, в бассейне Чуи, на среднем и верхнем Чулышмане. Количество смешанных могильников, включающих пазырыкские и кара-кобинские объекты, увеличивается к нижнему течению Чуи. Собственно кара-кобинские памятники распространены преимущественно в Центральном Алтае (район средней Катуня и Урсула). Ученый полагал, что к VI–V вв. до н.э. «пазырыкские» племена установили господство над автохтонным «кара-кобинским» населением Алтая, частично смешались с ним и постепенно его ассимилировали. Об этом, по мнению В.А. Могильникова [1988, с. 72–77, 81, 83], свидетельствует расположение кара-кобинских курганов в одной цепочке с пазырыкскими, а также наличие сопроводительного захоронения лошади в погребениях с каменными ящиками. Необходимо указать еще на один важный момент, который был отмечен исследователем при рассмотрении этнокультурной ситуации на Алтае. Это касается проблемы контактов населения скифской эпохи с другими племенами. В этом плане выводы В.А. Могильникова [1986, с. 47–48] выглядели следующим образом: «...можно предполагать, что миграция... в VII–VI вв. до н.э. из степных районов с юго-запада имела место, но ее размеры, характер взаимодействия с местным этническим субстратом и направления остаются неясными. Зато с достаточной определенностью можно утверждать, что последующее развитие культуры и этноса в VI–III вв. до н.э. пазырыкцев Горного Алтая и саков степей Восточного и Юго-Восточного Казахстана шло различными путями, хотя некоторые контакты между ними продолжали сохраняться».

Представленная В.А. Могильниковым схема этнокультурного развития населения Горного Алтая в раннем железном веке вызвала неоднозначные оценки у исследователей. Она выглядела слишком гипотетичной и в некотором плане искусственной, но не лишенной логичности и отражала своеобразный подход к культурно-хронологической проблеме формирования общностей скифской эпохи, определив задачи и направления дальнейших исследований [Тишкин, 1994,

с. 125; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 25–26; Тишкин, Дашковский, 2003, 2005]. Стоит еще заметить, что рассматриваемая концепция определенным образом соединяла ранее уже высказанные идеи М.П. Грязнова, С.В. Киселева, Л.С. Марсадолова и других археологов, что в общем-то можно считать закономерным [Тишкин, 2007б, с. 89]. Точку зрения В.А. Могильникова в целом сначала поддержали А.С. Суразаков [1988], П.И. Шульга [1998, 1999], В.И. Молодин [2000а, б] и некоторые другие исследователи, дополнив ее содержание новым конкретным материалом. Однако, как справедливо заметил П.И. Шульга [2000, с. 149], указанная выше позиция известного археолога по поводу интерпретации немногочисленных материалов раннескифского времени «...не выдержала испытание временем и была пересмотрена».

В 1986 г. в сборнике тезисов докладов конференции «Скифская эпоха Алтая», посвященной 100-летию со дня рождения С.И. Руденко, Н.Ф. Степанова предложила рассматривать не культуру, а **«особый тип погребений в каменных ящиках»** (выделено автором), опираясь отчасти на результаты своих исследований и привлекая результаты работ других исследователей. Она назвала его «куюмским», датировала «раннескифским» периодом (VIII–VI вв. до н.э.) и отметила существенные отличия от памятников пазырыкского типа, что свидетельствовало о существовании двух культурных традиций [Степанова, 1986, с. 79–81]. Обозначение куюмского типа памятников являлось новым и продуктивным подходом в первоначальном культурно-хронологическом осмыслении полученных результатов после раскопок памятников скифо-сакского времени. Однако дальнейшего полноценного развития указанные идеи не получили, что привело к возникновению искусственных схем, слабо наполненных конкретными археологическими материалами [Тишкин, 2007б, с. 87].

Изучение культуры населения Алтая аржано-майэмирского времени является важным направлением в исследованиях, связанных со становлением и развитием в Азии номадизма. Именно на этом этапе происходил поиск оптимальных форм в материальной, хозяйственной, общественной и духовной сферах жизни людей, что нашло отражение в последующие периоды. Несмотря на имеющиеся результаты, полученные в ходе археологических обследований и раскопок последних десятилетий, многие проблемы до сих пор ос-

таются за рамками необходимых решений и интерпретаций. Это связано, в первую очередь, с количественной и качественной ограниченностью круга источников, а также со слабым внедрением междисциплинарного подхода, который обеспечивает получение значительного объема объективной информации и расширяет перспективы научной деятельности. Тем не менее исследователи, опираясь на доступные им материалы и имеющиеся возможности, продемонстрировали свое понимание происходивших историко-культурных процессов. Такие работы аккумулировали накопленные сведения и способствовали продвижению понимания многих вопросов общего и частного характера. Они создают условия для дальнейшей модификации представленных культурно-хронологических схем. Последнее происходит, как правило, при накоплении новых данных, когда их количество позволяет сделать более качественное оформление системы знаний о том или ином древнем обществе. Это обычная процедура в исследовательской практике, но реализация ее занимает разное время. Возврат к ранее представленным идеям и их проверка на новом уровне – необходимый подход при решении актуальных проблем древней истории. И схеме, предлагаемой нами, также предстоит пройти испытание временем. Она может быть уточнена и дополнена или вообще заменена другой обобщенной концепцией при опоре на более совершенные результаты работ.

Сейчас представляется реальным назвать и охарактеризовать этапы развития хорошо фиксируемого явления. Первая попытка наметить такое деление была осуществлена автором в кандидатской диссертации [Тишкин, 1996б, с. 17–18, 26] и затем нашла отражение в монографии, специально посвященной изучению культуры населения Алтая «раннескифского» времени [Кирюшин, Тишкин, 1997]. Тогда за основу условной периодизации предлагалось принять процесс формирования и совершенствования элементов конского снаряжения как наиболее массовых и хронологически значимых изделий. Позднее был предпринят новый подход. Основой его реализации стала систематизация всего известного вещевого комплекса из исследованных памятников Алтая, а также сопоставление зафиксированных особенностей погребального обряда [Тишкин, 2005а, б, 2006; Тишкин, Горбунов, 2005]. Это позволило обозначить этапы, опираясь на мате-

риалы наиболее изученных и характерных объектов, которые введены в научный оборот. Выделенные хронологические группы соотнесены с известными историческими событиями, которые произошли в Азии и отражены в письменных источниках [Савинов, 2002; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159]. Следует отметить, что проделанная работа, несмотря на имеющиеся уточнения, в общем подтвердила ранее намеченные тенденции, а также обобщила опыт подобных построений и разных размышлений [Тишкин, 2007в]. Тем не менее исследования в выбранном направлении продолжают, но уже на несколько ином уровне. Разработанная классификационная система совершенствуется, и при наличии массовых материалов будет дана типология не только отдельных категорий, но и комплексов. Кроме этого, в настоящее время намечена и реализуется программа изучения имеющихся предметов с помощью естественно-научных методов (рентгенофлюоресцентный анализ, радиоуглеродное датирование и т.д.).

Представленная ниже схема поэтапного развития бийкенской культуры, в которой отмечен процесс привнесения новаций, является определенной стадией обобщения данных, полученных при исследованиях более 200 курганов. Анализ приводимого ниже в рисунках хорошо известного предметного комплекса и зафиксированных погребальных сооружений уже неоднократно осуществлялся автором в ряде публикаций [Тишкин, 1996а, б, 1999, 2005а–в; Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005; Суразаков, Тишкин, 2007; и др.]. Поэтому его подробная характеристика здесь не отражена.

Необходимо отметить, что аржано-майэмирское время рассматривается мною в таких хронологических рамках: конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э. Указанное название периода дано по наиболее известным археологическим объектам, зафиксированным на востоке и на западе рассматриваемой культурно-исторической области (Алтае-Саянская горная страна). Начало его определено на основании современного радиоуглеродного и археологического датирования кургана Аржан-1 в Туве [Евразия..., 2005].

Самым ранним памятником Алтая, где было зафиксировано захоронение человека с лошадью, являлся курганный могильник Курту-II, раскопанный С.С. Сорокиным [1966] и датированный по найденным псалям не позже VIII в. до н.э.

Наиболее близко к нему в территориальном и хронологическом отношении располагался интереснейший погребальный комплекс с «олениными» камнями Ак-Алаха-II [Полосьмак, 1993], где зафиксированы показательные элементы конского снаряжения и другие находки. Указанные объекты локализируются на юге Алтая (в верховьях Бухтармы и на плато Укок). Подобные, но безынвентарные погребения исследованы в Чуйской котловине и на других территориях к северо-западу от нее. Ранний этап бийкенской культуры, за которым оставлено уже обозначенное выше название «куртуский» (рис. 1)*, рассматривается мною предварительно, так как пока исследована небольшая серия курганов и найдено немного предметов. Хронологически период определен концом IX – 1-й половиной VIII в. до н.э. Обнаруженный инвентарь находит аналогии в хорошо датированном «царском» кургане Аржан-1 (около 800 г. до н.э.) и в других синхронных ему памятниках [Грязнов, 1980; Марсаолов, 2000, с. 21; Евразия..., 2005, с. 68].

Выделенный этап синхронизируется с целым рядом исторических событий: 826–781 гг. – правление Сюань-вана (Западное Чжоу), в ходе которого были организованы походы на северные племена с целью покорения их; около 800 г. до н.э. в степях Центральной Азии разразилась жесточайшая засуха, спровоцировавшая подвижку скотоводческого населения; 781–770 гг. до н.э. – время правления Ю-вана, закончившееся разгромом его кочевыми племенами, переносом столицы Чжоу на восток и образованием государства Восточное Чжоу [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159].

Следует добавить еще один интересный момент, демонстрирующий влияние процессов, которые происходили в Китае, на племена Центральной Азии. Дело в том, что именно на рубеже IX–VIII вв. до н.э. крупнейшие китайские уделы становятся политически самостоятельными царствами [Васильев, 2000, с. 4–5], и это не могло не отразиться на действиях правителей ближайших кочевых народов. О том, что такие контакты имели место, демонстрируют письменные источники. Кроме этих свидетельств, необходимо учитывать и результаты раскопок, осуществляемых

*Практически все приводимые в статье графические изображения находок опубликованы. Большинство рисунков было сведено автором и представлено в монографии Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина [1997].

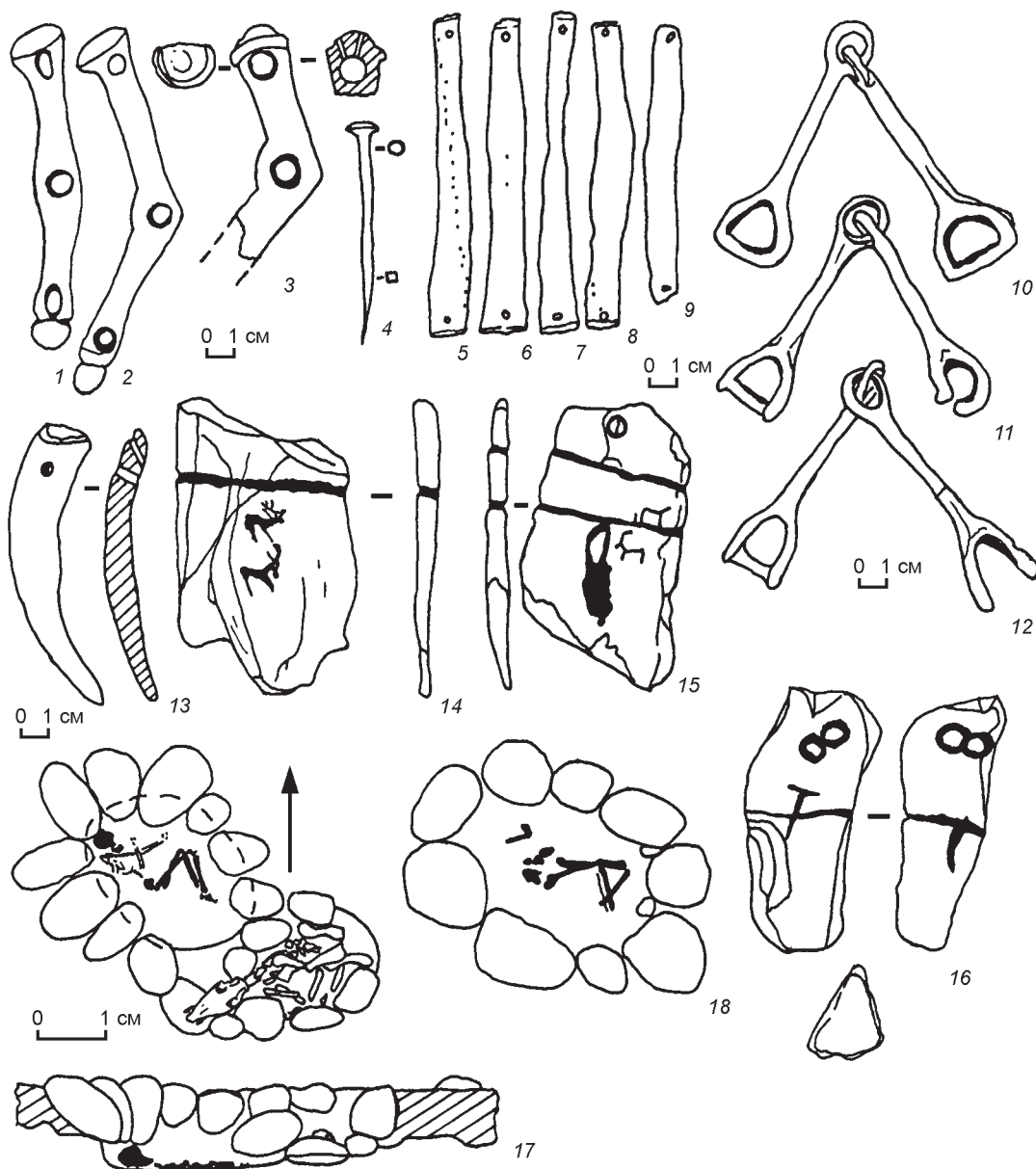


Рис. 1. Материалы куртуского этапа бийкенской культуры (конец IX – 1-я половина VIII в. до н.э.): снаряжение верхового коня (1–3, 5–13); предмет быта (4), «оленные» камни с изображениями (14–16); погребальные сооружения (17–18). Памятники: Курту-II – 1, 2, 17, 18; Ак-Алаха-II – 3–16. Материал: 1–3 – рог; 4, 10–12, 18 – бронза; 5–9 – золото; 13 – клык; 14–16 – камень; 17–18 – камни, кости.

китайскими археологами. В плане нашего исследования важными являются результаты изучения памятника Люшуй в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая [Ван Вэй, 2011].

Большинство исследованных археологических комплексов бийкенской культуры отнесено мною к семисартскому этапу и датируется 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII в. до н.э. (рис. 2–7). При всех имеющихся общих чертах можно отметить многообразие типов погребаль-

ных сооружений, что свидетельствует о локальных особенностях культуры населения, проживавшего на Алтае [Киришин, Тишкин, 1997]. Этап назван по памятнику Семисарт-I, который исследовался Л.С. Марсадоловым [2001] в Центральном Алтае и полностью опубликован.

Начало указанного периода, возможно, связано с падением в Китае династии Западное Чжоу в 770 г. до н.э. [Савинов, 2002], что стало причиной массовых миграций. Примерно к 750 г. до н.э.

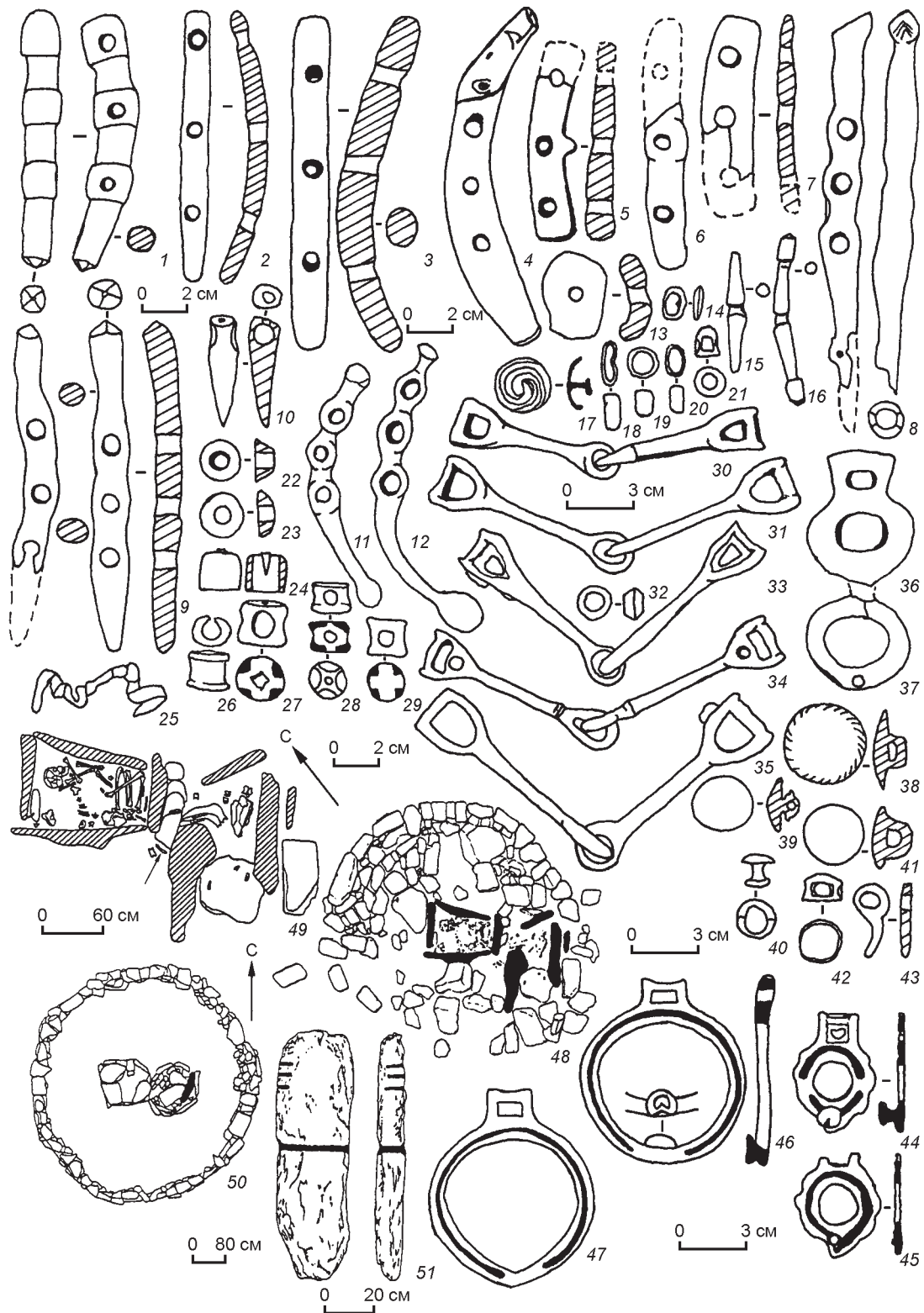


Рис. 2. Материалы семисартского этапа бийкенской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.). Снаряжение верхового коня (1–47), погребальные сооружения (48–50); «оленный» камень (51).

Памятники: Семисарт-I – 1, 48, 49; Элекмонар-II – 2, 30, 40, 42–45; Бийке – 3, 10, 13, 14, 22, 23, 50, 51; Карбан-I – 4, 8, 11, 24–29, 31, 34, 38, 39, 41, 46, 47; Кор-Кобы-I – 5; Кызык-Телань-I – 6; Покровский лог-IV – 7, 15, 16; Усть-Куюм – 9; Черный Ануй-I – 12, 35; Айрыдаш-IV – 17–21, 33, 36, 37; Кок-су – 32.

Материал: 1–10, 13–16, 22–24, 26–29, 36, 37 – кость, рог; 11, 12, 17–21, 30–35, 38–47 – бронза; 25 – золото; 48–51 – камень.

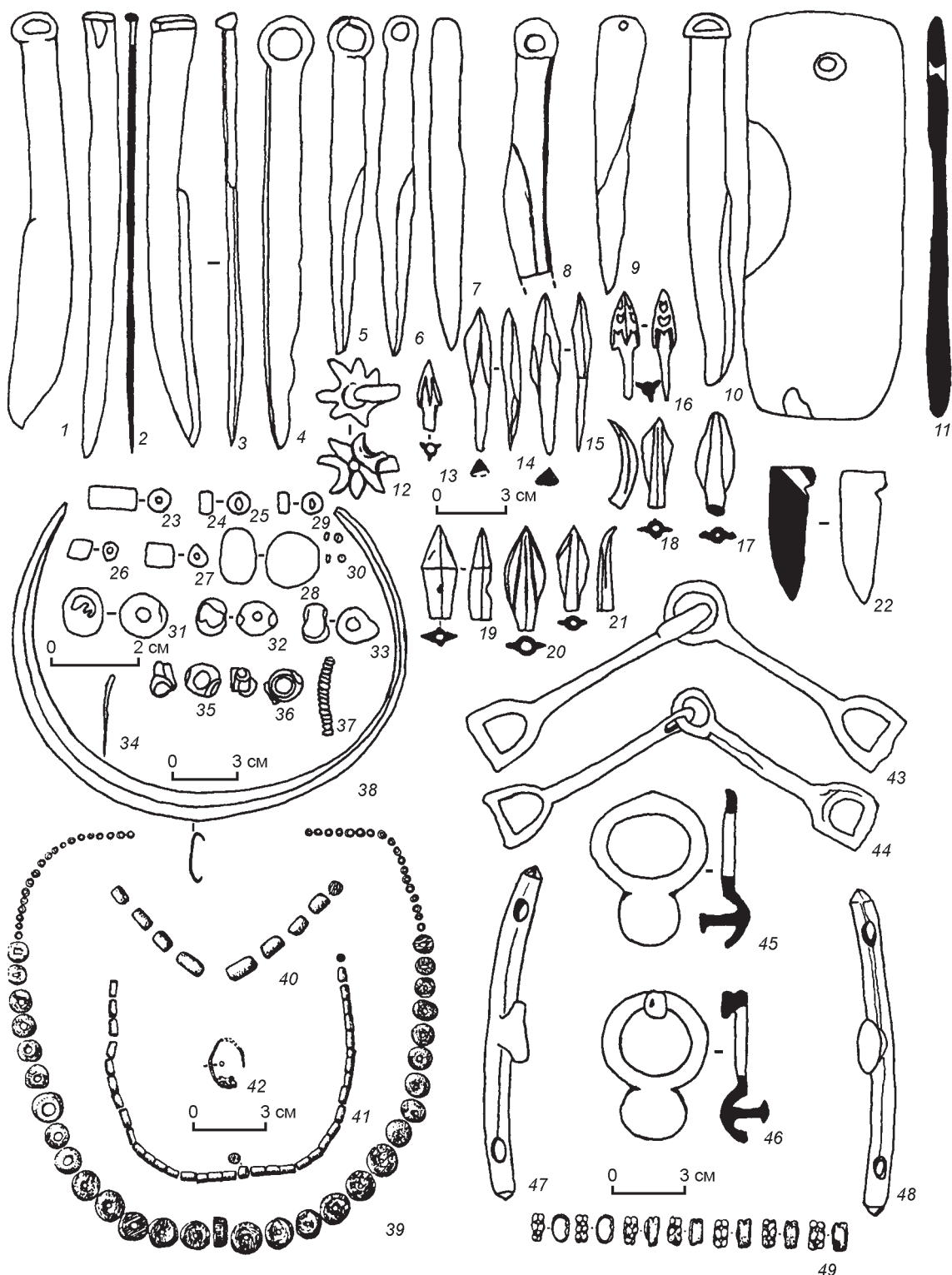


Рис. 3. Материалы семисартского этапа бийкенской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.). Орудия труда и предметы быта (1–11), украшения костюма и принадлежности костюма (12, 23–42, 49), вооружение и приспособления для охоты (13–21), снаряжение коня (22, 43–48).

Памятники: Апшухта – 1, 44; Усть-Куюм – 2, 41; Бийке – 3, 39, 40, 42; Семисарт-I – 4, 11; Элекмонар-II – 5–7, 9, 12–16, 49; Денисова пещера – 8, 10, 17; Карбан-I – 22–38; Кок-су – 43, 45–48; Карасу-II – 18; Яломанские ворота – 19; Кор-Кобы-I – 20; Кызык-Телань-I – 21. Материал: 1–10, 12, 13, 16–21, 34, 42–49 – бронза, медь; 11, 23–30, 39–41 – камень; 14, 15, 22 – кость; 31–33, 35, 36 – стеклянная паста; 37, 38 – золото.



завершился распад государственно-административной системы указанной державы. После этого исследователями отмечается период стабилизации в Китае, что, вероятно, способствовало и благоприятному развитию северных кочевых племен. Еще одним положительным фактором стала смена экологических эпох в Азии, отмеченная после 750 г. до н.э.

Практически на всей территории гор Алтая обнаружены и изучены курганы семисартского этапа бийкенской культуры. Наибольшая плотность памятников

Рис. 4. Бронзовые изделия из кургана памятника Элекмонар-II (раскопки Н.Ф. Степановой [1996]; материалы хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, г. Барнаул).

1 – удила; 2–10 – распределители ремней; 12, 13 – пряжки; 14 – наносник; 15, 16 – наконечники стрел; 17–25 – пронизи; 26 – фрагмент планки.

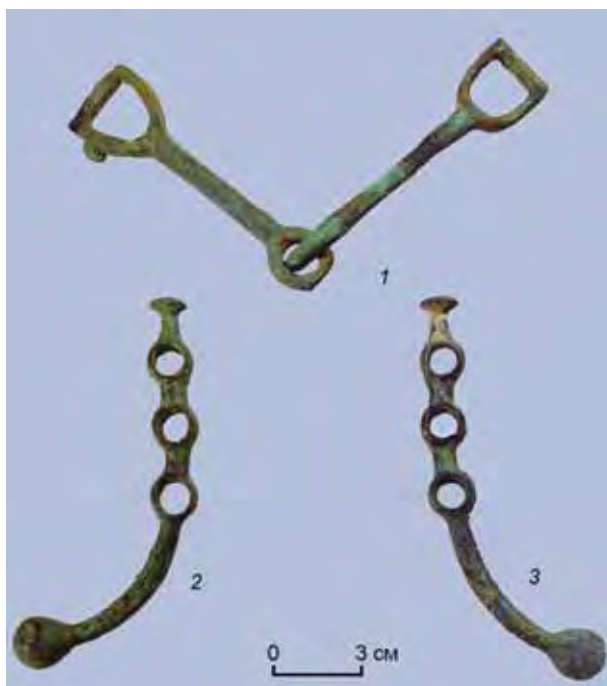


Рис. 5. Бронзовые удила и псалии из памятника Черный Ануй-I [Молодин, Петрин, 1985].

1 – удила; 2, 3 – псалии (по: [The Altai culture, 1995]).



Рис. 6. Бронзовые ножи (1–5) и наконечники стрел (6–7). Памятники: Бийке – 1; Элекмонар-II – 2–5; Тыткескень-VI – 6–7.

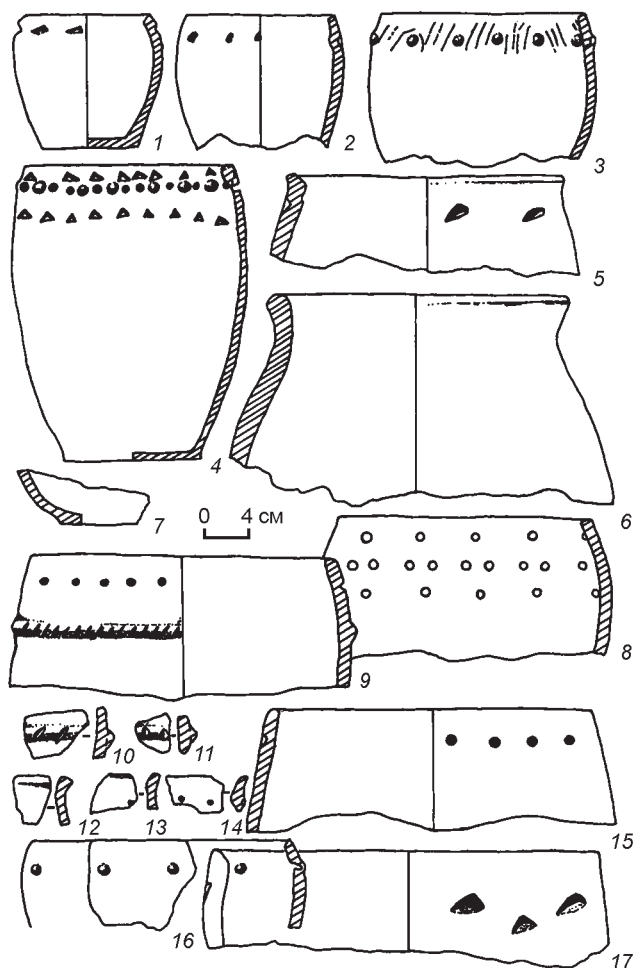


Рис. 7. Материалы семисартского этапа бийкенской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.): предметы быта. Памятники: Бийке – 1, 2, 5–7, 9–15, 17; Усть-Бийке-III – 3, 8; Усть-Кулом – 4. Материал – керамика.

зафиксирована в долинах Катуня и ее притоков [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 1–2].

Прослеживаются контакты с носителями соседней майэмирской культуры, памятники которой открыты и исследовались в западных и северо-западных предгорьях Алтая [Шульга, 1998, 2000, 2008 и др.; Тишкин, 2003]. Эти отношения носили, по всей видимости, относительно мирный характер.

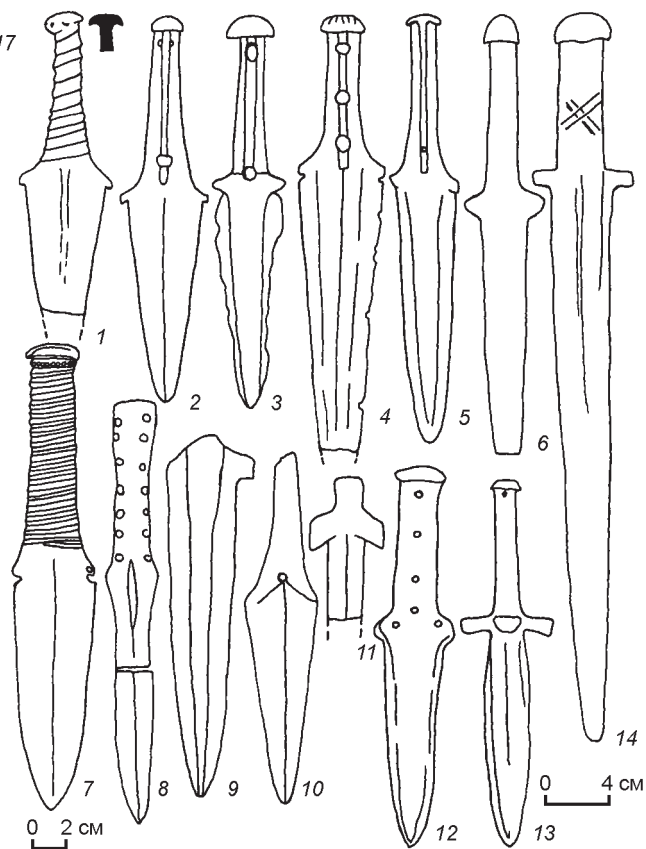
Рис. 8. Находки бронзовых кинжалов раннескифского времени на территории Горного Алтая (1–11, 13, 14) и в предгорьях (12).

Памятники и местонахождения: Катанда – 1, 3; Чибиля – 2, 4; Кер-Кечу – 5; Яшмеш – 6; Улаган – 7; Мендур-Соккон – 8; Апшухта – 9; Теректа – 10; Горный Алтай – 11; Усть-Иша – 12; Келей – 13; Шебалинский р-н – 14.

Следует указать, что в погребениях бийкенской культуры обнаружено очень мало предметов вооружения. Отметим лишь небольшую коллекцию случайно обнаруженных кинжалов (рис. 8) и других изделий рассматриваемого комплекса.

Опосредованное влияние на развитие культур «раннескифского» круга в рассматриваемый период могли оказать события, произошедшие в Передней Азии. В 679 г. до н.э. киммерийцы совершили неудачный поход против Ассирии, а около 670–660 гг. до н.э. началась миграция скифов [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159].

Заключительный этап бийкенской культуры обозначен мною как бойтыгемский и датирован 2-й половиной VII – 2–3-й четвертью VI в. до н.э. Несмотря на то, что в это время отмечаются ранее существовавшие признаки погребальной обрядности, фиксируются и заметные изменения. Это проявляется и в вещевом комплексе (рис. 9–11). Такой процесс, на наш взгляд, связан с приходом нового населения и находит отражение не только на памятнике Бойтыгем-II [Абдулганеев, 1994], а также фиксируется



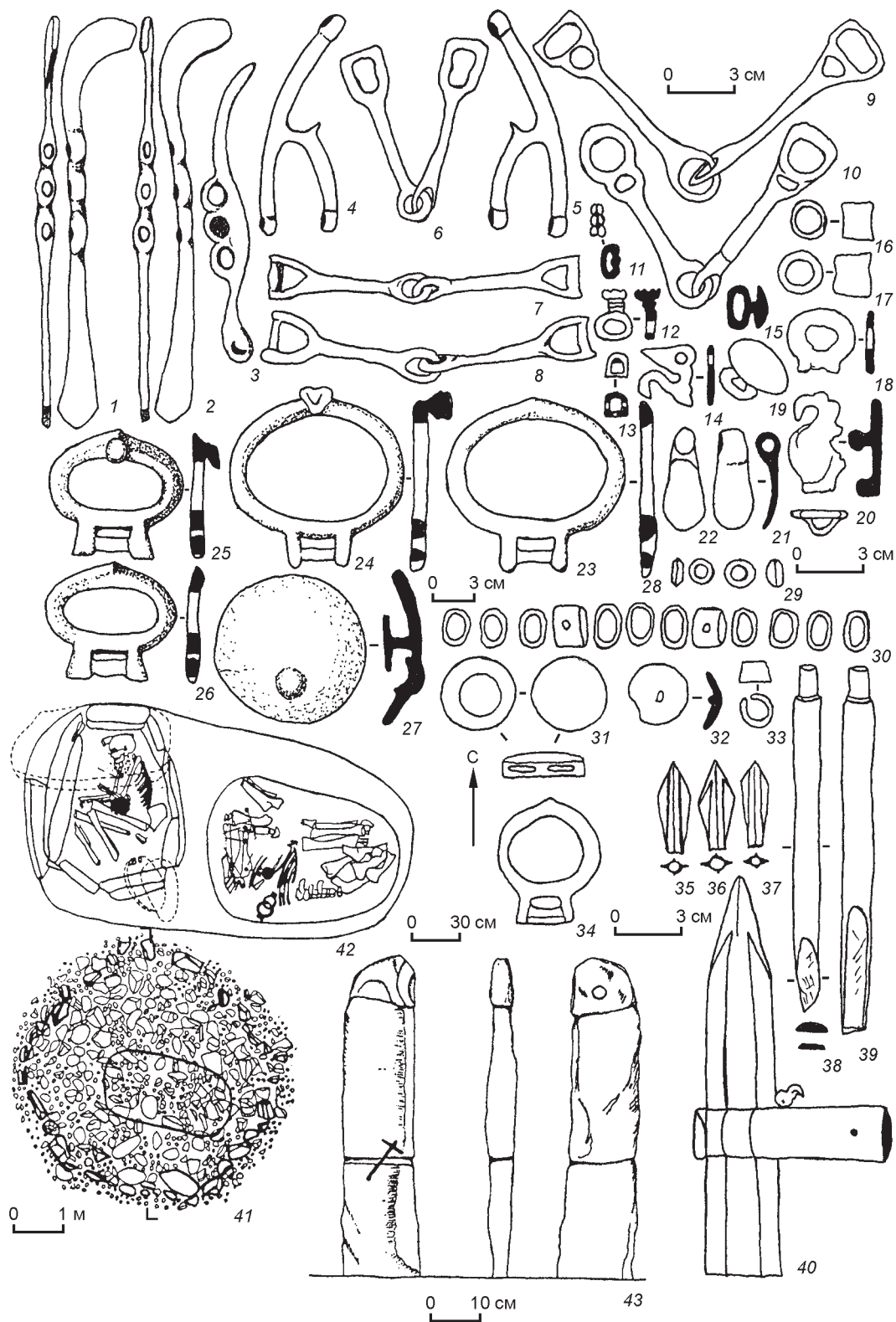


Рис. 9. Материалы бойтыгемского этапа бийкенской культуры (2-я половина VII – 2-3-я четверть VI в. до н.э.): снаряжение верхового коня (1–34), вооружение (35–40), погребальные сооружения (41–42), «оленный» камень – 43. Памятники: Бойтыгем-II – 1, 2, 7, 11, 12, 16–18, 20–27, 41, 42; Майма-XIX – 3; Каракол – 4–6, 13–15, 19, 28, 30–32, 38, 39; Бийке – 8; Козуль – 9; Алагаил – 10; Сальдыр-II – 29, 33, 34; Тьткескень-VI – 35, 37; Малый Дуган – 36; Элекмонар-II – 40; Иня – 43. Материал: 1–15, 18–37, 40 – бронза; 16, 17, 38, 39 – кость; 41, 43 – камень; 42 – камни, кости.

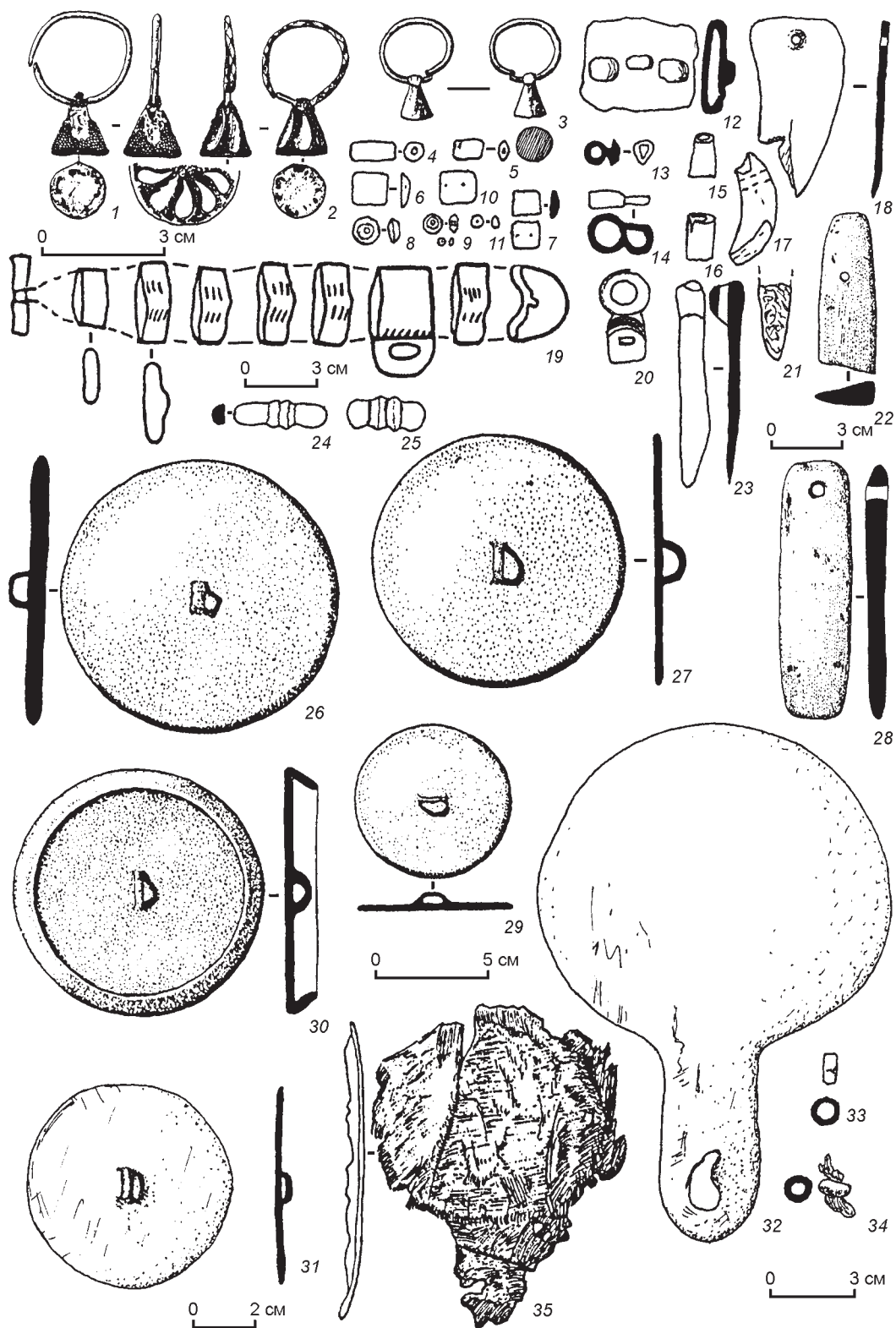


Рис. 10. Материалы бойтыгемского этапа бийкенской культуры (2-я половина VII – 2–3-я четверть VI в. до н.э.): орудия труда и предметы быта (18, 21–23, 26–32), украшения и принадлежности костюма (1–17, 19–20, 24–25, 33–35). Памятники: Бойтыгем-II – 1, 2, 4–11, 26, 28; Коо-I – 3; Каракол – 12–18, 21; Кызык-Телань-I – 19; Тыгкескень-VI – 22, 24, 32–35; Денисова пещера – 25; Бийке – 27, 29; Кызыл-Джар-IX – 30; Сальдыр-II – 20, 23, 31. Материал: 1–3 – золото; 4–9, 18, 22, 24, 25, 28 – камень; 10, 11 – паста; 12, 21 – железо; 13, 14, 19, 20, 23, 26, 27, 29–33 – бронза/медь; 15–17 – кость; 34 – бронза, кожа; 35 – кожа, мех.

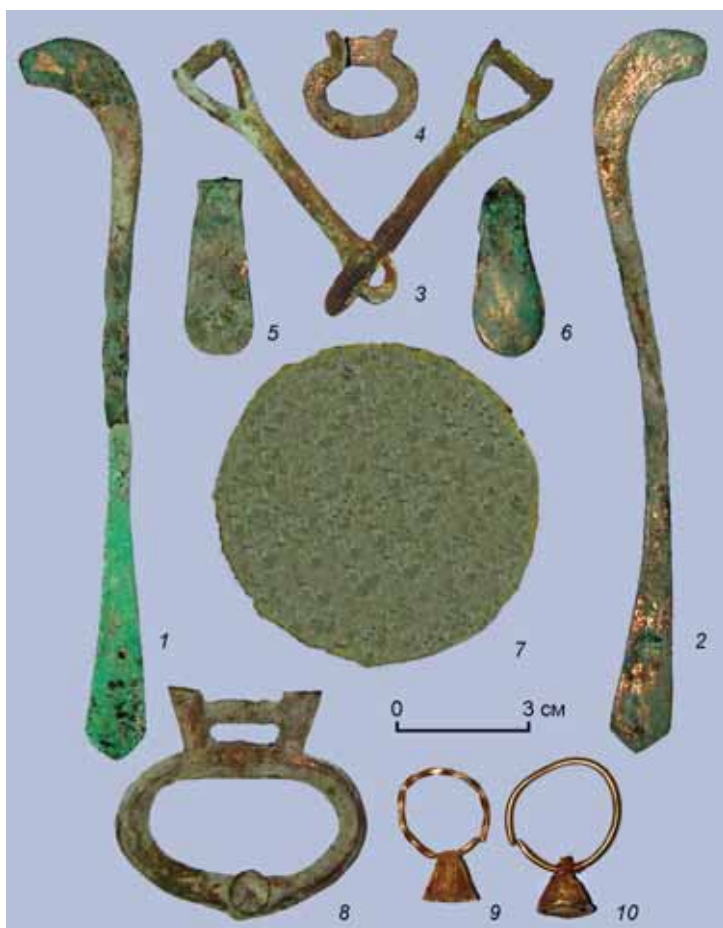


Рис. 11. Комплекс металлических находок из кургана № 19 памятника Бойтыгем-II (раскопки М.Т. Абдулганеева [1994], материалы хранятся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, г. Горно-Алтайск): снаряжение верхового коня (1–6, 8), предмет быта (7) и украшения (9–10).

Материал: 1–8 – бронза; 9–10 – золото.

на всей территории Алтая [Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159]. Материалы бойтыгемского этапа могут быть сопоставлены с комплексом «царского» кургана Аржан-2 в Туве, который датируется 2-й половиной VII в. до н.э. [Чугунов, 2004; Евразия..., 2005, с. 84–88; Çugunov, Parzinger, Nagler, 2010], а также с другими синхронными ему памятниками. В Передней Азии в указанный отрезок времени происходили события, которые в определенной мере повлияли на этнокультурную ситуацию в евразийских степях [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159]. Важными из них являются такие как падение Новоассирийской державы (612 г. до н.э.), «изгнание киммерийцев из Азии» (ок. 600 г. до н.э.) и завершение мидийско-лидийской войны.

Окончание существования бийкенской культуры маркируют ранние памятники пазырыкского времени [Марсадалов, 2000; Евразия..., 2005]. Эти события могут соотноситься с предшествующими событиями и с процессом образования державы Ахеменидов в Передней Азии [Савинов, 2002]. На Алтае закрепились мигранты, радикально изменившие облик кочевого мира южно-сибирского региона.

Памятники бийкенской культуры занимают в основном Юго-Восточный, Центральный и Северный Алтай, базируясь в районе бассейна Катунь и ее притоков [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 1 и 2]. К ним относятся более 50 погребальных комплексов (рис. 12) с разным количеством раскопанных объектов, большая часть которых опубликована [Кирюшин, Тишкин, 1997; Марсадалов, 2001; Тишкин, Горбунов, 2005; Суразаков, Тишкин, 2007; и др.]. Выявление и исследование памятников бийкенской культуры продолжается. Постепенно увеличиваются данные об аржано-майэмирском времени Алтая. Например, в 2003 г. на памятнике Коол-1 был вскрыт объект № 356 [Богданов, Слюсаренко, 2003, с. 275]. В 2006 г. раскопаны две группы курганов на левом берегу р. Тыткескень [Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006; Тишкин, Матренин, 2007].

В 2010 г. в нижнем течении Урсула (в зоне строительства автодороги) под руководством Ю.Т. Мамадакова и Н.Ю. Кунгуровой раскопаны курганы бийкенской культуры, давшие характерный предметный комплекс. Ряд объектов выявлен автором при сплошном обследовании долины левого берега Катунь от с. Купчегень до с. Иня (Кур-Кечу-V, Яломан-I и т.д.). Наиболее крупным среди них является «царский» курган Кур-Кечу-II с поминальниками и жертвенниками [Тишкин, 2007г]. Кроме всего, получена небольшая серия радиоуглеродных дат, которая откалибрована и опубликована [Тишкин, 2007б, с. 241–249].

Заложенные основы способствуют дальнейшему изучению такого явления, как бийкенская археологическая культура (рис. 12).

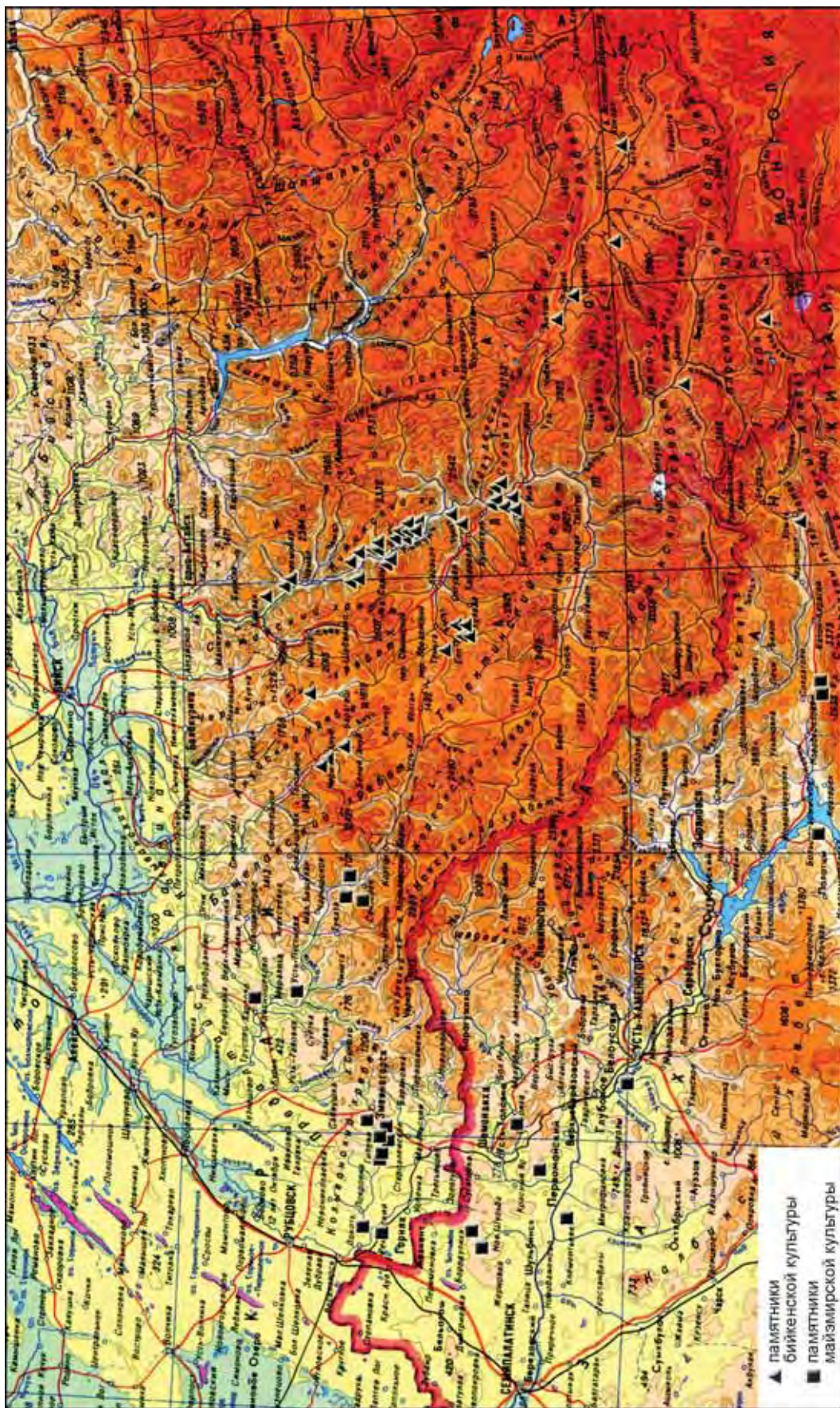


Рис. 12. Расположение памятников бийкенской и майэмирской культур на современной карте Алтая и его предгорий (по: [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 1–2; Шульга, 2008, рис. 1], с добавлениями автора).

В плане происхождения бийкенской культуры Алтая, в отличие от точки зрения П.И. Шульги [2008, с. 12] об ее автохтонности, я придерживаюсь миграционной концепции [Тишкин, 1996б, с. 25; Кирюшин, Тишкин, 1997; и др.]. Кстати, в неоднократно упомянутой работе М.П. Грязнова указано на такой же вариант, но проникновение ранних кочевников представлено через северные предгорья [1955, с. 28–29]. А.Д. Таиров связывает процесс движения скотоводческих племен с негативными изменениями экологических условий в степях Монголии, Северного и Северо-Западного Китая. Оттуда, по его мнению, в конце IX в. началась миграция населения в северном направлении. «Движение кочевых племен... проходило, вероятно, в несколько этапов, имело различную интенсивность и было направлено в разные регионы» [Таиров, 2003].

О том, что возможные истоки бийкенской культуры находятся в указанных А.Д. Таировым [2003, 2007] районах Центральной Азии, нами уже ранее предполагалось [Тишкин, 1996, с. 25; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111]. Мною предпринималась попытка расширить круг поиска в разных направлениях. Погребально-поминальные конструкции, схожие с сооружениями бийкенской археологической культуры, можно отметить на территории Западного Казахстана, Южного Урала и даже Индостана [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 158]. Регион, указанный последним, дает схожие материалы, датируемые эпохой поздней бронзы [Thapar, Sharma, 1994; Misra V.D., Misra B.V., 2002 и др.]*. В связи с этим появляется хорошая перспектива для дальнейшей разработки проблемы об истоках бийкенской культуры. Подобные моменты были обозначены нами при реконструкции мировоззренческих основ «бийкенцев» [Тишкин, Леонова, 2005]. Таким образом, решение проблемы происхождения бийкенской культуры продолжается. Намеченные пути требуют более детальной проработки.

При завершении статьи необходимо затронуть вопрос о соотношении бийкенской и майэмирской культур Алтая. Частично такая работа уже выполнена [Тишкин, 2003]. Кроме этого, она хорошо иллюстрируется приводимой картой, на которой отмечены памятники «раннескифского» времени.

В настоящее время наполнением содержания майэмирской культуры занимается П.И. Шульга [2008], раскопавший серию своеобразных памятников, в том числе крупный могильник Гилево-Х.

Сопоставление результатов исследований памятников «раннескифского» времени и пазырыкской культуры Алтая свидетельствует о перерыве генетического развития, произошедшем не позже 2–3-й четверти VI в. до н.э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111–112; Марсаолов, 2000; и др.].

В заключение необходимо указать, что представленная периодизация бийкенской культуры отражает лишь начальные этапы такой работы, опираясь на современный уровень исследований.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.** Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 37–43.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х.** Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1982. – С. 52–77.
- Абдулганеев М.Т., Ларин О.В.** О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 33–36.
- Алтай** мунмэнджон (алтайская культура). – Сеул: Кун-нип чунан панмульгван (Национальный музей Кореи), 1995. – 191 р. (на кор. яз.).
- Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю.** Археологические исследования на памятнике Коол-1 в долине р. Актру (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. I. – С. 272–276.
- Ван Вэй.** Культуры бронзового века I тыс. до н.э. в северных районах Китая (по материалам могильника Люшуй, Синьцзян) // Междунар. симп. «Terra Scythica»: программа и тез. докл. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 54–56.
- Васильев Л.С.** Древний Китай. – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 2: Период Чуньцзо (VIII–V вв. до н.э.). – 623 с.: карта.
- Грязнов М.П.** Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. – 1955. – Вып. 24. – С. 19–29.
- Грязнов М.П.** Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – 1957. – Вып. 26. – С. 21–28.
- Грязнов М.П.** Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
- Деревянко А.П.** Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

*Автор благодарен А.Я. Щетенко за консультации и особенно А.А. Ковалеву за доставку из Индии этих публикаций.

- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, С.С. Васильев и др. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С.** Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 353–357.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.: ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 70–75.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.
- Кубарев В.Д.** Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.
- Марсадолов Л.С.** Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.
- Марсадолов Л.С.** Две группы памятников кочевников Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. – С. 101–104.
- Марсадолов Л.С.** Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырьской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.
- Марсадолов Л.С.** Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001. – 184 с.: ил. – (Материалы СААЭ ГЭ; вып. 4).
- Михайлов Н.Н., Редькин А.Г.** Платогорье в позднеледниковое и послеледниковое время // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 13–28.
- Мионов В.С.** Культура населения Средней Катунь в скифское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.
- Могильников В.А.** Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 35–67.
- Могильников В.А.** Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 60–107.
- Молодин В.И.** Пазырьская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. – № 4. – С. 131–142.
- Молодин В.И.** Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия: науч.-попул. очерки. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000б. – 192 с., ил.
- Молодин В.И., Петрин В.Т.** Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1985. – С. 50–73.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В.** Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 256 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 3).
- Плотников Ю.А.** О возможности сохранения энеолитического населения Горного Алтая вплоть до раннего железного века // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 17–18.
- Полосьмак Н.В.** Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. – 1993. – № 3. – С. 21–31.
- Полосьмак Н.В.** Пазырьская культура // Древние культуры Бертегской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 137–144.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 204 с.: ил.
- Соенов В.И., Исцов А.В.** К проблеме выделения андроновских погребений в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – С. 125–126.
- Сорокин С.С.** Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник. – Л.; М.: Сов. художник, 1966. – Вып. 8. – С. 39–60.
- Степанова Н.Ф.** Куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1986. – С. 79–81.
- Степанова Н.Ф.** Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 54–69.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. – 216 с.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А.** Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. – Барнаул: Азбука, 2007. – 232 с.: ил.
- Таиров А.Д.** Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Астана: Kultegin, 2003. – Т. 1: Древние эпохи. – С. 157–179.
- Таиров А.Д.** Кочевники Урало-Казахстанских степей в VIII–VI вв. до н.э. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. – 274 с.: ил.
- Тишкин А.А.** Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 124–127.
- Тишкин А.А.** Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996а. – С. 20–54.
- Тишкин А.А.** Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1996б. – 28 с.
- Тишкин А.А.** Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 194–198.
- Тишкин А.А.** О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского

- го времени // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 164–166.
- Тишкин А.А.** Проблемы выделения керамического комплекса раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2005а. – Т. 2. – С. 169–178.
- Тишкин А.А.** Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005б. – Ч. 1. – С. 322–327.
- Тишкин А.А.** Об одном моменте в изучении культуры кочевников Горного Алтая раннескифского времени // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005в. – С. 41–44.
- Тишкин А.А.** Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологическая концепция и этнокультурная история): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006. – 54 с.
- Тишкин А.А.** Культурно-экологические области и контактные зоны на юге Западной Сибири // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб.: [б.и.], 2007а. – С. 85–95.
- Тишкин А.А.** Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007б. – 356 с.
- Тишкин А.А.** Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007 в. – Вып. 3. – С. 146–158.
- Тишкин А.А.** Археологические памятники в урочище Кур-Кечу (Горный Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2007 г. – Т. 1. – С. 94–98.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 200 с. + вкл.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 430 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 238 с. + вкл.
- Тишкин П.К., Дашковский П.К.** Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 248–267.
- Тишкин А.А., Леонова И.Ю.** Особенности погребальных конструкций бийкенской археологической культуры и их семантика // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 363–371.
- Тишкин А.А., Леонова И.Ю.** Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Изд-во Дон. нац. ун-та, 2005. – Т. 2. – С. 279–294.
- Тишкин А.А., Матренин С.С.** Курганы бийкенской культуры на памятнике Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – Вып. 16. – С. 109–116.
- Тур С.С.** Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – С. 136–147.
- Чугунов К.В.** Аржан – источник // Аржан: Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: Славия, 2004. – С. 10–39.
- Шульга П.И.** Раннескифская упряжь в VII – начале VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 25–49.
- Шульга П.И.** Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 245–250.
- Шульга П.И.** О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2000. – С. 148–150.
- Шульга П.И.** Снаряжение лошади по материалам раннескифского могильника Гилево-10 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 395–400.
- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. 1: Раннескифское время. – 276 с.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.** Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. – 330 S., 289 Abb., 153 Taf. und 7. Beilagen (Archäologie in Eurasien; Bd. 26). – (Steppenvölker Eurasien; Bd. 3).
- Misra V.D., Misra B.B.** Megalithic Cultures of the Adwa Valley // Pragdhara. – 2002. – N 12. – P. 133–143.
- Thapar B.K., Sharma A.K.** Indian megaliths in asian context. – New Delhi: [s.n.], 1994. – 56 p.: pl.

S. Hansen

*Deutsches Archäologisches Institut
Berlin, Deutschland*

GROSSGRABHÜGEL DER ÄLTEREN EISENZEIT ZWISCHEN WEST UND OST. EINE ANNÄHERUNG

Einleitung

Um die Mitte des achten vorchristlichen Jahrhunderts vollzog sich in Mitteleuropa der Übergang von der spätbronzezeitlichen «Urnenfelder- zur früheisenzeitlichen «Hallstattkultur». Sie wurde in der 2. Hälfte des 5. Jh. v. Chr. von der Latènekultur abgelöst, die durch einen neuen, mediterran beeinflussten Zierstil charakterisiert ist (Jacobsthal, 1944). Das Verbreitungsgebiet der Hallstattkultur reicht von Westungarn bis ins Burgund. Die Nordgrenze wird durch die Mittelgebirge markiert. Im Süden gehört der inneralpine Bereich dazu, während die oberitalische Tiefebene, Südfrankreich und Dalmatien kulturell nicht mehr zum Hallstattbereich gerechnet werden. Das der Hallstattkultur zugerechnete Gebiet ist, wie der Sachbesitz erkennen lässt, regional gegliedert. Der Westhallstattkreis, der im Gebiet vom Burgund bis nach Oberösterreich verbreitet war und der Osthallstattkreis, der das Gebiet Niederösterreichs und den Südostalpenraum bis zur Donau einschließt, soll hier unterschieden werden.

Mit der Hallstattkultur ist gegenüber der vorangehenden Urnenfelderkultur ein markanter Wechsel der Bestattungssitten zu bemerken. Es finden sich nun – regional in unterschiedlichem Ausmaß – in vergleichsweise großer Zahl Gräber, die sich durch einen architektonisch herausgehobenen Grabbau in Form eines Hügels und eine aufwändige Beigabenausstattung auszeichnen. In Gräbern dieses Typs spielen Luxusartikel sowohl einheimischer als auch mediterraner Provenienz eine wichtige Rolle. Hierzu zählen insbesondere Wagen und Pferdezaumzeug, Bronzegerätschaft (Abb. 1) und in geringerem Umfang mediterrane Keramik, kostbare

Möbel sowie Stoffe und goldener Ringschmuck (Burmeister, 2003).

Die Beigaben in den Grabhügeln spiegeln in besonderem Maße die Fernverbindungen dieser «Fürsten» oder «Häuptlinge» in den mediterranen Raum wider. Daraus gewinnt man einen ersten Hinweis auf die Art der Herrschaft, die hinter diesen prunkvollen Grablegen steht. Erst neue Forschungen haben gezeigt, dass beispielsweise die seit langem erforschte Heuneburg an der oberen Donau nur der befestigte Teil einer viel größeren, bis zu 40 ha großen Siedlung war (Krause, 2006: 76, Abb. 18). Hier wurden wirtschaftlich differenzierte Aktivitäten gesteuert und kontrolliert. Die Qualität der Produkte, ob im Metall- oder im Textilhandwerk lassen



Abb. 1. Hochdorf. Kessel aus dem Grab mit Löwenfiguren auf dem Rand (Foto: Landesmuseum Württemberg, Stuttgart, P. Frankenstein, H. Zwietasch).

eine arbeitsteilige Gesellschaft mit zahlreichen Spezialisten erschließen (Krause, 2006: 68). Auf den Burgen konzentrierte sich die politische Macht. Wahrscheinlich entstammten die Herren wenigen Familien, die vermutlich schon seit Generationen diese Kontrolle ausübten. Paläogenetische Untersuchungen haben gezeigt, dass der Tote aus dem Zentralgrab im Grafenbühl bei Asperg und der in Hochdorf bestattete mit großer Wahrscheinlichkeit von der gleichen mütterlichen Linie abstammten (Krause, 2006: 73 f.). Es ist dies ein wichtiges Argument für den dynastischen Charakter dieser Herrschaften in der älteren Eisenzeit.

Es geht mir in diesem Beitrag allerdings nicht um die Darstellung der Diskussionen zur sozialgeschichtlichen Interpretation der reichen Bestattungen bzw. der Hallstattzeit insgesamt. In der Forschungsdiskussion wurden in den letzten Jahren verschiedene Standpunkte vertreten. In der Tradition der neoevolutionistischen Sozialanthropologie werden die hallstattzeitlichen «Fürsten» von einigen Archäologen als Oberhäupter von relativ kleinen Verwandtschaftsverbänden angesehen, deren Herrschaftsausübung «eher lokal bzw. kleinräumig, denn regional oder gar überregional» gewesen sei (Eggert, 1999). Andere Forscher plädieren aus dem historischen Gesamtkontext heraus dafür, die «Fürsten» mit einem Sakralkönigtum in Verbindung zu bringen (Krause, 1999). Während der erste Standpunkt um die Einordnung des Phänomens reicher Bestattungen um ein generalisiertes Entwicklungsschema politischer Organisation bemüht ist, trägt die zweite Position den Diskontinuitäten der Geschichte mit der Analyse unterschiedlicher Transformationstypen Rechnung (Foucault, 1981: 23). Es spricht aus meiner Sicht sehr viel dafür, sich von den generalisierenden Schemata der neoevolutionistischen Theorie zu lösen, die unter der Hand bereits zu quasi-Universalien geworden sind und vielmehr einen eigenen Blick auf das archäologische Material zu entwickeln. Dieser wäre dringend nötig, um den Materialisierungen von Herrschaft und Macht nachzugehen (Hansen S., 2011).

Hier soll es ausschließlich nur um ein Detail gehen, nämlich die Errichtung der Grabhügel. G. Kossack (1959: 140) bemerkte einmal, dass die «Geschichte des hallstattzeitlichen Grabhügels als monumentales Erinnerungsmal» noch nicht geschrieben ist. Tatsächlich war für die Menschen der Antike zuallererst der monumentale Charakter der Grabanlage augenfällig, während sie über die dem

Toten beigegebenen Pretiosen allenfalls Spekulationen anstellen mochten. Die folgenden Ausführungen sind keineswegs als ein umfassender Überblick über das Phänomen der eisenzeitlichen Grabhügel zu verstehen, sondern nur als eine erste Skizze.

Tumuli waren in der frühen Eisenzeit nicht etwas prinzipiell Neues. Zu den vielfältigen technischen und sozialen Innovationen der zweiten Hälfte des vierten Jahrtausends gehört der Grabhügel: hierzu zählen die «Hyperhügel» der Majkop-Kultur (Govedarica, 2002) ebenso wie die Grabhügel der zeitgleichen Usatovo-Kultur (Dergačev, 1991) und der Badener-Kultur (Kalicz, 1999). Sie sind natürlich nicht die ältesten monumentalen Grabmonumente, denn die großen bretonischen Megalithgräber wie Barnenez wurden bereits im 5. Jahrtausend v. Chr. gebaut. Ein so großes Monument über einem Individualgrab zu errichten, stellte allerdings schon etwas Neues dar. Der einzelne Herrscher wurde meist als Krieger im Grab portraitiert. Kurgane waren Markierungen in der Landschaft, welche auf Dauer die Raumorientierung einer Gesellschaft prägten und es ist dabei von einiger Bedeutung, ob mit dem Grabhügel z. B. eine bestimmte *lineage* oder ein Individuum verbunden wird (Arnold, 2011). Unabhängig davon, dokumentierten Grabhügel auch die Legitimität von aktuellen Ansprüchen auf Landbesitz. Daneben mag ihre Kreisform immer auch in unterschiedlichster Weise symbolisch aufgeladen worden sein (Govedarica, 2010). Grabhügel wurden dann im dritten Jahrtausend in vielen europäischen Regionen prägend. Es fand eine enorme Ausweitung der Hügelerrichtung statt. Ganze Landschaften wurden zu Grabhügellandschaften umgebildet und zwar in einem Ausmaß, das wir uns aufgrund der Zerstörungen dieser Monumente im 18. und 19. Jh. nur schwer vorstellen können. Den gesamten Nordschwarzmeerraum, aber auch Norddeutschland und die jütische Halbinsel muss man sich als Grabhügellandschaften vorstellen, wie man sie heute nur in den wenig industriell und landwirtschaftlich genutzten Regionen – Kalmykien beispielsweise – vorfindet. Selbst große Grabhügel, die in der landwirtschaftlich genutzten Zone liegen, können völlig eingeebnet sein. Daraus erklärt sich auch die Tatsache, dass heute durch die Luftbildarchäologie Nekropolen mit weit über 100 Grabhügeln entdeckt werden können (Meixner, Schaich u. Watzlawik, 1995).

Für wenige herausragende Bestattungen errichtete man auch in der Frühbronzezeit des frühen 2. Jt. v.

Chr. in verschiedenen Regionen Europas Grabhügel (Mitteldeutschland: Höfer, 1906; Bretagne: Briard, 1984; Wessex: Barrett, 1990), während aber allgemein die Bestattung in Flachgräberfeldern vorherrschte. In der Mittelbronzezeit wurden wieder zahlreiche Hügel errichtet, wenige, aber teilweise spektakuläre Hügel in der späten Bronzezeit des 8. Jh. v. Chr., die teilweise mit den älterhallstattzeitlichen Hügeln zeitgleich sein dürften (Seddin und Lusehøj: Thrane, 1984; Thrane, 2006).

Als man in der Hallstattzeit wieder mit dem Bau von Grabhügeln begann, knüpfte man an ein Jahrtausendealtes Monument an, das in vielen Regionen die Landschaft des 1. Jahrtausends bereits prägte. Es ist völlig klar, dass man die Bedeutung dieser Hügel als Gräber kannte und es ist daher eine berechtigte Frage, welche Motive hinter der Revitalisierung dieser alten Grabform standen.

Die Errichtung von Grabhügeln ist während der Eisenzeit keineswegs nur auf das Gebiet der Hallstattkultur begrenzt. Auch in Italien, in Nordgriechenland, Westanatolien, dem nördlichen Schwarzmeergebiet, dem Nordkaukasusraum bis nach Sibirien ist der Tumulus das bestimmende Grabmonument für die Mächtigen. Die Grabhügelbestattung ist somit als Teil einer «Internationalisierung» zu verstehen, in der die protostaatlichen Gesellschaften zwischen Ostfrankreich und Kaukasus in einen ungleich engeren Kontakt zu den städtischen bzw. staatlichen Zentren des Mittelmeerraums und des Nahen Ostens rückten, als dies für die vorangegangene Bronzezeit gesagt werden kann (vgl. Beiträge in Ruby, 1999). Im Folgenden können hierfür nur einige Beispiele angeführt werden.

Kulturell ist die Zeit des 8.–6. Jh. v. Chr. durch eine starke Rezeption «orientalischer» Lebensformen geprägt, die über Kontakte nach Zypern, der Levante und dem Zweistromland vermittelt werden. Diese Kontakte waren nicht völlig neu, sondern bestanden schon in der Bronzezeit, wie das Schiffswrack von Ulu Burun exemplarisch gezeigt hat (Yalcin, Pulak u. Slotta, 2005). Die eisenzeitliche Rezeption orientalischer Kultur geht weit über die Einfuhr von Importgütern hinaus. Vielmehr handelt es sich um eine tiefgreifende Rezeption von Ess- und Trinksitten, von handwerklichen Techniken, von Magie und Medizin, von literarischen Formen und von Mythen und Bildern. W. Burkert (1995) spricht von einer «Orientalizing Revolution». Besonders in den Bildern sind die weiten überregionalen Bezüge

der frühen Eisenzeit auch nördlich der Alpen dokumentiert (Huth, 2010).

Mit der Aufnahme orientalischer Motive in der Kleinkunst des 8. und vor allem des 7. Jh. v. Chr. trat zudem eine neuartige Mythenwelt in Erscheinung. Die geistigen Horizonte der Besitzer von Kesseln mit Löwenprotomen auf der schwäbischen Alb (Abb. 1) oder Greifenprotomen im Elsass wurden erheblich gedehnt. Zumindest demonstrierten ihre Besitzer, dass sie mit der mediterranen Welt im materiellen und geistigen Austausch standen. In der Kleinkunst wurden, wie an der Dekoration der ostalpinen Situlen ablesbar ist, mediterrane Motive aufgenommen, neu zusammengesetzt und interpretiert. Die griechische Interpretation der orientalischen Kunst war mit ihren Emporia und Kolonien im westlichen Mittelmeer von Ampuriás, über Marseille bis in den nördlichen Schwarzmeerraum den indigenen Kulturen nahegerückt.

Für die mythische Begründung von Grabhügeln spielt die Ilias die zentrale Rolle. Denn ausführlich wird im XXIII. Buch die Bestattung des Patroklos geschildert, dessen Knochen aus dem Scheiterhaufen ausgelesen werden, und mit Fett umhüllt in einer Goldschale unter einem Hügel beigesetzt werden. Daran anschließend werden die Leichenspiele beschrieben und vor allem der große Frevel an der Leiche Hektors erzählt. Die Götter müssen schließlich eingreifen, um Hektor bestatten zu lassen. Hermes geleitet Priamos in das Lager der Griechen, um Hektors Leichnam gegen gewaltige Zahlungen, Gewänder, Gold und DreifüÙe auszulösen. Bevor Achill den Leichnam übergibt, lässt er ihn waschen und salben, den Blicken des Priamos entzogen, damit der zerschundene Leichnam Hektors, der «bittere Anblick seines Sohnes», Priamos nicht gegen ihn aufbringen würde (Ilias XXIV, 585; Schrott, 2008a). Er bittet ihn zum Mahl und bereitet ihm ein Lager, bevor dieser am Morgen unter Hermes Geleit den Leichnam nach Troia bringen kann, wo er schließlich am elften Tag danach bestattet wird.

Als Bestandteile der «homerischen» Begräbnisse, die in spätgeometrischer Zeit bekannt waren und im 5. Jahrhundert eine Renaissance erfuhren, werden die Kremation, die Beisetzung des Leichenbrands in MetallgefäÙen, das Einhüllen der Knochen in ein Tuch, eine gewisse Zahl von Beigaben und die Errichtung von Tumuli angesehen (Guggisberger, 2008; Schweizer, 2008).

Im Epos wird kaum deutlich, dass die Errichtung eines großen Hügelmonuments eine Aufgabe

darstellte, die spezialisiertes Wissen erforderte. Man schüttete ja nicht einfach Erde auf, sondern musste ein dauerhaftes Monument schaffen. Dass die Errichtung eines Großgrabhügels einen erfahrenen Baumeister erforderte, scheint auf der Hand zu liegen und dürfte Ähnlichkeiten in der Architektur erklären. Viel zu wenig ist freilich über den Bau gerade der großen Grabhügel bekannt, da ihre sorgfältige Ausgrabung eine mühevoll und kostspielige Aufgabe darstellt (Kähler Holst, Rasmussen u. Breuning-Madsen, 2004; Parzinger, Nagler u. Gotlib, 2010).

Orientalische Erzählungen in den Alpen

Mit den neuen Bildmedien vervielfachte sich die Menge transmittierbarer Informationen um ein Vielfaches. Man kann dies an der bronzenen Fußschale aus Hallstatt, Grab 682 erkennen (Kromer, 1959: 144, Taf. 129). Es handelt sich um eine Brandbestattung in einer 2,10 x 1,5 m großen Tonwanne. Zu den Beigaben gehören ein Antennendolch, zwei kleine Kahnfibeln und zwei kleine Goldhülsen, die das Grab in die Stufe Ha D1 datieren, doch kann das

Gefäß durchaus älter sein. Die Fußschale aus Bronze ist 57 cm hoch und misst 32 cm im Durchmesser. Die innere Schalenwandung ist mit einem in zwei Registern organisierten Figurenfries verziert (Abb. 2, 3). Man erkennt in der oberen Reihe große Vierfüßer, vermutlich Pferde, sowie ein Tier mit nur einem Horn. Es ist kein «Einhorn», sondern ein Rind, das auf vergleichbaren «phönizischen» Schalen oft nur mit einem Horn abgebildet wird (vgl. Almagro-Gorbea, 2004: 12, Abb. 8). Weiterhin sind ein kleinerer Vierbeiner, vielleicht ein Löwe oder ein Greif, zu erkennen. Im inneren Fries sind abwechselnd Löwen oder Greifen und Menschen dargestellt. Letztere zeichnen sich offenbar durch lange Haare, einen nackten Oberkörper und einen rockartigen Schurz aus. Das Gefäß war schon eine Antiquität als es in das Grab kam. Seine Verzierung lässt sich mit den sog. phönizischen Metallschalen verbinden, die in Italien z. B. aus der Tomba Bernardini (Abb. 4) in Praeneste (Principi, 2000: 226, m. Abb) und der Tomba Regolini Galassi in Cerveteri (Principi, 2000: 222, m. Abb) bekannt sind. Sie waren im gesamten ostmediterranen Raum verbreitet (Rathje, 1980; Almagro-Gorbea, 2004: 28, Abb. 18). Die Darstellung auf dem Hallstätter Gefäß mag das Werk eines mediterranen Handwerkers oder eines ostalpinen Meisters sein. In jedem Fall belegen die Struktur der Darstellung (zweizoniger umlaufender Fries) als auch bestimmte Details (ägyptisierende Krieger), dass ein entsprechendes Original zur Verfügung gestanden haben muss. Als Vorbilder kommen verschiedene Stücke in Frage (Gehring u. Niemeyer, 1990: 81, Abb. 63).



Abb. 2. Hallstatt. Fußschale aus Grab 689 (Naturhistorisches Museum Wien. Foto: A.W. Rausch).

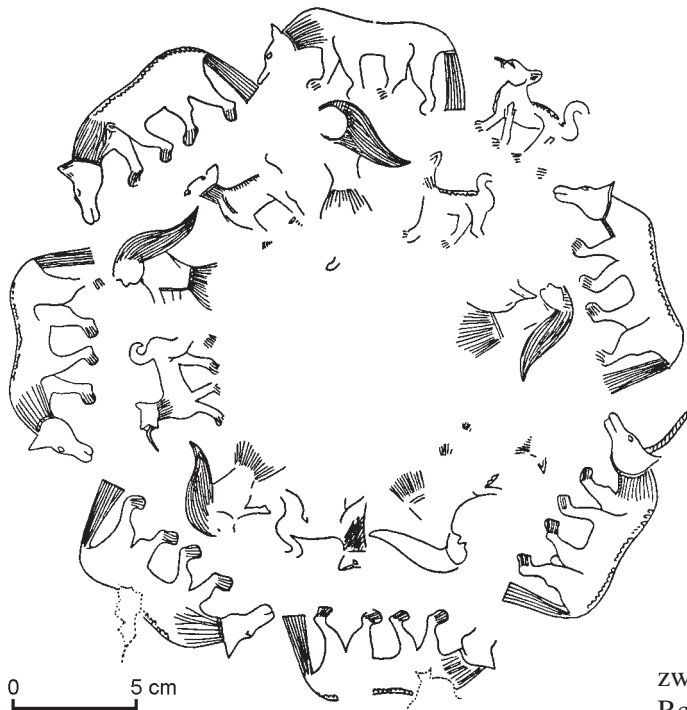


Abb. 3. Hallstatt, Grab 689. Innenzeichnung der Schale (nach: Kromer, 1959).

Auch die Form des Fußgefäßes erinnert an mediterrane Formen, z. B. die etruskischen Gefäßständer (*holmoi*), die sowohl aus Ton als in Metall hergestellt wurden. Ein Exemplar aus Cerveteri, welches in die Mitte des siebten Jahrhunderts datiert wird, trägt einen Tonkessel mit Löwen und Widderprotomen (Welck u. Stupperich, 1996: 75, Abb. 3). Bekannt sind auch schwarzglänzende *holmoi* mit Ritzverzierung in Gestalt umlaufender Pferde- und Widderdefriese aus der Zeit um 600 v. Chr. (Rasmussen u. Horie, 1988: 478 ff.). Die Bilddarstellung in der Fußschale stellt im alpinen Milieu des 7. Jh. v. Chr. sicher eine große Besonderheit dar. Die Welt wurde bevölkert von geheimnisvollen Tieren, wie Löwen und Greifen, die gleichermaßen real wie unreal waren.

Grabhügel im Westen

Die größten Grabhügel des westlichen Hallstattkreises messen an der Basis zwischen 80 und 100 m und sind bis zu 14 m in der Höhe erhalten. In der Mehrzahl weisen die hallstattzeitlichen Tumuli jedoch einen Durchmesser zwischen 10 und 20 m auf (Kurz, 1997: 41 ff., Abb. 13). Für Durchmesser



Abb. 4. Tomba Bernardini. Lebes mit Schlangenprotomen (nach: Principi, 2000).

zwischen etwa 25–50 m gibt es ebenfalls noch eine Reihe von Belegen. Hügeldurchmesser von über 50 Metern sind jedoch sehr selten. Die Höhe der Hügel betrug zum Zeitpunkt der Ausgrabungen im Durchschnitt bis zu 2 m. Höhere Hügel treten zahlenmäßig stark zurück (Kurz, 1997: 42 f., Abb. 14). In Waldgebieten, wo die Erhaltungsbedingungen für Hügel am besten sind, wurde ein durchschnittliches Verhältnis von etwa 10:1 zwischen Durchmesser und Höhe festgestellt. Wir haben es nach dieser Beobachtung also mit relativ breiten und dadurch flach wirkenden Hügeln zu tun. Sofern jedoch die Behauptung richtig ist, dass sich Schüttungsmaterial im extrem bis zu einem Drittel senken kann, wäre die Relation zwischen Durchmesser und Höhe in jedem Falle zu korrigieren (Kurz, 1997: 42). Zur Hügelarchitektur gehören vielfach Kreisgräben und Pfostenkränze. Der Hügelfuß kann durch eine Krepis aus Bruchsteinen und Orthostaten gebildet sein, wie der Tumulus von Hirschlanden erkennen lässt. Auf oder neben dem Grabhügel stand eine steinerne Statue (Zürn, 1970: 67 ff., Taf. 96–98; Marzoli, 2003), deren Vorbild letztlich auf Grabkouroi in Griechenland (Abb. 5) zurückgehen dürfte.

Das älteste präzise datierte Grab steht an der Schwelle von der Urnenfelder- zur Hallstattzeit, nämlich eine Bestattung mit Wagenbeigabe von Wehringen, die dendrochronologisch nach 776 v. Chr. datiert werden kann (Friedrich u. Hennig: 1996; Hennig, 1995). Zunehmend deutlicher kristallisiert sich eine ostfranzösische Gruppe von Grabhügelnekropolen und Einzelhügeln heraus,



Abb. 5. Athen, Kerameikos. Kouros (Foto S. Hansen).

die in die ältere Hallstattzeit gehören, Elemente der Urnenfelderzeit bewahren, aber erstaunliche Importe bergen (Chaume u. Feugère, 1991). Ein Grab aus Marainville-sur-Madon erbrachte u. a. ein



Abb. 6. Saarbrücken. Bronzebeine eines etruskischen Tisches (nach: Erbach-Schönberg, 1994).

Mindelheim-Schwert, ein Trinkservice (Schale und Kessel), Pferdegeschirr und den Wagen (Lienhard, 1993). Die Wagennabe mit Wolfszahnmuster kann man dem Typus Winterlingen zuweisen. Das Wolfszahnmuster findet sich auch auf Rädern aus der «tomba dei carri» in Populonia, Prov. Livorno, die in die zweite Hälfte des 7. Jahrhunderts datiert wird (Etrusker, 1988: 51 ff., Abb. 2; 205 ff.). Dieses mit einem Hügeldurchmesser von über 28 Metern monumentalste Grab der Nekropole von San Cerbone ist eines der größten Fürstengräber des mittleren orientalisierenden Stils. Es besteht aus einer zentralen Kammer mit Pseudokuppel, einem etwa 12 m langen Dromos und drei Seitenkammern (in denen unter anderem der Wagen abgestellt war). Zu den Grabbeigaben gehören eine goldene Fibel, Fragmente eines Bronzeschildes und die Beschläge eines großen Trinkhorns (zu Trinkhorn und Fibel: Notizie Scavi, 1914: 444 ff.; Notizie Scavi, 1921: 323 ff. (Plan) Abb. 22). Mit diesem Beispiel, weitere werden folgen, soll gezeigt werden, dass zur sozialen Einordnung von Funden des Hallstattkreises immer auch die Kontexte beschrieben werden sollten in denen vergleichbare Funde z. B. in Italien eingebunden sind.

Leider ohne Kontext sind die drei Bronzebeine eines Tisches (Abb. 6), der bereits Mitte des 19. Jh. in der Umgebung von Saarbrücken gefunden wurde. M. Egg erkannte die Bedeutung der Stücke, die ihre besten Parallelen in einem ungewöhnlich reichen Grab in Verucchio, Prov. Forlì (Abb. 7) finden (Erbach-Schönberg, 1994). Solche



Abb. 7. Verucchio, Prov. Forlì. Hölzerner Tisch (nach: Erbach-Schönberg, 1994).

außergewöhnlichen Möbel gehörten zur Ausstattung des Bankettraums. Die Datierung der Tischbeine in die erste Hälfte des 7. Jh. v. Chr. zeigt, dass orientalisierende Objekte bereits während der älteren Hallstattzeit (Ha C) im westlichen Mitteleuropa eine Rolle spielten. Es sei auch auf die bronzenen Schalen aus Hügel 1, Grab 12 im Frankfurter Stadtwald (Fischer, 1979) oder die Pyxis von Appenwahr als frühe Belege hingewiesen (Adam, 1997), um auf den kaum gewürdigten Umstand hinzuweisen, dass bereits in der ersten Hälfte des 7. Jh. v. Chr. ein «orientalisierender» Horizont im Westhallstattkreis erkennbar wird.

Zu den größten Grabhügeln der Eisenzeit gehört mit einem Durchmesser von 80 m und einer Höhe von 13,5 m der Hohmichele (Riek, 1962). Er wurde 1937 und 1938 nur teilweise untersucht, so dass über die konstruktiven Merkmale im Sockelbereich des Hügels nichts bekannt ist und auch nur ein Teil der Nachbestattungen erfasst wurde. Möglicherweise war der Hohmichele durch eine Kalksandsteinstele bekrönt (Riek, 1962: 25). Im Zentrum des Hügels fand sich die beraubte Zentralbestattung (Grab I), von der nur Reste eines Wagens, einige Bronzefragmente und Glasperlen einer Kette erhalten sind (Trachsel, 1995). Durch die Grabungen wurden mindestens zwölf Nachbestattungen erfasst, von denen Grab VI durch seine qualitätvolle Beigabenausstattung hervorsticht. Es handelt sich um die Bestattung eines Mannes und einer Frau (Abb. 8). Unter den Beigaben sind ein vierrädriger Wagen und Pferdegeschirr, bronzenes Geschirr, verschiedene Trachtbestandteile (von denen ein Schlangenfibelpaar das Grab sicher in die Stufe Ha D1 verweist) und zwei Schmuckketten aus 351 Bernstein- und 2360 Glasperlen sowie als Waffenbeigabe Pfeil und Bogen zu erwähnen. Es ist sehr bezeichnend, dass in der Diskussion über die Dimension von Herrschaft in der Eisenzeit die Tatsache kaum gewürdigt wird, dass den Potentaten, den hallstattzeitlichen «Fürsten», auffallend häufig auch (ihre) Frauen ins Grab folgen mussten.

Der Hohmichele ist der älteste Hügel der Heuneburgnekropole. Grab I wurde von W. Kimmig als das Grab des Begründers der älteren

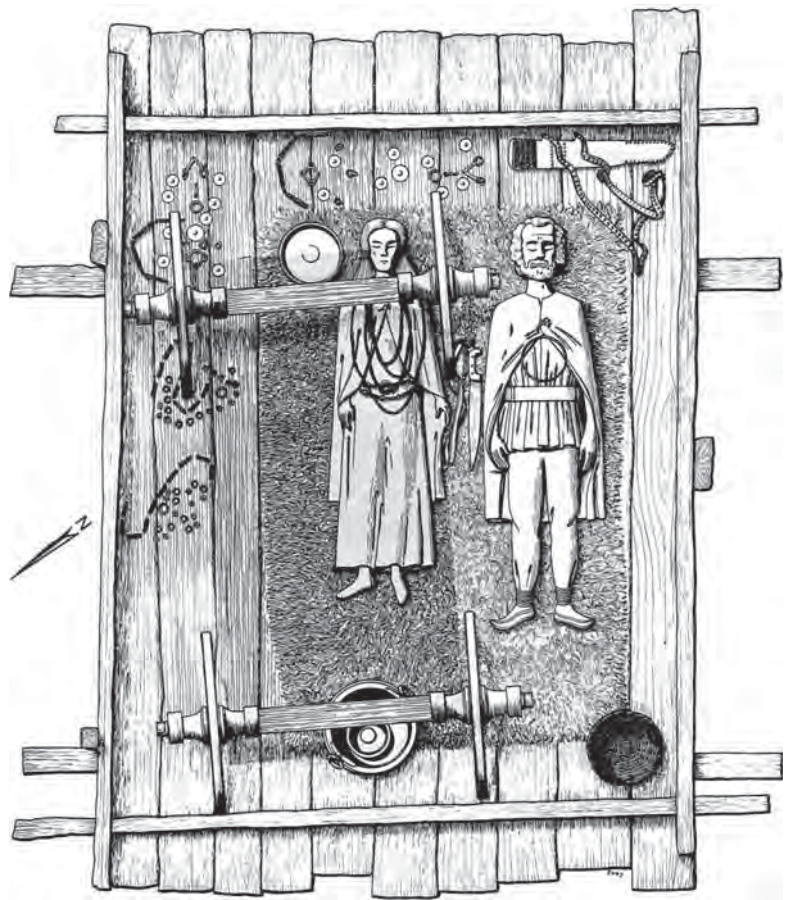


Abb. 8. Hohmichele, Grab VI (nach: Fischer, 1982).

Heuneburgdynastie bezeichnet (Trachsel, 1995). Der Hügel selbst liegt innerhalb einer Gruppe von mindestens 30 weiteren Grabhügeln. Schließlich finden sich in der weiteren Umgebung der Heuneburg weitere Großgrabhügel, nämlich die Baumburg, knapp 10 m hoch und 75 m im Durchmesser (Kimmig, 1983: 206 f., Abb. 121) sowie der nahegelegene «Lehenbühl» (Durchmesser 70 m; Höhe 5–6 m). Bereits wesentlich weiter entfernt ist der «Rauhe Lehen», ein heute noch 7 m hoher Hügel (Kimmig, 1983: 214 f., Abb. 125). Zuletzt wurde auf einen bislang wenig beachteten Großgrabhügel bei Ertingen hingewiesen (Kurz, 1996). Neben dem Magdalenenberg und dem «Bürgle» (Pare, 1992) darf der Hohmichele als der größte Hügel der Hallstattzeit des westlichen Mitteleuropa gelten. Die nächstfolgende Gruppe besteht aus Hügeln mit einem Durchmesser um ca. 70 m und einem Volumen von 10–15 000 m³.

Etwas jünger als die Gräber im Hohmichele ist das in den 1980er Jahren entdeckte Grab von Hochdorf,

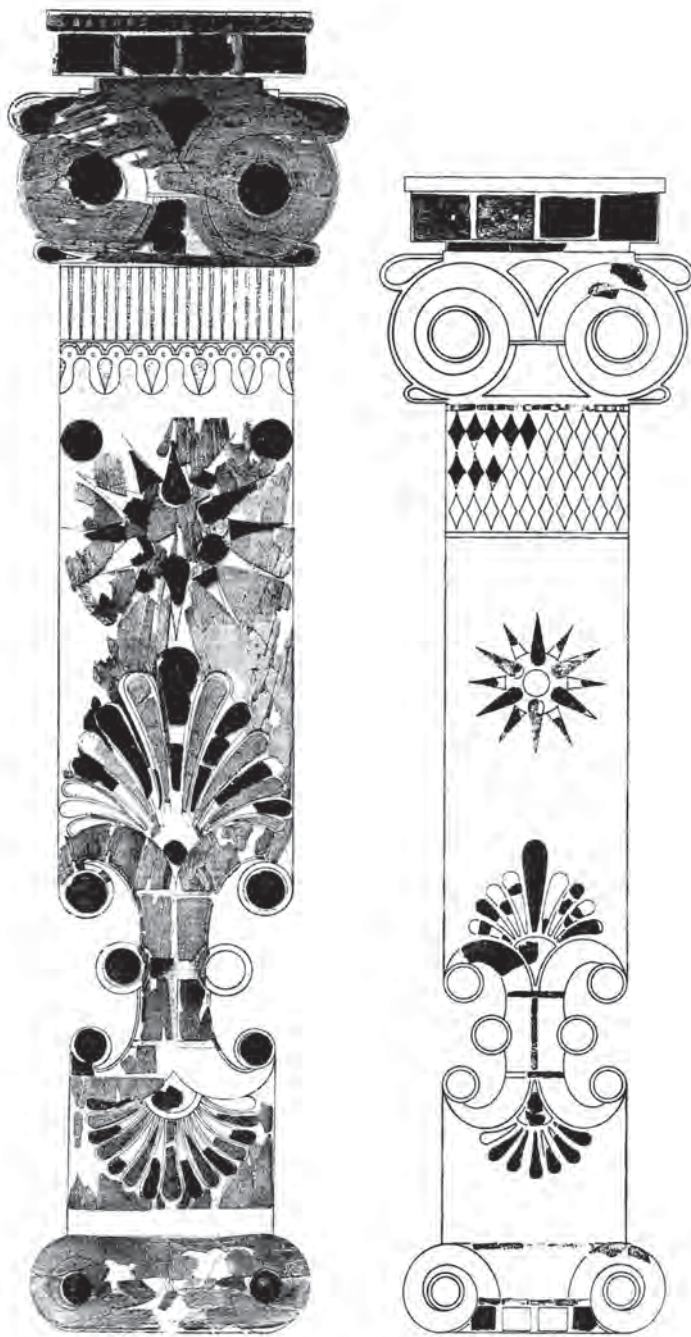


Abb. 9. Athen und Grafenbühl. Klinebeine (nach: Fischer, 1990).

welches durch die reichhaltigen Funde aus der nicht beraubten Grabkammer für Aufsehen sorgte (Biel, 1985; 1998). Es gehört in die Zeit um 540/30 v. Chr. Im Hügelzentrum fand sich ein Zentralgrab, eine hölzerne Kammer, während mit einer Ausnahme alle anzunehmenden Nachbestattungen bereits der Bodenerosion und dem Pflug zum Opfer gefallen waren. Unter den Beigaben seien nur

eine oberitalische Bronzekline, ein großer Mischkessel, ein goldener Halsring, goldene Fibeln, ein goldverzierter Dolch und ein Gürtelblech aus Gold erwähnt. Der etwa 1,90 m große Tote war an der Westseite der Kammer auf dem Bronzemöbel liegend bestattet worden. Zu seinen Füßen fand sich der große Kessel, während der Wagen in der Nordostecke der Grabkammer abgestellt war und als Tisch für das Bronzegeschirr diente. Alle Beigaben waren übrigens sorgsam in Tuch gehüllt (Biel, 1996, Abb. auf S. 48). Der vollständig ausgegrabene Hügel hatte einen Durchmesser von 60 Metern und eine einstige Höhe von vermutlich mindestens 6 Metern. Interessant ist ein «Eingang», der durch eine 27 m lange kompakte Mauer von 2,5 m Breite und 0,6 m erhaltener Höhe nachzuweisen war. Es ist unklar, ob die Mauer einst den gesamten Hügel oder nur den Eingangsbereich umschloss. Die zur Hügelmitte abgewinkelten Mauerzungen markierten vermutlich den Übertritt des Verstorbenen an seinen neuen Platz. Nach der Beerdigung wurden diese Mauern zugesetzt und mit einer 8 m hinter der Außenfront liegenden Mauer verschlossen. Zusätzlich wurde am Hügelfuß in regelmäßigen Abständen eine Reihe von Holzpfosten unbekannter Funktion errichtet.

Auf den Hohenasperg bezogen ist der Grafenbühl (Zürn, 1970: 11). Dieser Hügel dürfte einen Durchmesser von 40 Metern gehabt haben, die noch zu ermittelnde Höhe beträgt 2,2 Meter. Neben der Zentralbestattung fanden sich in dem stark verflachten Hügel noch 33 Nachbestattungen. Die zentrale Grabkammer maß etwa 4,5 x 4,5 m im Inneren. Die Höhe war nicht zu ermitteln, betrug vielleicht 80–100 cm. Zur (ausgeraubten) Grabausstattung gehören u.

a. ein Kesselgestell, ein Bronzekessel und ein Wagen. Das interessanteste Fundstück ist eine Kline der zweiten Hälfte des 6. Jh. v. Chr. (Abb. 9). Als die Kline ins Grab gestellt wurde, war sie also bereits ein altherwürdiges Stück, da der Grafenbühler Hügel in der ersten Hälfte des 5. Jh. v. Chr. gebaut wurde. Dasselbe kann man von der Bronzekline im Hochdorfer Grab sagen. Zur Grabausstattung gehören auch zwei Löwenfüße aus Elfenbein, die sich als Reste eines Tischchens

oder eines Schemels interpretieren lassen. Zwei Sphingen, die eine aus Elfenbein, die andere aus Knochen oder Geweih und mit einem Gesicht in Bernstein (Abb. 10) sind vermutlich um 600 v. Chr. in einer tarentinischen Werkstatt entstanden (Fischer, 1990: 120). Schließlich ist noch ein Stabdreifuß zu erwähnen, zu dem ein bronzenener Kessel gehört haben muss. Die mediterranen Importgüter sind deutlich älter als die übrigen Funde, die nach der Fußzierfibel das Grab in die Stufe Ha D2/3 datierten. Das bedeutet, dass die mediterranen Güter als «Altstücke» in das Grab kamen.

Die kostbaren Möbelstücke waren keine Kuriosa, sondern müssen, wie Krauß (1993) dargelegt hat, im Zusammenhang mit der Übernahme orientalischer Trinksitten im 7. Jh. stehen. Die Gewohnheit beim Mahl auf Klingen zu liegen, dürfte letztlich reiternomadisch-iranischen Ursprungs sein. Sie wurde im 7. Jh. v. Chr. von den Lydern übernommen und gelangte von dort in den ostgriechischen Raum, von wo aus sie sich in der griechischen Welt verbreitete, bis dann um 600 v. Chr. auch die Etrusker die Kline übernahmen (Matthäus, 1993: 177). Die Trinkhörner aus dem Hochdorfer Grab wurden von Krauß überzeugend mit griechischen und etruskischen Trinksitten des 6. und 5. Jh. v. Chr. in Verbindung gebracht. Die Möbel aus dem Grafenbühl sind der bemerkenswerteste Beleg für die Orientalisierung wichtiger Lebensbereiche. Wo die Werkstätten dieser zu lokalisieren sind, bleibt dahingestellt. Die Konzentration vergleichbarer Funde in Mittelitalien belegt nur die Verwendung der Kline als Möbel im Grab (Naso, 2007: 27, Abb. 14). Die Qualität der Kline aus dem Grafenbühl entspricht allerdings dem, was sich auch in Athen nur in den luxuriösesten Gräbern gefunden hat.

Die langjährigen Forschungen am Glauberg in der östlichen Wetterau, nordöstlich von Frankfurt am Main gelegen, galten vor allem der Erforschung der befestigten Höhensiedlung auf einem langgestreckten etwa 8 ha großen Plateau, auf dem ein sogenannter frühkeltischer «Fürstensitz» vermutet wurde. Unterhalb des Plateaus umfassen im Norden große Annexwälle das Wasserreservoir der Befestigung. Auch im Südwesten der Befestigung sind heute noch im Wald Abschnitte von Wallanlagen zu erkennen, während in der landwirtschaftlich genutzten Zone diese zumeist nur noch schwach erkennbar sind und sich bislang in keinen deutbaren Zusammenhang bringen ließen. Dies änderte sich mit der Entdeckung eines völlig verschliffenen Grabhügels, der durch



Abb. 10. Grafenbühl. Sphinx mit einem Gesicht aus Bernstein (nach: Fischer, 1990).

einen etwa 10 m breiten und 2,20 bis 3,70 m tiefen Kreisgraben umschlossen war, dessen äußerer Durchmesser ca. 68 und innerer Durchmesser ca. 48 m betrug. Damit ergibt sich auch der etwas niedriger zu veranschlagende Hügeldurchmesser von etwa 40 m. Im Hügel fanden sich noch zwei Gräber, deren Ausstattung mit eisernen Waffen, goldenem Halsring und bronzenem Geschirr in Form einer Schnabelkanne sich in das Spektrum reicher Frühlatènegräber der zweiten Hälfte des 5. Jh. v. Chr. einfügt. Große Aufmerksamkeit erregte der Fund einer Statue aus Sandstein, die in einem westlichen Grabenannex gefunden wurde und vermutlich ursprünglich auf der Hügelspitze aufgestellt war.

Die spektakuläre Statue (Abb. 11) aus rötlichem Sandstein ist noch 1,86 m hoch erhalten (Herrmann, 2002). Ursprünglich war sie etwas größer, denn die Füße sind abgebrochen. Dargestellt ist ein keltischer Fürst, der einen Kompositpanzer aus Leder und Leinen trägt. Mit der linken Hand hält er einen ovalen Schild mit spindelförmigem Buckel, an seiner rechten Seite trägt er ein Schwert. Die rechte Hand ist auf die Brust gelegt: sicher ein bedeutungsvoller Gestus der Herrschaftsausübung. Als Insignien der Herrschaft sind der Armband, der Fingerring und der Halsring mit knospenförmigen Zierstücken anzusehen. Das Gesicht wird durch die großen Augen sowie den Schnurrbart und den Kinnbart dominiert. Auf dem Kopf trägt er eine Blattkrone: eine eng anliegende Kappe, die



Abb. 11. Der Fürst vom Glauberg
(Photo F.R. Herrmann).

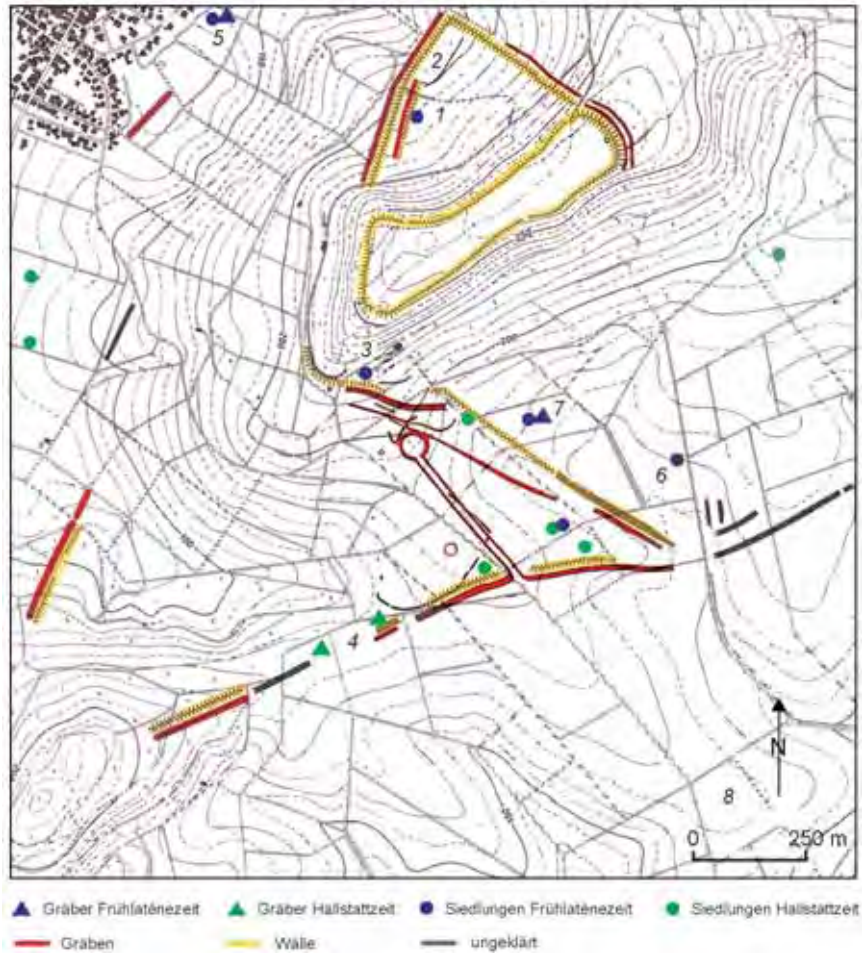


Abb. 12. Glauberg. Plan des durch Wälle umhegten Areals am Glauberg (nach: Hansen L., 2008).

mit Blättern verziert ist und an der zwei große blattförmige Ansätze befestigt sind. Auch diese Blattkrone ist als Herrschaftsinsignie aufzufassen. Die Ausstattung des Fürsten findet sich weitgehend in Grab 1 wieder. Der dort bestattete hatte ebenfalls ein Schwert und einen Schild bei sich und er trug einen Fingerring, einen goldenen Armring und einen Halsring mit knospenförmigen Zierstücken. Von der Blattkrone und dem Panzer fanden sich jedoch keine Spuren.

Lebensgroße Statuen aus Stein entstanden nördlich der Alpen wohl unter dem Einfluss griechischer und italischer Großplastik. Als Medium der Herrschaftsrepräsentation konnte sich die Großplastik dauerhaft jedoch nicht durchsetzen (Kimmig, 1987; Baitinger u. Pinsker, 2002). Steinerner Großplastik mit sehr detaillierter Darstellung des Panzers und der Ausrüstung findet sich auch im skythischen Bereich (Jablonskij, 2008: 76, Abb. 47).

Erstaunlicher als diese Funde, die sich trotz ihrer hohen Qualität in das bekannte Bild der reichen Grabausstattungen dieser Zeit einfügen, ist aber die Grabanlage selbst (Abb. 12). Durch Grabungen und geomagnetische Messungen wurde nämlich ermittelt, dass vom Kreisgraben des Hügels zwei parallele etwa 350 m lange Gräben, die etwa 6,70 m breit und 2,8 m tief waren abführten und somit eine «Prozessionsstraße» zum Hügel hinauf begrenzten. Beide Gräben biegen nach 350 m nach Osten und Westen ab. Im Westen lässt sich der Verlauf dieser aus Wall und Graben bestehenden Anlage noch 875 m bis in den Wald hinein verfolgen. Nach Osten konnte der Verlauf noch 250 m weit festgestellt werden. Durch diese Wall-Graben-Anlage wurde unterhalb der befestigten Siedlung also ein riesiges Gelände eingefasst, in dem der Grabhügel eine herausragende Position einnahm, über dessen weitere Gestaltung wir allerdings nichts aussagen können. Gleichwohl wird

mit dieser Anlage schlaglichtartig die Bedeutung der eisenzeitlichen Nekropolen als architektonisch gestaltete Bezirke und der Monumentcharakter der Grabhügel verdeutlicht.

Hallstattgräber im Osten

Der östliche Hallstattkreis (Kromer, 1986) ist ein zusammenfassender Terminus für verschiedene regionale Gruppen in Niederösterreich und dem Burgenland, dem südwestlichen Teil der Slowakei und Westungarn, der Steiermark und Kärnten sowie Slowenien und dem Osten Kroatiens, für den sich nur wenige gemeinsame Formen, insbesondere aber die Stierkopfgewäße nachweisen lassen (Egg, 1993–1994; Egg, 1996a: 56, Abb. 3; Egg, 2006: 41, Abb. 1). Hier ist die Forschungssituation insbesondere dadurch gekennzeichnet, dass zahlreiche herausragende Gräber bereits Anfang des 20. Jh. ausgegraben wurden und neuere Forschungen die Ausnahme darstellen (Patek, 1982). Die großen Tumuli wurden bis heute nicht näher untersucht. Selbst die Dimensionen sind nur sehr ungefähr dokumentiert, einzelne Hügel (Großweikersdorf) werden aber mit einer erhaltenen Höhe von 20 Metern beschrieben (Kromer, Pescheck, 1957).

Von einer «Fürstengrabsitte» im Sinne der südwestdeutschen Gräber, d. h. Bestattungen die insbesondere durch Goldbeigaben und Importgüter geprägt ist, kann, wie M. Egg (Egg, 1996a) hervorhob, im Osthallstattkreis nicht die Rede sein. Die ältesten «reichen» Gräber im Osthallstattkreis schließen unmittelbar an die vorangehende Urnenfelderzeit an (Hartnermichelkogel bei Kleinklein und Radkersburg). Die jüngsten Gräber (Stična-novo mesto) reichen bis in die Stufe Ha D1 hinein.

Das Gräberfeld von Klein-Klein in der Steiermark, das sich ringförmig um den Siedlungsberg «Burgstallkogel» gruppiert, zählt heute noch ca. 700 Tumuli, doch muss die ursprüngliche Zahl wesentlich größer gewesen sein (Dobiat, 1980; 1981). Klein-Klein ist damit die größte Hügelgräbernekropole des Südostalpenraumes, die über 150 Jahre benutzt wurde. Auf dem Burgstallkogel lag die zugehörige Siedlung, über die wir aber leider kaum etwas wissen. Systematische Untersuchungen fehlen (Tomedi, 1992). Unter den heute ca. 700, ehemals jedoch über 1100 Hügeln, finden sich auch 15 sehr große Tumuli (Schmid, 1933). Der Hartnermichelkogel I war ursprünglich 7 Meter hoch und 23 m im

Durchmesser. Bereits 1844 eingeebnet (Schmid, 1933: 221 ff.), enthielt er ein Brandgrab in einem aus Geröllsteinen aufgeführten Grabgewölbe, in dem sich neben der Keramik ein Antennenschwert und ein Lappenbeil, möglicherweise auch ein Helm fanden. Im Hartnermichelkogel II (Durchmesser 49 m; Höhe 4,5 m) fand sich ein Brandgrab, ein Bronzepanzer und zwei Eisenbeile. Der Pommerkogel (Durchmesser 49 m; Höhe 6 m) enthielt eine Brandbestattung, in der sich u. a. Reste des Goldbesatzes der Kleidung, drei Kahnfibeln, ein bronzener Panzer, eine eiserne Lanzenspitze und ein eisernes Lappenbeil, ein Schwert, Pferdetrans sowie insgesamt 26 Bronzegefäße fanden (Schmid, 1933: 224 ff.).

Der Kröllkogel wurde leider nur sehr unsystematisch ergraben (Schmid, 1933: 247 ff.), brachte aber bei systematischen Nachgrabungen überraschende Ergebnisse zum Vorschein (Egg u. Kramer, 2005). Der ehemals 40 m große und 12 m hohe Tumulus besaß eine steinerne Grabkammer (8 x 8 m) mit einem 12 m langen und fast 5 m breiten Dromos (Abb. 13). Es besteht in der Forschung Einigkeit darüber, die Form der Grabkammer als Übernahme aus Italien zu interpretieren. Zur Ausstattung des Fürsten gehören 80 Tongefäße. Davon weisen manche starke Brandspuren auf. Es handelt sich um Brandbestattungen. In der Grabkammer waren insgesamt drei Individuen beigesetzt (Abb. 14). Zwei Individuen werden als Totenopfer für den Fürsten interpretiert, wie dies auch in anderen Fällen im Osthallstattkreis nachgewiesen werden konnte (Egg u. Kramer, 2005: 10). Zu den Beigaben gehört ein vollständiger Waffensatz (Helm, Panzer, Bronzeschwert, Lanzenspitzen, Beile). Die berühmtesten Funde sind eine bronzene Maske und bronzene Hände. Die imposanteste Fundgattung stellen die 32 Bronzegefäße dar, die einen Geschirrsatz bilden. Es handelt sich nicht um eine planlose Ansammlung von Gefäßen, sondern ein funktionales Set, das wiederum aus dem italischen Bereich übernommen worden sein dürfte (Egg u. Kramer, 2005: 28). Der Kröll-Schmiedkogel wird der Stufe 3 von Klein-Klein bzw. der jüngeren Phase des Stična-Novo mesto Horizontes zugewiesen, der mit dem Beginn der Stufe Ha D im Westen gleichgesetzt wird (Egg, 1996b: 245). Folgt man der langen Chronologie, wie sie durch Dendrodaten nahegelegt wird, befinden wir uns damit in der zweiten Hälfte des siebten Jahrhunderts, kurz vor oder um 600 v. Chr.

Mit dem Kröll-Schmiedkogel ungefähr zeitgleich ist das Fürstengrab von Strettweg bei Judenburg in der

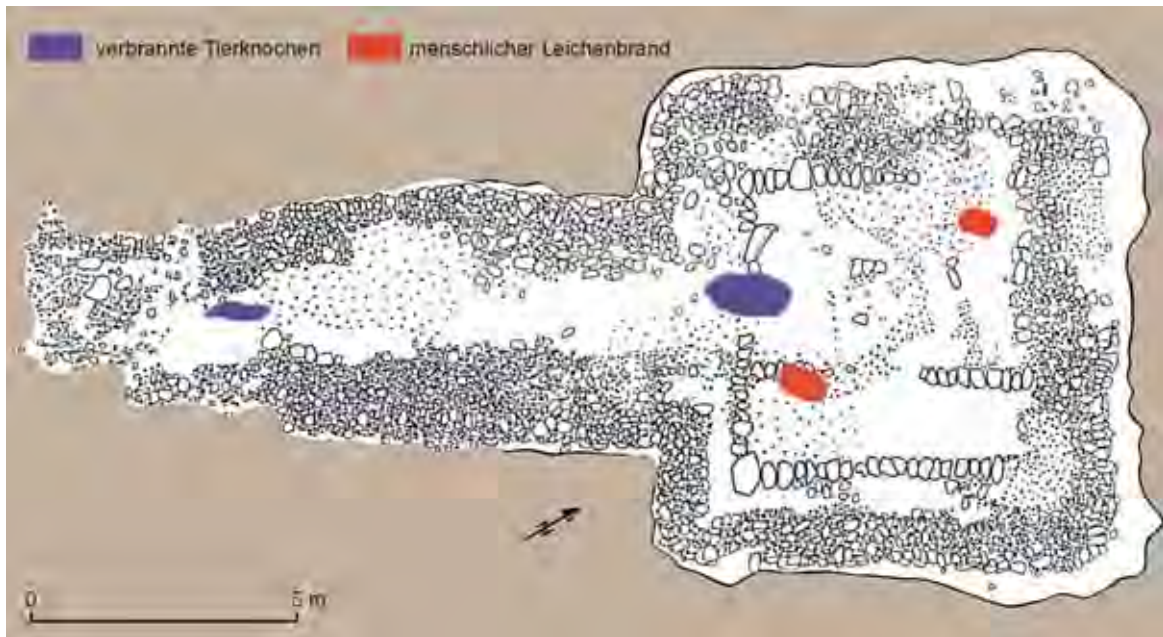


Abb. 13. Kröllkogel. Plan (nach: Egg, Kramer, 2005).



Abb. 14. Kröllkogel. Rekonstruktion der Ausstattung (nach: Egg, Kramer, 2005).

Obersteiermark (Egg, 1996b). Von einem Hügel sind heute keine Spuren mehr erhalten. Der vermutlich sehr große Hügel wurde im letzten Jahrhundert vollständig abgetragen. Die Beigaben weisen auf die Bestattung eines Mannes und einer Frau, die als Totenopfer

interpretiert wird (Egg, 1996b: 277). Das Prunkstück der Ausstattung ist ein Kultwagen (Abb. 15), auf dem eine Göttin steht, die eine Bronzschale trägt. Vor und hinter ihr ist ein Hirschoffer dargestellt. Als italischer Import ist ein Bronzekessel (*lebes*) anzusprechen.

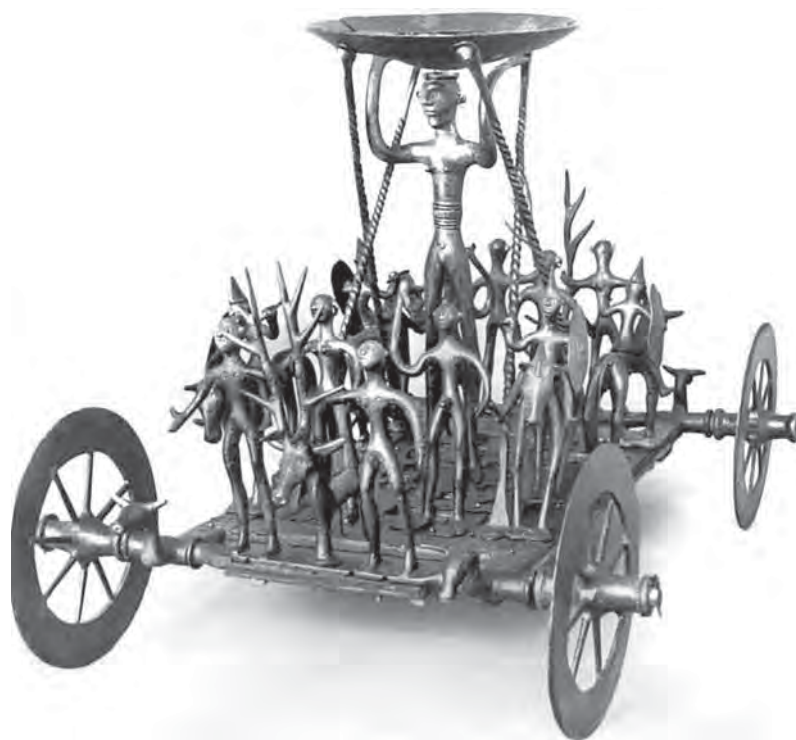


Abb. 15. Strettweg. Kultwagen (nach: Egg, 1996b).

Auch in Westungarn finden sich im 7. Jh. v. Chr. eine Reihe von Gräbern mit Waffen und Pferdegeschirr (Patek, 1995). Es handelt sich durchgängig um Brandgräber zumeist unter Hügeln. Ein Teil der Gräber besitzt ebenfalls steinerne Kammereinbauten womit auch eine qualitativere Beigabenausstattung z. B. mit Wagen, Schutzwaffen, Bronzegefäßen, Tongefäßen mit Tierkopffappliken korrespondiert. Zu diesen gehören u. a. die Gräber von Csöngé, Mesteri, Kom. Vas, die Gräber 114, 117 und 118 von Szazhalombatta, Kom Pest (mit Holzkammer), Hügelgrab 1 und 2 von Vaskeresztes, Kom. Vas (Kovács, 1998, Abb. 36). Bei den Kammern handelt es sich um nahezu quadratische Bauten mit einer Seitenlänge zwischen 4 und 7 Metern, denen ein schmaler dromosartiger Zugang angeschlossen ist, wobei die Kammer mit Steinen zugesetzt ist.

Hügel 1 von Somlóvásárhely am Fuße des Somló-Berges war ursprünglich etwa 10 m hoch und maß 22 m im Durchmesser, war also ungewöhnlich steil. Im Inneren fand sich ein runder Steineinbau mit Dromos nach Nordwesten. In der Mitte der runden Grabkammer befand sich, wie im Osthallstattkreis üblich, der Verbrennungsplatz sowie die Beigaben. Dazu zählen das Tongeschirr, Pferdezaumzeug, Waffen, ein vierrädriger Wagen sowie eine

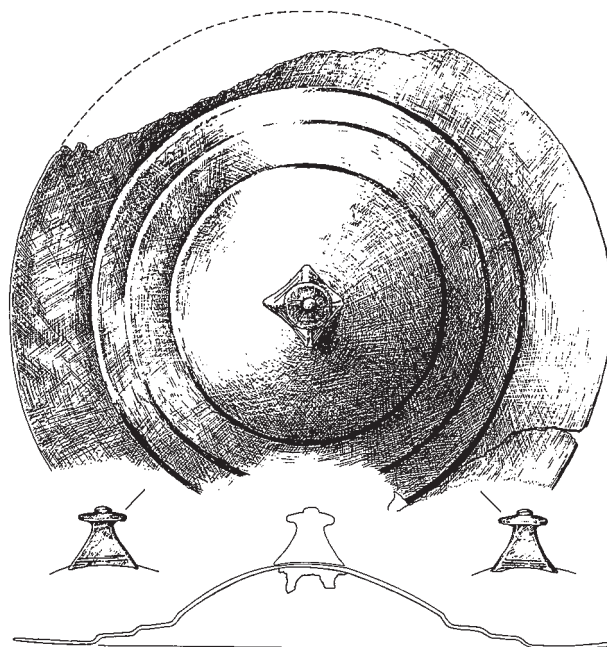


Abb. 16. Somlóvásárhely. Griechische Falere (nach: Egg, 1996a).

griechische Krempefalere (Abb. 16), die das Grab in die Stufe Ha C1 datiert (Egg, 1996a).

In Süttö wurde in einem stark verflachten noch 2 m hohen und ehemals 38,75 m im Durchmesser großen

Hügel mit Steinkranz eine steinerne Grabkammer aufgedeckt (Vadász, 1983). Zu der quadratischen, 5,9 x 6,2 großen Kammer führte ein Zugang, der nach der Bestattung mit Steinen zugesetzt worden war (Abb. 17). Auf dem hölzernen Kammerdach fanden sich die Reste eines Kinderskeletts. In der Kammer selbst wurden die Leichenbrände eines juvenilen und eines adulten Individuums angetroffen. Zu den Beigaben gehören Fleischbeigaben, eiserne Trensen sowie Keramik, die den Hügel in die Stufe Ha C datieren.

Bemerkenswert ist der vor wenigen Jahren ausgegrabene Hügel von Jalžabet in Kroatien, der in die 1. H. des 6. Jh. v. Chr. datiert wird (Šimek, 1998). Auch hier fand sich eine steinerne Kammer mit einem Dromos. Zu den Beigaben gehören das Pferdegeschirr, Waffen, besonders Pfeilspitzen und

Teile eines Schuppenpanzers skythischer Prägung (Abb. 18).

Mit den Großhügeln und ihren steinernen Kammereinbauten mit vermutlich zugänglichem Dromos fassen wir vor allem in der Steiermark, Slowenien, Westungarn und Kroatien reiche Bestattungen, die sich durch die Beigabe von Waffen, darunter insbesondere Schutzwaffen, sowie Pferdegeschirr auszeichnen. Besonders auffällig ist die große Anzahl von Bronzegefäßen.

Importe aus dem mediterranen Raum sind in diesen Prunkgräbern wenig vertreten und im östlichen Hallstattkreis allgemein selten. Dass sie allerdings keineswegs fehlen, wird durch qualitativolle Produkte des 7. und 6. Jh. v. Chr. belegt. Vor allem die Tatsache, dass die Tumuli steinerne Grabkammern aufweisen, ist immer wieder als ein enger Bezug

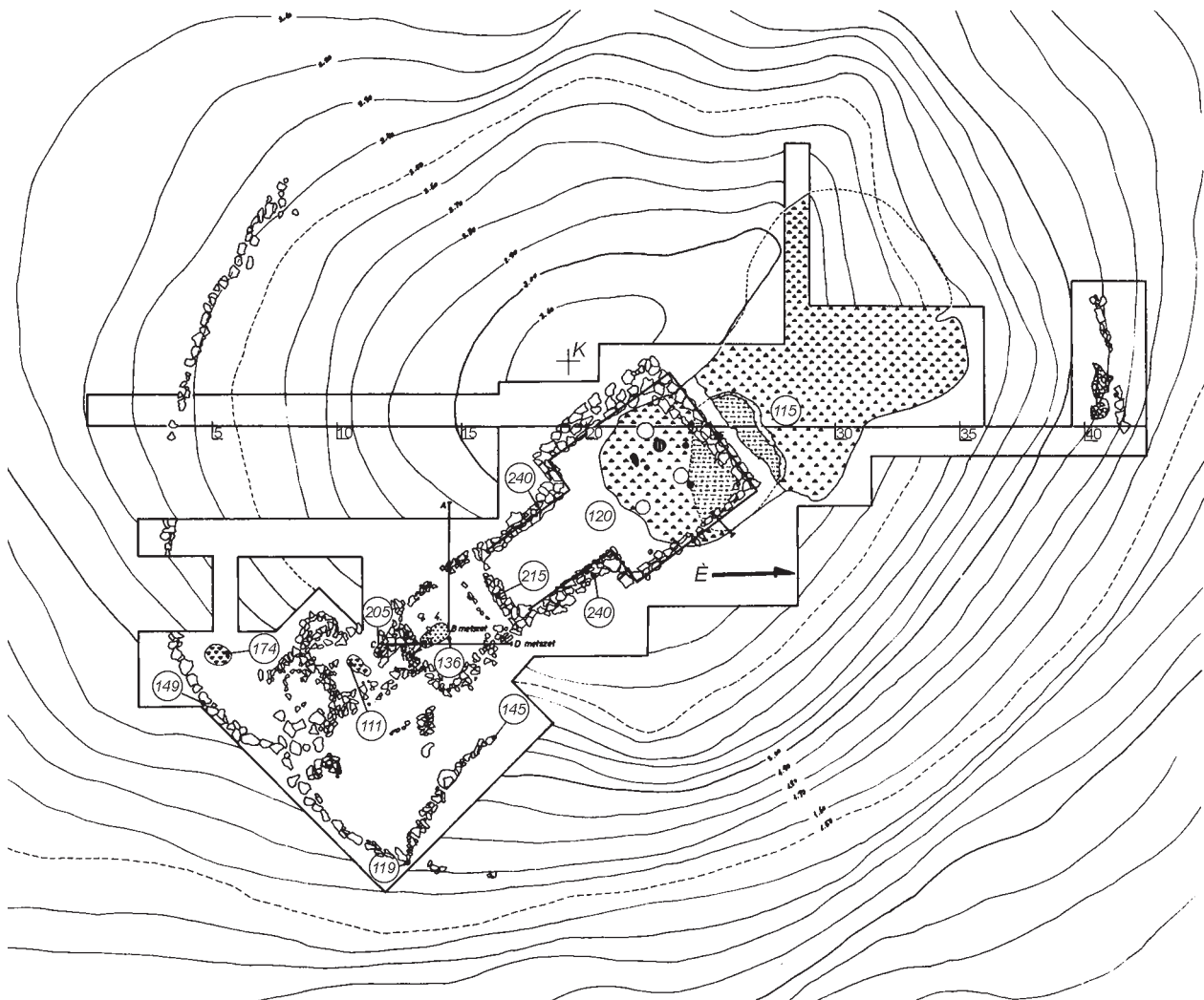


Abb. 17. Süttö. Steinernen Grabkammer (nach: Vadász, 1983).

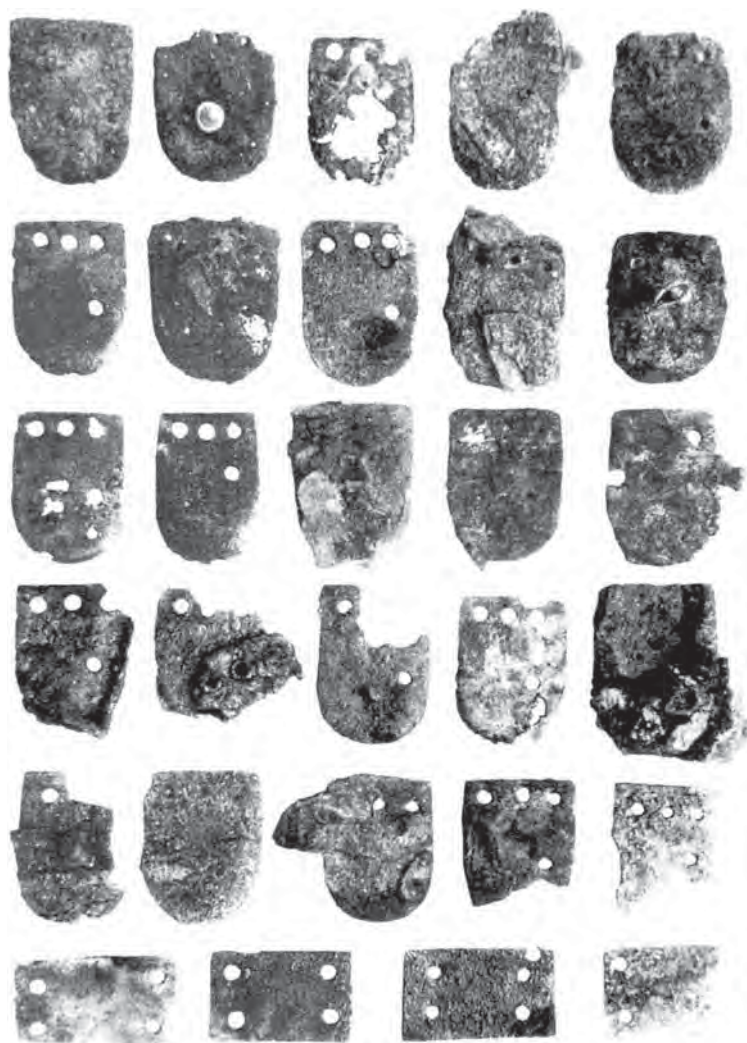


Abb. 18. Jalžabet, Kroatien. Reste eines Schuppenpanzers (nach: Šimek, 1998).

zur Grabhügelbaukunst in Italien gewertet worden. Die Anlage von Grabhügelnekropolen an den Zugängen zur Siedlung, exemplarisch sichtbar am Burgstall von Sopron (Patek, 1982), ist ebenfalls ein mediterranes Element.

Für die soziale Stellung der Bestatteten aufschlussreich ist schließlich der Bestattungsritus. In den Kammergräbern bzw. auf deren Dach oder im Dromos fanden sich weitere Individuen, die allgemein als Totenopfer interpretiert werden, welche dem männlichen Verstorbenen ins Grab folgen mussten.

Fürstengräber in Italien

Aus Italien bezogen die eisenzeitlichen Herren nördlich der Alpen seit dem 7. Jh. v. Chr. einen großen Teil ihrer Luxusgüter (Shefton, 1989; Frey, 1998; v. Hase, 1998; Metzger, 1993). Seit dem 7. Jh. v. Chr. finden sich in Veio, Cerveteri und Tarquinia große Tumuli in den Nekropolen (Naso, 1998). Sie lösen die bislang gebräuchlichen großen Friedhöfe mit Brandbestattungen ab. In Cerveteri wurde im 7. Jh. v. Chr. der Bestattungsplatz Sorbo durch die Gräber auf der Banditaccia-Nekropole ersetzt (Åkerstörn, 1934: 19; Principi, 2000: 164 ff.). Die großen Tumuli dieser Nekropole (Abb. 19) überhügeln in der Regel mehrere Grabkammern mit einem Zugang, konnten also über Generationen verwendet werden. Schon M. Demus Quatember (1958) versuchte den etruskischen Grabhügelbau aus Kleinasien abzuleiten. Auch A. Naso und F. Prayon (1990) haben sich mit der Frage eines möglichen Architekturtransfers

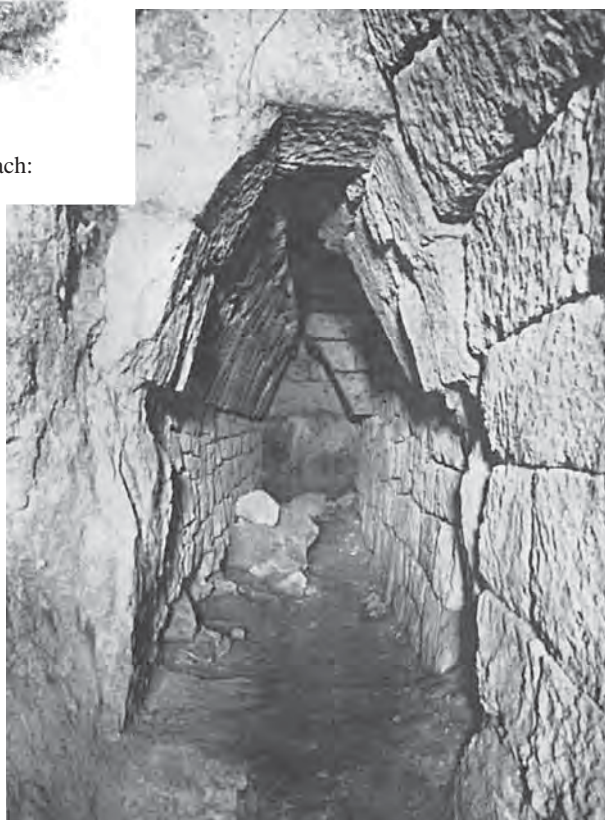


Abb. 19. Cerveteri. Tomba Regolini Galassi (nach: Demus Quatember, 1958).

zwischen Lydien und Etrurien beschäftigt, wobei insbesondere die innere Krepis des ersten Hügels in Sardes und die Krepis eines Hügels in der Sorbo-Nekropole in Cerveteri verglichen werden. Allerdings müssen Einflüsse auf die Architektur nicht von einem Zentrum alleine ausgegangen sein (v. Hase, 1995: 282). Auch im nördlichen Etrurien sind für das späte 7. und frühe 6. Jh. v. Chr. Riesentumuli nachgewiesen. So beispielsweise der Tumulus «La Montagnola» bei Sesto Fiorento (Firenze) mit 70 m Durchmesser, in dessen Inneren ein 14 m langer Dromos zur Steinkammer mit Kraggewölbe führte und in dessen beraubter Kammer sich unter anderem noch Reste verzierter Straußeneier fanden (Blanck, 1970: 278 ff).

Die italischen Grabhügel, sind ausnahmslos in Nekropolen integriert, welche über mehrere Jahrhunderte belegt wurden. Die Nekropole von Cerveteri ist, was sowohl die gedrängte Enge der Grabanlagen als auch die Vielfalt der Architekturformen anbelangt, am ehesten mit hallstattzeitlichen Nekropolen des Westens vergleichbar. Einen Eindruck von einer eisenzeitlichen Nekropole Mitteleuropas vermittelt



Abb. 20. Athen, Dipylon, Athen NM 804. «Phönikisierende» Grabamphora der spätgeometrischen Zeit (nach: Kopcke, Tokumaru, 1992).

der publizierte Plan der Nekropole im «Lindele» bei Rottenburg am Neckar mit 71 Grabhügeln, samt Nachbestattungen und 100 Brandgräbern, die zwischen dem 8./7. und dem 3./2. Jh. v. Chr. angelegt wurden (Reim, 1989). Man erkennt hier beispielhaft, wie ein Grabhügelfeld im Laufe der Zeit gewachsen ist, ohne dass sich gegenwärtig ein verbindlicher «Bauplan» der Nekropole rekonstruieren ließe. Den Eindruck drangvoller Enge vermittelt auch der Friedhof im mittelfränkischen Landersdorf, Ldkr. Roth, wo die Steinmüerchen am Hügel Fuß unmittelbar an benachbarte Hügel anstoßen (Hoppe, 1994). Die Zahl komplett ausgegrabener Nekropolen muss erst noch vergrößert werden, um strukturelle Ähnlichkeiten besser erkennen zu können.

Tumuli in Griechenland

Im Unterschied zu vielen anderen Regionen Europas begrenzte man seit dem 8. Jh. v. Chr. in Griechenland den Aufwand für ein Grab. Zwar ist die Tendenz zur Monumentalisierung der Grabvasen am Dipylon unverkennbar (Abb. 20), doch beginnt im 8. Jh. v. Chr. die öffentliche Zurschaustellung von Kostbarkeiten als Weihegaben in Heiligtümern (Matthäus, 1993: 174). In Athen wurden später mehrfach gesetzliche Regelungen gegen den Grabluxus erlassen, nämlich sowohl unter Solon als auch kurz danach (Kurtz, Boardman, 1985: 142 f.). Platon (nomoi XII, 958) machte sich detailliert Gedanken, wie eine Bestattung auszusehen habe und wieviel dafür aufgewendet werden soll. Ein Grabhügel solle nur so hoch sein, wie ihn fünf Männer in fünf Tagen errichten konnten.

Diese Dimension übersteigt freilich der größte Grabhügel auf dem Kerameikos in Athen mit 30 Metern (Abb. 21) im Durchmesser und einer Höhe von ca. 5 Metern. Er war über zwei «Schachtgräbern» aufgeschüttet, und zwar über zwei nahezu quadratische Kammern mit geschlossenem kurzen Zugang. In dem unversehrten Grab 3 fanden die Ausgräber samische Lekythen und lydische Salbgefäße sowie eine Kline aus Elfenbein (s. Abb. 9). Die Kline gehört in die zweite Hälfte des 6. Jh. v. Chr. U. Knigge hält ein Datum im dritten Viertel des 6. Jh. v. Chr. für denkbar. Die Kline findet ihr engstes Vergleichsstück im «Fürstengrab» vom Grafenbühl (s. Abb. 9) (Fischer, 1990: 115 ff.).

Die Grabausstattung führte U. Knigge zu der Vermutung, dass hier möglicherweise ein

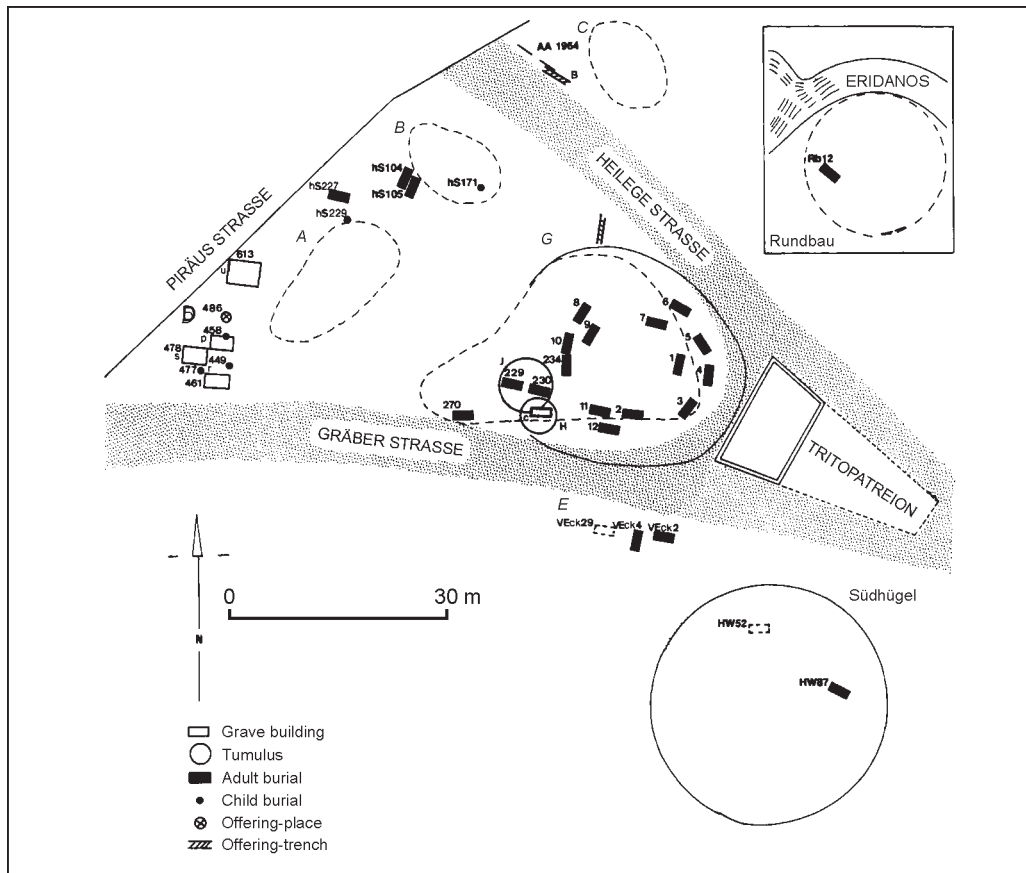


Abb. 21. Athen, Kerameikos (nach: Houby-Nielsen, 1995).

«Gesandter» bestattet worden sei. S. Houby-Nielsen, die zahlreiche Beiträge zum Kerameikos vorgelegt hat, sieht in der Beigabenausstattung einen materiellen Ausdruck dessen, was die Griechen *truphe* nannten, also einen an der luxuriösen lydischen Körperkultur orientierten Lebensstil (Houby-Nielsen, 1995: 160). Auch E. Kistler (1998) spricht von einem Übergang der Elite zu einem Lebensstil nach orientalischem Vorbild, der sich im aktiven Partizipieren am Gelage der Müßiggänger zentrierte. Allerdings wurde auch dieser Hügel für Nachbestattungen genutzt, von denen 236 ausgegraben wurden (Knigge, 1976: 84 f. Taf. 6, 1–5; 18), wobei zunächst Bestattungen von Erwachsenen und im 5. Jh. v. Chr. insbesondere Kinderbestattungen dominieren (Houby-Nielsen, 1995: 136 f., Abb. 5–7). De la Genière (1984) sieht in dem Bestatteten einen reichen lydischen Metöken, der sich wie im «Vaterland» ausstatten wollte, während H. Philipp (1981: 161) einen Ostionier bestattet sah. Diese sehr unterschiedlichen, aber nur scheinbar konkreten Zuschreibungen aus dem Bereich einer

historischen Archäologie zeigen exemplarisch, wie schwierig die Interpretation der Bestattungen im Einzelfall ist. Wie wenig man mit idealtypischen Bezeichnungen wie Fürst oder Häuptling weiter kommt, scheint mir an diesem Beispiel besonders augenfällig zu sein.

Neben dem Südhügel ist auch Grabhügel G, der zwischen 560 und 550 errichtet wurde, zu erwähnen. Er hatte eine Höhe von 4 Metern und maß im Durchmesser 36 Meter. Nach Kübler soll hier das Solon-Grab zu erkennen sein. Auf dem Kerameikos treten diese beiden Grabhügel im 6. Jh. v. Chr. auch in ihren Einzelbestattungen deutlich entgegen, weil man nach 560 (nach Houby) die Beigaben nicht mehr in Opferrinnen deponierte, sondern in die Gräber gab. Damit einher geht auch ein gewandeltes Keramikspektrum, welches im 7. Jh. v. Chr. vor allem Bankettkeramik – darunter große Mischkessel mit Protomen (Abb. 22) – und im 6. Jh. v. Chr. Parfumkeramik umfasst (Houby-Nielsen, 1992: 350 f., Taf. 1–4). Daneben sind aus Attika einige wenige andere Großhügel erwähnenswert, die eine Reihe von



Abb. 22. Athen, Kerameikos. Orientalisierende Bankettkeramik
(Foto S. Hansen).

Nachbestattungen enthielten. Das sind beispielsweise Velanideza und Vourva, über die allerdings keine detaillierten Informationen zur Verfügung stehen (Houby-Nielsen, 1995: 153 f., Abb. 9).

Tumuli in Makedonien, Thrakien

Wenden wir uns von Südgriechenland nach Makedonien, so finden wir in Vergina die wichtigste früheisenzeitliche Nekropole mit etwa 300 Hügeln, deren Durchmesser aber soweit mir bekannt, selten 10 nie 15 Meter überschreitet (Rhomipoulou u. Kilian-Dirlmeier, 1985). Die östlich anschließenden großen Grabmonumente Thrakiens, wie die des gesamten westlichen Schwarzmeergebietes werden in das 4. Jh. v. Chr. datiert, doch wurden auch Argumente für eine kontinuierliche Anlage solcher Prunkbestattungen zwischen dem 6. und 4. Jh. v. Chr. vorgebracht (Kull, 1997: 248). Der Grabhügel «Mogilanska mogila» im nordwestbulgarischen

Vraca besaß einen Durchmesser von 60 m und eine Höhe von 7 m (Kitov, 1995). In der aus ca. 200 Hügeln bestehenden Hügelnekropole von Šipka finden sich Hügel mit einer Höhe von mehr als 20 Metern. Einer der größten Grabhügel in Türkisch-Thrakien, Naipköy, war 18 oder 21 m hoch und besaß einen Durchmesser von 84 m. In der Grabkammer sind die Kline und der Tisch mit Tellern aus Marmor gefertigt (Delemen, 2006).

Diese Hügel gehören in das 5.–4. Jh. v. Chr. Bereits K. Bittel (1942: 94) hatte gesehen, dass etwa zur gleichen Zeit in einem sehr weiten Bereich nördlich, westlich und südlich des schwarzen Meeres in verhältnismäßig kurzer Zeit große Tumuli aufkamen.

Tumuli in Kleinasien

Eines der heute beeindruckendsten Denkmäler des mediterranen Raums ist Bin Tepe, die Nekropole der Tausend Hügel bei Sardis (Russin u. Hanfmann, 1983). Sie beginnt etwa 6 km nördlich von Sardis und erstreckt sich über 3 km bis zum See von Koloë auf einer ost-westlichen Breite von 10 km. Kühl berichtet Herodot (1, 93), dass es in Sardis «wenigstens *ein* Werk (gebe), welches abgesehen von den Wunderwerken in Ägypten und in Babylon, alle anderen an Größe übertrifft, nämlich das Grabmal des Alyattes».

Die beiden größten Hügel sind der «Gyges-Hügel» und der «Alyattes-Hügel» aus der Mitte des 7. und dem Beginn des 6. Jh. v. Chr. Die Gräber waren offenbar schon antik beraubt, so dass sich von der Beigabenausstattung nur wenige Keramikreste erhalten haben. Das «Grab des Gyges» wird nach geläufiger Vorstellung im Karnyarik-Tepe vermutet. Es erreicht eine Höhe von 50 Metern und einen Durchmesser von ca. 220 Metern (Russin u. Hanfmann, 1983: 57) und war offenbar bereits in römischer Zeit ausgeraubt. Die wenigen Keramikreste, die bei den Erkundungen der frühen sechziger Jahre aufgesammelt wurden, weisen in das siebte oder frühe 6. Jh. v. Chr. Da der Hügel mittels einer Tunnelgrabung angegangen wurde, wissen wir über seine Konstruktion nicht sehr viel. Klar ist, dass die Ausgräber nach etwa 65 m von der Hügelkante auf eine zweilagige Kalksteinmauer mit halbrundem Aufsatz stießen. C. Ratté (1994) vermutet, dass hier ein kleinerer Hügel unter dem gegenwärtigen bestattet wurde. Für die Architektur der Krepis von

Hügel 1 kann er lydische Parallelen ab 585 v. Chr. heranziehen, was bedeuten würde, dass beide Hügel 50–100 Jahre nach Gyges angelegt wurden.

Das «Grab des Alyattes» wird im Koca Mutaf Tepe vermutet. Es ist der größte Grabhügel in Sardis mit einem Durchmesser von 355 Metern und einer Höhe von über 61 Metern. Das Grab wurde vermutlich schon in römischer Zeit mittels eines Stollens ausgeraubt. Die Kammer lag 30 m südwestlich vom Hügelzentrum und war aus Marmorblöcken errichtet worden. Von der Grabausstattung sind verschiedene griechische und lydische Tonscherben erhalten. Die lydischen Königsgräber bezeugen heute nur in ihrer Monumentalität den verschwenderischen Reichtum der lydischen Oberklasse, die seit der Herrschaft des Gyges vermutlich im Zugang zu Goldvorkommen im Tmolusgebirge und der Einführung der Geldwirtschaft zu sehen ist (Greenewalt, 1978: 57 ff., Abb. 19.).

In Gordion, der phrygischen Hauptstadt, sind östlich der Stadt über 80 Tumuli vorgelagert, von denen 23 ausgegraben wurden (De Vries, 1980; 1990; Henrickson u. Voigt, 1998). Die ältesten Gräber wurden bereits im 8. Jh. v. Chr. angelegt, die jüngsten gehören in das 6. Jh. v. Chr. Das bekannteste von ihnen ist Grabhügel MM, das sogenannte Midas-Grab (Young, 1981). Der Hügel hat heute einen Durchmesser von fast 300 und eine Höhe von 53 Metern (Abb. 23). Der gewaltige Hügel wurde nach einer bereits im 19. Jh. angewandten Methode ausgegraben, indem man einen Stollen zur Hauptkammer trieb. Wir wissen

daher nichts über den Aufbau des Hügels sowie mögliche Nachbestattungen. Sicher ist nur, dass eine mächtige Steinpackung die hölzerne Grabkammer vor Beraubung schützen sollte. Der Tote war in der Nordwestecke der Grabkammer in einem offenen Holzarg bestattet worden (Simpson, 1990). Als Grabbeigaben (Abb. 24, 25) finden sich drei große Kessel, davon einer mit Sirenenattaschen, zehn kleine Kessel, 31 Kannen, eine Löwen- und eine Stierkopfsitula, zwei Schöpfer, 121 Schalen alle aus Bronze, 194 Fibeln (davon 145 in einem Stoffbeutel), 11 Bronze- und Ledergürtel, drei eiserne DreifüÙe und 17 TongefäÙe und verschiedene Holzmöbel vor allem Tische (Simpson, Spirydowicz u. Dorge, 1992: 10 ff.). Die Datierung ist lange zwischen 725 und 710 v. Chr. angesetzt worden. Dendrochronologische Untersuchungen belegen, dass der Bau der Kammer um 740 v. Chr. erfolgt sein muss (De Vries, 2008: 33 ff.), so dass die Zuschreibung an keinen der historisch bekannten Herrscher namens Midas zutreffen kann (Berndt-Ersöz, 2008: 1 ff.).

Die Grabhügelnekropole von Gordion wurde zwischen 750/40 und 540 v. Chr., also zweihundert Jahre lang, benutzt. Die größten Tumuli überhügeln zugleich die ältesten Gräber, die somit als «Gründungsmonumente» gelten können. Die Ausstattungen der Gräber in den Großtumuli weisen gemeinsame Merkmale auf. Zu ihr gehören im Wesentlichen Möbel sowie Trinkgeschirre, die den Aspekt des Banketts repräsentieren. Bemerkenswert ist das weitgehende (aber nicht völlige) Fehlen von Wagen und Pferd sowie



Abb. 23. Gordion. Hügel MM während der Ausgrabung (nach: Gordion..., 1992).

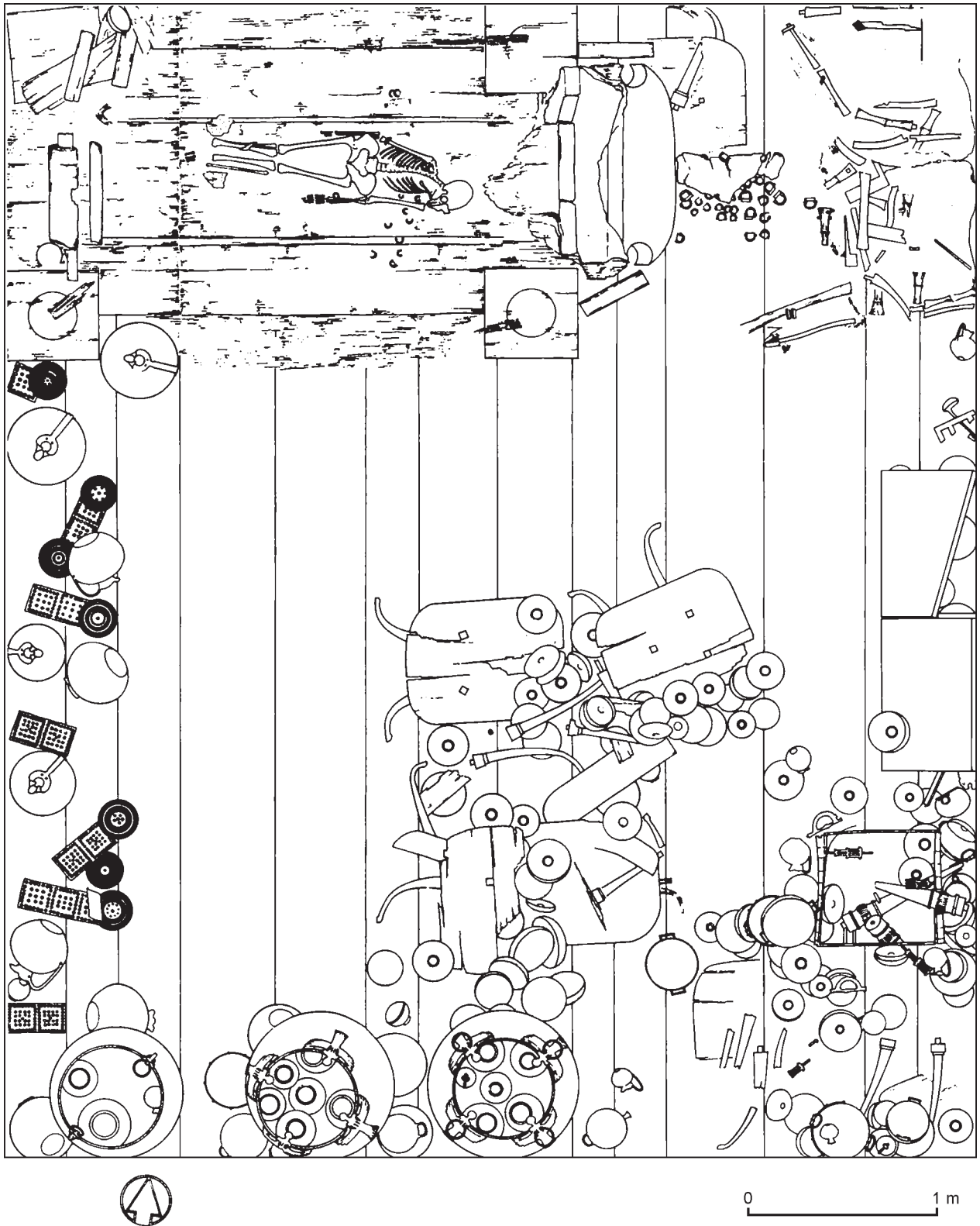


Abb. 24. Gordion, Hügel MM. Plan der Grabkammer (nach: Gordion..., 1992).

von Waffen. Die phrygischen Kapitale Gordions waren im 8. und 7. Jh. v. Chr. wohlbekannt und einflussreich. Phrygische Handwerksprodukte wurden in vielen Regionen bis in den westlichen Balkan und das Picenum aufgegriffen, wie am Beispiel der Doppelnadeln gezeigt werden kann (Parzinger, 1993). Diese Beobachtung fügt sich ein in die Verbreitung phrygischer Trachtelemente wie Fibeln und Gürtelhaken in Griechenland, die dort vor allem im Zusammenhang mit Gewandweihungen in Heiligtümern zu sehen sein dürften (Boehmer, 1973). Auch die osthallstädtischen Stierkopfgefäße gehen letztlich auf entsprechende Vorbilder aus Phrygien bzw. Urartu zurück.

Kurgane in der Steppe

Im nördlichen Schwarzmeergebiet fehlen in der direkten Kontaktzone mit den ersten griechischen Kolonisten große und reich ausgestattete Kurgane (Polin, 2007: 258), was Bittels bereits zitierte Beobachtung bestätigt. Im Waldsteppenbereich des westlichen Dnjeprgebiets gehört der Kurgan Perepjaticha in das 7. Jh. v. Chr. (Skoryj, 1991). Er hatte eine Höhe von 11 m mit einem Durchmesser von 22 Metern und besaß somit eine ungewöhnlich steile Form.

Erst im 5. und 4. Jh. v. Chr. kommen jene Großhügel auf, die auch als Pyramiden der Steppe bezeichnet werden. Hierzu zählt Alexandropol' (Höhe 17–21 m), Čertomlyk (H. ca. 19,5–22 m), Solocha (18–19 m) und Nečaeva Mogila (17 m) (Polin, 2007: 245). Ende des 19. Jahrhunderts hatte der im 4. Jh. v. Chr. errichtete Oguz-Kurgan einen Durchmesser von 100 bis 110 Metern und eine Höhe von mehr als 21 Metern (Boltrik u. Fialko, 1991; 2007). In all diesen Königsgrabhügeln fanden sich wertvolle Zeugnisse des graeco-skythischen Kunsthandwerks wie z. B. goldene Gorytbeschläge, Schalen oder der berühmte Kamm aus Solocha.

Das Teuerste an einem solchen Hügel in der Steppe war jedoch der ungeheure Verbrauch von Grassoden, die in den Hügel verbaut wurden. Dadurch wurde auf Jahre das betreffende Gebiet für die Beweidung von Vieh unbrauchbar. Für den Čertomlyk-Kurgan mussten Grassoden von einer Fläche von 75 Hektar abgestochen werden. Die Verwendung solcher «Grasziegel» ist als eine ebenfalls symbolische Beigabe verstanden worden. So wie der verstorbene Herrscher mit seinen Dienern



Abb. 25. Gordion, Hügel MM. Kessel mit Sirenenattaschen (nach: Gordion..., 1992).

und Pferden seinen Waffen und allen anderen Gerätschaften bestattet wird, so soll er auch eine «himmlische Viehweide» zur Verfügung haben (Rolle u. Murzin, 1991: 172 f.).

Große und reich ausgestattete Kurgane des frühen 7. Jh. v. Chr. finden sich im westlichen Kaukasusgebiet. Herausragende Vertreter dieser Zeit sind die Kurgane von Kelermes bei Majkop (Galanina, 1997). Neben charakteristischen Objekten des skythischen Tierstils finden sich auch Objekte, die orientalisches-mediterrane Bildmotive aufgreifen bzw. urartäische Arbeiten (Metdepenninghen, 1997). Auf dem silbernen Spiegel (Abb. 26) in Kurgan 4 sind eine Herrin der Tiere, Sphingen und Löwen zu erkennen.

In die gleiche Zeit gehört auch der Kurgan von Kostromskaja Staniza, aus dem der berühmte Schildbeschlag in Form eines kauernenden Hirschs stammt. Seine Konstruktionsmerkmale, die offenbar auch in Kelermes und Ul'skij Aul wiederkehren, bestehen insbesondere in Holzkonstruktionen in hüttenähnlicher Form mit ringsherum angeordneten Pferdebestattungen (Galanina, 2007). Die Bestattung wurde in einer mehrfach abgetreppten Grube niedergelegt. Über dieser Grube wurde ein Quadrat aus Holzbohlen eingerammt und mit Querbalken eine Plattform errichtet, auf der die Beigaben lagen. Darüber wurde mit Holzlatten eine Art Zeltdach errichtet. Seine Höhe betrug 5,5 m. Die Kelermes Kurgane erreichten eine Höhe von vier bis fünf Metern.

Zu den frühschythischen Kurganen gehört auch der 11 m hohe Krasnoznameniskij Hügel (Petrenko, 2006) mit einem massiven Steinkreis und steinerner Grabkammer. Seine Ausstattung zählt nicht zu



Abb. 26. Kelermes, Kurgan 4. Silberner Spiegel (nach: Galanina, 1997).

den Spitzen, ist aber wegen der engen Bezüge der Keramik nach Westungarn von großem Interesse.

Mit den Kurganen von Aržan sind in den letzten Jahren die frühen skythischen Kurgane in Sibirien in den Blick geraten. Grab 1, ein Tumulus mit einem Durchmesser von etwa 100 m und einer Höhe von 3–4 m gehört noch in das 9. bzw. 8. Jh. v. Chr. Der Kurgan 2 von Aržan dürfte am Ende des 7. Jh. v. Chr. errichtet worden sein. In ihm fand sich die Bestattung eines skythischen Fürsten samt seiner Gemahlin (Abb. 27). Die Einzelheiten der Bestattung sind unlängst ausführlich vorgelegt worden (Čugunov, Parzinger u. Nagler, 2010).

Fazit

Tumuli waren während des ersten Jahrtausends in weiten Teilen des westlichen Eurasiens das verbindliche Grabmonument der Herrschenden. Grabhügel kamen während des 8. und 7. Jh. v. Chr. auf. Es handelt sich um eine «altherwürdige»

Bestattungsform, die bis in das 4. Jt. v. Chr. zurückgeht. Ihre Revitalisierung im 1. Jahrtausend kann deshalb als ein Rückgriff auf älteres, als eine «erfundene Tradition» verstanden werden, denn nirgendwo lässt sich eine wirkliche Kontinuität dieser Grabarchitektur von der Spätbronze- zur Früheisenzeit fassen. Die Ausbreitung dieser Architekturform lässt sich jedoch überzeugender als Teil der orientalisierenden Einflüsse im 8. und 7. Jh. v. Chr., die überall bestimmend wurden, verstehen. Der noch heute beeindruckende Tumulus MM in Gordion könnte ein Bezugspunkt für die sich verbreitende Grabhügelidee gewesen sein.

A. Rathje hat das Merkmal dieser Zeit in Etrurien klar benannt: die Genese der etruskischen Kultur sei ein Amalgam orientalischer und griechischer Kultur, wobei letztere ebenfalls orientalisierend sei: «With other words we are dealing with an orientalizing process which is both direct and indirect» (Rathje, 1988). Durch die direkten und indirekten Richtungen der «orientalisierenden» Impulse waren ständige Transformationen von Bildmotiven die Regel.

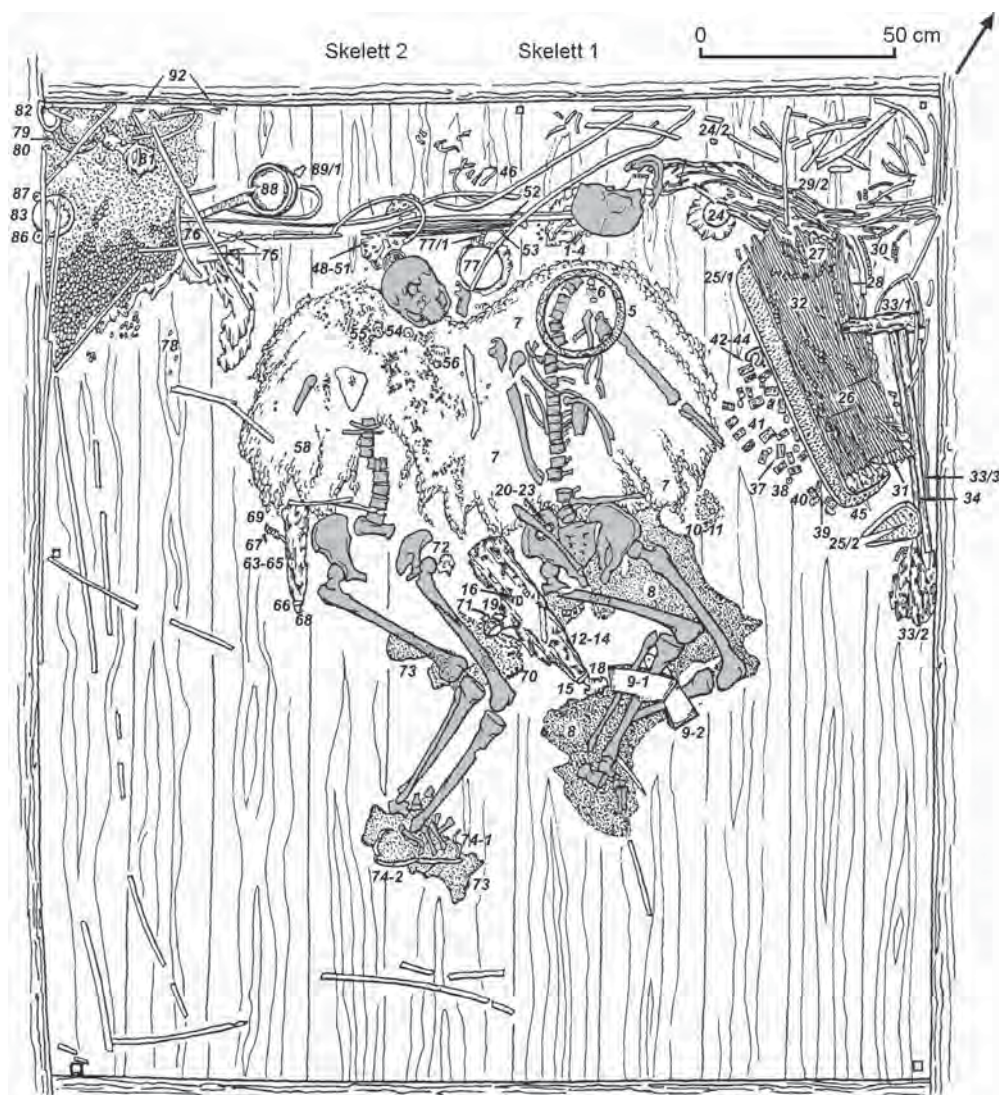


Abb. 27. Aržan 2. Grabkammer (nach: Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010).

Orientalisierend muss in einem umfassenderen Sinne als es der enge kunsthistorische Stil- und Zeitbegriff meint, verstanden werden: als eine Aufnahme von Motiven seit dem frühen 1. Jt., deren Verarbeitung bis weit in das 5. Jh. v. Chr. hineinwirkte. Es geht so weit, dass zuletzt R. Schrott (2008b: 121) bemerkte: «All das, was an der Ilias scheinbar spezifisch griechisch wirkt, geht also auf Standardschemen der orientalischen Epik zurück...». Mehrfach wurde in jüngerer Zeit hervorgehoben, dass der orientalisierende Stil in Griechenland sich nicht nur auf den Import kostbarer Gegenstände bezieht, sondern sehr wesentlich auf viele Bereiche der (adligen) Lebensweise einwirkte: Trachtsitten, Symposium, Literatur,



Abb. 28. Korinthische Hydria mit der Beweinung des toten Achilleus (nach: Naso, 2007).

religiöse Inhalte (Matthäus, 1993). W. Burkert betonte, «dass die westsemitische Hochkultur der griechischen sehr nahe stand und die lydische mit ihr geradezu verschmolz.» (Burkert, 1988: 37).

Die Form des Grabmonuments dürfte auf die eine oder andere semantische Weise in diesen orientalisierenden Komplex verwoben worden sein. Seinen herausragenden literarischen Ort hat der Grabhügel in der Ilias (Abb. 28), dem bekanntesten Epos seiner Zeit. Bei der Unterschiedlichkeit der hinter diesen Bestattungen stehenden Gesellschaften, ist es zwar kaum wahrscheinlich, dass all zu viele spezifische «Qualitäten» der Grabhügel im Gebiet von der Steppe bis nach Etrurien von denen geteilt wurden, die diese Hügel errichteten. Dennoch scheint es nicht annehmbar, keinen Zusammenhang der Rivitalisierung der Grabhügelidee in der Eisenzeit erkennen zu wollen, mag diese auch nur in der Idee eines altertümlichen und daher besonders legitimierte Herrschaftsmonuments bestehen.

Die Sozialstruktur der Hallstattzeit, die in den letzten Jahren Gegenstand lebhafter Diskussionen war, dreht sich vor allem um terminologische Probleme, was hier nicht weiter vertieft werden sollte. Es dürfte aber deutlich geworden sein, dass man in der orientalisierenden Welt des 7. Jh. v. Chr. schwerlich mit dem neoevolutionistischen Personal – den *big men* und den *chiefs* – wird rechnen dürfen (zur Kritik vgl. auch Yoffee, 2005; Testart, 2005; Jung, 2011). Auch andere Konzepte, wie beispielsweise G. Kossacks «Prunkgrab» (Kossacks, 1974) greifen hier nicht. Gegenüber wem sollte sich der Tote aus der Tomba Bernardini unterlegen fühlen? Genauso wenig mangelte es den Toten der hallstattzeitlichen Großhügel im Leben an Selbstbewusstsein. Hinter den großen Grabhügeln steht ein «internationales Austauschnetz», das sich nicht nur in kleineren oder größeren Gastgeschenken widerspiegelt, sondern eine *Koinē* geteilter Werte repräsentiert. Nicht nur die unzähligen Luxusobjekte, die zwischen Ost und West, Süd und Nord zirkulierten sind Elemente einer «Globalisierung»: auch die hallstattischen Grabhügel waren Teil des orientalisierenden Lebensstils.

Literatur

Adam A.-M. 1997

Nouvelles observations sur le matériel d'importation du tumulus I d'Appenwähr (Haut-Rhin). *Cahiers Alsaciennes*, vol. 40: 5–15.

Åkerström A. 1934

Studien über die etruskischen Gräber. Uppsala.

Almagro-Gorbea M. 2004

Una pátera fenicia de Nubia y el comercio fenicio en los confines del Mundo Antiguo. *Complutum*, vol. 15: 7–32.

Arnold B. 2011

Memory maps: The mnemonics of Central European Iron Age burial mounds. In *Material Mnemonics. Everyday Memory in Prehistoric Europe*, K.T. Lillios, V. Tsamir (Hrsg.). Oxford; Oakville, pp. 147–173.

Baitinger H., Pinsker B. (Hrsg.) 2002

Das Rätsel der Kelten vom Glauberg. Glaube – Mythos – Wirklichkeit. Stuttgart.

Barrett J.C. 1990

The monumentality of death. The character of early bronze age mortuary mounds in southern Britain. *World Archaeology*, vol. 22: 179–189.

Berndt-Ersöz S. 2008

The Chronology and Historical Context of Midas. *Historia*, vol. 57: 1–37.

Biel J. 1985

Der frühkeltische Fürstengrabhügel von Hochdorf. In *Der Keltenfürst von Hochdorf. Methoden und Ergebnisse der Landesarchäologie. Ausstellungskatalog*. Stuttgart, S. 32–42.

Biel J. (Hrsg.) 1996

Experiment Hochdorf. Stuttgart.

Biel J. 1998

Der Keltenfürst von Hochdorf. Darmstadt.

Bittel K. 1942

Kleinasiatische Studien. *Istanbuler Mitteilungen*, Bd. 5: 1–224.

Blanck H. 1970

Funde und Grabungen in Mittelitalien 1959–1969. *Archäologischer Anzeiger*, S. 276–436.

Boehmer R.M. 1973

Phrygische Prunkgewänder des 8. Jahrhunderts v. Chr. Herkunft und Export. *Archäologischer Anzeiger*, S. 149–172.

Boltrik J.V., Fialko E.F. 1991

Der Oguz-Kurgan, Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas. *Hamburger Beiträge zur Archäologie*, Bd. 18: 107–129.

Boltrik J., Fialko E. 2007

Der Fürstenkurgan von Oguz. In *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*, W. Menghin, H. Parzinger, A. Nagler, M. Nawroth (Hrsg.). München u. a., S. 268–275.

Briard J. 1984

Les tumulus d'Armorique. Paris.

Burkert W. 1988

Herodot als Historiker fremder Religionen. In *Hérodote et les peuples non-grecs*. Genève, pp. 1–39. (Entretiens sur l'antiquité classique, 37).

Burkert W. 1995

The orientaling Revolution. Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge, London.

Burmeister S. 2003

Die Herren der Ringe: Annäherungen an ein späthallstattzeitliches Statussymbol. In *Spuren und Botschaften. Interpretationen materieller Kultur*, U. Veit, T. Kienlin, Chr. Kümmel, S. Schmidt (Hrsg.). Münster, S. 265–296.

- Chaume B., Feugère M. 1991**
Les sépultures tumulaires aristocratiques du Hallstatt ancien de Poiseuil-la-Ville (Côte-d'Or). Dijon.
- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. 2010**
Der skythenzeitliche Fürstengrabanlage Aržan 2 in Tuva. Mainz. (Archäologie in Eurasien; Bd. 26).
- Delemen I. 2006**
An unlooted Chamber Tomb on Ganos Mountain in Southeastern Thrace. *American Journal of Archaeology*, vol. 110: 251–273.
- Demus-Quatember M. 1958**
Etruskische Grabarchitektur. Typologie und Ursprungsfragen. Baden-Baden.
- Dergačev V.A. 1991**
Bestattungkomplexe der späten Tripolje-Kultur. Mainz.
- Dobiat C. 1980**
Das hallstattzeitliche Gräberfeld von Kleinklein und seine Keramik. Graz.
- Dobiat C. 1981**
Die Hallstattnekropole bei Kleinklein im Sulmtal. In *Die Hallstattkultur. Bericht über das Symposium in Steyr 1980*. Linz, S. 185–204.
- Egg M. 1993–1994**
Eine bronzene Stierkopffrotome im Römisch-Germanischen Zentralmuseum in Mainz. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, Bd. 123/124: 47–60.
- Egg M. 1996**
Zu den Fürstengräbern im Osthallstattkreis. In *Die Osthallstattkultur. Akten des internationalen Symposiums Sopron 19–14 Mai 1994*, E. Jerem, A. Lippert (Hrsg.). Budapest, S. 53–86.
- Egg M. 1996a**
Einige Bemerkungen zum hallstattzeitlichen Wagengrab von Somlóvásárhely, Kom Veszprém in Westungarn. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, Bd. 43: 327–353.
- Egg M. 1996b**
Das hallstattzeitliche Fürstengrab von Strettweg bei Judenburg in der Obersteiermark. Mainz.
- Egg M. 2006**
Anmerkungen zu den Fürstengräbern im Osthallstattkreis. In *Herrschaft-Tod-Bestattung*, C. v. Carnap-Bornheim u. a. (Hrsg.). Bonn, S. 41–60.
- Egg M., Kramer D. 2005**
Krieger, Feste, Totenopfer. Der letzte Hallstattfürst von Kleinklein in der Steiermark. Mainz.
- Eggert M.K.H. 1999**
Der Tote von Hochdorf: Bemerkungen zum Modus archäologischer Interpretation. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, Bd. 29: 211–222.
- Erbach-Schönberg M. 1994**
Etruskische Tischbeine im Museum Wiesbaden? *Germania*, Bd. 72: 449–466.
- Etrusker in der Toskana. Etruskische Gräber der Frühzeit. 1988**
Frankfurt.
- Fischer F. 1982**
Frühkeltische Fürstengräber in Mitteleuropa. *Antike Welt*, Bd. 13: 3–37.
- Fischer J. 1990**
Zu einer griechischen Kline und weiteren Südimporten aus dem Fürstengrabhügel Grafenbühl, Asperg, Kr. Ludwigsburg. *Germania*, Bd. 68: 115–127.
- Fischer U. 1979**
Ein Grabhügel der Bronze und Eisenzeit im Frankfurter Stadtwald. Frankfurt am Main.
- Foucault M. 1981**
Archäologie des Wissens. Frankfurt am Main.
- Frey O.-H. 1998**
«Hallstatt und Altitalien». Zur Bedeutung des mediterranen Imports. In *Archäologische Untersuchungen zu den Beziehungen zwischen Altitalien und der Zone nordwärts der Alpen während der frühen Eisenzeit Alteuropas. Kolloquium Regensburg 1994*. Regensburg, S. 265–284.
- Friedrich M., Hennig H. 1996**
Dendrodate for the Wehringen Iron Age Wagon Grave (778±5 BC). *Journal of European Archaeology*, vol. 4: 281–303.
- Galanina L.K. 1997**
Die Kurgane von Kelermes. «Königsgräber» der frühskythischen Zeit. Moskau.
- Galanina L.K. 2007**
Die Fürstengräber von Kostromskaja und Kelermes. In *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*, W. Menghin, H. Parzinger, A. Nagler, M. Nawroth (Hrsg.). München u. a., S. 198–203.
- Gehring U., Niemeyer H.-G. 1990**
Die Phönizier im Zeitalter Homers. Mainz.
- Genière J. de la. 1984**
«Parfum comme Crésus». *Bulletin de Correspondence Hellénique*, t. 108: 91 ff.
- Gordion. Aşap Eserler. Wooden furniture. 1992**
Ankara.
- Govedarica B. 2002**
Die Majkop-Kultur zwischen Europa und Asien: Zur Entstehung einer Hochkultur im Nordkaukasus während des 4. Jts. v. Chr. In *Mauerschau. Festschrift für Manfred Korfmann*, R. Aslan u. a. (Hrsg.). Remshalden-Grumbach. Bd. 2: 781–799.
- Govedarica B. 2010**
Ideološki značaj grobnih tumula I sakralna simbolika kruga. *Godišnjak*, No. 39: 5–22.
- Greenwalt C.H. 1978**
The Sardis Campaign of 1976. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, vol. 229: 57–73.
- Guggisberger M. 2008**
Gräber von Bürgern und Heroen: «Homerische» Bestattungen in klassischen Athen. In *Körperinszenierung – Objektsammlung – Monumentalisierung. Totenritual und Grabkultur in frühen Gesellschaften*, Chr. Kümmel, B. Schweizer, U. Veit (Hrsg.). Münster, S. 287–318.
- Hansen L. 2008**
Neue Grabungen und Forschungen am Glauberg. In *Der Glauberg in keltischer Zeit. Zum neuesten Stand der Forschung. Fundberichte aus Hessen*. Wiesbaden. Beih. 6: 21–34.
- Hansen S. 2011**
Technische und soziale Innovationen in der zweiten Hälfte des 4. Jahrtausends v. Chr. In *Sozialarchäologische Per-*

spektiven: *Gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr. zwischen Atlantik und Kaukasus*, S. Hansen, J. Müller (Hrsg.). Main, S. 153–191. (Archäologie in Eurasien; Bd. 24).

Hase F.-W. v. 1995

Ägäische, griechische und vorderorientalische Einflüsse auf das tyrrhenische Mittelitalien. In *Beiträge der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Ergebnisse eines Kolloquiums*. Bonn, S. 282.

Hase F.-W. v. 1998

Einige Überlegungen zum Fernhandel und Kulturtransfer in der jüngeren Hallstattzeit. Altitalien und Mitteleuropa. In *Archäologische Untersuchungen zu den Beziehungen zwischen Altitalien und der Zone nordwärts der Alpen während der frühen Eisenzeit Alteuropas. Kolloquium Regensburg*. Regensburg, S. 285–319.

Hennig H. 1995

Zur Frage der Datierung des Grabhügels 8 «Hexenberg» von Wehringen, Lkr. Augsburg, Bayerisch-Schwaben. In *Trans Europam. Beiträge zur Bronze- und Eisenzeit zwischen Atlantik und Altai. Festschrift für Margarita Primas*. Bonn, S. 129–145.

Henrickson R.C., Voigt M.M. 1998

The Early Iron Age at Gordion: The Evidence from the Yasihöyük Stratigraphic Sequence. In *Thracians and Phrygians: Problems of Parallelism*, N. Tuna, Z. Aktüre, M. Lynch (Hrsg.). Ankara, S. 79–106.

Herodot. 1985

Das Geschichtswerk (in zwei Bänden), H.-J. Diesner, H. Barth (Hrsg.). Berlin; Weimar.

Herrmann F.-R. 2002

Fürstensitz, Fürstengräber und Heiligtum. In *Das Rätsel der Kelten vom Glauberg*. Stuttgart, S. 90–107.

Höfer P. 1906

Der Leubinger Grabhügel. *Jahresschrift für die Vorgeschichte der sächsisch-thüringischen Länder*, Bd. 5: 1–99.

Hoppe M. 1994

Ausgrabungen im späthallstatt-frühlatènezeitlichen Gräberfeld von Landersdorf. *Das Archäologische Jahr in Bayern*, S. 76–78.

Houby-Nielsen S. 1992

Interaction between chieftains and citizens? 7th century B.C. Burial Customs in Thens. *Acta Hyperborea*, vol. 4: 343–374.

Houby-Nielsen S. 1995

Burial language» in Archaic and Classical Kerameikos. *Proceedings of the Danish Institute in Athens*, vol. 1: 129–192.

Huth Chr. 2010

Früheisenzeitliche Bildwelten – Eigenschaften und Aussagewert einer archäologischen Quellengattung. In *Bilder in der Archäologie – eine Archäologie der Bilder?*, C. Juwig, C. Kost (Hrsg.). Münster; New York; München; Berlin, S. 127–153.

Jablonskij L.T. 2008

Kollekzija is Filippovskogo mogilnika. In *Sokrovischtscha sarmatskich voshdej*. Orenburg, S. 41–77.

Jacobsthal P. 1944

Early Celtic Art. Oxford.

Jung M. 2011

Der «Big Man» – die Verselbständigung eines theoretischen Konstruktes und ihre Adaption in der Archäologie. *Das Altertum*, Bd. 56: 187–203.

Kähler Holst M., Rasmussen M., Breuning-Madsen H. 2004

Skelhøj. Et bygningsværk fra den ældre bronzealder. *Nationalmuseets Arbejdsmark*, S. 11–25.

Kalicz N. 1999

A késő rézkori Bádén kultúra temetője Mezöcsát-Höröcsögösön és Tiszavári-Gyepároson–Das Gräberfeld der spätkupferzeitlichen Badener Kultur in Mezöcsát-Höröcsögös und Tiszavári-Gyepárosos. *A Miskolci Herman Ottó Múzeum Evkönyve*, Bd. 37: 57–101.

Kimmig W. 1983

Die Heuneburg an der oberen Donau. Stuttgart.

Kimmig W. 1987

Eisenzeitliche Grabstelen in Mitteleuropa. *Fundberichte aus Baden-Württemberg*, Bd. 12: 251–297.

Kistler E. 1998

Die «Opferinnee-Zeremonie». Bankettideologie am Grab. Orientalisierung und Formierung einer Adelsgesellschaft in Athen. Stuttgart.

Kitov G. 1995

Das thrakische Mausoleum bei Šipka (Südbulgarien) In *Trans Europam. Beiträge zur Bronze- und Eisenzeit zwischen Atlantik und Altai. Festschrift für Margarita Primas*. Bonn, S. 245–250.

Knigge U. 1976

Kerameikos IX. Der Südhügel. Berlin.

Kopcke G., Tokumaru I. (eds.) 1992

Greece between East and West: 10th–8th Centuries BC. Papers of the Meeting at the Institute of Fine Arts, New York University March 15–16th, 1990. Mainz.

Kossack G. 1959

Südbayern während der Hallstattzeit. Berlin.

Kossack G. 1974

Prunkgräber. Bemerkungen zu Eigenschaften und Aussagewert. In *Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. Geburtstag*, G. Ulbert, G. Kossack (Hrsg.). München. Teil 1. Allgemeines, Vorgeschichte, Römerzeit, S. 3–33.

Kovács T. 1998

An den Grenzen der Hallstattkultur. In *Schätze der Keltenzeit in Ungarn*. Hochdorf, S. 39–49.

Krauß D. 1993

Trinkhorn und Kline. Zur griechischen Vermittlung orientalischer Trinksitten an die frühen Kelten. *Germania*, Bd. 71: 188–197.

Krauß D. 1999

Der «Keltenfürst» von Hochdorf: Dörfältester oder Sakralkönig? Anspruch und Wirklichkeit der sog. kulturanthropologischen Hallstatt-Archäologie. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, Bd. 29: 339–358.

Krusse D. 2006

Prunkgräber der nordwestalpinen Späthallstattkultur. Neue Fragestellungen und Untersuchungen zu ihrer sozialhistorischen Deutung. In *Herrschaft-Tod-Bestattung*, C. v. Carnap-Bornheim u. a. (Hrsg.). Bonn, S. 61–80.

Kromer K. 1959

Das Gräberfeld von Hallstatt. Firenze.

Kromer K. 1986

Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7–5 Jh. v. Chr.). Seine Beziehungen zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, Bd. 33: 3–93.

Kromer K., Pescheck Chr. 1957

Die hallstattzeitlichen Grabhügel in Niederösterreich und im Burgenland. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, Bd. 87: 53–66.

Kull B. 1997

Tod und Apotheose. Zur Ikonographie in Grab und Kunst der jüngeren Eisenzeit an der Unteren Donau und ihrer Bedeutung für die Interpretation von «Prunkgräbern». *Berichte der Römisch-Germanischen Kommission*, Bd. 78: 197–466.

Kurtz D.C., Boardman J. 1985

Thanatos. Tod und Jenseits bei den Griechen. Mainz, S. 142–143.

Kurz S. 1996

Der Ringelei bei Ertingen, Kr. Biberach – ein hallstattzeitlicher Großgrabhügel. *Fundberichte aus Baden-Württemberg*, Bd. 21: 213–224.

Kurz S. 1997

Bestattungsbrauch in der westlichen Hallstattkultur (Südwestdeutschland, Ostfrankreich, Nordwestschweiz). Münster u. a.

Lienhard G. 1993

Marainville-sur-Madon. Trouvaille fortuite, fouille de controle, identification du materiel. *Archaeologia Mosellana*, vol. 2: 49–63.

Marzoli D. 2003

Eigenheiten der ältesten Großplastik Mitteleuropas: die Statue von Hirschlanden. *Madriener Mitteilungen*, Bd. 44: 196–214.

Matthäus H. 1993

Zur Rezeption orientalischer Kunst-, Kultur- und Lebensformen in Griechenland. In *Anfänge politischen Denkens in der Antike. Die nahöstlichen Kulturen und die Griechen*, K. Raaflaub (Hrsg.). München, S. 165–186.

Meixner G., Schaich M., Watzlawik S. 1995

Ausgrabungen in einem hallstattzeitlichen Grabhügelfeld zwischen Kinding und Ilbling. *Das Archäologische Jahr in Bayern*, S. 65–68.

Metdepenninghen C. 1997

La relation entre l'art urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermes et de Melgounov. *Iranica Antiqua*, No. 32: 109–133.

Metzger I.R. 1993

Der kulturelle Einfluß der Griechen auf die Völker Norditaliens und des angrenzenden Alpenraumes. *Helvetica Archaeologia*, No. 24: 3–16.

Naso A. 1998

I tumuli monumentali in Etruria Meridionale: caratteri propri e possibili ascendenze orientali. In *Archäologische Untersuchungen zu den Beziehungen zwischen Altitalien und der Zone nordwärts der Alpen während der frühen Eisenzeit Alteuropas. Kolloquium Regensburg 1994*. Regensburg, S. 117–157.

Naso A. 2007

Klinai lignee intarsiate dalla Ionia all'Europa centrale. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung*, Bd. 113: 9–34.

Pare C.F.E. 1992

Das «Bürgele» bei March-Buchheim: Ein Riesengrabhügel der Späthallstattzeit. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, Bd. 22: 503–514.

Parzinger H. 1993

Phrygische Doppelnadeln aus Bogazköy- Zur östlichen Herkunft einer balkanischen Nadelform. *Istanbuler Mitteilungen*, Bd. 43: 305–311.

Parzinger H., Nagler A., Gotlib A. 2010

Der tagarzeitliche Großkurgan von Barsučij Log in Chakassien. Ergebnisse der deutsch-russischen Ausgrabungen 2004–2006. *Eurasia Antiqua*, Bd. 16: 169–282.

Patek E. 1982

Neue Untersuchungen auf dem Burgstall bei Sopron. *Berichte der Römisch-Germanischen Kommission*, Bd. 63: 107–180.

Patek E. 1995

«Reiterkriegergräber» in Westungarn. Hallstattzeitliche Gräber mit Waffen und Pferdegeschirr in Westungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 47: 133–148.

Petrenko V.G. 2006

Krasnozamskii Burial-ground. Early Scythian Elite Burial mounds in the Northern Caucasus. Berlin; Bordeaux; Moscow.

Phillip H. 1981

Archaische Gräber in Ostionien. *Istanbuler Mitteilungen*, Bd. 31: 149–166.

Polin S. 2007

Fürstengurgane in der ukrainischen Steppenzzone. In *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*, W. Menghin, H. Parzinger, A. Nagler, M. Nawroth (Hrsg.). München u. a., S. 256–267.

Prayon F., 1990

Ostmediterrane Einflüsse auf den Beginn der Monumentalarchitektur in Etrurien? *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*, Bd. 37: 501–519.

Principi etruschi tra Mediterraneo ed Europa. 2000

Bologna.

Rathje A. 1980

Silver Relief Bowls from Italy. *Analecta Romana Instituti Danici*, Bd. 9: 7–47.

Rathje A. 1988

Manners and customs in Central Italy in the orientaling period: Influence from the Near East. *Acta Hyperborea*, vol. 1: 81–90.

Rasmussen T.B., Horie V. 1988

Etruscan Incised Impasto: A case of Partial Authenticity. In *Ancient Greek and Related Pottery*, J. Christiansen, T. Melander (Hrsg.). Copenhagen, S. 478–485.

Ratté C. 1994

Not the Tomb of Gyges. *Journal of Hellenic Studies*, vol. 114: 157–161.

Reim H. 1989

Die keltische Nekropole im «Lindele» bei Rottenburg a.N., Kreis Tübingen. *Archäologische Ausgrabungen in Baden Württemberg*, S. 109–112.

Rhomiopoulou K., Kilian-Dirlmeier I. 1989

Neue Funde aus der eisenzeitlichen Hügelnekropole von Vergina, Griechisch-Makedonien. *Prähistorische Zeitschrift*, Bd. 64: 86–151.

Riek G. 1962

Der Hohmichele. Ein Fürstengrabhügel der späten Hallstattzeit bei der Heuneburg. Berlin.

Rolle R., Murzin V.J. 1991

Pyramiden der Steppe und Viehweiden für die Ewigkeit. In *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*, R. Rol-

- le, M. Müller-Wille, K. Schietzel (Hrsg.). Schleswig, S. 171–176.
- Ruby P. (Hrsg.) 1999**
Les princes de la protohistoire et l'émergence de l'état. Actes de la table ronde internationale Naples 27–29 octobre 1994. Naples; Rome.
- Russin R.U., Hanfmann G.M.A. 1983**
Lydian Graves and Cemeteries. In *Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958–1975*, G.M.A. Hanfmann (Hrsg.). Cambridge; London, pp. 53–66.
- Schmid W. 1933**
Die Fürstengräber von Klein-Glein in Steiermark. *Prähistorische Zeitschrift*, Bd. 24: 219–282.
- Schrott R. 2008a**
Homer, Ilias. München.
- Schrott R. 2008b**
Homers Heimat. Der Kampf um Troia und seine realen Hintergründe. München.
- Schweizer B. 2008**
Fürstengräber – Heroengräber: Zweierlei Modi der Distinktion im archaischen Griechenland und Italien. In *Körperinszenierung – Objektsammlung – Monumentalisierung. Totenritual und Grabkult in frühen Gesellschaften*, Chr. Kümmel, B. Schweizer, U. Veit (Hrsg.). Münster, S. 233–270.
- Shefton B.B. 1989**
Zum Import und Einfluß mediterraner Güter in Alteuropa. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, Bd. 22: 207–220.
- Šimek M. 1998**
Ein Grabhügel mit Pferdebestattung bei Jalžabet, Kroatien. In *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.)*, B. Hänsel, J. Machnik (Hrsg.). München, S. 493–510.
- Simpson E. 1990**
«Midas' bed» and a royal Phrygian funeral. *Journal of Field Archaeology*, vol. 17: 69–87.
- Simpson E., Spirydowicz K., Dorge V. 1992**
The Study, Conservation and Reconstruction of the wooden furniture from Gordion 19881–1990. In *Gordion. Ahşap Eserler. Wooden furniture*. Ankara.
- Skoryj S.A. 1991**
Der Kurgan Perepjaticha. Ein «Fürstengrab» der skythischen Landnahmezeit in der ukrainischen Waldsteppe. *Hamburger Beiträge zur Archäologie*, Bd. 19: 85–105.
- Testart A. 2005**
Éléments de classification des sociétés. Paris.
- Thrane H. 1984**
Lusehøj ved Voldtofte- en sydvestfynsk storhøj fra yngre broncealder. Odense.
- Thrane H. 2006**
Bronzezeitliche Prunkgräber nördlich der Elbe. In *Herrschaft-Tod-Bestattung*, C. v. Carnap-Bornheim u. a. (Hrsg.). Bonn, S. 27–40.
- Tomedi G. 1992**
Rettungsgrabungen am hallstattzeitlichen Wiesenkaisertumulus Nr. 4 in Goldes, Steiermark. Ein Vorbericht. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, Bd. 22: 209–218.
- Trachsel M. 1995**
Das Zentralgrab im Hohmichele (Altheim-Heiligkreuztal, Kr. Biberach, Baden-Württemberg) und seine Stellung in Ha D1. In *Trans Europam. Beiträge zur Bronze- und Eisenzeit zwischen Atlantik und Altai. Festschrift für Margarita Primas*. Bonn, S. 157–167.
- Vadász E.V. 1983**
Előzetes jelentés egy koravaskori halomsír feltárásáról Süttön. Vorbericht über die Erschließung eines früheisenzeitlichen Hügels in Süttö. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, S. 20–54.
- Vries K. de. 1980**
Greeks and Phrygians in the Early Iron Age. In *From Athens to Gordion*. Philadelphia, pp. 33–42.
- Vries K. de 2008**
The Age of Midas at Gordion and Beyond. *ANES*, No 45: 30–64.
- Welck K. v., Stupperich R. (Hrsg.) 1996**
Italien vor den Römern. Mainz.
- Young R.S. 1981**
The Gordion Excavations. Final Reports. Three Great Early Tumuli. Philadelphia. Vol. 1.
Yalcin Ü., Pulak C., Slotta R. (Hrsg.) 2005
Das Schiff von Uluburun. Welthandel vor 3000 Jahren. Bochum.
- Yoffee N. 2005**
Myths of the Archaic State. Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge.
- Zürn H. 1970**
Hallstattforschungen in Nordwürttemberg. Die Grabhügel von Asperg (Kreis Ludwigsburg), Hirschlanden (Kreis Leonberg) und Mühlacker (Kreis Vaihingen). Stuttgart.

Я. Хохоровски

*Ягеллонский университет, Институт археологии
Краков, Польша*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ «СТРЕСС» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И КУЛЬТУРНЫЙ «ШОК» В КАРПАТСКОЙ КОТЛОВИНЕ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

В конце бронзового века (синхронного центрально-европейскому периоду Гальштат B₃/Hallstatt B₃ = conv. IX в до н.э.; 875–780 BC), поселенческо-культурные структуры, непрерывно развивающиеся в восточной части Карпатской котловины на протяжении нескольких сотен лет (начиная с периода Гальштат A₁/Hallstatt A₁ – XII в. до н.э.), переживают глубокий кризис. Охватывает он прежде всего этнокультурные группы гавской (Gáva) культуры и частично – среднедунайской культуры урновых полей [Chochorowski, 1993, карта 10], занимающие равнинные территории Большой Венгерской низменности (так называемой «пусты»). Эта квазистепная территория представляет собой наиболее выдвинутый на запад анклав огромного пояса евро-азиатских степей, простирающихся от бассейна верхнего Енисея до среднего Дуная. На равнинных территориях, экологически связанных (в рамках так называемой Понтийско-Паннонской геоботанической провинции – [Medwecka-Kornaś, 1972, с. 39–40, рис. 2] с пространствами Понтийской степи (рис. 1), поселения гавской культуры, проявляющей до сих пор оживленное развитие [Kemenczei, 1984, с. 152–168, рис. 2], исчезают вовсе. На возвышенностях Трансильвании и предгорьях Карпат (особенно в бассейне Верхней Тисы) оборонительные поселения гавской культуры (рис. 2), имеющие иногда рефугиальный характер, концентрируются в высотных ландшафтных зонах (рис. 3) и, как правило, в труднодоступных местах [Смирнова, 1966, с. 397–410; Horedt, 1974, с. 205–228; Vasiliev, Gaiu, 1980, с. 31–63; Furmánek, 1983, 27–32; Vasiliev, 1993; Хохоровски, 1996,

с. 211–221]*. Одновременно происходит упадок так называемого венгерско-трансильванского центра металлургии бронзы**, в более ранний период первенствующего (как в количественном, так и стилистическом отношении) в производстве и дистрибуции бронзовых изделий в значительной части Центральной Европы. Там, где гавские поселения сохранились, археологические реликты материальной культуры (при признаках постоянства) указывают на отчетливо выраженный стилистический кризис: обеднение и сокращение керамических форм, упрощение орнаментации и пр. [Chochorowski, 1993, с. 207–278].

*Кризис охватывает также поселенческие структуры культуры Куятице/Куйатице, небольшой группировки типа урновых полей, занимающей возвышенные и гористые северные окраины Большой Венгерской низменности. Его проявлением стала сначала (НаВ), отчетливо выраженная тенденция основывать поселения оборонительного типа в высотных ландшафтных зонах, а затем (НаС), исчезновение всей группы. Процессы эти связаны также с переменами, вызванными наплывом в Карпатскую котловину иноземного, «восточного» этнического элемента. Показателен тот факт, что исчезновение этой группы наблюдается сначала в южной части зоны ее распространения (со стороны низменных пространств Альфельда (Alföld); дольше всего (до начала НаС) сохранилась она только в глубинах гористых пространств [Furmánek, 1990, с. 18–21].

**Показателем этого процесса может быть, к примеру, резкое сокращение на данной территории числа кладов бронзовых изделий, приходящееся на период НаВ₃-НаС [Petrescu-Dîmbovița, 1977, с. 145–147, 161–165]. О масштабе изготовления бронзовых изделий в период предельного развития венгерско-трансильванского центра металлургии бронзы (НаА₁) свидетельствует, в частности, вес некоторых кладов (например, Uioara de Sus, jud. Alba = около 1100 кг) [op. cit., с. 114–115].

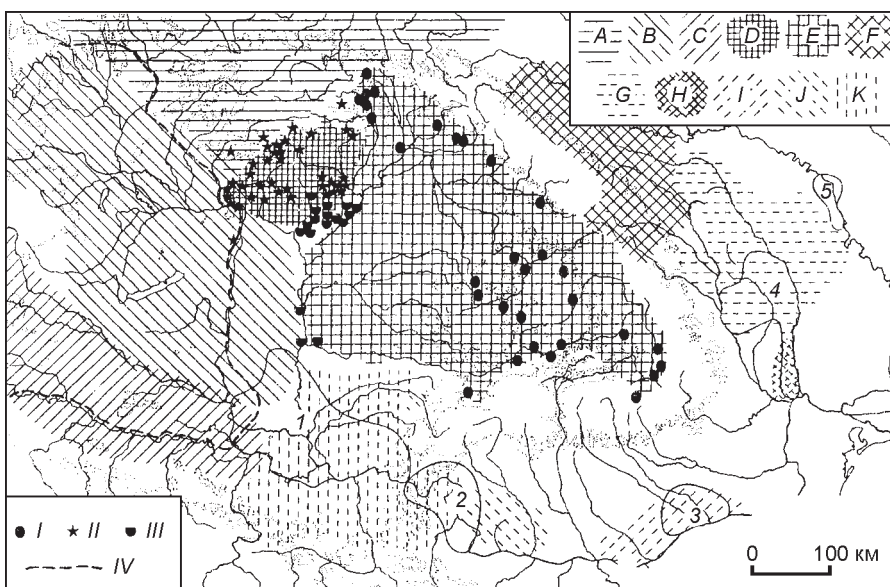
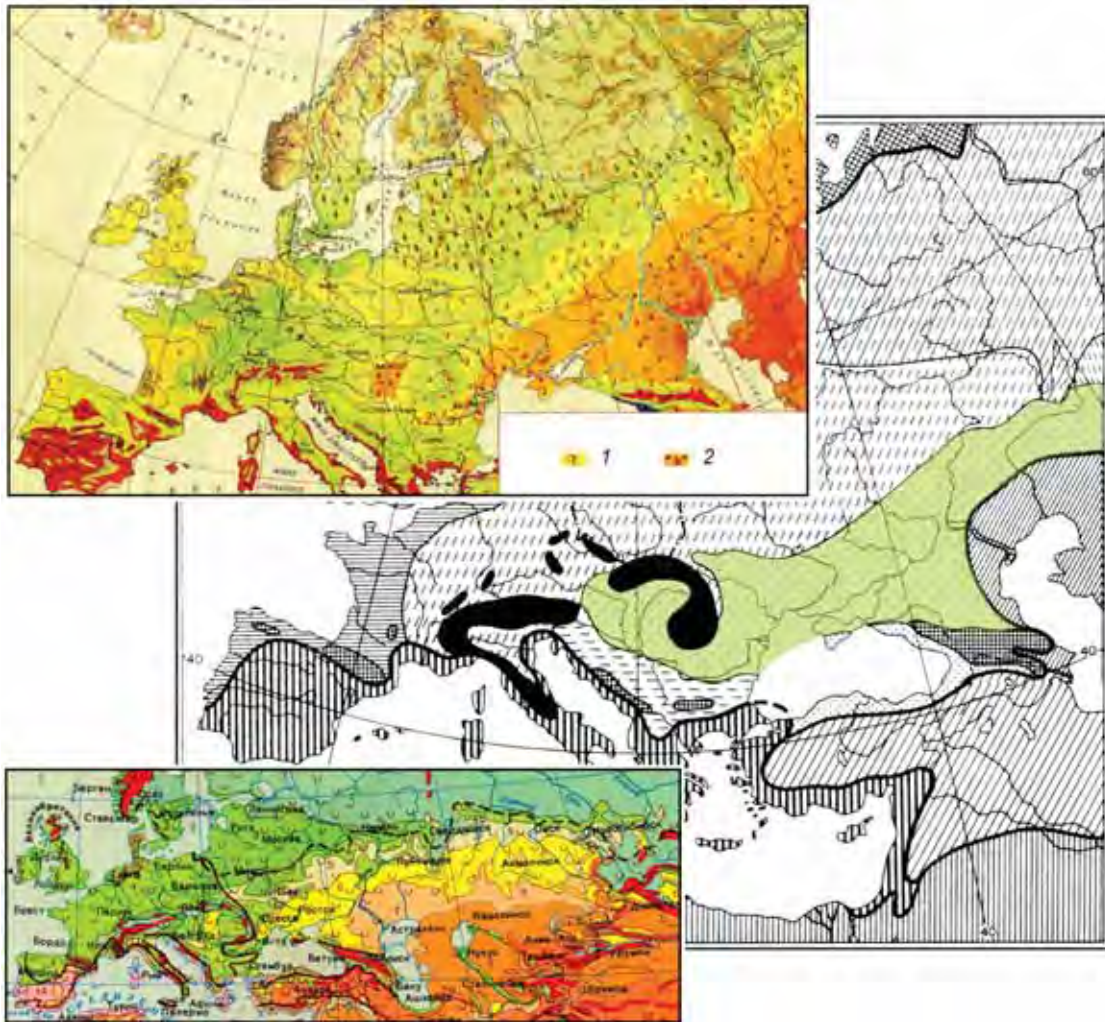


Рис. 1. Территория венгерской «пусты» на фоне пояса евразийских степей и культурная обстановка на юге Центральной Европы в эпоху поздней бронзы.

1 – лесостепь; 2 – степь.

Понтийско-Паннонская геоботаническая провинция – зеленый цвет. Культуры: А – лужицкая; В – среднедунайская урновых полей; С – Добова-Руше; D – Кыятице; E – Гава; F – Голиграды; G – Кишинев-Корлятэни; H – Темеоани; I – каннелированной керамики; J – Виртоп; K – Белегиш II. I – гавские городища; II – кыятицкие городища; III – могильники типа Мезечат; IV – восточная граница гальштатской культуры.

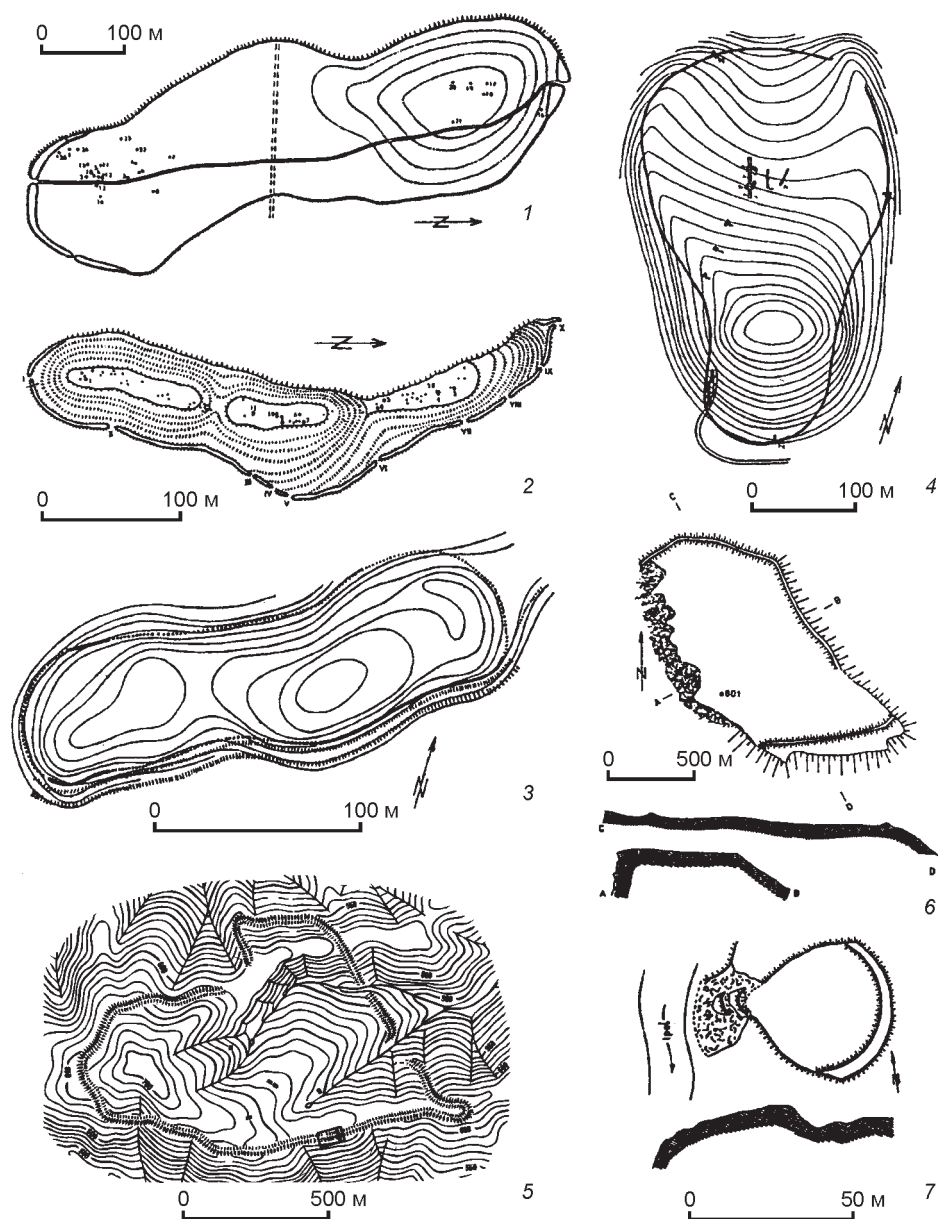


Рис. 2. Примеры топографического расположения гавских (1–4) и кыятицких (5–7) городищ.
 1 – Арданово; 2 – Колчино/Шелестово; 3 – Серецель; 4 – Тушнад Беи; 5 – Сильвашварад-Терекшанц; 6 – Туриянке Подграде;
 7 – Брезничка.
 1, 2 – (по: [Смирнова, 1966]); 3, 4 – (по: [Horedt, 1974]); 5 – (по: [Kemenczei, 1984]); 6, 7 – (по: [Furmánek, 1983]).

2. Процессы эти, однако, имеют чисто региональный характер, ограничивающийся прежде всего до квазистепных – по своим ландшафтно-экологическим особенностям – пространств и сопредельных территорий. На остальных территориях Центральной Европы, там, где распространились культуры урновых полей, наблюдается непрерывное развитие поселенческих структур, представляемых богатыми по количеству составу и стилистическому разнообра-

зию археологическими источниками. Касается это в равной степени так называемой «лужицкой культуры урновых полей», располагающейся к северу и северо-западу от Карпатской котловины, как и «среднедунайской культуры урновых полей», располагающейся к западу от меридионального отрезка Дуная, во всем бассейне Среднего Дуная. Единственным ярким свидетельством кризисных явлений на некоторых территориях является усиливающаяся в период Гальштат Б/

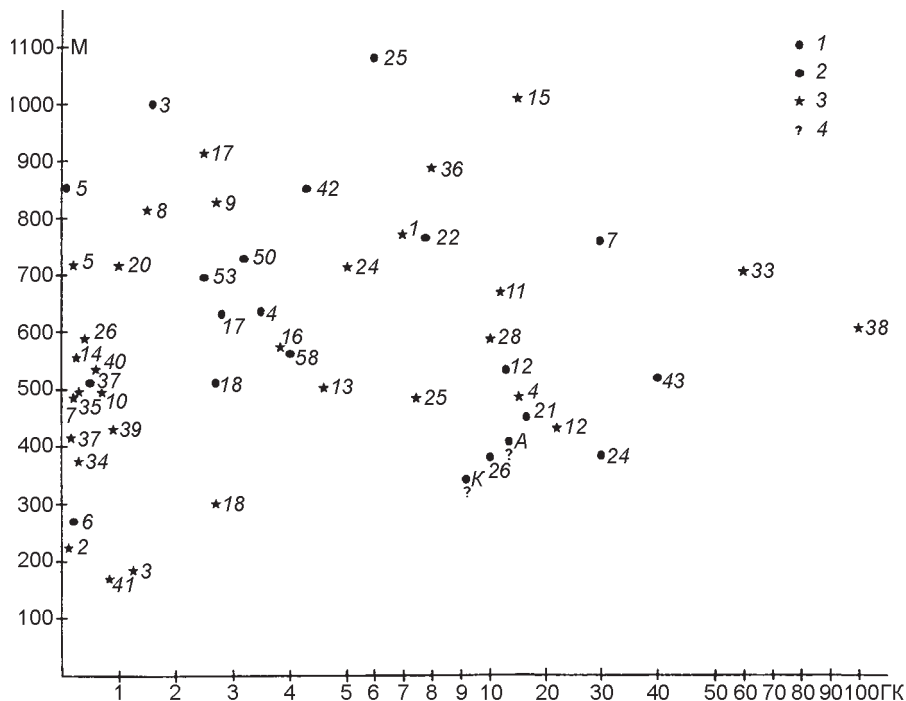


Рис. 3. Диаграмма величины и высоты расположения гавских и кыятицких городищ. А – Арданово; В – Колчино/Шелестово (по: [Смирнова, 1966]. 1 – гавские городища (по: [Horedt, 1974]); 2 – гавские городища (по: [Furmánek, Veliáčik, Romsauer, 1982]); 3 – кыятицкие городища (по: [Furmánek, 1983]); 4 – точные размеры городища неизвестны.

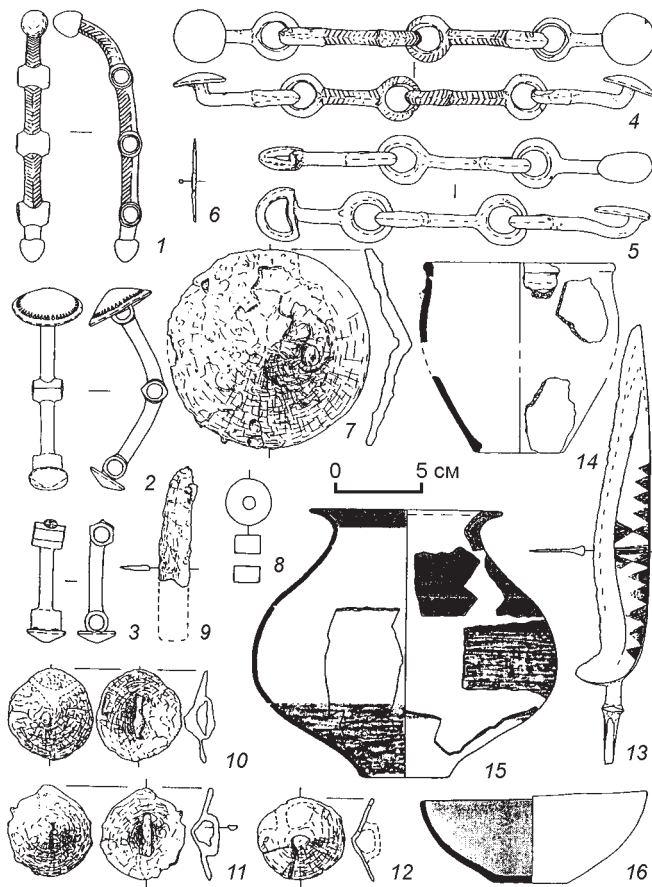


Рис. 4. Пример погребального комплекса, содержащего предметы восточного происхождения; Штильфрид/Stillfried, пг. 6 (Австрия) (по: [Kaus, 1984]).

Hallstatt В тенденция к укреплению поселений* и (наблюдаемая в микрорегиональном масштабе; прежде всего в Прикарпатье) тенденция переносить поселения в высотные ландшафтные зоны. И все же некоторые явления в этих местах имеют показательный характер. К ним относятся, в частности, следы разрушений, наблюдаемых на городище Штильфрид (Stillfried) в Австрии, которые можно интерпретировать как последствия военных действий, вызванных нападением иноземных захватчиков [Chochorowski,

*Явление это наблюдается также к северу от Моравских Ворот, которые являются основным соединением территорий Карпатской котловины с пространствами северной части Центральной Европы. На протяжении V периода бронзового века (=НаВ₂-НаВ₃) было примерно укреплено поселение в Лубовицах/Lubowice площадью 25 га [Chochorowski, 1976, с. 68–71], расположенное на северных подступах к Моравским Воротам, а также поселения Вроцлав-Особовице/Wrocław-Osobowice [Gediga, 1976, с. 169–170]. Несомненно, динамика культурных процессов в зоне этого важнейшего для Центральной Европы пути сообщения Север-Юг отражает явления сверхрегионального масштаба. Фортификация открытых, прежде не укрепленных поселений (возможна только на определенном уровне социоэкономического развития) является в этом случае, по моему мнению, результатом накапливающегося «психоза опасности» сверхрегионального масштаба, а не симптомом «постоянного конфликта» на уровне микро- и мезорегионов.

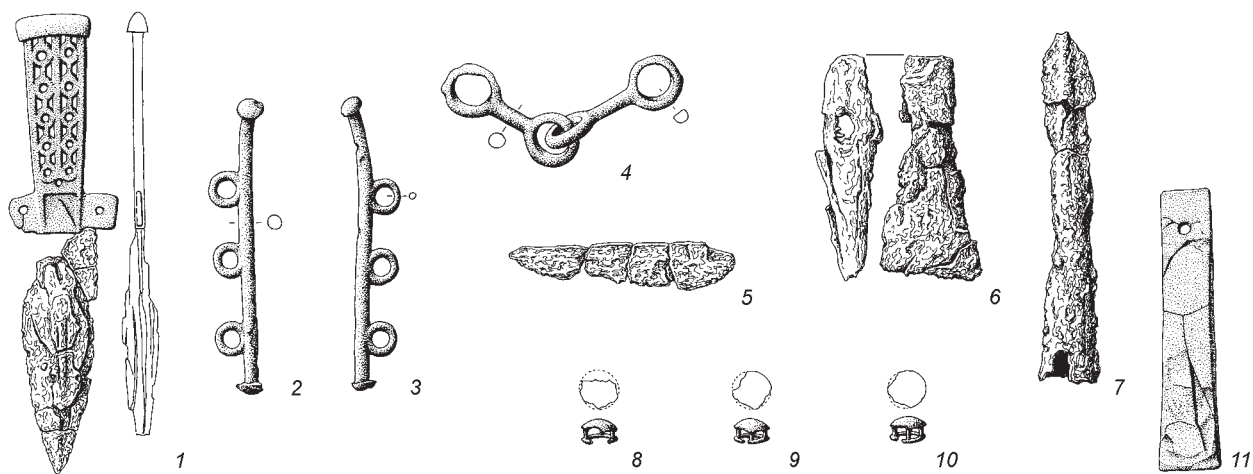


Рис. 5. Пример погребального комплекса, содержащего предметы восточного происхождения; Печ-Якабхедь/Рécs-Jakabhegy (Венгрия) (по: [Kemenczei, 2005]).

1993, с. 218–224]; появление погребальных комплексов с чужеродным местной культуре инвентарем (Штильфрид, Печ-Якабхедь/Рécs-Jakabhegy в Венгрии) – это преимущественно предметы конского снаряжения и оружие (рис. 4, 5); или же присутствие предметов данного типа (опять же конская упряжь и оружие) в составе обнаруженных на данной территории кладов бронзовых изделий (рис. 6, 7).

3. Характерной особенностью этих процессов, указывающей на их причины и – одновременно – источники, является появление в Центральной Европе находок, типичных для черногоровского культурного горизонта (который можно датировать периодом начиная с X и заканчивая первой половиной VIII в. до н.э.), свойственным степным и лесостепным пространствам Восточной Европы [Chochorowski, 1993, с. 39–139; Kemenczei, 2005]. Это прежде всего отдельные находки или клады, реже – погребальные комплексы. Зона этих находок в Центральной Европе в значительной мере совпадает с границами паннонской флористической провинции*, но главным обра-

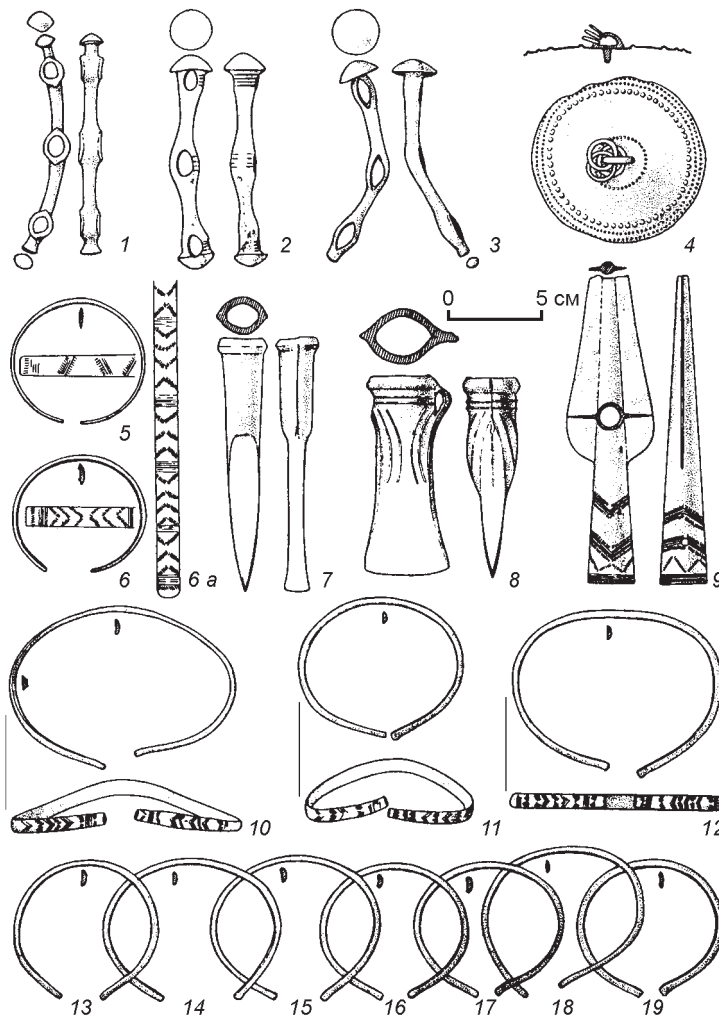


Рис. 6. Пример клада, содержащего предметы восточного происхождения; Чернотин/Černošín (Чехия) (по: [Podborský, 1967]).

*Более отчетливо за пределы этой провинции выходят находки «восточного» происхождения (черногоровские), размещенные на тер-

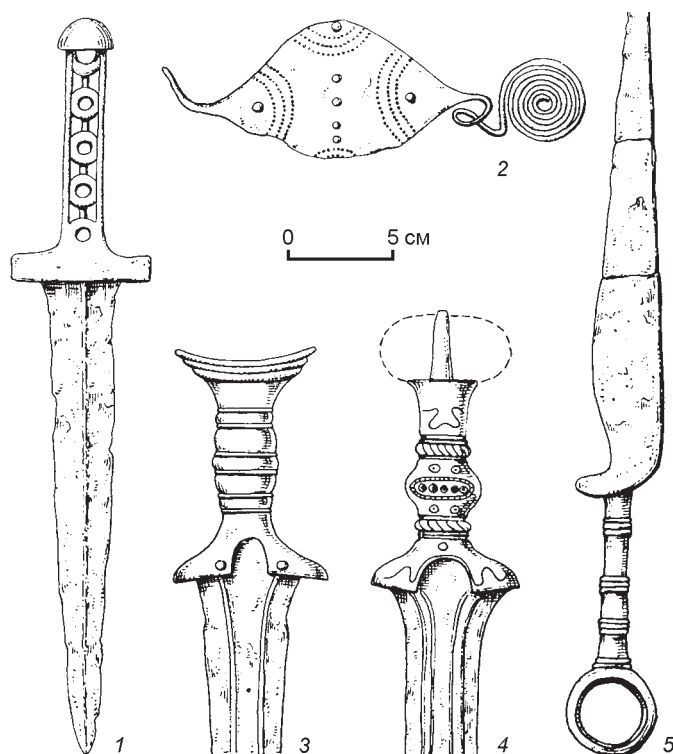


Рис. 7. Пример клада, содержащего предметы восточного происхождения; Гамув/Gamów (Польша) (по: [Podborský, 1967]).

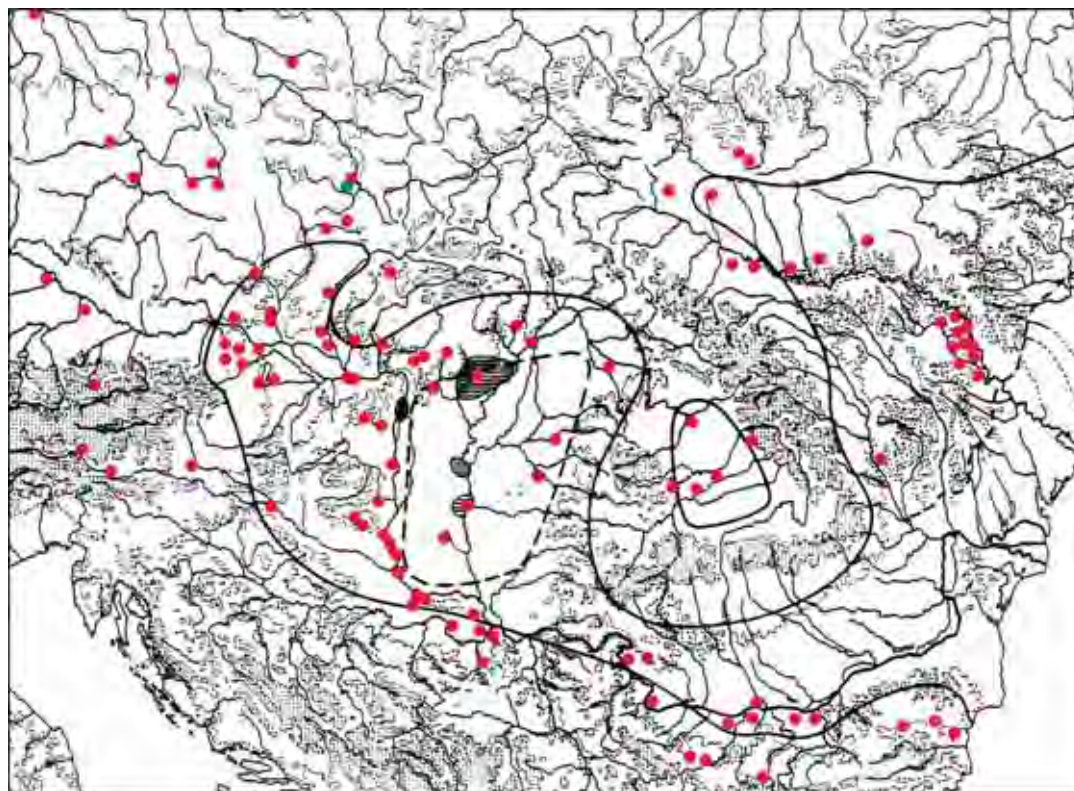


Рис. 8. Карта распространения находок восточного происхождения (черногоровских и их подражений) на фоне Понтийско-Паннонской геоботанической провинции (красный цвет) и расположения заповедника степной растительности (Держислав/Dzierżysław – Польша) севернее Моравских Ворот (зеленый цвет).

Заштрихованные поля – главные зоны распространения могильников типа Мезечат.

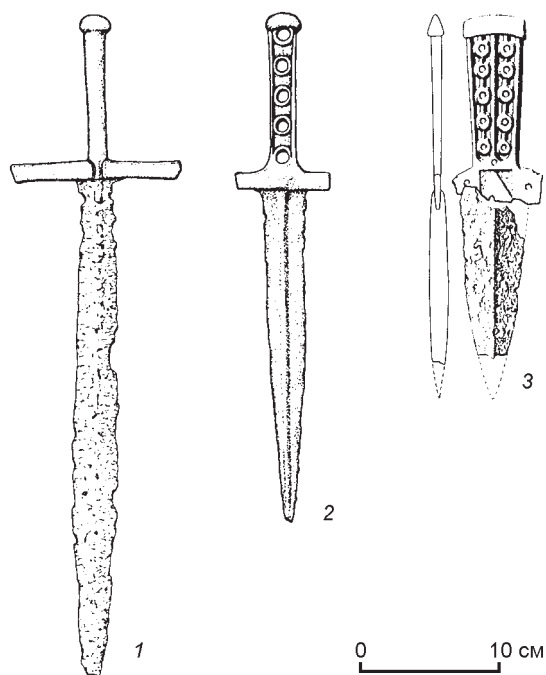


Рис. 9. Примеры кинжалов.

1 – с перекрестьем и брусковидной рукоятью – Лайбниц/Leibnitz; 2, 3 – с ажурными рукоятками «кавказского» типа – Гамув/Gamów и Печ-Якабхедь/Pécs-Jakabhegy.

зом вне Большой Венгерской низменности (рис. 8). Преобладают биметаллические (исключительно бронзовые) кинжалы (формы с перекрестьем и брусковидной рукоятью типа Головятино-Лайбниц/Leibnitz; формы с ажурными рукоятками «кавказского» типа – рис. 9), бронзовые чеканы-скипетры, а также бронзовые удила (рис. 10) и псалии (рис. 11). В последней группе встречаются как классические формы типов Черногоровка, Камышеваха и Малая Цимбалка [Тереножкин, 1976, с. 151–153], так и их местные подделки.

ритории нынешней Моравии и Силезии в бассейне верхней Одры. При этом следует иметь в виду, что границы обозначаемых ботаниками геоботанических провинций опираются на современные наблюдения растительного покрова. Не исключено, что в условиях более сухого, типичного для позднего суббореального периода климата, зона распространения степных растительных комплексов могла быть значительно шире нынешней. В особенности касается это возвышенных лессовых территорий к югу и северу от Моравских Ворот, в бассейне верхней Одры. На этой территории, впрочем, по сей день встречаются рефугии со скоплениями степной растительности (например, заповедник степной растительности в Держиславе/Dzierżysław, Опольское воеводство, к северу от Моравских Ворот).

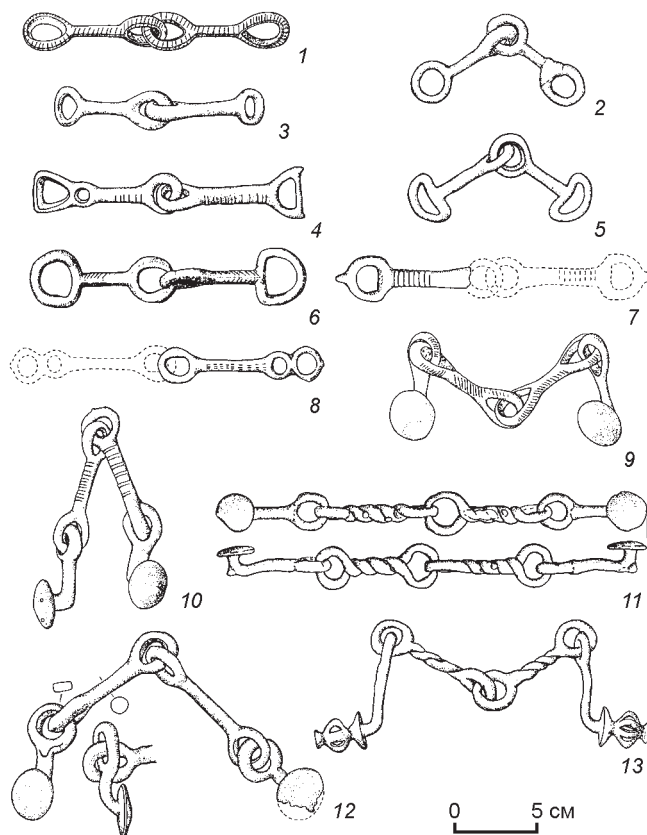


Рис. 10. Основные формы удил восточного происхождения из Центральной Европы и с сопредельных территорий.

1 – Забожи/Záboří; 2 – Печ-Якабхедь/Pécs-Jakabhegy; 3 – Эсте-Назари/Este-Nazari; 4 – Сень/Szőny; 5 – Хасльау-Регельсбрун/Haslau-Regelsbrunn; 6 – Батина-Бездан/Battina-Bezdán; 7 – Сахарна/Sacharna; 8 – Шолданешты/Soldanešty; 9 – Бихаругра/Biharugra; 10 – Дунакемлед/Dunakömlöd; 11 – Штильфрид/Stillfried, пг. 38; 12 – Ветиш/Vetiš; 13 – Фрег/Frög.

4. Непосредственным последствием этих процессов (самое позднее в VIII в. до н.э.) стало появление на Большой Венгерской низменности новой археологической группировки. Важнейшим ее элементом являются могильники с обрядом ингумации типа Мезечат (Mezőcsát) и Физешабонь (Füzesabony)*, с захоронениями навзничь в вытянутом положении, или – реже – на боку в скорчен-

*Характерно, что большая часть могильников типа Мезечат и Физешабонь сосредоточена в северной части Большой Венгерской низменности (Альфельд/Alföld), вблизи возвышенных и гористых территорий так называемого Северного Среднегорья (Északi – Középhegység = Mátra + Bükk + Zempléni-hegység), то есть на пограничье экологических зон. Такого рода предпочтения при выборе места проживания были довольно характерными для кочевников, которые использовали равнинные территории в качестве пастбищ, а места на зимние жилища искали скорее в зоне с разнообразной экологической характеристикой.

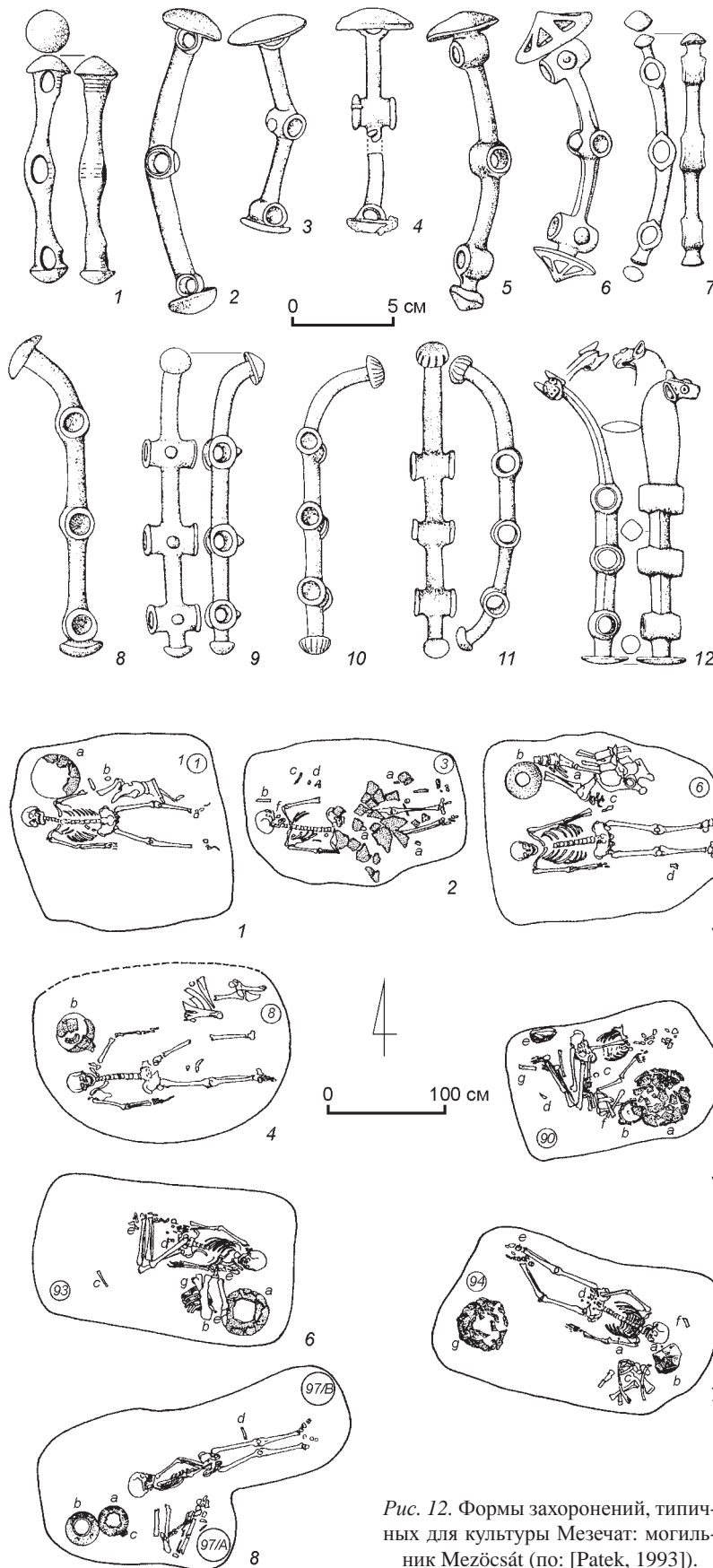


Рис. 11. Основные формы псалий восточного происхождения (черногорских и их подделок) из Центральной Европы.

1, 7 – Черногин/Černotín; 2 – Кипэу/Cirău; 3 – Динеш/Dinnyés; 4 – Штаинкирхен/Steikirchen; 5 – Тжтено/Třtëno; 6 – Адашеви/Adaševci; 8 – Физешабонь/Füzesabony; 9 – Фигед/Fügöd; 10 – Бараево/Barajevo; 11 – Шаренград/Sarengrad; 12 – Штильфрид/Stillfried.

ном положении (рис. 12) [Patek, 1993, с. 18–43]. Здесь мы имеем дело с совершенным изменением (дисконтинуитетом) черт погребального обряда в сравнении с местной культурной средой позднебронзового века, применяющей исключительно трупосожжение*. Характерной чертой погребального обряда было также помещение в могилу мясной пищи, прежде всего в виде огрузков/туш мелкого и крупного скота. В оснащении этих захоронений присутствуют также бронзовые части узды (подделки черногорских форм местного производства); например, псалии типа Дунакемлед/Dunakömlöd (рис. 13, 14), а также железные предметы. В контексте могильников типа Мезечат появляются в этом регионе комплексы (как захоронения, так и клады), представляющие аристократическую субкультуру, свойственную новочеркасской группе памятников из Восточной Евро-

*Известных нам могильных находок гавской культуры не так уж много (вероятно, в этой среде преобладал тип погребального обряда, неуловимый в археологических источниках), а те, которые до сих пор идентифицированы (например: Taktabáj-Erdőfalja – 17 могил), представляют собой исключительно формы захоронений, типичных для культур урновых полей [Kemenczei, 1984, с. 152–189]. Захоронения по обряду трупосожжения в урнах характерны также для культуры Кыятице/Кужаце [Ibid., с. 127–152; Furmánek, 1990, с. 67–74].

Рис. 12. Формы захоронений, типичных для культуры Мезечат: могильник Mezöcsát (по: [Patek, 1993]).

пы (пр. Дзьема/Gyoma – [Márton, 1905, с. 234–240; Chochorowski, 1993, с. 236–238, рис. 50–51]).

5. Кризис поселенческо-культурных структур в восточной части Карпатской котловины был обусловлен передвижениями и набегами агрессивных кочевнических групп, совершаемыми из зоны распространения комплексов черногоровского и новочеркасского типов в Восточной Европе [Махортых, Иевлев, 1991; Махортых, 2005; Скорый, 1999]. Значительное ухудшение экологической обстановки в степной зоне к концу сухой и холодной фазы суббореального периода (XII–X вв. до н.э.) привело к усиливающейся активности кочевников, ищущих в окружении степей благоприятные экологические ниши. Сформировавшиеся на базе этнокультурных образований эпохи поздней бронзы (главным образом «срубной общности» и белозерской культуры) кочевнические сообщества восточно-европейской степи создали классический уклад кочевого хозяйства с замкнутым циклом кочевок. Одновременно в этой среде прослеживаются такие типичные черты кочевнического цивилизационного образования, как высокий социальный статус архетипа воина, подчеркиваемый в социокультурном поведении общества престиж знати (особенно военной) и поощрение агрессии как способа завоевания высокого социального положения. В условиях усиливающегося экологического кризиса, особенно остро ощущаемого в центральных районах «сухих и холодных» степей, кочевники неоднократно оставляли свой прежний образ жизни и вставали на путь вынужденного постоянного (перманентного) кочевания в поисках обильных пастбищ и более благоприятных условий для жизнедеятельности [Махортых, 2003, с. 56]. Они находили их в лучше обводненных экологических нишах на степных окраинах, обитатели которых вели оседлый образ жизни с стационарными – земледельческо-скотоводческими – формами хозяйствования. Такие перспективы открывали перед кочевниками территории Центрального

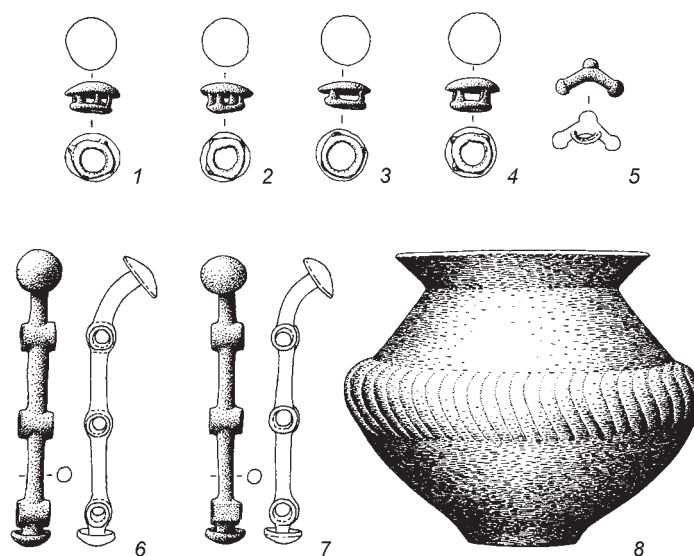


Рис. 13. Оснащение погребения № 3 в Физешабонь-Эрегдомб/ Füzesabony-Öregdomb (по: [Kemenczei, 2005]).

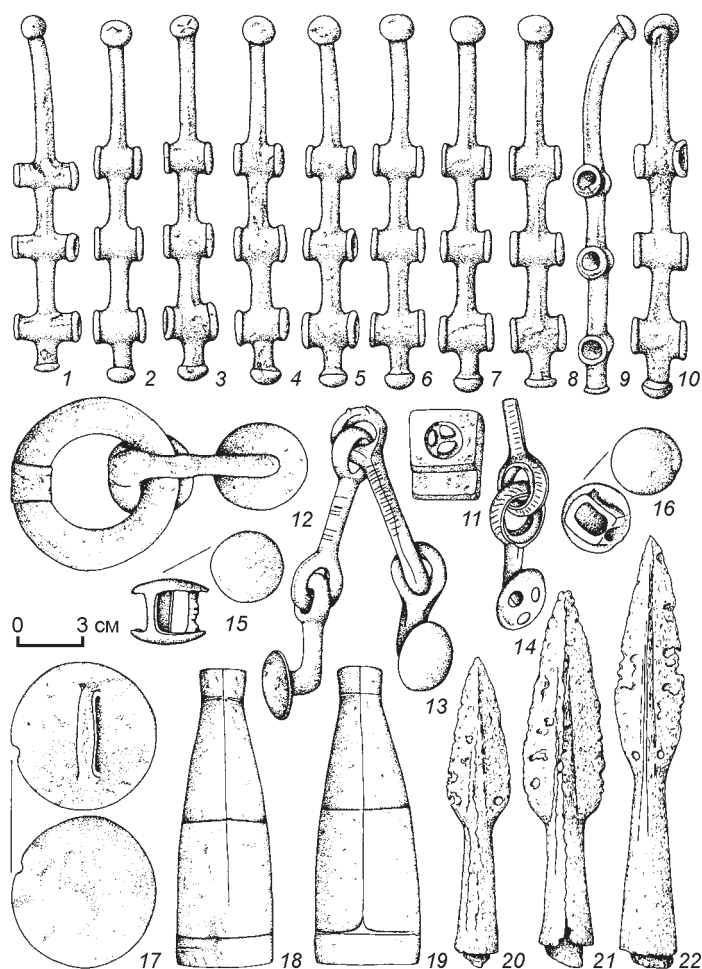


Рис. 14. Клад бронзовых и железных предметов из Дунакемлед/ Dunakömlöd (по: [Gallus, Horváth, 1939]).

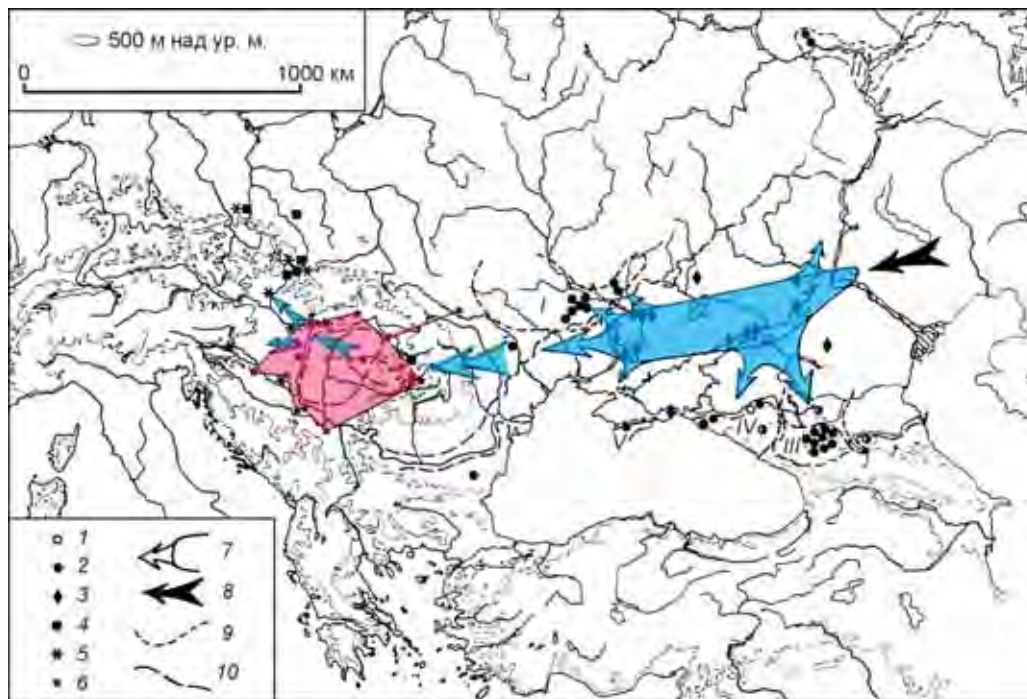


Рис. 15. Главные направления «черногорских» передвижений; карта-схема (исходная территория – голубой цвет).

1 – захоронения, содержащие элементы конской узды черногорского типа; 2 – захоронения, содержащие элементы конской узды новочеркасского типа; 3 – клады и отдельные находки узды новочеркасского типа; 4 – самые древние (НаВ₂) комплексы из Центральной Европы, содержащие предметы восточного (черногорского) происхождения; 5 – кинжалы типа Головадино-Лайбниц из Центральной Европы; 6 – клады из Центральной Европы, в которых преобладают предметы восточного происхождения (красный цвет); 7 – «черногорские» передвижения; 8 – «протоскифские» передвижения; 9 – рубежи культурных группировок с территориями, окружающими восточно-европейские степи; 10 – граница степи.

Культуры: I – чернолесская, II – ананьинская, III – кобанская, IV – протомеотская, V – кизил-кобинская.

1–3 – по: [Дубовская, 1989].

Поднепровья, Предкавказья, а также квазистепные территории «пусты» на Венгерской низменности (рис. 15). Объясняя эти явления, надо обратить внимание на тот факт, что при тогдашней поселенческой структуре и военном потенциале центрально-европейских сообществ даже небольшие группы агрессивных кочевников, конных воинов, вторгающиеся внезапно на чужую территорию и имеющие боевое преимущество, могли вызвать столь далеко идущие социокультурные изменения, расцениваемые в категориях «культурного шока». Подтверждением этому является присутствие в составе кладов, обнаруженных в Центральной Европе (прежде всего в окружении Венгерской низменности), восточных по происхождению бронзовых изделий – символов кочевнической тождественности, как оружие и конское снаряжение. Истолковывать это можно только как признак символического «приручения чужаков», появление которых и черты их культурной различности выходили за рамки традици-

онного, сформировавшегося в образе мышления автохтонов, «описания мира». Сохраняя нужную историческую перспективу и сознание масштаба и качества событий, состояние это вполне можно сравнить с «шоком», испытанным Восточной и Центральной Европой в момент внезапного появления здесь в XIII в. Монголов*.

б. Необыкновенно интересным с познавательной точки зрения является тот факт, что почти в одно и то же время (уже в течение VIII в. до н.э., хотя ближе рубежа VIII–VII вв. до н.э.) и состоя в причинной связи с обсуждаемыми процессами, появляются на пограничье Центральной

*Примером царящей атмосферы угрозы может быть повествование автора древнейшей новгородской летописи, который по случаю нашествия Монголов в 1222–1223 гг. писал: «Одному Богу известно, кто они и откуда вторглись (к нам)... мы не знаем, кем они могли бы быть... Не знаем, откуда они пришли и куда опять отправились. Богу одному известно, откуда позволил им прийти по вине грехов наших» [Strzelczyk, 1993, с. 50].

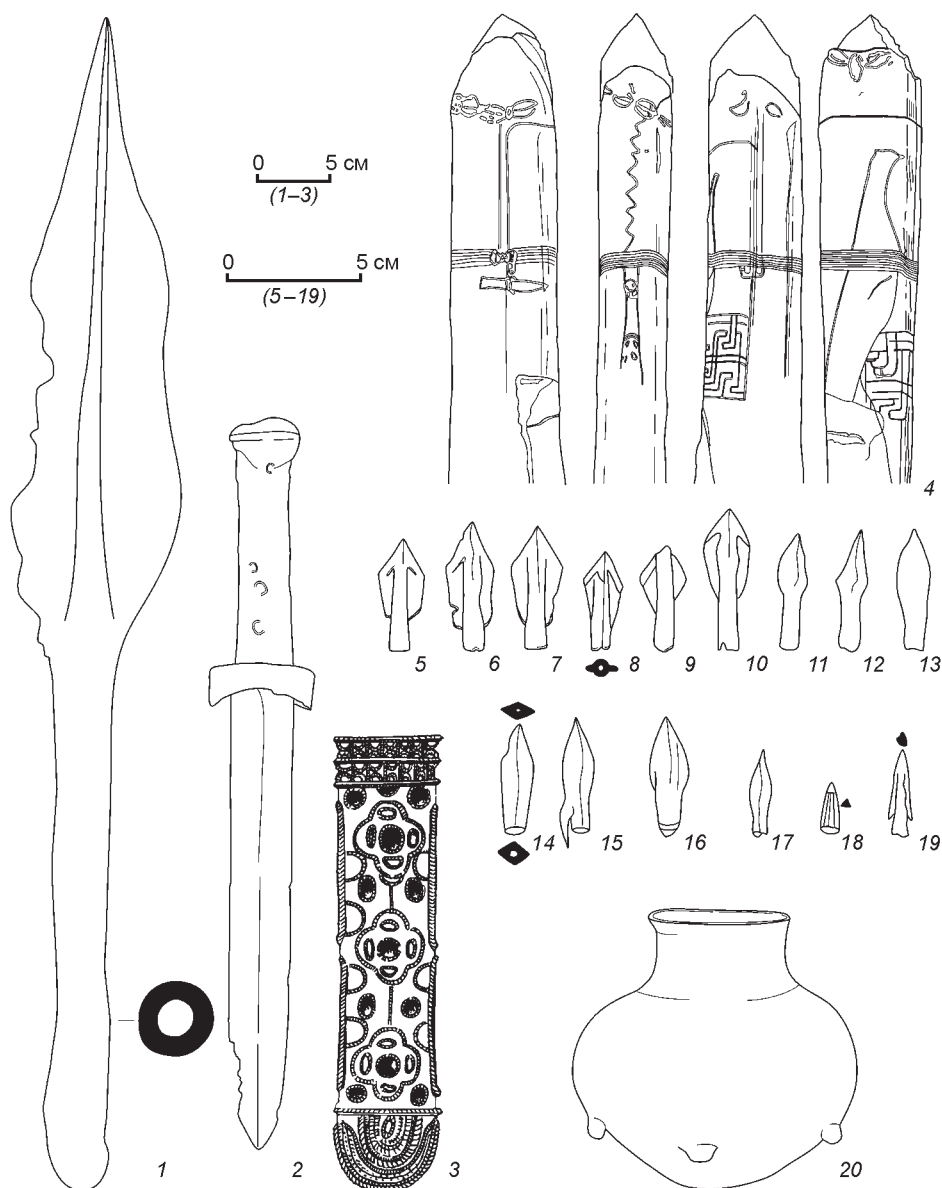


Рис. 16. Снаряжение воина из погребения Белоградец (по: [Tončeva, 1980]).

и Восточной Европы находки раннескифского типа. На территории нынешней северо-восточной Болгарии, как бы вслед за комплексами новочеркасского («киммерийского») типа, такими как захоронения воинов из Белоградец и Царев-Брод (рис. 16, 17) [Tončeva, 1980, табл. XXXIV; 2–4, 6–8, XXXV; 1, XXXVIII; 6, XL; 1–4], появляются комплексы, близкие типу Гумарово (Польско Косово близ Руссе, рис. 18) [Stantchev, 2000]. Захоронения воинов со скифским инвентарем и элементами новочеркасского типа рубежа VIII–VII и начала VII в. до н.э., нам знакомы, в частности, из Трансильвании [Теюш/Teiuș –

Vasiliev, Badea, Man, 1973; Chochorowski, 1998, с. 479–480, рис. 3]. Хотя формирование квазискифских культурных групп в Карпатской котловине (как трансильванская группа и культура Векерзуг/Vekerzug) было обусловлено активностью скифских сообществ родом из причерноморского региона*, характерно, что на ранней

*См.: [Chochorowski, 1998, с. 480–481], где вкратце представлена оценка процессов генезиса культуры Векерзуг/Vekerzug, учитывающая корректировку хронологии раннескифской культуры, разработанной на рубеже 80/90 годов XX века. Не подлежит сомнению, что древнейшие

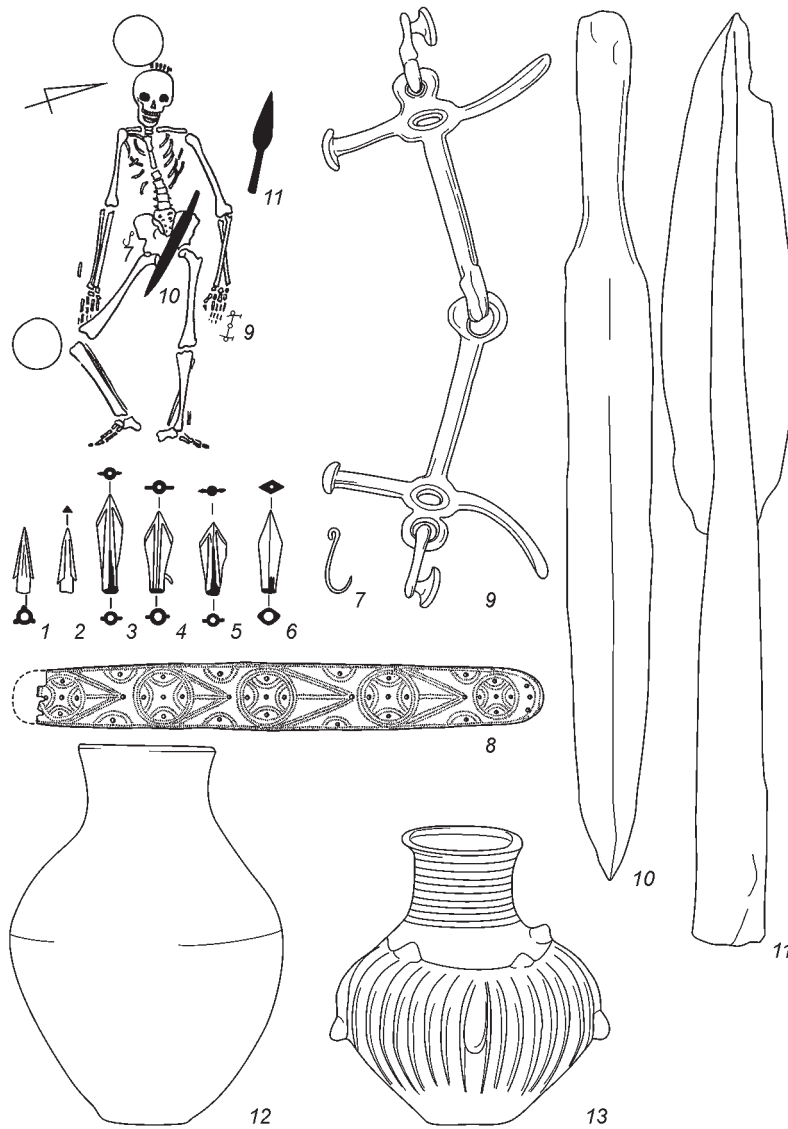


Рис. 17. Снаряжение воина из погребения Царев Брод (по: [Топчева, 1980]).

волне скифских («протоскифских») миграций на запад, обозначается участие кочевнической этнокультурной среды Центральной Азии. Показательными здесь являются отдельные находки коротких бронзовых кинжалов из Подолья (Руски Фильварки) [Sulimirski, 1936, таб. IX; 1]

комплексы культуры Векерзуг/Vekerzug на Большой Венгерской низменности появились самое раннее под конец VII, даже вероятнее всего, ближе рубежа VII–VI вв. до н.э., а не как предполагалось прежде [Chochorowski, 1985, с. 128–130, 149–152], во второй половине VI в. до н.э. (см. также [Kemenczei, 2009, с. 112]. Соответственно, начало формирования трансильванской группы следует отнести к рубежу VIII–VII вв. до н.э. [Chochorowski, 1998, с. 479–480]; см. также: [Vasiliev, 1980, с. 125–140].

и Карпатской котловины (случайная находка из обл. Боршод/Borsod в Венгрии) [Chochorowski, 1985, рис. 33; 3], имеющие аналоги не в Восточной Европе, а среди раннетагарских памятников [рис. 19, 1–2]. Кроме того, надо отметить другие находки «восточного» происхождения, как, например (рис. 19, 3–6): тагарские ножи (Strzegom, Śmiełów) [Jahn, 1928, рис. 8–9; Gedl, 1984, с. 41, таб. 9; 77–78]; бронзовое навершие кинжала (Bodzanowo) [Zielonka, 1952, с. 111; Bukowski, 1977, таб. II]; двуушный кельт (Modlniczka) [Dryja, Kieferling, 1993; Клочко, 2005, рис. 2; 1], из нынешней Польши (рис. 20)*. Убедительно также присутствие зооморфных мотивов среди постчерногородских находок в Центральной Европе (например, скипетры или псалии из Штиллфрида (рис. 21), которые в среде геометрической орнаментики черногородского и новочеркасского инвентаря в Восточной Европе [Тереножкин, 1976, с. 173–174], были неизвестны. Существуют также предпосылки, позволяющие предполагать, что уже на черногородском этапе в Восточной Европе, начиная с X в., хотя главным образом в IX в. до н.э., приток предметов центрально-азиатского происхо-

ждения (начиная с карасукских, затем тагарских и протоскифских изделий)**, определяет нача-

*Находки эти вписываются в масштаб явлений, относящихся к волне военного проникновения «кочевнических групп со скифским вооружением» на территорию Центральной Европы [Хохоровски, 1994, с. 49–64], но, по всей видимости, они значительно их старше. События, результатом которых стало, в частности, уничтожение оборонительных поселений (предметы скифского вооружения в слоях пожаров; опустение целых поселенческих микрорегионов, культурный кризис и т.д.), датировать можно рубежом центрально-европейского периода HaD₁/HaD₂, а с точки зрения относительной хронологии раннескифской культуры, горизонтом Репяховатой Могилы [Там же, с. 55].

**В этом контексте в украинской литературе недавно появились сведения о находках северокитайских изделий

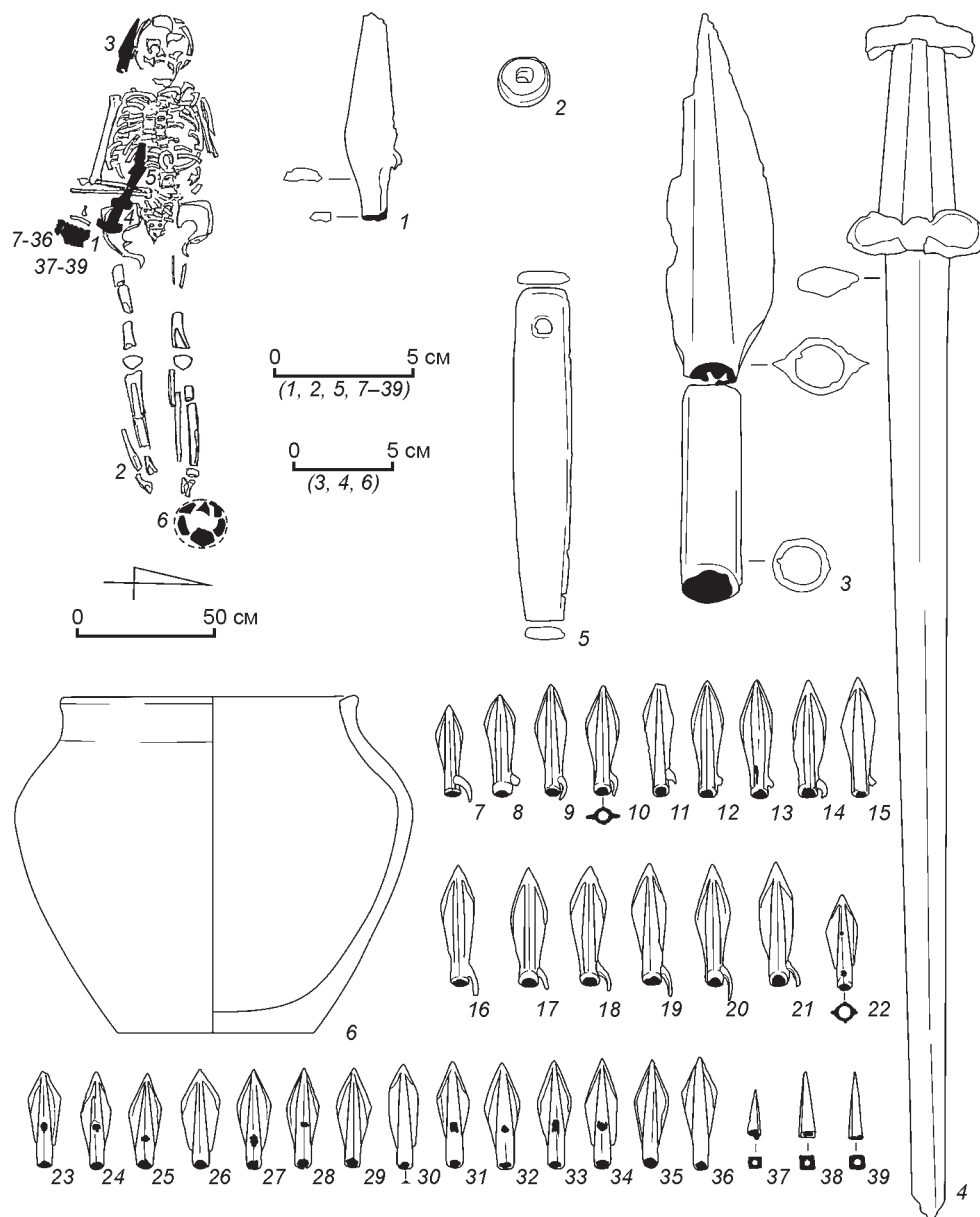


Рис. 18. Снаряжение воина в погребении из Польско Косово (по: [Stantchev, 2000]).

эпохи династии Чжоу на территории Крыма [Клочко, 2005, с. 21–28], а также о «кладе» бронзовых предметов из Лубны на Полтавщине, соединяющих местные признаки (черногородские и чернолесские), с центрально-азиатскими и центрально-европейскими [Клочко, 2009, с. 155–163]. Часть исследователей считает их, однако, подделками, появившимися в связи с созданием частных коллекций и развивающейся в связи с этим нелегальной торговлей «древностями». Вопрос этот должен стать предметом серьезной дискуссии в научной среде исследователей и службы охраны памятников хотя бы потому, что существенные аргументы, свидетельствующие о достоверности этих сведений, представлены в солидных научных изданиях.

ло новых явлений, источником которых является активность кочевнических сообществ Центральной Азии.

7. Кардинальное значение для объяснения этих явлений имеет концепция В.И. Молодина [2010], касающаяся экологического «стресса» в Западной Сибири в период так называемых субатлантических взрывных изменений. Датированное приблизительно 850 BC [Geel et al., 2004] глобальное изменение климата на более влажный (при сохранении пониженного температурного режима) (рис. 22) вызвало очень неблагоприятные эколо-

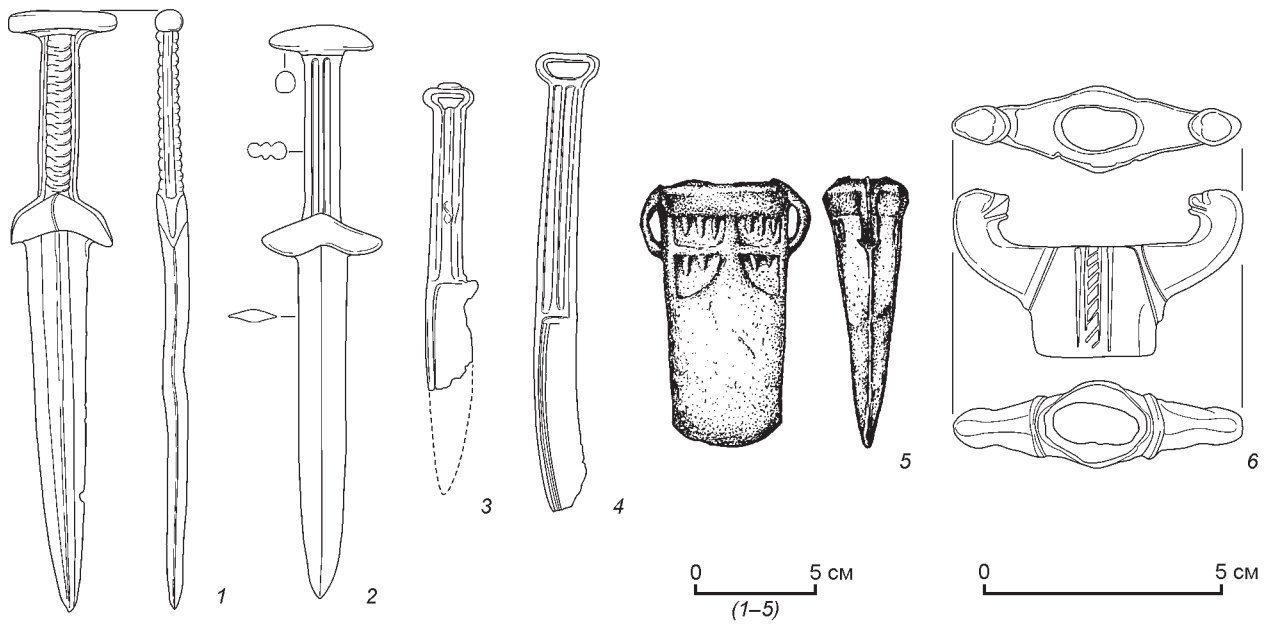


Рис. 19. Примеры находок восточного (западно-сибирского?) происхождения из Центральной Европы.
1 – Руски Фильварки (Украина); 2 – область Боршод/Borsod (Венгрия); 3 – Стшегом/Strzegom; 4 – Сьмелув/Śmiełów; 5 – Бодзано-во/Bodzanowo; 6 – Модльничка/Modlniczka (Польша).

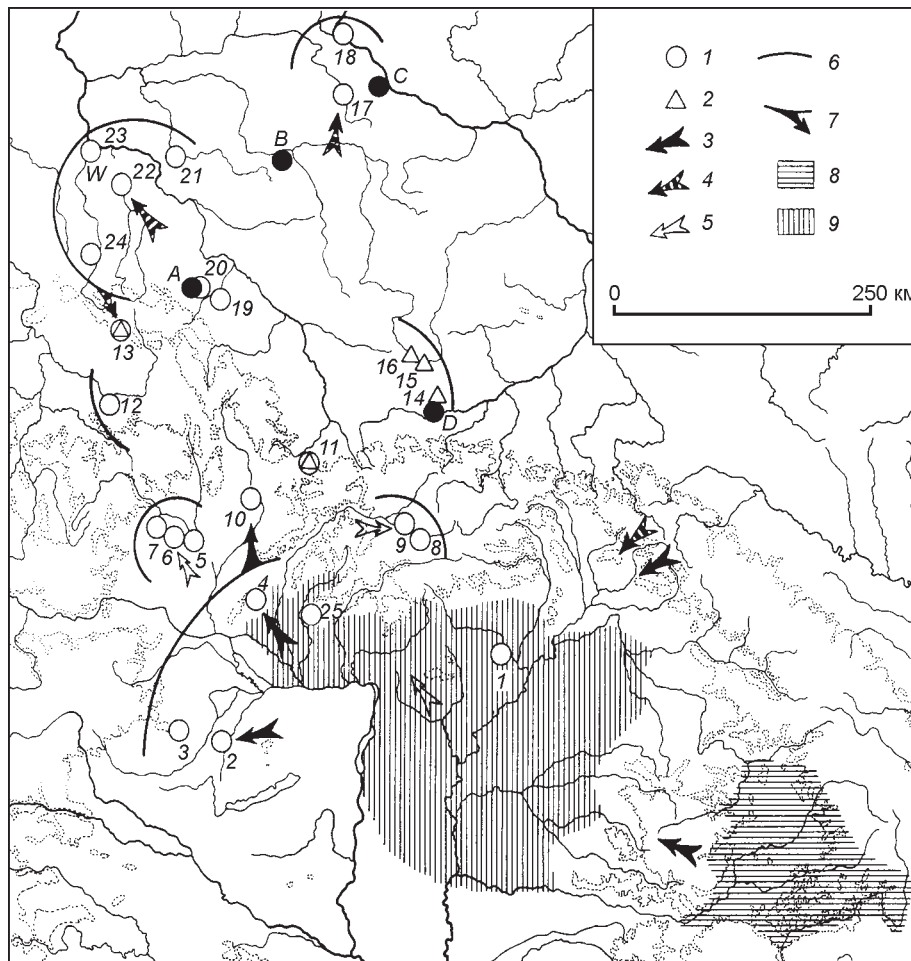


Рис. 20. Ареал военных действий и направления перемещений захватчиков с оружием скифского типа на территории Центральной Европы.

1 – городища, на территории которых было найдено оружие скифского типа; 2 – пещерные убежища, в которых были обнаружены наконечники стрел скифского типа; 3 – направления перемещений первой волны «скифских» захватчиков; 4 – направления перемещений второй волны «скифских» захватчиков; 5 – направления военных действий носителей культуры Векерзуг; 6 – максимальная граница ареала военных действий; 7 – предполагаемые направления дальнейших перемещений; 8 – территория трансильванской группы; 9 – территория культуры Векерзуг.

A – Стшегом/Strzegom; B – Сьмелув/Śmiełów; C – Бодзано-во/Bodzanowo; D – Модльничка/Modlniczka.

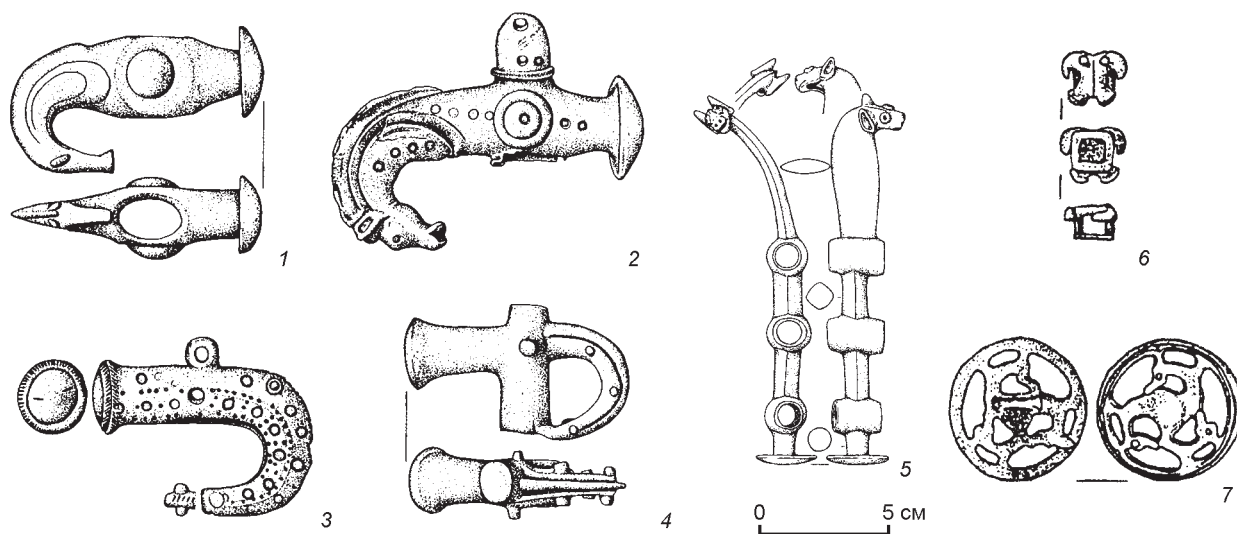


Рис. 21. Примеры предметов, украшенных зооморфными мотивами, встречаемыми среди постчерногоровских находок в Центральной Европе.

1 – Сынмихай де Педурэ/Sînmihai de Pădure; 2 – Шарвиз/Sárviz; 3 – Батина-Бездан/Batina-Bezdán; 4 – Пжедмежице/Předměřice; 5, 7 – Штильфрид/Stillfried; 6 – Бихоругра/Bihaugra.

гические изменения в лесной и лесостепной зонах Западной Сибири, особенно в районах с развитой гидрографической сетью. В условиях сухого климата позднего суббореала общества эпохи поздней бронзы нашли здесь пригодные условия для жизнедеятельности. «Субатлантизация» климата вызвала неблагоприятные изменения окружающей среды, лишая их удобных экологических ниш. Такая ситуация способствовала активности многих групп, проявляющейся в устремлении к сухим степным пространствам, которые в условиях влажного климата становятся благоприятной для жизни ойкуменой. Сопутствовало этому неизбежное преобразование хозяйственного уклада и социокультурных структур, включивших население лесостепной и лесной зон Западной Сибири позднебронзового века в многочисленные этнокультурные сообщества, населяющие степи. Динамика этих процессов несомненно способствовала многим миграциям, общим направлением которых – ввиду существующих географических и экологических препятствий на юге и востоке – был открытый на запад степной коридор. Хронология ранней тагарской культуры [Görsdorf, Parzinger, Nagler, 2004, с. 85–88; Parzinger, 2006, с. 621–623] и датирование кургана Аржан 1 [Geel, 2004, с. 1739]* указывают на

то, что укрепление протоскифских культурных образцов, насыщенных символикой, отображающей в частности менталитет этнокультурных сообществ позднего бронзового века Западной Сибири и Центральной Азии, произошло уже (как минимум) во второй половине IX в. ВС. Именно в степи произошла определенная «конфронтация» между «старыми» и «новыми» обитателями этой территории, которую по Геродоту (в контексте западной части степного пояса) символически можно назвать «скифско-киммерийской войной». В действительности «скифский Исход» носил характер продолжительного процесса миграций и противоборства, приводящего нередко к военным событиям, открывшего евроазиатский степной коридор для кочевников Центральной Азии. Его западным полюсом стала территория венгерской «пусты» в Карпатской котловине, которая неоднократно в исторической перспективе становилась ареной для участия кочевников в европейском историческом процессе.

горовского типа (см., в частности: [Грязнов, 1980, с. 54; Марсадолов, Зайцева, Лебедева, 1994, табл. 1]), имеет существенное значение для определения хронологии наплыва восточных, «степных» элементов культуры на территорию Центральной Европы и культурного перелома в Карпатской котловине [Chochorowski, 1995, с. 270–271; 1996, с. 239–256; Pazdur, 1995].

*Полученное естественно-научными методами датирование кургана Аржан 1, содержащего элементы черно-

8. Принятие сценария культурных изменений, вызванных климатическими (экологическими) факторами и в итоге миграций, в качестве стимулов, объясняющих социокультурную консолидацию и усиление активности кочевников в степной и лесостепной зонах Евразии на рубеже бронзового и раннего железного веков, означает только и исключительно ссылку на первоначальный импульс, а не становление принципа, детерминирующего совокупность всех процессов. При таком предположении процессы эти должны бы были проходить по «принципу домино», регулируемому, однако, внутренними факторами, которые могли бы в равной степени как нейтрализовать, как и интенсифицировать их динамику. К процессам этим относятся, в частности:

– различные темпы и масштаб преобразований экосистем под воздействием того же импуль-

са климатических изменений, в зависимости от их геоморфологической, гидрографической, ботанической и пр. специфики;

– потенциальная способность социокультурных структур (особенно хозяйственных) приспосабливаться к новым, даже ухудшающимся условиям жизнедеятельности, к примеру посредством использования ресурсов в рамках присваивающего хозяйства;

– барьеры идеологического и ментального характера, определяющие коллективное сознание и отражающиеся на магической и психологической связи с занимаемой и используемой территорией.

Только истощение собственных адаптационных способностей могло привести к своеобразному «раздвижению ножниц» между условиями жизнедеятельности и выработанной в их пределах моделью культурного поведения. В такой кризисной

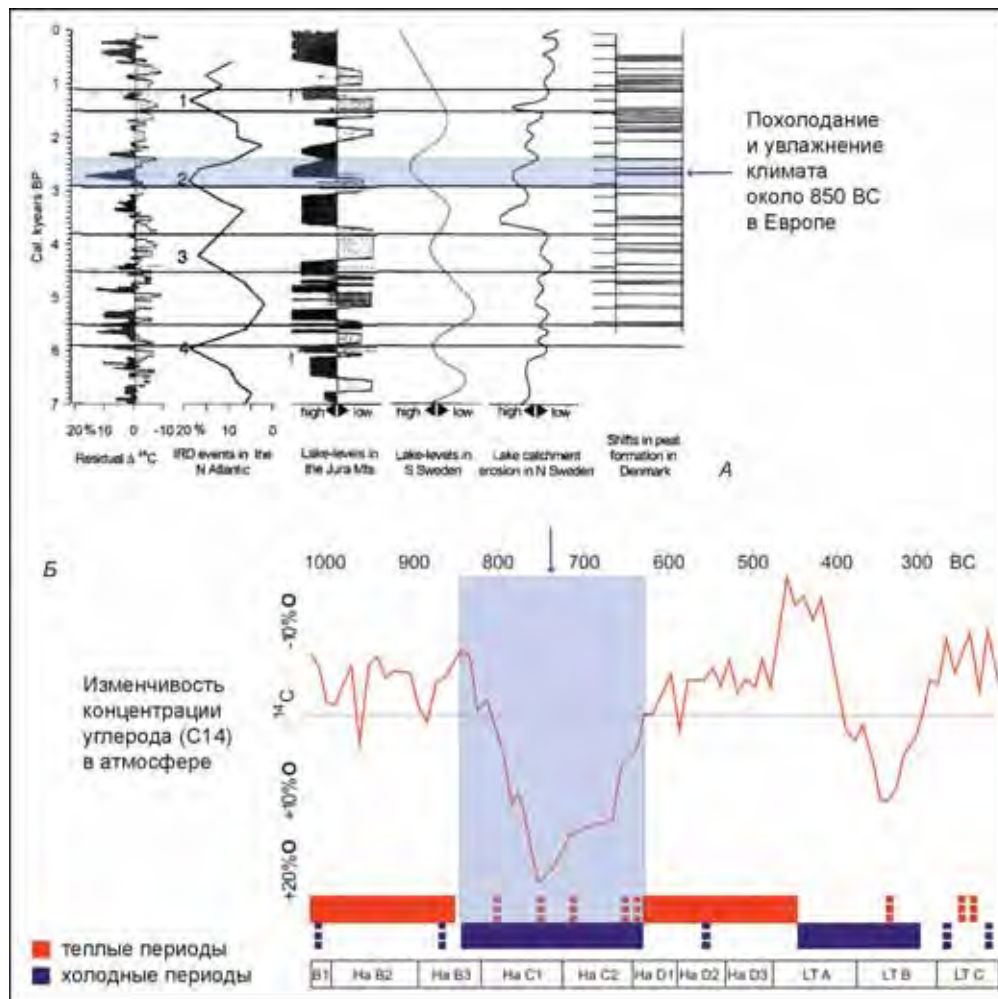


Рис. 22. Похолодание и увлажнение климата около 850 BC в Европе.

A – основные показатели изменений климата в голоцене (по: [Berglund, 2003]). Б – кривая концентрации радиоуглерода ^{14}C в атмосфере I тыс. до н.э. (по: [Maise, 1998]). Обработал: К. Дзенгелевски.

ситуации одним из решений могла быть миграция и обосновывающее ее изменение социокультурного поведения. На общественное сознание должны были повлиять существенные идейные факторы, легитимирующие изменение стратегии.

9. «Выбор» миграционной (мобильной, наступательной) стратегии выживания могли облегчать и даже ему способствовать некоторые свойства социокультурных систем. Здесь имеются в виду свойства, которые в первоначальной действительности имели второстепенный характер, а в новых кризисных реалиях обрели первостепенное значение. Определяли они потенциальную способность приспособления к новым условиям и увеличивали склонность общества прибегать к инновациям. Здесь можно указать, к примеру, на:

- незначительную роль стационарных отраслей хозяйства при сравнительно большом значении деятельности, осуществляемой в условиях необходимой мобильности, например, стадный – пастбищный – выпас, отгонное животноводство, охотничий промысел и др.;

- высокий военный потенциал и его существенная роль в поведении, направленном на поддержание собственного престижа;

- умение обращаться с лошадью и культивирование искусства верховой езды;

- низкий уровень «засиженности», проявляющийся в частности, в слабо развитых структурах постоянных поселений;

- низкий уровень сакральности пространства и психологической связи с занимаемой территорией.

Все эти свойства естественным образом могли способствовать «промиграционным» тенденциям, являясь весомым фактором культурных изменений.

10. Существенным условием испытания представленных гипотез, обозначающих одно из направлений исследований, является изучение специфики социокультурных образцов поведения тех общественно-поселенческих групп, которые потенциально могли включиться в процесс культурных изменений и миграции. Это может облегчить ответ на вопрос, какие общества (либо их части), если вообще какие-либо были «естественным образом predetermined» к участию в волне миграции, имевшей основополагающее значение для исторических процессов в зоне Великой Евразийской степи в начале железного века. Немаловажными являются наблюдения поселенческих

структур в пограничной зоне «потока миграции». Касается это прежде всего возможного присутствия оборонительных поселений и рефугий, которые можно считать признаком «дефензивной» стратегии выживания. Существенное познавательное значение в контексте изучаемой проблемы имеют также результаты генетических и антропологических исследований и экспертиз.

Список литературы

- Дубовская О.Р.** К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. – 1989. – № 1. – С. 63–69.
- Клочко В.** До проблеми походження скіфів // Памятки України: історія та культура. – 2005. – № 37/2(147). – С. 21–28.
- Клочко В.И.** Происхождение скифов // Эпоха раннего железа: сб. науч. тр. к 60-летию С.А. Скорого. – Киев; Полтава: Ин-т археологии НАН Украины, 2009. – С. 151–166.
- Махортых С.В.** Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. – Киев: Шлях, 2003. – 139 с.
- Махортых С.В.** Киммерийцы Северного Причерноморья. – Киев: Шлях, 2005. – 379 с.
- Махортых С.В., Иевлев М.М.** О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. – М., 1991. – С. 18–30.
- Молодин В.И.** Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 22–24.
- Скорый С.А.** Киммерийцы. – Киев; Полтава: Археология, 1999. – 135 с.
- Смирнова Г.И.** Гальштатские городища в Закарпатье // Slovenská Archeológia. – 1966. – № 14(2). – С. 397–410.
- Тереножкин А.И.** Киммерийцы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 223 с.
- Хохоровски Я.** Скифские набеги на территорию Средней Европы // РА. – 1994. – № 3. – С. 49–64.
- Хохоровски Я.** Городища эпохи поздней бронзы восточной части Карпатской котловины: Показатель развития или кризиса общественно-культурных структур? // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. – Полтава: Центр «Археологія», 1996. – С. 211–221.
- Berglund B.E.** Human impact and climate changes – synchronous events and a causal link ? // Quaternary International. – 2003. – Vol. 105. – P. 7–12.
- Bukowski Z.** The Scythian Influence in the Area of Lusatian Culture. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. – 378 p.
- Chochorowski J.** Burgen der Lausitzer Kultur in Oberschlesien // Prace Archeologiczne. – 1976. – N 23. – S. 63–80.

- Chochorowski J.** Die Vekerzug-Kultur: Charakteristik der Funde. – Warszawa; Kraków: PWN, 1985. – 162 s.
- Chochorowski J.** Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. – Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1993. – 327 s.
- Chochorowski J.** Datowanie horyzontu kimmeryjskiego w Europie środkowej a chronologia późnej epoki brązu // *Śląskie Prace Prehistoryczne*. – 1995. – N 4. – S. 267–281.
- Chochorowski J.** Kurhan Arzhan (Tuva) a chronologia znalezisk kimmeryjskich i wczesno scytyjskich we wschodniej i środkowej Europie // *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej – Geochronometria*. – 1996. – N 14. – S. 239–256.
- Chochorowski J.** Die Vekerzug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen // *Das Karpatenbecken und die osteuropäischen Steppe*. – München; Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 1998. – S. 473–491.
- Dryja S., Kieferling G.** Znaleźzisko brązowej siekierki tulejkowatej z okolic Krakowa // *Sprawozdania Archeologiczne*. – 1993. – N 45. – S. 155–158.
- Furmánek V.** Hradiská pílnskej a kyjatickej kultúry na Slovensku // *Archeologické rozhledy*. – 1983. – N 35. – S. 24–32.
- Furmánek V.** Radzovce: Osada l'udu populnicových polí. – Bratislava: Veda, 1990. – 102 s.
- Furmánek V., Veliáčik L., Romsauer P.** Jungbronzezeitliche befestigte Siedlungen in der Slowakei // *Beiträge zum bronzezeitlichen Burgenbau in Mitteleuropa*. – Berlin; Nitra, 1982. – S. 159–175.
- Gallus S., Horváth T.** Un peuple Cavalieri préscythique en Hongrie. – Budapest: Institut de Numismatique et d'Archéologie de l'Université Pierre Pázmány, 1939. – 165 p., 89 tab.
- Gediga B.** Grody ludności kultury lużyckiej we Wrocławiu-Osobowicach. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. – 213 s.
- Gedl M.** Die Messer in Polen. – München: Verlag C.H. Beck, 1984. – 82 S., 37 Tab. – (Prähistorische Bronzefunde; N 7 (4)).
- Geel B., van, Bokovenko N.A., Burova N.D., Chugunov K.V., Dergachev V.A., Dirksen V.G., Kulkova M., Nagler A., Parzinger H., Plicht J., van der, Vasiliev S.S., Zaitseva G.I.** Climate change and the expansion of the Scythian culture after 850 BC: a hypothesis // *J. of Archaeological Science*. 2004. – Vol. 31. – P. 1735–1742.
- Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A.** ¹⁴C Dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Time // *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia* / eds. E.M. Scott et al. – Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, – 2004. – P. 83–89.
- Horedt K.** Befestigte Siedlungen der Spätbronze- und der Hallstattzeit im innerkarpatischen Rumänien // *Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa: VEDA*. – Bratislava, 1974. – S. 205–228.
- Jahn M.** Die Skythen in Schlesien // *Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift*. – 1928. – N 9. – S. 11–25.
- Kaus M.** Das Gräberfeld der jüngeren Urnenfelderzeit von Stillfried an der March: Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1977. – Wien, 1984. – 208 S., 49 Tab. – (Forschungen in Stillfried; Bd. 6).
- Kemenczei T.** Die spätbronzezeit Nordostungarns. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. – 430 S.
- Kemenczei T.** Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005. – 186 S., 64 Tab. – (Prähistorische Bronzefunde; N 20 (10)).
- Kemenczei T.** Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe. – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2009. – 410 S.
- Maise Ch.** Archäoklimatologie – vom Einfluss nacheiszeitlicher Klimavariabilität in der Ur- und Frühgeschichte // *Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte*. – 1998. – N 81. – S. 197–235.
- Márton L.** Skytha aranyelet Gyomai halom sírból // *Archaeologiai Értesítő*. – 1905. – N 25. – C. 234–240.
- Medwecka-Kornaś A.** Czynniki naturalne wpływające na rozmieszczenie geograficzne w Polsce. Szata roślinna Polski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972. – T. 1. – 615 s.
- Parzinger H.** Die frühen Völker Eurasiens: Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. – München: Verlag C.H. Beck, 2006. – 1045 S.
- Patek E.** Westungarn in der Hallstattzeit. – Weinheim: VCH Verlagsgesellschaft, 1993. – 177 S.
- Pazdur M.** Kalibracja dat radiowęglowych ze stanowisk: Arzhan, Gomolawa i Stillfried // *Śląskie Prace Prehistoryczne*. – 1995. – N 4. – C. 283–286.
- Petrescu-Dîmbovița M.** Depozitele de bronzuri din România. – București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1977. – 390 c.
- Podborský V.** Štramberská dýka s křížovým jilcem a otázka rozšíření, původu a datování těchto dýk v Evropě // *Archeologické rozhledy*. – 1967. – N 19 (1). – S. 194–220.
- Stantchev D.** Warrior Burial in the Lower Course of the Yantra // *Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe: Actes du II^e Colloque International d'Archéologie Funéraire: TIPORED S.R.L.* – Tulcea, 2000. – P. 35–44.
- Strzelczyk J.** Mongołowie a Europa: Stolica Apostolska wobec problemu mongolskiego do połowy XIII wieku // *Spotkanie dwóch światów: Stolica Apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku*. – Poznań: Wydawnictwo ABOS, 1993. – S. 9–112.
- Sulimirski T.** Scytowie na Zachodnim Podolu. – Lwów: Lwowskie Towarzystwo Prehistoryczne, 1936. – 186 s., 18 tab.
- Tončeva G.** Chronologie du Hallstatt ancien dans la Bulgarie de nord-est. – Sofia: Academia Litterarum Bulgarica / Institutum Thracicum, 1980. – 149 S. – (Studia Thracica; Bd. 5).
- Vasiliev V.** Sciții Agatârși pe teritoriul României. – Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1980. – 185 p.
- Vasiliev V.** Așezarea fortificată din prima epocă a fierului de la Bozna (jud. Sălaj) // *Ephemeris Napocensis*. – 1993. – N 3. – P. 43–67.
- Vasiliev V., Badea A., Man I.** Două noi morminte scitice descoperite la Teiuș // *Sargetia*. – 1973. – N 10. – P. 27–43.
- Vasiliev V., Gaiu C.** Așezarea fortificată din prima vîrstă a fierului de la Ciceu-Corabia, jud. Bistrița-Năsăud // *Acta Musei Napocensis*. – 1980. – N 17. – P. 31–63.
- Zielonka B.** Miscellanea kujawskie // *Z otchłani wieków*. – 1952. – N 21(2). – S. 111–112.

Д.В. Черемисин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПАЗЫРЫКЦЕВ, О СЕМАНТИКЕ ИСКУССТВА ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ И ПСИХОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИМИТАЦИИ

Что мы знаем о лисе?
– Ничего. И то не все.

Б. Заходер

В реконструкциях верований, мифологических представлений, мировоззрения или древней «идеологии», выполненных на основании археологических источников, неизбежны дискуссионность и неоднозначность прочтений, проблематичность заключений. Множество объективных проблем, связанных с данной сферой исследований, определяют уровень достоверности полученных заключений, в которых авторские подходы могут быть основаны на различных основаниях и допущениях, а интерпретации могут существенно различаться. Полет фантазии в семантических реконструкциях ограничивают требования методологической строгости при осуществлении данной процедуры научного исследования.

Дискуссионными остаются множество вопросов, связанных с изучением семантики искусства звериного стиля и реконструкцией мировоззрения скифов и родственных им народов, населявших пространства *Terra Scythica* в середине – второй половине I тыс. до н.э. Более чем вековая история интерпретации скифского искусства отразила смену научных парадигм – от ориентации на античную мифологию, исследований исторической семантики изобразительных памятников в рамках изучения «палеонтологии мышления» и «стадиальности надстроечных явлений» до разработки методики «прочтения текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифской эпохи. С уникальными по полноте и сохранности материалами пазырыкской культуры, происходящими из многочисленных нераз-

грабленных погребальных комплексов, связаны недавние опыты реконструкции мировоззренческих и мифологических представлений пазырыкцев [Полосьмак, 1997].

Исследование семантики искусства звериного стиля традиционно связано с интерпретациями в русле «тотемической», «магической» или «мифологической» концепции. Разделение это достаточно условно, т.к. тотемическая трактовка природы анимализма древних кочевников Евразии зачастую сочетается с интерпретацией изображений в русле сведений о древних магических воинских или охотничьих верованиях. В рамках данного направления интерпретаций археологи ориентируются на «шаманские» представления или мифы охотников; исследовательский подход объединяет стремление отыскать корни искусства звериного стиля в мировоззрении охотничьих обществ Евразии. «Мифологическая концепция» не исключает представлений о магическом характере артефактов с изображениями и фактически включает в себя подход, связанный с теорией тотемических классификаций, равным образом отраженных как в мифе, так и в изобразительном искусстве.

На мой взгляд, теоретически наиболее обоснован подход в рамках «мифологической» концепции. Методология реконструкции мифологической «картины мира» ираноязычного населения степной Евразии середины I тыс. до н.э. разработана на высоком уровне [Раевский, 1977, 1985, 1998, 1999]. «Мифологическая» концепция семантики искусства звериного стиля развивалась

на фоне становления структурно-семиотического направления, работ Московско-Тартуской школы по теории знаковых систем, новейших открытий памятников скифского мира Евразии и развития методов реконструкции общественных отношений по археологическим источникам. Наиболее достоверные результаты получены в ходе реализации Д.С. Раевским, Е.Е. Кузьминой, Б.И. Мозолевским, С.С. Бессоновой, А.К. Акишевым, Д.Г. Савиновым и другими археологами методов семантической реконструкции в рамках «мифологической концепции» содержания скифо-сибирского искусства.

Д.С. Раевский значительно расширил возможности изучения скифо-сакской мифологии и искусства, дав развернутую характеристику скифской религиозно-мифологической системы как части мифологии древнеиранской [Раевский, 1977, 1985]. Основным источником для реконструкции служили сюжетные изображения на драгоценных культовых сосудах, убедительно расшифрованные им как графическое выражение этногонической скифской легенды. При этом Д.С. Раевский показал, что преобладание в скифо-сакском искусстве зооморфных персонажей связано с автономным от антропоморфного кода способом «моделирования» мира, зооморфные образы которого сформированы в стабильную знаковую систему, «призванную адекватно выражать скифскую модель мира» (Раевский, 1979, с. 74; 1985, 2003).

Значительный вклад в изучение семантики искусства звериного стиля внесли исследования Е.Е. Кузьминой. Исследовательница рассматривает скифо-сакский звериный стиль как знаковую систему бесписьменных народов Евразии, как «воплощение в изобразительном искусстве всего строя их мышления, их мифологии и фольклора» [1976; 1977, с. 119]. Для работ Е.Е. Кузьминой, посвященных анализу содержания скифского искусства, характерен переход от случайных иранских аналогий к системному анализу скифской духовной культуры как части мифологии индоиранской (см.: [Кузьмина, 2002]).

Ряд оригинальных исследований Е.В. Переводчиковой посвящен разработке проблемы «языка звериных образов» скифского искусства [1979, 1980, 1994]. Исследовательница, разделяя точку зрения о том, что в искусстве звериного стиля «посредством зооморфных образов выражались определенные идеологические представ-

ления», показала, что при этом дифференциации персонажей скифского звериного стиля в качестве маркеров разных сфер мироздания служили различные приемы трактовки разных групп звериных образов [Переводчикова, 1994, с. 13–16, 24–27 и т.д.]. Принципиальное значение имеют результаты работ Е.В. Переводчиковой, направленных на определение различных изобразительных способов воплощения в искусстве звериного стиля древней классификации животного мира через выделение совокупности признаков изображений. А.К. Акишев предложил реконструкцию значения ансамбля зооморфных персонажей как выражение сакской «модели мира» в парадном одеянии вождя из кургана Иссык. Прочтение семантики звериных образов, как показал А.К. Акишев – один из путей реконструкции иссыкской «космограммы» [1984].

Следует отметить, что в рамках «мифологической» концепции ее сторонниками существенно иначе, чем исследователями, разделяющими идеи о тотемном характере образов звериного стиля, рассматривается понятие «тотемизм». Связанная с исследованиями К. Леви-Строса о мифологии, в особенности с его книгой «Тотемизм сегодня» [Lévi-Strauss, 1962; Леви-Строс, 1994, с. 37–110], концепция тотемизма как первобытной классификационной системы, на основе которой сложились развитые классификации древности, в т.ч. «мифопоэтическая» традиция, космологические и социальные модели и т.п., была принята этнологами, археологами, культурологами.

Критику мифологической теории недавно осуществил В.А. Коренько, представив претензии к реконструкциям Д.С. Раевского с позиции структурного анализа, требуя наряду с изучением семантики изображений постижения синтактики и прагматики искусства звериного стиля. Акцентируя «прагматические аспекты семиотики», В.А. Коренько подвергает тотальному сомнению предложенные подходы к трактовке природы звериного стиля (дефиницию, определение социальных, эмоциональных, психофизиологических и эстетических основ, заключения о технологии производства артефактов и о семантике конкретных образов и композиций, а также этимологию древних этнонимов) в рамках собственной «эндогенной» гипотезы, согласно которой истоки искусства звериного стиля связаны с субкультурой охотников-звероловов – участников облавных охот, добывавших охотничьи трофеи живьем [Ко-

реняко, 2002]. При этом для обоснования такой критики привлекались материалы искусствоведения и охотоведения, что было оценено негативно [Черемисин, 2008, с. 13–14].

В рамках «мифологического подхода» к семантике искусства звериного стиля я интерпретировал совокупность новейших изобразительных материалов пазырыкской культуры. Определяя методологию исследования, было необходимо провести своеобразную «экспертизу» предложенных концептуальных подходов. Для пазырыкской культуры наибольший интерес, на мой взгляд, представляли вопросы, связанные с историей становления определенных парадигм и формирования постулатов, относящихся к проблеме «древнего оленеводства» (идея о его существовании основана на интерпретации конской маски с оленьими рогами из Пазырыка-I); оценка достоверности «шаманского» и «эзотерического» прочтения смысла пазырыкских реалий, а также критика имитации в реконструкции древнего мировоззрения.

Кроме того, остается актуальной проблема семантики сюжетов звериного стиля, особенно в связи с использованием образа пазырыкского грифона в государственной символике (герб Республики Алтай) [Марсадолов, 1996, 2003; Черемисин, 2009], а также интерпретация пазырыкских изобразительных материалов в свете античной традиции об аримаспах и стерегущих золото грифах.

Шаманизм. Представления о «пазырыкском шаманизме», сформулированные Ф. Ханчаром, С.С. Сорокиным, поддержанные и развитые Г.Н. Курочкиным [1988, 1992, 1993, 1994], не находят подтверждения в новейшем комплексе пазырыкских артефактов (практика татуировки была широко распространена в среде пазырыкцев и не отличала «верховных жрецов-шаманов», т.н. шаманские «барабаны-тамбурины» на самом деле являются роговыми сосудами и т.п.). Трактовка Пазырыкского могильника как корпоративного кладбища жреческой аристократии связана с авторской установкой на некую совершенно искусственно сконструированную разновидность шаманских верований – «скифо-сибирский шаманизм», при желании «шаманскую окраску» можно усмотреть в каждом пазырыкском захоронении.

Более продуктивным представляется не поиск соответствий между «уникальными», экстраординарными по полноте и сохранности или прос-

то необычными археологическими материалами и отдельными аспектами шаманизма народов Сибири, а анализ мифо-ритуального комплекса ранних кочевников Евразии в контексте индо-иранской мифологической традиции.

Эзотерика. Оригинальное направление в интерпретации археологических памятников Южной Сибири, в том числе изобразительных, возможно имеющих отношение к античной традиции об аримаспах и грифах, связано с работами Д.А. Мачинского. По его мнению, с античной традицией представлять аримаспов одноглазыми следует соотносить особенности каменных изваяний окуневской культуры Минусинской котловины, где располагался древний «сакральный центр», который был «важнейшим фактом предыстории религиозной жизни Скифии» [Мачинский, 1997]. Возникновение этого центра, согласно представлениям А.Д. Мачинского, связано с афанасьевской культурой, а в эпоху раннего железа он в силу каких-то причин «переместился» на Алтай. На наш взгляд, данные выводы сделаны на основе интуитивного, эзотерического подхода к трактовке археологических артефактов и письменных источников, что позволяет на основании «тонкочувственных ассоциаций» с одинаковым успехом перемещать сакральные центры Евразии с Алтая на Енисей и обратно.

Одним из вариантов «эзотерического» подхода, на мой взгляд, являются календарно-астрономические прочтения В.Е. Ларичева, предложенные как альтернативный метод реконструкции содержательной стороны сюжета терзания и борьбы животных, характерного для искусства звериного стиля [Ларичев, 2000, 2001; ср. : Черемисин, 2008, с. 18–19].

Имитация. Еще более претенциозной мне представляется серия публикаций П.Д. Дашковского. Сформулированные в соавторстве с А.А. Тишкиным «системно-структурный» или «структурно-аналитический» подходы позволяют авторам реконструировать различные «системы мировоззрений населения Алтая пазырыкского времени», опознавать элементы многочисленных и разнообразных религиозных систем древности, определять особенности «ментального развития пазырыкцев» [Дашковский, 2002, с. 4; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 244]. Соавторы определили религиозно-мифологическую систему пазырыкцев как синтез иранской религиозной традиции («маздаизма» в его митраистском варианте),

шаманизма как «более ранней формы религии», элементов индо-иранской религиозной традиции и индоевропейских верований [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 277–279].

Именно данные заключения, как и определение соавторами специфики пазырыкского мировоззрения и ментальности, «трансляций архетипов» и прочих ментальных «тенденций», а также опыты «психоархеологии» и особенно «структурно-семиотический психоанализ» [Тишкин, Дашковский, 2002, с. 125] мне показались совершенно не связанными с реальной реконструкцией на основе материалов археологии, а какой-то бесконечной постмодернистской имитацией, украшенной множеством сносок на труды Ф. Броделя, М. Вебера, Л. Февра, М. Фуко, Ж. Дерриды, М. Элиаде, Э. Фромма, К. Юнга и его последователей, и т.п.

Мои критические замечания и невысокая оценка методов и результатов, полученных А.А. Тишкиным и П.Д. Дашковским, ввиду лапидарности и щадящего характера моих публикаций [Черемисин, 2007], вызвала, как мне кажется, неадекватную реакцию с элементами «трамвайного» хамства. Не решившись высказаться о наших разногласиях в рамках дискуссии, которая тогда проходила на страницах журнала «Археология, этнография и антропология Евразии», соавторы опубликовали свой «ответ Чемберлену» в другом издании [Дашковский, Тишкин, 2008]. Мне кажется, что определенный интерес может представлять не очередное повторение обиженными соавторами рефератов о *mentalité* (ср.: [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 122]) или постулатов о «классическом маздаизме» или митраизме, каким-то образом обнаруженным соавторами на Алтае, о «ментальности» пазырыкцев, отличной от их «менталитета» и мировоззрения, а заявленная претензия на методологию, позволяющую таковые открытия совершать. Менталитет и ментальность для соавторов – как «аванс» и «получка» из старого советского анекдота – не один, а целых два праздника и возможность опубликовать, а затем тиражировать два реферата вместо одного (см.: [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 118–127]).

Аналитическая психология или психоанализ, скрещенный соавторами со структурализмом («структурно-семиотический психоанализ»), на мой взгляд – нонсенс, образование химерическое, нежизненное, и к постижению архео-

логических реалий имеющее очень отдаленное отношение, равно как и претензии на постижение тех аспектов психологии бессознательного, изучать которые предлагается по археологическим источникам бронзового или раннего железного века.

Такой симбиотический структурализм (психоанализ + структурализм) – это структурализм без семиотики, кастрированный, выхолощенный структурализм, собственно, постструктурализм, деконструктивизм и постмодернизм, в публикациях соавторов представленные ссылками на работы М. Фуко, Ж. Дерриды вкупе с отсылками к К. Юнгу, М. Фромму и Е.П. Маточкину, что, по мнению соавторов, и образует «философско-методологические положения» для изучения пазырыкских «мировоззрений». Но совершенно очевидно, что именно постструктурализм проявляет прежде всего негативный пафос ко всяким позитивным знаниям, «к любым попыткам рационального обоснования феноменов действительности, и в первую очередь культуры» [Ильин, 1998, см. также: Ильин, 1996].

Подтверждение собственных претензий в отношении методов «психоархеологии» соавторы усматривают в концептуализме Е.П. Маточкина (а не Ж. Лакана или Ж. Делеза, что, на мой взгляд, было бы гораздо интереснее и убедительнее). В публикации П.К. Дашковского – но не в совместной монографии соавторов – мне удалось найти удивительно соответствующую их методологии психоаналитическую ссылку на статью «Археологические образы в петроглифах Алтая» (ср.: [Маточкин, 1999]). Что же касается попыток как-то обосновать собственные разыскания в области пазырыкского бессознательного опорой на работу искусствоведа Маточкина об архетипах, «портреты» которых он отыскал в изобразительном искусстве Горного Алтая скифской эпохи (причем отнюдь не только в петроглифах), а репродукции разместил в рядах и колонках своих графических таблиц [Маточкин, 1999, с. 123–124, рис. 1–2, с. 125–126], то, с моей точки зрения, эти апелляции просто смехотворны. Бесконечная постмодернистская цитата (именно так мне видится ряд публикаций барнаульских оппонентов) позитивно выглядит, на мой взгляд, скорее в качестве пародии. Ориентация на незримые науки типа психоанализа вовсе не делает подход соавторов ни «системно-структурным», ни «структурно-аналитическим».

Таким образом, как представляется, психоархеологические претензии соавторов не обоснованы. «Структурно-семиотический психоанализ» в качестве метода реконструкции мировоззрения носителей пазырыкской культуры не состоятелен, постмодернистское цитирование и реферирование, приводящие к открытию в ментальности пазырыкцев любых мировоззренческих и религиозных феноменов – шаманизма, маздеизма, митраизма, буддизма, синкретизма и т.п., не могут быть философским основанием достоверных исторических реконструкций и интерпретаций.

Опыты реконструкции мировоззрения пазырыкцев. Ценный опыт мировоззренческих реконструкций по источникам пазырыкской культуры аккумулирован в трудах М.П. Грязнова, С.И. Руденко, во многом по-разному воссоздававших исторические реалии, отраженные в археологическом комплексе Больших Пазырыкских курганов [Грязнов, 1940, 1950; Руденко, 1948, 1952, 1953, 1960]. Новый этап в изучении пазырыкской культуры связан с работами С.С. Сорокина, В.Д. Кубарева, Д.Г. Савинова, А.С. Суразакова, Л.С. Марсадолова, З.С. Самашева, А.-П. Франкфора и других археологов, раскопками которых открыты и исследованы массовые рядовые пазырыкские памятники и более редкие захоронения знати.

В конце XX в. новый корпус чрезвычайно информативных источников был получен и осмыслен в результате открытий неразграбленных комплексов Укока (раскопки Н.В. Полосьмак и В.И. Молодина) [Полосьмак, 1993а, б; 1994а, б; 1997, 1999, 2000 а–г; Молодин, 2000а, б, 2003; Молодин, Полосьмак, Чикишева и др., 2000; Полосьмак, Молодин, 2004]. Новые данные, составляющие основу для разнообразных реконструкций, получены также в результате продолжения исследований могильника Берель [Самашев, Франкфор, 1999; Самашев и др., 2000; Самашев, Мыльников, 2004] и материалов Больших Пазырыкских курганов [Балонов, 1991; Баркова, 1984, 1985, 1987, 1995, 1999; Баркова, Гохман, 1994; Баркова, Панкова, 2005; Полосьмак, Баркова, 2005].

Н.В. Полосьмак, имея в качестве предмета исследования уникальный корпус источников, а отправной точкой данные, полученные в результате междисциплинарного синтеза естественных и гуманитарных наук, предложила реконструкцию мировоззренческих и мифологических представлений пазырыкцев [Полосьмак, 1997,

1999, 2000а–г, 2001, 2003; и др.]. Множество констатаций Н.В. Полосьмак, основанных на тонких наблюдениях и глубоком анализе, имеют прямое отношение к сюжетам и образам изобразительного искусства, некоторым из которых (образу рыбы, грифона, «феникса») посвящены разделы монографий или отдельные статьи.

Н.В. Полосьмак придерживается методики исторических реконструкций, предлагая панораму возможных прочтений в свете данных этнографии, фольклора и мифологии народов Сибири, будучи очень осторожной в том, что касается интерпретаций «информации» о социальном статусе, семейном положении и т.п., которая заложена в женские головные уборы и прически, полагая, что достоверно можно судить только о символике убора [2001, с. 155].

Не менее ценны результаты изучения неразграбленных мерзлотных захоронений, исследованных В.И. Молодиным в могильнике Верх-Кальджин, как и других пазырыкских курганов Укока [Молодин, 2000а, б, 2003; Молодин и др., 2000; Полосьмак, Молодин, 2000; Молодин, Полосьмак, 2003]. В.И. Молодин отметил ряд закономерностей формирования пазырыкского археологического комплекса, затронул проблемы интерпретации назначения ряда ритуальных атрибутов, в частности наверхней головных уборов и нашейных гривен. В.И. Молодин привлек пазырыкские изобразительные материалы для решения проблем, связанных с историческими судьбами пазырыкской культуры, что, наряду с проблемой ее генезиса, стало предметом специального исследования в рамках оригинальной авторской концепции [Молодин, 2000б; 2003, с. 157–163, рис. 107–109].

На мой взгляд, даже для пазырыкской культуры, сохранившей благодаря мерзлоте огромный корпус археологических свидетельств, обычно разрушенных временем, актуально положение о том, что для реконструкции мифологии «изобразительное искусство является единственным или по крайней мере самым авторитетным источником информации, ибо создает условия для реконструкций, которые невозможны на материале других источников» [Топоров, 1988, с. 485]. Собственно, таким же образом оценивал изобразительный комплекс Пазырыка-I и М.П. Грязнов, полагавший, что «основная масса изображений... в Пазырыке... представляют собой изображения религиозного содержания и позволяют устано-

вить особенности мировоззрения и религиозных представлений ранних кочевников Алтая» [1940, с. 365]. «Памятники изобразительного искусства, ... знакомящие нас с кругом идей и представлений пазырыкского общества... представляют собой наибольшую ценность для изучения именно этих вопросов» [Там же].

Исследование семантики искусства звериного стиля – часть реконструкции мифологических представлений скифов, саков и других обитателей *Terra scythica*. Наиболее продуктивным представляется анализ изображений в рамках «мифологической» концепции содержания сюжетов и образов этого искусства. Попытки реконструкции семантики искусства звериного стиля в рамках «мифологического» подхода основаны на методике «прочтения текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени [Кузьмина, 1983; Раевский, 1985], которая предполагает анализ изобразительных памятников на разных уровнях – уровне мифологических универсалий, в контексте общиндоевропейских и индоиранских мифологем, к которым восходят фиксируемые феномены духовной культуры ираноязычных народов скифской эпохи, и на уровне собственно скифских представлений.

В реконструкции мировоззрения, на мой взгляд, наиболее достоверны результаты, полученные в ходе реализации методов семиотического исследования содержания скифского искусства и мифологии. Критика данного направления, осуществленная В.А. Кореняко, на наш взгляд, несостоятельна [Черемисин, 2008, с. 13–14]. Успехи в достоверной реконструкции реалий далекого прошлого, со всей очевидностью связаны с мультидисциплинарными исследованиями и привлечением данных естественных наук (Н.В. Полосьмак, В.И. Молодин). На мой взгляд, в изучении первобытного искусства далеко не исчерпаны возможности синтеза гуманитарных дисциплин, в частности, археологии и семиотики. В лингвистике, изучающей текст и контекст *par excellence*, выработана методология, позволяющая и мировоззренческие реконструкции сделать более строгими. Я имею в виду определение синтактики, наряду с семантикой и прагматикой являющейся необходимой составляющей в изучении «текста» культуры. «Прагматические аспекты» семиотики и семантика искусства звериного стиля обсуждались неод-

нократно. В изучении языка звериных образов Е.В. Переводчиковой успешно реализован и синтактический аспект структурно-семиотического исследования.

Корпус источников пазырыкской культуры позволяет предложить более достоверные реконструкции содержания сюжетов и образов звериного стиля. Возможности верификации гипотез и выбора интерпретационных подходов связаны с археологическим контекстом, сохраненном благодаря мерзлоте в статистически представительном массиве пазырыкских захоронений. Реконструкция семантики сюжетов и образов искусства пазырыкцев возможна благодаря сохраненному в условиях курганной мерзлоты контексту древних артефактов с изображениями в зверином стиле. Для пазырыкских погребений, чья целостность не разрушена, реальна достоверная фиксация контекстуальных связей артефактов, «номенклатура» которых максимально полно сохранена в мерзлоте, благодаря чему возможно детальное изучение набора образов. Эти сведения служат отправной точкой для анализа содержания образов животных и семантики артефактов с данными изображениями в структуре комплекса. Методика семиотического исследования требует рассматривать каждый элемент ансамбля изображений как интегральное составляющее некоего целого («текста», мифа), обусловившего структуру данного ансамбля артефактов с определенным изобразительным рядом.

Так, изобразительный ряд пазырыкских головных уборов строго структурирован. Анализ изображений на головных уборах позволяет сделать вывод о том, что система зооморфных образов убора связана с выражением картины мира, в которой «Верхний мир» маркирован образом птицы (форма головного убора, навершия), «Средний мир» представляют копытные – олени и рогатые травоядные с признаками разных животных. В одном ряду с данными персонажами, изображения которых закреплены за атрибутами разных зон головных уборов, находятся образы животных, помещенные на нашейные гривны. Гривны несут образ хищника (волка, барса, грифона) и занимают нижний регистр изобразительного ряда, связанного с головой погребенного. На мой взгляд, изображения хищников на гривнах противопоставлены копытным с налобной зоны головного убора и маркируют языком зооморфных образов «Нижний мир».

Изобразительный ряд пазырыкских атрибутов с изображениями на погребальных облачениях с птицами в верхней части головного убора, оленями и фантастическими копытными в средней части и с хищниками на шее погребенных, а также рыбами, соответствующими сфере телесного «низа», представляет срез «картины мира», переданной посредством зооморфных образов. Достаточно четко явленная структура ансамблей артефактов, которая позволяет говорить о контекстуальных связях зооморфных изображений, очевидно, отражала существовавшую у пазырыкцев иерархию животных, в соответствии с которой за разными персонажами звериного стиля было закреплено определенное место в системе образов на ритуальных атрибутах. Одним из способов актуализации мифологем было создание визуального ряда и манифестация изобразительных текстов в парадно-церемониальных ритуалах, в т.ч. в погребальном обряде. В убранстве коней, сопровождавших элитные пазырыкские захоронения (в культово-церемониальных масках, на седельных подвесках, парадной узде) развернуты ансамбли зооморфных изображений, связанных с актуализацией сюжета терзания жертвенного коня.

Представления об искусстве звериного стиля как феномене, связанном с родовой знатью или военной дружиной, сформированные на памятниках, не сохраняющих предметы из недолговечных материалов, не соответствуют реалиям пазырыкской культуры. Наличие одинаковых предметов с одинаковыми изображениями в социально разнородных захоронениях мужчин, женщин и детей, заставляет видеть в достаточно стандартном наборе сопроводительного инвентаря выражение определенных мифологем, единых для всего общества, презентация которых в ритуале погребения языком изобразительного искусства кажется наиболее вероятной. Обращение к контексту зооморфных изображений на предметах, связанных с погребальной обрядностью носителей пазырыкской культуры, позволяет выявить структуру ансамблей ритуальных атрибутов с изображениями и сделать вывод о продуктивности применения структурно-семiotического метода. Определение синтактики, например, фиксация устойчивого сочетания тех или иных зооморфных персонажей с разными классами артефактов – отправная точка для исследования семантики сюжетов и образов искусства зве-

риного стиля, выявления определенных аспектов мировоззрения пазырыкцев.

Среди них – опыт реконструкции мифологической семантики образа пазырыкского грифона в контексте античной традиции о стерегущих золото грифах, враждующих с лошадьми; интерпретация содержания сюжетов конских масок; определение изобразительного ряда головных уборов и нашейных гривен пазырыкцев, в т.ч. реконструкция семантики образа птицы и коня с рогами на голове, изображений на конском убранстве и т.п. [Черемисин, 2005, 2008, 2009].

Список литературы

- Акишев А.К.** Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 176 с.
- Балонов Ф.Р.** Ворсовый пазырыкский ковер: семантика композиции и место в ритуале (опыт предварительной интерпретации) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М.: Наука, 1991. – С. 88–122.
- Баркова Л.Л.** Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. – 1984. – Вып. 25. – С. 83–89.
- Баркова Л.Л.** Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. – 1985. – Вып. 26. – С. 30–44.
- Баркова Л.Л.** Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. – 1987. – Вып. 28. – С. 5–30.
- Баркова Л.Л.** О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт статистического анализа) // АСГЭ. – 1995. – Вып. 32. – С. 60–76.
- Баркова Л.Л.** Конская маска из Первого Пазырыкского кургана // АСГЭ. – 1999. – Вып. 34. – С. 97–101.
- Баркова Л.Л., Гохман И.И.** Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб. [б.и.] 1994. – С. 24–35.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В.** Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 48–59.
- Грязнов М.П.** Пазырык: Погребение племенного вождя на Алтае: дис. ... д-ра ист. наук / Гос. Эрмитаж, отд. археологии Вост. Европы и Сибири. – Л., 1940. – 593 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. – 92 с.
- Дашковский П.К.** Основные аспекты изучения религиозно-мифологических и мировоззренческих представлений пазырыкцев // Древности Алтая... – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 73–80. – (Изв. лаборатории археологии; № 6).
- Дашковский П.К.** Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 24 с.

- Дашковский П.К., Тишкин А.А.** К дискуссионным аспектам изучения религиозно-мифологической системы кочевников горного Алтая пазырыкского времени // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История. – 2008. – Вып. 4/2. – С. 46–58.
- Ильин И.П.** Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 217 с.
- Ильин И.П.** Постмодернизм от истоков до начала столетия. Эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 256 с.
- Кореняко В.А.** Происхождение скифо-сибирского звериного стиля (прагматические аспекты семиотики) // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Изд-во Дон. нац. ун-та, 2002. – Т. 1. – С. 131–188.
- Кузьмина Е.Е.** Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 52–65.
- Кузьмина Е.Е.** В стране Кавата и Афрасиаба. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
- Кузьмина Е.Е.** О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. – 1983. – № 1. – С. 95–106.
- Кузьмина Е.Е.** Мифология и искусство скифов и бактрийцев. – М.: Изд-во Рос. ин-та культурологии, 2002. – 286 с.
- Курочкин Г.Н.** Сюжетные изображения на войлочных кошах из V Пазырыкского кургана (к предыстории шаманизма в Южной Сибири и Центральной Азии) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. – 1988. – Вып. 1. – С. 78–79.
- Курочкин Г.Н.** Скифо-сибирский шаманизм (к реконструкции религиозной системы ранних кочевников Саяно-Алтая) // Вторые ист. чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992. – С. 39–41.
- Курочкин Г.Н.** Сакральный центр ранних кочевников на Алтае (археолого-этнографическая реконструктивная модель) // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1993. – Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. – С. 93–98.
- Курочкин Г.Н.** Скифские корни сибирского шаманизма // Петербург. археол. вестн. – 1994. – С. 60–68.
- Ларичев В.Е.** Время в образах искусства скифо-сибирского стиля (к методике раскрытия семантики сцен борьбы и терзания) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 70–75.
- Ларичев В.Е.** Время в образах искусства скифо-сибирского стиля: календарно-астрономический подтекст сцены противостояния льва и семейства кабанов фантастического обличья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 128–133.
- Леви-Строс К.** Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
- Марсадалов Л.С.** Пазырыкский грифон и современность // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат-лы Междунар. конф. Проект Скифо-Сибирика. – СПб., 1996. – С. 137–139.
- Марсадалов Л.С.** Грифон – хранитель золота Капитал-бога и их антиноосферная сущность // Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке. – СПб.: [б.и.], 2003. – С. 93–103.
- Маточкин Е.П.** Архетипические образы в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 122–126.
- Мачинский Д.А.** Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петрориф, 1997. – С. 265–287.
- Молодин В.И.** Культурно-историческая характеристика погребального комплекса № 3 могильника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000а. – С. 86–119.
- Молодин В.И.** Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000б. – № 4. – С. 131–142.
- Молодин В.И.** Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 148–178.
- Молодин В.И., Полосьмак Н.В.** Археологические комплексы эпохи раннего железа плоскогорья Укок как источник интеграционных исследований // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 14–62.
- Переводчикова Е.В.** Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – С. 138–155.
- Переводчикова Е.В.** О возможности исследования скифского звериного стиля как изобразительной системы // Проблемы истории античности и средних веков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. – С. 112–124.
- Переводчикова Е.В.** Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Вост. лит., 1994. – 206 с.
- Полосьмак Н.В.** Изображение рыбы в пазырыкском искусстве // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992. – С. 134–138.
- Полосьмак Н.В.** О греческих параллелях некоторым древнекитайским мифам // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. – 1993а. – С. 95–96.
- Полосьмак Н.В.** Птица «феникс» в искусстве пазырыкской культуры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993б. – Ч. 1. – С. 169–173.
- Полосьмак Н.В.** К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994а. – Вып. 2. – С. 3–8.
- Полосьмак Н.В.** «Стерегищие золото грифы» (Ак-Алахиинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994б. – 124 с.

- Полосьмак Н.В.** Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 1997. – 54 с.
- Полосьмак Н.В.** Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст. – Барнаул, Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 148–151.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкские войлоки: Укокская коллекция // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. – № 1. – С. 94–100.
- Полосьмак Н.В.** Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000б. – № 4. – С. 95–102.
- Полосьмак Н.В.** Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха 3 // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000в. – С. 57–85.
- Полосьмак Н.В.** Мумификация и бальзамирование у пазырыкцев // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000г. – С. 120–124.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 335 с.
- Полосьмак Н.В.** Мнемонические средства пазырыкцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 426–428.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И.** Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 66–87.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III в. до н.э.). – Новосибирск: Инфолио, 2005. – 232 с.
- Раевский Д.С.** Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977. – 216 с.
- Раевский Д.С.** О причинах преобладания в скифском искусстве зооморфных мотивов // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен: тез. докл. III Всесоюз. конф. – М.: Искусство, 1979. – С. 73–75.
- Раевский Д.С.** Модель мира скифской культуры: проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
- Раевский Д.С.** Мифологические универсалии как инструмент интерпретации древних изобразительных памятников // Междунар. конф. по первобыт. искусству: тез. докл. – Кемерово, 1998. – С. 46–48.
- Раевский Д.С.** Некоторые замечания об интерпретации древних изобразительных памятников // Междунар. конф. по первобыт. искусству. – Кемерово, 1999. – Т. 1. – С. 118–123.
- Раевский Д.С.** Скифский звериный стиль: Поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии: История и культура: мат-лы конф. – М.: Вост. лит., 2001. – С. 364–382.
- Раевский Д.С.** Звериный стиль скифской эпохи как культурно-исторический феномен индоиранского мира // Scripta Gregoriana: сб. к 70-летию акад. Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Вост. лит., 2003. – С. 147–154.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во ГЭ, 1948. – 73 с.
- Руденко С.И.** Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 267 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 403 с., 70 табл.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с., 78 табл.
- Самашев З., Франкфор А.-П.** Древности казахстанского Алтая // Изв. МОН РК. Сер. обществ. наук. – 1999. – № 1. – С. 33–37.
- Самашев З.С., Базарбаева Г., Жумабекова И., Сунгатай С.** Берел. – Алматы: Берел, 2000. – 56 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 429 с.
- Топоров В.Н.** Изобразительное искусство и мифология // Мифы народов мира. – 2-е изд. – М.: Сов. энцикл. – 1987. – Т. 1. – С. 483–488.
- Феномен алтайских мумий В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 318 с.
- Черемисин Д.В.** О семантике рогатых маскированных лошадей пазырыкских курганов // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 129–140.
- Черемисин Д.В.** К дискуссии о семантике искусства звериного стиля и реконструкции мировоззрения носителей пазырыкской культуры // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2007. – № 3. – С. 87–102.
- Черемисин Д.В.** Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – 136 с.
- Черемисин Д.В.** О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 85–94.
- Lévi-Strauss C.** Le totemisme aujourd'hui. – P.: Plon, 1962. – 153 p.

Т.А. Чикишева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена изучению изменчивости краниологических особенностей этнокультурных групп скифского (VIII–III вв. до н.э.) и гунно-сарматского (II в. до н.э. – II в. н.э.) времени на территории Южной Сибири и Центральной Азии методами статистического анализа данных измерений черепов*.

На карте отображена историко-культурная структура мира ранних кочевников Евразии – так, как она выглядит по данным археологии, на основе которых очерчены ареалы культур и этнических общностей (рис. 1). Население этой мир-системы изучено в палеоантропологическом отношении достаточно полно. По отдельным ее сегментам представлены подробнейшие публикации. Появление в нашей жизни компьютерных технологий открыло практически безграничные возможности для сопоставления и группировки краниометрических данных методами многомерной статистики.

Однако единственной работой, в которой были обобщены данные по краниологической изменчивости всего раннего кочевого населения степей Евразии, пока остается исследование В.П. Алексеева, опубликованное им в 1986 г. Валерий Павлович не мог в свое время оперировать формально-статистическими связями, доступными нам сегодня. Он географическим методом,

картографируя вариации основных краниометрических признаков, выявил в составе скифо-сакского населения четыре морфологических комплекса, приуроченных к определенным географическим ареалам: причерноморский, амударьинский, казахстанско-алтайский и енисейский. В.П. Алексеев пришел к выводу о сложной структуре антропогенетических связей в среде ранних кочевников Евразии: «Вопреки мнению тех исследователей, которые видят генетические истоки скифо-сибирских или скифо-сакских культур в единой этнической среде и на сравнительно ограниченной территории, палеоантропологические данные дают возможность поддерживать другую гипотезу – скифо-сакская или скифо-сибирская культурная общность не образует генетического единства и сложилась на базе разных по происхождению антропологически своеобразных компонентов, которые и этнически могли существенно отличаться друг от друга» [1986, с. 61]. Эта структура требует изучения, и я предприняла попытку проанализировать комплексы антропологических признаков, характеризующих непосредственных творцов и носителей культурных традиций, методами многомерной статистики с целью выявления дополнительной информации, заключенной в антропологическом составе этнокультурного континуума ранних кочевников Евразии.

На сегодняшний день мир ранних кочевников представлен гораздо более широкой базой краниологических серий, чем в 1980-е годы. Исследованиями Балабановой М.А. пополнился состав савромато-сарматской культурно-исторической общности [2000]. Л.Т. Яблонским систематизированы палеоантропологические

*Прежде всего я хотела бы принести свои извинения коллегам, которые заслушали на съезде мой доклад, посвященный обсуждению результатов проведенного статистического анализа. При работе над данной статьей я обнаружила, что в расчетах, положенных в основу доклада, была допущена ошибка. Она устранена, и результаты анализа, представленные в статье, отличаются от данных, продемонстрированных в докладе.

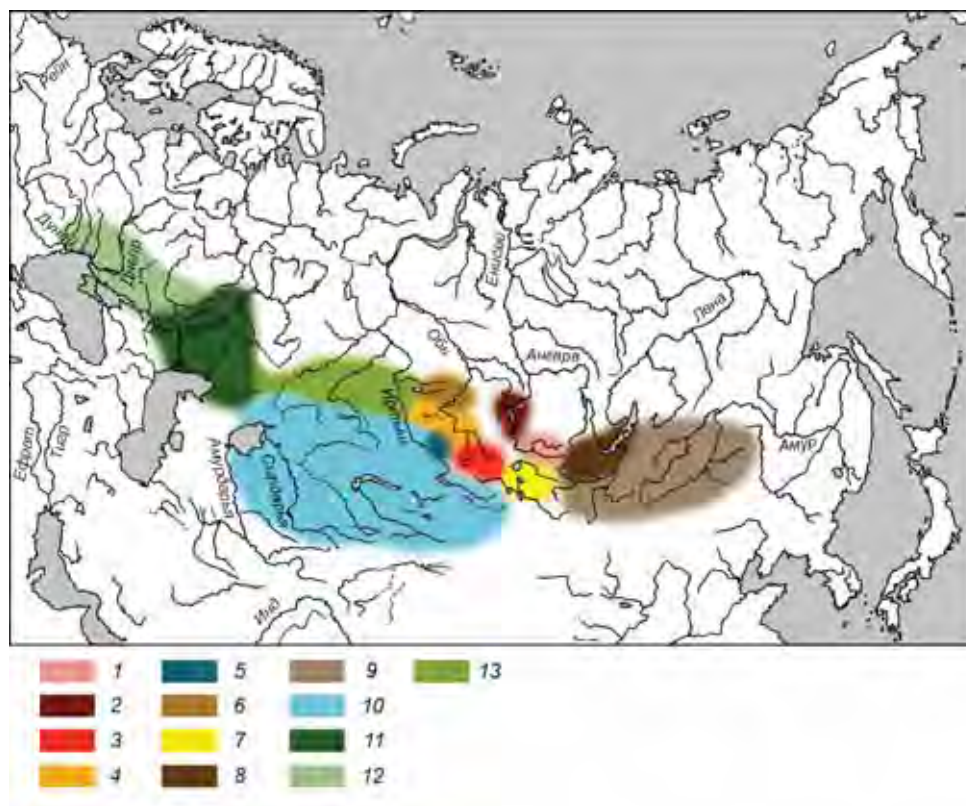


Рис. 1. Ареалы этнокультурных групп ранних кочевников Евразии.

1 – алды-бельская, уюкско-саглынская культуры, гунно-сарматы Тувы; 2 – тагарская и таштыкская культуры; 3 – пазырыкская, кара-кобинская культуры, гунно-сарматы Горного Алтая; 4 – каменная культура; 5 – гунно-сарматы предгорно-степного Алтая; 6 – большереченская культура; 7 – чандаманьская культура; 8 – хунну Прибайкалья; 9 – хунну Монголии; 10 – саки; 11 – савроматы и сарматы; 12 – скифы; 13 – саргатская культура.

материалы сакского населения Приаральских степей [Итина, Яблонский, 1997; Яблонский, 1999, 2006]. А.Н. Багашёвым введены в научный оборот краниологические данные по саргатской культурно-исторической общности [2000]. М.П. Рыкун изучены и опубликованы краниологические серии каменной культуры большереченской культурно-исторической общности [1999, 2002]. Монгольским антропологом Тумен Даштцеевг подробно исследованы материалы из Чандаманьского могильника одноименной культуры скифского времени*. В 1980 г. эти материалы в виде суммарной краниологической серии были опубликованы Н.Н. Мамоновой как Улангомский могильник. Археологами погребения

могильника были разделены на несколько типов [Цэвээндорж, 1978], и Тумэн разрешила воспользоваться в статистическом анализе не опубликованными пока данными по двум типам захоронений – в грунтовых ямах и в каменных ящиках. Получен также большой массив данных по нескольким культурам скифо-сакского и гунно-сарматского времени из Алтае-Саянского региона [Тур, 1997; Чикишева, 2003, 2008; Чикишева, Поздняков, 2000]. Стали доступны сакские краниологические серии из Синьцзянского региона, частично по публикациям китайских коллег, частично благодаря программе научного обмена ИАЭТ СО РАН и Цзилинского университета, открывшей для меня возможность обследовать хранящиеся в университете краниологические материалы, в том числе две крупные коллекции из могильников Янхай в Турфане и Нилки в бассейне р. Или.

Ниже приводится список групп ранних кочевников, чьи антропологические характеристи-

*Российские археологи не согласны с выделением монгольскими археологами особой чандаманьской культуры и соотносят ее атрибутивный комплекс с уюкско-саглынской культурой, о чем в устной беседе во время симпозиума сообщил мне К.В. Чугунов.

ки вошли в статистический анализ, с указанием источника данных и археологического контекста антропологического материала.

1. Горный Алтай. Сборная серия женских черепов из раннескифских погребений (VIII–VI вв. до н.э.) [Тур, 1997].

2. Горный Алтай. Сборная серия из погребений кара-кобинского типа (V–III вв. до н.э.) [Чикишева, 2003].

3. Горный Алтай. Сборная серия пазырыкской культуры (V–III вв. до н.э.) [Там же].

4. Горный Алтай. Сборная серия гунно-сарматского времени (I в. до н.э. – III–IV вв. н.э.) из нескольких местонахождений в центральном и южном районах [Чикишева, Поздняков, 2000].

5. Предгорно-степной Алтай. Сборная серия мужских черепов гунно-сарматского времени (II–I вв. до н.э. – I–V вв. н.э.) из могильников Гилёво и Карболиха [Алексеев, Мамонова, 1988].

6. Предгорно-степной Алтай. Серия каменной культуры из могильников Масляха-1, -2 (III–I вв. до н.э.) [Рыкун, 1999].

7. Новосибирское Приобье. Серия больше-реченской культуры (VIII–VI вв. до н.э.) из могильников Быстровка II, III (неопубликованные данные измерений, выполненные в 2001 г. студенткой НГУ М.В. Шпаковой).

8. Новосибирское Приобье. Серия мужских черепов кулайской культуры из могильника Каменный мыс [Багашёв, 2000].

9. Хакасия. Сборная серия тагарской культуры (VIII–III вв. до н.э.) из могильников Минусинской котловины [Козинцев, 1977].

10. Хакасия. Сборная серия таштыкской культуры (II в. до н.э. – I в. н.э.) из могильников Минусинской котловины [Алексеев, 1961].

11. Тува. Серия черепов раннего этапа алды-бельской культуры из могильника Аржан-2 (VII в. до н.э.). [Чикишева, 2008].

12. Тува. Серия черепов заключительного этапа алды-бельской культуры (VI–V вв. до н.э.) из могильника Копто [Чикишева, 2008].

13. Тува. Серия черепов уюкско-саглынской культуры (VI–IV вв. до н.э.) из могильника Догээ-Баары II [Чикишева, 2008].

14. Тува. Серия черепов скифского времени из могильника Саглы [Козинцев, Селезнева, в печати].

15. Тува. Серия мужских черепов переходного к эпохе хунну этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.) из могильника Догээ-Баары II [Чикишева, 2008].

16. Тува. Серия черепов гунно-сарматского времени (III–I вв. до н.э.) из могильника Аймырлыг XXXI [Богданова, Радзюн, 1991].

17. Тува. Серия черепов гунно-сарматского времени (I в. до н.э. – V в. н.э.) из могильника Кокэль [Алексеев, Гохман, 1970].

18. Монголия. Серия чандоманьской (уюкско-саглынской) культуры скифского времени (V–III вв. до н.э.) из погребений в грунтовых ямах Чандоманьского могильника. (С любезного разрешения Тумен Даштцеев использованы неопубликованные данные).

19. Монголия. Серия чандоманьской (уюкско-саглынской) культуры скифского времени (V–III вв. до н.э.) из погребений в каменных ящиках Чандоманьского могильника. (С любезного разрешения Тумен Даштцеев использованы неопубликованные данные).

20. Забайкалье. Сборная серия из могильников эпохи хунну [Мамонова, 1974].

21. Синьцзян. Серия скифо-сакского времени из могильника Алагоу в Турфанской котловине [Хань Кансинь, 1995a].

22. Синьцзян. Серия сако-усуньского времени (V–I вв. до н.э.) из могильника Чжаосу в бассейне р. Или [Хань Кансинь, Пань Цифен, 1987; Хань Кансинь, 1995b].

23. Синьцзян. Серия сакского времени из раскопок 1989 г. могильника Янхай в Турфанской котловине, составленная по материалам из коллекции Цзилинского университета (г. Чаньчунь, Китай). (Неопубликованные данные автора).

24. Синьцзян. Серия сакского времени из раскопок 2001 г. могильника Нилки в бассейне р. Или, составленная по материалам из коллекции Цзилинского университета (г. Чаньчунь, Китай). (Неопубликованные данные автора).

25. Северный Казахстан. Сборная серия саков (VII–IV вв. до н.э.) [Гинзбург, 1963].

26. Восточный Казахстан. Сборная серия саков (V–IV вв. до н.э.) [Гинзбург, 1956, 1961].

27. Восточный Казахстан. Сборная серия усуней (III в. до н.э. – III–II вв. н.э.) [Гинзбург, 1956].

28. Восточный Казахстан. Сборная серия усуней (IV в. до н.э. – III в. н.э.) [Исмагулов, 1962].

29. Центральный Казахстан. Сборная серия саков из могильников в бассейне р. Нуры [Дебец, 1948; Гинзбург, 1956].

30. Центральный Казахстан. Сборная серия мужских черепов тасмолинской культуры ски-

фо-сакского времени из могильников Карамурун и Тасмола [Исмагулов, 1970].

31. Восточное Приаралье. Сборная серия саков (IV–II вв. до н.э.) с территории древней дельты р. Сыр-Дарья (бассейн Жаныдарья): погребения на городище Чирик-Рабат, поселений Бабиш-Мула-2, могильника Баланды [Трофимова, 1963]. С.П. Толстов относил эти памятники к племенному объединению саков-апасиаков [Толстов, 1961, 1963]. Позднее было предложено относить их к особой чирикрабатской культуре [Вайнберг, Левина, 1993].

32. Восточное Приаралье. Сборная серия саков из могильников с территории древней дельты Сыр-Дарья (бассейн Инкардарья) Южный Тагискен (VII–VI вв. до н.э.) и Уйгарак (VII–V вв. до н.э.), относящихся, по мнению С.П. Толстова, к племенному объединению саков-сакараваков [Толстов, 1963; Толстов, Жданко, Итина, 1963; Толстов, Итина, 1966]. В сравнительном анализе использованы данные Л.Т. Яблонского [Итина, Яблонский, 1997].

33. Восточное Приаралье. Сборная серия саков из комплекса памятников, расположенных в древней дельте Сыр-Дарья (бассейн Куван-Дарья), относящихся к джетыясарской культуре (IV–II вв. до н.э.): Косасар, Алтынасар, Куня, Топрак, Томпакасар [Трофимова, 1958; Кияткина, 1993, 1995]. По мнению С.П. Толстова, эти памятники связаны с племенным объединением саков-тохаров [Толстов, 1962].

34. Южное Приаралье. Серия мужских черепов из основных погребений куюсайской культуры могильников Тумек-Кичиджик (VII–V вв. до н.э.) и Тарым-Кая (VI–V вв. до н.э.) [Трофимова, 1979].

35. Тянь-Шань. Сборная серия саков и ранних усуней (VII–III вв. до н.э.) из могильников долин рек Алая, Таласа и Чуи, составленная по данным В.В. Гинзбурга [1954, 1960] и Н.Н. Миклашевской [1964].

36. Тянь-Шань. Сборная серия усуней Тянь-Шаня (IV в. до н.э. – I–II вв. н.э.) [Гинзбург, 1960; Миклашевская, 1959, 1964].

37. Обь-Иртышское и Тоболо-Иртышское междуречье. Сборная серия из могильников саргатской культуры (V–IV вв. до н.э. – II–III вв. н.э.) [Багашев, 2000].

38. Южное Приуралье. Сборная серия савроматов (VI–IV вв. до н.э.) [Акимова, 1968а, б].

39. Южное Приуралье. Сборная серия ранних сарматов (IV–III вв. до н.э.) [Акимова, 1968а].

40. Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье. Сборная серия савроматов (VI–IV вв. до н.э.) [Гинзбург, 1959; Фирштейн, 1961; Кондукторова, 1962; Балабанова, 2000].

41. Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье. Сборная серия ранних сарматов (IV–I вв. до н.э.) [Гинзбург, 1959; Тот, Фирштейн, 1970; Балабанова, 2000].

42. Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье. Сборная серия средних сарматов (I – первая половина II в. н.э.) из могильников Калиновский и Бережновка [Гинзбург, 1959; Тот, Фирштейн, 1970; Балабанова, 2000].

43. Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье. Мужская серия поздних сарматов из могильника Бережновка [Балабанова, 2000].

44. Нижнее Приднепровье. Сборная серия из погребений скифской знати в Северном Причерноморье (IV в. до н.э.): Александровский курган, Водяна Могила, Гайманова Могила, Бердянский курган, Архангельская Слобода, Бабина Могила, Гюновка [Фирштейн, 1966; Круц, 2005].

45. Нижнее Приднепровье. Сборная серия средних сарматов (I – первая половина II в. н.э.) из могильников Аккермень, Ново-Филипповка, Усть-Каменка [Кондукторова, 1956].

46. Пруто-Приднестровье. Серия черепов скифов из могильника у Николаевка (IV–III вв. до н.э.) [Великанова, 1975].

Для статистического анализа был подобран комплекс из 14 краниометрических признаков, которые имеют минимальные физиологические корреляции друг с другом, характеризуют основные отделы черепа и обладают групподифференцирующими свойствами. Это продольный, поперечный и высотный диаметры черепной коробки, угол наклона лба, скуловой и верхний высотный диаметры лица, углы его горизонтальной уплощенности и общий угол выступания, ширина носового отверстия, угол выступания носовых косточек, дакриальный и симотические указатели выступания переносья. Чтобы определить, какие признаки определяют основные уровни дифференциации в данной совокупности групп, или, выражаясь языком статистики, проанализировать структуру зависимостей между переменными, был проведен факторный анализ методом главных компонент. Таблица содержит первые два фактора, отражающие около 40 % анализируемой изменчивости (см. *таблицу*). Для классификации групп был

Факторные координаты переменных в составе первых двух факторов в совокупностях групп ранних кочевников Евразии

Признаки (Номера по Мартину)	Мужчины		Женщины	
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 1	Фактор 2
1	-0,466	-0,019	-0,276	-0,323
8	-0,078	0,820	0,398	0,318
17	-0,027	0,138	-0,337	-0,128
9	-0,637	0,506	-0,114	-0,239
45	0,178	0,850	0,249	0,485
48	0,030	0,150	0,481	-0,309
54	-0,072	0,529	0,637	-0,191
32	0,324	0,201	0,093	0,548
77	0,767	0,201	0,650	0,326
zm	0,770	0,202	0,689	0,530
72	0,339	0,131	0,199	0,566
75(1)	-0,808	0,077	-0,696	0,386
DS:DC	-0,732	0,048	-0,775	0,395
SS:SC	-0,778	0,075	-0,601	0,505
Процент общей дисперсии	27,6	15,2	24,6	15,8

использован кластерный анализ их координат в пространстве двух первых факторов на основе квадратичных евклидовых расстояний методом взвешенного попарного среднего расстояния. Статистическое исследование проводилось с помощью интегрированной системы статистического анализа и обработки данных Statistica 6.0 for Windows.

Наибольшая нагрузка в 1-м факторе в мужской и женской совокупностях групп приходится на самые существенные признаки монголоидного комплекса – плоский горизонтальный профиль лица (признаки 77 и zm), слабо моделированное переносье (признаки ds:dc, ss:sc), малый угол выступления носа (признак 75(1)). У мужчин этот комплекс сопровождается малой шириной лобной кости (признак 9), у женщин – увеличением высоты лица (признак 48) и ширины носового отверстия (признак 54). Таким образом, в первую очередь дифференцируются группы носителей комплекса краниометрических признаков, который соответствует критериям группы антропологических типов северных

континентальных монголоидов в составе большой монголоидной расы.

Второй фактор в мужской совокупности групп невыразителен в контексте антропологической типологии, но дифференцирует серии с эури-морфными пропорциями мозгового и лицевого отделов черепа. В женской совокупности групп второй фактор выделяет серии с очень характерным комплексом признаков, который может быть соотнесен в типологическом отношении с южной евразийской антропологической формацией.

Южная евразийская антропологическая формация представляет собой новую систематическую единицу антропологической классификации, предложенную мной по результатам краниологического изучения представителей широкого культурно-хронологического спектра Южной Сибири и Центральной Азии [Чикишева, 2010]. Краниологические варианты южной евразийской антропологической формации отличаются монголоидно-европеоидной промежуточностью расоводиагностического комплекса черт, не зависимой от метисационных процес-

сов, а восходящей к древнему недифференцированному антропологическому пласту надрасового уровня. В ее морфологическом комплексе сочетаются мезобрахикранная средневысокая черепная коробка, уплощенность средневысокого и широкого лицевого отдела, высокое переносье при умеренном выступании носовых костей над общей линией ортогнатного лицевого профиля. Ареал морфологического комплекса южной евразийской антропологической формации связан с центральными горно-степными районами Евразии, входит в состав аридной зоны, которая в ландшафтном отношении представляет собой совокупность степей и травянистых пустынь, являясь частью пояса степей, простирающихся сплошной полосой от Большого Хингана на востоке до Карпат на западе. В историко-археологической литературе этот регион принято называть поясом степей, прямоугольником степей или Великой степью. По имеющимся на сегодняшний день палеоантропологическим материалам установлена хронологическая длительность «функционирования» данного ареала со второй половины IV тыс. до н.э. до рубежа эр. Прослеживается единство хозяйственно-культурного типа и адаптивных стратегий социокультурной и биологической сфер жизнедеятельности популяций: наиболее рациональным типом хозяйства здесь могло быть только кочевое скотоводство, что и было реализовано на одном из этапов человеческой истории на рубеже эпох бронзы и железа.

Таким образом, факторный анализ позволил выявить дифференциацию групп ранних кочевников Евразии в первую очередь по компоненте фенотипической монголоидности двух типов, имеющих разную расогенетическую природу. Изучение распределения групп в пространстве первых двух факторов проводилось не на графиках, отображающих их проекцию координат на факторные плоскости, а методом кластеризации этих координат.

Для мужской и женской совокупностей краинологических серий мы получили разные результаты классификации. В этих отличиях аккумулируется специфика формирования антропологического состава мужского и женского населения. Прежде всего она определяется образом жизни кочевых племен и их объединений, в котором выделяются два состояния – общинно-кочевое для внутренних отношений и воен-

но-кочевое для внешних контактов, но доминирующую роль, по мнению историков, играли все же военные кампании [Крадин, 2007]. С точки зрения представителя современной цивилизации они носили разбойничий, грабительский характер. В этих компаниях добывались не только престижные предметы, продовольствие, лошади, но в первую очередь женщины [Головнёв, 2009]. Адаптивные стратегии гендерной, социальной и брачной структуры в общинах кочевников также не могли не играть своей роли в дифференциации антропологического состава мужской и женской ее частей.

На дендрограмме кластеризации координат распределения мужских групп в пространстве первых двух главных факторов (рис. 2) группы распределились по двум крупным кластерам и нескольким подкластерам, которые в проекционных осях представляли бы собой более или менее обособленные скопления точек. В одном кластере сосредоточились популяции и группы популяций с европеоидными особенностями черепов, в другом – с монголоидными, дифференцированными на два типологических комплекса, имеющих разную расогенетическую природу. Возможно, что между ними распределились носители промежуточных особенностей, но на дендрограмме объединивший их подкластер присоединился к монголоидному кластеру. Я воспользовалась географическим методом и перенесла на карту Евразии результаты кластерного анализа (рис. 3).

Монголоидный и промежуточный кластеры объединили представителей этносов и культур, ареалы которых локализованы на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Большая часть моих предыдущих исследований посвящена проблемам генезиса этнокультурных групп населения этого ареала, в ходе которых их краинометрические комплексы получали типологические оценки. Эти оценки помогли понять расогенетическое содержание полученных в ходе анализа подкластеров монголоидного кластера. Компактный подкластер, объединивший хунну Забайкалья и Тувы (могильник Аймырлыг), носителей кулайской и кара-кобинской культур, по-видимому, можно рассматривать как совокупность групп, в расогенезе которых принял участие антропологический компонент северного континентального типа в составе большой монголоидной расы (рис. 3, 3).

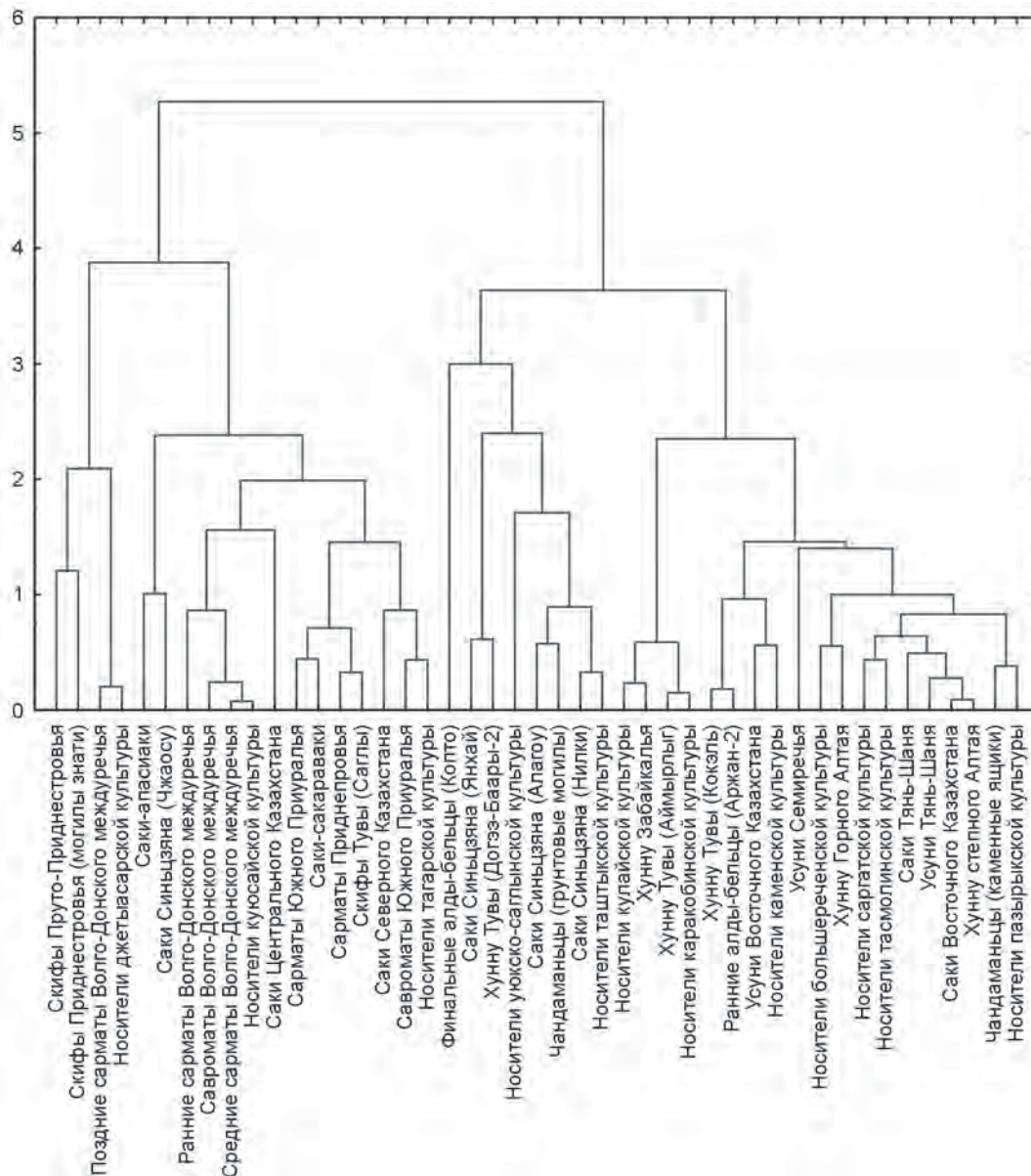


Рис. 2. Дендрограмма кластеризации первых двух главных компонент, выделенных по комплексу краниометрических признаков в совокупности мужских групп ранних кочевников Евразии.

Антропологическая специфика групп второго подкластера обусловлена участием в их расогенезе компонента южной евразийской антропологической формации. В подкластере объединены этнокультурные группы, заселявшие Алтай (Российский с его северными отрогами и предгорьем, Рудный и Монгольский), Тувинское нагорье, низкогорные степи Центрального Казахстана и Семиречья, северное Притяньшанье, тоболо-прииртышские и обь-иртышские степи (рис. 3, 1). Статистически близкое взаиморасположение

носителей саргатской культуры Тоболо-Прииртышья и Обь-Иртышья с саками и усунями северного Притяньшанья и степных нагорий Центрального и Восточного Казахстана объясняется возможностью выхода южного населения в равнинные области Евразийского пояса степей по левобережью Иртыша.

В отдельный подкластер объединились группы со сложным расогенезом, протекавшим на основе метисации европеоидных и монголоидных компонентов (рис. 3, 2), Их ареалы связаны со степны-

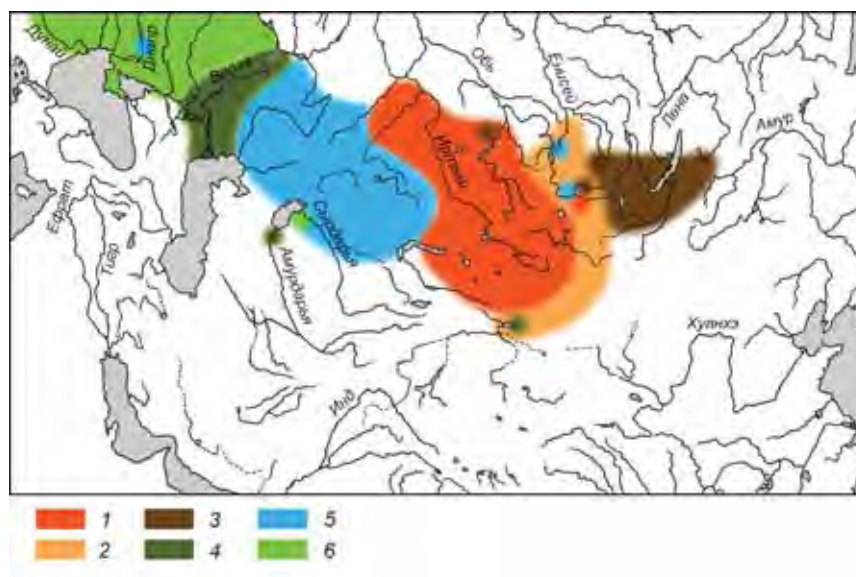


Рис. 3. Проекция на карту результатов кластеризации этнокультурных групп ранних кочевников Евразии. Мужчины.
 1 – кочевники Алтая, Тувинского нагорья, северного Притяньшанья, степей Центрального Казахстана, Семиречья, Тоболо-Прииртышья и Обь-Иртышья; 2 – кочевники Саян, Западной Монголии, Южного Притяньшанья; 3 – восточные кочевники; 4 – кочевники Волго-Донских степей; 5 – кочевники Урало-Аральских степей; 6 – европейские скифы.

ми котловинами Хакасии (носители таштыкской культуры) и Тувы (носители уюкско-саглынской и финального этапа алды-бельской культур), горными степями Монгольского Алтая (погребенные в грунтовых могилах носители чандаманьской культуры) и Южного Притяньшанья (саки Синьцзяна). Реконструированная по данным статистического анализа территория, вмещающая данную совокупность групп, перерезана горными хребтами, которые, тем не менее, не стали непреодолимыми географическими барьерами для кочевников Центральной Азии. Возможность прохождения по всей этой территории может быть доказана результатами экспедиций 1870-х гг. российского исследователя Центральной Азии и Сибири Г.Н. Потанина, пересекавших ее неоднократно. Европеоидный компонент сакского и савромато-сарматского происхождения мог проникать на этот ареал через Джунгарский проход, представляющий собой понижение между двумя горными системами – Памиро-Тянь-шаньской с юга и Алтайской с севера, связывающий кочевников равнинных и горно-степных областей Евразийского пояса степей коридором для миграций.

Этнокультурные группы, вошедшие в состав кластера фенотипических европеоидов, распределились в трех подкластерах, интерпретировать которые я буду на основе групп, составляющих

их ядра. Один из них (рис. 3, 5) объединяет савромато-сарматское и сакское население Урало-Аральских степей. Данное антропологическое пространство является автохтонным, восходящим, по-видимому, к европеоидному населению андроновской культурно-исторической общности. Присоединение к этому подкластеру групп, происходящих из ареалов, лежащих на востоке (тагарцы Хакасии и одна из групп скифского времени с территории Тувы), возможно, обусловлено их происхождением на основе того же антропологического субстрата, возможно – миграцией каких-то групп сакского населения длинным и сложным путем по джунгарскому коридору и далее на север через хребты Монгольского Алтая и Восточного Саяна.

Савромато-сарматское население Волго-Донских степей образовало самостоятельный подкластер, включивший также носителей куясайской культуры южного Приаралья и одну из групп саков Синьцзяна (рис. 3, 4). Обособились европейские скифы (рис. 3, 6), к которым присоединились тесно связанные между собой в нашем статистическом пространстве носители джетыясарской культуры и поздние сарматы Волго-Донского междуречья.

Полученная нами карта может говорить о том, что образ жизни ранних кочевников Центральной

Азии и Южной Сибири не основывался на активных миграциях племен или их объединений с радикальной сменой региона кочеваний, причем не только в скифо-сакское время, но и на начальных этапах гунно-сарматского времени. Мы не видим распространения монголоидного компонента северного континентального типа с востока на запад. Его носители стабильно локализованы на востоке мира ранних кочевников. Также мы не обнаруживаем каких либо миграций на юг и на запад носителей монголоидного компонента южной евразийской антропологической формации. Южное Приаралье демонстрирует разнородный антропологический состав населения,

восходящий, однако, к европеоидной большой расе. Сложное переплетение расогенетических и этногенетических процессов в этом регионе фундаментально исследовано Л.Т. Яблонским [1999, 2006], а в данном сообщении антропологические компоненты сакских групп Приаралья, как и других районов западно-евразийских степей, привлечены для понимания расогенеза ранних кочевников восточно-евразийского региона.

Представляет интерес дифференциация погребенных из Чандаманьского могильника: отнесение группы индивидов, захороненных в каменных ящиках, к совокупности с преобладающим компонентом южной евразийской антропологической

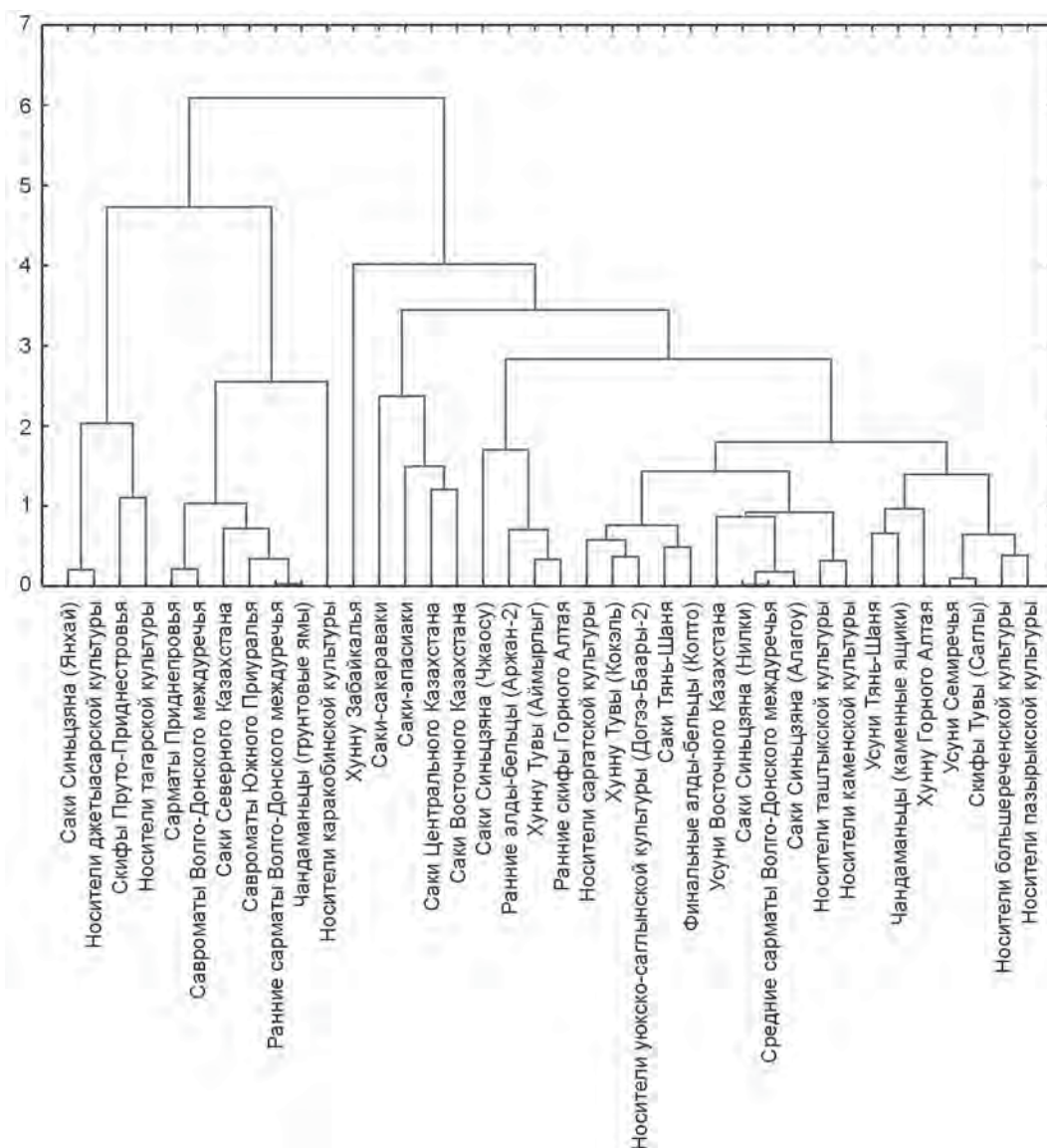


Рис. 4. Дендрограмма кластеризации первых двух главных компонент, выделенных по комплексу краниометрических признаков в совокупности женских групп ранних кочевников Евразии.

ческой формации, а захороненных в грунтовых могилах – к совокупности метисного происхождения. Видимо, у носителей этой культуры существовали определенные этнические различия, связанные не только с культурными традициями, но сопряженные и с антропологическими особенностями, восходящими у той части чандаманьского социума, которая совершала захоронения в каменных ящиках, к автохтонной окуневской культурно-исторической общности.

Перейдем к анализу результатов статистического анализа женских групп. Кластеризация их факторных координат распределила серии по четырем крупным кластерам (рис. 4). Наиболее крупный по наполненности этнокультурными группами и вмещающей территории может быть интерпретирован на основании доминирования в антропологическом составе данной совокупности автохтонного компонента южной евразийской антропологической формации (рис. 5, 1). Северная и западная границы этого ареала совпадают с границами, установленными для мужских серий. Но в отличие от мужчин автохтонный компонент расширяет свой ареал на восток и юг, захватывая степи Хакасии, Тувы, Западной Монголии и южного Притяньшанья. На этом ареале фиксируются типологически европеоидные группы, появление которых связано с миграциями женщин из антропологической среды савроматов и

саков Волго-Уральских и Волго-Донских степей (рис. 5, 4). Европеоидность женщин тагарской культуры может быть связана с миграцией их из этнокультурной среды скифов Приднепровья (рис. 5, 5), или восходить к предшествующей миграции на территорию лесостепных котловин Хакасии части племен носителей андроновской культуры, что можно было предполагать исходя из сближения краниометрических комплексов тагарских мужчин с ранними кочевниками южно-уральских степей.

Таким образом, формирование женского контингента в Южной Сибири и Центральной Азии происходило на основе внутренних резервов этого обширного в географическом отношении, но однородного по антропологическому субстрату региона. С географической точки зрения такое масштабное межкультурное и межэтническое в структуре брачных связей взаимодействие объяснимо. В этом огромном регионе нет фатально препятствующих миграциям факторов ландшафтного характера.

Что дают нам доложенные результаты для ответа на вопрос, в большей степени интересующий археологов, об истоках импульса, ставшего основой многочисленных этносов и культур раннего кочевого населения степной зоны Евразии? Они исключают Алтае-Саянское нагорье, позиционирующее себя по данным физической ант-

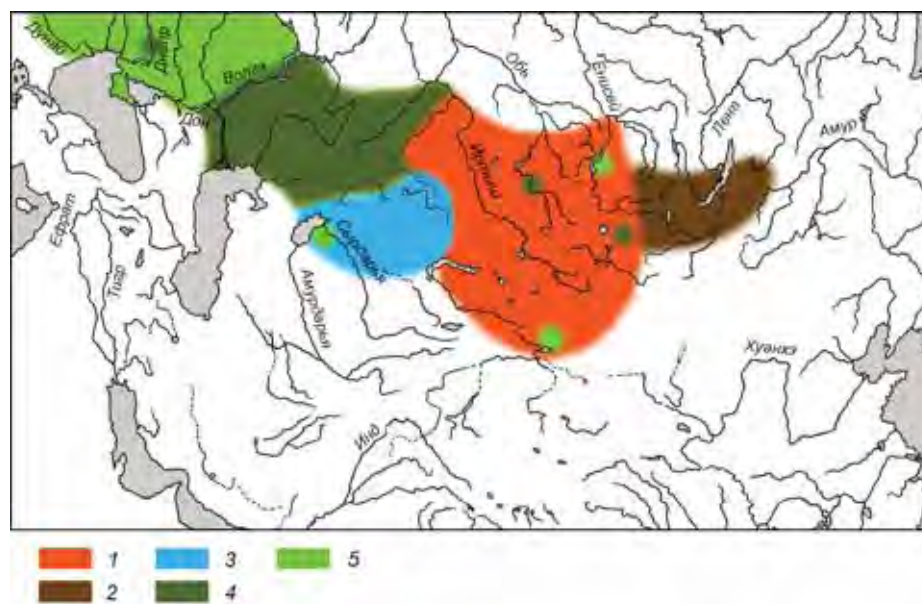


Рис. 5. Проекция на карту результатов кластеризации этнокультурных групп ранних кочевников Евразии. Женщины. 1 – кочевники Алтае-Саянского нагорья, степей Центрального Казахстана, Семиречья, Тоболо-Прииртышья и Обь-Иртышья, Притяньшанья; 2 – восточные кочевники; 3 – кочевники Урало-Аральских степей; 4 – кочевники Волго-Донских степей; 5 – европейские скифы.

ропологии как некий изолят и восточную окраину мира ранних кочевников. Вектор миграций, судя по результатам проведенного статистического анализа в эпоху ранних кочевников, был ориентирован с запада на восток, а не наоборот. Осуществлялись такие миграции, вероятно, по южным окраинам пояса степей вдоль южных и северных отрогов Тянь-Шаня, через Джунгарский коридор и через проходимые перевалы хребтов Монгольского Алтая и Восточного Саяна.

Дифференциация антропологического состава этнокультурного континуума раннего кочевого населения Евразии на крупные блоки, ядра которых имеют автохтонный генезис, удивительным образом совпадает с выделенными Е.Н. Черныхом металлургическими провинциями степного пояса [2009]. Мы используем разные термины для обозначения ареалов выделяемых общностей, хотя по сути речь идет об одних и тех же ареалах, граница между которыми проходит по Джунгарскому водоразделу Евразийского материка. Весь пояс степей, вмещающий антропологические общности, мне удобно называть еразийским, подразделяя его на две зоны – западно-евразийские и восточно-евразийские степи. Е.Н. Черных металлургическую провинцию, совпадающую с западно-евразийской зоной степей, называет Евразийской, именуя ареал восточно-евразийских степей Восточно-азиатской степной металлургической провинцией [Там же, с. 244–245].

Прослеживаемая зависимость географических контуров не только металлургических провинций, но и антропологических общностей высокого таксономического уровня от геоэкологических ареалов основана, по-видимому, на глубинных корреляциях двух составляющих этногенетического процесса – культурогенеза и расогенеза – с геоэкологическим фактором.

Список литературы

Акимова М.С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1968а. – Т. 3. – С. 391–426.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968б. – 119 с.

Алексеев В.П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 220–232. – (Сб. МАЭ; т. 20).

Алексеев В.П. Палеоантропология степей Евразии в скифское время // Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та. – С. 38–63.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // Тр. Тувин. комплекс. археол.-этногр. экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1970. – Т. 3. – С. 239–297.

Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории северо-западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 3–21.

Багашёв А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.

Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. – М., Наука, 2000. – 135 с.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чиркирабатская культура. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. – 130 с.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. – М.: Наука, 1975. – 284 с.

Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным // Среднеазиатский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 354–412. – (ТИЭ; т. 21).

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Антропологический сборник 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 238–298. – (ТИЭ; т. 33).

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 297–337. – (Сб. МАЭ; т. 21).

Головнёв А.В. Антропология движения (Древности Северной Азии). – Екатеринбург: Волот, 2009. – 496 с.

Дебев Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с. – (ТИЭ; т. V).

Исмагулов О. Антропологическая характеристика усуней Семиречья // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1962. – Т. 16. – С. 168–191.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – 239 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: Росспэн, 1997. – 188 с.

Кияткина Т.П. Краниологические материалы из могильников Косасар-2 и Косасар-3 // Низовья Сырдарьи в древности. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. – Вып. III: Джетыясарская культура, ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар. – С. 206–247.

Кияткина Т.П. Краниологический материал из Томпакасарского могильника // Низовья Сырдарьи в древности. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1995. – Вып. V: Джетыясарская культура, ч. 5. – С. 282–289.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – Л.: Наука, 1977. – 142 с.

- Козинцев А.Г., Селезнёва В.И.** Краниометрические особенности населения Тувы эпохи железа: Черепа из могильника Саглы // Радловский сборник. – СПб., 2011 (в печати).
- Кондукторова Т.С.** Материалы по палеоантропологии Ук-раины // Антропологический сборник I. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 166–203. – (ТИЭ; т. 33).
- Кондукторова Т.С.** Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. – 1962. – С. 43–57. – Вып. 11.
- Круц С.И.** Новые антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья // Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Героса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). – Киев: Сталос, 2005. – С. 71–99.
- Мамонова Н.Н.** К антропологии гуннов Забайкалья // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 201–228.
- Миклашевская Н.Н.** Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Тр. Киргиз. археол.-этногр. экспедиции. – М.: Наука, 1959. – Т. 2. – С. 295–331.
- Миклашевская Н.Н.** История распространения монголоидного типа на территории Киргизии // Научн. тр. Ташкент. гос. ун-та. – Ташкент: Изд-во Ташкент. гос. ун-та, 1964. – Вып. 235. – С. 67–85.
- Рыкун М.П.** Материалы по краниологии населения Северного Алтая раннего железного века (Каменская культура) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. – Вып. 2. – С. 78–86.
- Толстов С.П.** Приаральские скифы и Хорезм // СЭ. – 1961. – № 4. – С. 114–146.
- Толстов С.П.** По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Наука, 1962. – 324 с.
- Толстов С.П.** Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. – 1963. – № 2. – С. 21–45.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А.** Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // Материалы Хорезмской экспедиции. – М.: Наука, 1963. – Вып. 6. – С. 32–77.
- Толстов С.П., Итина М.А.** Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СЭ. – 1966. – № 2. – С. 151–175.
- Тот Т.А., Фирштейн Б.В.** Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. – Л.: Наука, 1970. – 202 с.
- Трофимова Т.А.** Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных территорий // Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции. – М.: Наука, 1958. – Т. II. – С. 639–701.
- Трофимова Т.А.** Приаральские саки (краниологический очерк) // Материалы Хорезмской экспедиции. – М.: Наука, 1963. – Вып. 6. – С. 221–247.
- Трофимова Т.А.** Черепа из погребений кюсайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 77–93. – (Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции; т. 11).
- Тур С.С.** Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – С. 136–147.
- Фирштейн Б.В.** Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) // Антропологический сборник III. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 53–81. – (ТИЭ; т. 71).
- Фирштейн Б.В.** Черепа из Александропольского скифского кургана // ВА. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966. – Вып. 22. – С. 62–76.
- Хань Кансинь.** Изучение древних погребений в Алагоу // Сычоу чжилу гудай изюйминь чжунцзу жэньлэйсюэ яньцзю (Изучение расовой антропологии древнего населения Шелкового пути). – Урумчи: Синьцзян жэньминь, 1995а. – С. 71–175 (на кит. яз.).
- Хань Кансинь.** Изучение палеоантропологических материалов из курганов в Чжаосу // Сычоу чжилу гудай изюйминь чжунцзу жэньлэйсюэ яньцзю (Изучение расовой антропологии древнего населения Шелкового пути). – Урумчи: Синьцзян жэньминь, 1995б. – С. 261–304 (на кит. яз.).
- Хань Кансинь, Пань Цифен.** Изучение антропологических материалов из могильника Чжаосу (Синьцзян) // Каогу сюэбао. – 1987. – № 4. – С. 503–523 (на кит. яз.).
- Цэвэндорж Д.** Чандаманьская культура // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 108–117.
- Черных Е.Н.** Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 624 с.
- Чикишева Т.А.** Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железа как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 63–120.
- Чикишева Т.А.** К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 120–139.
- Чикишева Т.А.** Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 50 с.
- Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.** Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 116–131.
- Яблонский Л.Т.** Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. – М.: Вост. лит., 1999. – 327 с.
- Яблонский Л.Т.** Этногенез кочевников Южного Приуралья в начале железного века // Археология Южного Урала. Степь. – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. – С. 341–365.

К.В. Чугунов

*Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия*

ДИСКРЕТНОСТЬ ПОСТРОЙКИ «ЦАРСКИХ» МЕМОРИАЛОВ ТУВЫ И ХРОНОЛОГИЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Абсолютные даты для памятников раннескифского периода азиатской зоны степей редко определяются интервалом менее чем в два века. Погребально-поминальный комплекс Аржан-2 на сегодняшний день является единственным из исследованных памятников верховной элиты раннескифского времени, сохранившим в непо потревоженном виде практически все богатейшие материалы, которые монографически изданы [Сигуров et al., 2010]. В целом этот мемориал датирован второй половиной VII в. до н.э. и является в этом плане опорным комплексом.

К сожалению, в монографию не вошли некоторые сделанные при раскопках Аржана-2 наблюдения, имеющие большое значение для понимания последовательности возведения памятника. Поскольку раздел, посвященный описанию и анализу структуры наземного сооружения кургана, был сокращен при подготовке рукописи к печати, а основанная на этом анализе версия реконструк-

ции этапов функционирования погребально-поминального комплекса не вошла в книгу, эти материалы изложены в отдельной большой работе [Чугунов, 2011, с. 262–335]. Прослеженная дискретность погребального обряда очень важна для понимания внутренней хронологии Аржана-2, однако, поскольку она рассмотрена в указанной выше статье, здесь следует подробнее остановиться на новых материалах. Они получены в результате начала исследований еще одного подобного мемориала в Турано-Уюкской котловине Тувы, получившего название Чинге-Тэй I.

Этот памятник – самый западный в долине Уюка погребально-поминальный комплекс «царского» уровня. Особенности этого мемориала – наличие кольцевого рва вокруг центрального сооружения и вынесенная за пределы склона кургана ограда из вертикальных плит у его подножия – отличают комплекс от других памятников «аржанского типа» (рис. 1). В то же время общая



Рис. 1. Погребально-поминальный комплекс Чинге-Тэй I до раскопок.

планиграфия Чинге-Тэя I очень близка Аржану-2, а в процессе раскопок были выявлены и другие соответствия.

Диаметр кургана, расположенного в центре комплекса, составляет по ограде из вертикально установленных плит около 70 м, высота на наиболее сохранившихся участках 2,20–2,30 м. Диаметр кольцевого рва, окружающего курган на расстоянии около 15 м, составляет 106 м по внешней его границе (рис. 2). В южной части ров памятника некогда использовался для оросительного канала, который был врезан в него в юго-западной части и выходит в юго-восточной. При этом, вероятно, конфигурация рва была изменена. Можно предположить, что это произошло уже в процессе освоения долины русским населением, но до проведения здесь раскопок утверждать что-либо невозможно.

Большой интерес представляет периферия погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I. С запада – северо-запада в 30–50 м от рва зафиксировано около 60 кольцевых оград, расположенных дугой в два–три ряда. Диаметр оград от 2 до 7 м. Вероятно, какая-то часть их разрушена при устройстве более позднего могильника в ЮЗ части комплекса и еще позднее – при строительстве канала. С противоположной стороны, к востоку – юго-востоку от рва на расстоянии 20–30 м прослеживается дуга из сооружений другого типа, сплошь состоящих из камней. Они также повреждены и разрушены в южной части дуги и рядом с каналом. К востоку – северо-востоку от кургана, между дугой и рвом, на поверхности степи заметны следы от двух рядов полностью разобранных кольцевых оград. Точно к северу в 40 м от рва на поверхности степи отчетливо фиксируется заплывшая западина серповидной в плане формы, выгнутая в сторону кургана. За ней через 10 м расположена еще одна депрессия округлой формы, получившая по аналогии с Аржаном-2 наименование «Северный комплекс». На северо-восток от кургана, в 55 м от рва в степи лежит большой камень, который, возможно, также имеет отношение к комплексу.

Раскопки на Чинге-Тэе I были начаты в 2008 г. Археологические исследования проводятся

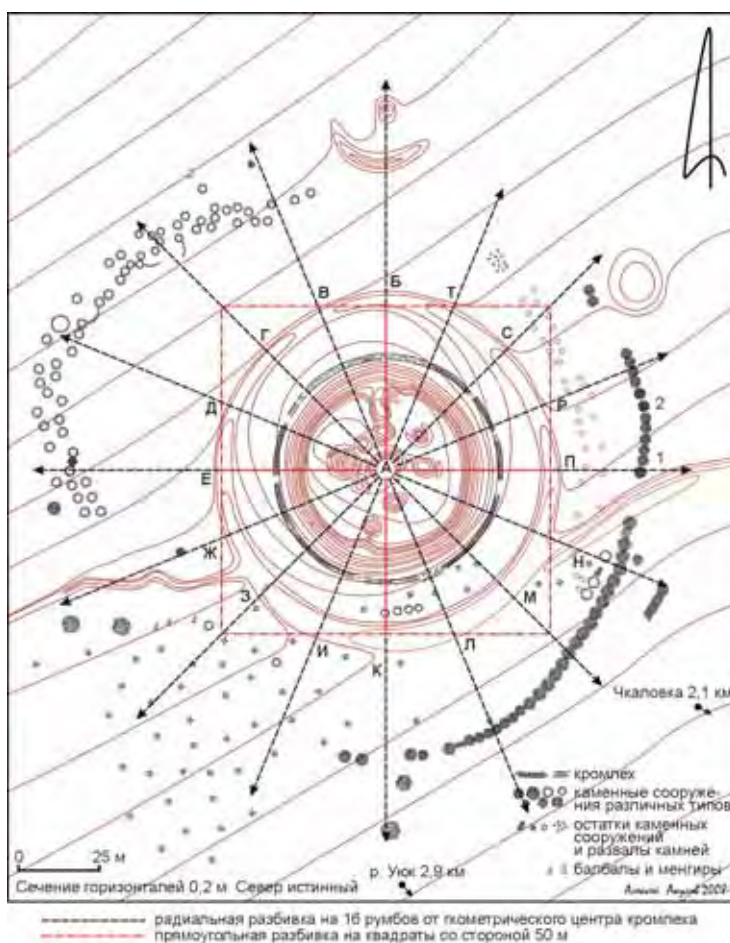


Рис. 2. Погребально-поминальный комплекс Чинге-Тэй I. План и схема разбивки.

Южно-Сибирской экспедицией Государственного Эрмитажа при участии Музея-института семьи Рерихов. При выборе методического подхода к изучению мемориала и стратегии раскопок такого сложного и многосоставного объекта учитывался опыт, полученный при работе на Аржане-2 (как положительный, так и отрицательный). Поскольку памятники близки планиграфически, на Чинге-Тэе I также был использован прием разбивки площади на сектора, но в отличие от Аржана-2, здесь разметка произведена от топографического центра сооружения – точки «А». В результате курган вместе с периферией был разбит линиями на 16 румбов по 22,5°. Дополнительно весь памятник был поделен на квадраты со стороной в 50 м, что позволило создать систему реперов для точной фиксации всех сооружений на периферии мемориала (рис. 2).

Исследования кольцевых оград, отдельных выкладок в юго-восточной дуге и северного комп-



Рис. 3. Чинге-Тэй I. Кромлех кургана до раскопок.



Рис. 4. Чинге-Тэй I. Участок кромлеха после расчистки.



Рис. 5. Чинге-Тэй I. Участок фасада стены в секторе АГД.

лекса показали соответствие этих периферийных структур на Чинге-Тэе I и Аржане-2. Раскопки самого кургана проводятся не только с фиксацией разрезов по линиям секторов, но, в отличие от Аржана-2, с зачисткой различных уровней сооружения и фиксацией их в плане. Это позволяет полнее выявить особенности строительных приемов, использованных при возведении памятника, а также проследить последовательность строительства наземных конструкций.

На настоящий момент работы сосредоточены в шести северных секторах по краю кургана. На этих участках исследована структура ограды памятника – кромлеха, окружающего подножие склона наземного сооружения. Линия из вертикально установленных в один-два ряда крупных каменных блоков и плит, слегка наклоненных в сторону кургана, хорошо видна до раскопок (рис. 3). Выяснено, что основание камней кромлеха находится на уровне древней дневной поверхности. С внутренней стороны этот вертикальный ряд подпирался камнями, уложенным в несколько рядов горизонтально или наклонно в сторону кромлеха. Эти камни залегают ниже, так как укладывались в специально подготовленную канавку – погребенная почва под ними отсутствует и в ряде мест углублен материк. С внешней стороны вертикальный ряд крупных камней был заклинен более мелкими, уложенными на одном с ним уровне. Какого либо прохода в ограде пока выявить не удалось. На некоторых участках в исследованных секторах вертикальные камни унесены, очевидно, для сооружения более поздних памятников, но обкладка их сохранилась, что позволяет реконструировать такую конструкцию кромлеха везде на открытой раскопками площади (рис. 4).

Примерно в 5 м от вертикального ряда камней кромлеха во всех исследованных участках кургана открыт фасад обводной стены (рис. 5),

аналогичной прослеженной на Аржане-2, в основном только по разрезам. Внутренняя часть этого сооружения пока остается не исследованной, однако, судя по некоторым поврежденным участкам, у стены с особой тщательностью выведена только фасадная кладка, обращенная наружу (рис. 6).

Самой интересной конструктивной особенностью Чинге-Тэя I является широкое использование на памятнике органогенных озерных отложений (ила), которые укладывались горизонтальными пластами при сооружении склона кургана*. Этот ил залегает в пространстве между фасадом стены и кромlexом в виде мелкодисперсного серого слоя с темными прослойками, разделяющими пласты. Тонкий слой ила прослеживается и под камнями в канавке с внешней стороны от вертикальных плит кромlexа. По сути, древние строители использовали здесь этот материал в качестве связующего и закрепляющего раствора. Такой архитектурный прием впервые зафиксирован в Туве.

Пласты ила были уложены ступенчато от фасада стены к ограде, что хорошо заметно в разрезе. Поверх серого слоя сооружена вымостка из плит, на которой также устроены ступени из камней, подпертых контрфорсами из плиток, установленных на ребро. Такая ступенчатая поверхность служила основой для окончательной засыпки склона кургана мелким бутовым камнем. Этот строительный прием прослежен неоднократно в разных секторах и зафиксирован в разрезе и планах (рис. 7). Выведенный таким образом склон наземного сооружения оказался настолько устойчив, что практически не подвергся естественному разрушению и сохранился на не потревоженных человеком участках в первоначальном виде.

В месте стыка обкладки поверхности ила и рядов камней, подпирающих кромlex, в основании серого слоя также были уложены крупные камни. Эти камни зачастую имеют обратный наклон по отношению к лежащим в основании кромlexа и перекрывают их нижний ряд (рис. 8). Последнее обстоятельство указывает на последовательность сооружения этих элементов конструкции.

*Анализ выполнен в РГПУ им. А.И. Герцена канд. геогр. наук М.А. Кульковой.



Рис. 6. Чинге-Тэй I. Участок фасада стены в секторе АБВ.



Рис. 7. Чинге-Тэй I. Этапы исследования наземного сооружения в секторе АСТ.

а – зачистка по уровню бутового камня; б – зачистка по уровню облицовки слоев ила; е – зачистка по уровню основания ступеней из камней; з – зачистка по верхнему уровню ила.



Рис. 8. Чинге-Тэй I. Разрез *ac*.



а



б

Рис. 9. Чинге-Тэй I. Могильные ямы между фасадом стены и кромlexом и выкид из них.

a – могила 3 в секторе АГД; *б* – могила 2 в секторе АВГ (разрез *ав*).

Зачистка поверхности под склоном кургана между фасадом стены и кромlexом по уровню материка позволила сделать еще ряд интересных наблюдений. От канавки с внутренней стороны кромlexа и до фасада фиксируется погребенная почва, которая, залегая сравнительно тонким слоем, резко поднимается около основания кладки стены. Кроме того, параллельно линии фасада фиксируется еще один небольшой ровик, который, в отличие от канавки в основании кромlexа, заполнен гумусированным сло-

ем погребенной почвы (рис. 8). Объяснения этой особенности пока нет, но тот факт, что ровик был покрыт дерном к моменту заполнения слоями ила, может говорить о продолжительности временного промежутка между устройством элементов конструкции. Такие наблюдения, безусловно, должны быть подтверждены специальными почвоведческими исследованиями, которые запланированы при продолжении работ.

Однако наиболее показательную информацию о последовательности и некоторой продолжительности возведения наземного сооружения памятника дают погребальные комплексы, располагающиеся в пространстве между стеной и кромlexом – как и ряд могил на Аржане-2. К настоящему моменту на Чинге-Тэе I найдены четыре могилы. Две из них (могилы 3 и 4), несомненно, устроены до того, как пространство над ними было покрыто слоями ила. На это указывает залегающий на погребенной почве грунт выкида из этих могильных ям, специально выровненный тонким слоем на большой площади между фасадом стены и кромlexом (рис. 9, *a*). Могила 2, несомненно, была впущена уже после того, как слои ила были уложены, поскольку выкид из нее залегают только в заполнении ямы. При устройстве этого погребения перекрытие каменного ящика было также закрыто слоем ила, сверху яма засыпана грунтом выкида до уровня погребенной почвы, затем восстановлено разобранное наземное сооружение над могилой. Для этого участок был вновь заполнен пластами ила (они отделяются от уложенных первоначально) и заложены камнями (рис. 9, *б*). Стратиграфическая ситуация, прослеженная при раскопках могилы 1, выглядит особо. Здесь выкид в виде высокого валика залегал над ямой и распространялся в сторону кромlexа (рис. 10, *a*). Между краем могильной ямы и стеной следов вынутого из могилы грунта не зафиксировано. Объяснений такому залеганию выкида из этой ямы может быть несколько – либо погребение впускное и устроено после закрытия поверхности слоями ила с разборкой большой площади наземного сооружения, либо могила сооружалась в процессе укладки пластов серого грунта, когда часть их уже была уложена вдоль фасада стены. Последний вариант объяснения – поэтапное заполнение простран-

тва между фасадом стены и кромlexом – пока уверенно не прослеживается в других разрезах и требует более детального анализа при дальнейших раскопках памятника. Не исключено, впрочем, что могила 1 сооружена ранее всех остальных и ее особенности объясняются расположением точно к северу от центра кургана. Высокий вал выкида мог быть уложен специально, чтобы отметить место захоронения в еще свободном пространстве коридора между стеной и кромlexом. На это указывают удила, найденные на этом валу над могильной ямой (рис. 10, б).

Обнаруженные на Чинге-Тэе I сопроводительные захоронения мужчин-воинов с богатым инвентарем показывают с одной стороны культурную близость комплекса с «царским» мемориалом алды-бельской культуры Аржан-2, с другой – дискретность сооружения и этого памятника. Все захоронения сохранились в непо потревоженном виде и в целом соответствуют погребальному канону раннескифского времени Тувы. Погребенные уложены на левом боку с согнутыми ногами в трех случаях внутри каменных ящиков из плит (рис. 12–14), в одном (могила 1) – в трехвенцовом срубе (рис. 11). В то же время в двух могилах встречена необычная ориентировка покойников – в могиле 2 на ВСВ; в могиле 3 на СВС. Вероятно, это может объясняться продуманной планиграфией именно этого мемориала, когда сопроводительные

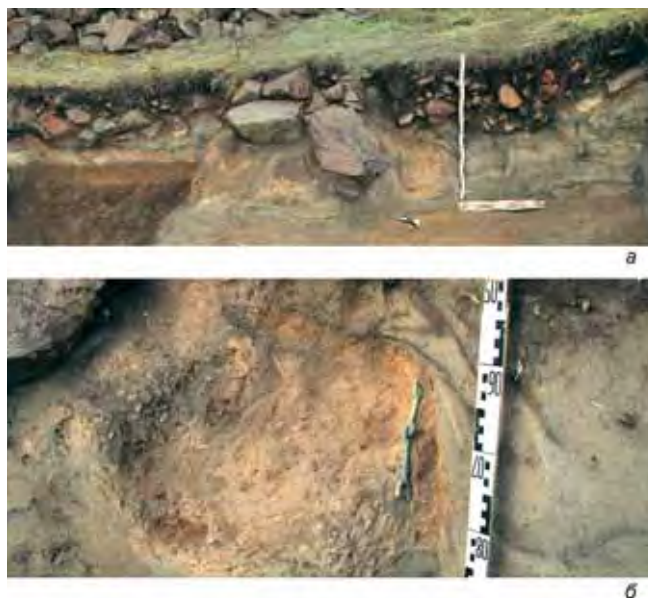


Рис. 10. Чинге-Тэй I. Выкид из могилы 1. а – общий вид в разрезе АБ; б – удила на выкиде.



Рис. 11. Чинге-Тэй I. Могила 1.



Рис. 12. Чинге-Тэй I. Могила 2.



Рис. 13. Чинге-Тэй I. Могила 3.



Рис. 14. Чинге-Тэй I. Могила 4.



Рис. 15. Чинге-Тэй I. Набор наконечников стрел из могилы 1.

захоронения в обводном коридоре между стеной и кромлехом ориентировались, с одной стороны, длинной осью вдоль стены, с другой – головой в северном направлении.

С погребенными найдено значительное количество предметов, рассмотрение которых уже сейчас позволяет сделать некоторые наблюдения и предварительные выводы. Так, если в могилах 1 и 2, впускной характер которых в одном случае не исключен, а во втором бесспорен, найдены типичные украшения алды-бельской культуры – серьги с припаянным конусом, то в погребениях с одинаковой стратиграфической позицией – могилах 3 и 4 – с левой стороны от черепа обнаружены золотые подвески листовидной формы

в комплекте с плоскими бирюзовыми бусами. Такое специфическое украшение ранее уже встречено в Туве на могильнике Куйлуг-Хем III, где оно найдено в сильно ограбленном кургане вместе с золотой пекторалью [Грач, 1980, с. 125, рис. 85, 5]. Серьги подобной формы известны в памятниках культуры чауху Синцзяна [Шульга, 2010, с. 81, рис. 81, 17a–23]. Могила 3 и 4 объединяет еще одна категория предметов – втоки найденных в них чеканов имеют копьевидную форму. Кроме того, в могиле 3 зафиксированы остатки шейной гривны из олова – уцелел фрагмент окончания этого изделия. Около шеи скелета в могиле 4 собраны остатки серого порошка, анализ которого показал присутствие здесь полностью разложившегося оловянного предмета*.

Большой набор вооружения из могил Чинге-Тэй I включает три чекана, железный кинжал и три колчана с большим количеством стрел. Последнее обстоятельство позволяет сопоставить наконечники, найденные в Аржане-2, со стрелами исследуемого памятника уже сейчас. Вся коллекция из Аржана-2 включает 82 наконечника, из которых 67 металлических, 14 роговых и один деревянный. Колчанные наборы Чинге-Тэй I содержат 74 наконечника стрел, из которых 70 бронзовых (рис. 15–17), 2 роговых (рис. 17, 23, 24) и две деревянные стрелы. Как показал анализ наконечников стрел Тувы, проведенный ранее**, наиболее показательное сопоставление этой категории вооружения на уровне отделов, выделяемых по поперечному сечению головки, так как общее распределение по группам в комплексах обоих мемориалов очень близко и отражает процентное соотношение наконечников с различным устройством насада в памятниках алды-бельской культуры [Чугунов, 2000б, с. 165]. Это не исключает сравнение материалов Аржана-2 и Чинге-Тэй I и на уровне типов и вариантов, которые очень разнообразны, но имеют и довольно точные соответствия. Однако при сопоставлении комплексов, развивающихся

*Анализ выполнен в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа с.н.с. С.В. Хавриным.

**Основные принципы классификации наконечников стрел скифского времени Тувы изложены в работах: [Чугунов, 2000а; 2011].

в рамках одной культурной традиции, решающее значение имеет обращение именно к наборам стрел и выявление тенденций изменения соотношения различных типов и вариантов наконечников в колчане, а также появление новых форм этого оружия.

Как и в комплексах Аржана-2, в колчанах Чинге-Тэя I преобладает втульчатая группа стрел, среди которой абсолютно доминируют четырехгранные формы (отдел С). При этом здесь пока не найдены двухлопастные стрелы отдела А, единично известные в Аржане-2, хотя четырехгранно-двухлопастные наконечники (отдел В) находились в двух комплексах (табл. 1). Причем три таких стрелы из могилы 4 Чинге-Тэя I (рис. 17, 1–3) однотипны наконечнику, найденному в могиле 26 Аржана-2. В двух колчанах (могилы 3 и 4) найдены трехлопастные и трехгранно-трехлопастные формы, представленные различными типами (рис. 16, 14; 17, 12, 13). Интересно и, может быть, не случайно полное соответствие по форме длинновтульчатых стрел с лопастями, заканчивающимися моделированными шипами, обнаруженных в обоих мемориалах. В Аржане-2 такой наконечник имеет трехгранный боек и относится к отделу Е – трехгранно-трехлопастных, в могиле 4 Чинге-Тэя I он трехлопастной (отдел D) и на его втулке имеется отверстие для закрепления на древке (рис. 17, 13). Такие отверстия зафиксированы и у четырехгранных наконечников в стрелковом наборе из могилы 3 (рис. 16, 10, 12). В Аржане-2 подобное отверстие зафиксировано только на одном наконечнике из клада 2. Аналогии такому креплению стрел известны в открытом А.Д. Таировым и недавно опубликованном богатом комплексе кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье [Таиров, Боталов, 2010, с. 349–351, рис. 2, 4].

Сопоставление группы черешковых наконечников в стрелковых наборах двух памятников очень показательно. В Аржане-2 абсолютно преобладают трехлопастные стрелы, относящиеся к отделу А в этой группе, а отдел В представлен всего тремя наконечниками с трехгранно-трехлопастными головками. В Чинге-Тэе I соотношение стрел этих отделов иное – общее их количество примерно одинаково, причем в

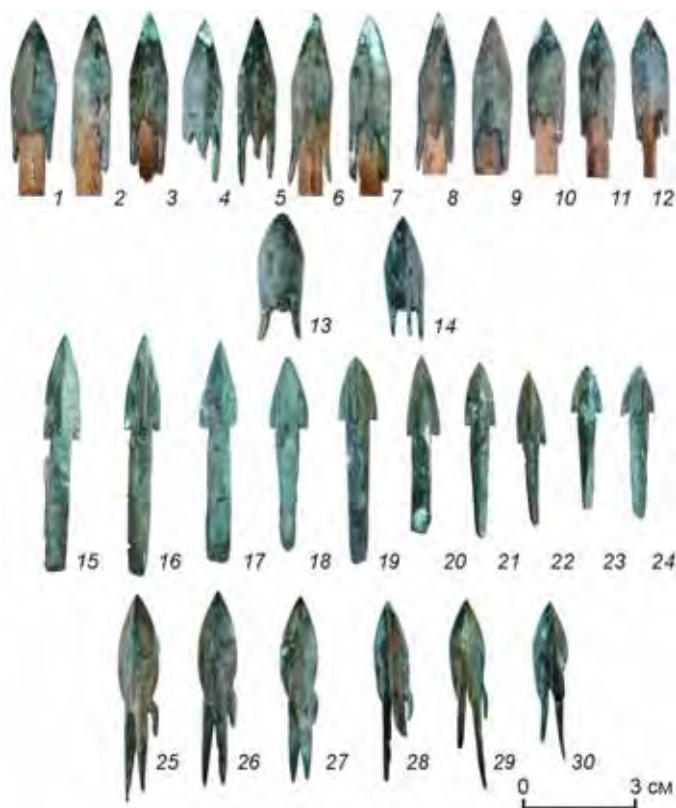


Рис. 16. Чинге-Тэй I. Набор наконечников стрел из могилы 3.



Рис. 17. Чинге-Тэй I. Набор наконечников стрел из могилы 4.

Сопоставление количества металлических наконечников стрел из комплексов Аржана-2, Чинге-Тэя I и курганов могильника Сарыг-Булун по отделам в трех классификационных группах

	ОТДЕЛЫ	Сарыг-Булун		Аржан-2	Чинге-Тэй I
		курган 1	курган 2		
I группа ВТУЛЬЧАТЫЕ	А. Двухлопастные			1	
	В. Четырехгранно-двухлопастные	6		2	4
	С. Четырехгранные	3		18*	31
	Д. Трехлопастные			1	2
	Е. Трехгранно-трехлопастные		2	1	1
II группа ЧЕРЕШКОВЫЕ	А. Трехлопастные		1	14	13
	В. Трехгранно-трехлопастные		1	3	12
	С. Четырехгранно-лопастные			1	
	Д. Четырехгранные				1
III группа ЗАЖИМНЫЕ	А. Трехлопастные	7			
	В. Трехгранно-трехлопастные		3		6
	Д. Трехгранные			26**	

*Не учтены более 50 однотипных железных экземпляров из основного погребения, которые восстановить не удалось.

**В данном случае трехгранность обусловлена необходимостью площадки для нанесения аппликации золотом и серебром.

одном колчане все черешковые наконечники имеют трехгранно-трехлопастные головки. В группе черешковых стрел из обоих памятников также находятся соответствия редким индивидуальным типам – наконечник с арочным основанием головки и двумя зеркально-симметричными выемками на гранях из вторичного сопроводительного захоронения 25 Аржана-2 аналогичен стреле из могилы 4 Чинге-Тэя I (рис. 17, 21). В этом же колчане один из черешковых наконечников имеет четырехгранное сечение головки. Подобная, но не идентичная, стрела из аржанского ритуального «клада» 2 отнесена к отделу С (четырёхгранно-лопастные наконечники) черешковой группы в классификации стрелкового набора этого памятника. Черешковая стрела из Чинге-Тэя I предполагает выделение еще одного отдела для четырехгранных наконечников (отдел D в этой группе), так как ребра ее граней не переходят в лопасти, а свисают в виде шипов (рис. 17, 22). Вероятно, появление такого типа обусловлено тем, что в качестве модели при изготовлении была взята втульчатая стрела с обломанным древком. Во всяком случае, форма головки этого экземпляра полностью соответствует наконечникам отдела С втульчатой группы.

Стрелы с зажимным способом насада встречаются только в одном колчане Чинге-Тэя I – в могиле 3. Они представлены двумя вариантами одного типа – трехгранно-трехлопастные с листовидной формой головки и шипом в основании одной из лопастей (см. рис. 16, 25–30). Различаются они оформлением головки. Один из вариантов – с литым криволинейным узором – находит полную аналогию среди набора стрел из могилы 5 кургана 2 алды-бельского могильника Сарыг-Булун [Семенов, Килуновская, 1990, с. 43, рис. 4]. Этот памятник очень важен для уточнения внутренней хронологии алды-бельской культуры, так как состоит из двух стратиграфически взаимосвязанных комплексов с представительной коллекцией предметов, включающей в том числе и два стрелковых набора. Ранее стрелы из Сарыг-Булуна уже были рассмотрены при работе над классификацией наконечников, причем выяснено, что набор из могилы 3 кургана 1 соответствует ранней, а колчан из могилы 5 кургана 2 – поздней хронологической группе [Чугунов, 2000а, с. 215–220, рис. 1, IV; 2, Л]. Такое соотношение подтверждается и стратиграфией памятника. Надо отметить, что в наборе из могилы 5 присутствуют также два трехгранно-трехлопастных

наконечника, близких по типу экземпляру из могилы 3 Чинге-Тэя I. В раннем наборе стрел из могилы 3 Сарыг-Булуна такие стрелы отсутствуют, но есть черехгранно-двухлопастные формы [Семенов, Килуновская, 1990, с. 40, рис. 2, 28–30]. С ними вместе найдены четырехгранные втульчатые и зажимные наконечники. Последние отличаются от найденных в могиле 5 тем, что имеют трехлопастную головку. Показательно, что в этом колчане отсутствуют стрелы черешковой группы, представленные в более позднем наборе одним трехлопастным и одним трехгранно-трехлопастным экземпляром (см. *таблицу*).

Такое распределение стрел в колчанах стратиграфически взаимосвязанных комплексов курганов Сарыг-Булуна позволяет предположить, что этот памятник сформировался примерно в тот же промежуток времени, который разделяет постройку первичных захоронений в Аржане-2 и воинские могилы Чинге-Тэя I, устроенные в коридоре между стеной и кромлехом. Во всех перечисленных памятниках, помимо наконечников стрел, имеются и другие сопоставимые категории предметов, некоторые из них тождественны. Так, крупные янтарные бусы обнаружены в основном захоронении Аржана-2, в могиле 2 кургана 1 Сарыг-Булуна и во впускной могиле 2 Чинге-Тэя I. Аналогичны золотые серьги, зеркала, втульчатые чеканы с плоским обухом. Все это свидетельствует о сравнительно коротком временном интервале постройки всех этих объектов – вероятно, в пределах жизни одного поколения. Однако это же позволяет считать колчаные наборы важным инструментом для синхронизации комплексов, а также установить последовательность их археологизации на протяжении достаточно узкого промежутка времени. Более того, такая микрохронология помогает наметить линию внутреннего развития этой категории массового материала, что позволит в дальнейшем получить дробную хронологическую колонку для памятников алды-бельской культуры Тувы, а возможно, и соседних регионов.

Причины, по которым происходила трансформация стрелкового набора, вытекают из простой логики – стрелы, являясь расходным материалом воинов, должны были изменяться достаточно быстро. Какое-то время сохранялись старые типы наконечников, но наборы пополнялись новыми изделиями, в качестве образцов для которых могли, в числе прочих, использоваться

экземпляры, подобранные в далеких военных рейдах. Кратко линию развития этой категории оружия можно охарактеризовать как переход от формы, выработанной к концу эпохи поздней бронзы, через разнообразие раннескифского периода, отражающее становление культуры ранних кочевников, к новым стандартам, когда в каждом регионе была выработана унифицированная форма наконечника. Более основательные изменения происходили, очевидно, при значительных притоках нового населения.

В Туве в первой половине I тысячелетия такое происходило дважды – в VIII в. до н.э., когда стрелковый набор, состоящий из двухлопастных втульчатых стрел (Аржан-1), сменился набором с разнообразными наконечниками алды-бельской культуры, и в конце VI в. до н.э., когда колчаны наполняются достаточно стандартными черешковыми стрелами трехлопастных и трехгранных форм, характерных для уюкско-саглынской культуры. Первую смену стрелкового набора, которая произошла при формировании алды-бельской культуры, можно только констатировать, так как памятники этого времени пока уверенно не выявляются археологически. После постройки Аржана-1 в колчанах появилась черешковая группа наконечников, а двухлопастные втульчатые формы, вероятно, достаточно быстро сменились четырехгранными. Очевидно, присутствие в стрелковом наборе двухлопастных типов может служить маркером, позволяющим предполагать для такого комплекса дату не позже VII в. до н.э. [Чугунов, 2011, с. 310] Вторая смена набора стрел в колчанах фиксируется более определенно и хорошо документируется ранними комплексами уюкско-саглынской культуры. В них, при наличии значительного количества черешковых наконечников, выделяется небольшая в процентном отношении втульчатая группа, представленная трехгранно-трехлопастными и трехгранными типами стрел. Таким образом, алды-бельский набор стрел на раннем этапе развития культуры должен был включать двухлопастные втульчатые формы, а на позднем – трехлопастные и трехгранно-трехлопастные.

Для определения абсолютной хронологии памятников раннескифского времени азиатской зоны степей на сегодняшний день решающее значение имеют находки предметов конского снаряжения, в частности уздечных комплектов. Эти атрибуты имеют установленную и не вызы-

вающую серьезных возражений линию развития, обусловленную логикой совершенствования приспособлений для управления верховой лошастью [Чугунов, 2005]. В Аржане-2 найдены комплекты двух видов, дата которых едва ли выходит за пределы VII в. до н.э. Однако, поскольку некоторые могилы с колчанами не имеют четкой привязки к этапам строительства памятника и могут быть совершены позже конского захоронения и «кладов» в кромлехе, это хронологическое определение не может быть на них распространено.

В кромлехе Чинге-Тэя I также обнаружен ритуальный «клад», включающий чекан и набор фурнитуры конского снаряжения. Побывавшие в огне бронзовые предметы были помещены между вертикальных камней кромлеха на специально уложенную плитку (рис. 18). Уздечный комплект, обнаруженный здесь, состоит из удила со стремянными окончаниями и двудырчатого псалия (второй псалий сильно оплавлен). Этот наиболее ранний вариант пропускного вида сопряжения удила с псалиями должен датироваться не ранее начала VI в. до н.э. [Шульга, 1998, с. 35; Чугунов, 2005, с. 108]. Учитывая, что и здесь «клад» мог быть заложен в ограду значительно позднее ее постройки, эту датировку пока преждевременно переносить на весь комплекс еще не полностью исследованного памятника. Однако такое хронологическое определение очень вероятно для могил с колчанными наборами, включающими трехлопастные и трехгранно-трехлопастные втульчатые наконечники.

Таким образом, некоторые мужские погребения с наборами стрел в Аржане-2 могут синхронизироваться с захоронениями Чинге-Тэя I,



Рис. 18. Чинге-Тэй I. Ритуальный «клад» между плит кромлеха.

то есть датироваться началом VI в. до н.э. Обоснование такой даты для вторичного погребения в могиле 25 уже было сделано ранее [Чугунов, 2011, с. 330]. После находок в Чинге-Тэе I можно предположить, что комплекс могилы 26, не имеющий четкой стратиграфической привязки к этапам строительства Аржана-2, также близок ему по времени.

Определение диагностирующих признаков для колчанных наборов конца VII – начала VI в. до н.э. пока можно принять на уровне рабочего конструкта, позволяющего разделить комплексы на ранние и несколько более поздние, но продолжающие традиции предыдущего периода. Не исключено, что новые материалы внесут коррективы в эти построения, но едва ли они будут очень существенны. Во всяком случае, наблюдения за трансформацией типологического состава набора стрел, подкрепленные стратиграфией отдельных комплексов, сейчас позволяют считать эти признаки существенными. Обозначим их.

В колчанах конца VII в. до н.э. отсутствуют трехлопастные и трехгранно-трехлопастные наконечники втульчатой группы. У кочевников Тувы они появляются единично в составе стрелкового набора только в начале следующего столетия. Кроме того, в начале VI в. до н.э. наблюдается увеличение процента трехгранно-трехлопастных типов стрел в черешковой группе и головка наконечников чаще имеет сводчатую форму, чем в более ранний период. Группа стрел с зажимным насадом, вероятно, трансформируется сходным образом – от трехлопастных к трехгранно-трехлопастным. Не исключено, что ранним признаком для таких наконечников является треугольный и сводчатый абрис формы головки (подобный наконечникам из Усть-Хадыньга I и могилы 5 Аржана-2).

Возможно ли применение этих наблюдений при рассмотрении колчанных наборов из других регионов восточной зоны степей, должны показать специальные исследования. При этом в первую очередь нужно учитывать присутствие в колчанах всех трех групп этой категории вооружения и их процентное соотношение, которое обусловлено, вероятно, близостью или отдаленностью региона от мест происхождения и формирования каждой группы [Чугунов, 2000б]. Так, трехлопастные втульчатые наконечники, характерные для раннескифских памятников

Предкавказья и Причерноморья, довольно рано появляются в колчанах кочевников Южного Зауралья. На это, в частности, указывает уже упомянутый набор стрел из Кичигино [Таиров, Боталов, 2010, рис. 2]. Кстати, уникальные зажимные стрелы с четырехгранно-двухлопастной головкой из этого комплекса, возможно, являются прототипами для четырехгранных втульчатых наконечников из Чинге-Тэя I, которые имеют небольшие плоские нефункциональные «лапки» под центральным ребром. Если это так, то, помимо других аналогий из этого яркого памятника, связи Южного Зауралья и Тувы в раннескифское время получают дополнительные аргументы. Наиболее перспективно применить выявленные признаки к находкам в раннесакских комплексах Казахстана и Приаралья, где открыты наиболее близкие тувинским по компонентному составу наборы наконечников стрел.

Список литературы

- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Семенов Вл.А., Килуновская М.Е.** Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА. – Вып. 17. – М.: Наука, 1990. – С. 36–47.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.** Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. – М.: Таус, 2010. – С. 339–354.
- Чугунов К.В.** Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского. – СПб, 2000а. – С. 213–238.
- Чугунов К.В.** К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000б. – Вып. XI. – С. 165–168.
- Чугунов К.В.** Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 103–108.
- Чугунов К.В.** Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. – СПб: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2011. – С. 262–335.
- Шульга П.И.** Раннескифская упряжь VII – начала VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 25–49.
- Шульга П.И.** Синьцзян в VIII–III в. до н. э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. технич. ун-та, 2010. – 238 с.
- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A.** Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. – Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. – 330 S., 289 Abb., 153 Taf.

П.И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕЙ ОБИ И ГОРНОГО АЛТАЯ С СИНЬЦЗЯНОМ И СЕВЕРНЫМ КИТАЕМ В VIII–III ВЕКАХ ДО Н.Э.*

На восточной окраине степного пояса уже с эпохи бронзы устанавливаются меридиональные связи населения Северного Китая с соседствующими культурами Монголии, Забайкалья и более удаленной Минусинской котловины. На территории же Горного Алтая и верхней Оби свидетельства о контактах с древними народами, обитавшими на территории современного Китая, появляются сравнительно поздно. В раннескифское время они отмечены лишь в Машенке-1 и Чесноково-1. В рамках VII в. до н.э. датируется захоронение женщины из кургана майэмирской культуры Машенка-1 (р. Чарыш, Северо-Западный Алтай), у которой отмечено сходство с черепами северных китайцев [Тур, 1997, с. 137; Шульга, 2008а]. Каких-либо инокультурных черт в погребальном обряде и инвентаре там не обнаружено. Можно говорить лишь о факте проникновения на Алтай населения с территории современного Китая, масштабы и время которого нам не ясны. Более значимый материал получен также на р. Чарыш в могильнике первой половины VI в. до н.э. Чесноково-1, где зафиксированы ярусные захоронения людей и поминальников с костями и черепами животных [Шульга, 1998б]. Этот обряд наиболее близок захоронениям культур чауху и субэйси в Синьцзяне (Тянь-Шань), для которых характерны ярусные погребения людей [Шульга, 2010а, рис. 8–12, 34, 40, 55, 56]. Инвентарь из Чесноково-1 имеет некоторое своеобразие,

но считать его привнесенным из Синьцзяна или Северного Китая пока нет оснований.

Со второй половины VI в. до н.э. количество свидетельств опосредованных контактов с восточными областями в погребениях на Верхней Оби и в Горном Алтае существенно увеличивается. В раннепазырыкское время все они демонстрируют сходство только с кочевыми племенами Северного Китая. При этом на Верхней Оби оно проявляется в поясной фурнитуре, а в Горном Алтае – в погребальном обряде.

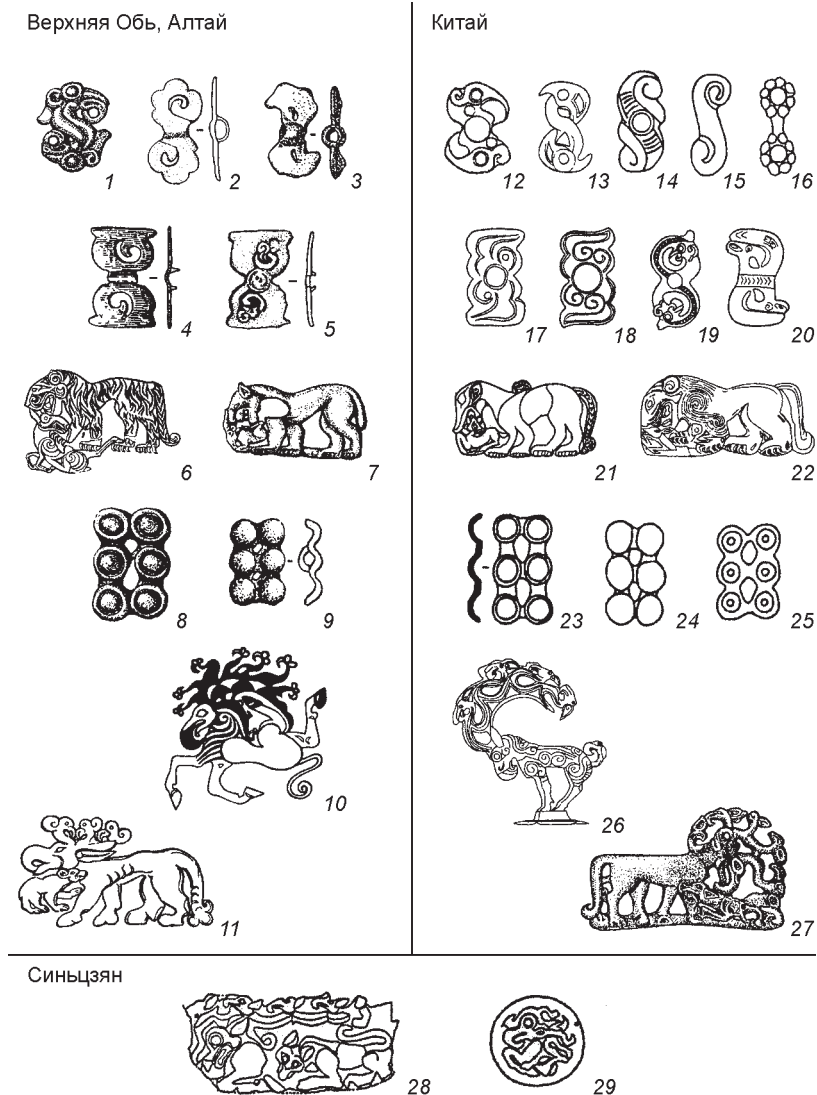
Верхняя Обь. В это время от верхней Оби до Северного Китая распространяются специфические изделия поясной фурнитур (бляшки бабочковидные, «шестисекционные», четырехлепестковые и в виде шагающего «тигра») (см. рисунок, 1–9, 12–25), а также помещенные на них образы орла (грифона). Логично было бы обнаружить их на промежуточных остепненных территориях в Синьцзяне и Горном Алтае. Однако там они почти не встречаются. Большинство подобных поясных деталей в западной части ареала обнаружено не в остепненной зоне, а в лесостепи и подтаежной зоне. В основном это бабочковидные бляшки. На верхней Оби рассматриваемые детали характерны для залеженных территорий староалейской культуры и северной части каменной культуры. Далее на запад и в сакском мире они не получили распространения. Исключением являются лишь бляшки из быстрианских погребений в предгорьях Алтая, а также поясная серебряная бабочковидная бляшка из элитного кургана № 1 каменной культуры в могильнике Бугры (раскопки К.В. Чугунова). Раскопки этого кургана не завершены, а потому датировка и обстоятельства попадания

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-00309а и Программы фундаментальных исследований РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

(из Северного Китая?) на Предалтайскую равнину данного изделия пока не ясны.

Наибольшая концентрация рассматриваемых поясных бляшек наблюдается на западной и восточной окраинах ареала – в Северном Китае (Ордос) и на верхней Оби. По мнению некоторых исследователей, это было связано с проникновением и миграциями на запад (в том числе в Приобье) населения из Северного Китая [Ковалёв, 1999, с. 80; Фролов, 2008, с. 166]. Однако на верхней Оби и в предгорьях Алтая нет никаких свидетельств прихода населения из Китая или Монголии. Во-первых, принципиально различаются погребальный обряд и инвентарь, за исключением деталей поясной фурнитуры и плоских подквадратных бус с угловым сверлением (см. рисунок). Во-вторых, в Приобье бабочковидные бляшки обнаружены в погребениях различных культур, находящихся, как правило, в залесенной зоне, не пригодной для жизни кочевников Северного Китая. В-третьих, по имеющимся данным, бабочковидные бляшки указанных типов в Приобье появляются не позже, а одновременно или даже раньше, чем в Северном Китае. Так, захоронения староалейской культуры (Обские Плесы-2; Староалейка-2), содержавшие бабочковидные и шестисекционные бляшки, не могут датироваться позже погребений с подобными бляшками в Ордосе и Ганьсу. Судя по керамике, не позже VI в. до н.э. датируются и литейные формы бабочковидных бляшек из быстрянско-го (?) поселения Гробница-3 на Чумыше [Симон, Ширин, 2006].

Согласно этим данным, бабочковидные бляшки едва ли распространились из Ордоса, как полагал Вл.А. Семёнов [Семёнов, 1997, с. 19]. В Северном Китае на могильнике Юйхуанмяо



Сравнительная таблица деталей поясной фурнитуры (1–9, 12–25) и копытных грифонов (10, 11, 26–29).

1–3 – Фирсово-14 (по: [Фролов, 1999]); 2 – Обские Плёсы-2 (по: [Ведянин, Кунгуров, 1996]); 4 – Березовка-1 (по: [Полторацкая, 1961]); 5 – Бурла (по: [Фролов, 2008]); 6 – Башадар-2 (по: [Руденко, 1960]); 7 – Бердск (по: [Фролов, 2008]); 8, 9 – Староалейка-2 (по: [Киришин, Кунгуров, 1996]); 10, 11 – Пазырык-2, Катанда (по: [Руденко, 1953, 1960]); 12–14, 17–20 – Ордос (по: [У Энь, 2007]); 21, 22 – Байялинь, Шихуйгоу (по: [Ковалёв, 1999]); 15, 16, 23–25 – Ганьсу (по: [Сиган и Чайвэнган..., 2004]); 26 – Налиньгаоту (по: [Ковалёв, 1999]); 27 – Северный Китай (по: [Богданов, 2006]); 28, 29 – Дунхэйгоу (по: [Шульга, 2010]).

(VII – середина VI в. до н.э.), исследованном неподалеку от г. Пекина, и в других памятниках этого времени имеются лишь S-видные обоймы без изображений орлов или грифонов. В Туве же S-видные обоймы и бляшки с изображениями «хвостатого» орла с гребнем (?) зафиксированы в достоверно раннескифском комплексе, датированном не позже первой половины VI в. до н.э. [Семёнов, 2001, рис. 2, 3, 4]. Очевидно, мы име-

ем дело с «модными» формами и образами в поясной фурнитуре, распространившимися в ходе опосредованных контактов на обширной территории от Оби до Хуанхэ. Интересно, что в западной части ареала от верхней Оби до Минусинской котловины и Тувы на бляшках, как правило, изображали стилизованные головки орлов (грифонов) (см. *рисунок, 1–3*), тогда как на востоке от Ордоса до Ангары преобладают хорошо узнаваемые или стилизованные изображения «хвостатых» грифонов (см. *рисунок, 17–20*).

Горный Алтай. Из анализируемой поясной фурнитуры в Горном Алтае известны всего лишь несколько бабочковидных бляшек (Себыстей). На других изделиях также нет соответствующих изображений разнонаправленных головок орлов (грифонов), образующих S-видную фигуру. Между тем общераспространенные образы шагающего кошачьего хищника были хорошо известны и на данной территории, например, изображения шагающих тигров на колоде из Башадара-2 и вырезанного из кожи рогатого тигра из Туэкты [Руденко, 1960, рис. 21, 87].

Несмотря на отсутствие в Горном Алтае указанных изделий, там обнаружены погребения коргантасского типа с черепами животных (Сибирка-1, Кер-Кечу, Кызыл-Таш и др.). Очевидно, они оставлены населением, проникавшим в середине VI–V вв. до н.э. с территории «восточной» общности (Забайкалье – Ордос). Как ни странно, но рассматриваемая поясная фурнитура в них также отсутствует, как и в других пазырыкских погребениях. На наш взгляд, погребения коргантасского типа в Туве и на Алтае оставлены потомками малочисленных групп ассимилированных мигрантов, сохранивших некоторые особенности в погребальном обряде и инвентаре. Видимо, поэтому все рассмотренные курганы отличаются от местных культур, но имеют с ними много общего. Наиболее ранние из них совершались примерно в одно время – в середине – второй половине VI в. до н.э., т. е. в период сложения культур скифского времени пазырыкской и уюкско-саглынской (см.: [Кубарев, Шульга, 2007; Шульга, 2010а, с. 20–23; Полторацкая, 1966; Кушакова, Чугунов, 2010]). По всем данным мигранты были выходцами из восточной тупиковой части степного пояса (Забайкалье, восточная часть Монголии, Северный Китай), где в I тыс. до н.э. существовала так называемая восточная историко-культурная общность [Шульга, 2010б].

Масштабы этих, фиксируемых антропологами [Чижишева, 2010, с. 37], миграций на запад по археологическим материалам были незначительны. Причины их не ясны. Возможно, миграции были связаны с процессами, приведшими к угасанию культуры плиточных могил в начале – середине V в. до н.э. на территории Забайкалья и Монголии [Цыбиктаров, 1998, с. 110–113].

Таким образом, по имеющимся данным, ранние погребения коргантасского типа на Алтае являются результатом миграций из «восточной» общности в первой половине VI в. до н.э. Осуществлялись они через Монголию и Туву. Умершие в коргантасских погребениях IV в. до н.э. из Центрального Казахстана могли быть потомками выходцев с Востока. Не исключено, что они также были мигрантами, но в этом случае исходным пунктом для них мог быть Северный Китай, поскольку в Забайкалье и Монголии в это время подобные погребения не зафиксированы. Теоретически путь их мог пролегать через Синьцзян (по Тянь-Шаню), однако никаких следов таких перемещений там пока не известно.

В позднепазырыкское время (IV–III вв. до н.э.) ситуация на верхней Оби и в Горном Алтае существенно меняется. Материалы из погребений доминирующей в Барнаульском и Новосибирском Приобье каменной культуры в основном демонстрируют связи с сакским миром и саргатской культурой, но на одном из крупнейших некрополей у с. Новотроицкое (на р. Чумыш) обнаружено два погребения с подвесками и личинами, имеющими аналоги в Туве, Монголии и Северном Китае [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 134–135, 170–171]. В пазырыкской культуре из этих изделий известны только колокольчиковидные подвески в кургане 1 Ак-Алахи-3, расположенном у границы с Монголией [Полосьмак, 2001, с. 74, рис. 45]. Эти, пусть и немногочисленные, находки демонстрируют сохранение опосредованных контактов населения верхней Оби с Тувой, а через них – с Монголией и Северным Китаем в обход Горного Алтая и Синьцзяна. Подчеркнем, что все вышеуказанные детали поясной фурнитуры VI–V вв. до н.э., а также подвески и личины IV–III вв. до н.э. имеют аналоги в материалах кочевнических культур на северных границах Древнего Китая, а также среди товаров, изготавливаемых китайцами специально для кочевников. Достоверные свидетельства связей с земледельческим Древним

Китаем на Алтае фиксируются только с конца IV в. до н.э. и почти исключительно в пазырыкской культуре. В этом отношении особо показательны и значимы материалы могильника Пазырык, функционировавшего около 50 лет [Марсадолов, 1985; Слюсаренко, 2010]. Однако вопрос о его датировке все еще обсуждается, а потому требует особого рассмотрения.

Датировка курганов позднепазырыкского этапа и больших курганов в урочище Пазырык. В целом пазырыкская культура существовала примерно с середины VI по III в. до н.э. включительно. Во II в. до н.э. захоронения по пазырыкскому обряду как будто уже не совершались, ведь даже в самых поздних пазырыкских курганах вещевые комплексы хуннского облика отсутствуют. После работ С.И. Руденко [1952, 1953, 1960] Пазырык, как правило, относили ко второй половине V в. до н.э. (см.: [Марсадолов, 1985, 2000; и др.]), но в последнее десятилетие сторонники поздней даты Пазырыка становятся все больше, и для этого есть веские основания. По имеющимся данным, китайский импорт из Пазырыка-5 датируется концом IV–III вв. до н.э. [Bunker, 1991, 1992; Лубо-Лесниченко, 1994; и др.], а, соответственно, курганы в Пазырыке начали возводить не ранее второй половины IV в. до н.э. Согласно проделанным на массовом материале радиоуглеродным анализам, Пазырык датирован еще более поздним временем – примерно 300–250 гг. до н.э. (см.: [Евразия..., 2005, с. 79–82, 215]). Особый интерес представляют исследования новосибирских ученых, создавших представительную дендрощкалу по курганам пазырыкской культуры Восточного Казахстана, Юго-Восточного Алтая и примыкающих территорий Монголии [Слюсаренко, 2000, 2010; и др.]. По данным И.Ю. Слюсаренко, почти все они были сооружены также примерно в течение 50 лет (около 326–275 гг. до н.э.) [Слюсаренко, 2010, с. 30]. Сопоставить эту дендрощкалу с Пазырыком пока не удается, но по особенностям звериного стиля и некоторым изделиям часть курганов Укока (Кутургунтас, Ак-Алаха-1, Верх-Кальджин-1) выглядят несколько более ранними, чем Пазырык-1, -2 [Полосьмак, 1994, с. 66; Марсадолов, 2002, с. 94; Кубарев, Шульга, 2007, с. 31]. По последним данным, указанные курганы Укока сооружались начиная примерно с 326 или 314 г. до н.э. [Слюсаренко, 2010, с. 30]. Если это так, то дата предположительно возводимых чуть

позже курганов Пазырыка будет близка определенной по радиоуглероду – 300–250 гг. до н.э. (см.: [Евразия..., 2005, с. 79–82, 215]). Несомненно, все эти данные могут существенно отличаться от реальных, но речь, по-видимому, будет идти уже о нескольких десятилетиях, а не столетиях.

Обратим внимание на одинаковое время функционирования вышеупомянутых могильников (40–50 лет), датируемых примерно в одних хронологических рамках – 326–275 гг. до н.э. [Слюсаренко, 2011, с. 30]. С большой долей уверенности можно полагать, что этот полувековой период указывает на имевшее место резкое увеличение населения пазырыкской культуры и максимальное расширение ее ареала. Вероятно, в это время были особо благоприятные климатические условия, позволившие заселить во второй половине IV в. до н.э. ранее почти не освоенные высокогорные пастбища на периферии. Думается, тому способствовали и какие-то этнополитические изменения, приведшие, в частности, к появлению торговых путей между Китаем и Алтаем. Начало этого расселения также совпадает со временем крушения Персидской державы и системы сложившихся отношений с сакским миром и Индией (330–325 гг. до н.э.).

Примерно к этому времени (326–275 гг. до н.э.) можно отнести и сооружение курганов в урочище Пазырык, расположенном также на окраине ареала культуры. Возведенные почти одновременно самые ранние курганы Пазырык-1, -2 демонстрируют только связи с сакским миром и Передней Азией, что, в частности, хорошо видно по одежде и инвентарю женщины-«жрицы» из Пазырыка-2, возможно, происходившей с юга Средней Азии*. В сооруженных позже курганах Пазырык-3, -4 представлены отсутствовавшие в курганах 1 и 2 орнаменты «глаза и треугольники» и «мотив оленьего рога», которые наиболее хорошо представлены в Синьцзяне. При этом в Пазырыке-3 уже зафиксированы изделия из шелковой ткани [Руденко, 1953, с. 370], а в Пазырыке-4 – кожаные изображения существ, очень напоминающих китайских драконов [Руденко, 1953, с. 204–206; Яценко, 1996, с. 156]. По поводу последовательности сооружения курганов 3 и 4

*По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко, две рубахи из Пазырыка-2 хлопчатобумажные, изготовленные на юге Древнего Китая, но приведенные им предварительные данные еще требуют подтверждения.

и внутренней хронологии в рамках могильника у специалистов нет единства (см.: [Марсадов, 1985, 2000, 2002; Слюсаренко, 2000, 2010, с. 20]), но их промежуточное положение сомнений не вызывает. В самом позднем кургане Пазырык-5 помимо шелка фигурируют изделия в китайском стиле и особая татуировка на правой руке женщины, которую С.И. Руденко даже назвал китайской принцессой [Руденко, 1953, с. 235; 1960, с. 236], полагая, что «...возможно, имели место и супружеские связи горноалтайской знати со знатью китайской» [Руденко, 1952, с. 87]. Авторы публикации по выявленным татуировкам из Пазырыка-5 отметили своеобразие татуировки у женщины на правой руке и не без оснований усматривают ближайшие аналогии в культурах Северного Китая и верховьев Янцзы IV–III вв. до н.э. [Баркова, Панкова, 2005, с. 57–58]. Вполне вероятно, что татуировка была нанесена на территории Китая. Несомненный интерес представляют фрагменты ковра со сценой борьбы (?) антропоморфного существа и птицы, оформленных в стиле, характерном для южно-китайского государства Чу, откуда, по оценкам некоторых специалистов, происходит весь китайский импорт, найденный в Пазырыке [см. Лубо-Лесниченко, 1994, с. 220–222, 229; Полосьмак, Баркова, 2005]. Помимо этого, в хронологически близком Пазырыке-6 найдены сбруйный роговой набор, лак и китайское зеркало типа цинь с Т-образными знаками. Как видим, во всех поздних курганах (3–6) могильника фиксируется не только импорт, но и влияние Древнего Китая, а в Пазырыке-5, возможно, была погребена женщина из Китая.

Причиной вышеуказанных различий между ранними курганами (1, 2) и поздними (3–6) могильника Пазырык, видимо, стало резкое нарушение традиционных связей с Передней Азией и югом Средней Азии в ходе кампании Александра Македонского. После падения Персидской империи, в 330–325 гг. были разрушены устоявшиеся торговые и политические отношения между сакским миром и народами северо-западной Индии, Передней Азии, юга Средней Азии. В результате «уменьшилось» количество переднеазиатских изделий в «поздних могилах Пазырыка» (курганы 3, 5, 6) и произошли подвижки многих народов, в том числе юэчжей, переместившихся с запада к границам Древнего Китая [Juliano, 1991, p. 28; Bunker, 1991, p. 22]. Об этом же писал С.В. Киселёв, полагавший, что походы Алек-

сандра Македонского привели к передвижениям сакских племен и нанесли «древней традиционной торговле... сокрушительный удар», после чего отправлявшееся ранее в Бактрию золото, не находя сбыта, стало оседать на Алтае [Киселёв, 1951, с. 358, 391]*.

Думается, курганы Пазырыка действительно демонстрируют произошедшую около 325–300 г. до н.э. резкую переориентацию торговых и культурных связей с Передней Азии на Китай. При этом активизируются связи с кочевниками Джунгарии (курганы 3, 4 пазырыцкого могильника). Очевидно, здесь мы фиксируем первые торговые пути, связавшие Древний Китай с Синьцзяном, Монголией, Тувой и Горным Алтаем. Резко сократившееся традиционное поступление престижных товаров через сакские племена, за короткое время (20–30 лет) было компенсировано поставками из Китая. Если принять последние данные по датировкам пазырыцких курганов Укока, Берели, Чуи и Монголии (около 326–275 гг. до н.э.), то близкие им во времени курганы 1, 2 Пазырыка были сооружены около 325–310 гг. до н.э., до полного развала торговых путей с югом Средней Азии или вскоре после этого. Курганы 5, 6 Пазырыка устраивались через 50 лет – около 280–270 гг. до н.э. Соответственно, к 300 г. до н.э. в Горный Алтай начинают поступать из Древнего Китая отсутствовавшие ранее шелк (курганы 3, 5 Пазырыка; Башадар-1, Катанда, Уландрык-1, Ак-Алаха-3) и лакированные изделия (в том числе в «рядовых» курганах 6, 7 Пазырыка). На завершающем этапе скифской эпохи появляются китайские изделия и в соседней Туве [Хаврин, 2009]. По имеющимся данным, примерно в это же время или чуть раньше фиксируется китайский импорт и в Синьцзяне.

Направления контактов и торговые пути.

Отметив все эти факты, мы не можем обойти уже неоднократно поднимавшийся вопрос о путях проникновения китайского импорта в Горный Алтай. Согласно исследованиям Е.И. Лубо-Лесниченко, «пазырыцкие находки свидетельствуют о том, что чуское государство было поставщиком таких предметов роскоши, как шелковые ткани, вышивки и бронзовые зеркала, которые по

*С.В. Киселёв относил Пазырык к гунно-сарматскому времени, хотя Первый Пазырыцкий курган датировал III в. до н.э., по-видимому, считая его следствием перемещения саков и юэчжей [Киселёв, 1951, с. 391].

Западному Меридиональному пути проникали далеко на север – в Минусинскую котловину и на Алтай» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 222]. Северной частью этого пути он считал трассу, позднее названную Кыргызским путем, который «от Турфана шел на север через Джунгарию в предгорья монгольского Алтая», откуда одно ответвление отходило к северо-западу через Тарбагатай в Горный Алтай, а далее путь пролегал «через Туву к Минусинской котловине» [Там же, с. 220, 265].

Действительно, если эти товары вывозились на север по западному меридиональному пути, проходившему, согласно Е.И. Лубо-Лесниченко, далеко к западу даже от государства Цинь, располагавшемуся в IV в. до н.э. в Ордосе и по р. Вэйхэ, то наиболее короткий путь на Алтай должен бы идти через Турфан и Джунгарию. Похожую точку зрения высказывала Э. Банкер [Bunker, 1991, р. 22; 1992, р. 104], считавшая, что контактировавшие с саками юэчжи в результате компании Александра Македонского продвинулись на восток к границам Китая и «возможно, были посредниками между Китаем и пазырыкскими племенами» [Bunker, 1991, р. 22]. Тот же путь, видимо, предполагал и С.И. Руденко, относивший пазырыкцев к юэчжам, обитавшим к западу от хунну [1960, с. 340]. Все эти предположения вполне логичны, учитывая расположение позднее проложенных ответвлений шелкового пути через Джунгарию, а также близость культур Синьцзяна и Горного Алтая в IV–III вв. до н.э., наиболее ярко проявившуюся в сходстве и даже идентичности одежды [Полосьмак, 1998; Полосьмак, Баркова, 2005]. Последние исследования дают основание полагать, что в IV–III вв. до н.э. на территории примыкающей к Алтаю Джунгарии обитали племена, близкие пазырыкцам в погребальной обрядности и в особенностях конского снаряжения [Шульга, 2010а, с. 19, 109]. Более того, на севере Джунгарии был исследован собственно пазырыкский курган с подхоронением лошади и стоящим к востоку балбалом [Варёнов, 1999]. Эти факты однозначно подтверждают наличие контактов между близкими в культурном отношении племенами Горного Алтая и Джунгарии*.

*Около 30 лет назад Йетмар даже допускал, что погребения Пазырыка, возможно, были «сооружены племенами, у которых были их зимние пастбища далеко на юге, на территории современного Китая» (цит. по: [Bunker, 1991, р. 22]). Такая схема перекочевки на сотни километров через места

Очевидно, что отмеченная выше близость культур Синьцзяна и Горного Алтая позволяет предполагать наличие между ними и Древним Китаем торгового пути, по которому поставлялись разнообразные товары, включая шелк, лаковые изделия и зеркала. Однако реальных доказательств существования такого пути в IV–III вв. до н.э. у нас пока нет. Мы лишь знаем, что возможно с конца (?) IV в. до н.э. в Синьцзяне (Цзяохэ Губэй) появляются шелковые ткани и лаковые изделия. Среди металлических изделий в Синьцзяне нет китайских зеркал, и лишь несколько предметов, могут предположительно рассматриваться как импорт из Китая. В захоронениях VIII–V вв. до н.э. достоверных импортных изделий из Древнего Китая в погребениях Синьцзяна автору вовсе не известно. Важно подчеркнуть, что на территории Синьцзяна в скифское время продолжают сохраняться местные культуры, а захоронения культур Северного Китая и даже Ганьсу там пока не зафиксированы. Последние исследования антропологов полностью совпадают с этими выводами [Чикишева, 2010, с.37; доклад Т.А. Чикишевой на Международном симпозиуме «Terra scythica» в августе 2011 г.], демонстрируя близость Синьцзяна (Тянь-Шань) с Казахстаном и Южной Сибирью и отсутствие заметных миграций в скифское время между Северным Китаем и Синьцзяном. Иными словами, до появления шелкового пути культуры Синьцзяна почти не контактировали не только с народами Северного Китая, но и примыкающей Ганьсу.

Значительно больше оснований предполагать активные культурные и торговые контакты между Древним Китаем и Горным Алтаем напрямую через Монголию, вдоль северо-восточных склонов Гобийского и Монгольского Алтая. В среде проживавших по этому пути племен, от Северного Китая до верхней Оби уже в VI–V вв. до н.э. распространяются рассмотренные выше детали поясной фурнитуры и образы грифонов (ушастых орлов) и кошачьих хищников (см. *рисунок*), а в IV в. до н.э. – своеобразных копытных грифонов

ми непроходимые горные перевалы у пазырыкцев существовать, конечно же, не могла. Курганы сооружались ими не на летниках, а на самых значимых для кочевников зимниках, каковыми и являлись окрестности Пазырыка. Сами же перекочевки с летника на зимник у пазырыкцев, как и у алтайцев в XVIII–XIX вв., обычно составляли всего несколько десятков километров в рамках одной долины и прилегающих высокогорных пастбищ.

(см. рисунок, 10, 11, 26, 27). Важно подчеркнуть, что из них в Синьцзяне встречено всего несколько изображений идущего кошачьего хищника, а найденные в Дунхэйгоу (Хами) копытные грифоны и сцены терзания с их участием (см. рисунок, 28, 29) имеют принципиальные отличия от известных в Северном Китае, Монголии, Забайкалье, Туве и Горном Алтае, сходство которых уже неоднократно отмечалось [Bunker, 1992; Ковалёв, 1999]. Как бы не решался вопрос о происхождении данных образов, но очевидно, что они передавались с запада на восток (или наоборот) не через культуры Синьцзяна, а через Монголию и Туву. Через Монголию попадают в Туву и Горный Алтай и мигранты, оставившие погребения коргантасского типа (середина VI – V в. до н.э.) с черепами животных в изголовье умерших (см.: [Кубарев, Шульга, 2007; Шульга, 2010а; Полторацкая, 1966; Кушакова, Чугунов, 2010]). В Синьцзяне же этот обряд пока не зафиксирован. Приведенные факты указывают на миграции и длительные опосредованные контакты через Монголию между культурами Алтая и «восточной» общности, занимавшей пространства от Хуанхэ до Забайкалья. Перемещения населения с востока в Туву зафиксированы и на антропологическом материале Т.А. Чикишевой в Туве для периодов перехода к скифскому и гунно-сарматскому времени, когда «восточный импульс принес в антропологический состав ранних кочевников Тувы компонент с морфологическим комплексом дальневосточной расы, основным у населения Северного Китая» [Чикишева, 2010, с. 38]*.

В пользу существования прямого пути от Ордоса на Алтай говорит и свидетельство о наличии специализированных мастерских по изготовлению зеркал с Т-образными знаками и других изделий неподалеку от Пекина (Bunker, 1991), рассчитанных на торговлю с северными

кочевниками. Е.И. Лубо-Лесниченко почему-то не упоминает в тексте этой работы Э. Банкер (хотя в списке литературы она имеется), справедливо полагавшей, что северные государства Китая, подобно полисам Греции и государствам юга Средней Азии, обеспечивали северных кочевников предметами роскоши, в том числе зеркалами. Интересно, что почти все зеркала (в том числе и зеркала-погремушки) в погребениях связанной с сакским миром каменной культуры V–IV (III?) вв. до н.э. (верхняя Обь) поставлялись с юга Средней Азии. В Горном Алтае найдено лишь одно зеркало-погремушка в кургане 2 Пазырыка. Остальные зеркала там местной работы или производились в Китае (три экземпляра с Т-образным знаком, включая найденное в Яломане-2; возможно, подпрямоугольная пластина из кургана 1 Ак-Алахи-3). Еще один обломок зеркала с Т-образным знаком был найден в пойменном правобережье Оби на Фирсово-14 в поселенческом (?) слое, перекрывавшем староалейский могильник (см.: [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 220; Фролов, 2008, рис. 136, 9; Тишкин, Серёгин, 2011, с. 96]). Фрагменты еще двух таких зеркал найдены в Минусинской котловине и в Туве [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 220; Хаврин, 2009, с. 342, рис. 1, 6]. Как видим, места находок китайских зеркал соответствуют и другим археологическим данным, маркируя направления основных торговых путей из Древнего Китая.

Столь быстрая переориентация Горного Алтая на импорт из расположенных в 2 200–2 400 км ближайших государств Китая был бы невозможен без встречного импульса. Кризис торговли по традиционному меридиональному пути через Среднюю Азию и Казахстан совпал с политической, военной и торговой активизацией в IV–III вв. до н.э. северокитайских государств, тесно взаимодействовавших с кочевым миром и перенимавших тактику и приемы войны конными отрядами. Особенно в этом преуспело Цинь, захватившее в конце IV – III в. до н.э. ряд «коммерческих» городов в государствах Хань, Вэй и Чжао. При этом Цинь, по всей видимости, аккумулировало у себя товары из Чу и других государств для торговли с кочевниками [Juliano, 1991, p. 27].

Итак, в раннескифское время контакты с культурами на территории современного Китая ограничивались небольшими миграциями из Синьцзяна в предгорья Горного Алтая. Несмотря на самобытность культур Синьцзяна VIII–III вв. до н.э.,

*Следует отметить также мнение о «перемещениях групп населения (“лоуфаней”?) из Ордоса на Саяно-Алтай в IV в. до н.э.», последующем «пазырыкском влиянии» и «сложении в скифское время определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая» [Ковалёв, 1999, с. 80, 81]. Согласно же предположению С.А. Яценко, Ордос мог быть «исходным районом обитания предков пазырыкцев», что и обусловило знакомство пазырыкцев с китайской мифологией и искусством [Яценко, 1996, с. 157]. Едва ли эти миграции имели место, но очевидно, что авторы таким образом пытались объяснить сходство культур Северного Китая и Горного Алтая.

вооружение, украшения, а также снаряжение лошади и воина в основных чертах соответствовали известным на Саяно-Алтае и в Казахстане, но принципиально отличались от Северного Китая. Особенно близкое сходство прослеживается между Джунгарией и Горным Алтаем в IV–III вв. до н.э. Связи с Северным Китаем фиксируются с середины VI в. до н.э. первоначально по распространению специфичной поясной фурнитуры и образов (орел, тигр) и погребениям коргантасского типа на Алтае, а затем – по распространению образов копытных грифонов (IV–III вв. до н.э.). Достоверный китайский импорт и заметное культурное влияние Китая фиксируются на Алтае в конце IV – начале III в. до н.э., что было обусловлено, с одной стороны, разрушением традиционного торгового пути с Передней Азией и югом Средней Азии, а с другой стороны, политической и торговой активизацией северокитайских государств. По имеющимся данным, торговля и контакты между Алтаем и Древним Китаем осуществлялись по двум путям. Первый, наиболее ранний, видимо, пролегал по направлению традиционных связей от Ордоса, вдоль северных предгорий Гобийского и Монгольского Алтая, до легко проходимого хребта Сайлюгем. Там путь раздваивался: один шел через Укок и по р. Бухтарма в степи Восточного Казахстана, другой – по Чуе в глубь Горного Алтая. От него же отходили ответвления на Туву и далее в Минусинскую котловину. Именно поэтому дорогой шелк мог оказаться на окраинах пазырыкской культуры в малом кургане Уландрыка, среднем кургане Ак-Алахи-3 (Укок) и в Пазырыке. Все они располагались на торговом пути или поблизости от него. Возможно, этим же путем из Северного Китая через Укок и Бухтарму (Восточный Казахстан) попадают в царские курганы могильника Бугры лаковые изделия и серебряная поясная бабочковидная бляшка. Второй путь через Синьцзян, очевидно, сформировался сравнительно поздно (не ранее конца IV в. до н.э.) и предназначался прежде всего для торговли. Возможно, он проходил от Турфана по маршруту появившегося позднее Кыргызского пути через Джунгарию, где проживало близкое пазырыкцам население, а в северной части Джунгарии раздваивался на Монголию и Восточный Казахстан. Товары таким путем также могли попасть как в Горный Алтай, так и на предгорную равнину.

Список литературы

- Баркова Л.Л., Панкова С.В.** Татуировки на мумиях из Больших пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 48–59.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- Варёнов А.В.** Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 26–30.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.** Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плёсы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 88–114.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология.** – СПб: Теза, 2005. – 290 с., 173 ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.** Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 115–134.
- Киселёв С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Ковалёв А.А.** О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 75–82.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.** Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 282 с.
- Кушакова Н.А., Чугунов К.В.** Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 148–156.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Китай на Шелковом пути: (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 326 с.: ил.
- Марсадилов Л.С.** Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.
- Марсадилов Л.С.** Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. – СПб., 2000. – 57 с.
- Марсадилов Л.С.** Еще раз о последовательности сооружения пазырыкских и бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 93–103.
- Полосьмак Н.В.** «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 337–343.

- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФО-ЛИО-пресс, 2001. – 336 с.: ил.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.: ил.
- Полторацкая В.Н.** Могильник Березовка-I // АСГЭ. – 1961. – Вып. 3. – С. 74–88.
- Полторацкая В.Н.** Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С.А. Теплоухова // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 78–102.
- Руденко С.И.** Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 268 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.: ил.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.: ил.
- Семёнов В.А.** Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). – СПб.: ИИМХ РАН, 1997. – 48 с.: ил.
- Семёнов В.С.** Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. – СПб.: Филол. факультет СПб. гос. ун-та, 2001. – С. 167–172.
- Симонов Д.А., Ширин Ю.В.** Бронзолитейная мастерская быстрянской культуры на р. Чумыш // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. 3/4. – С. 122–136.
- Слюсаренко И.Ю.** Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.
- Слюсаренко И.Ю.** Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 34 с.
- Тишкин А.А., Серёгин Н.Н.** Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.: ил.
- Тур С.С.** Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – С. 136–147.
- У Энь (Уэнь юэсыту).** Бэнфан цаюань Каотусюэ вэньхуа Яньцзю: цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай (Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века) – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. – 386 с. (на кит. яз.).
- Фролов Я.В.** Некоторые проблемы в изучении памятников, датированных VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 211–219.
- Фролов Я.В.** Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.: ил.
- Хаврин С.В.** Китайские импорты в материалах могильника Догээ-Баары-II // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 342–344.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. 1998. – 288 с.: ил.
- Чикишева Т.А.** Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 50 с.
- Шульга П.И.** Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. – Т. 4. – С. 379–385.
- Шульга П.И.** Раннескифская упряжь VII – начала VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998б. – С. 25–49.
- Шульга П.И.** Синьцзян в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2010а. – 238 с.
- Шульга П.И.** О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010б. – С. 135–140.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.** Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.
- Яценко С.А.** Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1996. – С. 154–158.
- Bunker E.C.** The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Source: Notes in the History of Art. – 1991. – Vol. X, N 4. – P. 20–24.
- Bunker E.C.** Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. // Bull. of the Asia Institute. New Ser. – 1992. – Vol. 6. – P. 99–115.
- Juliano A.L.** The Warring States period – the state of Qin, Yan, Chu, and Pazyryk: a historical footnote // Source: Notes in the History of Art. – 1991. – Vol. X, N 4. – P. 25–29.

Л.Т. Яблонский
Институт археологии РАН
Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ НОВЕЙШИХ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1

1. Введение

Для поиска истоков раннесарматской культуры Южного Приуралья огромное значение имеют материалы 1-го Филипповского курганного могильника. Этот замечательный памятник расположен на возвышенном участке равнины урало-илекского водораздела, Илекский р-н Оренбургской области (рис. 1). Могильник насчитывал 29 курганов различной величины (рис. 2). Первое сообщение о памятнике относится к концу XIX в., когда есаул Юдин, совершая поездку по служебным делам из Оренбурга в станицу Илекскую, собрал сведения у жителей левобережных уральских станиц о древних курганах. В результате ему стало известно о группе больших курганов у станицы Филипповской [Юдин, 1898; Мещеряков, 2008].

В 1986–1990 гг. на памятнике проводились археологические раскопки экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН, возглавляемой А.Х. Пшеничнюком. Результаты оказались впечатляющими: раскопано 17 курганов, включая «царский» курган № 1, который дал ставшую всемирно известной коллекцию находок, выполненных из драгоценных металлов, в том числе 26 фигур золотых оленей, находившихся в специальных тайниках [Пшеничнюк, 1989; 1999; 2001а, б]. После 1990 г. исследования на могильнике прекратились и курганы стали подвергаться постоянным ограблениям, в том числе с использованием землеройной техники. В 2004 г. работы на памятнике с благословения А.Х. Пшеничнюка продолжила Приуральская экспедиция Института археологии РАН под руководством Л.Т. Яблонского (зам. начальника – Д.В. Мещеряков, Оренбург). Экспедицией было

исследовано еще 12 курганов, включая «царский» (№ 4) высотой более 8 м и диаметром свыше 80 м. Таким образом, могильник был исследован полностью.

Археологи с нетерпением ждут выхода в свет монографического издания, посвященного ре-

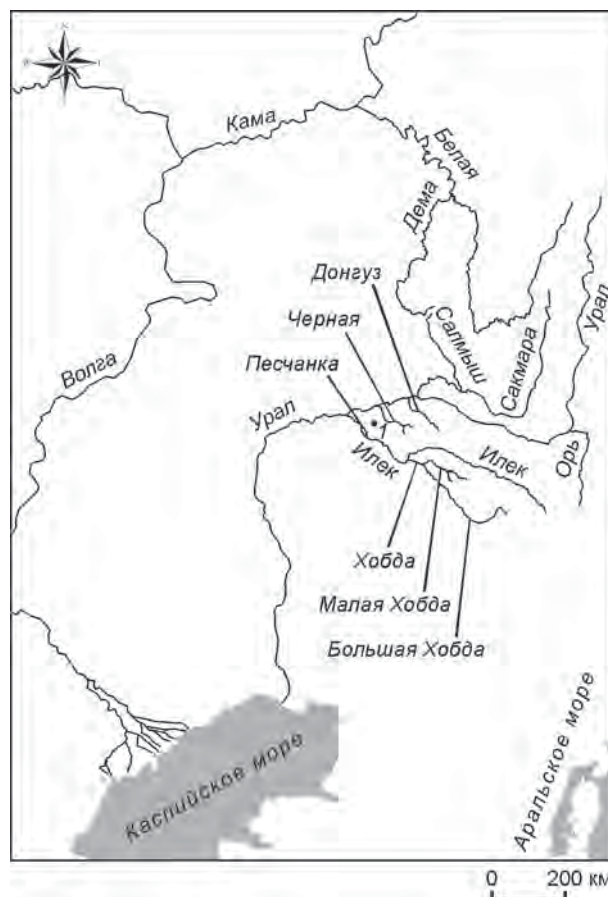


Рис. 1. Местонахождение могильника Филипповка 1 (1).

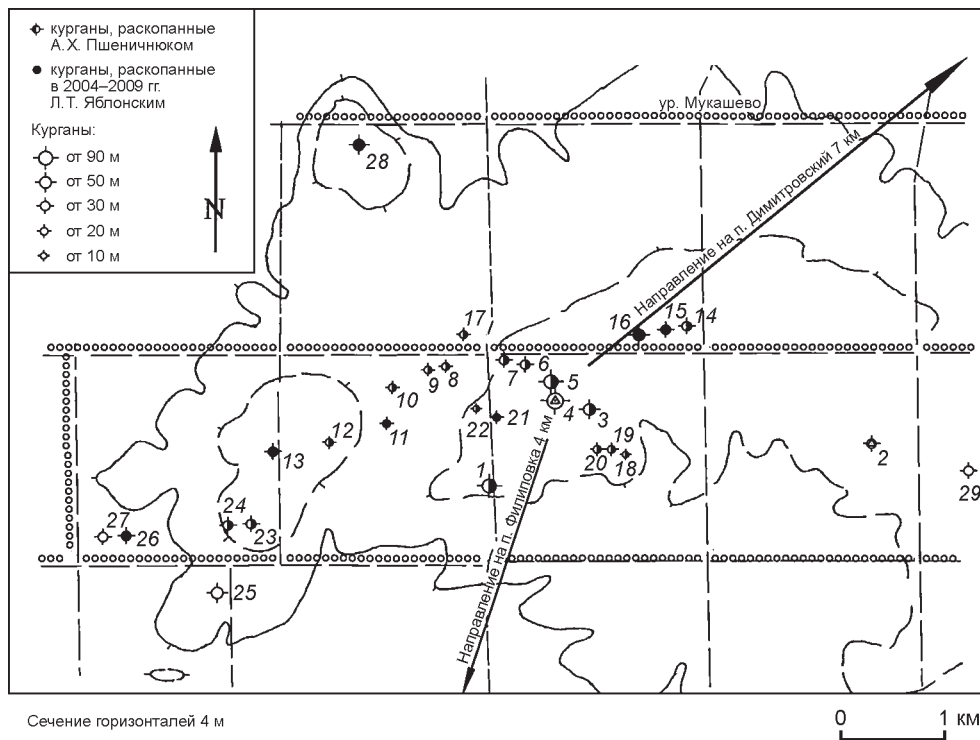


Рис. 2. Топографический план могильника Филиповка 1, инструментальная съемка 2004 г.

зультатам первого этапа раскопок Филиповки. Настоящая статья основана на материалах только новейших раскопок памятника.

2. Новые данные об этнографических особенностях погребального обряда

Если характеризовать филипповский могильник одним словом, то самым подходящим будет слово «уникальный». Два кургана в нем (они

располагались в центре памятника) достигали огромных размеров – около 80 м в диаметре и свыше 8 м в высоту (рис. 3). Они содержали сокровища, которые – с учетом размеров насыпей – позволяют по традиции, сложившейся в скифологии, называть их царскими. Да и остальные – «рядовые» – курганы содержали погребения с совсем не рядовыми находками. Не вызывает сомнений, что могильник оставлен привилегированной группой ранних кочевников Южного Приуралья. Именно это обстоятельство обусловило, очевидно, и некоторую специфику погребального обряда данной группы. Обращает на себя внимание, прежде всего, доля захоронений, совершенных в больших ямах с дромосами. Такие захоронения хорошо известны в степях Евразии позднесарматского и раннесарматского времени [Яблонский, 1998, 2011], но в других могильниках они единичны или немногочис-



Рис. 3. Могильник Филиповка 1, курган 4. Съемка 2004 г. (до ограбления). Фото А. Мирзаханова.

ленны [Мошкова и др., 2011]. В Филипповке раскопок 2004–2008 гг. их 100 %. Встречались такие погребения здесь и ранее.

Очень важно понять, что скрывается за уникальностью признаков погребального обряда Филипповки – этническое или же социальное своеобразие группы людей, оставивших могильник? И, в зависимости от решения этого вопроса, ставить другой – можно ли рассматривать Филипповку в качестве опорного памятника, относящегося к начальным стадиям раннесарматской культуры Южного Приуралья, или же отводить ему (во всех проявлениях) особое, несравнимое место в общей системе культур ранних кочевников Евразии [Мошкова, 1998, с. 94, 95]. Для ответа на эти вопросы нужно, в первую очередь, рассмотреть те признаки обряда, которые иногда встречаются в стадильно синхронных могильниках региона.

2.1. Дом мертвых

В царском кургане № 4 центральная гробница была сделана в большой яме площадью около 84 м² и глубиной 2,5 м. От нее отходил коридорообразный наклонный вход-дромос с имитацией ряда столбов вдоль бортов*.

В центре ямы располагался глинобитный очаг-жертвенник, размерами 90×105 см (рис. 4). Углы очага располагались строго по сторонам света. На поверхности очага действительно разводили огонь в ходе погребального ритуала**.

Напомним, что в одном из курганов урало-казахстанских степей квадратный очаг-жертвенник со стенками, ориентированными строго по сторонам света, был датирован сопутствующими находками в пределах VI–V вв. до н.э. [Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 59–60, рис. 2].

Вокруг очага в кургане 4 Филипповки лежали подношения – вещи из золота, многоцветная

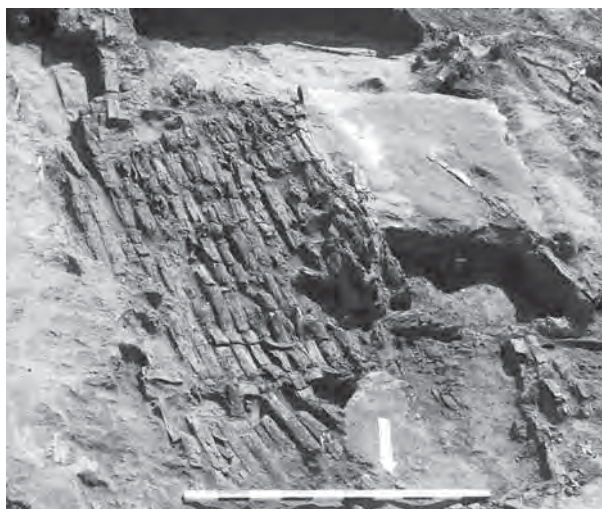


Рис. 4. Могильник Филипповка 1, курган 4, погребение 5: глинобитный очаг и остатки внутреннего перекрытия могилы в ее центральной части. Фото Л.Т. Яблонского.

стеклянная чашечка, бронзовые слитки и др. Особое место занимает чудом сохранившаяся деревянная кибить лука скифского типа со стрелами. Подношения у очага были зафиксированы и в наземном коллективном захоронении кургана 15 могильника, а также в кургане 13.

Погребенные в кургане 4 находились в деревянных гробах с крышками. Углы гробов были скреплены широкими парными бронзовыми скобами, прибитыми массивными бронзовыми гвоздями. Такие гробовины были встречены в сарматской археологии впервые. Любопытно, что некоторые из этих гробовин были аккуратно накрыты крышками, но оказались пустыми.

Камера была перекрыта слоями бревен, которые образовывали имитацию шатровой конструкции, а непосредственно над погребенными внутри погребальной камеры был сооружен легкий паланкин из тонких деревянных плашек (рис. 4).

Таким образом, погребальная камера моделировала дом-полуземлянку со стенами, входом, очагом, крышей и обитателями. Подпрямоугольные в плане полуземлянки с длинными коридорообразными входами-дромосами известны в евразийских степях еще с эпохи поздней бронзы, например, в памятниках тазабагьябской культуры Южного Приуралья [Итина, 1977].

В Зауралье традиционная планировка подпрямоугольных в плане помещений с длинными коридорообразными входами и центральными очагами еще сохраняется в саргатской культуре, но

*Замечу, что в кургане 16 южная часть дромоса бала дополнительно ограничена, очевидно, плетнем или его имитацией, от которого сохранились ряды ямок от вертикальных кольев.

**Аналогичные очаги фиксировались также в погребальных камерах курганов 11, 13 и 15. Было установлено, что в кургане 11 на поверхности очага огонь разводили неоднократно. В кургане 15 все погребенные и очаг находились на поверхности погребенной почвы. Не исключено, что очаги были и в других курганах, но были уничтожены при ограблении могил с помощью экскаватора (курганы 16, 25, 26, 28).

там такие дома выполнены в виде наземных срубов [Koryukova, Epimakhov, 2006, fig. 8, 14, 15].

Все данные указывают на то, что сооружение каждого кургана в Филипповке занимало достаточно протяженный отрезок времени, измеряющийся по меньшей мере годами. И весьма длительное время проходило между сооружением центральных могильных ям и возведением насыпи. В этот период гробницы с перекрытиями оставались открытыми, и там могли совершаться какие-то ритуальные действия.

Можно предполагать, что филипповские сооружения несли двойную функцию – не только места захоронения, но и роль своеобразных храмов-святилищ, объектов поклонения и обрядово-ритуальных действий, проводившихся здесь на протяжении длительного периода (десятилетий) уже после того, как захоронения в «дом мертвых» по тем или иным причинам прекращались. Некоторые жертвенные комплексы, найденные у подножия курганов, могут датироваться даже концом IV в. до н.э. [Канторович, Яблонский, 2009].

2.2 Подземные ходы в гробницы

К числу таких ритуальных действий относилось и сооружение подземных ходов, которые вели из-за пределов насыпи к центральным гробницам. Такие подземные ходы были найдены и при раскопках А.Х. Пшеничнока, и в наших раскопках. Так, в кургане 1, в площади подземных коридоров было найдено четыре бронзовых котла, железные гвозди. В свое время А.Х. Пшеничнюк предполагал, что эти ходы являются грабительскими лазами, сделанными вскоре после совершения захоронений. Так, в описании кургана 1 он отмечает, что «через подземные ходы грабители пробрались вскоре после совершения захоронения, когда камера была еще полон» [2001б, с. 28]. Он отметил, что грабители кургана знали глубину погребальной камеры, а пожар в ней (имеется в виду сгоревшее деревянное перекрытие) произошел именно во время ограбления.

Коридорообразные входы в могильные ямы, в которых находили скелеты лошадей, известны по раскопкам скифских курганов IV в. до н.э. Северного Причерноморья. Ю.В. Болтрик [2000, с. 129, рис. 1, 2] полагает, что эти коридоры сооружались одновременно с погребальными камерами.

Курганы с подземными ходами исследовались также в Бесшатырском могильнике (V–IV вв.

до н.э.) в Семиречье, Казахстан [Акишев, Кушаев, 1963, рис. 49]. К.А. Акишев предполагал, что эти ходы не связаны с ограблением, имеют ритуальный характер и являются конструктивной особенностью курганов [Там же, с. 62].

Таким образом, по поводу назначения подземных ходов в науке высказывались разные мнения.

В Филипповке два подземных хода длиной 15 и 18 м при глубине 2,5–3,0 м были зафиксированы, например, в кургане 13. На полу одного из этих подземных ходов были найдены вещи, в том числе железный меч и голова человека, от которой остался череп в сочленении с нижней челюстью, атлантом и первыми шейными позвонками. Эти находки позволили нам в свое время предположить, что ходы не были оставлены древними грабителями, а имели ритуальное назначение и составляли часть погребального обряда [Яблонский, Мещеряков, 2006]. Эти предположения нашли подтверждение при раскопках кургана 28. Здесь на полу подземного хода, в его середине было найдено захоронение молодого воина в сопровождении железного меча-акинака и бронзовых наконечников стрел. При нем была найдена также костяная ложечка и роговые нашивки на головной убор, выполненные в зверином стиле.

С целью ограбления современники погребенных могли в принципе легко воспользоваться дромосами. Но ни разу не было зафиксировано проникновение в погребальную камеру именно через дромос. С риском для жизни* соплеменники умерших рыли длинные подземные ходы под возведенными уже насыпями, чтобы проникнуть в камеру, но не для того, чтобы взять оттуда что-нибудь, а, напротив, чтобы принести туда жертвенные предметы. Это могла быть человеческая голова, куски конины, железный меч, железный пластинчатый доспех (в кургане 28 такой доспех был оставлен на пороге дромоса, у входа в погребальную камеру). Полагаю, что бронзовые котлы в кургане 1 тоже не были забыты грабителями, как думает А.Х. Пшеничнюк, а составляли комплекс подношений мертвым со стороны их близких. Можно отметить в связи с этим, что крупные

*Материковые пласты в районе Филипповского могильника представлены рыхлыми супесчаными почвами, переслоенными плотными суглинками. Во время раскопок подземных ходов, которые мы вынуждены были из соображений безопасности, вести открытым способом, стенки ходов все же часто обрушивались.

обломки бронзовых котлов мы находили в полах насыпей курганов 11, 26 и 16. Массивная бронзовая жаровня была помещена на край погребальной камеры кургана 11. По-видимому, именно бронзовые котлы или их обломки часто служили предметами ритуальных подношений.

Можно предположить, что для принесения подношений соплеменники принципиально не использовали дромос – дорогу, предназначенную только для мертвых, а прокладывали в погребальную камеру новые пути, специально для проникновения туда и совершения обрядовых действий живыми.

2.3 Человеческие жертвоприношения

На костях юноши из подземного хода кургана 28 не были обнаружены следы травм. Но это еще не значит, что мы должны в этом случае исключить предположение о жертвенном предназначении погребенного – следы убийства далеко не всегда остаются на костях жертвы (например, удушение жертв, известное по текстам Геродота).

Надо сказать, что ранее в кургане 1 могильника Прохоровка (IV–III вв. до н.э.) были исследованы два необычных захоронения, расположенные к северу от основной могильной ямы (№ 1). В отличие от остальных периферийных, длинные оси этих ям были ориентированы, как и центральная, строго меридионально. В могиле № 6 пожилая женщина лежала лицом вниз так, что голова ее находилась на дне центральной части подбойной ниши, а стопы ног – выше ступеньки подбоя. Так, будто она была сброшена в яму вниз головой. В могиле № 7 погребенная (молодая женщина) лежала в полуразворот на живот, лицом вниз. Левая рука была согнута в локте так, что она прикрывала предплечьем голову. Прослежено, что позже входная яма была вскрыта узкой траншеей, в которую было уложено три конских головы и одна коровья [Яблонский, 2010]. Не исключено, что оба описанных захоронения имеют жертвенный характер.

В центральном захоронении кургана 4 Филипповки скелет молодого мужчины лежал у очага вне гробовины и без сопровождающих вещей. Его череп был рассечен мечом. Судя по стратиграфическим данным, скелет археологически синхронен остальным погребенным (его перекрывали плашки паланкина). Либо это убитый соратниками древний грабитель (не поделили зо-

лото), либо (скорее всего) – человеческая жертва, принесенная в ходе погребального ритуала еще до сооружения насыпи кургана.

В связи с этим предположением заметим, что в погребальной камере кургана 16 Филипповского могильника, в ее северной стенке, строго напротив входа-дромоса располагалась цилиндрическая ниша, открытая со стороны погребальной камеры. На дне ее были расчищены кости задней части лошади, а поверх лошадиных костей – скелет, оставшийся от мужчины, который был установлен в вертикальном положении на конский круп. Вероятнее всего, что в данном случае мы также имеем дело со своеобразным жертвоприношением человека и животного.

2.4 Жертвоприношения животных

О том, что лошади в погребальном обряде Филипповки являлись объектом жертвоприношений, ярко свидетельствует ситуация в центральном погребении кургана 4, где у входа в дромос были расчищены скелеты трех лошадей, которые лежали в ряд мордами в сторону очага. У южного подножия кургана 4 были выложены в ряд конские головы (7 шт.), мордами в сторону насыпи. Традиция жертвенного приношения кусков лошадиного мяса и конских голов прослеживается, в частности, в относительно более позднем могильнике у д. Прохоровка [Яблонский и др., 2004; Яблонский, 2010], а также известна по раскопкам кургана 1 савроматской эпохи в могильнике Покровка 2 в левобережье Илека [Веддер и др., 1993, рис. 21].

2.5. Тризны

В иных случаях лошадей использовали как жертвенное мясо во время тризн, которые происходили у подножия курганов, на поверхности древнего горизонта, чаще всего у южного сектора насыпи. Во многих случаях отдельные кости иногда находились в правильных анатомических сочленениях и располагались скоплениями. Такие картины заставляют вспомнить о том, что античные авторы называли сарматов гипофагами, т.е. конеедами.

2.6. Предметные жертвоприношения

Жертвенные предметы находили в Филипповке не только у очагов, внутри погребальных ка-

мер и подземных ходов, рядом с бортами коллективных гробниц, но и полах насыпей курганов, куда отдельные вещи или их комплексы были прикопаны. Так, крупные обломки бронзовых котлов были найдены в полах насыпей курганов 11, 26 и 16 Филипповки. В кургане 4 жертвенный комплекс, который включал несколько богато украшенных в зверином стиле уздечек и крупную хищную птицу (все объекты были предварительно завернуты в медвежью шкуру) был прикопан в южную полу насыпи [Яблонский, Рукавишников, 2008]. В могилы в качестве приношений клали золотые серьги, которые в таких случаях лежали в кучке у борта могильной ямы.

3. Специфика труположений

В Филипповке уже прослеживается планировка погребений, которая станет обычной в памятниках раннесарматской (прохоровской) культуры. Вокруг центрального погребения располагались дополнительные захоронения, расположенные у краев насыпи кургана. Такая ситуация, в частности, была зафиксирована в курганах 15, 16, 29, 2 и 4 Филипповского могильника. Если центральные захоронения представляли собой «дома мертвых», то боковые были обычно индивидуальными, их производили в широкопрямоугольных могильных ямах, часто с деревянными перекрытиями.

В некоторых из таких ям было зафиксировано диагональное расположение скелетов – обычай, который непрерывно сохраняется в Волго-Уральском регионе в раннесарматскую эпоху и доживает здесь до среднесарматского времени [Мошкова, 2004]. По одному погребению в курганах 15 и 29 было совершено в подбоях. Другие были сделаны в могильных ямах с заплечиками вдоль длинных бортов ям и деревянными перекрытиями.

Длинные оси могильных ям дополнительных захоронений были всегда направлены параллельно краю насыпи кургана в данном секторе, но погребенные были всегда ориентированы в южный сектор (обычай, характерный для раннесарматского населения Волго-Уральского региона, который распространился здесь в постсарматское время).

3.1. Супруги или вождь с наложницей ?

Одно дополнительное захоронение в кургане 4 оказалось парным одновременным. Оно было совершено в широкопрямоугольной яме с заплечиками и деревянным бревенчатым перекрытием. Здесь были похоронены молодые мужчина и женщина. Оба в сопровождении литых золотых шейных гривен и литых золотых браслетов (рис. 5–7).

При мужском скелете были расчищены железный меч-акинак и бронзовые наконечники стрел. У женщины между берцовыми костями нахо-



Рис. 5. Золотая гривна (женская) из погребения 4 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото А. Мирзаханова.



Рис. 6. Золотой браслет (мужской) из погребения 4 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото А. Мирзаханова.



◀ *Рис. 7.* Золотой браслет (женский) из погребения 4 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото А. Мирзаханова.

▼ *Рис. 8.* Нашивки на женский плащ из погребения 4 кургана 4 могильника Филипповка 1 in situ. Фото Л.Т. Яблонского.



дился музыкальный инструмент, от которого остались бронзовые бубенчики (12 шт.) и бронзовый молоточек в виде объемной литой фигурки утки. Такой инструмент и сегодня можно встретить в традиционных обществах Казахстана [Джанибеков, 1990, с. 264]*. Было показано [Равич, Яблонский, 2008], что некоторые зеркала из Филипповки были сделаны из горячекованной закаленной бронзы, которая обладает замечательными акустическими свойствами, в связи с чем эту бронзу и изделия из нее называют музыкальными. Нельзя исключить, что такие зеркала в ходе погребального обряда могли служить музыкальными инструментами.

Оба погребенных были накрыты общим покрывалом, нижний край которого был украшен большими мраморными и глазчатой пастовой бусиной.

Женщина лежала на плаще, борта которого были украшены большими золотыми с эмалевыми вставками нашивками в виде тигров (38 шт.) (рис. 8). Парное захоронение является свидетельством одновременности смерти и захоронения обоих субъектов. Нам остается лишь гадать о прижизненных взаимоотношениях этой пары.

5. Воины

Два боковых захоронения в царском кургане 4 принадлежали молодому и пожилому вои-

*Приношу благодарность Д.В. Мещерякову за указание на эту работу.

нам. Сарматские военачальники располагали не только наступательным, но и защитным вооружением. На голове они носили железные шлемы с нащечниками* и наносниками. Такой шлем был найден в кургане 11 Филипповки. Торс был защищен железным или роговым чешуйчатым доспехом на кожаной основе. Основное отличие железного доспеха из Филипповского могильника от большинства известных доспехов – крупные наплечники и сочетание ламеллярных и чешуйчатых пластин и способов крепления у исследуемого доспеха. У большинства скифских или сарматских доспехов наплечники либо небольшого размера, либо отсутствуют в принципе [Рукавишников, Рукавишникова, 2008].

*Этот шлем пока остается уникальным в сарматской археологии. Своим силуэтом он отдаленно напоминает бронзовые греческие шлемы, но в отличие от них выкован из железа. В настоящее время он находится на реставрации у М.С. Шемаханской (ГНИИР). Находки железных шлемов в Восточном Средиземноморье, однако, не известны [Горелик, 1993], что делает вероятным предположение и его местном (приуральском) происхождении.



Рис. 9. Серебряный с золотой инкрустацией колчаный крюк из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото А. Мирзаханова.



Рис. 10. Рукоять и перекрестие железного меча из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото И. Седемькова.

Справа носили короткий железный меч-акинак, на левом боку – горит (набор из зачехленного лука и колчана со стрелами). Количество стрел, от легких до бронебойных, иногда превышало 200 шт. в одном колчане, который пристегивался к портупее посредством прекрасно оформленными в зверином стиле серебряными с золотой инкрустацией колчанными крюками (рис. 9). К гориту крепились золотые конусообразные предметы, которые, вероятно, служили умбонами-утяжелителями или составляли элемент крепления горита к портупее. Любопытно, что изображения точно таких предметов известны по каменным антропоморфным изваяниям скифской эпохи [Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 62]. На правом боку висел на ремне железный боевой топор-клевец. В карманах колчана находились ножи, шилья, кресала, точильные камни и другие необходимые воину предметы.

Точно (по положению наконечника и подтока *in situ*) установлена общая длина сарматского копья с железным наконечником – 3,2 м. Фиксированная длина большинства скифских копий, по данным Е.В. Черненко (1984, с. 233) не превышала 2,3 м. Однако, по мнению этого автора [1984, с. 234], к IV в. до н.э. можно говорить о появлении у скифов длинных «штурмовых» копий-пик, подобных тем, которые обычно связывают с сарматским временем [Хазанов, 1971].

Клинки и рукояти парадных мечей иногда украшали сюжетно и технически сложной золотой инкрустацией. На клинке одного из мечей золотой инкрустацией изображены сцены верховой охоты с копьем и жертвоприношения оленя (рис. 10–12). Меч выполнен в алтайских типологических и изобразительных традициях, а изображения на нем представляют в совокупности записанный с помощью графических изображений миф [Яблонский и др., 2011, в печати].

Пояса и ремни скрепляли золотыми высокохудожественными портупейными пряжками, расположенными в местах перекрестия поясных и портупейных ремней. Одна из таких пряжек выполнена из литого золота в виде фигуры лежащего тигра (рис. 13).

Возвращаясь к теме особенностей погребального обряда, нужно акцентировать внимание на широком использовании в нем массивных железных втульчатых наконечников копий. Пара таких наконечников была найдена в центральном погребении кургана 11, еще один однотипный наконеч-

ник находился на поверхности заплечика могильной ямы погребения 4 кургана 4. Особенно интересный случай представляет наконечник копья из погребения 2 кургана 4. Он был глубоко воткнут в пол в углу погребальной камеры, находясь в вертикальном положении. Копья из кургана 11 тоже были поставлены вертикально, но не воткнуты в дно, а прислонены к стенке могилы.

6. Женщины

Многие захоронения в могильнике принадлежали женщинам*. Поэтому нельзя говорить о том, что могильник Филипповка 1 предназначался только для элитных мужских захоронений. Более того, установлено, что некоторые захоронения в центральной погребальной камере царского кургана 4 принадлежали именно женщинам. Все данные свидетельствуют о высоком социальном положении женщин в обществе ранних кочевников. По богатству инвентаря женские захоронения ничем не уступают мужским. Так, в погребении 3 кургана 16 захоронение женщины сопровождали находки из золота – накладки на пояс, навершия шпилек, золотой литой браслет. Особенно богатым выглядит захоронение женщины в погребении 4 кургана 4. Помимо упомянутых выше наборов из золотых накладок на плащ надо отметить еще драгоценную серебряную амфору из этого захоронения (рис. 14). Амфора вместе с железным мечом была установлена в головах погребенных, очевидно, в качестве жертвоприношения и имела, таким образом, отношение к обоим погребенным. Изображения аналогичных амфор известны на стене на рельефе дворца Дария Великого (V в. до н.э.). Их в виде даров подносят Дарию лидийцы [Балахванцев, Яблонский, 2008].

*В период 2004–2007 гг. все определения пола погребенных по их скелетам были сделаны (с соблюдением антропологических методик) Л.Т. Яблонским.



Рис. 11. Фрагмент клинка железного меча (инкрустация золотом) со сценой охоты из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото И. Седенькова.



Рис. 12. Фрагмент клинка железного меча (инкрустация золотом) со сценой жертвоприношения оленя из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото И. Седенькова.



Рис. 13. Золотая гривна (мужская) из погребения 4 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото А. Мирзаханова.



Рис. 14. Серебряная амфора из погребения 4 кургана 4 могильника Филипповка 1. Фото А. Мирзаханова.

В женском захоронении кургана 15 была найдена помимо прочего деревянная чаша, отделанная накладками из драгоценных металлов [Яблонский, Рукавишникова, 2006]. Еще одна богато украшенная золотом деревянная чаша находилась в предположительно женском кенотафе кургана 29. Ее рукоятка была выполнена в виде фронтального изображения сказочного хищника (рис. 15).

Однако помимо драгоценных украшений женские захоронения в Филипповке сопровождалась и предметами конской упряжи, как это было в том же погребении кургана 15, а также предметами вооружения – в кургане 11 на поверхности бронзового зеркала, которое сопровождало захороненную здесь женщину, лежало множество бронзовых



Рис. 15. Ручка деревянного сосуда из погребения 4 кургана 29 могильника Филипповка 1. Фото А. Мирзаханова.

наконечников стрел (более 40 шт.). Они находились в колчане, от которого сохранились лоскутки кожи. Здесь же – предметы конской упряжи (четыре набора удил и псалиев). В погребении 5 кургана 29 несколько десятков бронзовых наконечников стрел входили в состав вещей в предположительно женском кенотафе*. Как известно, традиция сопровождать женские захоронения предметами вооружения и конской упряжи имеет древние традиции в Южном Приуралье и сохраняется в раннесарматскую эпоху [Стрижак, 2006].

Также издревле на женщин в раннекочевых сообществах были возложены обязанности, связанные с отправлением культов. Эти традиции фиксировались еще для раннесакского времени [Яблонский, 1996], а в Илекском регионе и для савроматской эпохи [Davis-Kimball, Yablonsky, 1995/1996]. Ярким примером продолжения этой традиции в группе, оставившей Филипповский могильник, является женское погребение в подбойной могиле кургана 16.

6. Татуировщицы

Здесь, помимо прочего, был найден комплекс предметов, который включал бронзовое зеркало (на поверхности зеркала сохранились остатки кожного футляра).

Остальные предметы комплекса находились под диском зеркала (рис. 16):

– кожаный мешочек с костяной иглой. Игла костяная с утолщением на тупом конце в виде шляпки, с 7 кольцевидными насечками под ней. Сечение иглы круглое. Длина иглы 10,3 см, диаметр – до 0,5 см, диаметр шляпки 0,7 см. Мешочек кожаный, хорошей сохранности, завязан кожаным шнурком на узел (сначала 3 раза обмотан у горловины, затем завязан узел). Размеры мешочка: высота 5,1 см, ширина – до 2,3 см;

– каменная «палитра» для красок. Она представляла собой плоскую серовато-коричневого цвета песчаниковую плитку подквадратной формы со срезанными углами. По углам имеются круглые плоскодонные выемки диаметром 5,3 см. В центре выемка меньшего диаметра – 2,4 см. Глубина выемок 1,2–1,4 см. Реконструируемые размеры плитки 12,5×12,0 см;

– костяная ложечка для размешивания красок. Изготовлена из ребра животного. Ручка плоская,

*В его состав входили также золотые серьги.



Рис. 16. Набор для нанесения татуировки из погребения 4 кургана 15 могильника Филипповка 1. Фото Л.Т. Яблонского.

имеет по три треугольных отростка с каждой стороны, направленных вершинами вверх (по направлению к черпачку) и в стороны. Черпачок имеет в плане каплевидную форму;

– обломок белемнита;

– железный нож с железной плоской рукоятью и саблевидноизогнутым однолезвийным клинком с загнутым верх концом.

Еще один подобный набор находился в погребении 4 кургана 29. Здесь вместе с бронзовым зеркалом и железной иглой были найдены целая на этот раз каменная «палитра» и каменный пестик-ступка к ней для растирания красок. Надо полагать, что в отличие от пазырыкских вариантов [Руденко, 1953; Феномен..., 2000] ранние сарматы делали татуировки полихромные.

Ранее костяная палочка в кожаном мешочке, найденная в могильнике у с. Сара, была опубликована К.Ф. Смирновым [1964]. Там же опубликован набор для татуировок в могильнике Три Мара, курган 2, погребение 2. Он принадлежал молодой женщине. При ней были найдены также туалетный сосудик, каменная чашечка, бусы серьги, костяная ложечка, костяная игла, зеркало, четыре раковины *grifea*, галька, краски, медный конический предмет.

В условиях сухих степей Оренбуржья органика в погребениях не сохраняется. Но теперь мы можем быть уверены, что традиция нанесения разноцветных татуировок не была чужда и местным кочевникам и что выполняли магические татуировки именно женщины.



Рис. 17. Каменная «палитра» с пестиком-ступкой для нанесения татуировки из погребения 4 кургана 29 могильника Филипповка 1. Фото А. Мирзаханова.

7. Сокровища

Между гробовин в центральном погребении 5 кургана 4 был помещен жертвенный комплекс, который состоял из драгоценных предметов: ритуальный сдвоенный деревянный сосуд с накладными частями из золотого и серебряного листа в виде баранов, бронзовый масляный светильник в виде горбатого зебу [Treister, Yablonsky, 2011], нож с литой серебряной рукоятью в виде фигуры летящего оленя [Semakhanskaya et al, 2009; Трейстер и др., 2011, в печати], золотые детали нагайки и другие.

Все данные говорят о том, что могильник был оставлен популяцией, которую можно типологически отнести к раннесарматским (по традиционной терминологии). Что же касается известной специфики признаков погребального обряда, то ее легче всего связать с этнографическими особенностями данной популяции и ее безусловно высоким социальным статусом в орде кочевников, заселивших Южное Приуралье где-то в середине первого тысячелетия до н.э.

8. Вопросы хронологии

Не имея возможности подробно останавливаться здесь на проблемах хронологии Филипповского могильника (см. об этом: [Яблонский, 2007; 2008а; Мошкова, 2007]), отметим, что для установления даты памятника огромное значение имеют находки импортного происхождения, имеющие аналогии в надежно датированных памятниках Среднего Востока, Средиземноморья и Предкавказья.

«Нижнюю» дату памятника определяют вещи ахеменидского круга или на ахеменидскую тему, найденные, в частности, в царских курганах 1 и 4 Филипповского могильника [Трейстер, 2008]. Уже установлено, что серебряная амфора из погребения 4 кургана 4 датируется второй четвертью V в. до н.э. [Балахванцев, Яблонский, 2008] или серединой V – началом IV в. до н.э. Всего было найдено несколько десятков предметов, сделанных только из золота и серебра. Большинство этих вещей выполнены в традициях скифо-сибирского звериного стиля и представляют собой высокохудожественные образцы декоративно-прикладного искусства V–IV вв. до н.э. В целом для находок из Филипповки можно отметить, что серебряные сосуды ахеменидского стиля датируются в рамках середины V – первой половины IV в. до н.э. и могут быть в основной массе отнесены к изделиям малоазийских и (или) фракийских мастерских [Трейстер, 2008]. По-видимому, именно в этот отрезок времени и укладывается дата Филипповского могильника. Надо только учитывать, что драгоценные вещи, которые датируются указанным периодом, уже являлись антикварными в эпоху сооружения могильника и могли попасть в приуральские погребения несколько позже времени их изготовления. Об этом могут свидетельствовать и следы длительного использования серебряной амфоры (утрата одной ручки и ремонт сосуда) и золотых накладок на плащ, а также литых браслетов из погребения 4 кургана 4 (утрата эмалевых вставок). Сходной точки зрения на датировку памятника придерживается и А.Д. Таиров, который пишет о том, что с его точки зрения, курган 1 могильника Филипповка датируется в рамках конца V – начала IV вв. до н.э. [Таиров и др., 2008].

Однако существует мнение и о более ранней дате кургана 1 Филипповки – вторая половина VI – первая половина V в. до н.э. [Уманский и др., 2005, с. 75–76]. У меня не вызывает сомнений синхронность кургана 1 остальным курганам

памятника. Поэтому этот вывод можно было бы распространить и на весь могильник. Но другие материалы из Филипповки не только не подтверждают его, но предполагают и значительно более позднюю датировку Филипповки. В эти материалы входят не только бронзовые наконечники стрел, которые не исключают дату IV в. до н.э. [Яблонский, 2008б, рис. 1], но и детали конской упряжи, которые имеют близкие аналогии в Предкавказье. К таким деталям относятся, например, двухплоскостные бронзовые псалии (ср.: [The Golden Deers, p. 102; Золотые олени..., с. 46; Канторович, Эрлих, 2006, кат. 118, 119]).

В кургане 13 Филипповского могильника были встречены железные мечи т.н. «переходного типа» и кинжал с зооморфным навершием и, скорее всего, бабочковидным перекрестием [Яблонский, 2008б, рис. 2]. Эта находка подтверждает как будто идею К.Ф. Смирнова [1964] о том, что мечи переходного типа могли бытовать в Южном Приуралье еще в V в. до н.э. Вместе с тем совместная находка меча этого типа с глиняной амфорой, датируемой III в до н.э. [Васильев, Сиротин, 2004] может говорить и о более позднем времени употребления этих мечей.

Переволочанский могильник, обнаруживающий существенные параллели и в признаках погребального, и в некоторых типах сопровождающего инвентаря, датировался авторами раскопок (Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2008) IV в. до н.э. без более подробного уточнения этой даты; в ранней публикации А.Х. Пшеничнюка [1983, с. 84–85] – V–IV вв. до н.э.

Свое мнение по поводу датировки Филипповки А.Х. Пшеничнюк уже высказывал вполне определенно, в том числе, на английском языке [Pshenichnuk, 2001, p. 29–30]. На с. 29 он пишет, что эти курганы были насыпаны в начале IV в. до н.э., причем на протяжении короткого периода – в 20 или 30 лет. Отмечая, что некоторые исследователи склонны датировать памятник V в. до н.э., он соглашается тем, что некоторые драгоценные находки из кургана 1 действительно могли быть сделаны в V в., но в могилы попали позже. Если следовать археологическому принципу «датируй по наиболее поздней находке», стоит, очевидно, присоединиться к мнению А.Х. Пшеничнюка о строительстве некрополя именно в IV в. до н.э.

Таким образом, на сегодняшний день представляется, что датировка могильника в пределах второй половины V – первой половины IV вв. до н.э.

является наиболее предпочтительной. Филипповский могильник при всей его уникальности, справедливо подчеркнутой М.Г. Мошковой [2007, с. 106–107; 2008, с. 94–95], имеет очень близкие аналогии в Переволочанах, а отдельные находки и в других памятниках Приуралья, в том числе в Орских курганах [Савельева, Смирнов, 1972]. Переволочанский могильник, для которого дата IV в. до н.э., не исключена, равно как и для Филипповского, относится, таким образом, к столетию, которое А.Х. Пшеничнюк [1983, с. 79] справедливо, с моей точки зрения, называет переходным для савромато-сарматских памятников.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что хронологическая позиция Филипповского могильника еще нуждается в уточнении на основе тщательного вещеведческого анализа всей совокупности сопровождающего инвентаря. Одним из главных направлений такого анализа должна стать работа с урало-кавказскими аналогиями, поскольку именно эти аналогии позволят уточнить «верхнюю» дату памятника.

Что касается его «нижней» даты, как кажется, все исследователи (за исключением А.П. Уманского с соавторами [2005]) более или менее согласны, но и сибирскую версию надо, конечно же, отрабатывать.

Список литературы

- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины р. Или. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1963. – 297 с.
- Балаханцев А.С., Яблонский Л.Т.** Серебряная амфора из Филипповки // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 143–149.
- Болтрик Ю.В.** Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. – М.: Старый сад, 2000. – С. 129–137.
- Васильев В.Н., Сиротин С.В.** Ново-Мусинский 3 курган // Уфимский археологический вестник. 2004. – Вып. 5. – С. 173–180.
- Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л.** Раскопки могильников Покровка-2 и Покровка-8 в 1992 году // Курганы Левобережного Илека / ред. Л.Т. Яблонский. – М.: Изд-во ИА РАН, Вып. 1. – 1993. – С. 18–55.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д.** Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей / ред. А.Д. Таиров. – Екатеринбург: ЧГУ, 1993. – С. 53–67.
- Горелик М.В.** Оружие Древнего востока. М.: Атлант, 1993. – 336 с.
- Джанибеков У.Д.** Эхо... По следам легенды о золотой домбре. – Алма-Ата: Онер, 1990. – С. 23–28.
- Золотые олени Евразии** / ред. Р.Г. Кузеев, М.Б. Пиотровский, А.И. Шкурко. – СПб.: Славия, 2003. – 63 с.
- Итина М.А.** История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н.э.) // Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции. – М.: Наука, 1977. – Т. 10. – 238 с.
- Канторович А.Р., Эрлих В.Р.** Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. – М.: Гос. Музей Востока, 2006. – 232 с.
- Канторович А.Р., Яблонский Л.Т.** О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // Нижневожж. археол. вестн. – Волгоград: ВГУ, 2009. – Вып. 10. – С. 73–79.
- Мещеряков Д.В.** История изучения курганного могильника у с. Филипповка // Сокровища сарматских вождей (новые раскопки Филипповских курганов): каталог выставки / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: Димур, 2008. – С. 35–40.
- Мошкова М.Г.** О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века Юга России / ред. Л.Т. Яблонский. – М.: Гриф и К., 2004. – С. 147–165. – (МИА; № 6).
- Мошкова М.Г.** По поводу статьи Л.Т. Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья)» // Региональные особенности раннесарматской культуры: мат-лы семинара Центра истории и культуры сарматов / ред. И.В. Сергацков. – Волгоград: ВГУ, 2007. – Вып. II. – С. 100–115.
- Мошкова М.Г.** О научном значении работ Приуральской экспедиции в период 1990–2007 гг. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 90–97.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В.** Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат-лы VII Междунар. конф. / ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. – Ростов/н Д., 2011. – С. 162–167.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.А.** Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. – М.: 1994. – 187 с.
- Пшеничнюк А.Х.** Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
- Пшеничнюк А.Х.** Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. – Препр. – Уфа, 1989. – 21 с.
- Пшеничнюк А.Х.** Переволочанский могильник // под ред. Агеева Б.Б. Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа, 1995. – С. 62–96.
- Пшеничнюк А.Х.** «Царский» курган на Южном Урале // Наука в России. – 1999. – № 3. – С. 12–17.
- Пшеничнюк А.Х.** Погребальный обряд Филипповских курганов // XV Уфим. археол. вестн.: Тез. докл. Междунар. науч. конф. / ред. Н.Л. Моргунова. – Оренбург, 2001. – С. 51–53.
- Пшеничнюк А.Х.** Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии / ред. Р.Г. Кузеев, М.Б. Пиотровский, А.И. Шкурко. – СПб.: Славия, 2003а. – С. 26–37.
- Пшеничнюк А.Х.** Олени Филипповки // Золотые олени Евразии / ред. Р.Г. Кузеев, М.Б. Пиотровский, А.И. Шкурко. – СПб.: Славия, 2003б. – С. 9–32.

- Равич И.Г., Яблонский Л.Т.** Химико-технологическое изучение сарматских зеркал, найденных в курганных могильниках Оренбургской области // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 97–104.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.
- Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В.** Доспех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка-1 (интерпретация комплекса и реконструкции первоначального облика) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 105–116.
- Савельева Т.Н., Смирнов К.Ф.** Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. – 1972. – № 3. – С. 37–45.
- Сиротин С.В.** Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 136–139.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы: История и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 377 с.
- Стрижак М.С.** К вопросу о женских погребениях Приуралья и Поволжья VI–IV веков до н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале / ред. А.Д. Таиров. – Челябинск: ЧГУ, 2006. – С. 90–92.
- Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плещанов М.Л.** Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 139–145.
- Трейстер М.Ю.** Произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Л.Т. Яблонский. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 145–170.
- Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т.** Ахеменидская (?) серебряная рукоять ножа в форме фигуры оленя из Филипповки // РА. – 2011 (в печати).
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.** Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 204 с.
- Феномен алтайских мумий** / В.И. Молодин, Н.В. Полосмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Хазанов А.М.** Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 172 с.
- Черненко Е.В.** Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время / ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. – М.: Наука, 1984. – С. 231–234.
- Юдин М.Л.** Заметка о курганах // Тр. Оренбург. археол.-этногр. комиссии. – 1898. – Вып. 4. – С. 65–71.
- Яблонский Л.Т.** Саки Южного Приуралья. (Археология и антропология могильников). – М.: Изд-во ИА РАН, 1996. – 185 с.
- Яблонский Л.Т.** Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамья эпохи железа // Уфим. археол. вестн. – 1998. – Вып. 1. – С. 8–24.
- Яблонский Л.Т.** Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональ-
- ные особенности раннесарматской культуры: мат-лы семинара Центра истории и культуры сарматов / ред. И.В. Сергацков. – Волгоград: ВГУ, 2007. – Вып. II. – С. 4–36.
- Яблонский Л.Т.** От редактора // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: ОГПУ, 2008а. – С. 5–17.
- Яблонский Л.Т.** Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / ред. Л.Т. Яблонский. – Оренбург: ОГПУ, 2008б. – С. 170–176.
- Яблонский Л.Т.** Прохоровка: у истоков сарматской археологии. – М.: 2010. – 383 с. – (МИАР; № 12).
- Яблонский Л.Т.** Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат-лы VII Международ. конф. / ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. – Ростов/н Д., 2011. – С. 234–240.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В.** Загадка тринадцатого филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничного / ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 38–47.
- Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В.** Реконструкция деревянной чаши из Филипповского могильника // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне / ред. Мурашева и др. – М.: ГИМ, 2006. – С. 38–42.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В.** Могильник Прохоровка-1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // Вестн. РГНФ. – 2004. – № 4. – С. 118–119.
- Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В.** Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка-1 // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / ред. М.Г. Мошкова. – М.: 2008. – С. 199–238. – (МИАР; № 10).
- Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С.** «Золотой» меч из царского кургана 24 могильника Филипповка-1 // ВДИ. – 2011 (в печати).
- Davis-Kimball J., Yablonsky L.** Excavations of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia // Silk Road Art and Archaeology. – 1995/1996. – Vol. 4. – P. 1–16.
- Korykova L., Epimakhov A.** The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. – Cambridge, 2006. – 224 p.
- Pshenichnuk A.** The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // The Golden Deer of Eurasia / eds. J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. – N.Y., 2001. – P. 21–30.
- Shemakhanskaya M.S., Treister M.Yu., Yablonsky L.T.** The Technique of Gold Inlaid Decoration on the 5th–4th Century BC Silver and Iron Finds from the Early Sarmatian Barrows of Filippovka, Southern Urals / eds. M. Guerra and T. Rehren // ArchaeoScience. Universitires de Rennes. – 2009. – N 33. – P. 211–220.
- The Golden Deers of Eurasia** / eds. J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. – N.Y., 2001. – 301 p.
- Treister M., Yablonsky L.** The bronze Lamp in the Form of Reclining Zebu from Filippovka // Kubaba: Arkeoloji-Sanat Tarihi-Tarih Dergisi. – Izmir: 2011. – P. 100–101.

**ИТОГОВАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ,
ПРИНЯТАЯ УЧАСТНИКАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА
«TERRA SCYTHICA»**

17–23 августа 2011 года на полевом археологическом стационаре «Денисова пещера» Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук проходил международный симпозиум «Terra Scythica». Инициаторами и организаторами данного мероприятия выступили Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия), Германский археологический институт (Берлин), Новосибирский государственный университет (Россия). Международный симпозиум был проведен в рамках договора о сотрудничестве между Институтом археологии и этнографии СО РАН и Евразийским отделением Германского археологического института.

Рабочие языки симпозиума: русский, немецкий, английский.

Сопредседатели симпозиума – академик РАН В.И. Молодин (Россия) и профессор С. Хансен (Германия).

В работе симпозиума приняли участие ученые из 11 стран: Болгарии, Венгрии, Германии, Казахстана, Китая, Кореи, Монголии, Польши, России, Украины, Японии. Участники симпозиума представляли:

- академические институты: Институт археологии РАН (Москва, Россия), Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия), Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия), Институт экологии человека СО РАН (Кемерово, Россия), Институт археологии НАН Украины (Киев), Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (Алматы, Казахстан), Институт археологии АОН Китая (Пекин), Институт археологии АН Монголии (Улан-Батор);
- ведомственные научно-исследовательские институты: Германский археологический институт (Берлин), Институт алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия), Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан, Россия);
- университеты: Новосибирский государственный университет, Алтайский государственный университет (Барнаул), Горно-Алтайский государственный университет, Кемеровский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), Свободный университет (Берлин, Германия), Гамбургский университет (Германия), Франкфуртский университет (Франкфурт-на-Майне, Германия), Сегедский университет (Сегед, Венгрия), Ягеллонский университет (Краков, Польша), Новый Болгарский университет (София), Национальный университет Пугён (Пусан, Корея);
- музеи и общества: Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия), Музей Йоза Андрас (Ньиредьхаза, Венгрия), Фонд прусского культурного наследия (Берлин, Германия), Археологическое общество Японии.

В ходе работы симпозиума были заслушаны доклады, касающиеся самых различных аспектов существования и взаимодействия культур скифского времени на территории Евразии. Новые выдающиеся открытия, сделанные в последние десятилетия учеными разных стран на территории Евро-Азиатского субконтинента, а также мультидисциплинарный подход к изучению и анализу источников, позволили на качественно новом уровне взглянуть на происхождение и генезис различных культур скифского

мира, их взаимоотношения, на проблему контактов и миграций. Плодотворные дискуссии проводились по вопросам скифского искусства, этногенетической ситуации в регионе, по проблемам периодизации и хронологии, использования новых методов анализа в археологических исследованиях.

Участники отмечают:

- высокий уровень организации и проведения симпозиума, высокий научный уровень представленных докладов, конструктивный и плодотворный обмен мнениями, корректность и академизм, сопутствующие дискуссиям;
- все более плодотворное использование в археологических исследованиях мультидисциплинарного подхода, в частности, к изучению скифских древностей.

В ходе работы симпозиума участниками был выработан ряд предложений к научному сообществу, отражающих новые тенденции в развитии археологии в целом и скифологии в частности:

1. Считать необходимым регулярно проводить подобные симпозиумы по проблемам эпохи бронзы и раннего железного века Евразии.
2. Просить дирекции Института археологии и этнографии СО РАН, Евразийского отделения Германского археологического института и далее выполнять координационную роль в организации подобных мероприятий, подключая к их проведению заинтересованные научные центры.
3. Всячески способствовать усилению в археологических исследованиях мультидисциплинарного подхода; особенно актуальным считать внедрение геофизических методов в процедуры, предшествующие раскопкам, просить полевой комитет Института археологии РАН отразить данное предложение в Положении об Открытых листах.
4. Считать необходимым оперативно издать материалы данного симпозиума.
5. Просить организаторов симпозиума дать общую информацию о содержании докладов, сути проведенных обсуждений и дискуссий в специализированных изданиях «Российская археология», «Археология, этнография и антропология Евразии», «Вестник древней истории», «Eurasia Antiqua», а также в Интернете и средствах массовой информации, в т.ч. в журналах «Наука из первых рук», «Deutsche Archäologia», газетах «Поиск» и «Наука в Сибири».



Идет заседание симпозиума. А. Сэкия, В.И. Молодин, Э. Иштванович, В. Кульчар, А.И. Иванчик. Фото С.И. Зеленского.



Профессор Ван Вэй отвечает на вопросы. Переводит С.А. Комиссаров.



С докладом выступает Р. Краузе. Фото С.И. Зеленского.



Дискуссии продолжались в кулуарах. А. Наглер и К.В. Чугунов. Фото С.И. Зеленского.



Представители трех научных центров: Санкт-Петербурга (К.В. Чугунов), Москвы (Л.Т. Яблонский) и Новосибирска (Т.А. Чикишева).



У входа в Денисову пещеру. М.В. Шуньков, В.И. Молодин, Я. Хохоровски, Ван Вэй.



Экскурсия на Денисову пещеру.



Выездная экскурсия на афанасьевские курганы.



На афанасьевских курганах. Д.Г. Савинов, С. Хансен, О. Накоинц, Л.И. Слюсаренко.



Экскурсия на пазырыкские курганы.



Короткий отдых в пути и обмен впечатлениями (В. Кульчар, С. Хансен, Э. Иштванович, Р. Краузе).
Фото С.И. Зеленского.



Возвращение с очередной экскурсии. До стационара – рукой подать. Фото С.И. Зеленского.



Экскурсия на палеолитическую стоянку Карама. Фото С.И. Зеленского.



Участники симпозиума на стоянке Карама. Фото С.И. Зеленского.



А.П. Бородовский и В.И. Гуляев на выездной экскурсии.



Стоянка Карам. Кан Ин Ук и О.И. Новикова. Фото С.И. Зеленского.



Учитель и ученики (О.В. Ковалева, В.И. Молодин, Кан Ин Ук).



Неформальное вечернее общение. Н.В. Полосьмак.



Последний день пребывания на Алтае. Двойная радуга – хороший знак!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ВА – Вопросы антропологии
ВДИ – Вестник древней истории
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГМВ – Государственный музей Востока
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИЭС – Историческая энциклопедия Сибири
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры АН СССР
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА – Советская археология
СAAЭ ГЭ – Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии
ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УАВ – Уфимский археологический вестник
УрО АН СССР – Уральское отделение АН СССР
ЧГУ – Челябинский государственный университет
ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН
AArchHung – Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest)
ACSS – Ancient Civilizations from Scythica to Siberia (Leiden, Boston)
BAVA – Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie (Mainz)
JRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz (Bonn)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья (<i>Молодин В., Хансен С.</i>)	5
Бобров В.В. Тагарская культура в северной лесостепи	11
Богданов Е.С. Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства	23
Бородовский А.П. Горная долина нижней Катунь в скифское время	29
Ван Вэй, У Синьхуа. Раскопки могильника Люшуй в отрогах Куньлуна	36
Гуляев В.И. Древности скифской эпохи лесостепного Подонья: новые находки и открытия	45
Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Об изображениях «скифских оленей» в наскальном искусстве и на оленных камнях	53
Иванчик А.И. Еще раз к дискуссии о киммерийцах и хронологии раннескифской культуры	64
Istvánovits E. and Kulcsár V. Actual problems of Scythian Age in the Great Hungarian Plain	77
Кан Ин Ук. Распространение звериного стиля в I тыс. до н.э. на территории провинции Ляо- нин (КНР) и Корейского полуострова в связи с культурой бронзовых скрипковидных кинжалов	82
Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Памятник скифо-сакского времени Тыткес- кень VI: итоги изучения и культурно-хронологический анализ	97
Ковалева О.В. Гравированные изображения на предметах скифского времени Минусинской котловины.	117
Комиссаров С.А. Культура чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР)	121
Krause R. «Fürstensitze» – princely seats. Early Celtic hillforts in Central Europe: status, hierarchy and diversity (6/5th century BC)	130
Махортых С., Ролле Р. Воинские погребения на некрополях Бельского городища.	149
Molodin V.I. Ethnogenesis of the Pazyryk people	155
Мыльников В.П. Архитектура деревянных погребальных сооружений в скифское время (Алтай и сопредельные территории)	172
Наглер А. О стилизованных изображениях оленей на оленных камнях Центральной Азии	178
Nakoinz O. Territorien und zentrale Orte der älteren Eisenzeit	185
Parzinger H. Aržan 2 und die frühe Skythenzeit in Südsibirien	192
Полосьмак Н.В. Птицы в татуировке пазырыкцев	204
Савинов Д.Г. Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте	208
Самашев З.С. Некоторые результаты исследований Берельских курганов	218

Слюсаренко И.Ю. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы.	239
Соёнов В.И., Константинов Н.А., Соёнов Д.В. Особенности топографии и хронология городищ Алтая и северных предгорий.	252
Суразаков А.С. О проблемах реконструкции мировоззренческой модели мира племен пазырыкской культуры.	261
Сэкия А. Бронзовые зеркала и их продвижение на Восток	269
Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации.	272
Hansen S. Grossgrabhügel der älteren Eisenzeit zwischen West und Ost. Eine Annäherung	291
Хохоровски Я. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века.	319
Черемисин Д.В. Еще раз об исследовании мировоззрения пазырыкцев, о семантике искусства звериного стиля и психоархеологической имитации	337
Чикишева Т.А. Физическая антропология ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии	346
Чугунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени	358
Шульга П.И. О контактах населения верхней Оби и Горного Алтая с Синьцзяном и Северным Китаем в VIII–III вв. до н.э.	370
Яблонский Л.Т. Некоторые итоги новейших раскопок могильника Филипповка 1	379
Итоговая декларация, принятая участниками международного симпозиума «Terra Scythica»	393
Список сокращений	405

Научное издание

«TERRA SCYTHICA»

**Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»
(17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай)**

Художественный редактор *М.О. Елисеева*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Корректор *Л.Г. Прокопенко*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 15.12.2011. Формат 64×84/8.
Усл.-печ. л. 47,4; уч.-изд. л. 44. Тираж 300 экз. Заказ № 292.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17